

Гуманитарный университет

**Человеческая жизнь: ценности
повседневности в социокультурных
программах и практиках**

**Материалы X научно-практической
конференции Гуманитарного университета
5–6 апреля 2007 года**

Том первый

**Экзистенциальные ценности начала XXI века:
мировой и российский контексты**

**Социально-психологические условия
и механизмы реализации ценности личности
в повседневности**

**Коммуникативные практики повседневности
в СМИ, PR и рекламе**

**Образы жизни и образы мира
в регионально-цивилизационной динамике**

**Ценность образования
в повседневных практиках**

**Екатеринбург
2007**

УДК 1
ББК 87. 6
Ч 39

Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках: Материалы X научно-практической конференции Гуманитарного университета (г. Екатеринбург) 5–6 апреля 2007 года: Доклады / Редкол.: Л.А.Закс и др.: В 2 т. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т. – 2007. – Т. 1: Экзистенциальные ценности начала XXI века: мировой и российский контексты. Социально-психологические условия и механизмы реализации ценности личности в повседневности. Коммуникативные практики повседневности в СМИ, PR и рекламе. Образы жизни и образы мира в регионально-цивилизационной динамике. Ценность образования в повседневных практиках. – 672 с.

ISBN 5-7741-0085-5

В сборнике представлены философско-культурологические, социально-психологические, политологические, региональные, педагогические аспекты изучения и проявления повседневной жизни людей, ценностей повседневности. И их воплощение в социально-культурных практиках образования, искусства, PR и рекламы, власти и управления в современном обществе.

Рекомендуется специалистам и студентам социально-гуманитарных наук, всем интересующимся проблемами повседневности и ее ценностей.

УДК 1
ББК 87. 6

Редакционная коллегия
д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс
д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
д-р юрид. наук, проф. А. П. Семитко
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
канд. истор. наук, доцент К. И. Зубков
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
канд. экон. наук С. А. Мицек
канд. филос. наук, доцент С. Е. Корчемкин
д-р псих. наук, проф. Е. Б. Перельгина
канд. тех. наук, доцент А. В. Агеносов

ISBN 5-7741-0085-5

© Сборник Гуманитарный ун-т, 2007
© Оформление.
Гуманитарный ун-т, 2007

Содержание

Раздел первый

Экзистенциальные ценности начала XXI века:

мировой и российский контексты.....19

*Повседневность в фокусе и контексте
современных социокультурных практик.....20*

В. Е. Кемеров

Тема и проблема повседневности
в современной философии21

В. П. Беляев, А. В. Дроздова

Повседневность как тема
социально-гуманитарного знания23

А. В. Усачев

Философские и социальные функции
экзистенциальной мысли XX века.....27

Г. Е. Зборовский

Повседневные практики в системе образа жизни.....31

Л. А. Закс

Культура как производство повседневности42

Aat Hougee

The road to happiness56

Aam Хухей

Дорога к счастью60

Е. А. Шуклина

Событие как феномен повседневности
в контексте сетевого взаимодействия.....64

Т. А. Круглова

Ценность человеческой жизни
в современном мире: зачем нужны дети?.....68

О. И. Тарасова

Мировоззренческий кризис цивилизации
и экзистенциальные ценности начала XXI века.....74

К. М. Ольховиков

Проблематизация «не-ценностей»
в аксиологии и повседневности XXI века.....78

И. Б. Фан

Повседневность и новое значение
частной жизни гражданина82

<i>Л. А. Мясникова</i>	
Маргинал как основной тип современного человека и создатель новых ценностей.....	86
<i>Н. Р. Вакулич</i>	
Динамика аксиологических ориентиров личности в повседневности трансформирующегося социума.....	92
<i>А. С. Железнов</i>	
Проблематизация социального различия в контексте современности	96
<i>О. Е. Гимпель</i>	
Культурный капитал в повседневном социокультурном контексте.....	99
<i>Г. А. Брандт</i>	
Пол человека как социальная программа и экзистенциальная практика	102
<i>В. Я. Нагевичене</i>	
Современная семья на пути выбора духовной ориентации: светской или религиозной.....	105
<i>С. В. Ольховикова</i>	
Повседневные ценности в зеркале современной мифологии: синтез архаичного и рационального.....	109
<i>Н. К. Эйнгорн</i>	
Повседневность морали и мораль повседневности	113
<i>И. М. Лисовец</i>	
Искусство как эстетический посредник культуры и повседневности	116
<i>В. А. Гудов, М. Ю. Гудова</i>	
Экзистенциально-экономический статус Нарру End'a и Non finito в произведениях искусства потребительского общества.....	120
<i>Н. В. Курюмова</i>	
Современный танец и повседневность.....	124
<i>Е. В. Рубцова</i>	
Платье для «голового короля»: стратегии взаимодействия в мире искусства.....	130
<i>Г. В. Лебедева</i>	
Практики памятования и забывания в структуре повседневного опыта.....	133

<i>Н. С. Смолина</i>	
Феномен коллективной памяти: от советского к российскому контексту	137
<i>Д. В. Лебедев</i>	
Инновационные практики и техники: аксиологический аспект.....	141
<i>С. Н. Борисов</i>	
Антропологическое измерение современного терроризма	145
Повседневность – ценности	
повседневности – экзистенциальные ценности.....	149
<i>Л. М. Немченко</i>	
Прагматика повседневности.....	150
<i>Е. А. Калистратова</i>	
Ценности повседневности и ценность повседневности	154
<i>Б. В. Орлов</i>	
Экзистенциальный модус человеческого бытия и стратагема трансформации	158
<i>И. А. Оглоблина</i>	
Личностная динамика экзистенциального жанра.....	162
<i>Л. С. Чернов, Е. Ю. Погорельская</i>	
Сакральное современного быта.....	168
<i>И. А. Латыпов</i>	
К вопросу о собственных духовных ценностях людей (философские аспекты).....	173
<i>В. А. Ашимов</i>	
Феномен свободы как возможность самоопределения на пороге XXI века	176
<i>А. Н. Бетев</i>	
Бытие в-месте: топологическое измерение свободы	180
<i>М. С. Ильченко</i>	
Свобода воображения в ценностной системе Великого Отказа.....	184
<i>О. С. Гилязова</i>	
Вымысел повседневности: проблема критериев	188
<i>Е. А. Фоминых</i>	
Значение культуры как экзистенциальной ценности в концепции К. Г. Юнга.....	192

<i>М. А. Фадеичева</i>	
Ценность этноса VS ценность этнического индивида	197
<i>С. В. Дулимов</i>	
Деньги как ценность и мера жизнедеятельности людей.....	201
<i>С. Н. Шевченко</i>	
Социальное дарение как одна из базисных ценностей русской культуры	206
<i>Т. Е. Карулина</i>	
Традиционные основания русских экзистенциальных ценностей	210
<i>Eberhard Scheffele</i>	
What is Important in Life? A Comparison of Values in US and Russia.....	212
<i>Э. Шайффеле</i>	
Что в жизни важно? Сравнительный анализ американских и российских ценностей	215
<i>Е. П. Чайка</i>	
Восприятие повседневности, путь к адекватности.....	219
<i>Л. С. Постояло</i>	
Будущее человечества как экзистенциальная ценность.....	223
<i>А. В. Табатчикова</i>	
Любовь как экзистенциальная ценность начала XXI века...	227
<i>Д. А. Томильцева</i>	
Опыт прощения как ценность.....	229
<i>Т. П. Старых</i>	
Экзистенциальные ценности современного человека: гендерный аспект	232
<i>О. Ю. Балеевских</i>	
Ценность материнства в обществе потребления: пространство экзистенциального выбора женщины.....	236
<i>Л. Г. Ядрышникова</i>	
Девичий альбом как культовый атрибут	240
<i>С. Г. Солдатов</i>	
Профессиональный стресс как следствие потребительской ориентации современного общества.....	245
<i>А. А. Белоусова</i>	
Особенности системы ценностей в молодежной субкультурной среде	247

<i>А. В. Скорняков</i>	
К вопросу о ценностных установках русской бюрократии.....	251
<i>М. В. Мужева</i>	
Корпоративная культура: провозглашаемые ценности начала XXI века	255
<i>Г. М. Абрамов</i>	
Роль танцевального ритуала в формировании духовных ценностей человека	259
<i>Н. Н. Бровка</i>	
Искусство как фактор формирования ценностного бытия повседневности	264
<i>Д. И. Бахтизина</i>	
Постижение музыки как импульс к творчеству	267
<i>Г. С. Сабрекова</i>	
Шекспир в современном музыкальном театре: метаморфоза наследия в контексте культурной повседневности	271
<i>Н. П. Суханова</i>	
Философия как фактор формирования ценностных ориентиров личности.....	274
<i>Е. Н. Сюткина</i>	
Влияние архетипических символов в рекламе на экзистенциальные ценности современного человека	278
<i>А. Г. Мясников</i>	
Права человека как высшие ценности? Философский комментарий к итогам X Всемирного русского собора.....	282
<i>Ю. Н. Рыбьякова</i>	
Ценность человека в этике ненасилия	286
<i>А. В. Колмакова</i>	
Категория «жизни» в биоэтике.....	289
<i>А. Г. Кислов</i>	
Коммуникативный аспект аргументации и современная логика.....	291
<i>А. А. Собанцев</i>	
Лингвистическое значение как ценность: аксиология и лингвистика как основа для изучения современного социального полилога.....	295

Раздел второй

Социально-психологические условия и механизмы реализации ценности личности в повседневности.....299

- К. С. Романова*
Социально-психологические факторы реализации ценности личности в повседневности.....300
- О. Л. Козловская*
Механизмы реализации ценности личности в повседневности.....304
- Е. В. Федорова*
Ценности и организация индивидуального опыта310
- К. Е. Курзова*
Проблема реализации ценности одаренной личности в макро- и микросреде.....314
- Т. Н. Серегина*
Характерологический фактор в общей формуле жизненного успеха личности318
- И. А. Оплетина*
Социально-психологическая компетентность личности как основа взаимодействия в различных ситуациях.....322
- Е. Ю. Николаева*
Предсказуемость поведения индивида в обыденных ситуациях325
- О. Л. Соколова*
Образ города как повседневность в сознании горожан328
- Н. Н. Сулим*
Организационная культура компании как фактор развития ценностей личности.....332
- Н. В. Маметьева*
Социальная идентификация как механизм реализации потребительского поведения личности336
- А. В. Винник*
Формирование идейных представлений в условиях эмиграции: К вопросу о повседневной жизни человека в инокультурной среде (по материалам русской диаспоры в Германии 1920-х гг.).....340
- Н. В. Колбанева*
Гармоничность семейных отношений как основной фактор становления полноценной человеческой личности343

- А. Л. Гельд*
Социально-психологические характеристики развития семейных кризисов.....347
- Т. В. Павлова*
Ребенок в системе семейных ценностей.....351
- Н. А. Доронькина*
Ценностные характеристики образа современного отца в представлении ребенка355
- И. В. Майн*
К вопросу о сложившейся ситуации противоречия между ценностями профессии и требованиями рыночных отношений (на примере специалиста фармацевтической отрасли).....359
- О. В. Мальчева*
Среднее профессиональное образование: новые ценности и повседневные практики362
- Н. Н. Петяк*
Феномен профессиональной компетентности преподавателя.....365
- А. В. Ачина*
Некоторые трудности профессионального становления начинающих психологов-диагностов в повседневной практике.....368
- Р. В. Кончаковский*
Специфика социокультурного подхода к анализу сетевых сообществ.....372
- И. Е. Романова*
Знакомства в виртуальной коммуникативной среде как способ совладания с травматическим опытом.....375
- А. Д. Трахтенберг*
«В жизни настала черная-пречерная полоса»: компенсаторные функции романов Дарьи Донцовой в постсоветском обществе381
- А. А. Яворский*
Ауто- и гетероагрессия как результат изменения чувства деятельности самосознания385
- Н. В. Панова*
Ценностные ориентации молодежи и проблемы наркомании390
- В. О. Лобовиков*
Психотерапия морального долга и ценность человеческой жизни с точки зрения алгебры формальной этики395

<i>В. М. Танаев</i>	
Личность в повседневности (типологический подход)	399

Раздел третий

Коммуникативные практики повседневности в СМИ, PR и рекламе	407
--	-----

<i>С. Г. Дюкин</i>	
Коррекция социальной реальности российскими СМИ	408
<i>Ю. В. Архипова</i>	
Об особенностях российского репутационного менеджмента	412
<i>Е. Б. Войцехович</i>	
Корпоративная культура: трансформация культурного пространства постиндустриальной организации	415
<i>С. Е. Корчемкин</i>	
PR–рынок: некоторые параметры измерений	419
<i>Г. А. Задорина</i>	
GLAMOURные ценности	421
<i>Н. В. Моисеева</i>	
Реклама как механизм социальной идентификации в сфере повседневности	424
<i>Л. П. Пискунова</i>	
Проблема коммуникативных неудач в рекламном дискурсе (межкультурный аспект)	428
<i>А. К. Симонова</i>	
Реклама в социокультурных практиках повседневности	430
<i>Е. А. Щербань</i>	
Эффективность использования коммуникативных систем в создании PR и рекламы	434
<i>И. В. Янков</i>	
Повествовательные практики: методологические основания и прагматический интерес специалистов по рекламе и PR	437
<i>А. В. Балан</i>	
Информационное сопровождение выставки: роль PR-инструментов	440

Раздел четвертый

Образы жизни и образы мира в регионально-цивилизационной динамике	443
--	-----

<i>И. В. Побережников</i>	
Образ жизни в контексте модернизации: методологические подходы	444
<i>О. Г. Бекшенев, Н. М. Севальнева</i>	
Основные направления географического изучения образа жизни	449
<i>Д. В. Суворов</i>	
Общечеловеческие ценности в современном мире как реальность	452
<i>В. М. Танаев</i>	
Этнопсихологические модели мира (типологический подход)	462
<i>И. Е. Левченко</i>	
«Внеповседневность»: погребальные практики	467
<i>И. Н. Борисова</i>	
Речеповеденческая модель «примирение» в русской коммуникативной практике	472
<i>С. Ф. Идрисова</i>	
Элитарная преступность в свете социологической теории	476
<i>И. А. Вертипрахова</i>	
Речевой жанр как средство организации коммуникации в социокультурном пространстве	481
<i>А. В. Мирча</i>	
Исторические аспекты формирования образа полового равенства в японском обществе и особенности восприятия заимствованного слова «гендер»	488
<i>А. С. Рябов</i>	
Бессознательная нация: россияне в поисках идентичности	491
<i>О. В. Зылева</i>	
Проблема интеграции иммигрантов в российское общество	495

<i>С. С. Беляков</i>	Историческая миссия хорватского народа в представлениях хорватских националистов межвоенного периода.....	498
<i>Л. С. Слободяник</i>	Роль имперского прошлого в формировании британской идентичности.....	502
<i>А. Х. Тикуев</i>	Образ императорского Китая в царской России.....	507
<i>Н. А. Сафронова</i>	Рост благосостояния населения Китая как фактор трансформации традиционного образа жизни.....	510
<i>Д. Е. Москвин</i>	«Самодержавие народа»: тезисы contra.....	514
<i>О. С. Борисова</i>	История. Легитимность и революция.....	518
<i>А. С. Ваторопин</i>	Механизм передачи власти в современной России: проблемы и перспективы.....	520
<i>О. А. Куликова</i>	Тенденции развития политических партий в современной Великобритании.....	524
<i>М. И. Колегова</i>	Политические партии в жизни объединенной Германии	528
<i>Т. Е. Комаровская</i>	К проблеме социологического анализа имиджа региона	532
<i>Е. Л. Горбунова</i>	Политические субкультуры регионов Италии	535
<i>К. И. Зубков</i>	Синкретизм формирующихся региональных культур в условиях Севера: к постановке проблемы.....	539
<i>А. А. Коралев</i>	Советский мусульманин (по материалам поволжья).....	543
<i>А. В. Морозов</i>	Образ жизни казанских безработных в 1920-х гг.....	547
<i>В. Н. Земцов</i>	«Черная книга Кармартена»: пророчества мирддина.....	551
<i>И. А. Зубкова</i>	Роль образования в развитии межобщинного диалога в Северной Ирландии	555

Раздел пятый

Ценность образования в повседневных практиках.....559

<i>Н. Л. Антонова, Т. В. Кузьменко</i>	Образовательные потребности педагогов дошкольного образования	560
<i>С. В. Архипова</i>	Идея преемственности в повседневных образовательных практиках	563
<i>Н. В. Богданова</i>	Ценностный аспект образовательных программ в сфере бизнеса	566
<i>О. В. Брагина</i>	Ценности музыкальной культуры современной российской молодежи.....	570
<i>В. Н. Варламенков</i>	О кратосоциообразовательном поле исследований	573
<i>Г. В. Вельтищева</i>	Задачи бизнес-образования в России.....	576
<i>Л. М. Дормидонтова</i>	Образование как фактор успешной адаптации индивида в социуме	580
<i>М. В. Заичко</i>	Роль иностранного языка в повседневных практиках.....	583
<i>Л. Б. Захарова</i>	Нравственные основы педагогической деятельности в вузе.....	585
<i>Е. Н. Зольникова</i>	Ценность иностранного языка в воспитании личности	588
<i>К. Н. Зыков, Н. В. Зыкова</i>	Ценности образования в повседневных практиках.....	590
<i>Г. В. Клименков</i>	Профилизация как ценностный аспект модернизации образования	594
<i>А. С. Кожемякин</i>	Система образования как область сохранения «ценности безопасности».....	598
<i>Е. Б. Кононова</i>	Ценностные ориентации студенчества на нетрадиционные формы семейно-брачных отношений.....	601

<i>Е. В. Кушинова</i>	
Качество образования в повседневных практиках: социологический подход.....	605
<i>Е. А. Левина</i>	
Школьная среда и творческая реализация учащихся.....	608
<i>А. Н. Лушников</i>	
Виртуальные кредиты как экономический барьер «утечки мозгов»	611
<i>М. Ф. Мажеева, Л. А. Мясникова</i>	
Маргинал как продукт высшего образования в современной России.....	617
<i>А. И. Матвеева</i>	
Перспективы развития гуманистической функции гуманитарного образования в современных российских вузах	621
<i>И. А. Медведева</i>	
Цели и ценности образования.....	624
<i>М. М. Писарева</i>	
Концепция социальной идентичности В. Ядова – Е. Даниловой.....	627
<i>Е. П. Пьянзина</i>	
Дистанционное образование как фактор социокультурных изменений.....	630
<i>А. В. Севастеенко</i>	
Дискурс образования как субординация идентичности	634
<i>М. В. Семенова</i>	
Творчество как цель и ценность образования	638
<i>Л. В. Тарасова</i>	
Проблема формирования психологической компетентности будущего управленца.....	642
<i>И. В. Тесленко</i>	
Современные требования к профессиональному образованию.....	645
<i>Н. Б. Тейтельман</i>	
Потребности в образовании студентов негосударственных вузов: социологический анализ	649
<i>С. Ю. Третьякова</i>	
Роль психологического сопровождения в социализации дошкольника	653

<i>Е. М. Удовиченко</i>	
Ценность образования и некоторые его проблемы в современной практике бытия	656
<i>Т. В. Филипповская</i>	
«Образовательные тупики» и вузовское образовательное пространство.....	660
<i>Т. Ф. Шитова</i>	
Повседневные образовательные практики в вузах как социологическая проблема	664
<i>Е. П. Шихова</i>	
Дети в семье – иметь или не иметь: социологический анализ	668

Раздел первый

Экзистенциальные ценности начала XXI века: мировой и российский контексты

В. Е. Кемеров*

Тема и проблема повседневности в современной философии

Повседневность в фокусе и контексте современных социокультурных практик

Влияние повседневности на науку, на формы интеграции ее представлений о человеческом бытии, а следовательно, и на общую картину социального мира, становится явным, когда мировоззренческое значение повседневности сравнивается со значением науки, а то и превышает его, соответственно снижая авторитет научного знания. Происходит это в последней четверти XX столетия.

В предшествующий период опыт повседневности был своего рода тенью (по отношению к науке) знанием, а еще раньше — до середины XIX в., он расценивался как низшая ступень знания, как сырье, требующее переработки в лаборатории профессионального ученого.

Философ классической эпохи взирал на мир обыденности сверху вниз, отсеивая своим взглядом субъективное, случайное, индивидуальное, отбирая отчетливые и ясные формы.

Ученый классической науки смотрел на обыденность со стороны, выделяя в ней закономерности и регулярности, выбирая из нее крупинки фактов и накапливая эти факты как богатство, отличное от хаоса повседневности. «Люди не ведают, что творят, и только взгляд постороннего исследователя может дать объективную картину их жизни».

В последней четверти XX столетия повседневность попадает в «фокус» всех социально-гуманитарных дисциплин. Она диктует предметы и методы теперь уже не только гуманитарно ориентированным направлениям исследований, но и социальным наукам (вроде социологии и даже экономики), которые еще совсем недавно придерживались классических объектных воззрений относительно устройства социального бытия.

* **Вячеслав Евгеньевич Кемеров** — профессор, д-р филос. наук, зав. кафедрой социальной философии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Представления людей о предметах их повседневных забот оказываются важнее предметно-методологического разделения между дисциплинами обществознания. Люди в своей обычной жизни являются стихийными холистами. Они не разделяют проблему выживания, самоидентификации или устойчивого развития на психологический, экономический, культурологический и социологический аспекты. Они нуждаются в знании, в том числе и в научном знании о своей повседневности, но это знание должно быть вписано в масштабы их опыта, адаптировано к его формам. Систематизация этого знания происходит не по стандартам разделения и связи социально-гуманитарных дисциплин, а под действием проблем, вопросов и проектов, которые вырастают из практики повседневной жизни.

Погружение социальных наук в повседневность ведет к их неизбежной гуманизации. Но у этого процесса есть оборотная сторона: «снижение» социально-гуманитарных наук – и в смысле утраты привилегированной по отношению к обыденности позиции, и в смысле снижения их мировоззренческого авторитета в обществе, и в смысле снижения уровня методологических стандартов. Взгляд социолога со стороны, который он обосновывал соображением «люди не ведают, что творят», оказывается одним из вариантов повседневного представления социального бытия. Социолог, как и другие, «ведал, что он творил», только он придавал своим представлениям особый вес, как бы сдвигая на периферию обыденные представления. Теперь ситуация меняется. Образы научного знания становятся в ряд с другими картинами повседневного бытия, и их обоснованность, доброкачественность, продуктивность должна быть доказана во взаимодействии с другими представлениями повседневности.

Погружение обществознания в мир повседневности вызвало массу эффектов, в частности усилило позиции критиков научной рациональности, феноменологов и психологов, настаивающих на непосредственном переживании жизни «здесь и сейчас». Однако более важным для самого научного обществознания стала конкретизация его взглядов на мир повседневности. Оказавшись «внутри» этого мира, обществознание, обладающее различными средствами фиксации и описания социального бытия, по ходу своего погружения в обыденность отобразило многообразие этого мира, его неоднородность, его несводимость к некоей абстрактной характеристике повседневности. Повседневность «в общем виде» – напоминающая, кстати, метафизическое представление бытия или социальной реальности «в общей форме» – перестала существовать.

В. П. Беляев*, А. В. Дроздова**

Повседневность как тема социально-гуманитарного знания

В современном гуманитарном знании, в науке о человеке важен не только теоретико-познавательный аспект, но и жизненно-практический, вернее, их совместимость. Поэтому, рассматривая повседневность как тему, исследователи с очевидностью ставят вопрос: что дает изучение повседневности? В этой связи необходимо отметить тот факт, что многие зарубежные и отечественные исследователи, пытаясь найти ускользающую *differentia specifica* («клеточку», «атом») повседневности, обратились к выяснению механизмов или основных парадигм ее существования – таких как иллюзорность, абсурдность, синкретичность, телесность и др. (См., например, А. Я. Пучков «Имитационная реальность: онтогносеологический анализ»).

Интерес к теме повседневности связан с преодолением традиционного объективистского, при этом отчужденного, понимания социальной реальности, когда из века в век, из эпохи в эпоху богатство и разнообразие индивидуальной человеческой жизни помещалось в прокрустово ложе общепринятых схем и моделей. Кризисы и катаклизмы индустриального общества и возникший в философии феноменологический подход сделали повседневность особым объектом изучения. Именно здесь возникает сформулированная Гуссерлем противоречивая ситуация – повседневность есть, и ее нет, повседневность является объектом рефлектирующего сознания, и в то же время она ускользает от рефлексии. Эту ситуацию и Гуссерль, и Витгенштейн пытались разрешить в области языка или языковых игр, но еще более усложнили ее, сделав логически и теоретически неразрешимой.

* **Владислав Петрович Беляев** – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Уральской Горно-геологической академии (г. Екатеринбург).

** **Алла Владимировна Дроздова** – канд. филос. наук, доцент кафедры рекламы Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

В противоположность логическому позитивизму М. Хайдеггер, К. Ясперс и др. экзистенциалисты сделали попытку рассмотреть повседневность через некие «экзистенциалы», так сказать «островки бытия», переживаемые и проживаемые человеком. Повседневная обычная жизнь событийна, ее текучесть, длительность не нарушается, пока не происходит какое-либо выходящее за рамки событие. Нарушение событийного ряда (экзистенциальная ситуация) создает прецедент для анализа повседневности. Такого рода «провокации» существуют не только в практике человеческой жизни (ситуация выбора), но и в философско-познавательной и художественных сферах. Примером здесь могут служить работы экзистенциалистов Камю и Сартра, а также бессмертный роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Осознав свое одиночество, заброшенность, временность, человек создает проекты своей индивидуальной реальности. Судьба человека делается «здесь и сейчас», в каждом пограничном моменте нашего существования. Решения, принимаемые человеком, вряд ли будут однозначными в силу многополярности самого бытия и открытости самого человека миру. А. Камю в «Бунтующем человеке», не исчерпывая всех вариантов выбора, говорил о трех основных: бегство от реальности, эскапизм (например, модное сейчас ностальгирование об ушедших «золотых годах»), соединение с реальностью до полного растворения в ней (социальный конформизм), несогласие с реальностью, бунт (создание идеальных моделей будущего, различные социальные утопии).

Мы видим, что повседневность колеблется на грани между двумя временными характеристиками: прошлым и будущим. Ситуации, с которыми сталкивается в жизни человек, требуют соответствия с традицией, обычаем, нормой (то, что Л. Ионин называет «переопределенностью ситуации»). Ненормальные с точки зрения обыденной жизни ситуации, вызывающие неловкость, стыд, агрессию, требуют адаптации, гармонизации. Но существует много ситуаций, которые человек не в силах разрешить на чувственно-рациональном уровне, обращаясь к общественному или личному (прошлому) опыту. В этом случае сфера повседневности нарушается, переходя в другие области – фантазии, веры или психологической фрустрации. Стандартный метод «обыденной интерпретации» (превращение непонятного в понятное, невозможное в возможное) не всегда срабатывает. Очень часто мы имеем дело с различными мистификациями, ошибками при передаче информации,

как в песне о покорителях космоса, когда «невозможное стало возможным – нам открылись другие миры», возникает иллюзия о безграничных возможностях ограниченного, массового человека.

Преодоление предметно-телесной закреплённости человека в его индивидуальном бытии (А. Шюц) невозможно без имитации, иллюзии, выхода в другие сферы, граничащие с повседневностью (религия, сон, игра, научное теоретизирование, художественное творчество, мир душевной болезни). Это наличие возможных миров повседневной жизни человека (миров опыта) придает повседневности уникальность, неповторимость, и при этом трагичность и противоречивость.

Повседневность как совокупность традиционных, то есть уже «ставших», усваиваемых в процессе воспитания, типов суждения и действия делает жизнь человека безопасной, комфортной. Как говорил Ортега-и-Гассет, человек утратил «чувство кораблекрушения», его жизнь отяготилась «грузом», «мусором» цивилизации. Сегодня мы постоянно сталкиваемся со знакомой ситуацией кризиса культуры и коллективного опыта. «Смертельную тоску» цивилизации хорошо выразил М. Мамардашвили, отмечая, что «в современном мире чрезвычайно разрослись опредмеченная сторона человеческой деятельности и предметно закреплённые силы человеческого общения». Абсурдность индивидуального существования человека проявляется не только в его подавлении техническими достижениями цивилизации, но, прежде всего, в том, что социальные связи отчуждаются от человека, теряют свой устойчивый смысл, все больше становясь иллюзорными, превращёнными.

Современный социальный мир с его метаморфозами, перевертыванием ценностей все больше настроен на сознательное производство иллюзий. Человек, испытывая ужас одиночества, страх, неуверенность, пытается обрести свою идентификацию в общественных сферах, по мнению Д. Белла, таких как – религия, труд и духовная культура. Но современные массовые формы человеческого существования – театральность, публичность, оказываются еще одной формой одиночества, возведенной в «квадрат тотальности» (от отечественных и зарубежных сериалов до Интернет-тусовок).

Известный теоретик информационной эпохи М. Кастельс говорит о том, что духовная культура все больше принимает характер виртуальной реальности, а реальный мир – это один из возможных

миров. Имитированная при помощи компьютерных средств реальность превращается в бесконечное поле игр, развлечения и опосредованного общения. При этом новая информация, несущая кажущуюся свободу и развлечения, сохраняет функцию управления человеком. Невольно происходит абберрация культурного контекста, искусство и культура, создавая новые нетрадиционные виртуальные коммуникации, служат своего рода «матрицей реальности», выстраивая новый тип повседневности.

Изменяясь исторически, повседневность порождает и новый опыт, и новые ценности, и новую «среду обитания» человека, что в совокупности приводит к изменению окружающего мира и самого человека. Поэтому бесспорным становится тот факт, что повседневность и ее интерпретации являются основой и необходимым условием для изучения социальной реальности.

А. В. Усачев*

Философские и социальные функции экзистенциальной мысли XX века

Весь прошлый век прошел под знаком двух главных гуманитарных программ – психоанализа и экзистенциализма. Первый и по сей день является основой не только научных, но и бытовых медицинских, коррекционных и интеллектуальных практик, предметом которых выступает западная семья, литература, философия, кино и т. д. Экзистенциализм был настолько авторитетен и популярен, что, с одной стороны, в его ряды ставили М. Хайдеггера¹, пытаясь отчасти тем самым причислить его к наиболее понятному стилю мышления послевоенного времени. С другой – этот термин был символом упадничества, особым интеллектуальным утонченным декадансом, смысл которого состоял в том, чтобы мрачно и реалистично констатировать ряд обстоятельств естественной границы человеческого существа – смерти и его сущности в постиндустриальную эпоху – неподлинности бытия².

Дискурсивные практики обоих направлений полностью учтены бинарной парой сознание/бессознательное, проникшей во все когнитивные и коммуникативные сферы западной цивилизации. Демонизация З. Фрейдом бессознательного открыла некие формы неисчерпаемости творчества, прогресса, наступающего на тени прошлого, проливающего свет на истоки человеческой психики. Фрейд, как известно, не брался за задачу точного определения сознания, остановившись на дескриптивных процедурах различных психических явлений. Эту работу взяла на себя феноменология – одна из самых технически сложных школ мысли, которая кроме

* **Александр Владимирович Усачев** – канд. филос. наук, доцент (г. Елец).

¹ Интервью с Хайдеггером // М. Хайдеггер. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. 192 с.

² *Жан-Поль Сартр*. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. 398 с.

специально философских вопросов ставила также перед собой задачу возвращения человеку его предметного мира, не искаженного многочисленными теориями. Феноменология, став, по словам М. Хайдеггера, единственной онтологией XX века, сохранив контуры отдельной философской школы, создала предпосылки для разных, одинаково глубоких, но по-разному популярных направлений. На соединении с католицизмом возникла религиозная антропология М. Шелера. В контексте наиболее актуальных вопросов философии и истории науки вызревало творчество А. Койре. В русскоязычной мысли феноменология была представлена позитивно и негативно. В положительном смысле идею полного приятия и распространения основных исследовательских принципов развивал Г. Шпет. В рамках полемики и критики феноменология получила оппонента в лице Л. Шестова, которому его несогласие с очередным витком рационализма в феноменологическом движении не мешало быть одним из самых близких друзей основателя этой школы Э. Гуссерля. Но, пожалуй, виднейшее место в истории философии и культуры XX века занимает результат органичного сплава постгегелевских идей С. Кьеркегора, левой идеологии – социальной антропологии К. Маркса и феноменологии. Речь идет об экзистенциализме.

Самой яркой функцией экзистенциализма была экспликация бытия человека в терминах философии. Для этого была выполнена одна из самых решительных философских задач прошлого века – смена понятийно-категориального языка на словарь экзистенциалов, которые были призваны сделать внутреннюю жизнь человека, сферу возможного, а не действительного, субъективного, а не объективного сферой всемирно-исторического уровня. В такой интенции раскрывается двойственный результат. Такие экзистенциалы, как «забота», «тревога», «смерть», «молва» и др., давали возможность проникнуть в те уровни бытия и сознания, которые ускользали от категориального языка немецкой классической философии. В то же время, не подвергая критике свои онтологические основания, экзистенциализм остался в зависимости от классического рационализма, смены субъекта и предиката в теоретическом положении Гегеля «Сущность есть основа существования», и, получив программный тезис «существование есть основа сущности», активисты этого направления в еще большей степени выражали установки рационализма. В этом смысле экзистенциализм приобрел зеркальное отражение всех прокомментированных «недостатков» клас-

сической философии. Предпослав сущности существование, он, например, не разрушил западную схему образования, которая инвестирует в подрастающее поколение некую сущность в виде информации (с оговоркой, что жизнь сложнее), а после дает социальную легитимацию индивидуальному бытию человека, гражданина. Утверждая доминирование ситуации, сиюминутного бытия в формировании решений человека и его воли к трансцендированию за социальность, за индивидуальную ограниченность, экзистенциализм оказался в том же качестве, в котором обвинял рационализм, а именно в нереалистичном отражении действительного положения дел, той социальной онтологии, которая транслирует качества на все остальные стороны бытия западного человека.

Вторая важнейшая функция экзистенциализма касается секуляризации традиционной христианской тематики. Здесь успех этого направления можно признать более существенным, нежели результаты борьбы с классическим рационализмом. Смысл секулярной работы вообще Ю. Хабермас толкует как выведение содержания библейских понятий за пределы религиозного сообщества, что делает их достоянием инаковерующих и неверующих³. Такие содержания не являются новыми для культуры, но их трактовка, которая захватывает новые классы и поколения, обретает свойства методичного и очень эффективного повторения уроков прошлого, а самое главное – восстанавливает субстанциальную связь между прошлым и будущим в сознании поколений, которые диагностировались как патологически индивидуализированные и разочарованные. Речь идет об известном положении В. Франкла, отметившего, что молодежь середины XX века не доверяет культуре и отчуждена от своей физиологической и инстинктивной природы репрессивными социальными практиками⁴. Потерянность и надежда на самого себя остались единственными бытийными характеристиками, исключительность которых преодолевалась в текстах и общественной деятельности экзистенциалистов. Возобновление тематики заброшенности, странничества и одиночества человека, восстановление статуса категорий Я, Ты, Другой в сознании этих поколений не были в буквальном смысле открытиями и новыми

³ Ю. Хабермас, *Йозеф (Бенедикт XVI) Ратцингер*. Диалектика секуляризации. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. С. 68

⁴ В. Франкл. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 367 с.

шагами в культуре и философии. Все они были красками, созданными задолго до того, но которыми удалось нарисовать портрет человека постсовременной эпохи. Он обладал важнейшим свойством — он был узнаваем для тех, с кого был срисован, и теми, кем пристально рассматривался.

Еще одной важнейшей функцией экзистенциализма можно назвать его открытость нетривиальной для философии тематике, новым для нее жанрам и техникам письма. Литературные тексты, «новая волна» в кинематографе, киносценарии, активизация в быденном языке — все это приметы экзистенциального движения. В самом деле, трудно себе представить людей, далеких от философии, использующих ярлыки «гегельянец», «кантианец», «логический позитивист» и т. д., но вот словарь экзистенциализма прочно вошел в понятийные структуры самых широких слоев общественности, осмысляющей так или иначе гуманитарные аспекты своей эпохи. «Экзистенциалист», «тревога за свое бытие», непсихологические трактовки страха, эпитеты просвета, парадокса, свободы были и остаются выразительными средствами в обществе.

Г. Е. Зборовский*

Повседневные практики в системе образа жизни

В последние годы в социально-гуманитарных науках заметен растущий интерес к проблемам повседневности. В этом нет ничего удивительного. Как показывают социологические исследования, происходит отчуждение значительной части населения страны от так называемых «больших» (и больных также) проблем общества. Людей все меньше волнуют разговоры об улучшении экономической ситуации в стране, имитация политического противоборства, декларации о развитии демократии, сопровождающиеся активным внедрением авторитарных начал через выстраивание Кремлем так называемой «вертикали власти», и др.

Конечно, нельзя сказать, что к этой проблематике вообще утрачен всякий интерес. Он есть, но проявляется в весьма своеобразной форме проекции ситуации в стране на повседневный жизненный мир. Большую часть населения эта ситуация волнует лишь тогда, когда затрагивает повседневные жизненные практики. Полоса социальной заинтересованности в решении крупных проблем, охватившая российское общество с конца 80-х до конца 90-х гг., сменилась в XXI в. безразличием значительной части населения ко всему, что не касается непосредственно повседневного образа жизни людей.

Этой социальной апатии способствует и другая тенденция — превращение российского общества в потребительское. Повторяется путь развитых западных стран, который был пройден ими 40–50 лет назад, но, разумеется, с учетом российской специфики. В современном российском обществе происходит резкое усиление ориентации значительной части населения на потребление как доминирующую ценность. Распространение потребительского образа жизни оказывается тесно связанным с активно внедряющимися в

* *Гарольд Ефимович Зборовский* — д-р филос. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, декан социологического факультета Гуманитарного университета, зав. кафедрой социологии (г. Екатеринбург).

стране рыночными практиками. Их основным субъектом становится, в первую очередь, слой (или даже класс) предпринимателей (мелких, средних, крупных), общая численность которых составляет, по данным статистики, около 1,5 млн. человек, а вместе с семьями – более 5 млн. Рыночные практики в различных формах повседневности втягивают в свою орбиту и значительную часть наемных работников.

Активизация потребительских ориентаций приводит к ослаблению творческих начал деятельности и частичному отказу людей от привычных в прошлом практик повседневной жизни, включая самые разные их формы и виды, вплоть до бытовых и культурно-досуговых. Наблюдается заметное изменение ценностных ориентаций, свидетельствующее о смещении ценностных начал в структуре образа жизни. Одни ценности-цели, терминальные по своему характеру, заменяются другими ценностями-средствами, имеющими инструментальную природу.

С учетом названных и иных обстоятельств жизненные реалии приводят к возрастанию научного интереса к проблемам повседневности. В социально-гуманитарных науках, в частности в социологии, по существу конституируется новая отрасль знания – социология повседневной жизни (социология повседневности), которая еще не успела утвердиться на уровне отечественных монографий, учебников, словарей и энциклопедий. Предмет этой отрасли лишь формируется, включая в себя самую различную проблематику – от повседневного образа жизни до советской коммунальной квартиры как социального института, от приватности социального пространства до изучения тела и даже нижнего белья в отечественной социологии и культуре. Проблема приватности (действий, отношений, вещей и др.) становится одной из наиболее заметных в социологии повседневности.

В западной литературе эту отрасль социологической науки рассматривают как область микросоциологии, связанную с анализом практик, взаимодействий и культурной организации повседневной жизни. В рамках названной отрасли подвергаются критике анонимность, отчужденность и отдаленность от индивида таких макроинститутов, как экономика, политика и государство. Все это актуально как для реалий нашей страны, так и для изучения повседневной жизни в российской социологии.

В зарубежной социологии накоплены традиции исследования повседневности, идущие от феноменологии и этнометодологии, где

ее изучение играло фундаментальную роль. Именно в феноменологии (Э. Гуссерль, М. Шелер, А. Шюц) было разработано понятие жизненного мира, которое использовалось для обозначения мира повседневности в том виде, в каком он представлялся обычным людям. Жизненный мир – это целостная структура человеческой практики, это то, чем люди живут, имея об этом часто смутное, непроясненное, нерелефированное знание. Обратившись к изучению жизненного мира как мира повседневности, наука, по мнению представителей феноменологии, совершит определенную редукцию по отношению к самой себе, поскольку уйдет от изучения лишь научной картины мира и обратится к его донаучным значениям, т. е. к миру повседневной жизни.

Для феноменологической социологии повседневный жизненный мир стал главным объектом социологического исследования. Он рассматривается как реальность, противоположная миру ученых (включая социологов), создающих теории и имеющих дело с абстрактными категориями. Жизненный мир – это культурно-исторический мир, точнее его образ, который дан сознанию индивида. Следовательно, это тот мир, который выступает как сфера непосредственно переживаемого опыта.

Повседневные практики в рамках феноменологической парадигмы характеризуются как не проблематичные. Они осмысливаются с позиций само собой разумеющегося восприятия. Вопрос об объективности этих практик, возможности их существования вне человека считается некорректным по одной главной причине: они конструируются в качестве реальности самими людьми (П. Бергер, Т. Лукман). Подчеркивается, таким образом, активная роль человека, повседневное взаимодействие которого с другими людьми связано с привычными типизациями реальности.

П. Бергер и Т. Лукман выделяли среди множества реальностей одну как наиболее значимую – реальность повседневной жизни. Она представляется как intersubjective мир, т. е. мир, который человек разделяет с другими людьми. В этом мире господствует повседневное знание, т. е. знание, которое человек разделяет с другими людьми в привычной самоочевидной обыденности повседневной жизни. Ее реальность, считают социологи, конструируется intersubjectively человеческим сознанием. Поэтому вопрос о качественном различии между объективной и субъективной реальностью повседневной жизни, по существу, снимается.

Социология повседневной жизни нашла свое отражение в целом ряде концепций второй половины XX в., среди которых следует назвать теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса, драматургическую социологию И. Гофмана, теорию отчуждения А. Лефевра, теорию габитуса П. Бурдьё. Последний использовал понятие габитуса для характеристики мира повседневности, который социолог рассматривал как систему определенных практик, выражающих наши основные диспозиции (предрасположенности, предпочтения и вкусы) в отношении предметов, ценностей и вещей. Габитус трактуется П. Бурдьё как организация человеком повседневных практик, включающих не только поведение, но и эмоции людей. Это их определенная реакция на повседневность, позволяющая структурировать социальную реальность через систему различий в предпочтениях человека. Вследствие этого габитус производит практики и представления, поддающиеся классификации и объективному дифференцированию.

Понятие повседневных практик для П. Бурдьё всегда было одним из центральных, идет ли речь о его теориях социального пространства, социального поля, капитала, габитуса. Это понятие имеет у него несколько аспектов и значений. Конечно, повседневные практики – это содержание и результат деятельности ее активных субъектов (по Бурдьё, агентов). При этом имеются в виду и сами социальные действия, и коммуникации, возникающие между агентами в связи с такими действиями, и социальные формы, «творимые» практиками. Но не только. Практики, как часто подчеркивал Бурдьё, – это осуществление социальных структур. Последние являются главными причинами повседневных практик. Таким образом, они реализуют своеобразное двойное структурирование социальной действительности: вначале как источник габитуса, через него – системы представлений, затем – будучи его результатом – самой структуры реальных отношений.

С повседневными практиками тесно связано понятие образа жизни, которое в последние годы реанимируется как в западной, так и в отечественной литературе. Но причины этой «реанимации» разные. На Западе никогда от этого понятия не отказывались, еще со времен его активного использования немецкими социал-демократами и их лидером – В. Брандтом. В последние годы интерес к повседневному образу жизни заметно усилился в связи с актуализацией проблематики качества жизни.

Вопросы качества повседневной жизни стали волновать и российских исследователей (особенно в связи с ухудшением экологической ситуации, проблемами здравоохранения, питания, образования и др.), что привлекло их внимание к повседневному образу жизни различных социальных групп (страт) в стране. Но предыстория актуализации этого интереса в нашей стране и отечественной науке совсем не такая, как на Западе.

На протяжении примерно 15 лет (вторая половина 70-х – 80-е годы прошлого столетия) проблема образа жизни была одной из центральных в отечественной социологии, в то время появились десятки монографий и тысячи статей, посвященных ее изучению. Однако с такой же внезапностью, с какой проблематика образа жизни актуализировалась, она вдруг сошла с журнальных полос. Перестали, естественно, выходить и книги на эту тему.

«Ларчик» открыть было не сложно: исследования в своем большинстве имели явно выраженный идеологизированный и ангажированный характер, в них шла речь не столько о реальных проблемах и противоречиях образа жизни различных социальных общностей в нашей стране, сколько подчеркивались особенности и преимущества социалистического образа жизни в сравнении с буржуазным. Сам же способ жизневыражения личности в повседневных практиках показывался с сугубо позитивных и оптимистических позиций. Поскольку ситуация в стране в 90-е годы резко изменилась, последовал проблемный «откат». Именно так сложилась судьба исследований образа жизни в России.

Насколько оправданным был этот процесс? На такой вопрос ответить не просто, но, скорее всего, в ряде проблемных «полей» вместе с водой из ванны выплеснули и «ребенка». Можно и нужно было отказаться от понятия «социалистический образ жизни» как насквозь идеологизированного, но чем помешало совершенно нейтральное понятие образа жизни, раскрываемого сквозь призму повседневных практик человека?

В качестве социологического понятия образ жизни можно рассматривать как способ деятельности людей, реализующийся в их повседневных практиках и обусловленный совокупностью внешних и внутренних факторов бытия и сознания. Для анализа структуры образа жизни наибольшее значение имеет знание трех ее элементов в их взаимосвязи: условий жизнедеятельности (труда, быта, образования, досуга и т. д.); потребностей, интересов, ценностных ориентаций личности; форм и видов повседневных (регулярных) практик.

Условия деятельности различных субъектов образа жизни могут быть рассмотрены сквозь призму их уровня жизни, который характеризуется материальным и духовным потреблением людей. Показателями уровня жизни служат величина душевого дохода, количество и качество потребляемых человеком благ и услуг, реализующих потребности индивида в питании, одежде, жилище, поддержании здоровья, получении образования, в удовлетворении иных материальных и духовных запросов.

Будучи категорией больше экономической, чем социологической, уровень жизни тем не менее является крайне важным показателем (или системой показателей, что точнее) образа жизни индивида (социальной группы). Отсутствие необходимых средств, жилищно-бытовых и культурных условий не позволят человеку вести полноценный образ жизни, удовлетворять свои основные материальные, духовные, нравственные, эстетические, физические потребности, реализуя их в повседневных практиках. В этом смысле способ деятельности индивида, его образ жизни зависят от наличествующего, достигнутого им состояния уровня жизни.

Связь между способом деятельности и уровнем жизни нельзя недооценивать, но, вместе с тем, не следует и переоценивать, иначе можно впасть в крайность: считать, что все в жизнедеятельности человека зависит только от уровня его материального благосостояния. Тогда придется признать наличие этой зависимости (которой на самом деле в жестком виде в каждом конкретном случае не существует), состоящей в том, что чем выше уровень жизни, тем многообразнее, полнее и насыщеннее повседневный образ жизни. Если встать на такую точку зрения, то невозможно будет объяснить, почему многие богатые люди, в том числе и в России, ведут, мягко говоря, очень «бедный» в духовном и нравственном плане образ жизни. Поэтому более правильным, представляется нам, будет утверждение, что чем сильнее в обществе выражена тенденция к достижению высокого уровня жизни населения, тем больше предпосылок для развития полноценного образа жизни возникает у каждого человека. Именно в форме тенденции и может существовать зависимость между уровнем жизни и способом деятельности.

Условия жизни, детерминирующие во многом (через уровень жизни) повседневные практики индивидов, выводят на понимание способов их поведения и деятельности не прямо, а через структуры сознания, его элементы – потребности, интересы и ценностные ориентации. В этом состоит особенность нашего подхода к трак-

товке повседневного образа жизни. Названные выше элементы структуры сознания, как и условия (уровень) жизни, очень хорошо поддаются операционализации и через систему показателей и индикаторов могут быть использованы в конкретно-социологическом исследовании повседневных практик тех или иных социальных субъектов. Поскольку центральным для характеристики этих практик становится выявление их ценностей, особое значение следует придавать изучению ценностных ориентаций субъектов образа жизни.

Среди них важно выделять основные, определяющие, или, как часто говорят в социологии, доминантные ориентации. Это могут быть ориентации на профессиональный и любительский труд, включенность в бытовую деятельность, образование, культурное участие, досуг, практики общественной (гражданской) активности и др. При этом значение имеют не каждая ценностная ориентация, взятая сама по себе, а их соотношение и пропорции в структуре образа жизни.

Именно от этого зависят непосредственные повседневные практики социальных субъектов, выражающиеся в различных видах и формах их деятельности и поведения. С этими практиками и сопряжены три важных понятия в категориальном ряду образа жизни – качество жизни, стиль жизни и жизненный путь.

Если изучение уровня жизни дает представление о количественных и зачастую обобщенных и формализованных характеристиках способа деятельности (денежные доходы, квадратные метры жилья, набор продуктов и товаров и т. д.), то анализ качества жизни заставляет акцентировать внимание на содержательных аспектах повседневных практик тех или иных социальных субъектов.

В западной социологии понятие качества жизни часто используется для характеристики образа жизни не только личности, но и социальных общностей, даже общества в целом. В этом отношении понятие качества жизни особенно активно употребляется для характеристики окружающей среды, в целом экологической ситуации в обществе. Рассматриваемое понятие конкретизируется также через представления о качестве питания, образования, здравоохранения и др., т. е. всего того, что составляет содержание повседневных практик самых различных социальных субъектов образа жизни. Такой подход присущ прежде всего американским социологам.

В отличие от них, немецкие ученые делают акцент на более широком понимании качества жизни, включающем также уровень свободы, социальной справедливости, ощущения счастья. Но при этом субъектом образа жизни, рассматриваемого сквозь призму его качественных характеристик, проявляющихся в повседневных практиках, оказывается прежде всего индивид. На наш взгляд, это не менее важно, если исследовать образ жизни в рамках социологии повседневности.

В целом же есть все основания считать, что качество жизни, будучи понятием, отражающим способ деятельности прежде всего человека и конкретной социальной общности в их повседневных практиках, вместе с тем характеризует состояние общества – его экономической, политической, экологической, правовой среды, удовлетворяющей основные потребности индивидов. Рассматриваемое понятие включает в себя и национальное равноправие, и производственную и политическую демократию, и качество социокультурной среды.

Среди относящихся к структуре образа жизни понятий (элементов) видное место занимает, как указывалось выше, стиль жизни. Его особенности используются для характеристики поведения человека в повседневной жизни, ее конкретных ситуациях. Стиль жизни включает в себя регулярно воспроизводящиеся черты, манеры поведения, склонности, привычки, вкусы. Поэтому он подчеркивает в первую очередь социально-психологические стороны индивидуальных практик.

Исследователи выделяют несколько типов стиля жизни: активно-деятельностный, творческий, потребительский и др. Индивидуальные особенности стиля жизни зависят от многих объективных условий и личных качеств, а также от знаний, опыта, способностей, убеждений, ценностных ориентаций и др. Вместе с тем, в каждом индивидуальном стиле жизни содержатся специфические черты повседневных практик той социальной общности, к которой принадлежит человек, будь то профессиональная, демографическая, этническая, пространственно-территориальная или еще какая-либо иная общность.

О стиле жизни человека часто судят по внешним признакам способа его деятельности: как устроен быт данного индивида, каков режим его труда и отдыха, как он организует свое рабочее и свободное время, как тратит деньги, что собой представляют его увлечения, и т. д. В этом смысле можно с уверенностью утверж-

дать, что стиль жизни – это конкретизация образа жизни человека на уровне его индивидуального повседневного поведения.

Стиль жизни дает представление о том, как человек «строит» собственное «Я», как формируется и развивается в качестве личности. Поэтому из всех понятий, характеризующих структуру образа жизни личности, ближе всего к самому способу ее деятельности оказывается именно стиль жизни. Иногда он вырабатывается человеком сознательно и целенаправленно, но в ряде случаев складывается стихийно, под давлением определенных обстоятельств.

К тому или иному повседневному стилю жизни человека часто приводит пройденный им жизненный путь – еще одно понятие, тесно связанное с образом жизни. Б. Г. Ананьев с позиций социальной психологии характеризует жизненный путь как историю формирования и развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи и сверстника определенного поколения. Не возражая против такого подхода к трактовке жизненного пути, мы хотели бы обратить внимание на явно недостаточную проработанность этого понятия в социологической науке. Его эвристический потенциал повышается и становится очевидным, если рассматривать жизненный путь как взаимосвязь повседневных (регулярных) социальных практик, выражающих процесс последовательной смены различных образов жизни (дошкольного, школьного, студенческого, трудового и т. д.), перехода от одного к другому в ходе самореализации и самоутверждения личности, ее эффективной социализации.

Этот процесс происходит потому, что в течение жизненного пути меняются доминантные формы и виды деятельности и повседневные практики, составляющие их основу и базу развития личности. Трансформируются социально-пространственные и временные характеристики этих практик, накладывающие печать на их выбор индивидом.

Смена одного способа деятельности другим в рамках жизненного пути личности – процесс не простой. Он обусловлен необходимостью отказа от уже сложившихся, освоенных повседневных практик и доминант образа жизни и интернализацией (интериоризацией) новых. Резкий переход от одной основы образа жизни к другой, замена прежних, привычных практик повседневной жизни новыми противоречиво сказывается на системе ценностных ориентаций личности, затрудняя возможности удачного включения, «впи-

сывания» в новый социальный контекст, адаптации к иным, непривычным способам деятельности. Об этом свидетельствуют результаты как простых наблюдений повседневного образа жизни, так и научных исследований (социологических, психологических, педагогических и др.) проблем перехода от дошкольного к школьному, от школьного – к студенческому образу жизни, от последнего – к трудовому, от трудового – к послетрудовому образу жизни.

Возникает явление своеобразной личностной аномии. Как известно, понятие аномии было введено в широкий научный оборот Э. Дюркгеймом. Под аномией он понимал общественное состояние, при котором отсутствует четкая морально-ценностная регуляция поведения людей, большинство членов общества относится к вновь возникающим социальным ценностям и нормам негативно или равнодушно, а социальные функции в обществе не приспособлены друг к другу, и между ними существует «разлад».

Используя понятие аномии применительно к личности и социальной общности, их жизненному пути, можно говорить о наличии в нем двух главных рубежей, связанных с глубокими изменениями в ценностно-нормативной базе и повседневных практиках, в основе которых лежат те или иные доминантные формы деятельности.

Первый рубеж – это переход к трудовому образу жизни. Если на ранних этапах жизненного пути доминантой образа жизни людей выступают повседневные образовательные практики, связанные с базовой деятельностью обучения как основной ценностью, то на зрелом этапе в таком качестве выступает профессиональный труд и его повседневные практики. Новые способы деятельности требуют смены ценностно-нормативного регулирования поведения, делают повседневную жизнь человека более напряженной и ответственной.

Еще более сложным оказывается прохождение второго рубежа, означающего переход от трудового к «послетрудовому» образу жизни и связанного с исчезновением профессионально-трудовой доминанты в повседневных практиках. Этот переход для многих оказывается весьма трудным и зачастую достаточно болезненным. Не всегда находятся компенсаторные механизмы, связанные с появлением иных форм и видов деятельности, позволяющих активно включиться в новый образ жизни. С возникновением новых ценностей и соответствующих им способов деятельности меняется нормативная основа (как моральная, так и правовая), регулирующая их.

Оба перехода несут в себе кризис идентичности как внутреннюю составляющую меняющейся повседневности и сопряжены с определенными аномическими процессами, проявляющимися в несоответствии старых, привычных, регулярных жизненных практик меняющимся морально-ценностным ориентирам новых способов деятельности. Отсюда следует, что необходима специальная, чисто практическая работа, облегчающая адаптацию к новой социальной среде, новым жизненным практикам, новым доминантным формам повседневности. Субъектами такой деятельности могут быть образовательные учреждения, трудовые коллективы, службы социальной защиты и социальной работы с населением и др.

Рассмотренные выше проблемы вполне могут стать предметом конкретно-социологических исследований, осуществляемых с помощью как количественных, так и качественных стратегий. При этом проблематика изучения уровня и качества жизни вполне укладывается в рамки применения количественных методов, тогда как стиль жизни и жизненный путь требуют использования преимущественно качественных методов. В качестве примера можно указать на метод изучения биографий, позволяющий анализировать жизненный путь индивидов. В целом же исследование повседневных практик в системе образа жизни требует тщательной методологической и методической проработки и является весьма перспективным направлением анализа повседневной человеческой жизни и ее ценностей.

Культура как производство повседневности

В гуманитарной науке XX века концепт и тема-проблема повседневности вышли на первый план, обнажив тем самым существенные изменения в социокультурном мире (бытии) и сознании, заставляя заново и по-новому осмысливать универсальные («вечные») проблемы и рождая необходимость отвечать на новые. Концептуально-мировоззренческое доминирование «повседневности», утвердившееся в истории, социологии, социальной и культур-философии, культуральных исследованиях, знаменовало прежде всего тот факт, что «человек укоренен теперь не в мировом трансцендентальном пространстве и времени, а в конкретном человеческом времени и пространстве», что «бытием стало время личностного существования человека»¹.

Но это, в свою очередь, означает и новое (подчас – радикально новое) звучание и значение фундаментальной для всего социокультурного мира (человеческого рода) проблемы «раздвоения единого» как единства и противоречия культуры и жизни, общества и индивида, истории и быта, надындивидуальной жизни социальных систем, групп, институтов и частного существования обычных людей («обывателей»). С одной стороны, в возникшем после Второй мировой войны постиндустриальном обществе, казалось, стало преодолеваться трагическое взаимоотношение культуры и жизни. Как отмечает Г. С. Кнабе, «безграничные технические возможности повседневного мира, его способность ... насыщать культурой среду обитания убеждали, казалось, в том, что в конкретной, действительной повседневности заложено сильнейшее тяготение к

* *Лев Абрамович Закс* – д-р филос. наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, завкафедрой эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ *Румянцев О. К.* Манеры целеполагания как проекты времени культуры // Теоретическая культурология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга: РИК, 2005. С. 48, 49.

собственному, особому культурному состоянию, таящему в себе огромные резервы самовыражения каждого на языке простых вещей. Возникло впечатление, что тут-то и снималось, наконец, противоречие экзистенции и макроистории ... противоречие главных действующих лиц европейской философской драмы прошлого столетия: жизни и Культуры. Казалось, что это противоречие растворялось в обновленной альтернативной культуре «с маленькой буквы», человеческой и демократичной»². Однако у Г. С. Кнабе, опирающегося на весомые свидетельства нового «культурного состояния» (благополучия) послевоенной Европы, все же не случайно возникают грамматические конструкции, виртуализирующие, придающие вероятностно-гипотетический характер рисуемой им картине реальности («казалось», «возникло впечатление»).

Потому что, с другой стороны, и в сытом и благополучном западном мире, в его на зависть остальному миру комфортно и стабильно обустроенной повседневности отнюдь не устранены, а подчас и обострены давние и новые проблемы и противоречия жизни и культуры. Одна из них (несомненно, новая) – это противоречие локального и глобального в повседневности современного человека (больших масс людей). Другая, циклически воспроизводимая человечеством на каждом новом витке исторической спирали, но сегодня – в силу радикального характера нашего собственного (мирового и российского) витка – особенно драматически переживаемая: кризис культуры как «механизма» порождения и внедрения в повседневность универсальных сущностных оснований, всеобщих программ-ориентиров жизни: мировоззренческих знаний и принципов, надежных и непреложно принимаемых норм, ценностей и идеалов, объединяющих большие массы людей «метанарративов» (Ф. Лиотар). Веками в культурных формах сознания (философии, морали, искусстве) «метафизическое» и «всеобщее» превалировало над повседневным, обыденным, превалировало часто в «ущерб» последнему, но, в конце концов, придавая ему высший, конечный, абсолютный смысл, а тем самым – мироориентацию, оправдание и единство. Сегодня, по верным формулам О. К. Румянцева, «всеобщее выступило неопределенностью» и сами

² *Кнабе Г. С.* Основы общей теории культуры. Методы науки о культуре и ее актуальные проблемы // История мировой культуры: Наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение: Курс лекций. М.: РГГУ, 1998. С. 58.

«единство и единственность мира современной повседневности обусловлены отсутствием суверенного мира сущностей, идей, метафизической реальности»³.

Много раньше наших современников на эту проблему обратил внимание Х. Ортега-и-Гассет, осмыслив ее, так сказать, с точки зрения обеих сторон противоречия: отвлеченной от жизни, воспаряющей к высоким абстракциям культуры и далекого от последних, равнодушного к этим, по Ортеге, основам культуры и цивилизации «массового» человека. «Мы унаследовали культуру, которая страдает дальноркостью и различает лишь далекое. Человечество, Всемирность, Единство, Знание, Справедливость – вот сокровища, которые нам обещаны. Но как до них добраться, спотыкаясь на каждом шагу из-за хваленой дальноркости? Не вижу, чем плоха близорукая культура как ответная реакция, требующая от идеала внутренней близости, внешней доступности и жизненности, способной покорить и осчастливить»⁴. Это по поводу культуры (даже, по Кнабе, Культуры). А вот и по поводу «человека повседневности» – массового человека: «Он отчетливо неравнодушен к пиюлям, автомобилям и чему-то еще. Но это лишь подтверждает его глубокое равнодушие к цивилизации. Все перечисленное – ее плоды, и всепоглощающая тяга к ним как раз и подчеркивает полное равнодушие к корням». И чуть дальше: «Шпенглер верит, что техника способна существовать и после того, как угаснет интерес к основам культуры, – я же в это поверить не решаюсь. В основе техники – знание, а знание существует, пока оно захватывает само по себе, в чистом виде, и неспособно захватить, если люди не захвачены существом культуры»⁵.

Для меня сейчас не столь уж важно, в какой степени относятся эти суждения Ортеги-и-Гассета к современной культуре. Важно другое: тема (значимость) повседневности и связанных с ней противоречий вновь актуализирует вопрос об отношениях культуры и жизни (общественной и частной, исторической и повседневной), о том, как работает культура. И о том, откуда и почему возникают ее функциональные зазоры и разрывы, ее интерес к повседневности, влияние на повседневность (какое именно?) и противоречия с повседневностью.

³ Румянцев О.К. Цит. соч. С. 61.

⁴ Ортега-и-Гассет Хосе. Размышления о Пио Барохе // Хосе Ортега-и-Гассет. Камень и небо. М.: Грант, 2000. С. 65–66.

⁵ Ортега-и-Гассет Хосе. Восстание масс // Там же. С. 201–202.

Нельзя не признать, что повседневность – особая реальность с собственными, специфическими содержаниями, формами и смыслами. Поэтому-то и правомерны такие понятия, как практики повседневности, ценности повседневности, образ и стиль жизни и т. п. Как сфера каждодневной частной жизни многих людей в соразмерных ей (им) хронотопах, отличная по своей содержательности, логике и размерности от деятельностной жизни надличных социокультурных структур (порой и противостоящая последним – даже если объективно осуществляется вместе с ними и внутри них), повседневность имеет своей альфой и омегой, своим непосредственным истоком и субъектом реального (всегда «массового») человека, его возможности, способности и, особенно, потребности, биологические, социальные, психические, духовные. В этом смысле, в этом своем содержании повседневность есть пространство и способ непосредственного из-себя-и-для-себя-бытия людей. Здесь объективные внутренние «необходимости» каждого человека становятся естественной (для человека безусловной и неоспоримой) основой добровольно и осознанно выстраиваемой им системы жизнеобеспечения, воспроизводства и развития (телесно-материального, социально-группового («коллективное тело»), психического и духовного), его свободного (в смысле: самодетерминированного) самоосуществления. Эта логика, в свою очередь, выстраивает и сознание (менталитет) субъектов этого процесса как прежде всего антропоцентрическое и обыденно-практическое (куда при этом стихийно и органично входят и духовные компоненты: нравственные, эстетические, религиозные, мировоззренческие, «центрированные», однако, на обыденно-прагматическом содержании жизни и этим последним ограничиваемые – исходящие в своем мироотношении прежде всего из внутренней размерности индивидуального субъекта жизни, возможностей и потребностей его жизнеобеспечения).

Но признание специфики повседневности (как и необходимости ее специального изучения), признание ее особых антропологических оснований и собственных (внутренних) культурогенных возможностей (того, что Г. С. Кнабе назвал «сильнейшим тяготением к собственному, особому культурному состоянию») отнюдь не означает ее социокультурной (генетической и функциональной) самодостаточности и автономии от большой, над- и межперсональной культуры (культуры «с большой буквы»). И не только потому, что собственные творческие возможности повседневности все же

заметно ограничены, особенно в духовном плане (она ведь в принципе утилитарна, но также тяготеет к стандартизации и «рутинизации», смысловой шаблонизации и обезличиванию – не случайно ведь у французских экзистенциалистов и Хайдеггера повседневность предстает отчужденной и отчуждающей, в общем весьма малопривлекательной; чтобы вернуть (подарить) ей смысловое богатство, психологическую свежесть и «сиять заставить заново» всегда нужен был взгляд извне – взгляд художника прежде всего).

Главная причина заключается во всеохватном (универсальном) характере и конститутивном, определяющем значении культуры-системы для тотальности существования общества и человека. И эта зависимость, эта закономерность не знает исключений, что признано современной наукой о культуре в лице столь разных ее представителей, как Л. Уайт и К. Гирц, историки школы «Анналов», М. Бахтин и Ю. Лотман, М. Фуко и Ж. Деррида. В любом обществе, в любую эпоху индивидуальная жизнь людей, их «непосредственное» жизнеосуществление как пространство, способ и процесс удовлетворения собственных потребностей всеохватно-системно опосредуется: программируется, стимулируется, организуется и оснащается культурой, т. е. базируется на искусственных, совместно (социально) созданных программах, средствах и организационных формах. Иначе говоря, проектируется и производится культурой, ее надындивидуальными практическими и ментальными (точнее надо было бы сказать – практически-ментальными) структурами, механизмами, «машинами». Это относится и к самим потребностям, даже биологическим (витальным и сексуальным), что понимал уже К. Маркс.

Современная же культура и опредмечивающая ее цивилизация – в силу специфики их «устройства», объективной логики, прежде всего, рыночного характера экономики, технических возможностей неограниченного массового производства материальных и идеально-информационных благ, институтов гражданского общества и либерально-демократической политической системы – максимально сближают надындивидуальные и частные аспекты жизни, производят их в теснейшем и более гармоничном, чем когда-либо, хотя и по-прежнему не лишенном противоречивости, единстве. И самое главное: именно в современном обществе происходит осознанная переориентация-перенастройка культурно-цивилизационных механизмов на обычного, массового человека и осуществляется целенаправленное массовое конструирование-производство повседнев-

ности: труда и быта, социального поведения и коммуникации, потребления и досуга, вещной и духовно-символической среды миллионов людей. Отправной точкой такого охватывающего все сферы жизни производства повседневности культурой выступает реальная и реалистически осмысленная типология массового человека, его потребностей и ментальности, его экономических, политико-правовых и информационно-символических возможностей. А главным его функциональным звеном оказывается производство жизненных стандартов – образцов вещей, образов и символов, форм деятельности, поведения и общения, моделей ценностей и идентичностей, адекватных культурному уровню (возможностям) адресатов – субъектов повседневности. Стабильность и развитие социокультурного целого, его больших подсистем и институтов оказывается в прямой зависимости от эффективности, т. е. привлекательности, убедительности, проникновенности, доступности и, наконец, практической массовой «потребляемости» этих эталонных стандартов, на что направлена (помимо деятельности самих производителей) работа государственного и других уровней менеджмента, идеологии, образования, СМИ, рекламы, PR, маркетинга и т. п. механизмов современной культуры.

Да, ядром-центром повседневной жизни при этом неизбежно оказывается потребление эталонных товаров и услуг, форм досуга и развлечений (от еды до модных вещей, от спорта и туризма до шоу-бизнеса и «тусовочно»-символического общения в клубах, дискотеках, на всякого рода презентациях, в Интернете, а также, естественно, и сам, получающий самооценку и, следовательно, бесконечность, процесс приобретения – шопинг, и т. п.). Главными же ценностями повседневности становятся социально-психологические «эффекты» потребления и потребляемого: бренд и новизна, мода и престиж, статусный символизм и имидж, приобщение к одобренному авторитетными социокультурными инстанциями и собственной референтной группой стилю жизни и идентичности. Что отнюдь не исключает и практически-утилитарных составляющих этих ценностей: эффективности и качества, экономичности и эргономичности, удобства и комфорта, позитивного влияния на здоровье, а также эстетической ценности (красоты) процесса и продукта потребления. Та же логика распространяется и на общественно-поведенческую сферу повседневности: символические мероприятия, актуализирующие историческую память, волонтерские акции, эстетизированные политические процедуры и церемонии

(съезды и выборы, митинги и шествия), религиозные и иные ритуалы и праздники.

Назвав эти последние, вспоминаешь о еще одной важной стороне производящей повседневность многослойной (многоуровневой) машины (машины!) культуры – традиционной, прежде всего этнической. Повседневность более чем какая-либо надындивидуальная специализированная сфера культуры сохраняет традиционный характер – строится на основе живущих с незапамятных времен, специфических для конкретного этноса коллективных порядков и привычек поведения, общения, психической жизни, духовного сознания, выбора предметной и символической бытовой среды (пища, одежда, жилище, вещи и т. д.) и деятельности потребления. Сочетание современных и постоянно обновляемых практических технологий быта с его традиционным содержанием («предметами потребления»), новых форм повседневных практик с их традиционно-символическим оформлением создает неповторимое своеобразие современной повседневности как единства старого и нового, национального и космополитического (рок-группы на католических службах и праздниках в Европе и Америке; иранские девушки в хиджабах, занятые боулингом; для России, произведенные, кажется, в Венгрии, маринованные огурчики с названием «Дядя Ваня» и надписью «кошерные»).

Во всем мире хорошо известны и активно критикуются недостатки культуры «общества потребления» и производимой ею повседневности; в частности, засилье масскульта с его «игрой на понижение» и доминантой компенсаторной и развлекательной функций в ущерб высоким ценностям и духовному развитию людей; принудительно-манипулирующий (навязывающий стандарты и ценности) характер его воздействия, ограничивающий и даже элиминирующий, как кажется, индивидуальную свободу, жизнотворческий потенциал массового человека и оборачивающийся новыми формами негативной зависимости (от избыточного веса бездумных потребителей «фаст-фуда» до хулиганствующего фанатизма футбольных болельщиков, коллективного психоза поклонников поп-звезд и новой, информационной «наркомании» на почве компьютерных игр и интернета). Список прегрешений можно продолжать. А в России, ускоренно осваивающей опыт современной западной цивилизации и «почему-то» поспешно усваивающей в первую очередь ее негативные стороны, об этих недостатках необходимо помнить, их следует критически анализировать. Однако для нас – при

колоссальных проблемах и дефицитах отечественной культуры вообще и культуры повседневности в частности – не менее важно понимать и перенимать существенные достоинства западной постиндустриальной социокультурной системы, которые нужно умно соединить с бережно сохраняемыми сильными сторонами наших культурных традиций и особенностей.

К таким достоинствам, находящим продолжение в системных качествах, достижениях и преимуществах развитых западных обществ наших дней и повседневной жизни ее граждан, на мой взгляд, могут быть отнесены следующие:

- жизнеспособная, действенная система базовых социальных и, одновременно (именно в силу их особой содержательности), личностных ценностей; действенность (эффективность) этой системы ценностей определяется ее реалистичностью: все основные типы ценностей (экономических, политических, правовых, практически-поведенческих, морально-нравственных) здесь имеют своей концептуальной основой идею человека как, прежде всего, существа, в силу самой своей природы нуждающегося (хотящего, желающего), объективно и неизбежно «обреченного» и стремящегося эти свои нужды-потребности удовлетворить⁶; общество же и государство и лежащий в их основе общественный договор, хотя и ограничивают эти «естественные» потребности, права и притязания конкретных людей, но в конце концов все же выступают «средствами», инструментами для их жизни, условиями и формами их самореализации; кроме того, указанная общая посылка объясняет и внутреннее единство, смысловую монолитность системы ценностей, логическую и функциональную координацию и корреляцию всех входящих в нее типов ценностей и иерархических уровней системы;

- вытекающее из «духа» системы ценностей структурирование системы социокультурных программ и практик «вокруг» человека и его повседневной жизни, апелляция к ним в работе культуры с самим человеком, что стимулирует не только современную предметно-созидательную и общественно-политическую деятельность (прежде всего производство товаров и услуг и институты гражданского общества), но и активное включение в нее, высокую про-

⁶ Мировоззренческое обоснование этой ключевой посылки современной буржуазной культуры и общества объединяет (и объясняет устойчивое влияние) столь разных философов, как Маркс, Ницше и Фрейд.

изводительность труда и гражданскую заинтересованность-ответственность массового человека; все это, в свою очередь, ведет к высокому качеству жизни, причем не только в ее хозяйственно-экономическом («потребительском») аспекте, но и в аспекте социально-политическом (так, проблемы экологии, региональной интеграции, глобализации, войны и мира вызывают все большую самоорганизацию и гражданскую активность людей, поскольку воспринимаются сквозь призму повседневности – как непосредственно затрагивающие их жизненный микрокосм в настоящем и будущем);

- также базирующиеся на системе ценностей и работающие на ее воплощение в жизнь тесное взаимодействие и высокая степень согласованности, функционального единства объединенных общим предметом – человеком в его повседневности – подсистем культуры: от экономики и права до идеологии, религии и искусства. Такое единство обеспечивает эффективную самоорганизацию и интеграцию общества, принципиальную согласованность индивидуальной и частной жизни. Так, деятельность институтов государства и права дополняется и поддерживается (в том числе и через дискуссию, критику, практическое сопротивление определенным их программам и действиям) активностью получающих широкое распространение и развитие институтов гражданского общества, форм повседневного «локального» объединения граждан (по профессиональным, социальным, практически-бытовым и духовным интересам). Другой пример: всеобщее признание и влияние идеи-ценности свободы обеспечивается не только логикой объективного устройства экономического и политического «тела» социума, не только детальным правовым закреплением «принципа свободы», но и работой идеологических (шире – духовных) механизмов культуры, неустанно декларирующих, утверждающих, пропагандирующих (рекламирующих) и внедряющих свободу как высшую ценность в массовое сознание. Американская культура, например, непрерывно занимается этим с конца XVIII века. Свобода стала главным содержательным компонентом национального мифа США – «американской мечты», центральной темой ее политической идеологии, философии и искусства, причем как высокого (вспомним, например, романы Хемингуэя и Фолкнера, фильмы С. Крамера и М. Формана), так и массового. Приходится ли удивляться, что свободолюбие и готовность отстаивать свои права стали органическими свойствами менталитета американцев, их

обыденного сознания? Как все это разительно контрастирует с практикой постсоветской (в том числе – политической) культуры, до сих пор не осознавшей, что одних экономических и правовых реформ, не дополняемых специальной духовно-идеологической и социально-психологической работой, недостаточно для действительного освобождения общества и становления граждан, стремящихся к свободе и готовых добиваться и защищать ее. Бюрократии, понятное дело, такие граждане не нужны – они помеха ее власти и коррупционно-феодальной практике, но для процветания и развития России они крайне необходимы. Консервативная (а la Александр III) попытка «подморозить» освободительные процессы несовместима с масштабной и глубокой модернизацией страны.

Акцентируя достоинства современной западной культуры, которые желательно перенять и освоить нынешнему российскому обществу, я вовсе не хочу ее идеализировать. И дело не только в уже названных и многих других недостатках этого конкретного типа культуры. Современная культурология предостерегает от идеализации любой культуры, культуры вообще. Культуры без недостатков, без нерешенных и в принципе (для данной культуры) не решаемых проблем не бывает. И если профессор Хиггинс вполне достиг поставленной цели по «окультуриванию» прелестной Элизы Дулитл, то культура в целом никогда в полной мере не может реализовать даже самые идеально продуманные программы – возможно ли «в одну телегу впрячь» реальность и идеал? Исторический опыт убедительно свидетельствует об ограниченности возможностей культуры и о фундаментальном (т. е. неустранимом) характере ряда противоречий в социокультурном существовании людей (таких, например, как противоречия культуры и природы, общества и личности, материального и духовного). Более того, как хорошо известно, всякие культурные достижения неизбежно связаны с утратами, движение вперед в одном отношении оборачивается шагом назад – в другом. Но ведь не только недостатки – продолжение достоинств, но и наоборот.

Поэтому, видя недостатки и слабости культуры, их не стоит преувеличивать, абсолютизировать. К тому же в любой культуре работают силы и механизмы, отчасти компенсирующие эти недостатки и слабости. В современной постиндустриальной культуре – тоже. Так, ограничивающая свободу и «манипулирующая» сознанием обывателя власть стандартов массовой культуры отнюдь не приводит к тотальной унификации-обезличке повседневной жиз-

ни. Наоборот, сегодня все чаще говорят о возрастающей роли индивидуализации, неповторимости и т. п. Как это возможно в условиях стандартизации? Это происходит потому, что стандартизация дополняется и отчасти компенсируется растущим много- и разнообразием предлагаемой современной культурой образцов (автомобилей, мебели, бытовой техники, одежды, художественных стилей, жанров, авторов и т. д. и т. п.), ширящейся диверсификацией способов удовлетворения потребностей, способов и стилей поведения и общения.

А духовная ограниченность масскульта (в искусстве прежде всего) во многом восполняется искусством высоким и сложным (так называемым «элитарным»), и круг «потребителей» такого искусства весьма широк. Попробуйте, например, без предварительного заказа, «сходу» попасть на оперный спектакль в Баварской или Метрополитен-опере или на любой камерный либо даже симфонический (в огромном зале) концерт фестиваля в Зальцбурге. Элитарное кино в Европе и Америке «крутят» в маленьких залах, но таких залов очень много, плюс фильмы на DVD, плюс отданные высокой культуре специальные телеканалы. Вуди Аллен не сравнится доходами со С. Спилбергом и Д. Лукасом, но, думается, он не бедствует. Существенно и то, что в современной западной культуре «элитарное» и «массовое» не разделены, как когда-то, непродоходимой пропастью. Сегодня они взаимопроницаемы, и высокие образцы искусства активно осваиваются масскультом, влияют на его творцов и реципиентов (есть, конечно, и обратное движение).

Конечно, богатая экономика – условие для сохранения высокой культуры (науки, философии, элитарного искусства). Плюс его высокий общественный престиж и налоговые льготы для спонсоров. Убожество российского масскульта (шоу-бизнеса и TV прежде всего) вовсе не продолжение-повторение ситуации на Западе, а обратная сторона нашего родного «дикого» капитализма, его собственного духовного убожества вкупе с культурологической ограниченностью и недальновидностью властей предрежащих, отсутствием у них понимания сути, места и роли культуры и, отсюда, разумной и перспективной культурной политики (включая программы поддержки высокой культуры – Большой театр и Эрмитаж не в счет: это, скорее, витрины для иностранных гостей). Не исключая и обратного: как раз все понимают правильно и именно потому не поддерживают. Не выгодно. У хорошо информированных, мыслящих и тонко чувствующих людей могут возникнуть ненужные, вред-

ные вопросы и, упаси Боже, требования. К тому же дешевле из Москвы через «ящик» разом «кормить» миллионы жителей российских провинциальных городов и сел картинкой-иллюзией красивой жизни, «пудрить мозги» обывателям светскими и криминальными сплетнями, мифологией гламура, фэнтези и историческими сказками, чем создавать обеспеченную, цивилизованную и красивую жизнь в реальности. Это ж сколько денег изведешь! Кстати, общество (общественное мнение) даже назревшие и разумные проекты реформирования экономических и правовых основ науки, образования и художественной культуры воспринимает прежде всего как порожденные желанием государства «сэкономить» на культуре, сбросить с себя ее тяжелое, убыточное и «никому не нужное» бремя – красноречивое выражение общественного недоверия к власти вообще и, конкретно, негативного восприятия-оценки опыта отношения власти к культуре в России!

Чтобы успешно заимствовать и освоить действительно необходимое и достойное в другой культуре (культурах), следовало бы, во-первых, отказаться от собственной национально-культурной (как и всякой другой, в том числе «геополитической») гордыни и фанаберии, дополняя трезвое, критическое отношение к «чужому» аналогичным отношением к «своему». Необходимо, следовательно, адекватное реальности и потребностям модернизации страны культурное самосознание нашего общества и его граждан. Чтобы понять и принять этот императив, достаточно критически оценить состояние нашего массового обыденного сознания – сознания (при всех его стратификационных и региональных субкультурных различиях) парадоксального и, в крайних своих проявлениях, пугающего соединением несоединимых представлений, ценностей и установок, таких как: стремление к современному (западному) благосостоянию – и идеализирующая ностальгия по советскому прошлому с его «равенством в бедности»; желание «больших денег» – и антипатия (если не ненависть) к «новым русским», т. е. собственникам и бизнесменам; требование социального порядка и стабильности – и непонимание личной роли и ответственности в их достижении, гражданская апатия и пассивность; осознание нашей технологической и социально-экономической отсталости – и имперские «замашки», претензии на великодержавность; эмоциональная самоидентификация с христианством – и агрессивная нетерпимость к ближним, тем более к «чужакам» (в том числе ксенофобия – при активном желании поездок за рубеж и предпочтении

«импорта» отечественным товарам), и т. д. и т. п. «Культура повседневности», культура бытовая у наших соотечественников не менее (если не более) внутренне разорвана и противоречива, что порождает конфликты в непосредственном общении, вандализм по отношению к чужой собственности, грязь и захламленность превращенных в помойки дворов и улиц, мест общественного пользования. В свете логики культурологического подхода ясно, что «ремонт» обыденного сознания и модернизация-совершенствование повседневных практик возможны только на основе существенной трансформации: перепрограммирования и структурно-функциональной (а не только экономической) перестройки-переналадки всей системы отечественной культуры – от философии и идеологии до практических технологий и форм социальной организации, коммуникации и управления во всех сферах общественной и частной жизни.

Во-вторых, адекватность нового российского культурного самосознания предполагает его соответствие не только реальному состоянию культуры в стране и актуальным императивам ее модернизации, но и современным научным представлениям о культуре, о ее социальной универсальности и внутренней сложности. Ограниченный, «советско-ведомственный» подход к культуре, ее сведение к искусству и связанным с ним учреждениям (театры, музеи, библиотеки) – исторически безнадежно устаревший и социально вредный анахронизм, о чем не раз писал и автор этих заметок. Все сферы жизни, все виды и формы деятельности, все социальные институты должны быть поняты, с одной стороны, в своих социокультурных функциях – в своем реальном вкладе в самоорганизацию, воспроизводство и развитие общества и человека, а с другой – в своих собственных особых социокультурных основаниях (программах, средствах и формах), т. е. с точки зрения своей специфической внутренней культуры, ее реального состояния, идеала и возможностей управляемого совершенствования. Культура производства, культура торговли, культура сервиса, культура быта и досуга, «физическая» культура и культура здравоохранения, культура общественного порядка и безопасности граждан, культура образования и воспитания, культура общественных (в том числе политических) отношений, ролевого и межличностного общения, культура социального управления и власти (форм силового управления) как таковой, и т. д. и т. п. – у каждой своя, требующая осознания и постижения деятельность, ментальная, инструментальная, ин-

формационно-коммуникативная и организационно-управленческая специфика, свои проблемы и пути их продуктивного решения, только интегрально ведущие к тому или иному общему культурно-цивилизационному состоянию социума, но также и к определенному уровню (качеству) культуры и цивилизованности повседневности.

Наконец, в-третьих, на основе культурного самосознания (идеологии культуры) должна системно и систематически формироваться и реализовываться столь же всеобъемлющая, как сама культура, культурная политика – деятельность по управлению созданием, функционированием и развитием культуры общества, всех его уровней, сфер и аспектов. Политика научно обоснованная, реалистическая. Но также одухотворенная идеалами и высшими ценностями, заряженная страстной и вдохновляющей энергией великой воли к культуре. Содержательным ядром и главной целью-заботой такой культурной политики в идеале должен стать каждый реальный россиянин, его реальная повседневная жизнь и личностная культура, кем бы он ни был, где бы ни жил и чем бы ни занимался.

Речь, таким образом, идет о необходимости по-настоящему (не на словах, а на деле) гуманистической культурной политики. Только с такой политикой, обеспечивающей равноценный и полноценный союз культуры, общества и человека, можно связывать надежды на Россию не только экономически процветающую и динамично развивающуюся, но и человеческую. О возможности такого человеческого общества в России в 1923 году писал О. Э. Мандельштам: «Социальная архитектура измеряется масштабом человека. Иногда она становится враждебной человеку и питает свое величие его унижением и ничтожеством /.../. Но есть другая социальная архитектура, ее масштабом, ее мерой тоже является человек, но она строит не из человека, а для человека, не на ничтожестве личности строит она свое величие, а на высшей целесообразности в соответствии с ее потребностями»⁷. Кажется, у нас есть исторический шанс превратить эту возможность в действительность.

⁷ Мандельштам О. Э. Гуманизм и современность // О. Э. Мандельштам: Сочинения: В 2 т. Т. 2. Проза. М.: Худож. лит., 1990. С. 205.

Aat Hougee*

The road to happiness

I am a lucky person: during the last seven years I have been able to help exporting Russian culture to the West, I have been able to observe the development of every day life in Russia, with an outsiders eye and with a heart as closely connected to Russian values as possible, and, I have been able to look at “my” Western culture without being too vulnerable for it’s seductive self image.

When we travel and perform with our company in the West, we are often confronted with questions about the lack of freedom in Russian society. And in my response I always try to explain how I left the West because, after 25 years of doing innovative work in the field of dance, I felt that doing my work became more and more difficult, just because of that: an increasing lack of freedom. A lack of freedom, not so much in a political or economical sense, but a lack of freedom as the result of a limitation of creative space in the minds of the people I was working with and in the structures of the organizations I had to deal with. Of course, such a statement as a response to an almost automatic Western judgment of Russia’s reality, causes confusion and disbelief and although I still think that this was a major reason for my dissatisfaction, I am not so sure anymore whether my theoretical analysis of Russian society as an alternative, is not just the result of hope and an overdose of optimism, rather than a reflection of daily reality.

I started my work in the world of contemporary dance in the Netherlands in the glorious 70s. It was a time in which the quality of our life was defined by ideals. We were convinced that we could change the world, that we clearly knew what was right and what was wrong. The fights went against non functioning, often bureaucratic structures, against authority based on historic rights. We were convinced that change, per-

* *Аам Хухей* – основатель и директор Школы развития нового танца в Амстердаме (1975–1989), основатель и директор Европейского центра развития танца в Арнхеме-Дюссельдорфе (1989–2000). В последние годы живет и работает в РФ, изучая и поддерживая развитие современного российского танца.

manent change, should be the basis of our society and that we had the right to decide ourselves what our lives should look like. For a short moment we thought it would be possible to create a society in which the quality of life would be defined by what we think and what we believe in and not by social positions or by what one earns or owns.

It was a time where creativity and originality were more important than forms of success that would be accepted by those who were still in power.

This dream didn’t last too long though: some of those leading the movement reached power themselves and declared their “originality” as the norm for everybody else, but more important I think was that those in charge of our economic system realized that the language, ideas and concepts used by this “freedom” movement, could successfully be used in their marketing strategies.

In music, the producers became more important than the artists, music groups were no longer born out of a necessity felt by individual artists, but simply composed based on marketing strategies and formulas for immediate success. The fashion industry was able to sell the idea of “individuality” as a mass product: be an individual, wear Nike! “New” was no longer a sign of progress and development, but simply a stamp, designed by the advertising industry. Quality of life, once a concept which we thought could just help us to be more complete people, was taken away and used to tell us that we would only be happy if we would drive the right car, wear the right clothes and buy the right furniture. Words that until that time indicated a dedication to change, were now used to stimulate us to find happiness by buying products designed to improve our quality of life again and again.

When I spoke about this with some of our Russian dancers, their reaction clearly reflected the Russian situation. For the first time in their lives they are earning some money, they are traveling and performing in the West and they are able to improve their quality of life by buying what they think they need. They were able to see my dilemma though and their first response was: when we have what we need, we can stop.

I am afraid though that it is not that simple: first of all, our booming economy would immediately crash when people would indeed be able to reach this point of material satisfaction. Second, to avoid this problem, the producers of material satisfaction invented the phenomena of “fashion”. A car is no longer just a car, a dress is no longer just a dress and one should always wear the right shoes and in order to show ones

individuality and personality we should certainly drive a car different from the one our neighbor drives and never wear last years Nike's. Does all of this really improve the quality of people's lives?

Let's have a look at Russia. In Russia we are still talking about basics for the majority of the people: enough to eat, warm clothes to wear and enough money to take care of ones health and to give children the right education. But if capitalism works, and it probably will in some way or another, we will also in Russia reach the point where people have what they need and from then on, quality of life will also here be defined by what marketing experts tell us we need to be happy for ever, at least for this season.

Is there anything we could do to define "quality of life" on a different level, not just for a few idealistic intellectuals, but also for those who happily believe in the never ending promises of the marketing experts?

Of course I don't have a solution and if I had one, it would probably immediately be bought by those same marketing people. Still, in my traveling life with a contemporary dance company from the deep Russian province, I have noticed that in cultures where "quality of life" is mainly defined by the freedom to consume and where people live in almost perfectly organized societies, there is still a vague desire for less material values.

On one hand, Russia is running fast to reach a "quality of life" similar to that of the West, sometimes using methods that are even more extreme then how the Western cultures have reached their material heaven. On the other hand, Russia is not there yet. There are still values in Russian culture which a long time ago disappeared in the West. Do we want to keep those values? Are we able to keep those values?

Russian culture, in my opinion, has another advantage: I call it the Russian Freedom. It's a rather intellectual concept though and I am afraid that it might not apply to those who try to improve their "quality of life" by purchasing a new model mobile phone every year.

While many western societies went through a relatively slow process of change concerning there ethical values, Russia did this through an abrupt breaking away from its past. The result I think, is a society where many of the current values don't have very deep roots. Because of that it should theoretically be possible to develop new values that are not just leading this culture into the same problems western cultures have as the result of their development, but might create a society which is willing and able to define "quality of life" in a different way.

If I were an idealist I would say that "quality of life" is defined by having sufficient material resources to live without fear for ones present and future and when that has been reached, to have sufficient thoughts to live without fear for ones present and future.

But, I am not an idealist and I realize that without a shiny new car, the latest model Nike's and clothes in the right color and the right design, most people will be very unhappy in Russia as well as in any Western country.

And I see this last scene of the movie "Fahrenheit", where those people who believe that "quality of life" is more defined by spiritual values than by material possessions, are all living together in the deep forest. And they each studied a different book and remembered the text, because at that time, real books giving people a sense of what real thoughts could be about, were not allowed anymore.

Аам Хухей*

Дорога к счастью

Я – счастливый человек: в течение последних 7 лет у меня была возможность помогать экспортировать русскую культуру на Запад. Будучи представителем другой культуры, но всем сердцем – насколько возможно крепко – привязанным к российским ценностям, я мог наблюдать за развитием повседневности в России. А также я смог посмотреть на «мою» западную культуру, не слишком поддаваясь влиянию ее привлекательного имиджа.

Когда наш коллектив был на гастролях на Западе, нам часто задавали вопросы, связанные с дефицитом свободы в российском обществе. И отвечая на эти вопросы, я всегда пытался объяснить, что после 25 лет новаторской деятельности в области танца я покинул Запад потому, что почувствовал – заниматься своим делом становится для меня все труднее и только из-за роста дефицита свободы. Здесь я имею в виду дефицит свободы не столько в политическом или экономическом смысле, сколько как результат ограниченности творческого мышления людей, с которыми я работал, и креативного подхода организаций, с которыми я вынужден был иметь дело. Конечно, такое заявление в ответ на стереотипную западную оценку российской действительности обычно вызывает замешательство и недоверие. И хотя я продолжаю считать, что именно это было основной причиной моей неудовлетворенности, сегодня я уже не поручусь, что мой теоретический анализ состояния российского общества, как альтернативной действительности, – вызван не просто надеждами и сверхдозой оптимизма, а скорее является отражением повседневной реальности.

Я начал свою карьеру в мире современного танца в Нидерландах в славные 70-е. Это было время, когда качество нашей

* **Аам Хухей** – основатель и директор Школы развития нового танца в Амстердаме (1975–1989), основатель и директор Европейского центра развития танца в Арнхеме-Дюссельдорфе (1989–2000). В последние годы живет и работает в РФ, изучая и поддерживая развитие современного российского танца.

жизни определялось идеалами. Мы были уверены в том, что можем изменить мир, и четко знаем, что правильно, а что неправильно. Борьба велась против неэффективно функционировавших, часто бюрократических, структур против власти, основанной на праве наследования. Мы были убеждены, что только изменения, постоянные перемены должны быть основой нашего общества. Мы верили, что имеем право сами решать, какими должны быть наши жизни. На короткое время мы поверили, что станет возможным создать такое общество, в котором качество жизни будет определяться тем, как мы мыслим, во что мы верим, а не социальным положением или тем, сколько мы зарабатываем или чем владеем.

Это было время, когда креативность и самобытность были более важными вещами, чем формы успеха, принимаемые теми, в чьих руках все еще находилась власть.

Но эта иллюзия быстро развеялась: некоторые из тех, кто возглавлял это движение, сами добились власти и провозгласили свою «уникальность» нормой для всех остальных. Но более важным, я думаю, было то, что люди, управлявшие нашей экономикой, поняли – язык, идеи и концепции, используемые движением «за свободу», могут быть успешно применены при разработке их собственных маркетинговых стратегий.

В музыке продюсеры стали важнее музыкантов; появление музыкальных коллективов определялось уже не внутренней потребностью отдельных музыкантов, но было результатом применения маркетинговых стратегий и формул немедленного успеха. Индустрия моды научилась торговать идеей «индивидуальности» как массовым продуктом: будь индивидуален, носи Nike! «Новое» больше не было отличительным признаком, не было связано с прогрессом и развитием, а стало просто штампом, разработанным индустрией рекламы. Концепция «качества жизни», которая, как мы когда-то считали, сможет помочь нам стать более самодостаточными людьми, была у нас отнята. Ее использовали для того, чтобы дать нам понять – мы станем счастливыми только в случае, если будем ездить на правильной машине, носить правильную одежду и покупать правильную мебель. Слова, которые до этого обозначали приверженность переменам, стали использоваться для того, чтобы стимулировать нас найти счастье, покупая продукты, разработанные с целью многократного улучшения качества жизни.

Когда я говорил об этом с некоторыми из наших российских хореографов, их реакция ясно отражала ситуацию в России. Впер-

вые в их жизни они зарабатывают какие-то деньги, путешествуют и выступают на Западе и могут улучшить качество жизни, покупая то, что, по их мнению, им необходимо. И хотя они были свидетелями моих колебаний, их первый ответ был следующим: когда у нас будет то, что нам нужно, мы сможем остановиться.

Но боюсь, что это не так просто: во-первых, когда люди смогут действительно достичь точки материальной удовлетворенности, наша цветущая экономика немедленно разрушится. Во-вторых, для того, чтобы избежать данной проблемы, производители материальной удовлетворенности уже изобрели феномен «моды». Машина – это уже не просто машина, платье – не просто платье, и человек всегда должен носить правильную обувь; и для того, чтобы показать свою индивидуальность и своеобразие своей личности, мы, безусловно, должны водить машину не той марки, что у нашего соседа, и никогда не носить устаревший Nike. Улучшает ли все это в действительности качество нашей жизни?

Теперь давайте взглянем на Россию. В России мы все еще говорим об основных потребностях большинства людей: достаточном количестве еды, теплой одежды, денег для заботы о своем здоровье и для того, чтобы дать нужное детям образование. Но если капитализм заработает, а это тем или иным способом может произойти, и в России мы тоже достигнем той точки, когда люди будут иметь то, что им нужно, и тому подобное. И качество жизни также будет определяться мнением экспертов в области маркетинга о том, что необходимо нам для того, чтобы стать счастливыми навсегда, или, по крайней мере, в этом сезоне.

Существует ли что-то, с помощью чего мы могли бы дать определение понятию «качество жизни» на другом уровне, чтобы оно было понятно не только нескольким идеалистам-интеллектуалам, но также и тем, кто продолжает верить в никогда не прекращающиеся обещания маркетинговых экспертов?

Конечно, у меня нет ответа на этот вопрос, а если бы и был, его бы немедленно купили те же маркетологи. Тем не менее, во время моих поездок с коллективом современного танца из глухой российской провинции, я заметил, что в культурах, где понятие «качества жизни» в основном определяется свободой потребления и где люди живут в практически идеально организованных сообществах, стремление к менее материальным ценностям также является весьма слабым.

С одной стороны, Россия быстро движется в сторону уровня «качества жизни», сходного с западным. Правда, иногда для этого она пользуется методами даже более крайними, чем те, которые применялись западными культурами для достижения материалистического рая. С другой стороны, Россия еще не достигла нужного уровня «качества жизни». В российской культуре все еще живут ценности, которые уже давным-давно исчезли на Западе. Хотим ли мы сохранить эти ценности? Сможем ли мы их сохранить?

Российская культура, по моему мнению, имеет одно преимущество перед другими: я называю это Русской Свободой. И поскольку это скорее интеллектуальный концепт, я боюсь, он не подойдет тем, кто старается улучшить свое «качество жизни», каждый год приобретая новую модель сотового телефона.

Если во многих западных обществах развитие и изменение этических ценностей происходило относительно медленно, то в России все было наоборот – она резко порвала со своим прошлым. Результатом этого, как я полагаю, сегодня является то, что в российском обществе многие повседневные ценности не имеют глубоких корней. Следовательно, теоретически возможен генезис новых ценностей, тех, которые не просто поведут российскую культуру к тем же проблемам, явившимся результатом развития западных культур, но которые смогут создать общество, готовое и способное дать другое, новое определение понятию «качество жизни».

Если бы я был идеалистом, я бы сказал, что понятие «качество жизни» определяется наличием достаточного запаса материальных ресурсов, необходимых для того, чтобы жить, не боясь за свое настоящее и будущее; и по достижении этого запаса – наличием достаточного количества мыслей, чтобы жить, не боясь за настоящее и будущее.

Но я не идеалист, и я сознаю, что без сверкающей новенькой машины, последней модели кроссовок Nike и одежды правильного цвета и правильного фасона большинство русских будут несчастливы так же, как и жители любой западной страны.

В связи с этим мне вспоминается последняя сцена из фильма «Фаренгейт», где люди, верившие в то, что «качество жизни» в большей степени определяется духовными ценностями, а не материальными благами, продолжали жить вместе в чаще леса. И каждый из них изучал какую-то свою книгу и запоминал текст, так как к тому времени настоящие книги, дававшие людям понятие о том, какими должны быть настоящие мысли, были запрещены навсегда.

Перевод: Л. С. Слободяник

Событие как феномен повседневности в контексте сетевого взаимодействия

Методологический потенциал сетевой теории (С. Берковитц, Р. Берг, Б. Уэллман) позволяет описывать повседневность с точки зрения структурных связей и динамики. Значимость сетевой теории заключается в том, что для реализации этих задач она дает возможность интегрировать широкий спектр социологических концепций макро- и микроуровня. Буквально – свойства сети распространяются и на социологическое научное знание, обеспечивая в нем интегративные тенденции в процессе концептуального (и даже парадигмального) сетевого взаимодействия.

Специально сетевая теория не акцентирует проблему социокультурных особенностей субъекта взаимодействия, ориентируясь на изучение объективной модели связей. Именно поэтому для раскрытия сетевой природы феноменов повседневности целесообразно использовать методологические возможности этнометодологии, феноменологической социологии, теорий конфликта, обмена, социального пространства и социального капитала.

Изобилие концептуальных подходов в понимании феномена повседневности не отменяет в рамках практически каждого из них постановки проблемы поиска инвариантных оснований и анализа динамики изменений повседневного мира. Сетевая теория, характеризуя статику повседневности, идеально описывает повседневные практики, ритуализированные цепочки взаимодействия, предсказуемость феноменов обыденного сознания, используя упорядоченные устойчивые сетевые модели отношений. Вместе с тем, она также позволяет увидеть трансформации повседневного мира через анализ события и рассмотрение его сетевой природы.

Событие – значимый элемент повседневного мира субъекта, выступает как актуализация его социальных связей. Природа со-

* *Елена Анатольевна Шуклина* – д-р социол. наук, профессор, директор Центра социологических и маркетинговых исследований Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

бытия дуальна, имеет объективную и субъективную стороны. Объективистский подход позволяет рассматривать событие как реальный факт, воздействующий на сознание и деятельность социального субъекта: индивида и его социального окружения, социальных групп, общностей, общества в целом. Субъект, с которым «случилось» событие, оказывается включенным в сферу его влияния. Здесь событие – это данность, объективный факт, который, даже не будучи идентифицирован субъектом как таковой, может оказывать на него воздействие.

Субъективистский подход дает возможность говорить о конструировании события в сознании и его объективации в деятельности субъекта. Субъективность порождает событие, формируя его в процессе идентификации со значимыми феноменами жизненного мира человека. Данный подход показывает роль субъекта в сотворении события, его определении, оформлении, динамике.

Элементами повседневности как социальной сети являются конкретные индивиды, группы и организации, вступающие во взаимодействие различной природы. Социальный субъект, как правило, включен в совокупность сетевых взаимодействий, приобщен к широкому спектру социальных сетей: информационных, экономических, правовых, политических, межличностных, психологических и т. д.

Событие может быть охарактеризовано как фактор, обуславливающий изменение состояния каждого элемента социальной сети и характера его сетевых взаимодействий. Чем шире сетевое пространство воздействия события, тем оно значительней. В возникновении, формировании и трансляции события задействована, как правило, совокупность различных сетей. Событие формируется, оформляется как таковое (как событие) в процессе идентификации его субъектом, укореняясь, распространяясь в сети через взаимные обмены ресурсами разного типа. Оно объективируется в потребностно-мотивационной, ценностно-нормативной сферах и деятельности личности, преобразуется в элементы индивидуального и общественного сознания и практики.

Событие рассматривается двояко: как фактор инновации (приводящий к необходимости освоения, «оповседневнивания» ресурсов события либо разрушению повседневности) и средство воспроизводства жизненного мира субъекта. С одной стороны, событием является любое действие, феномен, предмет, символ, идея, которые свидетельствуют об изменении тенденции деятельности, характера целей, усилий, действий актора и т. д. Событие – это процесс, ко-

торый меняет структуру сетевого взаимодействия, направленность информационных потоков, переводит реальность в иную плоскость. С другой стороны, событие диффузно распространяется и укореняется в разветвленной сети взаимодействующих акторов, которая адаптирует его дестабилизирующее воздействие. Сеть, проявляя гибкость, выдерживает его напор, приспособлявая ресурсный потенциал события к традиционно сложившимся ритуализованным практикам. И, наконец, «укрощенное» событие, многократно (ритмично, циклично) повторяясь, воспроизводит повседневную реальность субъекта. Именно поэтому события в контексте повседневности имеют разный статус, трансформируясь от инновационного до рутинного действия, что определяет их типологию.

В целом динамика событий представляет собой их поток. Потоки – это определенное сцепление, направленность событий, гарантирующие тот или иной результат. Повседневную реальность воспроизводит поток предсказуемых, привычных, рутинных действий (событий), ожидаемых, закономерных, обеспечивающих неизменность повседневного бытия, традиционное «возвращение на круги своя». Их разновидность – институционализированные (регламентированно направленные) потоки событий.

Вместе с тем событийность повседневности не описывается только нормативно регламентированной тенденцией, но и определяется сетевыми связями субъекта. Здесь инновационное событие – это феномен, который осуществляет переход субъекта от одного событийного потока к другому, выводящему за пределы повторяемости, неизбежности, устойчивости, усредненности, замкнутости повседневной жизни.

Существуют принципиальные различия характера индивидуальных и организационных событийных потоков. Иерархические взаимодействия в организации соседствуют (дополняются) с сетевыми, а иногда противостоят им. Особенностью иерархизированного мира является претензия на тотальный контроль событий. Вместе с тем, «сила слабых связей» (М. Грановеттер), характерных для сетевого взаимодействия, в структуре иерархизированной системы проявляется в том, что события возникают по типу сетевой динамики – «ниоткуда», тем самым вступая в противоречия с существующими потоками информации и даже разрушая устоявшиеся отношения. «Случайное» событие – это, как правило, событие, имеющее сетевое происхождение. Оно не запрограммировано в иерархизированном мире.

Характер сетевых связей способствует расширению событийного потенциала субъекта и возможностей гибкого реагирования на вызовы социальной среды. Здесь вступают в силу идентификационные возможности субъекта – умение рассмотреть явление жизненного мира как событие, придать ему событийную окраску. Это проблема раскрытия резервов, потенциала сетевых связей, когда актуализируется возможность увидеть в них событие, которое выступит для субъекта «транзитом» в иной ценностный мир, переходом к иному способу взаимодействия и деятельности. Именно сеть обуславливает свободу самореализации личности через событийную динамику потока, поскольку личность оказывается перед своего рода выбором его направления. Слабые сетевые связи открывают перед актором возможность кардинального изменения рутинных практик посредством конструирования инновационного события.

Сетевые теории, имея претензию на соединение макро- и микроподходов, описывают социальные структуры разных уровней, поэтому с их помощью возможен анализ разноуровневых событий, а также характеристика проникновения события с макроструктур на микроуровень, и наоборот.

Т. А. Круглова*

Ценность человеческой жизни в современном мире: зачем нужны дети?

Каждая культура живет, функционирует и развивается, пока существует ее система ценностей. Кризис системы – кризис ценностей. Эти известные в культурологии вещи касаются не всего массива ценностных отношений, а только самых фундаментальных, тех, которые составляют сакральную основу данного типа культуры. Фундаментальные ценности могут существовать в религиозной форме, и тогда мы обнаруживаем их в виде различных культов, которые являются превращенной формой социокультурных связей, имеющих объективную значимость. Например, как показал Л. Мэмфорд, обожествление царя в древних деспотиях, выступающее в форме отождествления главного бога (Осириса) с царем (фараоном), является необходимым условием работы мегамашины – египетского государства, обслуживающего систему ирригационного земледелия.

Но фундаментальные ценности могут существовать и в нерелигиозной форме, и тогда для исследователя возникают проблемы их выявления. Для рефлексии над природой таких ценностей гуманитарная мысль выработала термин, в котором разница между религиозным и светским содержанием сакральности предстала бы как несущественная. Речь идет о категориальном статусе «абсолютных ценностей». Абсолютные ценности присутствуют в культуре, во-первых, как очевидности, не требующие доказательств, как своего рода аксиологические аксиомы; во-вторых, они поддерживаются большинством и поэтому не оспариваются; в-третьих, за ними признается нерукотворный характер их происхождения, они существуют как бы от века, существовали всегда и будут существовать; в-четвертых, их воздействие проявляется как власть, которую никто не в силах отменить. Историческая отно-

сительность абсолютных ценностей обнаруживается только за пределами того типа культуры, в котором они получили свой статус.

Как выявить набор абсолютных ценностей, не перепутав их с другими, если в культуре Нового времени с доминированием светского начала и рациональным дискурсом нет ярко выраженных культовых (обрядовых) способов их репрезентации? Вполне возможно ввести два показателя, измеряющие «стоимость» абсолютных. И хотя это звучит парадоксально, так как природа абсолютных – сверхценна, в действительном функционировании в обществе измерению поддается все. Речь пойдет о расшифровке того, за что люди той или иной культурной эпохи готовы платить самую большую цену (под «ценой» мы имеем в виду любые принятые в обществе эквиваленты, в том числе и символический капитал), ради чего они приносят жертвы (архетипы жертвы и дара не исчезли за границами первобытной культуры), за какие грехи наказывают по максимуму. Например, самым страшным преступлением в первобытном племени считались инцест и убийство старшего в роду, так как кровосмешение и потеря живого носителя родовой памяти могли привести к границе смерти все племя в условиях очень хрупкого демографического баланса рождений и смертей. Нарушители этих табу карались высшей мерой наказания. Но когда наступает время первых цивилизаций на Востоке, мы находим в законах городов-государств совершенно иные в сравнении с родоплеменной общностью принципы поощрений и наказаний. Надсмотрщик, забивший насмерть раба на строительстве пирамид, облагается небольшим штрафом, а заслушание любого представителя государственной власти следует довольно суровое наказание. Можно сделать вывод, что человеческая жизнь стоит несоизмеримо меньше по сравнению с ценностью государственной власти. Для сохранения целостности и мощи государства приносятся огромные человеческие жертвы.

Как правило, на поверхности культуры мы имеем дело с риторикой, провозглашающей примат тех или иных ценностных ориентиров, но публичный дискурс представляет собой превращенные формы некоего скрытого содержания, ключ к которому лежит в демифологизации социальной риторики. Рассмотрим в этой связи ценность человеческой жизни и ее измерения в современной культуре. Под человеческой жизнью мы понимаем ее первичное значение – биологическое.

* **Татьяна Анатольевна Круглова** – д-р филос. наук, доцент кафедры эстетики, этики и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

И на высоком уровне духовной культуры, и в средствах массовой информации муссируется на разные лады послание о том, что дети – наше главное богатство; что государство крайне заинтересовано в повышении рождаемости. Церкви всех традиционных конфессий требуют запретить аборт на том основании, что эмбрион обладает душой, и значит, аборт – тоже убийство. Убийство ребенка считается в общественном мнении гораздо большим грехом, нежели убийство старика, что находит отражение в современном законодательстве. Каждая семья в западной цивилизации, решившая завести ребенка, отдает себе отчет в том, что его появление и содержание потребует от нее колоссальных материальных затрат. Можно множить примеры из области индустрии детского здоровья, отдыха, образования, доказывающие, что каждый ребенок обходится западной цивилизации очень дорого, и она готова пойти на эти затраты.

Казалось бы, все это доказывает, что ребенок (новая человеческая жизнь) имеет все шансы на то, чтобы квалифицировать его ценность как абсолютную в современной культуре. Но позволим себе усомниться в этом: ведь объективные демографические процессы свидетельствуют о том, что чем выше «стоимость» ребенка (сюда включена и стоимость символического капитала, который приобретает взрослый, став отцом или матерью), тем меньше рождаемость. Чем выше уровень здравоохранения, образования, комфорта, тем меньше рождается людей – носителей и производителей ценностей, структур и стиля жизни самых развитых стран. Доказано, что собственно человеческая база той цивилизации, которая формировалась на базе классической античной рациональности и иудео-христианской духовности, количественно стремительно сокращается, то есть вымирает. Если традиционное общество было многодетным, значит, оно действительно нуждалось в детях. Традиционные культуры воспроизводят себя, повторяясь в потомках, поэтому способ передачи культурного опыта в них носит характер личностно-интимного взаимодействия: от наставника к ученику, от мастера к подмастерью, от отца к сыну. Традиция держится за счет живых, штучных наследников.

Что скрывается за высокой «стоимостью» ребенка сегодня? На самом деле, потоки финансового и символического капиталов, которые курсируют вокруг «производства» детей, направлены на производство вещей и услуг, работают на увеличение самого капитала, на его самовозрастающую логику. Вместо «индустрии де-

тей» мы имеем дело с индустрией «детского мира». «Дети» – это широкомасштабная маркетинговая стратегия. На детях делают капитал шоу-бизнес, наркоторговля, игровой бизнес, производство товаров. Амбивалентность «дороговизны» ребенка в постиндустриальном обществе наводит на определенные размышления, которые оформились в следующую гипотезу: ребенок относится не к числу необходимых «вещей», а к роскоши, то есть к миру избыточных ценностей. Как правило, рождение ребенка в развитых странах планируется тогда, когда все остальные жизненно важные задачи уже решены. Как следствие, бессознательно закладывается программа на одного, максимум на двоих детей, что и приводит к снижению демографической кривой. Современные мужчины и женщины считаются успешными и состоявшимися взрослыми людьми тогда, когда они получили образование и сделали карьеру. В оценке их достоинства, уважении со стороны общества, в символическом капитале каждого человека наличие ребенка занимает последнее место. Современные люди не видят целью своей жизни продолжение рода. Гораздо важнее с точки зрения накопления символического капитала написать книгу, сделать научное открытие, поставить рекорд, то есть приумножить общее совокупное богатство «второй природы». С тех пор как появилась культура, эта задача всегда так или иначе осознавалась как значимая, но, видимо, традиционное общество базировалось на хрупком балансе между производством «первой природы» и «второй». В постиндустриальном обществе, где существует культ информации, постоянно увеличивающейся и регулярно обновляющейся, этот баланс нарушается. Информация начинает проявлять все признаки абсолютной ценности: она всемогуща и неустранима, ее власть пронизывает все.

Как сказал историк и демограф И. Бестужев-Лада, индустриальному городскому обществу дети не нужны. Мы живем в мире, где техника производит технику, информация порождает информацию, и эти процессы приобретают все более самодостаточный характер. Они идут как бы помимо того антропологического носителя, который продолжает оставаться биологическим существом. Люди по-прежнему рождаются тем же способом, что и в начале истории. Поэтому современные мужчины и женщины все больше становятся заложниками глобального противоречия: с одной стороны, архетипические законы не могут быть отменены, а они властно диктуют нам подчиниться мистике крови, кровного родства, что означает продолжение рода в любых социокультурных условиях,

подчас тяжелых и даже невыносимых (война, разруха). Напомню, что архетипы – культурного, а не биологического происхождения. Речь идет не просто об основном инстинкте, а о тех механизмах культуры, которые его закрепляют и поддерживают: зачатие, вынашивание и воспитание ребенка до момента его превращения во взрослую особь происходит внутри парной или большой (это не принципиально) семьи. Именно поэтому утопические проекты начала XX века о переходе к фабричному производству детей потерпели безоговорочное фиаско и вызвали крайне негативную эмоциональную общественную реакцию. Преодоление мистики крови на путях общественного рационального контроля за рождаемостью и воспитанием призвано было решить демографическую проблему без ущерба личностному росту, способствовать полной отдаче каждого человека общему делу. Отказавшись от этих проектов, культура пока не предложила ничего нового, адекватного тем объективным процессам, которые произошли в сфере ценностных отношений.

Образовавшийся тупик переживается наиболее чувствительными людьми драматически, как постоянный разрыв между ребенком и общественно-значимым делом. Метафизический смысл в обзаведении ребенком теряется, это все больше становится частным делом каждого человека, предметом его личного свободного выбора и, соответственно, его персональной ответственности. Быть родителем в наше время – значит испытать стоическую горечь экзистенциального одиночества на фоне общественно-легитимного лицемерия. Эта ситуация нашла отражение в популярном слогане «рожать для себя».

Но и эта позиция оказывается уязвимой. Необходимо учесть еще одно обстоятельство: убыстряющаяся динамика социокультурного развития приводит к тому, что дети не программируются как продолжатели дела отцов. Наоборот, у молодых учатся. Считается, что они легче воспринимают новизну, быстрее к ней адаптируются и сами начинают ее производить. Дети всегда умеют и знают только то, что будет им нужно сегодня и завтра. Обязательность освоения культурной классики постепенно отпадает в качестве жизненно важной задачи. Чтобы в современном мире выжить и успешно себя заявить, достаточно быть осведомленным в самых последних достижениях. Общее культурное пространство между детьми и родителями распадается, фрагментируется. Таким образом, сокращается не только воспроизводство по крови, но и канал культурной памяти.

Ситуация пока не переходит в стадию коллапса (напомню, что речь идет о проблемах развитых западных стран) только потому, что в мире существует количественное превосходство обществ, еще не прошедших полный цикл модернизации, но стремящихся к ней, а следовательно, к образцам западной культуры. Поток мигрантов, сопровождающий западную цивилизацию на протяжении последних 100 лет, решал эти проблемы, при условии, конечно, полной или частичной ассимиляции. Сильно огрубляя сложившееся положение, можно сформулировать парадоксальный вывод: западное общество, создавшее высокие стандарты ценностей человеческой жизни, может их поддерживать только за счет обществ, в которых ценность этой жизни невысока, зато самих «жизней» – в избытке.

О. И. Тарасова*

Мировоззренческий кризис цивилизации и экзистенциальные ценности начала XXI века

Задолго до широко известных работ «Римского клуба», многочисленных современных социальных, экономических и экологических прогнозов о перспективах человеческой цивилизации, М. Хайдеггер отмечал следующее. «Вся бездумная охота на будущее, вычисление его образа путем проекции полуосмысленного настоящего на туманное завтра, пока еще движется в рамках технически-исчисляющего представления. Все попытки морфологически, психологически примерить к настоящей действительности образы декаданса и крушения, рока и катастрофы, заката представляют собой лишь технические манипуляции. Они оперируют аппаратом исчисления симптомов, перечень которых можно удлинять до бесконечности и варьировать каждый раз заново. Подобные анализы не замечают, что работают только в направлении технического расщепления и его методом, представляя тем самым техническому сознанию соразмерное ему историографически-техническое изображение происходящего»¹. Вся многочисленная и разнообразная критика онтологического несовершенства западной цивилизации свидетельствует об исчерпанности данной парадигмы культуры. Для того чтобы изменить логику развития и существования цивилизации, прежде всего, необходимо усомниться в «правомерности нашего бездумного образа жизни» (В. В. Биbihин). Потому что главную опасность представляет собой не столько глобальный системный кризис, а сложившаяся в его условиях возможность *исхода* человечества вообще. Необходимо признать, что нарастающие по экспоненте разнообразные

* **Ольга Игоревна Тарасова** – канд. искусствоведения, доцент кафедры религиоведения Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина (г. Елец).

¹ *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 258.

© О. И. Тарасова, 2007

экологические, экономические, политические, социальные, демографические, нравственные, психологические, образовательные и так далее, слабо разрешимые проблемы свидетельствуют о том, что человечество постепенно утрачивает контроль над собственной эволюцией, а кроме этого, оказывается не в состоянии контролировать развитие технического прогресса.

Кризис цивилизации – это, прежде всего, кризис мировоззренческий, кризис человеческого мышления и сознания, мировосприятия и миропонимания. Поэтому важнейшей задачей видится не столько историко-теоретический анализ научно-технического прогресса цивилизаций, результатов этого прогресса, логики и/или аспектов модернизации культуры, сколько культурологическое исследование ментальных процессов, скрытых ментальных установок, на основе которых формируется тот, свойственный западной парадигме культуры, тип мировоззрения и миропонимания, который и допускает неестественное, неустойчивое технократическое развитие человечества.

Формирование новой парадигмы культуры, нового образа жизни, новых внетехнократических, внепрогрессивных векторов развития цивилизации связано не столько с очередной научной революцией, сколько с «мировоззренческим поворотом», «изменением умозрения», преодолением так называемого оптикоцентризма в способах мышления, осознания и понимания мира. «Оптикоцентризм должен быть заново оценен и переосмыслен в контексте современной культуры, и не только западной, но и восточной»².

Для западного типа культуры фундаментальную значимость имеет визуальное мышление, визуальное восприятие мира, заложенное в генотип европейской цивилизации еще в эпоху античности³. В дальнейшем, как показано М. Хайдеггером, уже «с конца XVIII века ... принципиальное отношение человека к сущему в целом формируется как мировоззрение... Появление слова «мировоззрение» как обозначения позиции человека посреди сущего свиде-

² Метафора оптическая // *Культурология XX век. Энциклопедия.* СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 2. С. 40.

³ Гегемония зрения характеризуется различными метафорами и понятиями – визуальная культура, гегемония видения, визуальная парадигма, рациональное видение, визуальное мышление, перспективизм, зрелищность, «иллюзионизм», «экранная культура», визуальные коммуникации, «культура глаза» и т. д.

тельствует о том, как решительно мир стал картиной, когда человек в качестве субъекта поднял собственную жизнь до командного положения всеобщей точки отсчета»⁴. Однако это свойство – обособленно визуальное, мировоззренческое восприятие мира – типично главным образом только для западной культуры, а для Востока оно характерным не является. И все существующее уже длительное время противопоставление и противоразличение культур Запада и Востока, России и Европы базируется на противоположных – визуальном и слуховом, или письменном и устном – типах ментальности. Как утверждает М. Маклюэн, «нет и не может быть большего противоречия, столкновения между человеческими культурами, нежели столкновение между культурами, которые основаны на приоритете глаза и уха»⁵. Потому что ментальная несовместимость, фундаментальные культурные конфликты, столкновение цивилизаций происходят, прежде всего, на уровне мировосприятия, мировоззрения, миропонимания.

В отличие от философии, рассматривающей мировоззрение как «особый взгляд на мир», а картину мира как «системное представление реальности», как интерпретацию субъектом мира превращенного в картину, культурологический анализ предполагает изучение мировоззрения как специфической установки культуры, возникновения предпосылок и динамики его трансформаций. Необходимо усомниться в правомерности визуального мышления, обособленной «мировоззренческой позиции к существу», поскольку современная ситуация требует пересмотра оптикоцентризма не только как возможного, но, главное, как недопустимого далее отношения к миру.

Особенности отечественной национальной научно-философской мысли, тяготеющей к сфере гармоничной и пропорциональной устной ментальности, соединяющей в себе внерациональный структурализм с преимуществами дискурсивно-логического мышления, логику и интуицию, дает возможность осуществить «мировоззренческий поворот», воссоединив теоретическое умозрение с повседневной очевидностью, «перевести культурологическое знание из сферы чисто теоретического анализа в пространство научного обоснования социально-значимых практических решений»⁶.

⁴ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 51.

⁵ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. К.: Ника-Центр, 2003. С. 101.

⁶ Основы культурологии. М.: Едиториал–УРСС, 2005. С. 23.

Но для этого мышление должно преодолеть некий путь, особую «тропинку мысли», пройти «расстояние» от «картины» к «миру». Первый необходимый для этого шаг – найти способ, которым возможно заглянуть «по ту сторону картины мира». Потому что согласовать в непротиворечивую научную картину все культурное разнообразие мира, превращаемое в конфликтное противостояние, уже принципиально не возможно. Потому – «дело мысли – найти себя ... за своей картиной мира. ... Ведь это *нам* жизненно важно вспомнить, что наши картины, проекты мира – замена упущенному и забытому целому. Мысли пора узнать себя как способную к миру и захваченную миром. Пока мы будем видеть целое только в конце наших построений, мы никогда не увидим нашим построениям конца: чему же конец будет в конце, если ему не нашли начала?»⁷.

Специфика современной ситуации новоевропейской культуры состоит в том, что назрела необходимость смены самой этой парадигмы, исчерпавшей себя и, более того, становящейся опасной. Выход из кризиса может и должен быть найден в смене парадигмы новоевропейской культуры, и «в создании концепции мировидения, основанной на возвращении к целостности мира»⁸, и в изменении смысловых вопросов человеческого бытия.

Но для того чтобы от столкновения цивилизаций и «диалога культур» перейти к «*цивилизации диалога*» (В. М. Межуев), необходима не ретроспективная, а, используя слова П. А. Флоренского, «обратноперспективная» переоценка ценностей. Необходим онтологический поворот и новая философия жизни. Возможно, поэтому М. Хайдеггер ключевым вопросом современной эпохи определил не «*Что делать?*», а «*Как начать думать?*»

⁷ Бибихин В. В. Дело Хайдеггера // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 12.

⁸ Петрухинцев Н. Н. XX лекций по истории мировой культуры. М.: ВЛАДОС, 2001. С. 394.

Проблематизация «не-ценностей» в аксиологии и повседневности XXI века

Любая система, включающая в себя как теоретические положения, так и релевантные эмпирические знания (insights), может рассматриваться как яркое освещенное пятно, окруженное темнотой. Логическим именем для этой темноты будет термин «остаточные категории». Роль последних может быть выведена из внутреннего стремления системы к логической замкнутости.

Талкотт Парсонс

С момента своего рождения в позапрошлом, XIX веке современная аксиология (включая ее постмодернистские деконструкции) оставалась фиксированной на иррациональных аксиомах немецкой философии жизни. Максими Ф. Ницше и сегодня актуальны постольку, поскольку они раскрывают разнообразие смысловых граней того фундаментального обстоятельства, что *ценности вкладываются человеком в мир* и никакого горизонта абсолютных ценностей, существующих безотносительно к человеку, просто не может быть. Любое рассуждение о ценностях вызывает к диалектическим ресурсам понимания — антиподом ценностей оказываются анти-ценности, и понятные принципы теоретической аксиологии увязают в кантианском ригоризме должного и сущего. «Не-ценности» предстают чем-то смутно неинтересным для аксиологического дискурса, но это и есть верный симптом их «рамочного» статуса. Перспективы проблемного поля ценностей в начале XXI века связаны не столько с умножением аргументов внутри логического пространства уже сложившихся позиций; они также не связаны с простым экстенсивным ростом за счет эмпи-

* **Константин Михайлович Ольховиков** — д-р филос. наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского государственного технического университета (УПИ), доцент (г. Екатеринбург).

рических междисциплинарных проектов в различных социальных и гуманитарных исследованиях. Назрела потребность в переосмыслении самой связи ценностного и не-ценностного в человеческой жизни и познании, а это требует, в первую очередь, переоценок сложившихся смысловых разграничений аксиологии и повседневности.

Интенсификация социальной жизни вполне отображается в структуризации повседневных суждений, далеко ушедших от традиционного здравого смысла. Очевидность не-ценного сегодня дана через призму человеческого существования, опосредованного каждодневными нововведениями. Возникает «изнаночная» аксиология, укорененная в не-ценностных интуициях рассудка. Эта не-ценность отвечает следующим характерным признакам:

- она не тождественна бывшим или потенциальным ценностям;
- она существует в непосредственной связи с актуальными ценностями;
- она вполне автономна и независима в качестве внутренне недифференцированной склонности субъектов (индивидов).

Нарочитая яркость и псевдотрепетность современного потребительства отчетливо свидетельствуют о притуплении чувств вследствие их тиражирования. Жизнь «по ту сторону добра и зла» стала вполне обычным состоянием душевной жизни людей. При этом общепринятое деление ценностей на инструментальные и терминальные совершенно не отражает сложившейся ситуации, поскольку подразумевает принципиальное совпадение границ ценностного (культурного) и смыслового (целерационального). Более того, не-ценностное вполне безразлично не только к смысловым отношениям средств к ценностям и целям, но и к аффективности, как и к традиционно укоренившимся социальным стереотипам. Современный человек, обреченный на статус потребителя, оказался разоблачен от всех смысловых рамок субъективности здравого смысла.

Актуальная динамика ценностей не может черпать свою энергию исключительно из ценностных коллизий — подобное не может вырастать исключительно за счет подобного. Именно об этом свидетельствует впечатление постоянного (паразитического) разбавления и перепева дистиллированных ценностей прошлого (культурной традиции). Разбавленного чем? Не-ценностной субъективностью повседневного человеческого существования. Человеческого не стало меньше, но стало больше не-ценностного в человеке.

Ценности абсолютны по своей природе, предполагают резкую бытийную грань между собой и повседневным человеческим существованием. Но когда речь заходит, к примеру, о ценностных предпочтениях, то к ценностям как таковым прилепляется совершенно безразличный их абсолютному статусу элемент сравнительного преимущества, превосходства в силу ситуации. Актуальные ценности существуют в контексте непрерывных установлений предпочтений и льгот, предоставляемых одним ценностям сравнительно с другими. Социальное перенасыщено совершением душевных сделок, а ценностное переплелось и почти слилось с оценочным.

Душевная жизнь в XXI веке своеобразно иллюстрирует характеристики психопатологических предрасположенностей, сформулированных К. Ясперсом в его знаменитой «Общей психопатологии». В каждом человеке существует определенный набор исходных качеств, но эти качества – сложные целостности, они не даны в виде механических комплексов и не явлены в ряду актуальных конфигураций психического. Человеческие качества «всплывают» на поверхности социальной жизни, отражают в себе ритмы этой жизни, но при этом подчиняются собственным глубинным закономерностям. Следует различать различные виды предрасположенностей: видимую – невидимую, физическую – психическую, врожденную – приобретенную, которые все психически и социально значимы, при этом будучи различными актуализациями исходных качеств человека.

Сегодня мы имеем возможность наблюдать, каким образом трансформируются глубинные человеческие качества, выходя на поверхность публичной жизни. Но простота этого «переноса» обманчива. Собственно, К. Ясперс предупреждал о невозможности разделения предрасположенности и среды, тем более – их причинной различимости в сложных целостных событиях. Любое субъектное проявление – уже результат взаимодействия предрасположенности и среды. Компоненты предрасположенности не явлены в компонентах проявления, ставшего ценностным предпочтением, но во многом определяют способы передачи последнего от человека к человеку. Предрасположенность и предпочтение всегда связаны непредсказуемой корреляцией для креативного субъекта, но предрасположенность определяет востребованность предпочтения для потребляющего субъекта.

Вызов потребительства порождает рост значимости волевой составляющей человеческой жизни. Именно воля определяет вы-

бор взаимодействия со средой. Приобретая очертания смысла, выбор становится противоположностью синтеза – в нем исключена встреча с действительностью, завершающаяся гармонической целостностью с ней. Сегодняшние способы ценностной актуализации человеческих предрасположенностей подразумевают вытеснение диалектики понимания – дихотомиями самосознания. Предрасположенности открывают ряд не-ценностных альтернатив, равно важных для живого самосознания личности, как и ее успешной публичной карьеры.

Безусловно, современное смешение ценностного и не-ценностного ни в коей мере не отвечает признакам сложной целостности – ситуация куда как далека от замкнутости. Имеет смысл говорить о сложных социальных агрегатах, имеющих разноуровневую незавершенную структуру с чертами нагромождения. Публичное мнение почти окончательно запуталось с различиями мистического и рационального, интимного и публичного, частного и общечеловеческого, и этот ряд можно продолжать именно потому, что он реально прирастает за счет инкорпорирования не-ценностных компонентов в сферу социально значимых ценностных ориентаций людей. Повседневность перенасыщена возможностями аксиологической экспертизы, и эта экспертиза востребована на уровне социально-типических ожиданий индивидов, и именно поэтому не может быть ограничена принципами существующей теоретической аксиологии, помещающей всякий разговор о ценностях в рамки ценностного как такового. Разрывая рамки тавтологии, мы рискуем разделить судьбу принципиально незавершенных антропологических программ или получить новое качество изучения ценностей.

Повседневность и новое значение частной жизни гражданина

Смещение философского интереса к проблематике повседневного индивидуального и совместного бытия людей открывает ряд методологических и эвристических перспектив, связанных с фиксацией существенных сдвигов, произошедших в XX веке. Один из них – иное по сравнению с Новым временем соотношение частного и публичного в повседневной жизни гражданина. Современный социальный контекст коренным образом трансформирует модель гражданина Нового времени.

Начало XX века ознаменовалось установлением волюнтаристских, или мобилизующих государств¹. Сформировались две модели гражданина, соответствующие двум моделям организации государственной власти: гражданина тоталитарного общества и гражданина в системе харизматического господства современных государств, представляющих собой «гибрид классических институтов представительной демократии с институтами личной власти харизматического лидера – политического вождя плебисцитарной демократии»². Оба типа лежат в контексте глобального факта истории XX века – восстания масс³, смыслом которого является бегство человека от власти и свободы. Оба типа характеризуют гражданина как пассивного участника политической жизни, стремящегося к замыканию в частной сфере. Параллельно развивалась тенденция приватизации публичного пространства политики профессионалами. Восстание масс является следствием столкновения двух процессов внутри современной цивилизации: «возрастания со-

* **Ирина Борисовна Фан** – канд. филос. наук, научный сотрудник Института Философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

¹ Турэн А. Социальные трансформации двадцатого столетия // Международный журнал социальных наук. 1998. № 23. С. 9.

² Скоробогатский В. В. Социокультурный анализ власти. Екатеринбург, 2002. С. 202.

³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. М., 1997. С. 45.

© И. Б. Фан, 2007

циокультурной динамики власти, предполагающей сохранение и упорочение комплекса прав и свобод человека, обеспечивающих культивирование человеческой индивидуальности, личного Я и чувства ответственности», и порождаемой техническим прогрессом «демократической несвободы», связанной с новыми формами контроля⁴. Результатом действия последних становится «конструируемый» индивид, формируемый системой социализации, развлечения, индустрией потребления и отдыха, политической рекламой и т. д.⁵ Частью этой системы контроля («конструирования») оказывается публичная роль гражданина.

Самоизменение феномена гражданина Нового времени, начавшееся с середины XIX в. века, касается и смыслового поля гражданского этоса, и воплощающих его институциональных структур. В современном политическом мире актуализировались проблемы национальной и персональной идентичности, потенциала либеральной политической культуры, перспектив сохранения модели представительной демократии и гражданина как ее несущей конструкции. На повестку дня выходит поиск способа воспроизводства гражданина как субъекта политического выбора, не предопределенного профессионалами, как лицо, способное поддерживать и изменять политические структуры. Это требует воспроизводства института гражданства и гражданской культуры – форм, обеспечивающих включенность рядовых граждан в политику как практическую деятельность, как игру с непредсказуемым результатом. Это вопрос и о социальном качестве гражданина – его политической культуре (гражданской идентичности), и о жизнеспособности систем партийно-политического представительства и политической конкуренции, то есть об институциональном и ментальном статусе гражданина.

В изменении ментальных характеристик модели гражданина Нового времени отмечаются следующие тенденции. Логика эволюции индивидуализма ведет к его проникновению в публичную сферу, разложению этоса новоевропейского человека, разрушению начального единства гражданина и нации, нарушению баланса пуб-

⁴ Скоробогатский В. В. Указ. соч. С. 205.

⁵ «...в качестве части этой машины, он [индивид] пре-формирован, заранее запрограммирован на предсказуемый образ действий в не им предписанных обстоятельствах» (Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994. С. 123).

личного и частного в бытии и ментальности гражданина. Роль гражданина государства в структуре социальных ролей личности оттесняется ролью потребителя (обывателя, мещанина, филистера, «человека массы», ушедшего в сферу приватного). «Личностная» культура постепенно разрушала нормы искусственности, условности, дистанцированности людей друг от друга, нормы игры (театральности, наличия масок и ролей), необходимые для существования публичной сферы. Р. Сеннет констатирует «конец публичной культуры» и описывает нынешнюю ситуацию в культуре как доминирование «идеологии задушевности (интимности)», переводящей политические категории в разряд психологических⁶. Представление об интимности как настоящей добродетели, склонность к восприятию реальности сквозь поиски «опыта задушевности» приводит к формированию типа личности, ожидающей от мира атмосферы доверия, сердечности и комфорта, не готовой к условиям сложной социальной жизни, обладающей страхом перед безличными, отчужденными отношениями, царящими в публичной сфере. Результатом этих страхов становится «ослабленное понятие человеческой воли»⁷, а следствием – превращение массы граждан в пассивных зрителей массовых шоу, разыгрываемых политическими «героями». Двойственность структуры интимного общества проявляется в нарциссизме⁸ и «упразднении ощущения группового эго», в потере чувства общности коллективных и групповых интересов, в преобладании культуры личности над коллективными интересами. Социальные взаимодействия фокусируются на мотивациях, а не на действиях, сходство переживаемых чувств объединяет людей во все меньшие группы, развиваются местный деструктивный патриотизм и локализация чувства сообщества. Это становится фактором организации семьи, школы, соседской общины и одновременно дезорганизации города и государства. Когда социальная ре-

⁶ Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2002. С. 293.

⁷ Там же. С. 295.

⁸ Нарциссизм – это «поглощенность собой», утопание в собственной самости, заключающее опасность «такой реакции на мир, когда реальность пытаются уловить через образы собственной личности». Проявлениями нарциссизма Р. Сеннет считает аморфность личности, сознание разорванности, отъединенности чувства и деятельности, разрыв между деятельностью и побуждением, утрату веры в публичность, потерю навыков самоотстранения в публичной жизни. (Сеннет Р. Указ. соч. С. 373–375).

альность начинает измеряться в терминах психологии, общество лишается даже социальной корректности (civility)⁹ как уже сниженного варианта гражданственности, связанного с равнодушной толерантностью и исчезновением тяги к политической активности. Личность отчуждается от публичной жизни, индивид становится актером, лишенным возможности играть, поскольку эта возможность может реализоваться лишь в культуре, сохраняющей дистанцию между маской и личностью.

Конфликт частного и публичного переносится во внутренний мир личности. Индивид теряет способность вырабатывать маску для жизни на публике, жить по условным правилам поведения на дистанции от собственных непосредственных желаний. В прошлом религиозные ритуалы учили индивида участию в выразительном действии. В условиях культуры приватности ему трудно выработать маску, овладеть навыками самоотстранения, отсюда утрата способности играть и участвовать. В результате длительного исторического процесса «само состояние человеческой природы оказалось преобразовано в то индивидуалистичное, нестабильное и погруженное в себя явление, которое мы называем «личностью»¹⁰. «...Вера в то, что прямые человеческие отношения основываются на интимности, отвлекла нас от того, чтобы моделировать наше понимание реалий власти и определять собственное политическое поведение. В отсутствие этого вызов силам господства и неравенства так и остается неброшенным»¹¹. Из гражданственности уходит активность и остаются светскость, нарциссизм, аморфность самости, пассивность в практических действиях, проявляемых на публике. Социальная корректность грозит превращением из нейтральной в свою противоположность – нецивилизованность.

⁹ «Социальная корректность есть отношение к другим как к незнакомцам и установление социальной связи с соблюдением соответствующей дистанции» (Там же. С. 300).

¹⁰ Сеннет Р. Указ. соч. С. 392.

¹¹ Там же. С. 393.

Маргинал как основной тип современного человека и создатель новых ценностей

Повседневность – особая реальность жизни, по отношению к которой невозможно произвести процедуру «эпохе» (т. е. воздержание от суждения о мире). Напротив, повседневность предполагает воздержание от всякого сомнения в существовании мира, она самоочевидна и уже поэтому является синонимом жизни человека, его проживания в мире. Тем самым повседневность – устойчивая неизменная укорененность человека, его почва и его жизненный мир. Поскольку повседневность самоочевидна, то она, как отмечал А. Щюц, устраняет рефлексивность, а следовательно, человек живет в ней как цельное, нефрагментированное, неотчужденное, нерасколотое существо. При этом А. Щюц считал, что повседневность социально-структурирована, типизирована. Структуры повседневности задаются intersubjectивным взаимодействием. Типизация вырастает из повторения, из обыденных каждодневных действий (и взаимодействий). Во «вчера», «сегодня», «завтра» присутствует «то же самое», что и порождает перспективу-проекцию – «так было, есть и будет», «и так дальше», «я смогу это снова повторить»... Повторяемость, алгоритмичность, стереотипность и рождает тип человека повседневности. В этом с А. Щюцем следует согласиться.

Но уж если повседневность и создает тип человека, то тип этот удивителен своей «нетипичностью». Повседневность и человек повседневности во многом схожи. Анонимность предполагает наличие обыденного, «среднестатистического человека», ничем особенным от остальных не отличающегося, но ведь «быть как все», «не выделяться» – признак массового человека.

Понятия массы и массового человека, будучи принятыми в социологии, социальной философии, культурологии, социальной пси-

* Людмила Анатольевна Мясникова – д-р филос. наук, профессор, завкафедрой социально-культурного сервиса и туризма, проректор по научной работе Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

хологии и идеологии XX века, за одно только столетие существенно изменили свое содержание. Первоначально (30–50-е гг. XX в.) масса противопоставляется элите, является синонимом человека – пешки, марионетки, гальки на дорогах (катится, куда его толкнут, не стремясь к субъективности, свободе, собственному волеизъявлению), агрессивной, либо послушной толпы, подчиняющейся приказу. Человек массы – тот, кем манипулируют. На этой теоретической (да и практической) основе возникали как тоталитарные, так и демократические общества.

В 60–70-х гг. на смену первому типу массового повседневного человека пришел массовый потребитель, конформист, который сделал свой выбор между «иметь» и «быть». Он выбрал жизнь по принципу «иметь», получать все готовым для усвоения, переработанным, ибо так удобней жить, не нужно тратить лишних усилий. Именно анонимная повседневность диктовала идеал потребления и тип конформиста.

В 80–90-х гг. XX века появилась новая масса и новый человек повседневности. Человек-потребитель – поглощает, а не созидает. Он не создает принципиально новых смыслов и ценностей. Импульсивность, власть нейтрального – главные характеристики массы и массового человека конца XX в., как справедливо подчеркивал Ж. Бодрийяр. Масса – «рыхлое, вязкое, люмпенаналитическое представление»¹. Массовый человек грани XX–XXI вв. «не обладает ни атрибутом, ни предикатом, ни качеством, ни референцией»². Массовым человеком уже нельзя управлять, его нельзя направлять.

Масса (повседневность) поглотила социальные структуры, размыла границы, отделяющие одну группу от другой. Термин «человек повседневности» стал обозначать бегство от властного воздействия, разрушения политического. Человек повседневности уже – не «гражданин» и не «публика». Все более тонкие, дорогостоящие, изощренные формы воздействия на потребителя (СМИ, реклама, новые маркетинговые технологии) часто не достигают желаемой цели. Масса все поглощает, принимает в себя и не дает запланированного результата. Это ли не уход из-под властного воздействия? Массовый человек – человек повседневности стал неуправляемым, но не в форме активного нигилизма, а в форме ускользания.

¹ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. С. 9.

² Там же. С. 10.

Вкратце обозначив эволюцию массового человека как человека повседневности, необходимо понять, каковы же ценности повседневной жизни. Откуда они берутся? Ж. Бодрийяр писал о том, что масса не нуждается в ценностях и смыслах. С этим трудно согласиться. Размывание социальности не уничтожает реальность повседневности. Повседневность тоже форма общности (интерсубъективной, межиндивидуальной, «лицом к лицу»), и для ее существования ценности необходимы.

Классическая социальность предполагает наличие нескольких уровней социальной реальности:

1. Уровень формальных структур общества (социальных институтов), которые задают индивидам нормы и стандарты жизни и деятельности, задают статусы, социальные роли. Индивидууму по оси «приемлемое – неприемлемое» направляются ожидания – предписания, раскрывающие общие для всей социальной системы ценности.

2. Уровень культурных ценностей, выраженных в религии, морали, праве, искусстве, науке. Это ментальные установки, парадигмы, «дух эпохи», коллективные архетипы.

3. Низовой базовый уровень повседневной жизни, где и «обмиршаются» нормативные предписания социума и культурные, ментальные ценности. Это своеобразный плавильный тигль, где и формируется личность, где предписания приобретают индивидуализированное воплощение в зависимости от множества конкретных жизненных ситуаций, жизненных историй (Ф. Бродель).

Итак, при наличии жестких социальных структур и фиксированных общественных культурных ценностей индивиды в своей повседневной жизни в процессе инкультурации и социализации (одновременно и индивидуализации) воплощают в свою жизнь социально-культурные ценности.

Не так обстоит дело в период распада социальности в постиндустриальном обществе. Формальные структуры либо распадаются, либо «не работают», поскольку индивиды становятся аполитичными, асоциальными, играют не одну, а много социальных ролей, размывая их границы и стандарты, перечеркивают своим поведением предписанные стандарты. Они уходят в сферу частной жизни, приватности, неотделяемой от «тусовки».

Культурные ментальные ценности и смыслы тоже исчерпываются, происходит их эрозия. Толерантность, этническая, религиозная, художественная поливариантность, гетерогенность жиз-

ненного пространства размывают устойчивые, инвариантные ценностно-ментальные основы жизни общества, «коллективную личность». «Оседают» не только социальные структуры, но и публичность. Понятие «публики» появилось в Новое время. Публика – рассредоточенная, невидимая общность людей, возникающая в результате сходных реакций на события общественной жизни и ощущающая себя как психологическое, ментальное единство. «Как феномен городской цивилизации, порожденный столицами, публика характеризовалась «...» стремлением к эгалитарности, разрешению сословных границ, ориентации на усредненные образцы мышления и поведения. ..., подверженностью влиянию значимых событий, мнений, идей, персон, олицетворяющих эти мнения; эмоциональной и интеллектуальной отзывчивостью и импульсивностью; склонностью к «идеализации повседневности», к «одухотворению сферы частного» путем облечения собственных интересов в теории «возвышения их страстями», амбивалентностью; способностью к осуществлению и трансляции социального согласия и разрешения конфликтов»³.

Публика – связующий элемент, канал, соединяющий сферы социального и культурно-ментального бытия людей. Публика – это средний класс, как подчеркивает В. В. Скоробогатский⁴. С выделением публики в особый слой означились и особые границы приватной, частной жизни. Публичное противопоставлялось частному. Во второй половине XX в. наступает конец публичности. Р. Сеннет говорит о формировании нового типа человека, ожидающего от мира сердечности, комфорта, удовлетворения желаний и потребностей, не готового к сложностям социальной жизни, жестким несправедливым отношениям, подверженному страхам отчужденности (в сфере публичного). Происходит снижение воли индивидов, превращения их из деятелей, субъектов в пассивных участников реали-шоу. Упраздняется коллективное эго. Уже нет готовых ролей и масок для жизни на публике. Светскость сочетается не с публичностью, а с желанием погони за удовольствиями при аморфности самостоятельности. Гетерогенность, децентрализация, размытая идентичность, культурная и ролевая симуляция и имитация,

³ *Фан И. Б.* От героя до статиста. Метаморфозы западно-европейского гражданина. Екатеринбург: УрО ОАН, 2006.

⁴ *Скоробогатский В. В.* Социально-культурный анализ власти. Екатеринбург: УрАГС, 2002. С. 184–185.

отказ от истины, разрушение границ добра и зла (т. е. морали и аморальности) не позволяют человеку повседневности интериоризировать готовые социальные роли и ментальные ценности. Но означает ли эрозия социальных структур и универсальных ценностей вообще отказ от ценностей в сфере повседневности? Нет, не означает. Каков же механизм формирования ценностей в повседневной жизни, как они формируются и обновляются?

Основным типом человека повседневности в современном обществе является маргинал. Понятие маргинальности долгое время служило «для оправдания репрессии специфической части людей, не соответствующих принятым в обществе нормам и ценностям»⁵. Маргинал перифериен, децентрирован. Его существование лишь подтверждало наличие структур и границ. Маргинал долгое время был явным (активным) или неявным (пассивным) оппозиционером, человеком «подполья». Не таков современный маргинал. Поскольку происходит исчезновение социальных структур с четкими границами, исчезает оппозиция центра – периферии, своего – иного, нормального – ненормального, истины – лжи, публичного – приватного, то исчезает и прежний смысл маргинальности. Гетерология утверждает инаковость как суть человека. Повседневность же парадоксальным образом соединяет «других» в единую реальность. Каждый из нас в повседневности и «другой», и «такой же». Эта констатация не только теоретическая. На практике мы наблюдаем стирание границ (этнических, государственных, смысловых, культурных, социальных, профессиональных, моральных). Мигранты становятся гражданами, их слой внутри коренного населения возрастает и меняет гражданственность, социальные и культурные ценности. Появляются новые виды профессиональной деятельности, в которые приходят «люди со стороны» и становятся профессионалами-маргиналами. В массовой культуре наблюдается смешение жанров, стилей, видов искусства. На телевизионных экранах представлены проекты «Две звезды», «Звезды на льду», «Танцы со звездами», «Последний герой» и т. д. Суть их в том, что соединяется профессионал и человек со стороны (профессионал в другой сфере), т. е. маргинал. Подобное соединение, с одной сто-

роны, размывает высокие стандарты профессионализма в определенном виде искусства, т. е. снижает уровень мастерства. Но, с другой стороны, вносит новые смыслы, приемы, стандарты, что приводит к обновлению уже привычного. Из подобных горизонтальных смещений и рождаются новые смыслы и ценности повседневности. Столкновение и смещение (смешение) алгоритмов и стереотипов своего и иного приводят к формированию и обновлению ценностей повседневности в современном обществе. Современный маргинал – не дилетант, он профессионал и носитель смысла в иной сфере, потому и возможно смысловое, ценностное обогащение одной сферы с помощью другой, иной.

Правда, возникает вопрос: если на уровне воспитания, обучения будут подрываться фундаментальные основы и ценности, исчезнут прочные азы профессии, морали, знаний, то откуда и каким образом станут формироваться ценности? Всеобщая маргинализация пока приемлема и продуктивна, но жизнеспособна ли она в жизненной перспективе? Позволю себе закончить этим вопросом. Ответ на него требует отдельного серьезного исследования.

⁵ Керимов Т. Х. Маргинальность: Современный философский словарь / Под общ. ред. профессора В. Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск: Панпринт, 1988. С. 468.

Динамика аксиологических ориентиров личности в повседневности трансформирующегося социума

Исследование современной социокультурной ситуации в России возможно с учетом примата аксиологического фактора в развитии внутренней духовной составляющей личности.

Демократизация социально-политических институтов, совершенствование методов политического управления оказывают непосредственное влияние на развитие личности, трансформацию микро- и макросреды, что, несомненно, дает возможность повысить роль личности в существующем контексте социокультурного бытия.

Соотношение человека и общества, индивидуального сознания и коллективного сознания, сознания и духовной культуры как соотношение части и целого носит сложный, немеханический характер. Сознание человека можно сравнить с голограммой духовной культуры общества: это часть, которая механически оставаясь частью, несет в себе информацию о целом. Распад этого целого, духовной культуры, и является причиной дегуманизации культуры и человека.

И индустриальное, и информационное общество практически решают проблему материального благосостояния, но игнорируют духовную и экологическую проблемы, а без их решения культура останется ущербной. Вместе с ней будет ущербным и человек. Духовный дискомфорт и экологический императив будут подталкивать нас к поиску нового типа культуры, в котором мир человеческих сущностей будет органически включен в духовную культуру и образ жизни.

* *Надежда Романовна Вакулич* – канд. филос. наук, доцент кафедры человековедения, начальник учебного и научного отдела института дополнительного профессионального образования Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (г. Саратов).

Такое состояние культуры не может длиться вечно, общество требует рефлексии и реформ. Современный процесс возврата к ценностям культуры, создания средств для достижения целей гуманизации и представляет собой рефлексии на состояние экзистенциального вакуума, экологического кризиса, взрыва насилия в технизированном, урбанизированном обществе, в котором духовность сведена к минимуму и рассматривается как непостижимая и ненужная потребность человека, ибо сознание, редуцированное к экономическим ценностям и основанное на технократическом мышлении, в ней не нуждается.

Отсутствие положительного образа будущего лишает культуру ориентиров развития, глобальных целей существования. Вполне естественно, что и человек в такой ситуации также утрачивает жизненные ориентиры – цель и путь, маяк и вехи.

В последнее время, по мере трансформации современного общества на периферию нравственной жизни социума отеснялись нормы и ценности традиционной морали и закреплялись мотивация, поведенческие и оценочные образцы, присущие рациональной морали. В повседневности современного общества люди выступают не только как подданные или просто производители, но и как граждане, которые действуют, определяя свои жизненные стратегии и поведенческие тактики вполне самостоятельно, по собственному разумению, а не по чьим-то распоряжениям или по установленным традициям. Они действуют на свой страх и риск, под собственную ответственность, сориентированные избранными ими нормами-целями на жизненный и деловой успех.

При этом существенным регулятором взаимоотношений личности и общества выступают правовые и нравственные нормы, которые всегда предстают как явления ценностные. Ценностное отношение имеет и интеллектуальную, и эмоциональную составляющую. Естественно, в любом обществе имеются субъекты, не считающие для себя необходимым исполнять обязательные для всех нормы, но и они знают, что от них требуется их соблюдение, поскольку это установлено в данном обществе, данном государстве, поскольку сами нормы объективно имеют общеобязательное значение.

Несомненно, в нормах этики современного общества на передний план выходят требования морального, а не только правового равенства. Нормативно-ценностные средства этики нашего общества образуют ряд подсистем общественной нравственности.

Этика современного общества выступает против отождествления индивидуализма с эгоизмом, нравственным аутизмом. Многие рассматривают социальную справедливость как возможность достижения каждым своих целей, которые оказываются итогом собственных нравственных исканий и автономного выбора, всего того, что называется духовным суверенитетом личности. Одновременно этика акцентирует не одни только права, но и обязанности человека, включая их как в побудительные, так и в запретительные нормы.

Очевидно, этика любого общества вариативна в зависимости от историко-культурных и этноконфессиональных тенденций развития социума, иными словами, от того, в рамках какой уникальной цивилизации или субцивилизации она образовывалась. Если в одних вариантах этики предпочтения делаются в пользу индивидуализма, то в иных – на передний план выходят интересы общностей; если в одних случаях делается акцент на дисциплину труда, отказе от эвдемонистических мотивов и избыточного потребления, то в других – на хозяйственные добродетели, ощущение удовлетворенности от исполненного долга в границах профессионального призвания как самостоятельной жизненной ценности. Тем не менее формирование обыденной этики, как составной части культуры повседневности с ее основными понятиями и интенциями, оказывается мощным фактором универсализации норм и ценностей общественной нравственности в целом. Понятно, этика не представляет собой завершенного духовного продукта и изменяется вместе с переменами в самом этом обществе и в макрокосме.

Анализ современного состояния общества выявляет устойчивую обусловленную направленность личности на определенные задачи. Общая динамика структуры ценностных ориентаций указывает на примат ценностей, связанных с внутренними составляющими личности как биологического, так и социального толка: здоровье, семья, социальная ответственность, личный успех, повышение экономической активности.

В периоды относительной экономической и социально-политической стабильности российского общества снижается значимость ценностей, ориентированных на достижение личного успеха, появляется чувство независимости и уверенности в себе. Одновременно с этим идет процесс креативной трансформации сознания, и важное значение приобретают общечеловеческие ценности: терпимость, чуткость, альтруизм, характерные для периода экономической и социально-политической стабильности (60–80-е гг.).

Особенностью феномена ценностного сознания в посткризисный период является волнообразная динамика терминальных и инструментальных ценностей. При этом терминальные ценности усиливаются: прагматические ценности, личный успех, волевые ценности. А инструментальные ослабляются: снижается ориентация на самореализацию, работа воспринимается как средство получения материального обеспечения, а не средство реализации, уменьшается значение этических ценностей (честность и воспитанность), поскольку необходимость выживания сопряжена с нарушением этических норм. В периоды экономической стабильности усиливается роль ценности досуга, общения и т. п., несомненно наблюдается инверсия ценностных ориентиров, сознание возвращается к традиционным российским приоритетам, в то же время кризис отменяет и этнокультурный фактор. Вместе с тем следует отметить, что в обществе существуют особые типы личности, ценностные ориентиры которых не подвержены трансформации в периоды реформационных преобразований. Динамика ценностных установок в современном обществе показывает, что деструктивные изменения аксиологических взглядов членов данного социума носят темпоральный характер, затем наблюдается период возвратного движения, при котором аксиологическое сознание может существенно повлиять на макроэкономическое и социально-политическое развитие социума.

Проблематизация социального различия в контексте современности

В современной философии проблема социального различия занимает важное, если даже не центральное место. Это связано, во-первых, с появлением и актуализацией практик, например виртуальных, но и не только, конструирования, утраты, изменения идентичности. Кроме того, и это для нас еще важнее, современный глобализующийся мир может стать и уже становится площадкой активного, даже можно сказать «яростного», выяснения отношений между сложившимися культурными, социальными общностями, между социальными составляющими в личности одного человека. Эта ситуация заставляет перестраивать модели взаимодействия различных культур, искать новые основания для теории толерантности. В этом контексте для нас важным является осмысление социального различия как ценности. На данный момент мы можем говорить о двух тенденциях в понимании социального различия как ценности.

Во-первых, мы имеем традицию классического гуманизма. Ее также можно назвать либерально-правовой традицией. Здесь мы имеем дело с декларируемым признанием ценности каждого индивида, независимо от того, к какой социальной, этнокультурной группе он принадлежит. Сложность здесь заключается в том, что равное отношение к каждому должно обеспечиваться системой прав человека. В итоге происходит обратное – ценностью оказывается скорее не сам человек, как индивид, обладающий качествами, существенно отличающими его от всех других, но именно эти сами общие, имперсональные права человека. Собственно говоря, нас интересует выживание какого-нибудь африканского племени не потому, что нас интересует само это племя, но постольку, поскольку «каждый имеет право на жизнь». Из этой ситуации мы можем выйти на еще одно следствие – в системе прав человека,

* *Андрей Сергеевич Железнов* – магистрант философского факультета УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

изобретенной в эпоху Просвещения и составляющей ядро западной системы ценностей, имеется весьма специфическое представление о жизни как о том, на что имеет право человек. Вероятнее всего, жизнь для зулуса, или для мусульманина, или для эскимоса означает различные вещи. В том смысле, что жизнь, ценная для западного человека, может быть не только не ценной, но и отталкивающей для представителя другой культуры.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в классической традиции не происходит реального утверждения ценности социального различия. Вместо этого парадигма прав человека нивелирует многообразие индивидуальностей, подменяя его на «права человека», являющиеся скорее выражением западной системы ценностей.

Во-вторых, мы имеем множество неклассических подходов. Конечно, учитывая разобщенность и, зачастую, полемичность авторов по отношению друг к другу, мы можем говорить о неклассическом подходе вообще с некоторой натяжкой. Однако, несмотря на это, мы попытаемся выделить несколько общих черт в трактовке социального различия. Первая такая черта заключается в осуществлении явного сознательного разрыва с классикой. Классический гуманизм признается ущербным, репрессивным. (Основой этого признания является критика, схожая с той, которую мы попытались провести в предыдущих своих тезисах.) На ценностях же социального различия специально делается акцент. При этом социальное различие, различие Я/Другой, рассматривается как радикальное – не редуцируемое и не преодолимое. Другой осмысляется как своего рода «потустороннее» существо: его невозможно понять, в лучшем случае до конца, в худшем – вообще.

Такое понимание, безусловно, уводит нас от репрессивного сведения индивидуальных и личных различий к некоторым всеобщим основаниям. Но, признавая бессилие теоретического разума во взаимодействии с Другим, мы не делаем ничего для осмысления практического взаимодействия, будь то взаимодействие с другими культурами или с другими индивидами. Другой, остающийся за границей способностей сознания, безусловно, является для нас ценностью сам по себе, вне контекста общих имперсональных ценностей. Но практическое взаимодействие с ним при этом либо прекращается (что, естественно, невозможно), либо осуществляется в рамках некоторых «неясных» ориентиров, так как ориентиры ста-

рые были деконструированы. В итоге ситуация с взаимодействием с другими так и остается непроясненной.

Констатируя данную проблему, мы можем говорить о том, что, сформулированная неразрешимо на уровне теоретическом, она может быть решена и, собственно, решается в повседневной практике. Вот что я имею в виду: в повседневной жизни мы имеем как признание абсолютной ценности Другого (причем именно как другого, радикально отличного от меня), так и вполне успешное взаимодействие с ним. Это говорит о том, что в поиске путей разрешения проблемы социального различия следует, видимо, обращаться не столько к свержению метафизики, но к повседневности в ее этическом (в смысле поведения, но без бихевиористского налета) контексте.

О. Е. Гимпель*

Культурный капитал в повседневном социокультурном контексте

Понятие культурного капитала определено как опыт восприятия культурных источников, накапливаемый в течение жизни и реализуемый средствами взаимодействия с внешней средой. Культурный капитал не есть односложное явление, данный капитал несет ответственность за восприятие внешней информации, формирование оценки по отношению к данной информации, предопределяет дальнейшую ее (информации) судьбу в рамках деятельности индивида – носителя культурного капитала. В первую очередь, культурный капитал отвечает за накопленный опыт восприятия культурных источников: тот опыт, который формируется под воздействием воспитания, образования, социализации. Не секрет, что часть культурного капитала человек усваивает от родителей (перенимает родительский культурный капитал), часть формирует сам посредством образования (его продолжительности и направленности), полученного жизненного опыта, а также собственных ценностных ориентаций.

Культурный капитал, как часть личности индивида, несет на себе определенную смысловую нагрузку. Культурный капитал отвечает за способность воспринимать информацию, давать ей оценку, принимать решение о дальнейшем взаимодействии с данной информацией, а также за способность усваивать информацию. Безусловно, данное взаимодействие не может быть однонаправленным и вся воспринимаемая индивидом информация непосредственно влияет на него.

В современном социокультурном пространстве наблюдается тенденция к слиянию и взаимопроникновению различных культур, культуральных ценностей и ориентаций, что, безусловно, ведет к расширению границ культурного капитала. На данном культурном этапе объем культурных источников достаточно массивен, и в связи

* *Ольга Евгеньевна Гимпель* – аспирантка кафедры социологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

с этим, вариативность самопроявления и самопозиционирования практически не ограничена. Широко известно, что человек использует культуру как возможность самореализации: и как непосредственный ее творец, и как прямой потребитель. Таким образом, делая осознанный выбор в пользу того или иного направления, человек, в первую очередь, реализует свой культурный капитал во внешней среде.

Индивид, носитель культурного капитала, склонен к взаимодействию с носителями аналогичного культурного капитала (и по его объему и по его направленности), и, как следствие, формируется группа, объединенная по принципу общности культурных интересов, которые в дальнейшем, по мере развития группы, дополняются общими ценностями и ориентациями. Социальная идентичность, как фактор самовосприятия, основана, кроме прочего, и на таком факторе, как культурная ориентация, т. е. на культурном капитале. Индивид не только определяет себя посредством культурного капитала, но и стремится к взаимодействию с носителями аналогичных культурных ориентаций.

Если брать во внимание социокультурный контекст, то культурный капитал предстает, с одной стороны, как маркер, с другой стороны, как основная движущая сила. Если брать культурный капитал как маркер современной культуры, то среднестатистический (уровненный) культурный капитал в первую очередь отражает состояние культуры в данный конкретный промежуток времени, основные психологические, социальные, экономические проблемы в обществе. Индивид, взаимодействующий «здесь и сейчас», отражает в своем культурном капитале основные насущные проблемы и, как следствие, проецирует это на культуру в целом. И тут возникает другая сторона, которая отвечает за движение культуры, ее развитие и изменение: в данном аспекте культурный капитал, достаточно восприимчивый к социальным и экономическим изменениям, реализует различные культурные продукты (начиная от «народного творчества, в виде анекдотов и шуток, заканчивая более глобальными видами искусства, такими, как кино и литература»). Таким образом, культурный капитал прежде всего является диагностом социально-экономической, политической, культурной ситуации, сложившейся в данный конкретный промежуток времени, и в то же время «зеркалом» этой ситуации.

Нет сомнения, что культурный капитал на разных временных и территориальных участках отражал в первую очередь насущные

проблемы и интересы людей, тем не менее культурный капитал как явление остается индивидуальным, развивается в границах личности одного человека и зависит от индивидуальных потребностей, особенностей и наклонностей.

Что же касается культурного капитала в повседневном социокультурном контексте, это явление основано на различных уровнях проявления: от личного индивидуального культурного капитала, затем капитала малой группы, до культурного капитала этноса и нации. В состоянии мультикультурального общества есть смысл говорить о культурном капитале людей как всеобщем явлении, которое признается и поддерживается большинством и зависит от мнения большинства. В любом случае, культурный капитал явление глубокое и многогранное, имеющее свои показатели и значения, которые в той или иной степени влияют на социальную, экономическую, политическую, общественную жизнь в целом.

Пол человека как социальная программа и экзистенциальная практика

Универсалистские концепции человека, против которых начала борьбу гуманитарная мысль XX века, с необходимостью порождали и универсалистские концепции пола. Собственно говоря, пол как концепт и возникает в то же время, когда универсалистская концепция человека получила свое теоретическое завершение. Произошло это, как известно, в эпоху Просвещения, в эпоху, которую не случайно называют золотым веком философии.

Философия как область знания, в отличие от конкретных наук, базируется прежде всего на обобщениях. Именно поиск *общих* оснований, которые всегда скрыты за многоцветным разнообразием конкретного, составляли суть философского режима мыслительных практик. Гегелевская Абсолютная Идея как основание-предел стала, конечно, пиком этого режима. Однако и категорический императив Канта, и «естественное право» Локка, и «Я» («яйность») Фихте – все эти характеристики сущности человеческого отражали стремление философии к обобщениям самого высокого уровня. Чем выше, чем ближе к «пределу», тем философичней, т. е. качественней, по уровню ранжированности знание. Только во второй половине XX века раздадутся голоса о том, что этот «человек» – не есть универсалия, а совершенно конкретная ее разновидность «белого гетеросексуального европейца среднего класса» определенной эпохи, впрочем, кто-то назовет данного «человека» еще более конкретно, а именно европейским философом XVIII века. Но дело не в названии, дело в фундаментальной претензии, которую предъявила современная мысль классике: когда «мы заняты поисками метафизического существа, Человека с большой буквы», в жертву приносится «реальное существо, с которым сталкиваемся в действительности, – человек с маленькой буквы»¹.

* Галина Андреевна Брандт – д-р филос. наук, завкафедрой социально-гуманитарных дисциплин Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Гирц К. Интерпретация культуры. М., 2004. С. 64.

С концептом пола происходит история, в чем-то схожая с концептом человека, но, конечно, имеющая свою специфику. Специфика заключалась хотя бы в том, что если «человек» был в центре внимания философской мысли, то «пол» был как раз той незначимой в общем особенностью, от которой и следовало отвлекаться в раздумьях об универсальных свойствах человеческого. Однако – и в этом была явная нестыковка, не снятое противоречие эпохи – в тех немногочисленных работах, которые были специально посвящены концептам женственности и мужественности, а точнее маскулинности и феминности, явственно проступала принципиальная разница в человеческих качествах людей разных полов. Причем в этих работах, в отличие от высказываний предшествующих эпох, открыто декларировалась идея равноценности этих разных качеств. Поэтому открытым остался вопрос, почему при рассмотрении человека *вообще* женщина, с ее особыми (и столь же ценными!) качествами, вообще исчезала из данного рассмотрения.

Однако сейчас в фокусе нашего внимания не специфика (об этом нам не раз уже приходилось развернуто высказываться²), а то общее, что произошло с концептом человека и концептом пола. Качества мужчины (как от природы сильного, независимого, рационального, ответственного за свои поступки существа) и женщины (как существа прекрасного, эмоционального, мягкого, зависимого) были объявлены универсальными, сущностными, общими для всех времен и народов. И все несоответствия, реально встречающиеся в жизни, рассматривались как отклонения, шероховатости, несовершенства, которые подлежали исправлению. (Особенно в этом смысле показательна работа Руссо «Эмиль, или О воспитании», где одна глава посвящена воспитанию Софьи – подруги и будущей супруги Эмиля: здесь отчетливо показано *что*, какие качества надо воспитывать в ней в отличие от самого Эмиля).

История XX века – и прежде всего история самого бытия людей – показала, что отклонения, шероховатости и несовершенства половых качеств людей все больше становятся не исключением, а правилом. Выход женщины в социальное пространство, традиционно считавшееся мужским, освоение новых для нее форм деятельности показали, что даже в рамках европейской парадигмы границы половых свойств человека в современном мире «плывут»,

² См., например, Брандт Г. А. Философская антропология феминизма. СПб.: Алетейя, 2006.

теряя свои четкие очертания. И так же как философия «Человека», философия «Пола», где последний объявлялся некоей сущностной универсалией, с непреложными характеристиками для всех времен и народов, сегодня может мало что объяснить в тех тектонических изменениях, которые претерпевает половая идентичность человека на рубеже последних веков.

Интересно заметить, что в англоязычных странах нет такой дисциплины, как «философская антропология». Антропология может быть только культурной и/или социальной. Речь о «человеке вообще» не занимает сегодня умы гуманитариев. Точно так же вместо философии пола в конце XX века возникла междисциплинарная гендерная теория, которая базируется на убеждении, что «пол вообще» такая же фикция, как «человек вообще», что пол всегда с необходимостью определенная социокультурная программа, задающая основные параметры деятельности индивидов.

Другое дело, что эти программы часто маскируются под общечеловеческую универсалию. Так, в частности, происходит в современной России, где СМИ, реклама, бытовые разговорные клише нередко воспроизводят патриархатные гендерные установки, обосновывая непреложность их так называемой «природой» мужчины и женщины. Это порождает серьезные проблемы культурного, социального и психологического характера (часто современный человек — как мужчина, так и женщина — чувствуют факт «несоответствия» себя и/или своего спутника/спутницы жизни «настоящему» мужчине или «настоящей» женщине). Очевидно, что укорененные патриархатные установки способствуют углублению дискриминационных практик (причем в отношении человека любого пола) не только в частной, но и во всех сферах публичной жизни социума. Поэтому, думается, одной из важных задач гендерной теории в России должна стать задача разведения «пола» как внешней социальной программы и реального переживания современным россиянином своего пола, своей гендерной экзистенции.

В. Я. Нагевичене*

Современная семья на пути выбора духовной ориентации: светской или религиозной

Современное общество находится в нестабильном состоянии. Происходит процесс изменения его экономики, политики, идеологии, что находит отражение в изменении систем общества, их функционального характера, в новой постановке политических и идеологических ориентиров. Одной из систем общества является семья. С одной стороны, она представляет собой подструктуру общества, ее социальный институт, адаптационно изменяющийся вместе с ценностной ориентацией государства. С другой стороны, семья — это относительно самостоятельная ячейка, которая для личности представляет уникальное место формирования и реализации ее многообразных социальных, духовных, религиозных, мировоззренческих, естественно-биологических потребностей. Это — интимный мир человека, где он обретает в межличностном общении с родственниками свою индивидуальность, духовно-религиозное мироотношение, вырабатывает многообразные ролевые функции, формируя свой личностный мотивационный уровень поведения, духовно-нравственные ценности. С этой точки зрения, семья представляется личностной ценностью. Институт семьи выступает таким социальным образованием, в котором тесно переплетаются, формируются и удовлетворяются во всем многообразии и противоречивости личные и общественные потребности и интересы, создаются социальные и семейные ценности.

Влияние общества на семью предполагает передачу материальной и духовной информации через функции государства, регулирующие семейно-брачные отношения. Государство и семья — это открытые системы, относительно самостоятельные, саморе-

* **Валентина Яковлевна Нагевичене** — канд. филос. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин филиала Южно-Уральского государственного университета (г. Миасс).

гулирующиеся, самостабилизирующиеся. Семья вырабатывает свою систему адаптации к государству, принимая или отрицая его ценности. Поэтому семья активно или пассивно включается в социальную структуру государства, выбирает свой относительно самостоятельный путь духовного становления или реорганизации семейно-брачных отношений. Это связано с изменением ее производственной функции, функции приумножения и созидания наследства, мировоззренческой ценностной ориентацией, влияющей на внутренние и внешние функции семьи, что придает количественное и качественное многообразие «семейному портрету».

Отрабатывается механизм социализации современной семьи, в которой можно выделить два пути: 1) возврат к традиционной патриархальной семье, ценности которой еще не забыты, где каждый индивид обладает глубоко личностными качествами: характером, силой воли, поискам смысла жизни и достижения идеала; 2) создание нетрадиционной семьи с огромным количеством альтернативных браков.

Первый путь связан с ориентацией страны на «возрождение России», восстановление ее культурно-исторических, духовно-религиозных, нравственно-этических ценностей, представленных, естественно, православием как главным мировоззренческим духовным потенциалом «Руси Великой». Второй путь связан тоже с государственной политикой, но ориентирован на создание цивилизованного государства с демократическими нормами жизни в рамках мирового сообщества.

Социальная переориентация государства и трудная адаптация семьи к этим условиям нашли свое отражение в таких общественных тенденциях, как: сокращение количества браков, увеличение брачного возраста женихов и невест, внесение в семейные традиции церковных обрядов, праздников, которые отмечаются уже не только церковью, но и государством, сокращение рождаемости, увеличение смертности во всех возрастных категориях, падение жизненного уровня и резкая имущественная дифференциация населения, сокращение образовательного ценза семьи, переориентация молодежи от образования к раннему заработку, увеличение числа детей, рожденных физиологически и психологически неполноценными, усиление жестокости в отношениях между мужем и женой, а также между поколениями, увеличение детской беспризорности, преступности и наркомании.

Социальная политика государства, направленная на улучшение демографической ситуации в стране, еще не связана с социальным курсом укрепления семьи и брака, с ростом ее духовного потенциала. Национальный проект, который бы отражал интересы семьи и брака, еще не отработан, поэтому многие считают, что панацеей от всех бед является православная церковь и воспетая ею патриархальная семья.

Христианская семья, живущая по догматическим законам православия, относительно независима от государства. У нее есть свои внутренние каноны, четко регулирующие функции мужа и жены, их взаимоотношения с детьми и близкими родственниками. Все члены семьи связаны нравственными узами, здесь каждый находит свой приют, чувствует себя защищенным.

Сохраняя патриархальность, семья становится на защиту своей веры, следовательно и отечества, на защиту национальной культуры, она является основным носителем, выразителем идеи «Великой России».

Светские семьи стремятся слиться с «мировой» инокультурой, отходят от традиций. В этих семьях место традиционного брака занимают: гражданский брак, конкубинат, альтернативный брак, гетерономный, бисексуальный, гудвиновский.

Православная церковь осуждает эти браки и семьи, которые не несут ответственности за воспитание детей, считая эти браки виновными в росте бездомных детей-сирот.

Православная семья является носителем традиций, духовной культуры, но в силу коммерциализации общественных отношений многие люди отказываются от брака и семьи, уходят в монастыри, вступают в религиозный брак, совершая аскетический монашеский подвиг. Религиозная семья, как духовная нравственная ячейка, не вписывается в канву современных социальных государственных отношений, лежащих в основе рыночных преобразований страны. Она обречена, как и большинство людей, находящихся за чертой бедности, на самовывживание. Православная семья уходит под защиту церкви, а не государства.

Церковь не в состоянии помочь каждой семье, хотя и прилагает огромные усилия по оказанию помощи нуждающимся в ней. Она создает центры реабилитации, куда поступают молодые люди — наркоманы или сошедшие с ума, заблудшие. Она создает монастыри не только для одиноких мужчин и женщин, но и для семейных. Обращаясь к верующим, она призывает их оставаться на позициях

истинного гуманизма и взаимопомощи, в результате чего могут сформироваться территориально-диаспорные отношения, помогающие практически выжить людям, особенно одиноким, старым и немощным.

Церковь является опорой семьи и личности благодаря тому, что именно она стала хранительницей духовности. В церкви и через церковь идет приобщение к сокровенному человеческой природы, а также к духовным ценностям народа. Разумеется, духовность и церковная религиозность не тождественные понятия. Духовность может быть и светской, связанной с культурой. Тем не менее именно религиозность, понятая в качестве связи между отдельной человеческой жизнью и всеобщностью бытия, между частно-индивидуальным и Абсолютом, между индивидом и родом, человеком и природой, человеком и Богом, является сутью духовности. Именно церковь выявляет, хранит и позволяет индивиду обрести связь с Абсолютом, Богом, а уже через него и с миром.

С. В. Ольховикова*

Повседневные ценности в зеркале современной мифологии: синтез архаичного и рационального

Начало прошлого, XX века было отмечено появлением нового вектора в гуманитарных науках, не утратившего актуальности и сто лет спустя, – разнообразные и всесторонние исследования архаического мышления. Тогда, буквально через 10–15 лет исследователи заговорили о том, что современность продуцирует «новую архаику», что миф проникает во все структуры современного общества. Случайно ли столкнулись эти два сюжета – исследовательский интерес к мифу и зримое возрождение власти мифа в повседневном мышлении людей?

Процесс порождения мифа в качестве исследовательской проблемы и процесс обнаружения мифа в ряду социальных фактов современности – это две самодостаточные тенденции современного мышления, которые были обречены встретиться в своеобразном предчувствии аксиологических катастроф XX века.

Тотальная ремифологизация, столетие которой можно отмечать сегодня, имеет под собой реальные социокультурные основания, восходящие к необратимым изменениям XIX века. Именно промышленная революция была экономической подготовкой появления массового общества. В свою очередь, рынок и СМИ, не мыслимые без массового производства вещей, вовлекающего людей в институты массовой социализации, подготовили появление массового человека – человека, отрекшегося от своей индивидуальности, практически утратившего черты личности.

В авангарде обезличивания оказалось обыденное сознание, которое всегда подчинялось чувственным механизмам стереотипизации. Обыденное сознание необратимо становится массовым,

* *Светлана Валерьевна Ольховикова* – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

поскольку по своей сути востребует готовые «схемы», «матрицы» поведения, восприятия, представления, суждения. Массовое сознание, получившее ресурс подлинности от ежедневных практик, становится современным аналогом первобытного коллективного мышления, охотно воспроизводит форму продуцирования мифов.

Объективный процесс массовизации обыденности активно поддерживается извне разнообразными общественными структурами, заинтересованными в манипуляции сознанием больших групп людей, – политическими и коммерческими, прежде всего. Тотальная реклама не оставляет человеку шанса стремиться к чему-либо другому, кроме общества потребления, а политический PR лежит камнем преткновения на пути в гражданское общество. Социальная инженерия политического мифотворчества сегодня уже не отдается на откуп тоталитаризму, она пропитывает собой искренние профессиональные мотивы людей, занятых в политике.

Все дело в том, что эти субъективные процессы не являются подлинным рождением мифа и при более глубоком рассмотрении оказываются абсолютно внешними по отношению к жизни Духа. Будучи воплощен в классике, а не в разочаровании ею, Дух завершил свой социокультурный цикл. Картина мира, опирающаяся на науку и идею прогресса, оказалась своеобразным посредником между созерцательным очарованием незыблемыми ценностями и их нигилистическим ниспровержением в нигилизме и постмодерне. Сегодня культура саморазрушается, чтобы начать все сначала, и человек современный обречен на превращение в *tabula rasa* завтрашней эпохи.

Актуальное состояние современной мифологии не дает оснований к серьезным предположениям относительно новых ценностей и самого существа нового этапа культуры. Сегодня мы можем лишь фиксировать процесс встречного движения социума и Духа, фиксировать неизбежность встречи на территории мифа. И если философия дает шанс понимания духовных оснований этой тенденции, то социология призвана раскрывать и объяснять ее цивилизационные основания.

Нигилизм сам по себе был логическим продолжением идеи рациональности и прогресса, поскольку, ставя под сомнение существующие нравственные и духовные ценности, утверждал творческую самодостаточность индивидуальности. Нигилизм – цивилизационный наследник индустриализма. В свою очередь, постмодерн окончательно разрушает культурные устои и саму личность. Постмодерн – цивилизационный наследник тоталитаризма.

Гуманность Духа в современную эпоху проявляется в обезболивании смерти классических образов человеческой чувственности, разумности, телесности. Социология дает обобщенный инструментальный конструкт современной ситуации, позволяет фактологически, исходя из социальных признаков структурирования, дифференцировать подлинные и неподлинные архаические ценности, дает шанс экзистенциального постижения актуальных границ «человеческого». Проект современности во многом сформирован благодаря институционализации социологического познания, и именно социология несет в себе противоядие губительным опасностям пострациональности. Философская потребность, имеющая изначально антропологический смысл, способна сегодня отразиться лишь в вещных структурах социальности. Миссия современного познания – в приручении «новой архаики».

Современный кризис российской жизни является ценностным по своей сути. Быстрая череда социально-политических и экономических изменений разрушила привычную систему ценностей советского общества, что привело к оглушительным последствиям для России (включая депопуляцию), связанным по сути с атомизацией, т. е. распадом общества как целого.

Система ценностей – это внутренний каркас культуры, который интегрирует общество, формируя его как национальное и культурное единство. Только в корреляции с ценностями деятельность человека становится подлинно осмысленной. Разрушение ценностных ориентиров приводит к разрушению ценностно-мотивационной сферы и утрате смысла жизни. В современной российской культурной действительности преобладают разрушительные, «суицидальные» тенденции.

Решающий удар по «советской мифологии» был нанесен во времена Горбачева посредством невиданной «актуализации прошлого». Историческая публицистика на какое-то время стала самым популярным народным чтением, а суд над прошлым, прежде всего советским, сделался излюбленным занятием для всей страны – от академиков до школьников.

Дальнейшие переписывания истории – ближайшей и далекой, привели к разрушительным процессам в сознании массового человека. Жизнь неожиданно утратила исторический контекст и погрузилась в болото синонимичных целей, в выживание. В сознании людей были разрушены долгосрочные цели, обесмыслив, таким образом, само их существование. Уставшее общество искало не

разрыва с историей, а примирения с ней, оно требовало объяснения прошлого взамен его разрушения. На смену «черным» мифам российской истории должны были прийти «белые» мифы. Утраченную советскую идентичность сегодня пытаются заменить российской или имперской.

Ценностный вакуум конца XX в оказался глубже ценностного кризиса начала XX в. Большевистские ценности были более совместимы с традиционными ценностями российского общества, чем импортируемые сейчас в Россию ценности западного мира. Идеи равенства, аскетизма, неприятия богатства были достаточно близки христианскому мировоззрению, а ожидание чудесного пришествия коммунизма вполне отвечало мечтательно-сказочному восприятию жизни. Более того, коммунистическая власть последовательно реанимировала эту связь, актуализируя старые мифологемы мессианства, вождя («доброго царя»), жертвы, искупления и т. д. на атеистической почве. Меркантилизм и прагматизм западной цивилизации не находят подобного отклика и противостоят мифу в обликах приземленности и мещанства.

Идеи «особого пути» и невключенности России в мировую цивилизацию порождают раздражение не только на Западе, но и в России. Время самодостаточных цивилизаций прошло. Вхождение России в мировой цивилизационный процесс – это не столько вопрос политики и экономики, сколько вопрос формирования ценностных предпочтений.

Н. К. Эйнгорн*

Повседневность морали и мораль повседневности

Одним из атрибутов культуры является движение от хаоса к гармонии. Повседневным эквивалентом этого свойства культуры выступает упорядочивание деятельности и отношений единичных субъектов и субъектов-общностей на пути к целостности, полноте и подлинности их социального бытия.

Мораль как специфический вид социальной регуляции и хранительница общности, опирающаяся на человеческое в человеке (добрый разум, добрые чувства, добрую волю), представляет собой существенную составляющую культуры вообще и культуры повседневности в частности.

По сути своей, мораль выступает как антихаосная социальная сила, главным назначением которой является адаптация человека к различным социумам, в которые он оказывается включен в процессе своей жизнедеятельности. Мораль выполняет функцию универсальной социализации индивидов на основе приоритета социального над индивидуальным. В любом срезе повседневности мораль призвана напоминать индивиду известную и очевидную аксиому о том, что часть никогда не может быть значимей целого. Реализуется такая универсальная моральная установка в повседневной жизни через систему моральных ценностей и систему моральных требований, которые, в свою очередь, конкретизируют противоречие ценного и должного в морали.

Моральные ценности (благо, добро, справедливость, долг, ответственность, честь, достоинство, совесть, дружба, любовь и т. д.) становятся содержанием морально-должного, которое придает этим ценностям статус моральных императивов, моральных требований.

Система моральных требований состоит из четырех элементов: элементарные правила поведения, моральные нормы деятель-

* **Нонна Константиновна Эйнгорн** – профессор, канд. филос. наук, УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

ности, моральные принципы жизнедеятельности и моральные идеалы. Повседневность моральной регуляции осуществляется посредством элементарных правил поведения и моральных норм деятельности. Эти два вида моральных требований образуют относительно самостоятельный блок в системе моральных требований, который характеризуется как повседневная регуляция, **настоящее** в отличие от принципов и идеалов, которые ориентируют нашу жизнедеятельность на перспективу, в **будущее**. Правила и нормы, характеризующие повседневность морали, выражают **горизонталь** нашей жизнедеятельности в отличие от принципов и идеалов, задающих **вертикаль** развития человека и общества от простого к сложному, от несовершенного к совершенному, от низшего к высшему. Вертикаль выстраивается из наслоения горизонталей нашей жизни, из наслоения ежедневностей, в которых мы руководствуемся правилами и нормами.

Третье отличительное качество повседневности морали – конкретика, **тактика** повседневного морального поведения и моральной деятельности. Тогда как принципы и идеалы – это предельно обобщенные моральные требования, выражающие **стратегию** жизнедеятельности человека, общества.

Правила и нормы **регулируют** нашу ежедневно-повседневную жизнедеятельность, а принципы и идеалы **ориентируют**, они менее императивны, чем правила и нормы, дают будущую свободу морального выбора, но предполагают и большую моральную ответственность. Повседневно следовать правилам и нормам можно принудить (кнутом или пряником), а жить, ориентируясь на принципы и идеалы, принудить невозможно, это сознательный выбор каждого.

Повседневное общение регулируется, прежде всего, двумя видами поведенческой культуры: универсальной и этикетной. **Универсальная поведенческая культура** основана на принципе равноценности человеческих достоинств и реализуется в таких качествах общения, как вежливость, доброжелательность, тактичность, скромность. **Этикетная поведенческая культура** основана на принципе неравноценности человеческих достоинств, на принципе иерархии социальных статусов, на делении всех на *выше* стоящих и *ниже* стоящих.

Мораль современной повседневности проявляется в востребованности и универсальной поведенческой культуры, и этикетной. Болевой точкой современной универсальной поведенческой куль-

туры является спонтанная подмена раскованности общения, его свободы и непринужденности, развязностью – псевдо- и анти-свободой, поведенческим произволом и вседозволенностью, ведущими к пошлости и цинизму. В сфере этикетной культуры все более востребованным становится деловой этикет как составляющая этики повседневных деловых отношений. Культура повседневности предполагает гармоничное сочетание в морали повседневности и универсальной, и этикетной поведенческой культуры.

Нормативно-деятельностная моральная культура повседневности предписывает соблюдение эталонов справедливости, чести, достоинства, долга, ответственности и т. д., выражающих качества моральной деятельности, в отличие от отмеченных выше качеств поведенческой культуры. Одной из наиболее болезненных точек современной морально-деятельностной культуры является **атимия** – патологическое бесчестие, забвение приоритета социального над индивидуальным, воинствующий индивидуализм и эгоцентризм. Опасность атимии – в десоциализации личности, в утрате ею ответственности за свое «социальное лицо», за свою причастность и участие в жизни ближних и дальних, в жизни государства, общества.

Таким образом, мораль, являясь универсалией социального и индивидуального бытия, в горизонтальном срезе повседневности посредством элементарных правил поведения и моральных норм деятельности ежедневно упорядочивает отношения различных субъектов, оберегая социумы от хаоса и разрушения. Поэтому и в горизонтали, и в вертикали социального бытия мораль является хранительницей, «берегиней» общностей. В этом – ее изначальная и непреходящая ценность как феномена культуры, ее историческая и актуальная ценность. Культурой, выводящей человека за пределы повседневности, является нравственная культура, представляющая собой центр духовной культуры и задающая культуре повседневности высшие эталоны совершенствования, высшие вечные ценности.

Искусство как эстетический посредник культуры и повседневности

Вечная истина, особенность, реальность человеческого, а тем самым и социокультурного бытия, – сосуществование, взаимодействие, сплавление в жизни искусства и культуры, невозможность бытования культуры и, соответственно, человека без искусства. Предисловие к своей последней книге «Стихи про меня» П. Вайль заканчивает фразой: «...без стихов жизнь была бы иной – скучнее, беднее, тусклее. Хуже» (1). Это выразительное «хуже» – лишь внешняя сторона того сложного отношения, в котором находятся человеческая жизнь, а потому и культура, и поэтическая реальность. В дальнейшем повествовании-размышлении по поводу стихов, которые вмешивались в его жизнь и, как оказалось, точно ей соответствовали, хотя принадлежали опыту другого поэта, П. Вайль убедителен, раскрывая основную миссию искусства: создание согласований между человеком и культурой, организация человеческого существования в качестве актуально-культурного по всем его уровням и смыслам.

Одно из ярких впечатлений моей молодости, случившееся в уже прошедшем столетии, – первое посещение Петербурга, тогда Ленинграда, а затем и первой «заграницы» – Будапешта. Ошеломляющее чувство погружения в удивительную культуру, представленную потрясающей архитектурой и размахом пространства – художественного произведения. Реальность совершенно другой, осознающей и гордо несущей свою выразительность и самобытность, среды. Осознание этого привело позже к пониманию установленной теорией искусства истины: архитектура – душа города. Именно в архитектуре возникал образ города и людей той, далекой исторической эпохи, зримо представлялся способ их поведения. Вновь остро пережила это, проехав по местам классической Италии

* *Ирина Митрофановна Лисовец* – канд. филос. наук, доцент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

прошедшим летом, почувствовала почти физически ушедшую культуру и существование человека в том времени на развалинах Помпеи и Римского Форума, как бы пролистала иллюстрированные страницы книги по истории культуры, открытой сейчас.

Исторически экзистенциальные отношения культуры и искусства, характер их взаимодействия, и конкретно повседневности и художественного мира, складывались по-разному. До рубежа XIX–XX вв. искусство сохраняло по преимуществу статус особой, поднятой над повседневностью духовной реальности, несущей идеальные ценности, язык которой символичен и прекрасен в соответствии с выраженными образами. Но уже с реализма XVIII, а затем XIX века и постромантизма начинает складываться поэтизация искусством повседневности и ее героев. Задачу приведения облика повседневности к эстетической и художественной форме прямо поставил русский авангард, а практически решил дизайн, выразительным формообразованием перестроив весь предметный мир современного человека.

Изменение типа общества и культуры в XX веке явно сказывается на искусстве, его отношении к обычному миру. Глубоким социокультурным изменениям соответствовало расставание искусства с красотой, которое самим искусством переживалось трагически, так же как и отказ от миметического начала. К концу XX века постмодернизм попытался отбросить художественные условности и напрямую воспользоваться языком обыденности, акцентируя его необработанную фактуру. Но не только искусство использовало выразительность обычного мира, сама повседневность постепенно трансформировалась, подвергаясь художественной обработке.

Искусство в XX веке через арт-практики, дизайнерское формообразование прямо включалось в повседневность, выводя ее на просвет духовного, запуская интенсивное эстетическое и художественное переживание обыденного, в котором человек чувствует себя действующим лицом, актером на сцене жизни. Возникший в начале века дизайн начал планомерную эстетическую революцию предметного мира, а замысливший ее художественный модернизм попытался приподнять обыденность на подмостки, придав значимость повседневным, привычно незамечаемым вещам. Новая авангарда, ставшая тенденцией, не разделять искусство и жизнь обеспечивала ему доминирующее положение «вплоть до конца 50-х начала 60-х гг.» (2). Повседневный мир через своих

«типичных представителей», вспомним уже классический «Фонтан» М. Дюшана, перемещается в художественную галерею, а для искусства художественной галереей благодаря авангардной скульптуре и живописи становится реальная городская среда. Как выразился А. Капроу, обычная жизнь, исполненная как искусство, придает повседневности силу метафоры (3). Жизнь как художественный феномен обрела статус подлинности в сравнении с неоформленной жизнью. Здесь сыграла свою роль, прежде всего, убедительность формы, сотворенная красота. Современный человек не только западного, но и крупного российского города живет уже в эстетически преобразованном, а потому другом мире, визуальные параметры которого выстроены в соответствии с ценностными представлениями этого человека, его актуальной культурой. Повседневность в результате превратилась в самостоятельный, переосмысленный культурный феномен Преобразованное средствами архитектуры, дизайна, искусства скульптуры и живописи пространство города становится сценическим пространством, в котором разыгрываются драмы человеческой жизни. Человек начинает жить в другой знаковой реальности. Экспансивное развитие дизайна к концу XX века раздвинуло границы эстетического формообразования, сместив его из среды предметной в социально-коммуникативную, к имидж-дизайну и дизайну социальных процессов, обеспечив тем самым всестороннюю социокультурную визуализацию и «означивание» жизни человека. Можно сказать, что к настоящему времени завершилось «сценическое» оформление повседневности, многомерное построение ее декорации. Благодаря этому повседневность приобрела статус художественного артефакта. Образная насыщенность, выраженная авторская воля, несущая миропереживание и побуждающая к нему, некоторая условность событий, происходящих в таком специфически выстроенном мире, стали особенностями повседневности. События, совершающиеся в декорированной среде, становятся спецэффектом, где форма преодолевает рутину. Невыразительность и автоматизм жизни, как характеристики повседневности, уничтожаются декорированным пространством.

Жизнь в эстетически и художественно перестроенной повседневности по своему эмоционально-чувственному тону много человечнее, поскольку демонстрирует направленность среды на живущего в ней, оказывается духовно полнее и убедительнее для самого человека, приобретает статус художественно достоверной

реальности. Все, что происходит на этой сцене, будь то обычное передвижение из одного места городского пространства в другое или соответственно декорированная манифестация, праздничное действо или просто пребывание в индивидуально оформленной среде, – все это эмоционально проживается и переживается, многообразно выражается внешней формой. Сам человек, совершая привычные действия в выстроенной привлекательной и приспособленной для него среде, живет по-другому. Эстетическое и художественное переформирование повседневности становится, таким образом, способом утверждения человека, через включение социокультурных ценностей во внутренний мир, индивидуальное мироощущение. Предметный мир как бы доводит универсалии духовной культуры и искусства, прежде всего, до непосредственного переживания человека, принадлежащего предметно-телесной повседневности. В свою очередь, характер складывающихся между повседневностью и художественно-эстетическим миром отношений, уровень и масштаб эстетического преобразования социального мира и художественной в него экспансии выражают степень гуманистической ориентации культуры и общества. Далеко не случайным было отсутствие практического дизайна и арт-практик в тоталитарном советском социалистическом обществе, не признававшем ни частную жизнь, ни частного человека, ни частную собственность. Можно измерять гуманность культуры характером эстетического и художественного преобразования повседневной человеческой жизни, ее красотой, если угодно.

В постперестроечной, переходной России, которой, казалось бы, не до эстетических ценностей, далеко не потеряна гуманистическая компонента, о чем свидетельствует развитие арт-практик, дизайна, архитектурно-ландшафтной среды, и даже нашествие гламура – варианта красоты в массовом обществе – по всем фронтам и сферам повседневности.

Литература

1. Вайль П. Стихи про меня. М.: КоЛибри, 2006. С. 15.
2. Капроу А. Искусство, которое не может быть искусством // Художественный журнал. М., 1997. С. 5.
3. Капроу А. Там же. С. 5.

Экзистенциально-экономический статус Happy End'a и Non finito в произведениях искусства потребительского общества

Художественные открытия былых времен современным искусством зачастую воспринимаются как нечто обыденное и естественное, иногда растиражированное и затертое до банальности. Такими двумя клишированными формами завершения художественного произведения в современной культуре стали happy end & non finito.

Однако каждая культурная эпоха насыщает, казалось бы, устоявшийся художественный прием новыми смыслами и содержанием. Одна из самых устойчивых типологических характеристик современной культуры – ее отчетливый потребительский характер. Современная культура не просто существует в обществе потребления и функционирует по его законам, искусство в этой культуре создается в соответствии со структурами повседневности, задаваемыми потребительским обществом, а отдельно взятое произведение становится воплощением экзистенциальных ценностей, рождаемых в повседневности потребительского общества.

Воплощение жизненного мира потребления в современном искусстве происходит не только на уровне содержания произведений искусства: впервые темами и сюжетами становятся проблемы современного информационного производства и обмена, сферы дизайна и услуг, ночных клубов и корпоративных вечеринок, «трудной» жизни олигархов и «трудового» порыва дистрибьютеров, но сама потребительская идеология и порождаемые ею экзистенциальные противоречия и ценности входят в кровь и плоть искусства: в худо-

* *Валерий Александрович Гудов* – канд. филол. наук, доцент кафедры русской литературы XX века, декан филологического ф-та УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

** *Маргарита Юрьевна Гудова* – канд. филос. наук, доцент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

жественную форму и в каждый отдельно взятый художественный прием.

В искусстве двадцатого века художественным открытием было возникновение экзистенциального романа, где герой представал мучительно выбирающим жизненный путь, систему ценностей, шкалу нравственных достоинств, меру свободы и ответственности, пытаясь преодолеть трагическое несовпадение собственной сущности и существования.

Актуальное искусство заимствует модель поведения героя, сопрягая опыт искусства прошлого с опытом существования героя в актуальных структурах повседневности, – он все время находится в ситуации выбора и мучительно выбирает. Но сегодня сами структуры повседневности, в которых проходит жизнь героев, предписывают этой поведенческой модели экономический дискурс – или дискурс торга: «Стоит?» или «Не стоит?», и «Сколько стоит?» или «Чего мне это будет стоить?».

В экономически детерминированных структурах повседневности вся жизнь героя становится не театром и не сценой, не перекрестком и не перепутьем, не развилкой трех дорог, а гипер- или мега-маркетом, где каждый отдельно взятый предмет выбора предстает в качестве товара: приобретает свою не только ценность, но и цену, качественно характеризуется соответствием цены и потребительской стоимости.

Художественный образ актуальной повседневности, представленной в актуальном искусстве в виде гипер-маркета, определяет выбор любимой девушки, марки автомобиля, занимаемой должности, и happy end в таком случае означает удачно сделанную покупку, выгодное размещение капитала или получение бонусов. Happy end в современных теле- и видео-произведениях имеет зачастую каскадный характер, тиражируется, переносится с главных героев на второстепенных, со второстепенных – на персонажей, с персонажей – на действующих лиц. Каждый участник экранного действия получает свой Happy end. Кроме того, характер Happy end'a становится амбивалентным. Не только герои в конце концов побеждают и становятся счастливы, но и их приобретения тоже счастливы оттого, что их оценили по достоинству. У машины появляется заботливый хозяин, у секретаря – мудрый начальник, у девушки – достойный жених, у бизнес-леди – расторопный домработник, у игрушки-робота – цель и смысл жизни – служение людям. Счастливы все. Или, как называется один из сериальных проектов: «Счастливы вместе».

Произведения современного искусства демонстрируют, как *Happy end* становится не только экономической ценностью, но и экзистенциальной. Именно такой финал знаменует счастливое разрешение экзистенциального конфликта, в котором герой преодолевает трагическое несовпадение собственной сущности и повседневного существования и становится благодаря реализованным возможностям потребления счастливым обладателем не только вещей, но и престижно-значимых социальных качеств и возможностей. *Happy end* художественного произведения превращается в экзистенциальную ценность потребительской культуры, означающую не только то, что жизнь удалась, но и утверждение того, что в этой жизни необходимо быть потребителем. *Happy end* оказывает на потребителя искусства, товаров и услуг психотерапевтическое действие, снимая старую экзистенциальную дилемму «быть или иметь», утверждает тождество отношения обладания и бытия.

Экономически детерминированные структуры повседневности накладывают особые смысловые оттенки и на такой выразительный финал произведений, как *non finito*. Такой открытый тип финала знаменует собой дискретно-континуальный характер торгового акта как образа жизни. Определившись сегодня с выбором профессии, завтра придется выбирать область применения профессиональных навыков. Родившись мальчиком, в процессе жизни безопаснее быть девочкой, а родившись девочкой, перспективнее быть мальчиком. Герои современного искусства не только выбирают пол, возраст, гражданство, они становятся на наших глазах киборгами: людьми с искусственными лицами или челюстями, протезированными руками или ногами, шунтированными сердцами и сосудами, они получают своих естественных двойников или искусственно выращенных клонов. Герои современного искусства выбирают системы ценностей, которые впитывают и адаптируют, затем тактики выживания, затем стратегии достижения успеха. Выбор является процессом бесконечным. Если *Happy end* в финале знаменует временный успех торгового акта, то *non finito* как раз подчеркивает его процессуальный характер и принципиальную незавершенность.

Non finito обещает героям бесконечность саморазвития, но оставляет зрителя с ощущением растерянности и неудовлетворенности организационно-экономических потенций. Современный зритель-вуайерист – человек, привыкший смотреть все до конца, до принципиального завершения, до реализации всех возможных ва-

риантов событий («Расемон», «День сурка» или «Армагеддон»). Столкнувшись с *Non finito*, зритель оказывается в ситуации обманутого ожидания, когда, заплатив за произведение искусства своим присутствием, личным временем, жертвой другими интересами и возможностями, он так и не узнал, чем дело закончилось и достигли или нет герои обязательного для человека массовой культуры счастья. Поэтому *non finito* становится сегодня признаком элитарности в искусстве. Это финал для зрителя, которому интересно сыграть «в автора» и завершить все самому в деятельности воображения и в реальности повседневности. Такой финал, и сегодня, как и много столетий назад, обращен к самостоятельным, независимым, любящим эксперименты и нестандартные решения. Это финал для зрителя – интеллектуала и предпринимателя, который не столько руководствуется в жизни рекламными слоганами, сколько сам создает их для других. *Non finito* отмечает те произведения, где образ мира – не прилавки, на которых все есть, а сложная логистическая задача, состоящая в выборе оптимального набора и порядка размещения ценностей, а также путей их поиска, отсюда и многообразие «сценариев будущего», возможного в *Non finito*.

Экзистенциальная значимость *Non finito* состоит в утверждении ценности не только бытия и обладания, но и в утверждении ценности поиска: поиска идентичности, поиска оптимально организованных жизненных миров, поиска сущности.

Современный танец и повседневность

Размывание границ искусства и жизни становится нормой в неклассическую эпоху. Одна из главных идей стиля модерн, воспринявшего эстетские идеи определенных художников второй половины XIX века, – привнесение красоты, художественной стилизации в быт. Из этого стремления, вступившего в союз с активно развивающимися индустриальными технологиями, в начале XX в. рождаются модный бизнес и дизайн. Чуть позже к преобразению заурядной повседневности устремятся художники-авангардисты. В их манифестах, по словам исследователя, *«отразились леворадикальные попытки художественной интеллигенции изменить мир при помощи своих жизнестроительных проектов»*¹. Что касается танца, то в этом же русле – главная идея деятелей свободного танца и ритмопластических студий, выходящая за рамки только эстетической программы. Их цель, ни много ни мало, – гармонизация общественных отношений через развитие художественной выразительности каждого отдельно взятого тела. Следствием повсеместного увлечения в довоенной Европе (включая Россию) выразительной гимнастикой Франсуа Дельсарта, ритмикой Жак-Далькроза и свободным танцем Айседоры Дункан стало возникновение в 1920-х гг. во многих европейских странах, в т. ч., СССР, производственной гимнастики, массовых физкультурных парадов, а в 1930-е – нового вида спорта: художественной гимнастики.

Нарушение границ на первом, модернистском этапе неклассического проекта связано со стремлением заставить повседневность подчиниться художественному закону, превратить монотонную «быль» старого мира – в праздник, «сказку» мира обновлен-

* **Наталья Валерьевна Курюмова** – помощник ректора по связям с общественностью, ст. преподаватель факультета современного танца Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ *Кропотов С. Л.* Модернизм – Авангард – Соцреализм – Постмодернизм // Авангардные направления в советском изобразительном искусстве: история и современность. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1993.

ного. Тенденция постмодернистского этапа противоположна: она направлена на «оповседневливание искусства».

Девиз отца реди-мейда, Марселя Дюшана: «Все художественно привлекательно, все значительно» знаменует отказ от высоких тем и художественных миссий искусства. Постепенное разочарование в «метанарративах», постоянная критика традиций и эстетических норм в 1950-х гг. приводят деятелей современного искусства к отрицанию любых художественных идеологий (в т. ч. «высоколобой» эзотеричности авангарда), к решительному отказу от любых эстетических условностей и границ. Вступая в диалог с массовым обществом, подчиняясь общему стремлению к демократичности и плюрализму, постмодернистское искусство (и одно из первых его проявлений – поп-арт) открывает зоны тривиальных ценностей, стандартных чувств, общих мест и стертых смыслов. Оно открывает повседневность, которая, по выражению Светланы Бойм, есть *«наше хорошо забытое настоящее»*². Другими словами – то бесконечное множество обыденных и привычных явлений, событий, фактов и практик, которыми окружен и которые ежедневно осуществляет, иногда не задумываясь, человек. Именно здесь, в повседневности, по мнению современных культурологов, *«протекают наиболее важные жизненные процессы»*³, исследование которых дает возможность *«понимать культурную ментальность – правила, законы и запреты данного общества и то, как они осмысляют свое существование»*⁴.

Одним из свидетельств нового, пограничного существования танца и повседневности в постмодернистскую эпоху становится смена категорий, в которых осмысляется современный танец. О нем теперь принято говорить не столько как о виде искусства, но как об одном из видов телесных практик. Современная культурология (в частности, американская школа «культуральных студий») уделяет особое внимание исследованиям различных человеческих практик как некой череды действий, практических ежедневных дел, обусловленных определенным образом жизни, социальными требованиями. Профессиональный танец, основу которого состав-

² *Бойм С.* Общие места: Мифология повседневной жизни. М.: НЛЮ, 2002. С. 10.

³ *Ильин И. П.* Ст. Повседневность / И. Ильин // Постмодернизм. Словарь терминов. М.: Интрада, 2001.

⁴ Там же.

ляет ежедневный тренинг тела, есть специфический вид телесных практик. Об этом упоминает уже французский антрополог Марсель Мосс (1872–1950), который и ввел последние в культурологический дискурс, называя их «техниками тела» (танец он относит к техникам движения). Он определяет техники тела как «способы, при помощи которых от общества к обществу человек узнает как использовать свое тело»⁵.

В последней трети XX века происходит перенос акцента на социальные и соматические аспекты танца, рассматриваемого как техника воспитания и терапии тела, инструмент передачи опыта и коммуникации со средой и другими телами. Симптоматичным является свидетельство танцкритика Татьяны Ратобыльской, которая в статье, посвященной ее пребыванию на танцплатформе Дюссельдорф–2004, пишет, что «никто из свободных профессионалов не хочет... танцевать на сцене. Было все что угодно: инсталляции, перформансы, видеофильмы, клоунада, танцтерапия, футбольная игра, пение – все, кроме танца»⁶, и описывает, в частности, проект «Секретный сервис», подготовленный одной из берлинских танцкомпаний (Феликса Рюкерта). На ее представление «допускаются зрители по одному, с предварительно завязанными глазами. Разутый, слепой и беспомощный человек вводится в незнакомый зал, где то женские, то мужские руки мягко приглашают его лечь, встать, идти, бежать, танцевать с неизвестным партнером»⁷.

Предыстория танцевального постмодерна – в авангардных опытах американского хореографа Мерса Каннингхема. Начиная с 1944 он дал в Нью-Йорке серию танц-концертов, содержание которых радикально отличалось от традиционного танца модерн с его углубленным психологизмом и экспрессивностью. Танцовщики Каннингхема предложили новый, аэмоциональный танец, который являлся поиском и отработкой вариантов возможностей всеусложняющейся кинетики тела. Суть инноваций Каннингхема заключалась в следующем: «каждое движение может быть материа-

⁵ Мосс М. Техники тела // Общества. Обмен. Личность. М.: Восточная литература РАН, 1996. С. 244.

⁶ Ратобыльская Т. Танцевальная платформа Германии 2004 года или все что угодно, кроме... танца // Линия (приложение к журналу «Балет»). 2004. № 7. С. 11.

⁷ Там же.

лом для танца; любая процедура может быть использована как композиционный метод; музыка, костюмы, декорация, свет и танец имеют собственную, отдельную логику и идентичность; каждый танцовщик компании может быть, солистом; каждое пространство может быть «отанцовано»; танец может быть о чем угодно, но фундаментально и изначально он – о человеческом теле и его движениях, начиная с ходьбы»⁸. Каннингхем и занятия по новым методам композиции, а также первые опыты средового искусства и хеппенинга Алана Капроу с его принципом создания «реальных событий в реальной среде» дали толчок к развитию свежих идей среди группы радикально настроенных танцовщиков, художников и перформеров. С 1962 года они обосновались на площадке Церкви Джадсона на Манхэттене, ставшей с тех пор оплотом постмодернистского (тогда это понятие понималось исключительно как «после-модернистского») танца. Ранние опыты этих хореографов, где фиксированную композицию, отшлифованное произведение заменил процесс спонтанного обретения смыслов и структур, нередко сопровождаемый минималистской или конкретной музыкой авангардных американских композиторов и где танцовщики (которые, подчас, таковыми и не являлись) работали в обычных тренировочных костюмах и кроссовках, – демонстрировали свою незаинтересованность в конечном художественном результате и зрителе. Главные принципы нового танца были сформулированы в категоричном манифесте, известном как «12 нет». Провозглашался отказ от любого рода нарративности, театральности, условности, иллюзорности движения и т. д. Провозглашалась полная свобода выбора материала, хореографической идеи, места представления, костюма. Хореографов занимал процесс исследования простейших механизмов движения: таких, как вес, баланс, инерция и его разложения на мельчайшие элементы и параметры: подъем, падение, направление. Трише Браун, одному из лидеров нового направления, принадлежат слова: «Танец – есть ощущения, испытываемые телом»⁹. Поиск все новых ощущений заставлял работать с телом в самых неожиданных средовых контекстах, подчас – со «сдвинутыми» условиями гравитации/инерции. Танц-перформансы представлялись где угодно: в подвале, на кры-

⁸ Banes S. Terpsichore in Sneakers: Post-Modern dance. Boston: Houghton Mifflin Company Boston, 1978. P. 12.

⁹ Цит. по: Век танца, документальный фильм. Франция. 1989.

ше, в парке, на пенопластовых плотках, спущенных на воду, даже – на стене небоскреба, по которой танцовщик просто шел на страховке! Между тем эти «сдвиги» – один из признаков того, что эксперименты с ординарными человеческими движениями остаются на территории художественного (подошедшего, правда, опасно близко к своей границе с реальностью). Дальнейшее развитие идей нон-конформистов из Джадсон-церкви показало, что за тотальной «разборкой» устаревших танцевальных средств и художественных форматов на составные элементы, предпринятой ими на начальном этапе, с неизбежностью некоего художественного закона последовала необходимость «сборки» из этих элементов нового танца.

Западноевропейским «ответом» на углубленный контакт с повседневностью и ее принципом случайности, нецелесообразности становится с середины 1970-х танцтеатр. Он не так категоричен в вопросах законченной формы произведения: сохраняет свою потребность в зрителе и эмоциональном зрительском восприятии, а значит, учитывает определенные законы восприятия, отвечая на них использованием определенных драматургических и композиционных приемов. Но таких, которые проблематизируют вопрос художественной границы, приближают структуру произведения к хаотичному жизненному потоку. В частности, активно используется принцип коллажирования самых неожиданных фрагментов без видимой причинно-следственной связи, а также – принцип «открытой» (т. е. лишенной завершения, финала, продолжающейся) формы. Повседневность входит в произведения танц-театра в виде как бы необработанного, жизненного материала: обычные жесты, падения, столкновения, случайные эмоции, моментальные реакции. Хореографы словно стремятся к тому, чтобы каждый спектакль становился фрагментом реальности, в котором действуют не некие персонажи или характеры, но обычные люди, существующие в режиме «реального времени» в соответствии со своим экзистенциальным опытом.

Корни танцтеатра – в немецком экспрессионистском танце; в начале 1970-х свою специфическую форму, в которой *«преодолеваются границы театральной репрезентации»* и *«расширяется язык выражения в стремлении конкурировать с правдой жизни»*¹⁰, он обретает в работах знаменитого хореографа и режиссера

¹⁰ Bentivoglio L. Dance of the Present – Art of the Future // Ballet International. 1986. Handbook. P. 57.

Пины Бауш, с 1973 г. – руководителя танцевальной труппы в г. Вуппертале.

Пина Бауш берет в качестве исходного материала парадоксальную, праздничную повседневность среднестатистического горожанина (ее персонажи одеты в великолепные вечерние платья и фраки; мы попадаем то на буржуазную вечеринку, то в некое элитарное заведение, то в экзотическую страну («980-й», «Гвоздики», «Контактхофф», «Мойщик стекол»). И через это исследует бессознательное «маленького человека», заурядного субъекта современной средневропейской повседневности; его комплексы, вытесненные желания, фобии. *«Меня интересует не то, как человек движется, но то, что движет людьми»*¹¹, – говорит она, и иронизирует по поводу социальных стандартов и сексуальных проблем, которые довлеют над ним и проступают в самых незначительных поступках, жестах, оброненных словах, контактах с другими. Так из повседневного «сора» вырастают в спектаклях этого выдающегося режиссера глубоко интимные личные истории, которые, несмотря на кажущийся беспристрастным метод фиксации фактов, заставляют нас не только смеяться, но и страдать.

¹¹ Цит. по: Немецкий танцтеатр, документальный фильм. ФРГ, 1997.

Платье для «голого короля»: стратегии взаимодействия в мире искусства

Известный американский эстетик А. Данто в книге «После конца искусства» приходит к выводу, что итогом художественной эволюции в XX веке оказывается плюрализм, который все релятивизирует, все делает возможным и не допускает никакого обоснованного с универсальной точки зрения критического суждения. Эстетическая теория, говоря о современном искусстве, отказывается от претензий на всеобщность. Позвольте для начала привести две цитаты: «В эпоху все более утрачиваемых реалий разве важно, что платья у короля и вовсе нет? Зато есть куратор – великий медиатор действа, способный легко убедить окружающих в наличии искомого наряда или вообще в его необязательности» (1).

«Функция художественного критика – или, лучше сказать, художественного комментатора – усматривается, по сути, в том, чтобы изготавливать защитное платье для художественных произведений» (2).

Две вышеприведенные цитаты примечательны, в том числе тем, что используют одну и ту же метафорику для обозначения различных стратегий и фигур, их продуцирующих, – куратора и критика. Зададимся вопросом: что или кто в современном мире искусства является «голым королем» (или «пустым местом», которое можно заполнять): искусство, произведение искусства, художественные институты? Насколько вообще возможен процесс «обнажения» и «одевания» искусства? Кто, наконец, занимается этим: художник, критик, куратор, зритель? В эпоху симуляционной реальности (сошлюсь на убедительную аргументацию Ж. Бодрийера) эти вопросы зачастую становятся решающими как для продуцирования, так и восприятия художественных объектов.

* *Елена Валерьевна Рубцова* – канд. филос. наук, ассистент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Полагаю, что точку отсчета в анализе современной художественной ситуации можно найти в определении Н. Буррио: «... любое произведение искусства может быть определено объектом взаимодействия, геометрическим местом коммуникации между бесчисленными корреспондентами и адресатами» (3). Понимание искусства как общественной коммуникации на сегодняшний день, достаточно устоявшаяся практика. Искусство выступает как своего рода попытка обращения к Иному (желание, власть, бессознательное и т. д.), но, тогда, не только художник берет на себя функцию медиатора, но и другие фигуры мира искусства. В то же время, современное искусство работает с самим понятием «коммуникации», проблематизируя его и, тогда, предлагает, например, стратегию неуместной коммуникации, разрушающей коммуникационную сеть.

Для того чтобы акт коммуникации состоялся, современное искусство, по словам Б. Гройса, нуждается в комментарии, иначе оно – непонятно, акт коммуникации оказывается ограниченным... Комментарий, манифест есть реализация потребности в текстовой одежде, но тексты эти – особого рода. Если традиционное искусство нуждается в комментарии, чтобы объяснить нам, о чем идет речь на картинах старых мастеров, то в случае с современным искусством текст является попыткой ответа на другой вопрос: почему объекты ready-made или performans стали искусством? То есть речь идет не о понимании, но о решении, принимаемом миром искусства.

Необходимо отметить, что признание искусства общественной коммуникацией задает ему способность формировать особую сферу общественной активности. Ставя перед собой задачу взаимодействия, художники обращаются к уже сложившейся реальной системе социальных связей, включаются в нее, используя ее социальные формы. В этом случае можно говорить о «практиках» искусства – когда искусство предстает как группа взаимосвязанных культурных практик, в том числе и практик восприятия, а это значит, что каждая практика испытывает влияние со стороны окружающего мира и, соответственно, должна изменяться и развиваться для того, чтобы адаптироваться к новым обстоятельствам. Поскольку возможно множество практик искусства, то и способы идентификации объектов как художественных являются только стратегиями без определенных, четко фиксированных правил.

В мире искусства существуют и стратегии, противопоставленные господствующим теориям, то есть мы не можем говорить

о единой дефиниции, которая могла бы помочь нам наделить новые объекты художественным статусом. Эти стратегии идентификации американский исследователь Н. Кэрролл обозначает как копирование, расширение или отрицание произведений, которые уже признаны традиционными. В этих способах могут себя реализовать как художник, так и критик, зритель, куратор. Но поскольку стратегии идентификации в рамках культурной практики не являются жесткими дефинициями искусства, возможно их объяснение через нарратив: «Новые произведения могут обогащать наше понимание искусства прошлого, тогда как прошлое обогащает наше понимание нового искусства. Это понимание действует историческим нарративом, которое одновременно и назад, и вперед смотрящее и которое раскрывает линии развития через такие повторяемые формы как копирование, распространение и отрицание» (4). Отсюда следует, что, когда существующие направления меняются, мы должны корректировать характеристики искусства. При этом важный нарративный аспект состоит в том, что новые объекты определяются как художественные скорее через истории искусства, а не теории, то есть внешняя точка зрения на искусство, которая защищает произведение, невозможна, но также невозможна и исключительно внутренняя позиция. Получается, что текст находится в затруднительном положении: он и необходим и оказывается ненужным.

После эпохи «второго авангарда» проблемным полем становится не столько расширение границ искусства, сколько исследование возможностей художественного взаимодействия (или сопротивления) внутри глобальной социальной сферы. Актуальными становятся стратегии «убегания» по ризоматическим линиям, временные и номадические конструкции.

Литература

1. Холмогорова О. В. Кураторские стратегии 1990-х // Художественная культура XX века. С. 348.
2. Гройс Б. О современном положении художественного комментатора // Художественный журнал. № 41. С. 23.
3. Буррио Н. Эстетика взаимодействия // Художественный журнал. № 28–29. С. 33.
4. Carroll Noel. Art, Practice and Narrative // The Monist & International Quarterly Journal of General Philosophical Inquiry. Vol. 71. № 2. 1988. P. 153–154.

Г. В. Лебедева*

Практики памятования и забывания в структуре повседневного опыта

*Воспоминание – это зачарованное
вглядывание в свое забывание...*

М. Кундера

Память всегда имела непреходящее значение в жизни как отдельного человека, так и общества в целом. Обнаруживая связь и преемственность прошлого, настоящего и будущего, она является важным способом формирования и поддержания коллективной и персональной идентичности, а значит, связывается с экзистенциально-ценностным содержанием повседневного опыта.

Особенность современной ситуации, как отмечает французский исследователь П. Нора, состоит в том, что в последние десятилетия все социальные группы пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому. «Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти»¹, – делает общий вывод историк. Но, вспоминая об отношении к историческим событиям XX века, определяющим ландшафт памятных мест современной культуры, мы с такой же вероятностью, как о «торжестве памяти», можем говорить о «торжестве забывания». Таким образом, проблема памяти и забывания, возникшая в глубинах реального социокультурного опыта, становится предметом философской рефлексии именно в силу своей особой значимости для самоидентификации как человека, так и общества в целом.

Наш исследовательский интерес будет направлен на рассмотрение социокультурной практики «*ars memorativa*». Указанная практика, связанная с основополагающими экзистенциальными ценностями культуры, направлена на структурирование повседнев-

* Галина Викторовна Лебедева – ассистент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ Нора П. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет назад: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 391.

ного опыта. В ходе исторического развития «*ars memorativa*» претерпела множество трансформаций: от телесной записи социального кода в эпоху архаики до риторических приемов запоминания в античной культуре; от магической практики Возрождения до педагогики памяти в эпоху Просвещения; от методологических упражнений до искусства, воплощенного в конструировании биографического проекта, на современном этапе развития культуры. Рассматриваемая практика, берущая начало в ораторском искусстве, настолько богата, что даже наши современные представления и дискуссии о местах памяти – вполне реальных, имеющих свою географию, – можно считать отголоском или наследием мастерства искусной памяти греков и римлян, для которых «мнемонические места» были пребыванием ментальной записи. Яркий пример тому – проект французского историка П. Нора «Пространства памяти»². Потребность в закреплении в памяти возникает в ситуации повышенной нестабильности, динамичности культуры, в ситуации возрастающей установки на культурную инновацию. Современная культура, умножая формы фиксации текста, одновременно ищет новизны, что, несомненно, отразилось на содержании практик памятования и забывания.

Общество XXI века характеризуется усложнением социокультурных связей и отношений, появлением новых технических средств коммуникации, которые значительно сократили время передачи информации и позволили снять пространственно-временные границы взаимодействия: Интернет, сотовая связь, масс-медиа и т. д. Это способствовало расширению, по терминологии Э. Гуссерля, жизненного мира индивида до размеров целой планеты. Развитие информационных технологий приводит к увеличению форм культурной репрезентации, предлагаемых индивиду обществом. Претерпевают изменения не только знания индивида о самом себе, но и представления фундаментальной науки об окружающем мире, которые обнаруживают свою зависимость от культуры и общества, в которых они генерируются. Множественность форм репрезентации знания, информации указывает на «избыточный» характер памяти: мы живем в «мемориальную эпоху страстного, придиричливого, почти навязчивого воспоминания»³. Восстановить смысл про-

² См. об этом: Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 46–50.

³ Нора П. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет назад: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 395.

шлого, опираясь на традицию, на прошлый опыт, уже невозможно. Но остаться без понимания прошлого – значит, утратить свою идентичность. Таким образом, отличительные особенности практик памятования и забывания в современной культуре (по сравнению, например, с архаичной) проявляются в пространстве индивидуальных биографических проектов, а также в том, что практики памятования и забывания начинают проявляться в повседневной жизни человека.

Вальтер Беньямин в работе «Берлинская хроника», обращаясь к собственной биографии, представляет ее в качестве ментального пространства «значимых мест» и «образов»: «Уже давно, годами, я развлекаюсь тем, что пытаюсь разметить сферу моей жизни – Bios – графически, на карте. Сначала мне представлялась обычная карта, но сегодня я более склоняюсь к некоему плану Генштаба... Развернувший однажды веер воспоминаний обнаруживает все новые и новые сегменты; ни один образ его не удовлетворяет, ибо всякий из них можно развернуть и дальше...»⁴. В. Беньямин движется по местам памяти, собирая их в единое пространство посредством воспоминания: этот путь припоминания напоминает «*ars memorativa*» античного ратора, выбирающего определенные места и создающего в уме образы тех вещей и событий, которые необходимо было запомнить. В последнем случае человек предстает в качестве «художника» или «творца» собственных воспоминаний, а память в качестве искусства или «*ars memorativa*».

Конструирование личной истории, рассматриваемое в контексте «*ars memorativa*», есть выделение памятных мест, наделение их смыслом и ценностным содержанием. У представителя архаической культуры нет биографии в привычном смысле этого слова (как последовательности жизненных событий), а есть некая цепочка «памятных мест», мнемонических знаков, вписанных в тело и определяющих его как представителя определенного сообщества. Биография человека традиционного общества чаще всего представляет собой память семьи или рода, а не отдельного индивида. Семейная память удерживала историю как минимум трех-четырех поколений, то есть не менее ста лет. Она тесно связана с образом «древа жизни», к которому восходит известная идея генеалогии-

⁴ Беньямин В. Берлинская хроника / Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. М., 2005. С. 123.

ческого дерева. Необходимо отметить, что такой тип памяти был определяющим в сословном устройстве общества, где происхождение являлось доминирующей характеристикой социального устройства. Усиление интереса к своему индивидуальному прошлому характерно для сознания людей Нового времени. Главную роль здесь играл, безусловно, рост грамотности и ее постепенное распространение среди широких слоев населения. Появляется практика ведения ежедневных записей, дневников, составления собственных жизнеописаний, мемуаров. Типичная примета Нового времени – биографические справочники («Кто есть кто?»). Более того, повсеместное распространение сведений о прошлом того или иного человека, часто поощряемое им самим, приводит к формированию пространства «публичной памяти». Постепенное увеличение количества документов, анкет, биографий, свидетельств и т. д., начавшееся в XIX веке и достигшее апогея в наши дни, несомненно, способствовало формированию более структурированной, «дисциплинированной» памяти на индивидуальном уровне. Этот переворот в области мировоззрения привел к тому, что сам человек с его нуждами и повседневными заботами стал вызывать исследовательский интерес.

Таким образом, «ars memorativa» как социокультурная практика направлена на структурирование повседневного опыта. Ее содержание зависит от определяющих тот или иной тип культуры трансформаций: в представлениях о мироустройстве, положении человека, в формах коммуникации, в системе информационных технологий. Интерес к индивидуальному автобиографическому проекту в условиях современности переориентирует направленность практик воспоминания и забывания. Поскольку универсального образца поведения и «проживания жизни» не существует, а существуют различные способы взаимодействия, которые опосредованы телесными практиками, то в пространстве культуры мы также сталкиваемся с подобной множественностью в отношении памятных мест, описываемых в контексте биографии.

Н. С. Смолина*

Феномен коллективной памяти: от советского к российскому контексту

Память – фундаментальное проявление человеческой жизни. Она соединяет в нашем сознании все модусы времени. Именно благодаря памяти мы обнаруживаем, что прошлое оставило множество следов в сегодняшнем обществе. В последнее время российское гуманитарное сообщество все больше обращает свое внимание на феномен памяти. Память стала объектом многих междисциплинарных исследований, в которых поднимаются актуальные вопросы современной гуманитарной науки.

Дискурс памяти строится вокруг разделения на индивидуальную и коллективную. По сути же, вся человеческая память социальна: будь то воспоминания об индивидуальных переживаниях или культурных событиях, артефактах, конструктах. Функционирование индивидуальной памяти невозможно без коллективной: вспоминая, мы не можем обойтись без слов, смыслов, знаков, ориентиров, заимствованных нами из внешней социальной среды. Индивидуальная память так или иначе соотносится с коллективной памятью и использует единые образы. Коллективная память встраивается в индивидуальную память. Коллективная память существует рядом с индивидуальной, но не смешивается с ней. «Она развивается по собственным законам, и даже если иногда в нее проникают и некоторые индивидуальные воспоминания, они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является сознанием личности»¹.

Функциональное значение любой памяти в том, что она, связывая прошлое и настоящее, помогает человеку сохранить свою идентичность во времени, помогает обрести новую идентичность в изменяющемся мире.

* **Наталья Сергеевна Смолина** – аспирантка философского факультета УрГУ им. А. М. Горького, ассистент кафедры религиоведения (г. Екатеринбург).

¹ *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 16.

Многочисленные междисциплинарные исследования памяти сфокусированы на различиях и сходствах индивидуальной и коллективной памяти. Современный исследователь сосредоточен, прежде всего, на вопросах, как трансформируется объем, содержание и структура памяти, как фрагменты прошлого вытесняются вглубь индивидуального и общественного сознания, как вытесненные воспоминания всплывают, но в измененном виде. На наш взгляд, самый главный вопрос – как «прошлое живет в настоящем, отбрасывая свою тень в будущее»². Как выясняется при анализе коллективной памяти, «контроль над прошлым оказывается необходимым условием контроля над настоящим»³.

Анализ коллективной памяти российского человека вводит в проблему памяти свои вопросы и свои акценты, актуальные для сегодняшнего дня. Применительно к советскому и постсоветскому контексту интерес сосредоточен в сфере вытеснения из коллективной памяти травматичных моментов прошлого. Здесь акцент переносится на коллективную память, проблему конструирования отношения людей к своему и чужому прошлому, на стратегии использования образов прошлого – как тот или иной факт становится памятной датой, транслируемой через поколения, как он проникает в сферу национальных интересов,

В российском хронотопе коллективная память становится смысловой ареной для формирования мировоззренческих установок российского человека. Она становится «очками», сквозь которые российский человек смотрит на прошлое, оценивает его, проецируя эти оценки и на настоящее. Прошлое в российском обществе пока необходимо для существования в настоящем.

Российский режим эксплуатирует образы прошлого, памятные даты прошлого для собственной легитимации. Для этого – пышные празднества 60-летия Победы, самого популярного праздника всех поколений российских людей. Другая стратегия нового режима – использование советской символики.

Итак, новый режим использует коллективную память для собственного стабильного существования. Среди его стратегий – и транслирование ностальгических настроений, репрезентируемых

² Вайксель Ф., Габович М., Запер М., Золотов А., Калинин И., Прохорова И. Введение // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 7.

³ Там же. С. 9.

как визуальными средствами: СМИ, кино, советская символика на различных мероприятиях, так и аудиальными: советская музыка, подаваемая и в оригинальном виде, и в измененном («Старые песни о главном»), различные ремиксы на хиты советской эпохи, ретро-концерты).

Ностальгия позволяет российскому человеку выразить всю тоску по утраченному дому. Ностальгия обращена к месту, которого нет, и ко времени, которого нет. Это чувство тоски можно объяснить как попытку «повернуть время вспять, преодолеть необратимость его течения, превратить историческое время в мифологическое»⁴. Ностальгия, поддерживаемая различными телевизионными и кинопроектами («Старая квартира», «Намедни»: наша эра (1961–2002 гг.), «Старые песни о главном»), – это защитная реакция, ответ на ломки при переходе периода истории. Она позволяет преодолеть социальную травму советскому человеку, вдруг ставшему российским. На данный момент – это единственная легитимная стратегия преодоления социальной травмы российского человека. Ностальгия ищет в прошлом ту стабильность, которой нет в настоящем. Вместе с тем в ностальгии осознается необратимость времени.

Проявления ностальгии дают исследователям богатый материал, репрезентируя целостный образ ушедшего времени в виде ностальгического мифа. Ностальгический миф, в свою очередь, «помогает человеку и обществу восстановить утраченный мир с помощью памяти»⁵, в результате чего прошлое примиряется с настоящим при понимании необратимости самого прошлого. Ностальгия, таким образом, компенсирует социально-психологические перегрузки социума в условиях переходного периода. Ностальгия по советскому – это прощание социума с советской цивилизацией, примирение постсоветского человека с новой действительностью, которое будет длиться до тех пор, пока социальная ситуация не станет более определенной, пока постсоветский человек не превратится в российского.

Таким образом, чувство ностальгии заполнило пустоту, образовавшуюся в результате распада советской системы. Ситуация общественного перелома, которую уже 15 лет переживает общест-

⁴ Бойм С. Общие места: мифология повседневности. М., 2002. С. 9.

⁵ Шабурова О. В. Ностальгия: через прошлое к будущему // Социемы. 1996. № 5. С. 44.

во, ранее именовавшееся советским, не формирует новые, «не существовавшие ранее ориентиры и рамки общественного сознания, а обнаруживает и выводит на поверхность старые скрытые структуры и механизмы»⁶, используя для этого ностальгию по советской эпохе.

Сегодня главный вопрос – какую роль играет коллективная память в формировании новой идентичности. Коллективная память выводит человека на перекресток, где происходит встреча прошлого с настоящим, диалог прошлого и настоящего, где вырабатывается идентичность современного человека.

Современное общество постоянно находится в поиске того, насколько память, которая относится вовсе не к прошлому, а выражает отношения «прошлое-настоящее», в действительности объясняет настоящее.

Итак, память позволяет нам понять, как человек, конструируя прошлое, формирует новую идентичность. Анализ же коллективной памяти выводит нас на проблему аккумуляции обществом знания о социальной реальности, представляя коллективную память как совокупность представлений о прошлом, вновь изменяющуюся при новом воспоминании.

⁶ Левада Ю. От мнений к пониманию. М., 2000. С. 56.

Д. В. Лебедев*

Инновационные практики и техники: аксиологический аспект

Древние весенние обряды плодородия, как правило, сопровождались ритуалами умирания и чудесного воскрешения бога. Чтобы жизнь продолжалась, она должна сперва угаснуть, а затем возродиться, но уже в новом качестве. «Мы не можем выжить, если мы не будем постоянно приспосабливаться к новым моделям»¹, – отмечает О. Розеншток-Хюсси. Смерть человека сопровождается сложными ритуалами для того, чтобы победить смерть и дать новое имя новой жизни. «Новое» выступает не просто наследником «старого», а является экзистенциальным способом переживания конца. Поэтому «новое» как таковое по праву может считаться важнейшей экзистенциальной ценностью человеческой жизни.

Все существующие попытки дать определение «новому», предложенные как в отечественной, так и зарубежной науке, наталкиваются на «философский парадокс нового». Новое либо определяется через его отношение к старому и является уникальным сочетанием уже известных элементов (К. Леви-Строс, Д. В. Пивоваров), либо рассматривается как нечто такое, что чудесным образом появляется из «ничего» (Ю. М. Бохеньский, В. В. Орлов). И в том, и другом случае определение новому дается через выявление его существенных признаков, его сущности. Однако сущность вещи, которую надлежит раскрыть данным определением, уже *есть* или имеется как присутствие. В то время как новое таким присутствием не обладает. Поэтому дать определение новому через выявление его существенных признаков, т. е. рассматривать его как присутствие, невозможно. Однако обнаруженная нами невозможность дать определение новому отнюдь не означает для

* **Дмитрий Валерьевич Лебедев** – аспирант кафедры социальной философии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого. М.; СПб., 2000. С. 132.

нас невозможность рассмотрения его как ценности повседневной жизни.

Тема повседневности весьма обширна и затрагивает многие стороны человеческой жизни. Наша повседневность складывается из разнообразных практик, которые находят свое выражение во множестве телесных техник, опосредующих взаимодействие между людьми. Социальное взаимодействие всегда имеет и свое ценностное содержание. Например, прекрасное есть то, вокруг чего выстраивается взаимодействие художников, поэтов, людей, ценящих искусство и т. д. Люди, ценящие деньги, выстраивают свое взаимодействие на биржах, в банках, крупных торговых компаниях и т. д. Новое является ценностью той области социальных отношений, воспроизводство которых непосредственно связано с производством инноваций.

А. И. Пригожин, известный отечественный ученый, занимающийся проблемами инноваций, отмечает, что человек, творящий новое, создает и особое инновационное пространство и время. Инновационное пространство и время, не являясь частью повседневного пространства и времени, безусловно, является социальным. Однако если социальное пространство и время локализируются в физическом пространстве и времени посредством представлений и практик социальных агентов (П. Бурдьё)², то инновационное пространство и время подобной локализации не имеет. Мы можем предположить, что инновационное пространство – это пространство лабораторий, НИИ, мастерских и т. д., но тогда не определенной остается специфика инновационного пространства и времени и его отличие, скажем, от пространства дома. Пространство дома достаточно четко локализовано в физическом пространстве, так как граница между домом и улицей не условна, а вполне материальна. Подобного нельзя сказать об инновационном пространстве и времени. Инновационным пространством может быть и лаборатория крупного предприятия, и тихая беседка в тенистом саду, и письменный стол в кабинете. Отмеченная делокализованность инновационного пространства и времени по отношению к физическому пространству указывает нам на то, что пространственность и временность инновационного возможны лишь в тесной взаимосвязи с инновационными практиками общества. Иными словами, я, оказавшись в неизвестном для меня обществе, никогда не перепутаю

² Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 93.

дом, где я могу отдохнуть, принять пищу или вздремнуть, с сараем или храмом. Я никогда не буду сомневаться в том, что я нахожусь дома. Но я могу сомневаться, нахожусь я в лаборатории, в которой создают новое лекарство от рака, или в лаборатории, в которой исследуют анализы больных людей. Все вышеперечисленное позволяет нам говорить об особой специфике инновационного пространства и времени, а именно об их физической делокализованности и соотношенности с инновационными практиками социальных агентов.

Исследование инновационных практик в современных социально-гуманитарных науках специально не проводилось. Существуют лишь некоторые работы, посвященные отдельным аспектам инновационной практики, но целостного взгляда на проблему до сих пор нет. Однако, учитывая инновационный характер современного общества, подобное исследование крайне необходимо.

Использование понятия «инновационные практики» позволяет не только исследовать специфику производства инновационного пространства и времени, но и решить парадокс определения «нового» в том виде, как он был сформулирован в начале статьи.

Проанализируем оба определения. В первом, новое есть уникальное *сочетание* уже известных элементов, а во втором, новое есть то, что чудесным образом *появляется* из «ничего». Выделенные курсивом слова в обоих определениях указывают на то, что определение новому дается посредством описания какого-то акта. Новое не есть «что-то», но оно есть «как-то». Новое каким-то образом свершается, обретает свое существование. Понятие «сочетание» и понятие «появление» указывают на вполне конкретные практики социального взаимодействия. Поэтому, на наш взгляд, новое нельзя определять как нечто, обладающее сущностью, новое – это, прежде всего, инновационная практика. Инновационная практика формирует наши представления как о новом, так и о ценности нового в обществе.

Мы можем выделить три основных инновационных практики, которые во взаимодействии и производят инновационное пространство и время. Это практика изобретательства, практика внедрения новшества и практика использования нового. Изобретение – это обретение нового. Однако новое «немо», оно не может высказать себя ни своим собственным языком, ни языком уже существующим. На стыке немоты нового и существующего языка рождается новый язык, который призван дать имя обретенному

новому: компьютер, «флешка», монитор, «мышь» и т. д. Если новое не имеет имени и не ассоциируется с другими именами языка, как отмечает О. Розеншток-Хюсси, то оно и не существует. Внедрение новшества – это не столько распространение нововведения в повседневный обиход человека, сколько включение его имени в число других имен повседневного языка. О новом забывают, когда не помнят его имени, и новое не используют, если не знают его имени. Использование новшества неотделимо от включенности его имени в повседневный язык. Однако эта включенность сопровождается одновременно и упрощением, деформализацией имени нового. Имя «притирается» к языку, «обрастает» его выразительными средствами, что делает его пригодным для каждодневного легкого использования. Например, мы не говорим: «скопируй мне файл на запоминающее устройство для USB», мы просто скажем: «скинь мне на флешку».

Рассмотренные инновационные практики, на наш взгляд, универсальны. Они характерны и для первобытных обществ (ритуал инициации, например, представляет собой стянутые во времени практики изобретательства, внедрения и использования, которые выражаются в обрядах отделения от старого и обретения нового имени (статуса), обрядами включения и использования нового имени (статуса)) и для современных. Различными являются телесные техники, через которые эти практики реализуют себя, однако даже в этом различии можно усмотреть генеалогическое, по М. Фуко, сходство.

Таким образом, новое является одной из важнейших экзистенциальных ценностей человеческой жизни, позволяющей переживать периоды беспорядка, хаоса, смерти, несвободы.

С. Н. Борисов*

Антропологическое измерение современного терроризма

XX столетие вместило в себя две мировые войны, установление тоталитарных режимов, грандиозные экономические катаклизмы, что повлекло за собой кризис идей «демократического модернa» (А. Панарин) – прогресса, рациональности и гуманизма. Разрушение религиозных устоев, нравственных норм и ценностей, обострение социальных противоречий в мире «традиционных культур» под давлением «развитых стран» вольно или невольно актуализировало проблему терроризма. Терроризм перерос рамки государств и отдельных регионов, став проблемой всего мирового сообщества.

Как феномен терроризма вошел в повседневность современного мира, так и концепты, связанные с этой культурной реалией, прочно вписаны в коммуникативную практику не только специалистов, но и широких слоев населения. Однако общепринятого определения понятий «террор» и «терроризм» до сих пор нет.

В культурно-идеологической практике понятие «террор» и «терроризм» в современном значении стало употребляться в период Французской революции 1791–1794 гг. Современная семиотика и лексикология связывают с террористическим дискурсом прежде всего жестокие насильственные действия в сфере политики и реализации прав субъектами власти.

В частности, террор, как отношение государства к своим оппонентам, репрессивное и жесткое, исследуется отечественным политологом И. М. Ильинским. А. Бернгард в работе «Стратегия терроризма» указывает на связь терроризма с силой, но понимает его как применение силы слабыми в отношении сильных. Американские исследователи В. Маллисона и С. Маллисона определяют терроризм как систематическое использование насилия и угрозы насилия для достижения политических целей. Общим для всех пе-

* *Сергей Николаевич Борисов* – канд. филос. наук, ассистент кафедры философии БелГУ (г. Белгород).

речисленных определений является взгляд на терроризм как на политически обусловленное насилие.

Вышеизложенные толкования и концепты вполне подходят для обозначения терроризма века XIX и начала XX, когда этот феномен действительно носил преимущественно политический и социально-психологический характер (начиная с террора Великой французской революции и заканчивая государственным террором тоталитарных государств). Но события 11 сентября 2001 года уже не укладываются в формулу политического терроризма, как и трагедия сентября 2004 г. в Беслане. Терроризм конца XX – начала XXI века, понятие «современный терроризм» требуют нового определения.

При определении современного терроризма, осмыслении его как довольно специфического феномена возникают определенные сложности. Прежде всего, они связаны с самой возможностью определения терроризма, его сути и истоков (что проявляется уже в неспособности дать внятное определение терроризма). Велик соблазн использовать старые схемы интерпретации и объявить терроризм порождением атактистических сил мира традиционализма, реанимировать удобную и понятную модель противостояния секулярного «Запада» и фундаменталистского «Востока» и тем самым снять все возможные подозрения в собственном соучастии в возникновении данной проблемы. Иначе говоря, основной вопрос, который предстоит разрешить, это вопрос о принадлежности терроризма к миру традиционализма, и только к нему, или же доказать обратное, что позволит прояснить ряд вопросов о сути и истоках современного терроризма.

Для разрешения поставленного вопроса нам необходимо опереться на некоторое исходное положение, характеризующее терроризм, очевидное и потому бесспорное. Этому условию, на наш взгляд, отвечает тезис о публичности терроризма.

Действительно, публичность современного терроризма есть факт непреложный. Теракт всегда есть некая презентация альтернативы существующей реальности. Террористический акт есть та точка, в которой происходит «диалог» «человека террористического» и «массового»: не только террорист, но и общество становится субъектом террора, и именно таким путем «новая» реальность вторгается в повседневность системы. Причина, по которой становится возможным появление альтернативы реальности-системы, – утрата этой системой реальности, утрата подлинного основания самой истинности – *сакрального*. Террорист ставит под сомнение,

прежде всего, легитимность, но также право на существование системы.

Более того, возможность альтернативы, возможность антимира, изначально содержится в логике развития системы. Легитимность, основанная на «сакральных запретах», обусловлена четким разделением сакрального и профанного, святого и скверного, дозволенного и запретного. Кризис сакрального, конец цикла в традиционном обществе запрограммирован таким свойством сакрального, как угасание и растворение в профанном. Поэтому периодическое проявление насилия *вне* легитимности террора изначально присуще системе. Циклическое угасание и возрождение сакральности, чередование «Вызова» и «Ответа» есть непереносимое условие развития системы. Несοизмеримость «Вызова» «Ответу» и вызывает к жизни терроризм.

В данных условиях герой, воссоздающий систему, «превращается» в антигероя – «человека террористического». Образ антигероя, «тени» героя – трикстера имманентно содержится в потенциях системы, периодически испытывающей циклические кризисы.

То есть, терроризм, следуя логике рассмотрения проблемы, как некая архаическая поведенческая модель, есть принадлежность общества традиционного. И «человек террористический» чужд современности, с которой он борется. В этом случае поле данной борьбы также должно быть традиционным.

Мироощущение «*homo religious*» характеризуется определенными пространственными представлениями, которые, прежде всего, будут характеризоваться наличием противостояния пространства «сакрального» и «профанного», «центра» и «периферии». «Центр» как вместилище сакрального, наделенного значимостью, противостоит «периферии», аморфной и профанной.

Однако, говоря о современном терроризме, мы видим совершенное безразличие в выборе места проведения теракта. Поле применения нелегитимного насилия предельно размыто и безразлично, что не оставляет сомнений в отказе от постулирования архаичности современного террористического проекта.

Говоря о топосе терроризма дня сегодняшнего, мы фиксируем не только и не столько размытость его пространственных характеристик, сколько его «нереальность». Мир постмодерна, «оставивший» тотальное насилие в прошлом веке вместе с тоталитаризмом, не желает верить в реальность происходящего. Жесткая

табуизация насилия внутри «золотого миллиарда» оборачивается «миротворческими акциями» в странах «изгоях», которые носят названия «специальных операций», «миротворческих миссий» и чего угодно кроме «войны», «официально» изжитой, как и насилия. Оттого глобальный терроризм и обезличен, а его «бренд» У. Бен Ладен представляется скорее виртуальным персонажем, который присутствует «везде и нигде».

Террористические акты оставляют впечатление нереальности, фантастически жестокой игры. Неуловимый и абстрактный террорист, архаичность образа и действий которого позволяют соотносить его с мифическим культурным героем (его отрицательным вариантом – трикстером), в условиях сакрально-символического кризиса «оборачивается» антигероем, как носителем антисистемности, и функциональность его носит те же черты сходства-различия (амбивалентность «превращенных» антисистемных форм откладывает отпечаток на всем: от образа героя-антигероя до легитимного-нелегитимного насилия). Как трикстер традиционного общества является медиатором между сферами сакрального и профанного, так антигерой-террорист есть определенный посредник между мирами традиционализма (исламский терроризм как носитель сакральности) и модерна-постмодерна (рафинированное секулярное современное общество, лишенное сакральности). То есть современный терроризм во многом порожден современной культурой и обществом. Рожденный в недрах эпохи модерна, с ее установками на развитие рационализма, постмодерн «расколдовал» культуру, которая утратила естественные и эффективные сакральные запреты на применение насилия, в том числе и пространственные.

***Повседневность – ценности
повседневности –
экзистенциальные ценности***

Л. М. Немченко*

Прагматика повседневности

«Вода прохладная,
 Чинара высокая,
 Солнце светит,
 Кошка дремлет,
 Я стихи сочиняю.
 Слава богу живем!»
 Назым Хикмет
 «Целый день стирает прачка,
 Муж пошел за водкой.»
 Н. Заболоцкий

Трудно найти феномен, по отношению к которому в культуре скопилось бы столько негативности. Справедливости ради надо заметить, что и критика повседневности сложилась не сразу. Для начала повседневность надо было как-то заметить, назвать, определить ее семантику и месторасположение (синтагматику), а только затем – оценочно прореагировать. Как всегда, функцию открытия явления, его ценностного переживания на себя взяло искусство. Стоило древнему греку проститься с гармонией личного и общественного, стать частью огромной империи, как сразу же оказалось, что важным может быть не только героическое событие, но и жизнь пьяницы («Эпитафия пьянице Марониде» Леонида Тарентского). Движение освоения темы шло от признания места повседневности в культуре (эллинизм, северное Возрождение), ее эстетизации (малые голландцы, поэтический кинематограф, поп-арт) до критики и презрения (романтизм, авангард), причем абсолютно разные по времени возникновения и ценностным установкам явления искусства работали в одних и тех же режимах общения с повседневностью. Самые мягкие характеристики повседневного бытия – скучное, серое, предсказуемое, тоскливое, банальное, ник-

* *Лилия Михайловна Немченко* – канд. филос. наук, доцент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького и кафедры социально-гуманитарных дисциплин Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

чемное, прозаическое. Но распространяются ли эти характеристики на те культурные практики (профессии), которые носят принципиально непрозаический характер? Отличается ли мир повседневности слесаря-сантехника от мира повседневности летчика, отличны ли друг от друга повседневные миры акушерки и балерины? Смею предположить, что семантически, точнее предметно, они не совпадают, но синтаксически – презентация происходит одинаково. Как-то раз моя знакомая скрипачка из симфонического оркестра на вопрос, что они сегодня играли, ответила предельно точно – «ноты». Тем самым она отметила привычность и отсутствие новизны в своей повседневной практике, которая для огромного числа наблюдающих со стороны кажется абсолютно иной, лишенной прозаичности. Повседневные практики объединяет повторяемость, наличие общего ритма и алгоритма, ритмические рисунки повседневности незамысловаты, сильная доля предопределена биологическими ритмами, которые в культуре приобретают ценностные значения, иерархически выстраиваются, любая синкопа – ломка устойчивого и привычного ожидания.

Попадая в пространство культуры (социума), человек сталкивается с его маркировкой, причем помечается, естественно, не только пространство, но и время. Так появляется точка отсчета, прерывающая похожие движения труда отдыхом, праздником. («красный день календаря»; белые банты, равно как и белые школьные фартуки для советских девочек, – знак, противоположенный повседневному, маркированному коричневым или черным; отличие будничных и воскресных цен на рынке, на билеты в кино и т. п.). Движение жизненного процесса фиксируется: день первый, день второй, и вдруг – на седьмом – перерыв. Таким образом, выстраивается семантический ряд повседневности – это будни, в которых не происходит ничего нового, не считая первых дней творения, к которым каждый отдельно взятый человек не имеет никакого отношения. Повседневный мир предопределен, это такая поверхность, на которой культурное и природное мало различимы («все должно в природе повториться»), регулярность и повторяемость (по Гуссерлю, это звучит как «и так дальше») неизбежны, отсюда и повседневность, определяемая Шюцем реальностью *rag excellence*, т. е. «верховой реальностью». В этой реальности, неважно, любимой или презираемой, человек соприкасается с миром и остается живым, ибо в ней, повседневности, выработаны определенные правила безопасности нахождения здесь и сейчас, за-

крепленные как в культурно-историческом, так и в индивидуальном телесном существовании (прямохождение оказывается очень разным для цветочницы и аристократа). Таким образом, повседневность напрямую указывает на то, что мы живы и в относительной безопасности. Опыт повседневности образует фундаментальные традиции обыденного существования, их банальность связана с неизменной тягой к стабильному, узнаваемому. Прагматика повседневности – в создании правил. Однако в рамках этого правильного потока наступает момент, который артикулируется как «однажды». *Однажды* мы начинаем переосмысливать, *однажды* мы осознаем «выхолощенность» и пустоту повседневной жизни, *однажды* мы теряем, *однажды* мы принимаем решение, совершаем поступок, и т. д. Вот это «однажды» прерывает, меняет синтаксис повседневности и, соответственно, создает новую прагматику, становясь местом рождения смысла. Таким образом, повседневность выступает полем для всевозможных «однажды». Путешествие по повседневности до и после «однажды» исследовано в фильме Б. Хлебникова «Свободное плавание». После закрытия единственного завода в провинциальном городке главному герою надо что-то делать. Романтическая риторика о «дятлах дорог» (термин бригадира дорожных рабочих) не спасет. Повседневность – как быт, работа, предметный мир – никуда не исчезает, но художник настраивает оптику таким образом, что известные вещи приобретают многообразие оттенков, вызывая удивление, любовь, вопрос. Тем самым нарушается формула повседневности, данная М. Бланшо (повседневность – это то, когда «ничего не происходит»).

Поскольку повседневность всегда под рукой, то она присутствует в нас, как сказал бы Хайдеггер, «без нашего ведома», безмолвно, опредмечиваясь в вещах и бытовых реалиях, для того, чтобы она «заговорила», необходимо некоторое остранение, дистанция, доступная художнику. Когда художник открывает повседневность как место рождения смыслов (вспомним «Сказку сказок» Юрия Норштейна, где от каждой линии распространяется свечение вечности, где из пейзажей Марьиной рощи рождается пространство Вселенной, где упавшее надкушенное яблоко источает трагедию выброшенности из бытия), вот тогда обыденные предметы принимают статус возвышенного, ибо они оказываются больше своего утилитарного значения.

Повседневность как ежедневное делание жизни приобретает характер ритуала. Здесь скрывается самое ненавистное в повседневности – ее повторяемость. Выбравшись из одного ритуального действия, ты обязательно попадаешь в другое. Такую дурную бесконечность показывает Отар Иоселиани в своих последних фильмах. Вот, к примеру, Венсан, рабочий и самодеятельный художник из небольшого городка, формально не одинок и обеспечен, ежедневно отправляется на завод («Утро понедельника»). Утро, домашние, занятые собой, жена за вязанием, машина, автобус, оставленные башмаки, трубы химкомбината, проходная с надписью о запрете курения, последняя сигарета, фабричный гудок, цех, возвращение к оставленным башмакам, курение, возвращение домой, где никто на тебя не обращает внимания, жена за вязанием. И наступает то самое «однажды», когда герой проделает путь до заводских ворот, но развернется. Впереди – путешествие, традиционный способ борьбы с повседневностью, Венеция, свобода... И здесь-то и выясняется, что все в новых декорациях симметрично тому, что уже было. Везде запрещено курить, заводские трубы дымят одинаково, путешествие лишь доказывает тщетность перемен. Иоселиани возвращает героя домой, к башмакам и вяжущей жене, к дороге на завод. Ритуал, оказывается, и придает смысл настоящему времени. Поступок Венсана – проверка собственной жизнеспособности, понимание того, что полнота жизни не компенсируется бегством от повседневности, она только в ней и осуществляется, дело за твоим собственным выбором. Герою последнего фильма Иоселиани «Сады осени» министру Винсенту выбор приходится делать под натиском революционно настроенной толпы. Мы становимся свидетелями перехода из одной повседневности в другую, из мучительной по своей несвободе и ритуальности повседневности министра – в повседневность бомжа. Такой обмен статусов весьма относителен, Иоселиани в очередной раз со свойственной одному ему иронией предлагает признать рутину повседневности как радостную данность, которая на самом деле может быть лучше, чем мы о ней думаем. Таким образом, можно назвать еще один прагматический жест повседневности – формирование стоического отношения к жизни.

Ценности повседневности и ценность повседневности

Повседневность – каждодневная жизнь людей – существовала всегда, но современное понимание повседневности связано с разрывом трансцендентального видения мира, с концом общего религиозного сознания, в котором повседневное было частью религиозного ритуала, с безвозвратной утратой духовной притягательности всех старых ценностей. Сегодняшнее ощущение повседневности связано, прежде всего, с модернизацией, разграничением общественного и личного пространств, со становлением новых экономических отношений, с активно развивающимися СМИ (в частности, телевидением), с внедрением новых информационных технологий, с открытием мирового информационного пространства. Современная общественная практика, характер, способы и образ современной жизни указывают на то, что повседневность, как особая сфера существования, зона личного бытия человека, с одной стороны, привлекает к себе активное внимание и находит свое развитие в социокультурных программах и практиках. С другой стороны, человеческая повседневность целенаправленно подменяется повседневностью, создаваемой СМИ, рекламой, идеологическими воздействиями со стороны политической власти и идей культурной элиты. Поэтому актуальной становится постановка вопросов о ценностях, определяющих поведение человека, который делает выбор и решает жизненные проблемы в контексте своего повседневного существования. Обладают ли повседневные ценности наибольшей устойчивостью и непосредственной значимостью для совместной жизни людей?

Словом «ценность» для человека в повседневности можно обозначить все то, что обладает для людей особой ценностью, выделяющейся на привычном фоне их обыденной жизни, и потому

* Елена Анатольевна Калистратова – доцент кафедры истории и социально-политических дисциплин Уральского Государственного Лесотехнического Университета (УГЛТУ) (г. Екатеринбург).

предпочитается ими в чувствах, мыслях, желаниях. Ценность придает смысл поведению, становясь внутренней доминантой его намеренных, а иногда и неосознаваемых действий.

Что именно ценят люди в повседневной жизни? На этот простой и понятный каждому человеку вопрос сложно дать однозначный ответ, так как ценности рождаются во внутреннем мире индивидов, становясь там самой сокровенной, а нередко и потаенной частью.

В современных исследованиях, посвященных рассмотрению повседневности, выделяют такие ценностные ориентиры, которые остаются инвариантными. Это, прежде всего, ценность жизни и здоровья; ценность материального благосостояния и удовольствия; ценность отдыха и развлечения; ценность целедостижения и деятельности, связанной с игрой сил и способностей; ценность самоутверждения среди себе подобных; ценность общения и любви; ценность справедливости и признания.

Ценности, рожденные повседневной жизнью, возникают в человеческом сознании спонтанно. Они не выступают результатом специализированной деятельности, целенаправленного творчества, сознательного распространения. Спонтанность означает органическое появление ценностей из самой ткани эмпирической жизни. Поскольку при всех исторических трансформациях повседневность все равно остается повседневностью – эмпирическим миром с повторяющимися отношениями, – постольку обыденные ценности частично наследуются из прошлого в виде непререкаемых матриц, а частично вытекают из самого мировосприятия.

Повседневные ценности являются непосредственным выражением потребностей человека и его ближайших интересов, причем выражением неотрефлексированным, не ставшим предметом анализа. Развитие и изменение потребностей ведет к изменению ценностей повседневности, к не сразу заметной трансформации латентных ценностных установок.

Повседневные ценности выстраиваются в рамках эмпирически достижимого пространства, они выступают как ценности семьи, соседства, общины – ближайшего круга. Можно сказать, что они обращены к «ближним» в прямом смысле слова. Повседневность – даже современная – не выходит далеко «за околицу» и мало интересуется тем, что происходит вдали.

Повседневная ценностная структура, включающая самосохранение и развитие, самоутверждение и выживание, в качестве важнейшего своего противоречия несет противоположение ориентиров

на «коллективность» и «индивидуальность». Вместе с тем, эти ориентиры подвижны, динамичны и хорошо сбалансированы. В обстановке ужесточения внешних условий существования, – будь то природные катаклизмы или войны, – стрелка ценностного компаса отклоняется к коллективизму как важнейшей на данный момент ценности. В условиях достаточно вольготного экономического и культурного развития обыденное сознание радуется возможности человека проявлять себя, и стрелка ценностного предпочтения отклоняется в сторону индивидуализма, ценности личности.

«Набор» повседневных ценностей и определяет ценность повседневности. Повседневное ценностное сознание в вопросе о свободе, по большей части, придерживается следующего представления о свободе: свобода нужна, чтобы никто не мешал наслаждаться жизнью, приобретать состояние, жить своей семьей и вообще «проживать жизнь», «прожить как люди». Это почти никогда прямо не формулируется, но просто имеется в виду как всем известное.

Повседневное ценностное сознание глубоко эмоционально, пронизано страстями, но страсти сами по себе не выступают здесь предметом внимания и забот, они просто вплетены в процесс переживания мира.

Для повседневного сознания в целом характерно тяготение к самовоспроизводству и стабильности, к погашению исторически возникающих ценностных возмущений, к нивелированию любых внешних аксиологических влияний. Оно медленно изменяется в ходе культурных трансформаций и хранит свое ценностное ядро неизменным.

Сознание повседневности – это ситуативность и раздробленность, несобранность, в которой возможно все: повседневность спокойно «впускает в себя чудо». Обращаясь к анализу повседневности, можно увидеть политеизм и синкретизм ценностей. Повседневные практики не воплощаются ни в каком официальном институте, они образуют своеобразные «свободные зоны», защищенные или защищающиеся от институциональных давлений: повседневность становится «сферой бесконечных микроуловок и мини-побед человека над надзором власти и дисциплинарной кары» (М. Серто). «Суверенизация» личного пространства – вот одно из основных «достижений», ценность повседневности. Это ценность индивидуального опыта, приобретаемого человеком в различных жизненных повседневных ситуациях. Это ценность сохранения для человека возможности идти «по накатанной жизненной колее».

Избавленная от идеологического давления, повседневность ценна своим предбытием, первоначальным хаосом, мозаичностью, ситуативностью и синкретичностью, которые дают человеку возможность самостоятельного житнетворчества, изобретательства ценностей и смыслов. Именно повседневность дает человеку возможность сохраняться и развиваться. Если повседневность будет лишена своего полисемантизма, своей несобранности и раздробленности, если ее смысловая основа (под влиянием идеологии культуры, государства, власти) будет сведена к единому знаменателю, то может быть разрушена и область индивидуальных решений и выборов, область рождения и определения человека. Сама же повседневность как реальная глубинная жизнь перестает восприниматься как ценность, повседневная жизнь становится скукой, рутиной, неподлинностью, миром условных ценностей и смыслов, отчужденной действительностью.

Экзистенциальный модус человеческого бытия и стратегия трансформации

В социокультурной ситуации начала XXI века наиболее востребованной временем становится весьма насыщенная креативностью интенция трансформации, которая предопределена не только тем, что происходит в социуме, но и возможностями человеческой экзистенциальности, предполагающей нахождение и максимальное раскрытие потенциала адекватной стратегии человеческого бытия. В этой связи представляется целесообразным уточнение и перспективное раскрытие потенций как экзистенции, так и трансформации в качестве актуальных феноменов человеческого бытия в протеистическую эпоху, пришедшую на смену постмодернизму и уже сейчас достаточно явно маркирующую нашу жизнь.

«Протеизм как культурное движение – это альтернатива тому «пост» (постмодернизм, постструктурализм, постутопизм, постиндустриализм...), которое отталкивалось от прошлого и вместе с тем было зачаровано им, не могло выйти из его магического круга.

Прото – ... соизмеряет себя с предстоящим и наступающим, а не с прошедшим», – справедливо отмечает М. Эпштейн (Протеизм // М. Эпштейн. Проективный философский словарь. Новые термины и понятия. СПб.: Алетейя, 2003), строя на этом основании новую философию культуры, наиболее созвучную духу времени – «трансформационному веку», приходящему сейчас на смену веку информационному.

Новая методология такой философии культуры делает ставку не на критическую деконструкцию той информации, которая уже накопилась с избытком в обществе, а на творческую потенцию

* **Борис Викторович Орлов** – канд. филос. наук, руководитель Центра дополнительного образования Гуманитарного университета, доцент кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

– поиск множества возможностей для своеобразной трансгрессии как преодоления тупиковости в развитии культуры. Именно в этом аспекте и постараемся интерпретировать экзистенциальные ценности.

Нужно прежде всего понять, что ценности культуры, трактуемые как экзистенциальности, производны от экзистирования (или экзистенциального модуса человеческого бытия) и по своему существу, следовательно, являются разновидностью так называемых экзистенциалов.

Экзистирование – это модус таких отношений человека к миру, когда отношения к миру-макрокосму выстраиваются в зависимости от отношений человека к самому себе – к собственному духовно-душевному миру как микрокосму, характеризующемуся самобытностью (самостью), уникальностью, суверенностью, сокровенностью, таинственностью, интимностью, ранимостью, одиночеством, ответственностью и свободой. Экзистирование предшествует сущности человека как субъекта деятельности (практической, познавательной, общения, ценностно-ориентационной), переводя его социально-функциональное измерение в измерение экзистенциальное, когда человек в своей душевно-телесной уникальности и субъективности и благодаря собственному бытию участвует в становлении бытия вообще. Экзистирование – это погружение в свою самость и творческое продуцирование множественных, полифоничных смыслов бытия в качестве новых, ранее не существовавших сущностей и существ.

Экзистенциальное, раскрываясь через философское, религиозное, нравственное, эстетическое и художественное (как конкретные экзистенциально-онтологические отношения и соответствующие экзистенциалы), в конечном счете и придает реальные смыслы жизни, в ситуациях «здесь и сейчас» проявляя, обозначая, символизируя экзистенцию, создавая условия для экзистенциального озарения и ощущения, переживания, осознания (свободного и уникального) каждым отдельным человеком подлинности (аутентичности) и полноценности его собственной жизни на фоне внеиндивидуального, надындивидуального и в гармоническом единстве со всем сущим.

Основные модусы человеческого бытия – деятельностный и экзистенциальный – задают и две основные, предельные стратегии: стратегию целеполагания и стратегию смыслопорождения (например, «целесообразности без цели» в терминологии Канта). Эти

стратегии обеспечивают по преимуществу и соответственно процесс жизнедеятельности и процесс житнетворчества (например, «искусства жизни» в терминологии Ницше). Стратегия деятельности как целеполагания значимых результатов (ценностей) и успешного процесса их достижения сосуществует с принципиально иной стратегией, ориентированной на данность событий человеческой жизни как процесса становления бытия (Хайдеггер), «творческой эволюции» (Бергсон), смыслов как результатов продуцирования «несуществующих сущностей» (Делез). Первая стратегия носит явно выраженный технологически-конструктивный и ценностный характер, в то время как вторая явно онтологична, то есть творчески-деконструктивна и сверхценностна в отношении достижений деятельности («но поражения от победы ты сам не должен отличать»).

Человек как амбивалентное существо (деятельное и экзистенциальное одновременно) решает для себя проблему выбора («или-или») между двумя стратегиями. Драматизм реального, а не умоглядного решения проблемы выбора стратегий свидетельствует о наличии разных способов (стратагем), с помощью которых удается его принимать и осуществлять. Стратагемы – это результаты причудливого соединения вариативного и инвариантного, исторического и типологического, социального и индивидуального, сознательного и бессознательного и т. д., то есть архетипы, своего рода «матрицы», предопределяющие индивидуальные решения человека выбирающего.

В той связи значимы возможности вполне определенного набора стратагем «Стратагема изоляционизма» предполагает параллелизм стратегий деятельности и экзистирования и — на этом фоне — выбор одной стратегии при полном забвении другой. «Стратагема доминирования» — наиболее властная и агрессивная среди всех стратагем, так как строится на отношении полного господства и подчинения одной стратегии другой. «Стратагема конфликтности» имеет дело с взаимоисключающим, альтернативным, принципиально конфликтным, обостренным, экстремальным противостоянием стратегий целеполагания и смыслообретения. «Стратагема дополнительной» в известном смысле компенсаторна, так как стремится к интеграции двух стратегий по принципу дополнительной: ограниченность каждой из стратегий преодолевается за счет переключения на другую стратегию, и обратно.

Но «стратагема трансформации», пожалуй, самая творческая и наиболее потенцированная в диалоге стратегий бытия. Это стратагема обновления, инобытияствования, поиска иных смыслов за счет внутренних резервов и инверсии потенциалов каждой из стратегий. Это стратегия переименования, остранивания как деятельности, так и экзистирования, в результате чего только и возможна подлинная инновация. Это тот редкий случай, когда достижимо «сходство несходного» благодаря взаимопереходу, оборотничеству, казалось бы, исключаящих друг друга стратегий: в повседневном просвечивает экзистенциальное, в экзистенциальном отыскивается повседневное. Это стратегия вечного возвращения к двум единым, но разным первоосновам человеческого бытия: Цели и Смыслу. Травестийно-карнавалы по форме, инновационный по содержанию, такой тип культуры достаточно наглядно представлен в постмодернизме, но стремление «стереть случайные черты», увидеть в обычном необычное и, наоборот, стремление к «переходу и падению», то есть к значимой трансформации, парадоксальному преображению бытия, в результате которого и просвечивает истина, — конечно же, более универсально и многообразно и служит необходимой основой достижения исторической идентичности экзистенциального и социального в протестантскую эпоху. Реализующуюся в данном случае стратагему, пожалуй, можно будет назвать «стратагемой идентичности».

Личностная динамика экзистенциального жанра

Взаимозависимость, скорость, сложность, мобильность – визитные карточки нашего экономического времени. Уловить логику текущих перемен не просто: современное экономическое поле не поддается простому однозначному схватыванию в традиционных мыслительных категориях. Лишь постмодернистская ориентация на экономически адекватно организованный стиль мышления позволяет охватить движущую силу нестабильности, отследить ее в пространстве различий, разглядеть невидимое, ускользающее. Что способствует этому?

Экономические феномены заинтересовали М. Фуко в силу их подверженности влиянию бессознательного: экономика относится к бытийным явлениям, поскольку в ней высвобождается мощь живой природы человеческих потребностей, проявляющаяся как бессознательная сила жизни и языка. Предпринятый же Фуко анализ внесубъектных детерминаций субъективности требовал обращения к языку и сознанию, как имеющим в качестве своей основы *бессознательное*. Сдвиг исследовательского внимания в данном направлении обусловил рождение постклассической проблематики децентрированной субъективности, позволив говорить о росте степени сложности современной западной субъективности, о ее неоднородности, множественности.

Проблема множественного «я», ставящая вопрос о многомерном восприятии социальности, завоевала популярность не только в современной социологии (Дж. Эльстер, И. Гоффман), но и в психологии (Р. Ассаджоли, В. Жикаренцев). Здесь она известна как проблема «расколотого «я», обращающая к изучению особенностей функционирования кризисного сознания. Под таковым понимается раздробленное сознание, лишенное целостности, склонное к существованию на грани.

* Ирина Андреевна Оглоблина – ассистент кафедры социальной философии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Кризисное состояние сознания – особенность современной эпохи, характеризующейся присутствием в повседневной жизни взаимоисключающих друг друга характеристик, представлений, прогнозов. Современный индивид проживает свою жизнь на фоне противоречивости, разноприродности бытия. Именно поэтому его сознание не может не быть разорванным, сюрреалистичным – ведь сама психика функционирует на грани расщепления. Но главное – психологическая структура личности деформируется под прессингом экономически усиливаемой активности бессознательного. Избыточная энергия бессознательного притягивает в наше поведение динамичность, инициируя тем самым не только сдвиг личностного восприятия, но и смещение психического фокуса индивидуального сознания с позиции, свойственной субъекту созерцания, в позицию субъекта действия.

Именно этот процесс и фиксируется проблематикой децентрированной субъективности, констатирующей переход от статичной субъективности (автономной, себе тождественной личности, устойчивого «я») к динамичной субъективности (децентрированной, неоднородной, сложносистемной, неустойчивой). Но если динамика «я» задается и поддерживается экономически, что же удерживает психику динамичного субъекта от раскола под натиском энергетической стихии бессознательного? Какие институты, какие ценности?

Трудно не присоединиться к Ж. Бодрийяру: мы переживаем время симуляции ценностей социальных институтов эпохи Модерна. В данном контексте по-новому читаются темы, традиционные для экзистенциальной философии: пограничной ситуации, конечности жизни, экзистенциального выбора, границ человеческого бытия, экзистенциальной встречи и коммуникации, соотношения замкнутости и открытости, временности. Человечество, становясь динамичным, стремится «иметь» и пребывает (согласно дефиниции Э. Фромма) в состоянии неподлинного бытия, не столько симулируя подлинность, сколько проявляя невротическую приверженность к атрибутам экзистенциального существования – страху, тревоге, беспокойству, пограничному состоянию. Только теперь они не воспринимаются как индикаторы рефлексивного сознания. Сегодня мы склонны классифицировать их максимально приближенно к сути: как психические переживания, сопутствующие условиям динамического развития кризисного сознания и таким его следствиям, как «расколотое «я» или «клиповое сознание». Визуально-«клипо-

вый» способ восприятия жизни пришел на смену ценностным установкам Модерна, не действенным в ситуации рассогласования представления о чем-либо и реального положения вещей (налицо кризис тождества не только бытия и мышления, но и визуального и вербального). Мы находимся в ситуации переориентации культуры со слова на изображение, что облегчает обработку информации. Мир – калейдоскоп рисованных картинок, где мало текста. Оперировав визуальными образами (в музыкальных саундтреках, видеоинсталляциях, рекламе и пр.), Интернет, Масс-Медиа, ТВ представляют системой унификации человеческих отношений, ненавязчиво помогающей индивидам отстаивать общественность своего существования. Постоянная накачка стандартизированными фрагментами образного ряда – новый способ воспроизводства массового сознания. Включение сознания происходит в моменты предельной эмоциональной насыщенности восприятия, что возможно лишь при переживании эмоционального удара, концентрирующего в себе самые яркие краски интенсивного проживания жизни. У языка эмоций – своя энергия, являющая себя в силе ощущений. Она выражает стремление жить активнее не на уровне глубоких чувств и свойственной им саморефлексии, а на сильных ощущениях – неважно, положительные они или отрицательные. Чем больше в них сжато пространства и времени современной эпохи, тем большую ценность имеет проживание ударных эмоций (и соответствующей им информации). Тем самым психика спасается от расщепления, запуская процесс «микширования» – эмоционального сплавления в целостность наплывающих в разной последовательности разнородных житейских сюжетов. Чем не реализация экзистенции как «решающей вовлеченности в существование, реализуемое в мгновении, не зависящем от того, что наступит после, не испытывающем угрозу смерти»¹? Жизнь обречена на успех в той мере, в какой эмоциональный экстрим связывает людей в сообщества, упорядочивая хаотизированную реальность коммерциализированных информационных потоков. Ориентированные на эмоциональный удар, они теряют нить жизни без ежедневной порции горячительного. И не важно, что при этом отсекаются нюансы. Они перестали быть интересными: мы уже все испытали, прочувствовали, услышали, поняли. Мы не верим в слова, нам скучно описывать то, что мы уже знаем.

¹ Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма. СПб.: Лань, 1999. С. 136.

На фоне тотальной названности всего и вся нивелируются очень многие жизненные ценности – даже такие, за которыми скрываются события жизни и смерти. Жизнь и смерть – часть компьютерной игры, череда сменяющих друг друга сюжетов. Внимание погружено в самые будоражающие моменты жизни, поэтому видны только контрастные, яркие цвета. И это нормально: когда информация обрушивается на человека огромным потоком, все связанное с жизнью и смертью воспринимается как рядовое, обыденное. То, что при этом теряется целостность смыслового, человеческого, не имеет значения. В отсутствии переходов между оборотами исчезает глубина переживаний, а с ней то, что во все времена соотносили с философией, – нравственное осмысление бытия.

Слово, перестав быть выразителем тотальных идеологий и властных идей, перестало быть выразителем и высших состояний души.

Процесс личностной самореализации, как правило, мотивирован стремлением к успеху, благосостоянию, и теми желаниями, которые с неизбежностью удерживают человеческую жизнь в зоне благополучия и комфорта. Выделяющиеся из толпы индивиды осуществляют свое отделение посредством симулякра, на языке Э. Фромма называемого «persona» (функциональная маска сознательного участия в динамичной повседневности). Не скука, серость, а столь активная смена картинок вращающегося калейдоскопа, что сознание перестает работать, теряя восприимчивость на скорости 25-го кадра. Итог: жизнь вновь не замечается, пролетает, утопая в функциональном сознательном. Само экзистенциальное существование симулируется и не предстает более вечностью в повседневности. Вывод: развитие личности современного динамичного субъекта ограничено соображениями утилитарно-прагматической прилагаемости результатов своей деятельности. Оно определяется смыслами жизни, неотделимыми от гравитационной составляющей своего «заземленного» быта – культуры потребления благ, услуг, состояний, переживаний. Но каково их энергетическое, эмоциональное, духовное качество?

Социальный исток появления философии экзистенциализма – кризис религии и распространение в обществе бездуховности. Знаковое культурно-символическое производство-потребление, как и все экономические институты, призвано повышать объемы продаж и уровень рентабельности. Духовное же содержание сознания восходит к психической жизни индивида: «Духовное

действие рождается «вне ума», и совсем не просто понять, с какого уровня оно исходит»,... «каждая духовная деятельность уникальна, а когда она рождается на высоком уровне, ее невозможно предсказать или повторить. Для того, чтобы понимать и фиксировать духовные действия, необходимо развить способности, которые бы позволяли обнаруживать и ощущать их в себе»². Какому же уровню психического соответствует проявляющаяся в нынешнем динамичном существовании духовная компонента? На что именно в бессознательном опирается экономический динамизм децентрированной субъективности кризисного сознания «я»?

С одной стороны, экономика в соотнесенности с бессознательным выявляет устойчивость, стабильность человеческого существования и указывает на наличие внутри субъективности объективной, направляющей разум компоненты. Объективная же сторона бессознательного истоками своими восходит к биологическому родовому воспроизводству, к инстинктам выживания и продолжения рода. Данной целесообразностью определялись ограничения, налагаемые на человеческие желания. Согласно данной логике, классическая рациональность онтологически была укреплена в желании, законным образом опирающемся на биологически понимаемую целесообразность человеческой жизнедеятельности.

С другой стороны, экономика обретает в бессознательном динамизм и привносит его в человеческое существование. Субъективная сторона бессознательного опирается на свой эмоциональный двойник-перевертыш – инстинкт наслаждения. Это означает, что вся динамика человеческой жизнедеятельности направляется вышедшим из-под контроля, превысившим меру допустимого (незаконного, не определяющегося нуждами родового воспроизводства), избыточного желания, чье неуклонное самонарастание есть устремленность психофизиологического импульса наслаждения к точке своего кипения (что сродни запуску автокаталитического процесса). К нему и восходит постклассическая рациональность, поскольку рассудочное, упорядоченное представление о чем-либо обнаруживает свою предельность, прокручиваясь в бесконечных модусах возрастающей мощи не узаконенного желания, побуждающего воспринимать, действовать и мыслить согласно своим инстинктивным импульсам. Парадоксальность постклассического мышления определяется его укорененностью в психическом на том

² Беннет Д. Г. Учителя мудрости. М.: Профит Стайл, 2006. С. 220–221.

его уровне, для которого характерно дуальное восприятие мира (чем активнее проявляется тяга к наслаждению, тем явственнее действие его дуального двойника – страдания) и имманентная такому восприятию бинарная организация мыслительного процесса. Данная особенность указывает на вектор следования стилистики экономической организации мышления – к структурной организации даосских коанов, где бинарные оппозиции снимаются путем вывода сознания за пределы рассудочной рациональности в просветленные слои психического.

Неужели все так просто: нарушив меру присутствия бессознательного в психическом, человечество, представленное конкретными индивидами, переживает переход к новому балансу «рациональное – иррациональное»? Согласно работам К. Г. Юнга, процесс подобного рода знаменует собой рождение целостной личности – т. е. личности, скоординированной духовно, психофизически, ментально, эмоционально. Юнг, однако, неоднократно подчеркивал: обретение личностью системной целостности достижимо лишь при переходе на более высокий психический уровень индивидуального сознания. Последнее требует усилий, производимых индивидом в направлении расширения границ своего собственного сознания, при возрастании не только его емкости, но и глубины (т. е. при переживании процесса осознания). Изменения ментальности необратимы лишь в том случае, если необратимо изменяется сама ее психическая основа. И такое изменение в первую очередь определяется столкновением индивида со своим общечеловеческим смысловым инстинктом. Поэтому Юнг предостерегает: если встреча с Тенью – удел подмастерья, то встреча с душой – дело мастера³.

В любом случае, при функционировании социального воспроизводства в динамическом режиме личностное развитие подчинено центробежному аспекту бессознательного – импульсу наслаждения фрейдистки трактуемого либидо. Именно он скрепляет разрозненных индивидов в со-бытие, целостность которого гетерогенна ввиду различия желаний, рожденных импульсом наслаждения. И до тех пор, пока люди не возвысятся до устремленности к тайнам духа и бытия, человечество обречено к со-бытийствованию на нижней границе своего земного пути.

³ Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С. 118.

Сакральное современного быта

Эммануэль Левинас пишет: «Мы открываем кран в ванной, а вместе с ним целиком всю проблему онтологии»¹. Кран в ванной – самое что ни на есть бытовое, повседневное, простое и не философское, а «целиком проблема онтологии» – это вопрос о бытии, вопрос о сущности мира и масса других метафизических и глобальных вопросов. Связь крана в ванной и философии заключается первоначально в том, что кран – это орудие, механизм, связывающий нас с миром окружающих людей. Кран ведь может и не работать, тогда мы начнем ругать коммунальные службы, городские власти, нетрезвого сантехника и вообще – можем перейти на позиции тотальной озлобленности и скепсиса. Новый кран может изломаться, и тогда мы начнем сомневаться в качестве и надежности всех наших повседневных покупок. Одним словом – такая повседневная вещь, как кран, оказывается связующим звеном между нами и окружающим миром. Мы в прямом смысле слова через кран связаны с целым миром. Философия же и начинается там, где вопрос о мире ставится в целом.

Важно и второе: это то настроение, которое может быть мгновенно испорчено, когда «в кране» не оказывается воды и мы просто, по-бытовому, не можем почистить зубы и принять утренний душ.

Наконец, самое, на наш взгляд, существенное: кран – это посредник между нами и стихией воды. Вода – источник физиологической чистоты, порядка в кухне, основа для приготовления пищи, например – супа. Согласно древним мудрецам – вода была суб-

* *Леонид Сергеевич Чернов* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии Уральской академии государственной службы (г. Екатеринбург).

** *Елена Юрьевна Погорельская* – канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ *Левинас Э.* Время и Другое // Патрология. Философия. Герменевтика. СПб., 1992. С. 106.

станцией мира. Да и сейчас без воды невозможно заварить чай, выпить кофе. Без воды нельзя ухаживать за цветами, протереть пол, вымыть руки наконец.

Вспомним ветхозаветного Гедеона, который по завету Яхве, перед тем как выбрать особо надежных воинов, предложил им выпить воды из реки. Он выбрал тех триста из многих тысяч, кто пил из ладошки, отдав им предпочтение перед теми, кто пил/лакал прямо ртом, как животное, без посредничества.

Кран как посредник (как орудие) между миром человека здесь-в-ванной или кухне и миром стихии воды, миром множества иных орудий и предметов, других людей превращается из простого крана в некоторый действительно метафизический объект.

Метафизичность, символичность, философичность и т. д. рассмотрения такой повседневной и простой вещи, как кран, усиливается в том случае, если в окружении жизненного мира отсутствуют предметы (вещи, объекты), которые бы действительно, априорно претендовали на символичность и приоритетную значимость. Действительно, если ценно сакральное, архетипическое, то бытовое и профанное будет знать свою, вторичную цену. И уж никак не станет претендовать на равную значимость с подлинно метафизичным и «онтологичным». Само наличие и присутствие сакрального автоматически иерархизирует окружающее пространство и быт.

В условиях отсутствия «априорно сакрального», иерархизованного устройства быта, функции сакрального принимают на себя вещи повседневности, бытовые предметы. Фактически, таким предметом в итоге может стать что угодно: кран, ложка, часы, украшение. В традиционной культуре механизмы сакрализации будут поддерживаться семейным и общественным укладом, в современной же культуре «в дело вступают» средства массовой информации, реклама и другие известные обстоятельства подобного рода.

В этой связи любопытно упомянуть об одном интервью, которое в декабре 1969 года Джон Леннон, известный музыкант и исполнитель, дал Десмонду Моррису, социологу, антропологу и телеведущему. (В середине 60-х Моррис руководил Институтом современного искусства в Лондоне). В том интервью, где Леннон был назван Моррисом «человеком десятилетия», наряду с Кеннеди и Хо Ши Минном, Леннон, в частности, высказался о том образе жизни, который он вел тогда, в 1969.

Музыкант сказал, что, пройдя путь от употребления наркотических и психоделических препаратов, которые «расширяли его сознание», давали стимул к музыкальному творчеству, сейчас он пришел к тому, что «во всем должна быть дисциплина». От наркотиков и увлечения восточными медитативными практиками он перешел к вещам простым, например, в пище он сейчас предпочитает бурый рис. «Говорили, что помедитировав, вы сможете более четко представить свой день, верно, всё так, только вот никак я мог себя заставить это делать каждое утро. А вот когда ешь бурый рис, то бишь соблюдаешь макробиотическую диету, наступает такое необыкновенное просветление, словно всю жизнь под кайфом ходишь. И это верно, только я все равно каждые три месяца или около того съедаю шоколадку...»². После шоколадки Леннон испытывал ещё большее просветление, чем после бурого риса.

Эффектность подобного рода высказываний усиливается за счет того, что в 1969 году Леннон и люди ему подобные действительно обладали общественным авторитетом, и уж во всяком случае, каждое их публичное выступление находило резонанс в массах. Даже сегодня будут странно звучать сопоставления простой повседневной пищи, типа бурого риса и шоколадки, купленной в киоске на остановке, и просветляющих «духовных упражнений».

Однако рассуждения поп-звезды подчинены «железной» логике культуры двадцатого века. В условиях перехода к бытовой и повседневной дисциплине бурый рис, пища, еда вообще — становятся предметом, процессом и объектом искусственной сакрализации. Переместившись из сферы традиционно священного (власти, религии, идеологии), сакральное и метафизическое находит свое место в ванной и кухне. Наркотический и психоделический протест оказывается в этом случае лишь отвергнутым вариантом, за которым следует, по словам Леннона, — суровая дисциплина.

Но что это за такая дисциплина, которая делает пищу просветляющей, и что это за пища, простая и повседневная, которая, в свою очередь, заменила человеку весь революционный и анархический протест культуры шестидесятых?

Полагаем, что такой дисциплиной может быть только ритуальная дисциплина, подчиняющаяся строгим правилам, опирающаяся на совершенно определенный миф и включающая в себя

² Цит. по книге: *Йоко Оно. Память о Джоне*. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 229.

пищу как свой собственный элемент. В противном случае невозможно заставить человека заваривать чай по строгим канонам, варить и употреблять рис в соответствии со строгими правилами. Не будет достаточной мотивации. А ритуал дает такую мотивацию.

И вот здесь возникает существенная проблема и вопрос, который требует своего разрешения и ответа.

Если мы обратимся к быту и жизнеустройству человека, допустим — российской культуры восемнадцатого и девятнадцатого века, то увидим, что его быт был полностью регламентирован от начала и до конца. То есть — с самого утра до самого вечера. В качестве примера достаточно взять любой вариант издания достаточно полного православного Молитвослова³. Мы находим: молитвы Утренние, молитвы Перед началом всякого дела, молитвы По окончании дела, молитвы Перед вкушением пищи, молитвы После вкушения пищи, молитвы На освящение всякой вещи, молитвы Перед чтением духовных книг, молитвы О даровании терпения, молитвы В недоумении как поступать, молитвы О всякой семейной и бытовой нужде, молитвы Отца или матери о детях, молитвы О развитии ума у детей, молитвы О помощи в житейских делах и благославлении Божиим над домом и так далее до Вечерней молитвы и Заупокойной. Для того чтобы читать все эти молитвы, требуется немалая формальная дисциплина, не говоря уже о духовном и сердечном расположении и молитвенном настроении.

Но означает ли это положение дел с таким тотальным регламентом всякой повседневной жизни то, что человек вовсе не имел «ни капли» свободы и самостоятельности. На что указывает нам тот факт, что всякая мелочь и житейская нужда находят свое благославление и освящение в молитве. И не о той ли дисциплине «тосковал» Джон Леннон, когда каждый день, под влиянием жены-японки варил себе бурый рис?

Итак: все вышеприведенные рассуждения подводят нас к такому вопросу. Если в традиционной культуре быт был включен в молитвенный ритуал и поддерживался традиционной ритуальной (религиозной) дисциплиной, то какой ритуал и какая дисциплина освящают современный быт (рис, кран и т. п.)?

Вариантов ответа несколько. Например, мы можем сказать, что современная культура придумывает массу своих псевдориту-

³ Например: Молитвослов. Молитвы на всякую потребу. СПб.: «Общество Святителя Василия Великого», 2003. 480 с.

алов, нацеленных и ориентированных на грамотное потребление продуктов, на их экологичность и т. д. Образцы такого рода ритуалов нам дает массовая культура. Мы также можем предположить, что дисциплина – эта вещь общеобязательная и в какой-то степени естественная и без этой дисциплины вообще невозможно ничего добиться, ни успеха в работе, ни образования, ни карьерного роста. Наконец, вслед за Ленноном, мы можем доказывать, что наш современный ритуал точно такой же, каким он был всегда, например в чаньском монастыре XVI века. И в этом смысле ничего не изменилось. Если монахи школы чань достигали просветления через рис, чай, гимнастические упражнения и повседневную работу, почему нельзя сегодня это делать через жевательную резинку и шоколадки?

Наш ответ здесь таков. Ритуал воспроизводит определённый миф, овеществляет его и, всякий раз повторяя, возвращает к началу. Необходимым элементом ритуала являются сверхъестественные сакральные силы, которые и воспроизводятся в каждом конкретном случае-акте. Если за психологическим просветлением или «инсайтом» нет ничего, кроме ощущений и впечатлений, тогда и весь ритуал остается не более чем переживанием, пусть и приятным. Если же мы будем думать, что там (по ту сторону просветления) все же есть нечто сакральное, тогда нам остается совершить еще один ритуал, пойти к Учителю, носителю сакрального, и спросить его об этом. В зависимости от того, что скажет Учитель, мы к рису, шоколадке и крану будем относиться либо как к простым вещам бытового окружения, либо как к метафизическим знакам и символам.

В любом случае нам придется соединять два и множество ритуалов между собой для того, чтобы создать полноценный миф своей жизни, с кухней, работой, воспитанием детей, смертью. Проявляясь в мелочи, сакральное с необходимостью должно проявить себя и в большем, иначе, какое же оно сакральное.

И. А. Латыпов*

К вопросу о собственных духовных ценностях людей (философские аспекты)

Современное состояние социальной философии все более определяется осознанием духовного кризиса цивилизации. Причины этого коренятся в основаниях цивилизации, в частности, в ее потребительской установке, которая связана с безоглядным стремлением к обладанию материальными ценностями. Однозначная потребительская установка на обладание вещами чревата утратой духовного смысла бытия. Различные философские течения по-своему стремятся найти в сфере духовности альтернативу бездуховной тяге к наживе, установке на обладание материальными ценностями.

Появляется необходимость исследования собственных духовных ценностей как возможной основы преодоления духовного вырождения, сохранения духовного богатства нации, защиты шедевров духовной культуры народа.

Духовные ценности – это обобщающее понятие для таких сторон, свойств результатов духовного производства, как: идеалы, цели, духовные стремления, нравственные нормы, идеи. Например: добро, благо, истина, красота и др.

Духовные ценности выражают ценностные отношения людей, сформировавшиеся благодаря разделению духовной деятельности, и характеризуют продукты духовного производства, объективно способные удовлетворить духовные потребности человека и общества. Можно понимать духовные ценности как проявление духовности (Орлов Б. В. и Эйнгорн Н. К.¹). Осознание и усвоение духовных ценностей формирует духовный мир личности как основу ее духовной деятельности. Реализуясь в науке, в творческой деятельности, в культурном капитале, духовные ценности определяют

* **Ильдар Абдулхаевич Латыпов** – доцент кафедры социологии коммуникаций УдГУ (г. Ижевск).

¹ Орлов Б. В., Эйнгорн Н. К. Духовные ценности: проблема отчуждения. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. С. 24.

духовное производство. В творческой деятельности на основе собственных духовных ценностей субъект формирует свои объекты духовной собственности.

Впервые понятие духовной собственности как альтернативу вещной собственности ввел Гегель в «Философии права». Тем не менее он считал основным видом именно вещную собственность и недооценивал духовную собственность. Однако Гегель сознательно исключал духовную собственность из анализа понятия собственности, так как духовная собственность, с его точки зрения, не является *вещью* (т. е. вещной собственностью) как объектом философского рассмотрения. До сих пор выделение духовной собственности из общего понятия собственности не осознано в достаточной мере как социально-философская проблема.

Термин «духовная собственность», на первый взгляд, представляет собой парадоксальное соединение духовности и собственности в некоем подобии «кентавра», объединяющем дух собственности и собственность духа.

Духовная собственность является видом собственности, характеризующимся уникальной формой объективного выражения собственных духовных ценностей людей в процессе духовного производства. Духовная собственность выражает отношения людей по поводу производства, обмена, распределения и потребления духовных ценностей в духовной деятельности. Духовная собственность «интегрирует» самость человека и его духовный мир в целостное единство с результатами его творческой деятельности, объективирующейся в духовной культуре общества, в продуктах духовного производства.

Как духовное продолжение личности, духовная собственность едина с ее «собственником» и характеризует его самость. С другой стороны, так же как и продолжение человека в его вещах, т. е. как вещная собственность, духовная собственность может быть подарена (хотя усвоить ее можно лишь в духовном общении и творческом осмыслении).

Субъектами духовной собственности являются творцы и обладатели духовных ценностей, создаваемых в процессе духовного производства. Субъект духовной собственности может относиться к индивидуальному, групповому, социетальному, глобальному или родовому уровню.

Объекты духовной собственности являются социо-культурным продолжением самости субъекта духовной собственности и

выражаются, воплощаются в духовных ценностях. Они производятся, обмениваются, распределяются и потребляются в духовном производстве общества.

На основании классической структуры общественного сознания можно выделять: идеологические (например, общественные идеалы), правовые (правовые нормы и т. п.), нравственные (ценности добра, блага...), религиозные (например, ценность идеи Бога как абсолюта), художественные (ценности прекрасного), научные (истина, научные идеи) и философские (воплощенные в философских системах и концепциях) объекты духовной собственности. Как видим, для каждого вида объектной структуры определен свой объект духовной собственности. А любому объекту духовной собственности соответствует свой уровень объектной структуры духовной собственности.

Феномен свободы как возможность самоопределения на пороге XXI века

Согласно исходной установке неклассического мышления, поскольку классическое мышление полностью реализовало свои возможности, мы должны и хотим вернуться к истоку, к началу и посмотреть другие возможности мира, увидеть непомысленное в помысленном, с тем чтобы попытаться начать «другое начало», иное начало.

Рождение «неклассического» способа мышления связывают с такими философами, как Ницше, Дильтей, но, прежде всего, с именем Хайдеггера, поставившего причастность бытию вместо ориентации на сущее: «Принципиальное значение в учении Хайдеггера...имеет тезис о том, что бытие, конституирующее через посредство индивида всеобщие структуры, не может пониматься как некая вневременная абсолютная сущность (например, как своего рода трансцендентальный субъект). Нет вечных, неизменных норм, которые конституировались бы им. Скорее, все зависит всякий раз от стечения обстоятельств, от историчной ситуации, сплетения связей эпохи. Это не означает также, что в историю здесь всякий раз вмешивается некое вневременное бытие. Наоборот, само бытие исторично. Точно так же как временность оказалась конечным смыслом “тут-бытия”, время оказалось глубочайшим образом связанным с самим бытием» (Брюнинг В. Философская антропология. Исторические предпосылки и современное состояние. Екатеринбург, 1997. С. 380).

Из феноменов, конституирующих «практический мир» человека, самым значительным является свобода. В новоевропейской философии наиболее ярко и сильно феномен свободы постулируется Кантом. Доказывая, что человеческий разум имеет место только с феноменами и опытом, Кант, с одной стороны, обосновывает

* **Виктория Анатольевна Ашимова** – доцент кафедры философии и культурологии Уральской Академии государственной службы (г. Екатеринбург).

строгие положения современного естествознания, с другой – «спасает» место для свободы, т. е. мир практики и есть мир свободы. Утверждения этого Кант добивается через «оконечивание» познавательной способности человека, демонстрируя тем самым, что именно конечность есть основание свободы. Поскольку человек способен к самоопределению, следующий вопрос, который возникает у Канта: какие самоопределения являются «истинными» (то есть соответствующими сущности свободы). Категорический императив и является правилом выбора между различными практическими самоопределениями. Во-первых, в категорическом императиве постулируется сохранение свободы: из нее не может вытекать ее отрицания. Это верно для Канта при условии понимания свободы как свободы вообще, единой для всего человечества. Тем самым, нанося ущерб свободе другого, человек ущемляет свою собственную свободу. Во-вторых, из категорического императива следует правило преумножения (самовозрастания) свободы: свобода одного естественно переходит в свободу всех. В кантовском идеале каждый обладает правом «вето», здесь господствует гласность и консенсус: «Несправедливы все относящиеся к праву других людей поступки, максимы которых несовместимы с гласностью» (Кант И. К вечному миру. М., 1994. Т. 1. С. 463). Тем самым Кант является создателем современной теории демократии, господствующей как в современной политической практике (торжество материализма, общечеловеческие ценности, защита прав меньшинств, «вечный мир» под эгидой ООН), так и в политической теории (Даль, Роулз, Хайек, Поппер, Хабермас.).

Иную модель в интерпретации свободы дает нам неклассическое мышление. При этом необходимо отметить, что размежевание между классическим и неклассическим мышлением произошло еще внутри самой метафизики – речь идет о работе Шеллинга «Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах», которая является наиболее симптоматичной и значительной в этом отношении. В классическом мышлении свобода остается всегда основанием, то есть чем-то таким, из чего не может и не должно вытекать нечто, ее подрывающее. Шеллинг же в своем анализе бытия делает различие между «сущностью, поскольку она существует, и сущностью, поскольку она есть лишь основа существования» (Шеллинг Ф. В. И. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах. М., 1988. Т. 2. С. 107). Шеллинг обна-

руживает две основы: иррационально-природную и рациональную. Сами эти основы укоренены в безосновном (Ungrund). И свобода у Шеллинга, таким образом, связана не с одной из них, а с положением между ними, с тем, что в человеке присутствуют оба начала. Таким образом, свобода оказывается способностью и к добру, и к злу. *Причем, оба начала присутствуют во всех тварях, но соединены определенным образом, тогда как в человеке связь свободна.* Таким образом, человеческое бытие не смесь составов, а нечто находящееся над ними. Эволюция бытия проходит через стадию размежевания этих основ («добра» и «зла») к связыванию одной с помощью другой, так что иррационально-витальная основа («зло») сводится лишь к потенциальности. Таким образом, уже Шеллинг, обнаруживая взаимопринадлежность двух начал безличному Ungrund, выходит за пределы классического описания.

Определённость судьбы, даруемое бытием (Ereignis) человеческому бытию (Dasein) в мгновение его выхода (экзистирования) в просвет, открытость (истину, алетейю) бытия, сказывается в том, что человек обретает мир (целое, цельтельное) вместе с возможностями. Запас изменчивости человечества постоянно пополняется. Он называется «сокровищницей мировой культуры» и содержит в себе все «ценности», «цели», «мировоззрения» в оригинальной и эрзац-вариантах (популяризаторство), и каждый человек может сформировать себя неповторимым образом. *Это «разнообразие» людей полностью закрывает от них истинную редкость, единственность и оригинальность, могущую происходить только из даруемого судьбой мира.*

Определенность и уникальность каждого человеческого бытия не допускает никакого опосредования, сравнения, не допускает никакого идеала, нормы, совершенного состояния, к которому надо стремиться. Непереводимые друг в друга самости могут лишь пересекаться в определенных, конечных, точечных ситуациях в ходе проживания собственных уникальных судеб. Принадлежность своему, культивирование своих корней переориентирует заботу до такой степени, что замыкает от человеческого бытия несущностное, вплоть до того, что оно не замечает конъюнктуры целей и фикций.

Невозможно установить истину раз и навсегда. Это относится и к таким постоянным образованиям, как $2 \times 2 = 4$, чье постоянство как раз свидетельствует об огромной неис-

тинности, неважности, необязательности этого положения, его «несущности» для человеческого бытия. Чем «постоянее» что-либо, тем более это не сущностно, а чем более мгновенно, моментально, редко – тем более существенно. Опора на внесистемное, на то, что умалчивается, вытесняется за пределы сознания и ускользает от категориальных пар системы, целостности и упорядоченности, и составляет интерес историко-критического анализа неклассической позиции.

В начале XX века Эйнштейну понадобилось *поместить наблюдателя внутрь системы, и мировая машина стала выглядеть по-разному (и со всех важных точек зрения действительно различной)* в зависимости от того, где находится наблюдатель. Пригожин, в свою очередь, заявил: «...природу невозможно описывать «извне», с позиций зрителя. Описание природы – живой диалог, коммуникация, и она подчинена ограничениям, свидетельствующим о том, что мы – макроскопические существа, погруженные в реальный физический мир» (Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 371). В связи с развитием таких отраслей науки, как синергетика, теория особенностей и теория катастроф, сомнения по поводу обоснованности претензий систематической методологии на универсальность стали все чаще возникать не только со стороны философов, но и со стороны естествоиспытателей, которые немало сделали для формирования стиля неклассического философствования.

А. Н. Бетев*

Бытие в-месте: топологическое измерение свободы

Невозможно понять, что такое свобода, если не принимать в расчет факт совместности бытия, а потому говорить о человеческой свободе следует лишь учитывая, что последняя находит выражение в общем, взаимно *обживаемом* мире людей, которых нечто связывает и объединяет, а потому и обязывает существовать в соответствии с неким единым стандартом, единой нормативной системой как необходимым условием для поддержания этого единства в состоянии некоторого равновесия. Человек не может жить в вакууме по собственному произволу в силу социальности его природы. Он живет в-Мире, это его дом, что означает не только зависимость его от воли других, подчинение сложившемуся порядку, вплетение в ткань взаимных связей, но и невозможность существования вне этих связей, вне этого порядка, который и задает осязаемую, понятную структуру его *дому*, и, что немало важно, это означает глубокую *потребность* человека в Другом. Ему *нужен* Другой. Здесь и коренится один из главных «каменных преткновения» в понимании свободы.

Очень легко впасть в заблуждение, как мне представляется, признав индивида в качестве автономной субстанции, своего рода планеты, область свободы которой ограничивается планетарной «орбитой» как линией взаимодействия с иными «космическими» телами: «планетами», «спутниками», «звездами», «астероидами» и т. д. Основная сложность в понимании межчеловеческих отношений заключается как раз в том, что исходным пунктом любых социальных исследований является признание **со-в-местности** бытия человека. Люди существуют в-месте, в одном мире, и в своем бытии человек всегда открыт другому в форме *Для-Другого*, ибо существовать в мире значит непременно разворачивать себя

* Антон Николаевич Бетев — аспирант кафедры социальной философии УрГУ им. А. М. Горького (г. Новоуральск).

вовне, подобно интенциональному сознанию Гуссерля, лишенному нутра и собственности, ибо содержание сознания — это всегда Другое, Иное, т. е. не свое, то, что не является сознанием. «Свое» человека неизбежно сопряжено с «чужим», и вся его жизнь есть непрестанное освоение и присвоение чужого и отчуждение *своего*, ибо сам мир, в котором он оказывается с рождения, заключает в себе эту двойственность: *мой* мир, который в то же самое время и мир *другого*.

С момента рождения человек присваивается определённым миром, определенной системой сложившихся социальных отношений, и его освоение в новой для себя среде происходит, таким образом, в ситуации подчиненности. Складывание человека в обществе, его социализация, есть форма *опространствливания*, т. е. некоторый способ воздействия социального пространства на человека, на его душу и тело, в соответствии с собственной структурой и устройством, и вместе с тем ответное встраивание человеком себя в его рельефные границы — телесное вживание в этот мир посредством перенимаемых, осваиваемых, техник, необходимых для существования в этих условиях, и духовное приспособление через усвоение определенных господствующих идеологических установок, т. н. социальных *a priori*. Тем самым формирование человека есть освоение себя через присвоенность. Таким образом, вектор деятельности человека с самого начала задается извне: его активность в мире обуславливается границами этого мира, и Другой выступает как один из способов выражения этой границы.

Пеленки, в которые закутывают новое существо, объятия матери, перегородки детской кровати или коляски, горшок, к которому приучают ребенка, и т. д. — это есть грани мира, воздействующие на человечка, присваивающие его, подчиняющие определенной системе правил, связей, отношений, к определенному способу *бытования* этого мира. Вместе с тем это грани, в которых он открывает мир и себя в нем. Он может открыть самого себя, лишь открыв мир, но мир всегда открывается в конкретных границах.

Французские мыслители, начиная с Паскаля и заканчивая Пьером Бурдьё, неоднократно в своих работах обыгрывали двойной смысл французского слова *comprendre* (1. — охватывать, включать в себя; 2. — понимать). «Человек понимает (*comprends*) мир лишь в той мере, в какой мир (*comprends*) охватывает его, включает в себя». Таким образом, самопонимание человека возможно лишь в условиях охваченности его миром, лишь покуда он захвачен

миром. А значит, и образ самого себя всегда конституируется как своеобразное отражение, *реконституирование*, мира. Этот образ выстраивается в интенциональной направленности человека к миру, к Другому, и эти отношения неизбежно предполагают некоторое давление, насилие, с одной стороны, и ответное сопротивление – с другой. Как раз в этом напряжении и происходит «узнавание» себя в мире, что есть залог свободной индивидуальной личности.

Ребенок «узнает» себя через другое: через ползунки, которые на него надевают, через горшок, на который его сажают, через ложку, которой его приучают есть суп, через игрушки, через ласку и строгие наставления своих родителей, и т. д. Но по мере взросления процесс самоидентификации через другое не ослабевает, а лишь принимает иные формы. Человек всегда обнаруживает себя в устремлении вовне, ибо его интересы, желания, цели, проекты, прошлое, то, с чем он и связывает самого себя, находятся вне его. В этом смысле «Я» человека есть динамическая переменная: процесс самоидентификации продолжается всю жизнь, индивид узнает себя таким, как он есть, как он *бытует-в-мире*, как он *сов-мещается*. Бытие человека – это разрыв вовне, выброс из себя; по аналогии с Гуссерлевским сознанием, у «Я» нет собственного места, его место – это Другое. И вся его жизнь есть непрерывный процесс узнавания, признания и утверждения себя в Ином, а значит, и процесс освоения себя в чужом и присвоения чужого, ибо *бытие-вовне* и есть способ осуществления себя в мире: свое в чужом, а чужое как одна из составляющих своего.

Сартровская «тошнота» и есть выражение постоянно ускользающей самоидентичности человека, который *существует*. Бытие осуществляется выворачиванием наружу, отчуждаясь, уходя от индивида, тщетно пытающегося зафиксировать себя, нащупать в темноте, остановить своё неустойчивое движение, найти себя в зеркальном отражении, в рефлексии, в обрывках памяти или в дневниковых записях, т. е. там, где его нет и не может быть. Главный герой романа вдруг обнаруживает для себя строгую дизъюнкцию своего существования: «писать или быть», которая уничтожает всякую надежду на возможность постичь себя как целостного, суверенного субъекта, свободного в своих действиях в отношении объективного мира и себя, которому открывается не только столь же целостный и суверенный мир, но и твердое убеждение в достоверности саморефлексии. Он бродит по серым промозглым улицам чуждого ему города, просиживает за ужином в неприятной

забегаловке с грязными стенами, ободранными стульями, вдыхает удушливый воздух, пропитанный запахом подгорелой пищи, табачным дымом и дыханием окружающих его людей, далеких и чужих. Он видит этот город, дышит этим воздухом, слышит и осязает этих людей, но с каждым взглядом, вдохом и шумом встает новая стена непонимания. И даже его собственное тело все откровенней заявляет о своей жизни, которая не внемлет ему и не всегда отзывается на его призывы, – она протекает как будто бы самостоятельно, отдельно от него самого, и с ней он не в силах совладать. Мир предстаёт герою постоянно меняющимся, живым, всякий раз *буднично непредсказуемым*, и в этом живом мире он открывает Себя всегда Другим. Он оказывается не просто одиноким в этом огромном мире, но и один на один с бесчисленным множеством своих отражений, которые лишь ускользают от него, едва возникнув. Всякое стремление к самопониманию упирается в трудно разрешимый вопрос «Где Я?», в проблему определения *своего места*. И чем более он отделяет себя от всего, что его окружает, чем сильнее он пытается вычлени себя из мира, выделить себя на фоне всего другого, тем более он отдаляется от самого себя, тем все более чуждым ему представляется образ самого себя и тем все более призрачной оказывается возможность воздействовать на мир. Он живет, переживает, думает, чувствует, дышит, видит, слышит, говорит и тщетно пытается во всем этом найти границу, отделяющую его от мира.

Здесь только вырисовывается и намечается перспектива топологического исследования свободы, ввиду необходимости преодолеть узкоиндивидуалистическую традицию ее истолкования, для которой свойственно как раз вычлени человека из целого или даже противопоставлять ему, что не может не провоцировать конфликтность и разобщённость в *мире людей*. В «эпоху большой нелюбви» лишь только обоюдное стремление к согласию, движение навстречу друг к другу, может избавить от всеобщей войны. Наверное, сегодня «быть свободным» и должно означать способность *делать шаг вперед*.

Свобода воображения в ценностной системе Великого Отказа

Своей критической направленностью философия Франкфуртской школы не оставляла места для того, чтобы можно было назвать ее «позитивной программой». Диагноз, поставленный франкфуртцами современной цивилизации, практически исключал возможность ее «выздоровления». В условиях тотального отчуждения и торжества рациональности реальность оказывалась «одномерной» и «замкнутой». Но если свободного пространства не оставалось в самой реальности, значит, это пространство следовало искать за её пределами. По этому пути, вслед за представителями сюрреализма, и пошёл в своей концепции Великого Отказа Герберт Маркузе.

Возможно ли появление нерепрессивной цивилизации, основанной на освобождении человеческих инстинктов? В поисках ответа на данный вопрос Маркузе обращает внимание на безоговорочное утверждение Фрейдом единого принципа реальности, существующего в неразрывной связи с асоциальной силой влечений. Спорность этого момента в теории австрийского психолога отмечается им особо. Если нужда может оставаться неотъемлемым фактором, определяющим характер организации влечений, то наличие формы господства, обуславливающей подчинение инстинктов человека, становится отнюдь не обязательным. Поэтому ключевой целью в направлении построения нерепрессивной культуры выступает устранение поддерживающей принцип производительности прибавочной репрессии, существование которой свойственно конкретным историческим условиям. В ситуации тотального подавления либидо выходом является лишь поиск пространства, еще свободного от действия институтов всеохватывающей системы репрессий. И это пространство обнаруживается. Его заполняют «те психические силы, которые, согласно Фрейду, остаются существенно свободными

* *Михаил Сергеевич Ильченко* – студент магистратуры факультета политологии и социологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

от принципа реальности и вносят свободу в мир развитого сознания»¹. Маркузе обращается к глубинам бессознательного, пытаясь отыскать не только свободный от принципа реальности вид психической деятельности, но и присутствующий «даже на развитых уровнях сознания»². Таким видом психики становится фантазия или воображение.

В структуре «Я» фантазии отведена весьма своеобразная роль. Она включена в сознание человека, обладает присущей психике структурой, но при этом абсолютно не в состоянии оказывать на действительность сколько-нибудь существенного влияния. Она не более чем мечтание, игра с реальностью, живущая по законам принципа удовольствия, но неспособная воплотить их в жизнь. Она неподвластна воздействию действительности, покоящейся на рациональности разума, но и сама вынуждена оставаться в состоянии ее молчаливого неприятия. Это и представляется Маркузе наиболее важным. По мнению философа, фантазия «обладает собственной истинностной ценностью, опирающейся на собственный опыт – а именно опыт преодоления антагонистической человеческой действительности»³. Для Маркузе ее основное достоинство скрывается в независимости, неподчиненности. Главное, что эта область психики ещё не тронута реальностью человеческой жизни, не испорчена тлетворным влиянием всепроникающего разума. Она не только свободна от конфликтов, но и примиряет любые противоречия, сводя воедино непременно расходящиеся потребности субъекта и объекта. Таким образом, воображение предстаёт пространством неисчерпаемых возможностей, безграничных свершений и абсолютного счастья. Однако свою истинность фантазия способна осуществлять лишь при наличии соответствующей формы выражения. Эта форма находится в искусстве. Воображение получает прямой выход к эстетическим формам, неизбежно противостоящим принципу производительности и господству рациональности. Связь фантазии и искусства представляется крайне значимой.

Ссылаясь на Юнга, Маркузе отмечает, что воображение не только питается прошлым, оно также устремлено в будущее, ожи-

¹ *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2003. С. 123.

² Там же. С. 124.

³ Там же. С. 127.

дая осуществления ещё неосуществлённых возможностей. Следовательно, делает вывод философ, «свобода и счастье, живущие в его формах, притязают на историческую *реальность*»⁴. Именно в отказе воображения принять ограничения, налагаемые реальностью на свободу, Маркузе видит его критическую функцию, приводя в подтверждение своих суждений выдержку из первого манифеста сюрреалистов Андре Бретона. Обращение к взглядам сюрреалистов относительно феномена воображения отнюдь не случайно. Представители этого движения за несколько десятилетий до Маркузе указали на потенциал, сохраняемый фантазией как раз в том контексте, в каком она анализируется у франкфуртского философа. Андре Бретон в своем манифесте смотрит на воображение как на последнее спасение от мира логики, предсказуемости и несвободы. И если у Маркузе фантазия противостоит принципу производительности, то у главного идеолога сюрреализма – «властной практической необходимости»⁵. Человек в современном мире несвободен, он замкнут в ограниченном пространстве, тесним его измеримостью. Освобождение воображения является единственным выходом из сложившейся ситуации, открывающим перед людьми мир «широты» поступков и «размаха» мыслей. Лишь это позволит человеку «представить себе то, что *может случиться*»⁶, и тем самым заглянуть в будущее, преодолевая запреты и насаждаемые принципы. Бретон протестует не только и не столько против материализма, сколько против реальности, предсказуемой, структурированной и банальной. И то и дело в этой критике слышны близкие Маркузе мотивы подавления современной социальной системой личностного потенциала человека. Более того, свои рассуждения Бретон ведет к тезису о господстве абсолютного рационализма, что ставит его в непосредственную близость с самим способом восприятия действительности существующих в мире общественных отношений автором «Эроса и цивилизации». В отличие от Маркузе, Бретон значительно расширяет сферу необходимого для отказа от реальности воображаемого, распространяя ее до галлюцинаций и иллюзий, оправдывая безумцев и предлагая искать

⁴ Маркузе Г. Указ. соч. С. 131.

⁵ Бретон А.. Манифест сюрреализма // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М., 1986. С. 40.

⁶ Там же. С. 41.

удовольствие в бессознательном во всей его глубине. В таком контексте его призыв кажется наполненным особенной энергией: «Быть может, ныне воображение готово вернуть себе свои права. Если в глубинах нашего духа дремлют некие таинственные силы, способные либо увеличивать те силы, которые располагаются на поверхности сознания, либо победоносно с ними бороться, то это значит, что есть прямой смысл овладеть этими силами, овладеть, а затем, если потребуется, подчинить контролю нашего разума»⁷.

Направленность рассуждений Маркузе и Бретона в отношении роли воображения является весьма схожей. И тот, и другой пытаются раскопать в бессознательном возможный потенциал противостояния миру абсолютной рациональности. Оба видят в фантазии безграничное пространство для реализации человеческой свободы. Во многом близкими кажутся их аргументации относительно критической оценки существующей действительности. Однако наиболее важным представляется то, что и Маркузе, и Бретон лелеют надежду построить столь аккуратно извлекаемое ими из глубин бессознательного воображаемое в некую новую форму реальности. Если автор «Эроса и цивилизации» говорит о притязаниях свободы и счастья, живущих в формах фантазии, на «историческую *реальность*», то создатель манифеста заявляет вполне открыто: «Я верю, что в будущем сон и реальность, эти два столь различных, по видимости, состояния, – сольются в некую абстрактную реальность, в *сюрреальность*»⁸. Такой ход суждений Маркузе и Бретона не случаен, он во многом отражает характер и логику их программных произведений.

⁷ Бретон Андре. Указ соч. С. 45.

⁸ Там же. С. 48.

Вымысел повседневности: проблема критериев

Нет тех сфер культуры и жизни, где мы бы не сталкивались с проблемой вымысла. Вымысел не только входит в повседневность нашей жизни, но и составляет ее, заставляя искать критерии отличия вымысла от невымысла. И в современную эпоху эта тематика не теряет свою актуальность, приобретая новые очертания.

Онтологическая несоразмерность и неустранимость разрыва между сообщениями о событиях (текст) и самими событиями делает текстуальность благодатным полем развертывания вымысла. За критерием вымышленности мы обращаемся к действительности, но и она входит в критерий в той мере, в какой с нею считается человек и в какой *готов* признать ее действительностью, ибо вымысел способен придать существование тому, что не существует действительно. Вымысел – способ сотворения миров и существований, не наличествующих в нерукотворном мире. Вымысел – царство симулякров, выдающих себя за реальность и заменяющих ее собой. Это позволяет О. Маркварду заявлять, что «современный мир пытается восстановить, сохранить и оздоровить себя посредством фикции; современная действительность в связи с этим берет курс в сторону фиктивного и в торпедном темпе устремляется в “как если бы”», так как нельзя обойтись без «вспомогательных конструкций», играющих роль «условий возможности» личного и социального бытия (ср.: «если бы не было Бога, его следовало бы придумать»)¹.

Вымысел появляется не только за счет надуманности, но и авторства. Социальная, культурная сферы (а не только искусство)

* *Ольга Сергеевна Гилязова* – аспирантка кафедры онтологии и теории познания, ст. преподаватель кафедры социологии и социальных технологий управления УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

¹ *Марквард О.* Искусство как антификция – опыт о превращении реального в фиктивное // Немецкое философское литературоведение наших дней: Антология. СПб., 2001. С. 228.

во многом построены на вымысле как сотворенной человеком ино-действительности, которая объективирована и включена, опривычена в повседневной действительности, чья вымышленность в социальном контексте представляется как «мифологичность» (в бартовском значении). По Р. Барту, «миф (...) пропитывает собой всю социальную действительность, не оставляя буквально ни одной щелки, которая давала бы доступ к «настоящей» действительности. Эта анонимная и аморфная масса расхожих слов и представлений... представляет собой первичный и неистощимый источник мифов. В своей универсальности она встает непреодолимой преградой между человеком и миром, между сознанием и реальностью»². И если традиционные мифы первобытного общества, как показали К. Леви-Стросс и Е. М. Мелетинский, разрабатывали фундаментальные оппозиции культуры для разрешения производимых ею противоречий, то современные мифы, напротив, служат не изживанию их, а натурализации в жизненность повседневности. Согласно Р. Барту, «функция мифа – удалять реальность, вещи в нем буквально обескровливаются, постоянно истекая бесследно улетучивающейся реальностью, он ощущается как ее отсутствие»³. Впрочем, Барт невольно признает за мифом общественную значимость: благодаря ему вещи социализируются, утрачивая перво-зданную “чистоту”, включают социальную смыслонасыщенность и действенность человеческой действительности. «...Ибо наш мир бесконечно суггестивен. Любой предмет этого мира может из замкнуто-немного существования перейти в состояние слова, открыться для усвоения обществом...»⁴.

Перед нами властная в своей анонимности «вымышленность», но она пронизывает собой все социальное и культурное бытие человека, составляя поневоле и необратимо его повседневную действительность. Вымысел – всегда есть разрыв. Идеология, как и искусство, но с иными намерениями, функционирует, даже паразитирует на этом разрыве. Вымысел неустраним, как неустранима непрозрачность знака: недаром вымыслу проще обосноваться в семиотически принципиально непрозрачных сферах, таких как искусство, мифы, религия, литература, идеология, частью – филосо-

² *Зенкин С. Н.* Ролан Барт – теоретик и практик мифологии // *Зенкин С. Н.* Работы по французской литературе. Екатеринбург, 1999. С. 278.

³ *Барт Р.* Мифологии. М., 2000. С. 270.

⁴ Там же. С. 234.

фия, где знак достраивается в коннотацию и предстает образом. Более того, вымысел – выступает как непрозрачность самой повседневности.

Вымысел появляется тогда, когда за подлинное выдают нечто, что мы не желаем признавать за таковое. Дело не только и не столько в надуманности – придуманности, ибо таковыми являются все тексты и сообщения о реальностях (в т. ч. действительной), даже мир, если рассматривать его как сотворенный или написанный кем-то (Богом: мир как Текст в средневековом мировоззрении). Вымысел – это придуманность, которую *не согласны* признать и принять в качестве своего мира или истинного сообщения о своем мире. И неудивительно, что идеология, мифология (вернее, мифы), Святое Писание, верования, научные положения не вымышлены для тех, кто признает их в качестве истинных описаний, сообщений о подлинном состоянии дел в мире. И не просто в качестве сообщения о действительности, а как саму действительность, чья текстуальность (Библия – как мир) не принижает и не отменяет ее статус собственно действительности: текст расширяется до мировоззрения, до формы жизни. Так, верующие, идущие на муку за свою веру, тем самым обосновывали и декларировали (перед другими) нефикциональность, неизмышленность своей веры. Не просто согласием – признанием, а готовностью нести ответственность за свои убеждения, они давали им «плоть и кровь». Убежденность устраняет фикциональность (и вымысел делается невымышленным – случай Дон Кихота), ответственность за убеждения делает их фактуальными, а жизнь по этим убеждениям возвышает их до действительности.

Согласие/несогласие – не просто один из критериев. Мало какие критерии разоблачат вымышленность в глазах того, кто ею живет. Наличие религиозных фанатиков, вольнодумцев, пациентов психиатров, людей с предрассудками (а кто из нас свободен от них?), да и просто убежденных в том, в чем нас не убедить, – доказывает это. И было бы сильным упрощением видеть в согласии – несогласии лишь проявление конвенционального подхода к вымыслу, хотя и это обоснованно.

Эссенциалистский подход к вымыслу возможен, да и проявляется не раньше конвенционального решения, что и почему считать вымыслом. Ибо формальные (текстуальные) признаки вымысла появляются на материале, изначально представляемым в качестве вымысла. Заведомый вымысел – конвенционально при-

знанный таковым (и конститутивно подтверждаемый в качестве такового). Поэтому «знак, сигнализирующий о фикциональности текста, становится таковым лишь благодаря выражающейся в нем определенной, варьирующейся в исторической перспективе конвенции, заключенной между автором и публикой»⁵. Но кто судья? По каким критериям отличать вымысел от невымысла, если эссенциалистский (конститутивный – в литературе) подход лишь следствие и/или проявление конвенционального? Ведь зачастую дифференциация реального/фиктивного и ее правила артикулируются именно «фоновой реальностью» (от которой зависят и порождающие ее массмедиа) как «общие места» повседневного бытия, на адекватность которым выверяют жизненные установки индивида, проводят демаркационную линию между нормой и патологией. Это не притупляет остроту этого вопроса относительно тех сфер бытия, жизни, мировоззрения, которые ни конвенционально, «общенародно», четко не признаны вымыслом/невымыслом, ни конститутивно (присущими им чертами) не выдают свою вымышленность/невымышленность. Тем более что (и современная ситуация в словесных жанрах, а не только в литературе, подтверждает это) признаки одного режима (например, вымысла) могут присутствовать в другом и отсутствовать в собственном поле. Впрочем, этот факт можно счесть показателем отсутствия чистоты режимов: нет чистого вымысла и чистого невымысла. Критерии их отделения нужны не для абсолютного их противопоставления, а лишь с целью определения степени. Так как не стоит впадать в другую крайность – полного смешения и неразличения вымысла и невымысла, на чем любят играть постмодернисты, что является, в иных случаях, продолжением другого «греха» (который при новых направлениях искусства и технологий будет только усиливаться): смешения текста и реальности, условности и действительности.

⁵ Изер В. Акты вымысла, или что фиктивно в фикциональном тексте // Немецкое философское литературоведение наших дней: Антология. СПб., 2001. С. 199.

Значение культуры как экзистенциальной ценности в концепции К. Г. Юнга

Многие проблемы, о которых писал основатель аналитической психологии К. Г. Юнг в первой половине XX века, являются результатом длительных процессов изменения человеческой психики и продолжают сохранять свое значение и в начале XXI века. Одной из главных проблем современного общества является угроза самоуничтожения человечества. По мнению Юнга, в этой ситуации особое значение имеет культура, состояние которой тесно связано с глубинными особенностями строения человеческой психики, что и предопределяет ее экзистенциальность.

Отметим несколько моментов, наиболее важных для интерпретации культуры и ее соотношения со структурой психе. Во-первых, Юнг указывает на наличие тесной связи между развитием сознания и культуры, почти отождествляет их. Он утверждает, что сознательная часть психики однозначно принадлежит культуре, и даже что человеческое сознание и есть «то, что называют культурой»¹. Во-вторых, он рассматривает в качестве «огромного духовного наследия»² коллективное бессознательное, которое является источником, приводящим душу в движение³. Данное положение имеет особое значение при обращении к проблемам религии и искусства. В-третьих, он приравнивает культуру к духовным и нравственным ценностям, которые только и «поднимают цивилизацию

* Елена Александровна Фоминых – аспирантка Гуманитарного университета, лаборант интернет-класса (г. Екатеринбург).

¹ Юнг К. Г. Жизненный рубеж // К. Г. Юнг. Проблемы души нашего времени: Пер. с нем. / Предисл. А. В. Брушлинского. М.: Изд. группа «Прогресс»: «Универс», 1994. С. 192–193.

² Юнг К. Г. Структура души // Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени: Пер. с нем. / Предисл. А. В. Брушлинского. М.: Изд. группа «Прогресс»: «Универс», 1994. С. 132.

³ Там же. С. 133.

до степени культуры»⁴. Без духовных и нравственных ценностей есть цивилизация, но нет культуры. Как видно, эти определения противоречат друг другу и требуют объяснения в контексте идей Юнга.

При рассмотрении культуры как тождественной сознанию Юнг обращается к проблеме противостояния природы и культуры. Природа, безусловно, противостоит человеку как внешняя, а в сфере психического она выступает как инстинкт, как «бессознательная душа»⁵. Поэтому указанное противостояние природы и культуры принимает форму противостояния сознания и бессознательного. Юнг пишет: «Инстинкт представляет собой природу и жаждет природы. Сознание, напротив, может желать только культуры или же ее отрицания»⁶. Однако при характеристике сознания Юнг отмечает, что оно не обладает жестко зафиксированными границами. Границей служит порог интенсивности, которого психические содержания должны достичь, чтобы стать осознанными, а все слишком слабые элементы остаются в бессознательном. Содержания сознания, теряя свою энергетическую ценность, погружаются обратно в бессознательное⁷. Полная сознательность для человека невозможна, а потому культура не может полностью совпадать с сознанием или уместиться в нем, она неизбежно выходит за его рамки. Поэтому говорить о тождественности сознания и культуры не корректно, скорее речь идет о том, что сознание является необходимым условием для существования культуры и сама культура зависит от качества сознания людей, которые принадлежат к данной культуре. Причем качество сознания зависит от опыта прежних поколений, который оседает и хранится в глубинах бессознательного.

В бессознательном хранятся различные содержания, часть из которых некогда находилась в сознании. Но это не единственная функция бессознательного. Так, мифотворчество выступает как

⁴ Юнг К. Г. Современность и будущее // Одайник В. Психология и политика. Политические и социальные идеи К. Г. Юнга. СПб.: Ювента, 1996. С. 249.

⁵ Юнг К. Г. Психология и алхимия / Пер. с англ., лат. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2003. С. 50.

⁶ Юнг К. Г. Жизненный рубеж // Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени: Пер. с нем. / Предисл. А. В. Брушлинского. М.: Изд. группа «Прогресс»: «Универс», 1994. С. 186.

⁷ Юнг К. Г. Психологические типы / Пер. с нем. / Под общ. ред. В. В. Зенковского; Худ. обл. М. В. Драко. Минск: ООО «Попурри», 1998. С. 460.

«бессознательный процесс символизации», который является «питающим корнем» для всякого творчества. Бессознательное как дух времени, компенсирующий сознание, проявляется в искусстве, в политике и общественности⁸. К архетипам коллективного бессознательного, утверждает Юнг, можно свести «все самые мощные идеи и представления человечества». Их можно обнаружить в виде древних представлений, которые при обработке сознания приняли форму современных научных идей, философских и моральных понятий⁹. Культура вырастает из природы, из обработки сознанием того материала, который возникает из глубин бессознательного. Только при такой работе человек перестает быть лишь «инструментом своей инстинктивной природы», он становится самим собой, «добивается превращения природы в культуру, инстинкта – в дух»¹⁰.

В третьем из приведенных выше высказываний о культуре Юнг противопоставляет ее цивилизации. Достижения последней становятся возможными лишь с развитием сознания, поэтому в качестве продукта развития сознания цивилизацию можно рассматривать как часть культуры, как материальную культуру (хотя сам Юнг не употребляет слово цивилизация в качестве синонима культуры). Целью цивилизации служат достижения и полезность, которые помогают расширить и упрочить физическое бытие и укоренить человека в мире¹¹. Но эти цели находятся в рамках природы¹². Цивилизация выступает как продолжение природы, поскольку служит ее целям, однако собственные ее достижения возможны только при развитии сознания. Можно также сказать, что если инстинкт и внешний мир выступают в качестве природы, противостоящей культуре изначально, с момента ее возникновения, то ци-

⁸ Юнг К. Г. Современность и будущее // Одайник В. Психология и политика. Политические и социальные идеи К. Г. Юнга. СПб.: Ювента, 1996. С. 264.

⁹ Юнг К. Г. Структура души // Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени: Пер. с нем. / Предисл. А. В. Брушлинского. М.: Изд. группа «Прогресс»: «Универс», 1994. С. 133.

¹⁰ Юнг К. Г. Брак как психологическое отношение // К. Г. Юнг. Проблемы души нашего времени: Пер. с нем. / Предисл. А. В. Брушлинского. М.: Изд. группа «Прогресс»: «Универс», 1994. С. 213.

¹¹ Юнг К. Г. Жизненный рубеж // К. Г. Юнг. Проблемы души нашего времени: Пер. с нем. / Предисл. А. В. Брушлинского. М.: Изд. группа «Прогресс»: «Универс», 1994. С. 192–193.

¹² Там же. С. 199.

вилизация выступает как вторая природа, которая развивается вместе с сознанием и противостоит культуре на новом уровне. Цивилизация не является органическим продолжением природы. Она задает условия психологического существования человека, которые могут привести к разрыву с инстинктом, с природой и к уничтожению культуры. Под ее давлением нарушается баланс между сознанием и бессознательным, утрачивается связь сознания с психической реальностью, с бессознательным, нарушается смысл существования индивида и культуры в целом. Тогда большую роль начинают играть разрушительные силы бессознательного, которые проявляют себя в массовой психе, в результате чего уничтожаются все прежние достижения культуры¹³. Таким образом, не все, что создано при помощи сознания, является культурой и служит ее целям.

Культура не просто создана при помощи сознания, она представляет собой высшие достижения, духовные ценности, которые противостоят цивилизации и массовому мышлению. Особое значение Юнг придает нравственным ценностям, поскольку считает, что только чувство ответственности человека-личности, обладающего развитым сознанием, позволяет существовать всему ценному, что есть в истории человечества. Юнг указывает на наличие тесной связи между расширением сознания и развитием нравственности. Личность нельзя приравнивать только к сознанию; она соотносима с самостью, которая включает в себя и сознательную, и бессознательную части психе; включает все высшее и низшее, что несут в себе амбивалентные архетипы коллективного бессознательного. Человеку в одинаковой степени присущи и добро, и зло, поэтому для самопостижения и развития сознания ему необходима совесть, «высшая критичность по отношению к самому себе»¹⁴. Только в этом случае возможно обращение к светлым сторонам содержания бессознательного, архетипов, а значит, сохранение и развитие культуры вместо ее уничтожения: «культурные ценности не сыпятся с неба, как манна, а создаются личностями»,¹⁵ – отмечает Юнг.

¹³ Юнг К. Г. О природе психе // К. Г. Юнг. О природе психе. Сборник / Пер. с англ. М.: Рефл-бук: К.: Ваклер, 2002. С. 69.

¹⁴ Юнг К. Г. Психология и религия / Пер. А. М. Руткевича. С. 47.

¹⁵ Юнг К. Г. Эпилог к Очеркам о современных событиях. Психология нацизма // К. Г. Юнг о современных мифах: Сб. трудов: Пер. с нем. М.: Практика, 1994. С. 235.

Итак, культура растет и развивается вместе с расширением и углублением сознания, однако питательным источником, к которому она должна постоянно обращаться, остается «бессознательная душа», природа. Разрыв с последней, непризнание ее значения, разрушает культуру, разрушает нравственность, приводит в движение силы, которые уничтожают все достижения человечества, а в конечном итоге и само человечество. В этой ситуации огромное значение приобретает самопонимание, поскольку природа, «бессознательная душа», идет навстречу сознанию и компенсирует его при помощи «бессознательного духа времени»¹⁶. Этот дух через символы проявляется в искусстве, его можно увидеть в философии и религии, во всем, что является проявлением культуры. К «духу времени», к культуре необходимо прислушиваться, чтобы понять, где искать спасения от грозящего человечеству самоуничтожения, что и будет своего рода экзистенциальным озарением и значимым провидением.

¹⁶ Юнг К.Г. Современность и будущее // Одайник В. Психология и политика. Политические и социальные идеи К. Г. Юнга. СПб.: Ювента, 1996. С. 264.

М. А. Фадеичева*

Ценность этноса VS ценность этнического индивида

Актуализация этнической проблематики в гуманитарных, социально-политических научных дискуссиях и квазинаучных спорах отражает глобальный процесс возрастания значимости этнического фактора в жизни современных обществ и индивидов. Причем в основе различных подходов к решению этнических проблем находятся ценностные ориентации дискутирующих субъектов: «...Кто более матери-истории ценен?...». Представление о сверхценности этноса по сравнению с этническим индивидом приводит к абсолютизации и сакрализации этноса. При всех имеющихся различиях во взглядах на этнос обнаруживаются черты их сходства, ставшие научными обычностями. Во-первых, этносы представляются как нечто однажды возникшее, ставшее неизменным, раз и навсегда данным. Во-вторых, этнос рассматривается с точки зрения объективно-всеобщего, но не субъективно-индивидуального. Вне поля зрения, вне предмета исследования остается отдельный человек, этнический индивид. В-третьих, этнос оказывается заключенным в *этнический квадрат*, сторонами которого являются: этнос как целое, этнос как общность, этнос как количество, этнос как «мы — люди».

Изучение европейцами отсталых народов явилось причиной отношения к этносу как к целому, без различения в нем отдельного человека, индивида. Еще Гиппократ считал, что скифы имеют этнический тип и вовсе не имеют личных. Гумбольдт замечал, что у варварских народов можно скорее найти черты, свойственные орде, чем индивидуальной физиономии. Известно высказывание Уолла: «Кто видел одного туземца Америки, видел их всех». Э. Дюркгейм отмечал, что чем примитивнее общества, тем более сходства между составляющими их индивидами. Отсутствие со-

* **Марианна Альфредовна Фадеичева** — доктор полит. наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург).

циальной стратификации и неразвитая индивидуальность в первобытных обществах позволяли рассматривать этнос как целое. Представление об этносе как целом усвоили современные исследователи, которые в большей степени стали интересоваться цивилизованными народами, но отношение к ним, как диким, сохранилось. Ю. В. Бромлей утверждал, что состав многопоколенных, потомственных общностей всегда текучий: члены общности покидают ее, умирают, вступают новые, но, несмотря на все эти изменения, общность продолжает существовать как *одно и то же целое*, нередко на протяжении столетий и даже нескольких социально-экономических формаций. Осталось без внимания то, что заметил Э. Дюркгейм: у цивилизованных народов два индивида различаются один от другого с первого взгляда и без всякого предварительного ознакомления. Представление об этносе как о целом рождает идеи об особых потребностях, интересах этноса, превосходящих потребности и интересы отдельного человека, этнического индивида.

Представление об этносе как о неразрывной связанности, целостности приводит к абсолютизации этнической *общности*. Под этнической общностью подразумевается общность происхождения, территории, языка, традиций и обычаев, образа жизни. В таком контексте общность сначала существует, потом к ней принадлежат. Общность первична, ее члены вторичны. При таком подходе происходит абстрагирование от многих различий членов общности. Игнорируется не только уникальность отдельного человека, но даже социальная неоднородность, объективные социальные различия внутри этноса.

Этнос как целостная общность характеризуется с количественной стороны. Общность должна быть сосчитана в государственном (хозяйственном) значении – сколько какого народа проживает на территории государства, какова величина этнодемографического ресурса; в этнологическом (культурном) значении – какого рода этнокультурные особенности более или менее распространены; в этнополитическом (властном) значении – сколько гомогенного в этническом отношении населения должно быть на определенной территории, чтобы этнотерриториальный принцип оказался легитимным в ходе государственного строительства, чтобы право на самоопределение касалось этнонации. Количество этноса может служить решающим аргументом и для обоснования «величия» народа («большой и великий», «маленький, но гордый и потому вели-

кий»), и для катастрофических прогнозов в отношении сокращения этноса, и для решения территориальных вопросов, и для политического продвижения любого «национального вопроса».

Словесная формула «мы – люди» представляется атрибутом этнического самосознания. «Мы – они» – это и универсальный признак любых социальных групп, и механизм группообразования. Этнические общности имеют этноинтегрирующие и этнодифференцирующие этнические признаки, которые представляются группообразующими. Тогда универсальная антитеза «мы – они» приобретает этническую форму: «мы – N-цы, они – F-цы». Члены этнических общностей, обладающие самосознанием, идентифицируют друг друга на основе различных признаков, от специфических черт внешности до, например, обладания особыми предметами. На данной основе развивается как чувство общности, выражаемое словом «мы», так и отличия от других общностей, обозначаемое словом «они». Антитеза «мы – они» первоначально возникла в простых обществах, в которых противопоставлялись мы – люди и они – не люди. В процессе кроссэтнической коммуникации уже имеющееся деление «мы – люди, они – не люди», имевшее отношение к природе, находит продолжение в отношении к другим народам, формируется противопоставление своего народа чужому.

Рассуждения в периметре этнического квадрата в духе средневекового реализма приводят к возникновению представлений об этносе как самостоятельной сущности. «Этнос хочет», «этнос может»... Абстракция большой степени общности как бы обретает самостоятельное существование в объективной реальности. Этнос представляется особым субъектом, вступающим в непростые, преимущественно конфликтные отношения с другими этносами. Такой подход в этнонауках может быть назван *коммуитарной* парадигмой, она «растворяет человека», так как в ней преобладает точка зрения общности и социоцентрическая ценностная ориентация. Привычка мыслить категориями общности может быть объяснена методологической традицией, на которую указал Г. Г. Дилигенский: отрицание самостоятельной роли индивида в детерминации социальных явлений и процессов. В ее рамках все социально значимое в сознании и поведении индивида предстает как всецело детерминированное общими условиями бытия и заданными той или иной группе эталонами группового сознания.

Парадигмы, как признанные всеми в определенное время научные подходы к постановке и решению проблем, претерпевают

изменения, если устоявшаяся модель не соответствуют изменившейся реальности. Практика доказывает, что коммунитарная парадигма при анализе современных этносов и массовой кроссэтнической коммуникации в постиндустриальных обществах не позволяет находить верные решения актуальных этнических проблем. В связи с этим обнаруживается возможность новой парадигмы, которой присуща антропоцентрическая ценностная ориентация, в которой исследователь исходит из примата отдельного человека в этнических процессах. В ней этнос рассматривается с точки зрения субъективно-индивидуального, в центр исследований помещается этнический индивид, по отношению к которому этническая общность имеет служебное значение. Такая парадигма может быть названа *антропной*. В антропной парадигме этнонауки в центр исследований помещают *этнического индивида*, отдельного человека с этнически обусловленными и индивидуально выраженными чертами. В этническом индивиде человеческие сущностные силы выступают в специфической этнической форме уникальным и неповторимым образом, представляющем собой индивидуальность, под которой, как отмечал Г. Зиммель, подразумевается внутреннее и внешнее высвобождение индивида из средневековых общинных форм, которые привязывали к нивелирующим коллективам жизнь, деятельность и основные побуждения индивида. Однако вряд ли возможно парадигмальное единство: народы и люди живут в разном историческом времени, а значит, ценностные представления об этнической общности и отдельном человеке, к ней принадлежащем, будут оставаться противоположными.

С. В. Дулимов*

Деньги как ценность и мера жизнедеятельности людей

Деньги – одна из главных ценностей повседневности и мера человека и его мира. Деньги в истории возникли в связи с институтом торговли, уже впоследствии они начали играть решающую роль в экономике стран, а сегодня они в форме финансов влияют на экономику всего мира. Деньги без экономики, материального производства и торговли представить невозможно.

Если в эпоху первых цивилизаций основной формой материального богатства являлась рабская сила, которую начало «накапливать» еще варварство (отсюда – неравенство людей как неотъемлемая черта справедливости), то в эпоху господства монотеистических религий основной формой богатства становится земля. Из-за нее уже в Древнем Риме шла борьба между патрициями и плебеями (Тит Ливий). И хотя Красс на собственном опыте показал, что главным богатством могут быть деньги, а не рабы и земля, он был лишь одним из немногих, кто так думал в те времена. Но когда развился торговый капитал в городах позднего Средневековья, человек «понял», что основное богатство – это деньги; и началась концентрация не земель, а денег, которые стали воплощаться *во все*. Деньги в истории явились предметным и психологическим источником идеи о всемогущем Боге, его универсального повсеместного господства. Но по существу они были все еще средством, мерилем справедливости оценки общественной деятельности людей. Они связаны с практическим уровнем способа мышления человека.

Начнем рассмотрение денег с их распространенной характеристики, сформулированной специалистом по теории денег Л. Харрисом. Он дает следующее определение денег. «Деньги определяются как любой товар, который функционирует в качестве средства обращения, счетной единицы и средства сохранения стои-

* **Сергей Владимирович Дулимов** – аспирант Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

мости» [Харрис Л. Денежная теория. М.: Прогресс, 1990. С. 75]. К этим трем характеристикам денег можно добавить еще одну – средство накопления стоимости. Это свойство является производным от способности денег сохранять стоимость. Если ее можно сохранить, следовательно, ее можно накопить, увеличить. А поскольку стоимость – общественная сила, то на определенном этапе деньги превращаются в огромную социальную силу, в общественную «мощь человечества» (К. Маркс).

Фундаментальная особенность денег в том, что «они являются общественным феноменом, т. е. функционируют только в рамках определенных общественных и хозяйственных отношений» (там же, с. 76). Они суть общественная (социальная) сила, доминирующая в эпоху рыночных отношений. В разных исторических и общественных условиях деньги играют различную роль, но всегда они являются экономическим фактором.

Аристотель, говоря о понятии справедливости, связывает ее с обменом, основанным на обращении денег. Тем самым он связывает деньги с этикой. К. Маркс указывает на то, что тема денег в истории литературы занимает особое место, связанное не с хозяйством, а с областью этики же. Маркс отмечает даже шире – деньги это явление, связанное с изменением природы человеческой деятельности и человеческих способностей: «Деньги, обладающие свойством все покупать, все предметы себе присваивать, представляют собой предмет в наивысшем смысле. Универсальность этого их свойства есть всемогущество их сущности; поэтому они слышат всемогущими. Деньги – это сводник между потребностью и предметом, между жизнью и жизненными средствами человека. Но то, что опосредует мне мою жизнь, опосредует мне и существование другого человека для меня. Вот что для меня означает другой человек» [Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. С. 616–617]. К. Маркс указывает также, что деньги связывают между собой всех людей общества не только экономическими узами, но и универсальными, включая отношения господства и подчинения. Таким образом, деньги «усиливают» того, кто их имеет.

В течение истории деньги были дискредитированы тем, что оказывались в руках людей, институтов, государств, которые использовали их не всегда в интересах справедливости. Добродетель от этого страдала, и уже в христианском мире деньги начали подвергаться проклятию. Однако деньги обладали свойством, с которым невозможно было спорить, – они способны накапливать и со-

хранять прошлое. Все факторы прошлого, которые обладают накопительными свойствами, не исчезают; напротив, без них общество не способно к развитию, прогрессу.

По сути деньги суть накопительный фактор всех видов деятельности человека, которая может принимать формы внешней предметности и действий. Их способность измерять все и вся, обращаться в любой области и сохранять и накапливать тем самым любую деятельность человека позволяет считать их универсальным накопительным фактором прошлого, выходящим за рамки только хозяйственной, экономической деятельности человека¹. Деньги – это квитанции, удостоверяющие накопленную, а точнее, опредмеченную в той или иной форме деятельность человека. При этом деньги – это пока богатство, сила и власть.

На протяжении всей эпохи буржуазных революций (XVII–XX вв.) это утверждение воспринималось по-разному, хотя большинство оценивали его как истинное. Концентрация денег в форме финансового капитала – явление сегодняшнего времени. Финансы, размеры которых сопоставимы с самой экономикой, сегодня обслуживают все. Действующие в мировом масштабе торговцы валютой и ценными бумагами направляют непрерывно растущий поток свободного капитала и могут тем самым приносить счастье или горе целым странам, практически избегая государственного контроля [Мартин Г.-П., Шуман Х. Западная глобализация. М., 2001. С. 74].

Как справедливо отмечает академик Д. Львов, мировая финансовая система превратилась, по существу, в глобальный спекулятивный конгломерат, функционирующий не в интересах развития национальных экономик, роста промышленного производства и уровня жизни людей, а в интересах укрепления позиций стран золотого миллиарда. Это раковая опухоль на живой ткани мировой экономики [там же, с. 14].

Сегодня деньги не являются экономической категорией, по основной своей функции они ближе к этике. С ними дело имеют все, они – средство оценки любой деятельности любого человека. Итак, сама по себе предпринимательская деятельность человека не имеет стоимости, но она творит, создает ее. И только тогда она

¹ Под прошлым мы понимаем единство прошедшего времени и накопленной жизнедеятельности человека, используя терминологию философа З. М. Оруджева.

выступает в форме денег, финансов. Пока деятельность не приняла предметную форму, она не имеет стоимости и не принимает форму денег. Самый гениальный предприниматель, если его талант не востребован, он не имеет цены. Но если этот талант облекается в предметную форму, возникает большая стоимость, соответственно накопленному прошлому (развитой способности, знаниям гения). Предпринимательский талант, таким образом, сам не имеет форму денег, но создает, творит их, а тем самым все. Так как стоимость, деньги превращаются во все, что угодно, что вытекает из их функции — средства обращения.

Все свои сверхъестественные свойства и способности деньги проявляют в случае большой концентрации. Они демонстрируют богатство, силу, власть. Еще многочисленные языческие боги древности демонстрировали человеку свою силу в какой-либо области, но не могли продемонстрировать свою универсальную силу, которая могла бы подчинить себе все целое. Деньги — могут. Рушились империи, но деньги были неуязвимы. Если же деньги теряли свою силу, разваливались целые цивилизации. Но деньги не рушились, а самовоспроизводились и перевоплощались в ту или иную силу, богатство — землю, рабов, оружие, воинов, другие блага. Любопытно, что в больших концентрациях финансы играют творческую роль. Будучи, с одной стороны, сами товаром, а с другой — символом стоимости, цены, они делают возможным и создают обмен. Чем больше их концентрация, тем более грандиозные творения им подвластны. Это важный для нашего исследования момент — сам предпринимательский талант человека не может непосредственно создавать грандиозные предприятия, новые технологии, общественные институты в реальном мире. Но инвестиции (финансы) соединяют чистые идеи, мысли с материальным миром. Они творят мир (общество, его элементы) реально. Сам труд человека — создателя всех этих предприятий, новых технологий и др. — невозможен без этих инвестиций, без денег, без накопленного прошлого. Поэтому внешним источником идеи мирового творчества выступили именно финансы, за которыми скоро оказался действительный творец — разум, интеллект и предпринимательский талант.

Деньги, финансы опосредуют в обществе весь предметный мир: торговлю, наемный труд, искусство и др., то есть почти все виды материальной и опредмеченной деятельности. В единстве с историческим временем деньги обеспечивали человеку, обществу всемогущество — власть над предметным миром в форме концен-

трации денег и временем — в форме исторического времени с его мировым календарем. Бенджамин Франклин вполне был прав, распространив свою знаменитую формулу «деньги-время» за пределы хозяйственного предпринимательства. Деньги помогли отцам церкви увидеть историческое время, Б. Франклину — экономическое время, а современной эпохе они помогут понять время как знание, которое способно создавать стоимость. Человек постепенно сможет овладеть временем настолько, что с его помощью будет измерять накопление знания (Г. Архангельский). Со времен Р. Бекона мы знаем, что знание — сила. Но в эпоху индустриализма мы видели лишь одностороннее превращение знания в силу — через внедрение изобретенной техники в производство. Теперь же мы вступаем в эпоху, когда знание во всех сферах человеческой деятельности должно дать истинную власть разуму, а не экономике, которая, будучи особенно сильна, навязывает миру лишь свою экономическую силу под флагом заботы о так называемых «национальных интересах». В результате самые экономически сильные государства вынуждены признать, что власть финансового рынка выше власти любого государства. И пока «национальные интересы» сводятся, главным образом, к экономическим интересам государств, время будет непредсказуемо, «неразумно». Только «информационное время», время производства знаний имеет сегодня логику, позволяющую видеть и понимать ход его (человека) развития, «накопления прошлого».

Формирование новой исторической эпохи (или нового способа мышления) постепенно будет сводить на нет роль доминирующих факторов современной эпохи — экономического фактора и денег. Уже сегодня, когда финансовый капитал фактически стал управлять миром, роль денег как мерила справедливости начала изменяться в направлении все меньшего соответствия идеалам справедливости. Этот процесс начался в XX веке. Причины этого — чрезмерная концентрация денег в немногих руках и быстрое развитие «индивидуальных способностей людей», ценность последних перед «коллективными способностями» (Э. Б. Тайлор, К. Ясперс). Можно констатировать, что влияние денег на формирующуюся историческую эпоху постепенно сойдет на нет.

Социальное дарение как одна из базисных ценностей русской культуры

Кризисные периоды в истории народов и государств характеризуется возрастанием интереса к проблеме национального самосознания, в основе которого лежит фундамент духовной культуры – базисные ценности культуры.

Под базисными ценностями понимаются разновидности ценностей, в которых передан и воспринят от человека к человеку, от поколения к поколению исторический социальный опыт, аккумулированный в виде образцов, норм, стереотипов поведения. Эти ценности воспроизводятся в идентичной форме на протяжении нескольких поколений или в течение длительного времени в рамках одного общества, или в пределах регионов, имеющих общую культуру. В этой связи возникает проблема определения некоторых базисных ценностей, изначально идентичных ценностному миру русского человека и в сравнении с которыми мы можем представить специфику его мировоззрения.

Основной ценностью русской культуры является духовность, т. е. ориентация не столько на материальные, сколько на духовные (идеальные) интересы. Конкретным выражением духовности выступало добролюбие, соединенное с исключительным значением в жизни русского человека религии, веры, церкви. Духовность представляет собой внутреннюю связь его с Богом и церковью, не рационалистически расчетливый, а нравственный подход к пониманию справедливости и свободы. Коллективизм, взаимопомощь и соборность; любовь к своему Отечеству и готовность его защищать ценою жизни были доминантами духовности.

Одной из ключевых ценностей является свободолюбие. Н. О. Лосский утверждал, что к числу первичных свойств русского народа, вместе с религиозностью, исканием абсолютного добра и силою

* *Светлана Николаевна Шевченко* – аспирантка кафедры истории и философии Белгородской государственной сельскохозяйственной академии (г. Белгород).

воли, принадлежит любовь к свободе и высшее выражение ее – свобода духа. Понятие свободы закрепилось в христианстве как выражение идеи равенства людей перед Богом и возможности для человека свободного выбора на пути к Богу. В то же время в русской истории для значительной части народа в течение многих веков слово «свобода» означало «свободу от», т. е. отсутствие внешнего принуждения, гнета, ограничений.

В систему ценностей русской культуры также входит миролюбие, тесно связанное с уживчивостью и отзывчивостью, что, по мнению Ф. М. Достоевского, превращало русского человека во «всемирного болельщика». При этом можно утверждать, что в наше время уживчивость, отзывчивость, миролюбие в гражданском обществе могут и должны существовать не только сами по себе, но и в виде законопослушности.

Особое значение в системе ценностей придается справедливости. Суть понятия справедливость состоит в выработке принципов, регулирующих распределение благ и обязанностей граждан, соответствие между деянием и воздаянием, преступлением и наказанием. Говоря о справедливости как принципе, перед которым должны быть все равны, следует подчеркнуть, что она не может быть нормативным идеалом, подобно «Божьей справедливости», реализуемой только в потустороннем мире.

Патриотизм также играет важную роль. По мнению русских философов, русский человек в основе своей всегда был патриотом-государственником. В его сознании существовало довольно четко оформленное представление о России как о Родине в высшем духовно-мистическом значении этого понятия. Специфика цивилизационного развития России состоит в том, что в ее истории огромную роль играло государство, которое в связи с этим приобретает в русской культуре особую ценность.

Специфической ценностью русской культуры выступает труд. По мнению О. Платонова, русский человек знал твердо, что источником материального благополучия является труд. Однако труд выступает и как нравственная ценность. Трудовая система жизненных ценностей такова, что труд в ней занимает первое место, а богатство находится на втором плане.

Таким образом, духовность, свободолюбие, справедливость, миролюбие, патриотизм и трудолюбие являются базисными ценностями русской культуры. Система ценностей русской культуры по-прежнему ориентируется больше на духовные ценности, чем

на материальные. Поэтому, на наш взгляд, вполне обоснованным является включение в состав базисных ценностей русской культуры ценности социального дарения.

Ценность социального дарения привлекает внимание многих отечественных философов. Однако ни одна точка зрения не является общепризнанной. Поэтому необходимо рассмотреть сущность и основные черты ценности социального дарения как базисной ценности русской культуры.

Дар может быть определен как безличный оборот, лишенный собственности, свойственности. Он может быть лишь жертвой. Дар преодолевает границы между дарителем и получателем, стремится к безмерности и чрезмерности. Цель процесса одаривания определяется не желанием приобретения, приумножения, а удовольствия. Результатом этого процесса выступает трата, потеря, лишение.

Под социальным дарением мы понимаем процесс выполнения человеком социальных ролей в обществе без каких-либо корыстных целей, выгоды для себя. В свою очередь, социальная роль представляет собой относительно постоянную и внутренне связанную систему поступков, являющуюся нормативно одобренным образцом поведения.

А. С. Панарин рассматривает дар как синоним обязательств, социальных и моральных. Чувство подлинного, экзистенциально переживаемого нами как внутренний человеческий долг обязательства, по его мнению, возникает только в ответ на дар: все то, что подарили нам наши родители и предки, что подарено нам нашим детством, нашей родной землей, нашей культурой и историей.

В ситуации дарения вещь воспринимается во всей ее субстанциональной неповторимости; в нерасторжимо интимной связи с личностью дарителя. Материальная и моральная жизнь, обмен функционировать в бескорыстной и в то же время обязательной форме. Эта обязательность выражается мифологическим, воображаемым или символическим и коллективным способом: она принимает форму интереса к обмененным вещам. Дарение никогда не воспринималось как счастливый случай, как выигрыш в рулетку. Дар пробуждает в нас не только социальное чувство благодарности и признательности, но и космическое чувство причастности к миру, поскольку и сам даритель в этой вселенной никогда не воспринимается как конечная инстанция или первичный владелец вещей. Он сам получил их в дар – от богов, от космоса, от вышестоящего

лица, от собственных предков. Именно поэтому он в свою очередь обязывается к бескорыстному дарению – таков высший космический закон.

Современное меновое общество, отбивающее у людей охоту и способность к дарению, с «либеральной» агрессивностью выкорчевывающее саму установку дарения в качестве признака «чуждого менталитета», рискует растратой самого главного: готовности людей дарить плоды своего усердия, таланта, вдохновения миру, способному отдаривать. Сегодня на наших глазах заканчивается история цивилизации как история спонтанного и бескорыстного дарения. Сцену занимает человек, более не способный к дарению, готовый давать только то, что заранее оговорено и оплачено. Этот новый антропологический тип лишен спонтанности; любую активность, любые свои социальные роли он предваряет вопросом: а что и сколько я буду за это иметь? Встает вопрос о людях, сохранивших в душе способность дарить. Речь идет о специфически одаренных, получивших живой космический огонь и готовых дальше передавать его. И это не только вопрос об источниках живого труда, об авансах доверия к миру; это также и вопрос об источниках современного духовного производства и творческого труда в целом.

Таким образом, социальное дарение является одной из основных ценностей русской культуры. В западной культуре оно не выражено в столь яркой и отчетливой форме, как в отечественной традиции. Дар пробуждает в нас не только социальное чувство благодарности и признательности, но и космическое чувство причастности к миру. Дарение же имеет одновременно мистическо-космическое значение стяжания благодати и значение приращения социального капитала, взаимного доверия и взаимных обязательств между людьми.

Традиционные основания российских экзистенциальных ценностей

Отношение к экзистенциальным ценностям для России и в России, вероятно всего, проблема «вечная» и была осознана как проблема существенно раньше, чем на Западе. Ибо панморализм русского теоретического сознания выступил на первый план уже в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Киевского Иллариона (XI век). Быть и иметь ценность рассматривалось в русском сознании исключительно с позиции добра и зла, т. е. как морально значимое бытие. Панморализм соединил индивидуальное бытие и бытие общее (общественное), рассматривая и историю как морально окрашенный процесс. Историческое становится историей человека и историей сначала Руси, позднее России, как общее течение времени от начала к концу. В русском сознании не пришло понятие индивид – человек не автономный и неделимый атом, а неотъемлемая часть целого, и целое есть синтез частей. Поэтому экзистенциальные ценности в русском сознании были ценностями общества, ценностями целого – Русского, и даже, более широко, ценностями Православного. Под влиянием внешних и внутренних факторов такое понимание Общего сформировалось и в политическом сознании, образовав синтез политического и религиозного. И в XVI веке это осознание приняло вид доктрины «Третьего Рима», в которой Москва (и следовательно, Московское княжество, отождествляемое с Русью как целое) была назначена не просто крупным центром Православия, но единственной и вечной носительницей как истинного христианства, так и истинного государства.

«И да ведает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры сошлись в твое единое царство: один ты во всей поднебесной христианам

* *Татьяна Борисовна Карулина* – канд. филос. наук, доцент кафедры философско-исторических и социально-правовых наук Технологического университета (г. Москва).

царь.» (Из послания старца Филофея Ивану III). В послании подчеркивается единство религиозного (духовного, морального) и политического (государственного, имперского), единство политики и морали под более широким – Православным. Доктрина Третьего Рима напоминала Ивану III, что два Рима пали в ересь и соблазнах мира. Забыв не чистоту веры и апостольское Православие. Первый Рим, прельстившись католицизмом, второй – отказавшись от истинного Православия, были побеждены иноверцами. И только Москва – Законная наследница истинного, первоначального Рима, первоначального Христианства. И ей, государству народа русского всемогущим Промыслом Божиим вечно хранить чистоту Православия, утверждающего конечное торжество Божественной справедливости и любви. Единство политического и морального, осуществляемое через Православие, начало разрушаться усилиями Петра Первого, превратившего церковь, основу государственной идеологии, в светское министерство. После этого некое теоретическое (духовное) единство православных трансформируется в социальную структуру западного образца, не объединенную духовно. И разрушение России, превратившейся в «Западную империю» становится делом не трудным – ибо на место духовному единству – соборности, приходит западная идеология индивида, единая мирская жизнь распадается на повседневную – секулярную и «праздничную» – Православную. Но традиции Православия имеют прочные корни и закреплены в менталитете, и поэтому любая идеология, в отличие от Запада, в России принимает форму религии (мощи, образа, мученики, истинные или неистинные правители), а сознание человека, сформированное в такой ментальной среде, ищет в светской власти некие черты традиционно-религиозные, пытаясь понять, Антихрист ли правитель страны, или «Добрый Боженька». И это начинается с первых наследников Петра Первого. Панморализм русского сознания требует именно «морального портрета» любого представителя власти, на Западе немыслимого после Макиавелли, одновременно заставляя православного (в соответствии с эсхатологической традицией русского историзма) жить либо в прошлом, либо в будущем и никогда не в настоящем. И отличие экзистенциальных ценностей русских от ценностей западных заключается не в характере ценностей, но в характере экзистенции.

What is Important in Life? A Comparison of Values in US and Russia

A widely publicized study some years ago about values of the general population in the US ended up dividing the results into three categories. Each category represents what is most important in life to a certain percentage of the population.

(1) About 60 % of people are materialists. For them money is the most important value in life, and the main purpose of life is to earn as much money as possible.

(2) About 25 % of people have creative values. They value creativity, community, spirituality, tolerance. For them the purpose in life is to express oneself creatively, to grow as individuals and as community, to care for others and express love and kindness.

(3) Another 10 to 15 % are fundamentalists of some religion. They believe in very strict doctrines and rules about how one has to live. For them the main purpose in life is to obey those rules, and to convince others to live by the same rules. They have little tolerance for people who have different beliefs.

While there are millions of people who are not materialists, materialism remains the dominating force in US mainstream culture.

I have not seen a similar study about Russia, but I want to share my own impressions. I visited Russia several times starting in September 2001, including spending the academic year 2005–06 as a Fulbright scholar teaching at Liberal Arts University in Ekaterinburg. Over time I have seen strong changes in Russia, chief among them a sharp increase in materialism, with money becoming more and more important as a life value. When I first came to Russia about 5 years ago I was totally amazed. I had previously traveled all over Western Europe and North

* *Эберхард Шайффеле* – профессор, д-р философии, руководитель центра творческих инициатив г. Альгау (Германия), стипендиат программы обмена преподавателями Фулбрайт (Fulbright), в рамках которой с сентября 2005 г. по май 2006 г. читал на факультете социальной психологии Гуманитарного Университета (г. Екатеринбург) спецкурс «Психодрама».

America, but those places were rather similar to each other. It was obvious that people in Russia did not have as much money: few had cell phones, even fewer had cars, restaurants were largely empty, and most had never traveled by plane. But to me they seemed much happier than people in the West. What they cherished the most and indeed had to a much larger extent than Western cultures was community. Including, but certainly not limited to, strong family support. I was amazed how people were able to have fun and enjoy each other much more than my friends in other places. This was usually done by gatherings in someone's simple home, or in a park. There was very little money spent, but the reception was much warmer than it is at fancy dinners in the West that are arranged at huge expense.

Now some five years later, one of the biggest changes I see is that people are now constantly complaining about not having time, just like in Western countries. It is now very difficult (and time-consuming!) to organize any gatherings, whether to do some business or to socialize. And thus the number of people with no time is always increasing. This seems to be related to the increase in materialism, since most of the time people are busy with trying to earn more money. When the first time in Russia, I was very impressed how people seemed to have time to be with each other. Such times are very rare now, and it is possible to see friends that you do not work or study with only twice a year. Gatherings with community sense still exist, but are much rarer, and often are organized with a lot of effort and cost money.

Most people now have cell phones, many have cars, travel on vacations to Europe, and expensive restaurants are full. So many people obviously have more money, but it is not clear to me exactly how they have it, as salaries for people who work for money are still extremely low, especially in education or other professions helping people and not directly related to money. The disadvantages of capitalism/materialism are in many ways worse than even in the West, and the difference between rich and poor is totally obscene. Also there is no sensible reason why some people seem rich and others poor, certainly especially in Russia the rich do not seem to have gotten there by working hard, rather by having the right connections, and often by being scrupulous and valuing money the most. (And some of course even through criminal activities.) While people are materially better off, they appear actually less happy than some years ago. As in the West, neither the rich nor the poor are very fulfilled in life, though the reasons may be different. Also now more and more people in Russia express desire to leave the country

(whether their ideas about life being better in the West are correct is another question, but clearly this shows unhappiness with the situation in Russia).

There are of course also many advantages to the capitalist system, but those improvements are coming slowly to Russia. Roads and transport systems are still in very bad conditions. One thing however has improved significantly in recent years: the quality of toilets is now much better in Russia, and in most places up to Western standards. This is not a small achievement, considering the dreadful conditions some years ago.

So my personal opinion is that in many ways Russia is going in the wrong direction, losing what I valued so much about Russian culture and community when I first came here. And unfortunately I don't know any easy answers to better the situation. Russia is bombarded now with advertising, including even such damaging advertising that would be illegal in the West, for example advertising the benefits of cigarettes. Every kind of advertising is not only an ad for a product, but also promotes materialism. Advertisings are scientifically designed to influence and manipulate people, so it is likely that this will change society's values over time. So my main advice to you is to not watch commercial television. And to try to preserve the Russian values of community and the Russian soul!

Э. Шайффеле*

Что в жизни важно? Сравнительный анализ американских и российских ценностей

В заключении широко разрекламированного несколько лет назад исследования о ценностях американцев население США подразделялось на 3 категории. Критерием выделения каждой категории было то, что определенный процент населения полагал для себя важным в жизни.

1. Около 60 % оказались материалистами, для которых деньги являются самой главной ценностью в жизни. И, соответственно, главная жизненная цель для них – заработать как можно больше денег.

2. Около 25 % отдали предпочтение творчеству, терпимости, духовности и чувству общности. Для представителей этой категории целью жизни является реализация себя в творчестве, личностное развитие, забота о других, выражение любви и доброты.

3. Оставшиеся 10–15 % проповедовали какую-либо религию. Такие люди являются сторонниками каких-либо конкретных доктрин и правил, согласно которым должен жить каждый человек. Для них главной целью в жизни становится стремление повиноваться данным правилам и убедить жить по ним других. Они проявляют мало терпимости по отношению к людям других религиозных убеждений.

Таким образом, несмотря на то что миллионы людей не являются материалистами, материализм остается доминирующей силой в мейнстриме культуры США.

* *Эберхард Шайффеле* – профессор, д-р философии, руководитель центра творческих инициатив г. Альгау (Германия), стипендиат программы обмена преподавателями Фулбрайт (Fullbright), в рамках которой с сентября 2005 г. по май 2006 г. читал на факультете социальной психологии Гуманитарного Университета (г. Екатеринбург) спецкурс «Психодрама».

Я не встречал подобного исследования о России, но мне хочется поделиться своими собственными впечатлениями. Я посетил Россию несколько раз, начиная с сентября 2001 года, включая учебный 2005–2006 г., как участник программы обмена преподавателями Фулбрайт, я преподавал в Гуманитарном Университете в г. Екатеринбурге. Со временем я стал замечать происходившие в России изменения, самым главным из которых явился резкий поворот в сторону материализма. Деньги постепенно становились все более важной ценностью в жизни. Когда я впервые приехал в Россию около 5 лет назад, я был бесконечно удивлен. Прежде я очень много путешествовал по Западной Европе и Северной Америке, но эти регионы довольно похожи друг на друга. Было очевидно, что русские не имеют столько денег: всего несколько сотовых телефонов, еще меньше машин, рестораны по большей части пустые, и большинство людей никогда не летало на самолете. Но мне эти люди показались гораздо более счастливыми, чем люди на Западе. Что они больше всего берегли и что у них имелось в гораздо большей степени, чем у представителей западной культуры, – это ощущение общности, единения. И помимо этого (но не только это) у них была мощная поддержка со стороны семьи. Я был поражен тем, что русские умели веселиться и радоваться обществу друг друга значительно больше, чем мои друзья в других странах. В России люди обычно собирались просто у кого-нибудь дома или в парке. И хотя тратилось на это очень мало денег, зато прием был гораздо теплее, чем на модных вечеринках на Западе, для организации которых чаще всего необходимы значительные средства.

В настоящее время, 5 лет спустя, одну из самых серьезных метаморфоз российского общества я вижу в том, что люди постоянно жалуются на нехватку времени, прямо как в западных странах. Сейчас очень сложно (и, главное, затратно по времени) собраться вместе – как для деловых переговоров, так и для простого общения. Таким образом, число людей, у которых нет времени, постоянно возрастает. Это, возможно, связано с укреплением позиций материализма, поскольку большую часть времени люди заняты тем, что пытаются заработать еще большие деньги. Побывав в России первый раз, я был очень впечатлен тем, что у людей, казалось, всегда есть время друг для друга. Сегодня такое наблюдается все реже и реже, и увидеть друзей, с которыми вы не работаете или не учитесь вместе, получается только пару раз в год. Конечно,

люди продолжают собираться вместе и сейчас, но гораздо реже, и всегда на это затрачивается много сил и денег.

Сегодня у большинства русских есть сотовые телефоны, у многих появились машины, они ездят отдыхать в Европу, и дорогие рестораны наполнены посетителями. У многих людей разительно прибавилось денег, правда, мне не совсем ясно, каким образом, поскольку зарплаты для наемных работников и сейчас чрезвычайно маленькие, особенно в сфере образования и других социальных сферах, которые напрямую не связаны с бизнесом. Недостатки капитализма/материализма проявляются в России в худших формах, чем даже на Западе, и разрыв между богатыми и бедными велик до неприличия. И, главное, не существует вразумительного объяснения того, почему некоторые люди являются богатыми, а другие бедными, особенно в России, где многие состоятельные люди, вполне вероятно, заработали свои деньги не тяжким трудом, а благодаря нужным связям, часто будучи расчетливыми, полагая, что деньги наивысшая ценность (а некоторые, конечно, даже занимаясь преступной деятельностью). В то время как русские стали в материальном плане более благополучными, они в действительности кажутся менее счастливыми, чем несколько лет назад. Как, впрочем, и на Западе, где ни богатые, ни бедные не чувствуют удовлетворенности жизнью. Хотя причины тут могут быть и разные. Тем не менее сегодня все больше и больше русских выражают желание покинуть страну (насколько их представления о том, что жизнь на Западе лучше, справедливы – это уже другой вопрос, но это ясно демонстрирует то, что им не нравится современная ситуация в России).

Конечно, у капиталистической системы существует и множество достоинств, но улучшения в Россию она приносит медленно. Дороги и транспортная система все еще находятся в очень плохом состоянии. В одном аспекте, однако, за последние годы действительно произошли значительные улучшения – туалеты в России стали гораздо лучше, и во многих местах они сейчас поддерживаются на уровне западных стандартов. И, между прочим, это немаленькое достижение, учитывая их ужасное состояние в предыдущие годы.

Таким образом, мое личное мнение состоит в том, что Россия во многом идет по ложному пути, теряя то, что мне так понравилось в российской культуре и обществе, когда я приехал сюда в первый раз. И, к сожалению, я не могу дать никакого простого совета,

чтобы улучшить ситуацию. Россию сейчас атакует реклама, даже такая деструктивная (которая была бы запрещена на Западе), как реклама положительного эффекта сигарет. Любой вид рекламы – это не только попытка продать продукт, но также продвижение идей материализма. Реклама с научной точки зрения разработана так, чтобы влиять на людей и манипулировать ими. Поэтому вполне вероятно, что со временем ценности общества могут измениться под ее воздействием. Итак, мой вам главный совет – это не смотреть коммерческое телевидение. И постараться сохранить такую ценность российского общества, как чувство общности, единения, а также русскую душу!

Перевод: Л. С. Слободяник

Е. П. Чайка*

Восприятие повседневности, путь к адекватности

Представление о культуре традиционно связано с представлениями о ценностях, которые в этой культуре занимают доминирующую позицию. Ценность, в свою очередь понимаемая как важнейший идеалообразующий фактор, выражается в экзистенциальной активности субъекта, проявляется в его рутинной и творческой деятельности. Таким образом, очевидно, что принимаемая и признаваемая человеком ценность преломляется в его повседневном опыте, находит свое отражение в создаваемых им явлениях культуры. Предметный и духовно-предметный мир, окружающий человека, говорит нам о том, какие ценности ставятся на первый план, а какие, что вполне возможно, игнорируются. Бесспорно, наша жизнь наполнена многими объектами, но обращаем ли мы внимание на то, что многие из них склонны выполнять мнемонические функции?

Иной раз возникает ощущение, что человек сегодня не представляет себя вне совокупности канцелярских принадлежностей: что ни стол, то письменный, а на нем – бумаги для записок в ассортименте, карандаши да ручки всех калибров. Выходит, что кто-то по карточкам стихи читает, а кто-то расписание составляет. Конечно, для самых важных дел есть ежедневник, куда увлеченные работой люди записывают то, что не успевают запомнить: там и создается хронотопическая сетка повседневности. Но есть такие люди, которые записать-то запишут, а посмотреть, что записали, забудут. Для них придумали специальную телефонную функцию «Напоминание». То есть завтракаешь ты с чистой совестью, а твой телефон тебе и говорит: «Посмотри в ежедневник» или прямо так «По пути на работу купи цветы для Маргариты Игоревны – у нее сегодня день рождения», – смотришь на него с благодарностью и поступаешь как и было сказано. Словом, стоит только открыть

* **Евгения Павловна Чайка** – магистрант кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

доступ напомним, как они начинают атаковать, когда полные праведного гнева, а когда – ностальгического сочувствия. В самом деле, разве можно им что-нибудь противопоставить? Трудно представить, тем более что там, где напомним, недалеко и до воспоминаний, а с этим «зверем» борьба складывается сложная, а иногда и патологическая.

Однако стоит заметить, что если напомним по своей сути носят проективный характер, ориентированы на будущее и, в общем-то, могут быть восприняты как путь к продуктивности, то воспоминания, напротив, требуют постоянной актуализации прошлого опыта, на сознательном уровне исключаются из контекста настоящего и оказывают продуктивное воздействие разве что опосредованно. Все же не хочется обвинять воспоминания в «деструктивности», говорить, что они, занимая наше время, отнимают у нас настоящее. Напротив, нам кажется, что воспоминания, во многом пользуясь своей факультативной ролью, оформляют нашу действительность, в том или ином виде являясь ее частью. Знаки и нарративы – вот то, что позволяет обналить присутствие воспоминаний в нашей повседневной жизни. Если присмотреться, то окажется, что мы всегда окружены воспоминаниями: радиостанции (а также издательские дома и театральные подмостки) все время транслируют Гришковца, который не устает вспоминать, как он то одно, то другое, – и, главное, все так осмысленно, так прочувствованно; прилавки книжных магазинов завалены мемуарной литературой и книгами типа «истории из жизни» – и все это так интимно, так доверительно.

Возможно, доверительность – вообще неотъемлемая черта того, что называется русским общением. В этом случае любопытно обратить внимание на то, как мы выстраиваем беседу (а в беседу рискует превратиться все, что длится дольше трех минут): конструктивность в диалоге непременно перемежается воспоминаниями о том, что когда-то, может быть, было. Какова причина этого явления? Тотальная невысказанность правды (что то же самое, что непрекращающийся поиск истины) или травмы (что то же самое, что невозможность выразить бессознательное в языке); может быть, причина – непреодолимое желание поделиться собственным опытом или найти точки соприкосновения с опытом Другого. Рассказывая о той или иной ситуации из нашей жизни, мы как бы реконструируем свои ощущения, создаем представление о себе как о человеке, способном попасть в определенные ситуации

и пережить при этом совершенно определенные ощущения, – условно говоря, наши воспоминания выступают активным способом репрезентации нас в глазах собеседника.

Однако воспоминания настигают нас не только на уровне выстраивания личной биографии: немалую роль играет и социальная память. На наш взгляд, российскую социальную память сейчас очень волнуют такие явления, как предреволюционная Россия, советскость, православная церковь и, как ни странно, народ, который, помнится (предполагается), тоже когда-то был. Мы как будто силемся понять, куда ж это все подевалось, и ищем, ищем с надеждой, и уже, кажется, готовы на многое, чтобы не обмануть свою память.

Например, мы готовы снимать фильмы и рассказывать в них о нелегкой судьбе парламента на Руси и как бы говорить: «ведь был же, был же – мы же помним!». С еще большим азартом мы можем строить церкви и вспоминать, что именно этого русский народ хотел долгие 70 лет. А что касается этих 70 лет, то, чтобы и о них никто не успел забыть, давайте возьмем щепотку их звездной пыли и рассыпем по городу – и появятся причудливо декорированные кафе и рестораны «СССР». Эти четыре буквы прочно войдут в список наименований – и появится соответствующее все: от футбольки до пломбира. Происходит это оттого, видимо, что мы помним: «СССР» – звучит гордо, да и графически ничего смотрится.

Не менее примечательно в данном контексте и то, что называют «возрождением российского кинематографа». Огромная часть прокатных и попадающих в телевизионный эфир фильмов посвящена военной тематике. Речь идет как о памяти недавних войн (например, фильм «9 рота», повествующий о финальном этапе афганской кампании, или фильм «Живой», рассказывающий о психологических последствиях службы в горячей точке), так и о постоянном акценте на памяти о Великой Отечественной Войне. Интерес к этой теме таков, что рекламу очередного военного фильма «Первый канал» предваряет многозначительным слоганом «Новый фильм о войне» (в данном случае имеется в виду фильм «Ленинград»). Таким образом, утверждается ценность не только событий, но людей, в этих событиях участвовавших, культивируется память о них.

Несмотря на то что приведенные нами примеры, возможно, были лишены должной последовательности в изложении, нам кажется несомненной возможность признать память в качестве важнейшей ценности современного российского общества. Мы пока-

зали, как эта ценность актуализируется в повседневности, является нам оформленная в сообщения. Однако справедливо считать, что эти сообщения являются своеобразным ответом на заявленную потребность общества.

Экзистенциальные ценности характеризуются тем, что создают (возможно, корректней сказать, что мы создаем при их непосредственном участии/присутствии) некий «вопросник», с которым человек подходит к действительности, подобно тому, как историк школы Анналов подходит с вопросником к изучению исторического документа. Как представляется, «вопросы прошлого» или «призма воспоминания» – не самый продуктивный способ смотреть на жизнь, говорить о жизни, жить в ней.

На наш взгляд, очевидна двойная стратегия восприятия выделенной нами ценности: память может пониматься как ценность сама по себе, или же возможно представление о памяти как способе актуализации прошлых ценностей, ценностей вообще, учитывая расхожие суждения о нивелировке ценностей в современном обществе. Следствием такой стратегии припоминания является своего рода консерватизм: погруженные в воспоминания, мы препятствуем приращению опыта. Однако учитывая отмеченную нами значительную роль памяти в структурировании повседневности, стоит отметить также, что ей всегда будет противостоять другая ценность, ценность нового.

Л. С. Постоляко*

Будущее человечества как экзистенциальная ценность

Вопрос о судьбах человечества принято относить на счет фундаментальной науки и академической философии. Даже медицина, юриспруденция и социология вряд ли безоговорочно признают его своим. Удивительно, что если подобное признание и следует считать совершившимся, то лишь в поле, где действуют силы художественного мышления. «Несостоятельность человека и его конец» – так можно обозначить главную тему нового романа, родившегося на рубеже тысячелетий и являющего собой, по определению комментаторов, «сплав жесткого реализма и головокружительной фантастики». Тему, вырастающую из *повседневности*: из невольных обобщений и оценок, спровоцированных наблюдением за поведением людей в супермаркетах и на дискотеках, навеянных просмотром рекламных каталогов известных фирм и журналов для юношества... «Он формирует теорию, просто исходя из своего социального дискомфорта», – пишет Д. Ногез об одном из известнейших «новых романистов», Мишеле Уэльбеке¹. Факт облекается чувством, чувство – размышлением, в водоворот которого оказываются вовлеченными и научные гипотезы, и философские прозрения. «Он пытается думать... Вот кем мне представляется Мишель Уэльбек: человеком «посреди мира», который глядит вдаль. Не реакционером: *реагирующим*»². Реконструировать мировоззрение как завершенную «систему идей» – занятие праздное: объективируя мышление другого, попросту разучаешься мыслить сам. И все же дерзну утверждать, что к Уэльбеку применимы слова, сказанные о себе самом Мишелем Фуко: «Я – диагностик настоящего. Философский вопрос – это вопрос о том

* **Лариса Станиславовна Постоляко** – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Уральской государственной юридической академии (г. Екатеринбург).

¹ Ногез Доминик. Уэльбек как он есть. Екатеринбург, 2006. С. 39.

² Там же. С. 272, 275.

настоящем, которое есть мы сами»³. Правда, диагностика Уэльбека – это диагностика не только исходя из прошлого, но и из будущего, воображаемого будущего.

Какую же «переоценку ценностей» возводит в ранг самоочевидного подобный взгляд?

Исходная констатация, резюмирующая горький опыт повседневности: «общественный прогресс» означает не что иное, как расширение пространства конкуренции и продление человеческих страданий. Предпосылки этого заложены в самих основах мироздания, естественном порядке вещей. В самом деле, природа, руководствуясь «принципом индивидуации», наделяет одних красотой, других – уродством, но при этом обрекает всех на муки, связанные с жадой самоутверждения и удовольствий, а позже – с неизбежным физическим старением.

И если верно, что «слово, изначально предназначенное для спора и несогласия», отторгает человека от человека, то враждой и ненавистью чреваты любые отношения, когда они «не сопровождаются физическим контактом»⁴. Только на недомыслии и ханжестве основано преклонение перед дружбой, ведь в плане историческом дружба – не более чем симптом деградации человека, ибо «очевидным образом предваряет угасание всякого чувства вообще»⁵. «Когда уходит физическая любовь, уходит все»⁶. Но, с другой стороны, «молодость, красота, сила: критерии у физической любви ровно те же, что у нацизма»⁷.

Итак, отныне человечество – не более чем вырождающийся биологический вид, обреченный на вымирание, ибо люди сами поставили себя на грань невозможности чисто физического воспроизводства («Движение за истребление карликов»). Единственное, что прочно скрепляет человеческий род, – это страдание. «Человеческий детеныш... заявляет о своем присутствии в мире беспрерывными воплями боли... Человек *не может* быть счастлив, единственно возможный его удел – это сеять вокруг себя страдание; и обычно первыми его жертвами становятся именно родители»⁸.

³ Scali Marion L. homage a Foucault // ELLE 7 janvier 2002. P. 18

⁴ Уэльбек М. Возможность острова. М., 2006. С. 110.

⁵ Там же. С. 106.

⁶ Там же. С. 89.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 80–81.

Критерием прогресса человечества оказалась самоцельная индивидуальность или – попросту говоря – *ненависть*. Все человеческие экстазы, включая смех и желание, прочно укоренены в ненависти. Казалось бы, остается лишь резюмировать сказанное мрачной констатацией Шопенгауэра: «Индивидуальность – это... нечто такое, чему бы лучше не быть»⁹. Но нет: «Доброта, сострадание, верность, альтруизм остаются для нас непостижимыми тайнами, заключенными, однако, в ограниченном пространстве телесной реальности собаки»¹⁰.

Первопричина гибели человечества – *в почти религиозном культе индивидуальности*, на котором зиждется современная цивилизация, в ценностных ориентациях на «соперничество, новизну, энергию. Размывание поведенческих правил, обусловленное развитой экономикой, ... великолепно сочеталось с перманентным восхвалением воли и «я»»¹¹.

Невозможность человеческого общения, а вместе с тем немыслимость будущего для всего человечества, не столько предопределена природными и видовыми особенностями, сколько является закономерным итогом последовательного опредмечивания либерально-гуманистических ценностей, таких как экономическая свобода, формальное равенство, самоцельность развития индивидуальности, права человека... Читая Уэльбека, невольно вспоминаешь хлесткое изречение И. Зейме: «Когда говорят о правах и свободах, уже не приходится говорить о праве и свободе»¹². Ибо «права человека» в реальности оборачиваются той же ненавистью и страданием, самоуничтожением рода людского, псевдоправом на равнодушие и отстраненность, на холодный анализ человеческой жизни с позиции ее «метафизической», «биологической» и «рыночной» ценности. Сочетание ориентации на конкретное самоутверждение (прежде всего в сфере присвоения и потребления) с отвлеченной доктриной прав человека в свете проблемы будущего производит устрашающие эффекты. И именно на фактуальной поверхности нашей повседневной жизни. Сегодня никого не удивляет, когда «молодые, образованные, достигшие высокого социально-эконо-

⁹ Шопенгауэр А. Избранные произведения. М., 1992. С. 113.

¹⁰ Уэльбек М. Указ. соч. С. 95.

¹¹ Там же. С. 61.

¹² Зейме И.Г. Апокрифы // Немецкие демократы XVIII века. М., 1956. С. 580.

мического статуса люди» открыто заявляют о своем нежелании обзаводиться потомством. А какие выводы относительно перспектив человека и человечества навеивает читателю описание факта массовой гибели брошенных на произвол судьбы стариков? «Только в истинно развитой, современной стране можно обращаться со стариками как с отбросами»¹³. Писатель не устает напоминать нам о подлинной цене и критерии общественного прогресса. Достается и психоанализу, основанному на той же ценностной установке – самоутверждении Я, а следовательно, неизбежно ведущему к продлению страданий...

М. Уэльбек не дает ответа на вопрос о том, что ожидает человечество. Ясно только, его не увлекает ни одна из обозначенных утопических перспектив. Ни рационально продлеваемая псевдожизнь одиноких неолоудей, ни «поколение вечных kids» – «ненастоящее, легковесное человечество...», вся жизнь которого... уйдет на отчаянные поиски fun и секса»¹⁴. Но и назад пути отрезаны: нельзя отмахнуться ни от природы, ни от настоящего. Ясно, что ответное слово – за самим человеком. Писатель верит в разум, в память сердца, в искренность, в любовный экстаз, в полноту не вечного счастья. И главное – верит в возможность связи между людьми, Религии, а значит, и в возможность Будущего Человечества. Верит здесь и сейчас, в пожираемом раковой опухолью глобализации мире, где «любовь проходит» и «человек человеку – волк». Соглашаясь с Шопенгауэром, необходимо признать правоту Фейербаха и Конта. Человек *должен продолжать быть*. Человеку надлежит *исследовать возможность Религии*. В этом его призвание. А потому нельзя не ощущать – здесь и сейчас – реальность человечества. Чтобы существовать, надо чувствовать, что у человечества *есть* будущее.

¹³ Уэльбек Мишель. Указ. соч. М., 2006. С. 113.

¹⁴ Там же. С. 42.

А. В. Табатчикова*

Любовь как экзистенциальная ценность начала XXI века

В психологии существуют так называемые «визуальные» тесты: человека просят рассказать, что он видит на картинке с абстрактным изображением. Результат соответствующим образом интерпретируется. Так же и отношение к феномену любви является своего рода лакмусовой бумажкой, позволяющей понять, что за человек перед нами. Мировоззренческий и научный опыт, накопленный к XXI веку, позволяет выбирать из огромного множества вариантов.

Традиционно любовь предстает как ценность, благо, некий смысл жизни, однако не лишенный противоречий и таких негативных эмоций, как страдание или тоска. Любовь – основополагающий аспект человеческого бытия. Любовь связана с постижением тайны бытия, с приятием мира как открытого, внутренне важного. Она остается экзистенциальной ценностью в любое время, так как является внутренней способностью и потребностью человека. Тем не менее концепции любви в различные исторические эпохи разнятся. В данной работе мы не будем обращаться к историческому анализу понятия любви, остановимся подробнее на ее существенных характеристиках, нашедших свое отражение в представлениях XX–XXI века.

Ж. П. Сартр, один из основоположников экзистенциализма, видел в феномене любви неизбежный конфликт, связанный с проблемой свободы. По его мнению, любовь стремится пленить сознание, она претендует на тотальность, целостность. Однако это пленение должно основываться на свободном решении. Любящий хочет подчинить себе свободу Другого, но добровольным образом. Это основа любви как конфликта.

* **Александра Владимировна Табатчикова** – студентка 2-го курса магистратуры философского факультета УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

В психоаналитической концепции З. Фрейда понятие любви не присутствует, оно частично заменяется на стремление к получению удовольствия, либидо. Сексуальность человека на ранних стадиях развития сопряжена с чувством независимости, которое накладывает отпечаток и на дальнейшее восприятие. Значит ли это, что автор отрицает любовь как особое явление? Не думаю. В его работах мы видим принципиально новый подход к уже известным понятиям, к пониманию человека в целом. Но вместе с тем концепция Фрейда радикально поменяла все последующие представления о человеке и его потребностях.

В постклассических трактовках любви она всегда объединена с сексуальностью, чувственным наслаждением, в отличие от классических, где любовь сознательно десексуализировалась.

В современном обществе можно говорить о смене парадигмы романтической любви на парадигму «амурной» любви. Первый тип отношений связан с поиском идеала, верностью влюбленных, «вечной» ценностью их чувств. Второй тип означает ценность конкретных, данных отношений, возникших здесь и сейчас и значимых только до момента их прекращения. Гидденс в работе «Трансформация интимности» называет их конфлюентными и подчеркивает, что такая любовь является преходящей, свободной.

Тип конфлюентной любви поощряется современным обществом в целом. СМИ и реклама призывают человека к наслаждению и обретению свободы от каких-либо зависимостей. Онтологически значимые чувства нередко становятся предметом спекуляции.

Парадокс ситуации заключается, с одной стороны, в стремлении к легкости бытия, в желании следовать основным веяниям, с другой стороны, любовь остается фундаментальной экзистенциальной потребностью человека и не может быть сведена к мимолетным отношениям. Но, как свидетельствует исторический опыт, все попытки ограничить любовь некоторыми рамками не увенчались успехами, но вызвали новые попытки творческого понимания и осмысления одного из самых значительных явлений человеческой жизни.

Д. А. Томильцева*

Опыт прощения как ценность

В каком контексте можно говорить об опыте прощения как о ценности? И в чем заключается его ценность?

Реальность современного общества такова, что в нем, в структуре его социальных практик прощению как феномену, как опыту отводится крайне малое место. Вместе с тем, нельзя говорить, что в философском рассмотрении прощение не актуально, более того, современная политическая ситуация дает все новые поводы для обращения к нему и его (пере)осмысления.

Поскольку прощение рассматривается нами в его социальном измерении, мы говорим не о феномене прощения, не о выявлении его природы как таковой, а об опыте прощения, опыте в традиционном его смысле, как о свершившемся и прожитом, т. е. опыт прощения как ценность есть ценность дарованного прощения. Дарованное в данном случае указывает на добровольность и безвозмездность прощения, его однократность, одномоментность, не предполагающую каких-либо последствий, выгод или условий; именно в этом заключено различие между дарованным (чистым) прощением и прощением условным, данным за что-то (в ситуации повседневности мы чаще всего встречаемся как раз с этим вариантом «я тебя прощу, если ты...»), или всегда содержащим расчет и сублимирующим власть в политическом акте помилования.

Итак, опыт прощения относится к уже свершенному. Ценность этого контекста свершенного заключается в принятии свершившегося как данности. Действительно, если что-то произошло и это что-то необратимо, неисправимо и неподвластно ни человеку прощающему, ни совершившему его (это может быть один и тот же человек), только прощение примиряет его с произошедшим. Примиряет, то есть прощение вписывает содеянное в мир, или, если угодно, делает следом, оставленным в мире, отрезая его от дальнейшего развития, тогда как этого не происходит в случае мести,

* *Дарья Алексеевна Томильцева* – магистрант 1-го курса философского факультета УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

наказания, или, если говорить о позитивных последствиях, – благодарности.

Но, находясь в столь очевидном временном контексте, опыт прощения, тем не менее, сам остается вневременным, поскольку устремленный к прошедшему и в нем укорененный, будучи прошедшим, он распространяется на сохраняющееся в воспоминании бытие произошедшего, в каждый момент воспоминания вновь прощая. Ценность опыта прощения заключена еще и в том, что, будучи раз даровано, прощение уже не может быть отменено, оно также не обратимо, как и событие, ему предшествующее. И если прощение имеет значение и для человека скомпрометировавшего себя в прошлом, то, прежде всего, важно признанием перед ним самим полной законченности содеянного, освобождение от гнетущего его груза его собственного поступка.

В опыте прощения происходит снятие вины, но прощающий, признавая свершенное, примиряясь с ним, своим прощением не только освобождает, снимает вину с прощаемого, но в самом факте примирения и принятия перекладывает часть вины на себя. Отныне он в той же, а быть может, и в большей степени ответственен за произошедшее. В большей степени потому, что событие могло быть следствием случайности, могло быть совершенно безответственно, потому, что «не ведал, что творил», прощение всегда осознанно и потому не несет в себе случайности.

Такая ответственность пугает, нередко противоречит здравому смыслу, ее избегают. Гораздо проще предаться, например, мщению, переложив всю ответственность за все свои действия на скомпрометировавшего себя в прошлом, поскольку общество способно это принять и, как это ни парадоксально, простить, тогда как дарованное прощение может повлечь за собой необходимость прощения за прощение...

Проблема ценностного осмысления опыта прощения заключается еще и в том, что современное представление о прощении во многом несет в себе черты религиозные, черты, прежде всего, христианской традиции понимания прощения. И это религиозное представление о прощении настолько укоренено, что опыт прощения напрямую привязывается к религиозному опыту, к тому, что характерно только для человека религиозного и что должно быть чуждо нерелигиозному человеку так же, как и иные постулаты религии. Из этого следует, что опыт прощения, принимаемый как религиозная ценность, «обесценивается» «светским» восприятием.

Вместе с тем, мировой терроризм, возрастающая расовая и религиозная нетерпимость на фоне всеобщего призыва к толерантности и продолжающейся глобальной экспансии «официальных» европейских ценностей (имеющих своим истоком все же христианскую традицию) вновь актуализируют проблему ценностного осмысления опыта прощения и восприятие его как ценности в современном мире, как и в ситуации окончания Второй мировой войны, поставившей вопросы о непростительном радикальном зле и прощении.

Экзистенциальные ценности современного человека: гендерный аспект

В современных условиях среди множества переживаемых российским обществом социальных проблем актуализируется вопрос экзистенциальных ценностей человека, его внутреннего ощущения собственного «Я», своей идентичности, в том числе и гендерной.

Гендерная идентичность (самосознание личности) заключается в переживании человеком себя как представителя мужского или женского пола, носителя определенных, присущих конкретному полу ментальных и эмоциональных характеристик, особенностей поведения, соотносимых с представлениями о маскулинности и феминности, и, тем самым, является, одной из важнейших экзистенциальных характеристик, во многом определяющих социокультурную ориентацию личности в мире. При этом гендерная идентичность осуществляется путем осознания человеком связи с культурными определениями мужественности и женственности, принятия мужских и женских черт, что является результатом взаимодействия индивида с другими людьми.

В этом плане гендер можно рассматривать как особый социокультурный конструкт, семиотический инструмент и систему представлений, которая определяет престиж, статус в социальной иерархии, идентификацию индивидуума в обществе. «И если гендерные представления понимать как социальные позиции с различными значениями, то для кого-либо быть представленной (ым) или представить саму (ого) себя как женщину или мужчину означает принять весь набор подобных содержаний»¹.

* **Татьяна Павловна Старых** – аспирантка Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ *Абукирова Н. И.* Что такое «гендер»? // Женщина в обществе: мифы и реалии. Сборник статей / Редактор-составитель Л. С. Круминг. М.: Информация–XXI век, 2000. С. 86.

Человек биологически как бы «запрограммирован» на определенный пол. Эта «программа» определена его природными естественными качествами и физиологическими особенностями. Но это лишь предпосылка, «подсказка» при приписывании человека к мужскому или женскому полу. Женственность и мужественность – это не только естественные природные биологически заданные качества, но социально созданные, сотворенные явления, опосредованные культурой.

Биологически данные характеристики пола продолжают поддерживать социальные и культурные институты. В частности, это проявляется в одежде, различных аксессуарах, полоролевых играх, отдельных элементах образа. Таким образом, «мужское» и «женское» – это культурные события, продукты процесса атрибуции (принятия) гендера»². Иными словами, «быть мужчиной или женщиной – значит уметь производить и понимать знаки, которые изображают феминность и маскулинность»³.

В повседневной жизненной практике посредством определенных культурных норм общество и сам человек формируют гендерные образы «настоящей женщины» и «настоящего мужчины», которые являются важным фактором полоролевых отношений.

Таким образом, рождаясь, люди женского и мужского пола сразу попадают в сложившуюся систему отношений, где женщине отведена пассивная роль, а мужчинам – активная. Например, в образовательных методиках детских садов, по мнению исследователей, обучающие игры для девочек и мальчиков различно ориентированы. Для девочек воспроизведена домашняя обстановка (внутренний, «пассивный» мир), для мальчиков воспроизведен город (внешний, «активный» мир), где они изучают типы машин, правила дорожного движения, виды профессий⁴. В девочках поощряется кротость и послушание, в их игры встраиваются семейные ценности, все то, что связано с домашним очагом. Таким образом, за женщиной изначально закрепляется триада – «замужество-дети-

² Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций / Под общ. ред. О. А. Ворониной. М.: МЦГИ-МВШСЭН-МФФ, 2001. С. 102–103.

³ *Паченков О.* Формирование гендерной идентичности у ребенка: случай Ани // Гендерное устройство: социальные институты и практики. Сборник статей / Под ред. Ж. В. Черновой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2005. С. 56.

⁴ *Абукирова Н. И.* Указ соч. С. 85.

семья», то есть ориентированность на «внутренний» мир. В мальчиках поощряется любознательность и стремление к лидерству, и их игры ориентированы на «внешний» мир. Тем самым, за мужской изначально закрепляется гендерная роль защитника и кормильца.

Традиционно женщине приписывались такие качества, как слабость («слабый пол»), пассивность, иррациональность, эмоциональность, а мужчине – активность, рациональность, сила, воля, целеустремленность, стремление к власти. Таким образом, в силу различия приписываемых ценностей мужчина и женщина мыслились как противоположности. Но современные жизненные условия способствуют изменению этих традиций, что нередко приводит к внутреннему конфликту, а иногда к потере тех ценностей и символов, обусловленных социумом и культурой, которые лежат в поле гендера.

Современный мир изменяет функции и личностные характеристики, которые традиционно закреплялись за полами. В связи с этим у человека появляется ощущение некоторой тесноты и неудобства в пределах тех гендерных рамок, которые исторически приписывались ему его культурой и социальным окружением. Например, современная женщина уже не пассивна, нередко независима от мужчины. Она самостоятельна и занимает равные с мужчинами, а иногда и превосходящие позиции в науке, образовании, управленческих структурах.

В современных условиях стираются границы между мужскими и женскими ценностями, ставится акцент на равноправии обоих полов: и мужчины, и женщины стремятся к реализации «второй половины» своей натуры, которая на протяжении веков, в силу социокультурных представлений в обществе, подавлялась, что приводит к смешению мужских и женских ценностей, отрицанию неравенства полов и их взаимоподавляющего характера. В частности, образ «идеальной женщины», который был создан в обществе и включал в себя определенные качества, акцентирующие женскую слабость и зависимость, не востребован современным социумом. Сегодня российская женщина должна быть и слабой (пассивной) и сильной (активной) одновременно. Ее изначальная гендерная роль, реализуемая в деторождении и воспитании, стала лишь одной из частей жизни женщины, нередко не самой главной, так как женщину интересуют также и общественные, традиционно являющиеся атрибутом мужской деятельности «внешние» мероприятия, например, ориентация на карьерный рост, повышение квалификации, про-

фессиональная самореализация. В то время как российские мужчины, по мнению исследователей (Е. И. Гапова), теряют свою маскулинную роль кормильца. Таким образом, эти трансформации гендерных характеристик социально и культурно детерминированы.

Итак, современный человек, будь то мужчина или женщина, испытывает проблему поиска экзистенциальных ценностей, в частности своей гендерной идентичности. Но этот поиск осложнен тем, что пол человека – это, с одной стороны, некий устойчивый набор характеристик, с другой – постоянно изменяемые культурой и социумом гендерные черты. И если раньше формирование мужчины и женщины имело в своем основании различные, строго определенные в своих границах системы гендерных ценностей, то сегодня происходит взаимопроникновение этих систем ценностей. Все это позволяет предполагать, что будущее развитие общества может проходить под знаком андрогинности.

Ценность материнства в обществе потребления: пространство экзистенциального выбора женщины

Материнство можно рассматривать с двух основных позиций: материнство как обеспечение условий для развития ребенка и материнство как часть личностной сферы женщины.

Первое направление продолжает традиции психоаналитического и этологического подходов. С этих позиций традиционно большее внимание уделено стимулам младенца, направленным на активизацию материнской заботы о нем. При этом поведение матери рассматривается как комплементарное врожденному поведению младенца. Точка зрения на материнство как на «несамостоятельный» феномен, существующий только в аспекте его отнесенности к ребенку, предполагает его изучение в рамках системы взаимодействия матери с ребенком. Однако субъекты, составляющие эту систему, суть самостоятельные субъекты. Таким образом, структура, содержание и развитие материнства должны изучаться, во-первых, с точки зрения того, какие функции оно обеспечивает для развития ребенка, и, во-вторых, как это представлено в субъективной сфере самой матери.

Выявленная вторым направлением проблема влияния материнства на жизнь женщины могла возникнуть только тогда, когда перед женщиной встал выбор: быть матерью или нет, будет материнство частью её жизни или нет. Случилось это в двадцатом веке, когда материнство перестало восприниматься как неизбежное всеобъемлющее состояние и предназначение женщины (причины данного процесса мы не будем здесь рассматривать).

Девальвация ценности материнства привела к тому, что во второй половине двадцатого века медиками были созданы средства, предохраняющие от беременности. Использованное в данном

* *Ольга Юрьевна Балеевских* – аспирантка кафедры социальной философии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

контексте слово «предохранение» говорит о том, что беременность и материнство начинают представлять как нечто опасное для здоровья и жизни женщины – ведь от них и от детей, как их результата, надо себя оградить, обезопасить. Тогда же в Европе (а в конце века и в России) возникла острая проблема материнско-детских отношений, то есть из жизни стала исчезать некогда воспетая материнская любовь.

Вообще, долгое время любовь матери к ребенку или материнский инстинкт считались врожденными. Но в XX веке исследователи из разных областей науки доказали, что материнского инстинкта нет, есть только социокультурно обусловленные модели материнства. При этом подчеркивалась ценность материнской любви для ребенка. Наша же задача – доказать, что и сегодня, в эпоху индивидуализма и потребления, когда личное удовольствие ценится выше всего, материнство остается значимой частью субъективной сферы женщины.

Современный идеал материнства – осознанный отказ от него в пользу ценностей карьеры и потребления. Близкий к идеалу вариант – восприятие единственного ребенка как милой смешной игрушки, которую при неизбежно возникающих трудностях можно отдать на попечение няни. Таким образом, в логике потребительского общества материнская любовь определяется как удовольствие. Но такая ли любовь необходима ребенку?

Действительно, можно говорить о разных моделях материнства, но младенцы-то рождаются все одинаково незащищенные и беспомощные. И задача мамы, ее материнский долг, состоит в обеспечении физиологического комфорта ребенка и его потребности в общении. Подчеркнем, что уход за ребенком и забота о его эмоциональном благополучии являются долгом женщины (о причинах формирования данного внутреннего чувства мы рассуждать не будем из-за краткости статьи). Таким образом, первое чувство по отношению к ребенку – это материнский (или шире – родительский) долг, на основе которого в процессе общения с ребенком возникает любовь к нему. Любовь здесь можно воспринимать как награду за исполненный долг, то есть появление любви зависит изначально от желания матери, родителей вообще, проявить свою **волю** к исполнению родительского долга. Если же не будет заботы и действенной любви, то у ребенка сформируется «комплекс оставленности», который в итоге приведет его либо в места лишения свободы, либо в компанию людей, страдающих алкогольной, наркотической или иной зависимостью.

Мы коротко обозначили, в чем заключается ценность материнской любви для ребенка. Теперь определим, почему материнство ценно и для самой женщины.

Начнем с того, что поскольку материнство является в том числе и телесной практикой, то определение материнства в качестве ценности для женщины зависит от социокультурной оценки телесной составляющей человека данной эпохи. Рассмотрим две актуальные сегодня парадигмы телесности: отрицающую и признающую телесное начало в человеке и, соответственно, две трактовки роли материнства в жизни женщины.

Одна из данных трактовок – рационализм – сформировалась в лоне новоевропейской культуры. Она предполагала противопоставление телесного и духовного в человеке, утверждение их непримиримости при абсолютизации разумного (отождествленного с духовным) начала: ориентация на уничтожение телесности, пренебрежение по отношению к ней, отрицание ее позитивного смысла.

Миф о преобладании разума над телом до сих пор сохранился в общественном сознании. Он проявляется, во-первых, в разделении труда на умственный и физический и оценке последнего как непрестижного, во-вторых, в определении труда матери как труда физического (государство оплачивает отпуск именно по уходу за ребенком, а не по его развитию, например; слово «уход» говорит о том, что труд матери – это физический труд). Таким образом, материнство воспринимается как низкооплачиваемый тяжелый физический труд, приносящий невысокие социокультурные дивиденды. Кроме того, в связи с этой «работой» можно потерять и часть накопленного социокультурного капитала: и профессиональные навыки, приобретенные ранее, и прежнее телосложение, и прежний образ жизни, и т. д. Итак, материнство здесь оценивается негативно. Более того, феминистки, работавшие в данной традиции, например С. де Бовуар и С. Фарейстоун, утверждают, что материнство является недостатком женского тела, оно сковывает личную свободу женщины и не дает ей ощутить свою собственную значимость.

Другая парадигма телесности предполагает рассмотрение человека как целостности, объединяющей разнохарактерные, но связанные между собой фундаментальные начала: ориентацию на достижение согласия и взаимодействия между телесностью и духовностью, на «возвышение» телесного через работу над телом, понимаемую как одновременную работу и над духом. Тело здесь

не орудие или «слуга», а «партнер». Моральное совершенствование человека происходит на основе телесной деятельности.

Следовательно, вынашивая, ухаживая, кормя и воспитывая ребенка, мама вырабатывает в себе терпение, развивает интуицию, у нее обостряется чувство ответственности. По словам З. Баумана, «именно слабость Другого вызывает к моей силе, к моей способности действовать, порождает ответственность». Осознавая свою ответственность перед ребенком, женщина обогащает и собственную жизнь, делая ее более осмысленной. Именно материнство позволяет женщине по-настоящему почувствовать жизнь, открыть свое тело как источник жизни, ощутить близость тела и сознания.

Все эти раскрытые в процессе «материнской» деятельности качества, можно сказать «материнский капитал», помогают женщине по-новому взглянуть на мир и на свои отношения с окружающими. Меняется фокус внимания – женщина поворачивается к Другому, прежде всего – к ребенку, а затем – и к своим близким и далеким. Беременные отмечают, что они стали «видеть и слышать» других. Здесь появляется и/или в полной мере проявляется ненасильственная экономика взаимности и любви, в которой справедливое и заботливое отношение к ближнему — это в то же время справедливое и заботливое отношение к себе.

Подводя итоги, отметим, что, выбирая материнство, женщина встает на нелегкий путь познания себя. Необходимы смелость, трудолюбие и терпение для того, чтобы посмотреть на себя не сквозь призму норм и ценностей общества потребления, а увидеть в себе, в своем собственном теле источник духовного развития; чтобы позволить себе любить бескорыстно.

Девичий альбом как культовый атрибут

Некоторые исследования непрофессионального искусства позволяют обозначить тенденции в его развитии, связанные с возрастными особенностями человека: преобладание творческой активности в молодежной группе и зрелом возрасте — свыше 50 лет. В это время повышается интерес к самостоятельному творчеству и его социокультурная значимость для индивида. Периоды жизненного (биологического и социального) «взлета» и «снижения» — возможно, самые «неустойчивые», «неравновесные» периоды человеческой жизни, и это провоцирует повышение эмоционально-чувственного компонента человеческого существования. Лиминальная стадия может продолжаться несколько лет. В течение этого времени идут ключевые символические процессы: переживание чувств дружбы, любви, предательства, расставания, успеха и разочарования. Поднимаются на щит священные ценности и экзистенциальные темы, утопические образы счастливого будущего или, напротив, краха заполняют пространство социума. Вместе с тем происходят изменения, связанные с приобретением нового социального статуса, вхождением в новое социокультурное измерение. Как правило, потребности личности в социокультурной идентификации удовлетворяются с привлечением многократно опробованных форм культуры. И, как справедливо замечают исследователи субкультур, основным требованиям процесса социализации отвечает фольклорный дискурс.

Этот момент можно проследить на примере девичьего альбома¹. Традиция «ведения» альбома, дневника или песенника непосредственно граничит с письменной культурой — «буквенной», «нот-

* Людмила Григорьевна Ядрышникова — аспирантка кафедры эстетики УрГУ им. А. М. Горького, преподаватель Свердловского филиала Института МИРБИС (г. Новоуральск).

¹ В качестве аналога можно было бы привести примеры дембельского или тюремного альбома, песенника, цитатника, дневниковых записей или даже мемуаров, хотя каждый из этих объектов достаточно специфичен, каждый нуждается в отдельном исследовании.

ной», «рисуночной» — и отчасти бытует в ней. «Ведение» альбома подразумевает: а) переписывание текстов «от руки», б) чтение альбомных текстов владельцем-переписчиком и/или близким ему человеком, в) индивидуальное или совместное переживание описываемых в альбомных текстах коллизий. Здесь, подобно средневековым писцам, авторы рукописного текста и читательская аудитория могут быть представлены одними и теми же лицами. Еще Й. Хейзинга² обратил внимание на то, что любой письменный материал тяготеет к устной форме организации речи. Наиболее часто встречающимися в альбомах текстами являются притчи, афоризмы, сентенции, максимы, пословицы, изречения, то есть тот пласт человеческого опыта, который имеет смысл лишь в устном способе выражения. Как отметил Маршалл Мак-Люэн³, «печатная книга больше похожа на справочник, чем на говорящую мудрость». Иными словами, рукописная культура, представленная альбомом, в большей степени привязана к устной традиции.

Масса текстов, бытующих в девичьей культуре, анонимна: это рукописные рассказы, кочующие из альбома в альбом в разных вариантах. Иные «анонимные» авторы на самом деле не всегда анонимны: это могут быть известные поэты, композиторы, писатели. Но само фольклорное функционирование альбома не предполагает авторства. С другой стороны, владелец альбома, по существу, сам является автором: это он подбирает отвечающие его душевному состоянию тексты, он формирует визуальный облик своего объекта.

Кроме того, альбом репрезентирует социокультурные реалии конкретного социума. Богданов К. А.⁴, исследуя семиотику фольклорной действительности, отмечает: «Семиотическая специфика текста в широком смысле релевантна идеологической модальности общества — идеалам, нормам и обычаям, манифестирующим собою характер социального взаимодействия в рамках той или иной социальной группы. «Классы ролей» и «классы текстов» представляются, с этой точки зрения, сопоставимыми по принципу их функциональной изоморфности». Следуя мысли автора, можно предположить, что образы владельца и самого альбома идейно близки.

² Хейзинга Й. Осень средневековья. М.: Айрис-пресс, 2004.

³ Маршалл Мак-Люэн. Галактика Гуттенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2004.

⁴ Богданов К. А. Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПб, 2001.

Альбом — личный дневник, хранящий интимные тайны владельца и не предназначенный для массовой наподобие традиционных игрish деревенской молодежи в классической фольклорной культуре. Несмотря на то, что альбом⁵ — продукт письменной культуры Нового времени, его функции как способа социализации традиционны. Там, где деревенская девочка-подросток играла в «посиделки», разучивая в процессе местный репертуар лирических песен, сегодня ее сверстница-школьница заводит альбом, куда записывает стихотворения и песни о любви и дружбе. Альбом далеко не всегда ограничивается этими текстами, но включает и другие полезные вещи, вроде «пожеланий», «гадалок», «афоризмов» и проч. Он стремится заключить в себя весь актуальный материал девичьей культуры, которая обращается преимущественно к традиционным ценностям — любви, семье, материнству, мудрости и красоте. Их воплощение — это концентрация предшествующей исторической духовной деятельности, закреплённой строем уже существующих образов.

Традиция «ведения» альбома принадлежит городской культуре. Известно, что альбом «вели» уездные барышни в XVIII–XIX вв. В последней трети XIX века альбом из семейной среды попадает в среду ученическую — закрытые пансионы и женские гимназии. Альбомы гимназисток конца XIX — начала XX века еще достаточно строги в своей организации, многие из них открываются советом матери, включают аллегорические рисунки — дань романтизму эпохи. Доля альбомных поэтических штампов в них не так высока, часто встречаются авторские стихи хорошего поэтического вкуса, хотя и в рамках типичного альбомного сюжета, цитируются русские поэты, популярные фортепианные романсы. Альбомы XVIII–XIX вв. — это альбомы барышень, а не детей. Они бытовали параллельно с альбомами взрослых, пока окончательно не перешли в детскую традицию, подкрепленную детской коллективностью в XX веке. Содержание альбомных стихов вполне соответствует детскому мировоззрению: сентиментально-подражательные стихи — это знак «вхождения» во взрослую культуру, так же как и ирония над формой и содержанием альбомного опуса в конце «альбомного взросления» — это знак снисходительного отношения к себе.

⁵ Материал взят по: Головин В., Турье В. Девичий альбом в XX веке / Сб. Русский школьный фольклор. М.: Ладомир, 1998.

Альбомная культура вновь испытала достаточно серьезные изменения в 20–30-х гг. XX века, которые были связаны со сменой социального статуса и снижением образовательного уровня владельца альбома. Поменялись ценностные ориентиры, кардинально изменился культурный быт. Но главная причина альбомных новаций та, что новый советский ученик часто был носителем крестьянской или посадской, фабрично-заводской традиции. Еще в начале 20-х годов в альбомах явно чувствуется статус владельца: в них теплится лирическая гимназическая поэзия и лексика: «ангел», «голубка», «душечка». Постепенно эти образы покидают страницы, как и характерная лексика гимназисток. В 30-е годы их сменяют «симпатия», «подруга», «красотка», «атаман», «осужденный», «Лялька», «матрос», «лишенный прав» и т. п. Обилие репрессивной лексики к «оттепели» исчезает. В современных девичьих альбомах живут «Котики», «Золушки», «Русалочки», «Сейлор Мун», «Дельфины» и другие образы массовой культуры. Процесс фольклоризации разных источников в альбоме идет постоянно. Образы приводятся в соответствие с современными идеалами и романтизируются. Представления о любви, дружбе, об отношениях со сверстниками, этикетные правила, бытующие в соответствующем возрасте и в современном обществе, попадают на страницы альбома, где находят свое выражение в близких и понятных культурных формах. Уровень грамотности и культуры альбома подразумевает равноправного собеседника, понимающего душевное состояние владельца, а не ценителя художественных достоинств альбомной поэзии, о чем предупреждает зачин альбома: «Я не поэт...», «Писать красиво не умею...», и т. д. Кем-то полученный опыт соседствует со своим собственным, и школьница, следуя литературной поэтической традиции, пытается зафиксировать его содержание, придать ему доходчивость и яркость. Не умея еще самостоятельно выразить рождающиеся чувства, школьница обращается к готовым клише, роль которых играют афоризмы, стихи и другие альбомные произведения.

Альбом выступает в роли некоего учебника — привычного школьного атрибута — чувств. Магия «общения» с альбомом позволяет погрузиться в целое нерасчлененное бытие. «Чтение» альбома — процесс интимный, как и сама атмосфера чтения. В ней происходит самоотожествление с альбомными образами, перенесение себя в выбранную ситуацию: это дает возможность прожить отрезок неведомой жизни, важной и актуальной для читаю-

щего. Примеряя ситуацию «на себя», школьница приобретает символический опыт осмысления в рамках предложенной культурной формы. О том, что «испытание» альбомом подошло к концу, свидетельствует не любовный стих, а саморефлексирующее заключение, обычно завершающее альбом, но тоже в духе традиции: «Пройдут года, и через много-много лет / Вдруг вспомнишь ты свои 17 лет...».

Альбом, как культовый предмет, служит посредником между бытием и инобытием и оттого приобретает черты сакральности: он хранится в потаенном месте и появляется только при определенных обстоятельствах, не допуская к себе посторонних. О том, что другие действительно в нем нуждаются, свидетельствует, например, ритуал «заполнения анкеты». Школьный альбом – сам школьник: в нем есть ошибки, формулы («Таня + Света = дружба»); литературный стиль его не выдерживает критики, но он учится быть остроумным и мудрым. Это – настоящий друг, такой, что он и его собеседник – одно.

Как предмет личной культуры альбом призван подтверждать уникальность владельца в сообществе близких по духовным основаниям людей (семьи, группы, коллектива). Отталкиваясь от двойственной природы игры с традиционными формами противоположных культур – «высокой» и «низкой», – альбом обретает новое качество: он становится само-деятельностью, то есть деятельностью человека по самостоятельному осмыслению и преобразованию жизненных реалий. Основой ее является сам субъект, его культурная почва. Такого рода деятельность всегда включает личностный момент нового в то, что пришло из прошлого, что уже кем-то осмыслено. В качестве культурного атрибута он выполняет компенсаторную функцию, восполняя утрату естественных критериев социальной и культурной самоидентификации в переломные моменты жизни, давая человеку возможность самостоятельного выбора своего образа, своей культурной ниши. Вместе с тем, в XX веке ведение альбома становится одной из форм повседневной культуры – способом социализации человека, интимной культурной средой.

С. Г. Солдатов*

Профессиональный стресс как следствие потребительской ориентации современного общества

Исследование, проведенное европейскими специалистами, показало, что стресс, связанный с работой, – вторая по распространенности причина заболеваний в странах ЕС. После опроса Британского Благотворительного Фонда Mind выяснилось, что 61 % респондентов считают стрессы на работе причиной психических расстройств – от простой депрессии до серьезных психических заболеваний.

Количество стрессов, вызванных профессиональной деятельностью, сегодня сильно возросло, и попытки решения данной проблемы не вызывают сомнения в своей актуальности. Профессиональный стресс (occupational stress) можно определить как результат взаимодействия людей и выполняемой ими работы, характеризующийся определенными изменениями первых, не позволяющими им нормально функционировать. Одной из основных причин этих стрессов специалисты называют нагрузки на психику, связанные с тем, что темпы работы современного человека все время ускоряются.

Непрерывное ужесточение конкуренции практически на всех рынках толкает организации на постоянное наращивание эффективности своей деятельности, причем это наращивание зачастую происходит путем увеличения темпов работы персонала. Современный человек работает все быстрее, и это приводит к тому, что количество профессиональных стрессов все время возрастает. Главный вопрос здесь заключается в том, почему люди позволяют этому процессу продолжаться. Одно из основных объяснений заключается в том, что конкуренция имеет место не только на уровне

* **Сергей Германович Солдатов** – менеджер по работе с клиентами Nova Consulting (г. Екатеринбург).

организаций, но и на уровне работников, которые и сами постоянно стремятся выиграть в этой борьбе, быть успешнее других.

Место профессионального успеха, карьеры в иерархии ценностей современного человека все возрастает. Многие люди сосредотачиваются на своей работе настолько, что она становится главной ценностью их жизни, основным мерилom собственной значимости. В итоге человек полностью концентрируется на своей работе, забывая о других ценностях и «радостях жизни», таких, например, как друзья и семья, которые заменяются на «нужных друзей» и партнера красивой наружности, без особых чувств ко всему этому.

Корень подобного положения дел стоит искать в потребительском характере современного общества, или, как сказал бы Эрих Фромм, в ориентации на «иметь», а не на «быть». Основным проявлением данной ориентации явилось то, что финансовый капитал человека стал практически главным мерилom его ценности. Шикарные машины, роскошные дома, мужчины и женщины модельной внешности – вот что является идолами преклонения человека XXI века. Людям не дают забыть об этих идолах: «стремитесь к вещам, владейте ими» – доносится из ТВ, с обложек модных журналов и т. д. Результатом всего этого выступает постоянная тяга к деньгам, к карьерному росту, которая напоминает непрерывную гонку, где главной целью выступает не собственное ощущение удовлетворенности и счастья, а желание «стать лучше других», в основе которого лежит страх «не быть хуже других».

Именно эта гонка является главной причиной постоянных профессиональных стрессов, и советы специалистов, наподобие «делайте физические упражнения на свежем воздухе» или «научитесь расслабляться», конечно, могут помочь, но они не решают корневую проблему, которая лежит не в индивидуальной стрессоустойчивости индивидов, а в социокультурном устройстве современного общества.

А. А. Белоусова*

Особенности системы ценностей в молодежной субкультурной среде

Тема молодежных субкультур в социологических исследованиях в последнее время не является редкостью. Анализу подвергаются их различные аспекты.

Под субкультурой понимается система ценностей, установок, способов поведения, жизненных стилей, которая присуща мелкой социальной общности, пространственно и социально в большей или меньшей степени ограниченной [1].

М. Брейк отмечал, что субкультуры развиваются «в ответ на доминирующие системы значений» [2]. Главным в понятии субкультуры является обособленность по отношению к миру, общепринятым ценностям конкретной группы людей. Следовательно, молодежная субкультура, прежде всего, отождествляется с определенным стилем жизни и воззрениями неформальных молодежных объединений, которые являются носителями социально-культурных установок, «противостоящих фундаментальным принципам, господствующим в конкретной культуре» [3].

Любая субкультура относится к типу социальных структур, возникших в ходе исторического процесса. Появление молодежных субкультур было обусловлено рядом исторических и социально-экономических предпосылок. К первым следует отнести окончание Второй мировой войны и как следствие – ослабление психологической напряженности в обществе. Ко вторым – переход экономики на мирные рельсы в 50-х и повышение благосостояния среднего класса, выходцы из которого стали социальной базой для поднявшейся волны молодежного субкультурного движения. Именно рост благосостояния стал причиной возникновения первых молодежных субкультур в Великобритании («*teddy-boys*», тэды) и в США («*beatniks*» – битники). С этого момента молодежное движение

* **Анна Анатольевна Белоусова** – ассистент кафедры иностранных языков Нижнетагильского технологического института (филиала) УГТУ-УПИ (г. Нижний Тагил).

стало рассматриваться как «устойчивая общность людей, выделяющихся на возрастной основе и имеющих собственные регуляторы поведения, а именно: нравы, традиции, обычаи» [4].

В послевоенной западной социологии утвердилось несколько подходов в изучении данного феномена. Молодежная субкультура рассматривалась с позиции особых психических свойств юношеского периода. В индивидуально-психологическом плане для молодежи характерно желание освободиться от внешнего контроля, повышенная эмоциональность, возбудимость, идеализация некоторых жизненных представлений. Часто в период юношества восприятие явлений действительности негативно и нравственные представления неустойчивы [5].

С этой позиции К. Мангейм рассматривал проблему молодежной культуры в рамках концепции социализации [6]. Согласно его мнению, идет присвоение только тех ценностей из поколения «отцов», которые отвечают современным требованиям. Социолог Тоффлер подходил к молодежной субкультуре как к составляющему элементу современного общества, которое «переживает взрывоопасное дробление на мини-культуру» [7].

В 80 – начале 90-х западные культурологи и социологи пришли к выводу, что жизненные ценности субкультур 50-х органично вплелись в контекст всех последующих движений [8].

Таким образом, ценностный аспект нового поколения формируется на основе уже имеющихся приоритетов. Отношение к ним достаточно избирательно: заимствуется и развивается лишь то, что актуально и современно. Для примера взято движение битников в США, которое считается одной из первых молодежных субкультур.

Битники (от англ. *beat generation* – разбитое поколение) – литературное молодежное движение, возникшее в США в 1956 году. Их родиной считается Калифорния. Появлению битников способствовала политическая и социально-экономическая ситуация Америки послевоенного времени. А именно:

- рост доходов среднего класса, что привело к поколению «бэби-бумеров» (1946–1960 гг.), выросших на волне экономического подъема;
- прямое участие США в войне, позволившее анализировать ее результаты со стороны;
- расширение возможностей средств массовой информации за счет новых звукозаписывающих устройств.

Радиоприемники и магнитофоны сыграли важную роль в истории движения: битники использовали СМИ для формирования собственного имиджа, «мифологизации самих себя как поколенческой фаланги» [9].

В этих условиях произошли серьезные подвижки в структуре американского общества. Появляется новая социальная категория – молодежь. Основная ее масса стремилась к получению высшего образования, что обусловило более длительный период социализации, порой до 30 лет. Обособление молодежи в отдельную социальную группу со своей культурой явилось предпосылкой к появлению битников и отразилось на формировании ценностных установок.

Поначалу битники были своего рода копией довоенной парижской богемы – компания молодых писателей и поэтов, не принимавших ценностей основной массы. Основоположниками стали Дж. Керуак, А. Гинзберг, У. Берроуз, Н. Кэссиди. К концу 50-х движение разрослось: идеология неприятия оказалась крайне привлекательной для молодежи из семей со средним достатком. Длинные волосы, бороды, собственный сленг явились внешним проявлением. Внутренним – ценностные установки, господствовавшие в битнической среде. Их идеология отличалась требованием свободы и пренебрежением к социальным условностям [10].

Социолог Т. Лири, ссылаясь на данные социологических опросов проведенных в одной из колоний битников, говорит о том, что, к примеру, сексуальная свобода больше обсуждалась, чем допускалась на практике. Гомосексуализм был достаточно редким явлением. В рейтинге ценностных ориентаций колонистов первое место занимали нонконформизм, интерес к искусству, умение не показывать свою индивидуальность. Атеизм, неумеренность, экстремизм оставались на последнем месте [11].

Таким образом, ценностным установкам внутри молодежной субкультуры свойственны внутреннее единообразие и только внешний протест. Они формируются во многом на основе приоритетов предшествующих поколений, но отвечают требованиям социокультурной среды, в рамках которой существуют. Существующие особенности поведения представителей неформальных молодежных групп остаются лишь способом обратить на себя внимание носителей традиционных культурных ценностей.

Литература

1. *Лири Т.* Исследование территории разума. Ч. 1 // www.leary.ru
2. *Brake M.* The Sociology of Youth Cultures and Youth Subcultures in America, Britain and Canada. London, 1995. С. 8.
3. *Сергеев В.* К Молодежная субкультура в условиях мегаполиса. М., 2001.
4. *Кеpeci O.* Идеология «новых левых». М., 1977. С. 215.
5. *Бобахо В. А., Левикова С. И.* Современные тенденции молодежной культуры: конфликт или преемственность поколений? ОНС. № 3. С. 57.
6. *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994.
7. *Toffler Alvin.* Futur Shock. New York, 1970.
8. *Гуревич П. С.* Проблемы субкультуры в современной зарубежной культурологии. М., 1987. С. 24.
9. *Фрэнд Тэд.* Битники, которых мы заслужили // *Вог.* № 10. 1995.
10. *Рондарев А.* Битники и хиппи // www.altmusic.ru
11. *Лири Т.* Исследование территории разума. Ч. 1 // www.leary.ru

А. В. Скорняков*

К вопросу о ценностных установках русской бюрократии

Вопрос о бюрократии, в первую очередь русской, обнаруживает сегодня самые разнообразные повороты. От примитивного противопоставления социуму в схеме «власть – общество» до трактовки носителей власти едва ли не как неких «мутантов» (1). Фактом остается то, что эпоха «черного десятилетия» действительно во многом определила будущее. В частности, она сформировала тип современного русского чиновника. Другого чиновника у нас не будет. Этот чиновник, конечно же, во многом традиционен для России. Он несет в себе некоторые родовые черты советской и даже досоветской бюрократии. В 1988 г. наша страна заимствовала не религию, но определенный тип общественной организации. Это можно называть «цивилизация», «культурно-исторический тип» или «социокультурная модель». О терминах пусть спорят историки. Нам важно то, что в рамках этой модели (нравится это кому-то или нет) особая роль отводится власти, организованной на авторитарно-бюрократических принципах. Чиновничество, таким образом, начинает играть важнейшую роль в деле развития и нормального функционирования государственности и, что интересно, прекрасно понимает эту свою роль. Проблема здесь состоит в том, что традиционный для России тип чиновника подвергался в XX веке очень серьезному воздействию. Здесь можно вспомнить 1917 г., чистки 30-х гг., перестройку, революцию 90-х гг. Последнее имеет наибольшее значение не только в силу хронологии. Ничто так не стимулирует бюрократический цинизм, как работа в стране с криминальной экономикой полуколониального типа. Однако абсолютный цинизм такая же утопия, как и все абсолютное. Чиновничий слой имеет свои ценностные установки, не столь уж сильно отличающиеся от ценностей других слоев об-

* *Алексей Викторович Скорняков* – канд. полит. наук, доцент кафедры гуманитарного образования Нижнетагильского технологического института (филиала) УГТУ-УПИ (г. Нижний Тагил).

щества. Власть – это система, являющаяся подсистемой более общего уровня – социума.

Одной из базовых установок современного чиновничества является консерватизм. В принципе, любая бюрократическая система консервативна «по определению». Это нормально. Но для современного российского чиновника (образованного и знающего историю) это характерно вдвойне. Он слишком хорошо знает, что «если виновных нет, они назначаются»: «Генетическая» память российского бюрократа свидетельствует, что любая перестройка в обществе грозит личной катастрофой для него, она коснется его положения и престижа, а все возможные недостатки будут списаны на его счет» (2). Не случайно великий итальянец (сам имевший опыт чиновничьей деятельности) писал, что любой «новый правитель всегда хуже старого» (3).

С темой консерватизма теснейшим образом связана тема страха. Страх за свой социальный статус. В России дорожить своим социальным статусом позволяет всем, кроме чиновника. Этого благородная общественность не приемлет. Пикантность ситуации заключается вот в чем. У нас было придумано колоссальное число былей и небылиц, касающихся бесправия «рядового человека» перед бюрократом. Но никто не ставил вопрос о бесправии нижестоящего бюрократа перед вышестоящим. При этом правила известны всем. Руководитель неизбежно расправится с перспективным заместителем. Сотрудник НКВД, проявляющий преступный гуманизм, сам превратится во «врага народа». Региональные элиты согласятся на усиление федеральных структур, но потребуют ликвидации самостоятельности городских мэрий. Эта путаница делает положение низовой бюрократии еще более неустойчивым, ибо, «будучи одной из основ государственности, она одновременно не имеет того общественного признания и социального престижа, которые необходимы ей для самоуважения и эффективной деятельности» (4).

Но престиж имеет и денежное измерение. Все предпочитают быть богатыми и здоровыми. Так, один рабочий, выступая на перестроечном митинге, сказал: «Делайте со страной что хотите, но мои 260 должны за мной сохраниться» (5). Проблема здесь в том, что в «переходные периоды» это нормальное желание нормального человека становится угрозой самому существованию государственности: «Согласно данным некоторых источников, НЭПманы в значительной мере «подкупили» представителей властных струк-

тур и начали «приватизировать» спецслужбы: так называемые «чистки» 30-х годов, при всей их неоправданной жестокости и сомнительной законности, на самом деле были защитной реакцией Кремля..., в какой-то степени это была и реакция самосохранения государства» (6). Сегодня коррупция становится еще более серьезной угрозой.

Заместитель главы президентской администрации В.Сурков в своем сентябрьском (2004 г.) интервью справедливо заметил, что мы сегодня находимся «фактически в осажденной стране», причем угроза исходит от тех сил, что движимы ненавистью «к России как таковой» (7). Факт: отношение Запада к «силовой модернизации» начиная с 2004 г. формулируется недвусмысленно. Некоторые заголовки из английской и американской прессы последних двух лет: «Сказать «нет» фашизму и Владимиру Путину», «Россия: преступная логика берет свое», «Владимир Путин хочет померяться силами с демократией, Западом и всеми желающими», и т. п. (8). Все чаще проводятся аналогии между Россией и Ираком эпохи Саддама. З. Бжезинский, как всегда по-солдатски откровенно, заявляет, что видит в современной России «черты фашизма Муссолини» (9). Одним из залогов успеха «бархатной контрреволюции» было и является усиление властной вертикали. Грубо говоря – восстановление управляемости страны. При этом федеральные власти почему-то продолжают опираться на старые региональные кадры. Но эти кадры уже хлебнули феодализма 90-х годов. Именно тогда происхождение президента Калмыкии стали выводить из боковой ветви Чингисидов. Тогда в окружении главы Татарстана тон стали задавать радикальные националисты. Сегодня региональные элиты продолжают смотреть на субъекты федерации, в первую очередь, как на личную вотчину. Некоторые политологи уже справедливо отмечали, что в России нет смысла организовывать Майдан в Москве. Эффективнее смотрится серия майданов в субъектах федерации. Если федеральная власть хоть на миг потеряет политическую волю, кураторам достаточно будет лишь правильно сформулировать вопрос: «Ну что, арестовываем твой заграничный счет, сторонник кровавой диктатуры, или пополняем его, о, мужественный защитник свободы?» (10). Патриотизм современного российского чиновника специфичен. Родину он ассоциирует с государством, государство с аппаратом власти, а интересы власти путает со своими личными. В тот момент, когда личные (в первую очередь финансовые) интересы старых региональных элит будут

ущемлены, единственным рычагом воздействия на них окажется страх.

Подводя итог всему вышеизложенному, еще раз отметим, что современная российская бюрократия является очень сложным и довольно неоднородным явлением. Ближайшие 2–4 года покажут, насколько интересы Голема, который, как известно, «тоже хочет жить», совпадут с интересами общества и государства.

Литература

1. См. например: *Трегубова Е.* Байки кремлевского диггера. М., 2003.
2. *Петров В. М.* Судьбы российской бюрократии. Екатеринбург, 2006. С. 47.
3. *Макиавелли Н.* Государь. Минск, 2003. С. 11.
4. *Петров В. М.* Указ. соч. С. 40.
5. Там же. С. 58.
6. *Мухин А. А.* Невский – Лубянка – Кремль. Проект-2008. М., 2005. С. 10.
7. Цит. по: *Кара-Мурза С. Г.* Революции на экспорт. М., 2006. С. 487–488.
8. *Крупнов Ю.* Оранжево-березовые против Путина и России // www.rosbalt.ru/2005/01/14/192262.html.
9. «Режим Путина: за репрессии придется платить» // «The Washington Post». 02.05.2005.
10. *Кара-Мурза С. Г.* Указ. соч. С. 449.

М. В. Мужева*

Корпоративная культура: провозглашаемые ценности начала XXI века

Почему люди стали членами данной организации? Как строятся отношения между ними? Какие устойчивые нормы и принципы жизни и деятельности организации они разделяют? Что, по их мнению, хорошо, а что плохо? Перечисленные вопросы и многое другое из того, что относится к ценностям и нормам, – все это не только отличает одну организацию от другой, но и существенно предопределяет успех функционирования и выживания организации в долгосрочной перспективе. Корпоративная культура выступает основой жизни и развития организации.

Корпоративная культура – это разделяемые всеми сотрудниками ценности, представления, ожидания, нормы, приобретенные по мере вхождения в компанию и за время работы в ней. Она определяет место организации в окружающем мире, олицетворяет собой те неписанные законы, нормы и правила, которые объединяют членов организации и связывают их вместе.

Е. Маслов определяет корпоративную культуру как «определенную философию», систему ценностей, целей, вознаграждений и норм.

«Ценность – понятие, используемое в философии и социологии для обозначения объектов, явлений, их свойств, а также абстрактных идей, воплощающих в себе общественные идеалы и выступающих благодаря этому как эталон должного» [Митин А. Н. Культура управления персоналом. Екатеринбург, 2001. С. 69].

Всякая классификация ценностей по типу и уровню неизменно условна, в силу того что в нее вносятся социальные и культурные значения:

* **Марина Владимировна Мужева** – замдекана по организационно-воспитательной работе, ст. преподаватель ф-та социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

- *витальные*: жизнь, здоровье, телесность, безопасность, благосостояние, состояние человека (сытость, покой, бодрость), сила, выносливость, качество жизни, природная среда (экологические ценности), практичность, потребление и т. д.;

- *социальные*: социальное положение, трудолюбие, богатство, работа, семья, единство, патриотизм, дисциплина, способность к достижениям, личная независимость и т. д.;

- *политические*: свобода слова, гражданские свободы, законность и т. д.;

- *моральные*: добро, благо, любовь, дружба, долг, честь, честность, бескорыстие, верность и т. д.;

- *религиозные*: бог, вера, спасение, благодать, ритуал и т. д.;

- *эстетические*: красота, стиль, гармония, следование традиции или новизна и т. д.

По М. Веберу, ценности – это обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях.

Американский социолог Уильямс Робин определил систему ценностей человека конца XX века. Перечень базовых составляющих этой системы таков: достижение, успех, активность, работа, гуманизм, эффективность, практичность, прогресс, материальный комфорт, наука, рационализм, национализм, практицизм, демократия, индивидуальность.

Корпоративная культура развивается во времени, подобно национальным или этническим культурам, и таким же образом вырабатывает свои ценности и поведенческие нормы.

Корпоративные ценности – это набор воззрений, представлений, мотиваций, которые формируются путем консолидации усилий работников организации, в той или иной степени влияют на способ мышления и поведения каждого члена коллектива и передаются во внешний мир посредством различных форм коммуникативного воздействия.

Каждая организация имеет свой набор ценностей, которые придают ей индивидуальность. Особо важные ценности приобретают характер основополагающих принципов, лежащих в основе «идеологии» организации. Они обычно находят отражение в миссии и целях, влияют на переосмысление функций, связаны со стратегией, определяют перспективные и ближайшие планы деятельности.

В частности, Т. К. Панцуркина относит к ценностям организации:

- *новаторство, инициативность, творческие наклонности*;

- *предназначение организации и ее «лицо»* (высокий уровень технологии и качество, лидерство в своей отрасли и гордость этим, преданность своей профессии);

- *роль женщин в управлении и на других должностях* (допустимость работы женщин на руководящих должностях; уважение к женщинам; одинаковое отношение к работникам, независимо от пола; особые льготы);

- *критерии выбора на руководящие и контролирующие должности* (старшинство или эффективность работы; политические, этнические, национальные и другие критерии; влияние неформальных отношений и группировок);

- *стиль руководства и управления*;

- *процессы принятия решений*;

- *характер контактов* (предпочтение личных или письменных, возможность контактов с высшим руководством, использование собраний).

Авторы известного бестселлера «В поисках успешного управления» Т. Питерс и Р. Уотерман обнаружили связь между культурой и успехом в работе организации. Взяв за образец успешные американские фирмы и описав управленческую практику, они «вывели» ряд верований и ценностей организационной культуры, приведших эти компании к успеху:

- *Вера в действия*. Согласно этой ценности решения принимаются даже в условиях недостатка информации. Откладывание решений равносильно их непринятию.

- *Связь с потребителем*. Для успешно действующих компаний потребитель должен находиться в фокусе внимания, так как именно от него поступает главная информация для организации. Удовлетворенность потребителя для таких фирм составляет сердцевину их организационной культуры.

- *Поощрение автономии и предприимчивости*. Компании, борющиеся с недостатком нововведений и бюрократией, «делятся» на более мелкие, управляемые части. Им, а также отдельным индивидам предоставляется определенная степень самостоятельности, необходимая для проявления творчества и риска. Эта культурная норма поддерживается путем распространения в организации легенд и историй о своих собственных «эдисонах» и «фордах».

- *Рассмотрение людей как главного источника производительности эффективности.* Данная ценность провозглашает человека наиболее важным активом организации. При этом эффективность организации измеряется степенью удовлетворенности ее членов. Вера в то, что уважительное отношение к людям ведет к успеху, лежит в основе культуры подобных организаций.

- *Знание того, чем управляешь.* Предполагается, что управление осуществляется не из-за закрытых дверей кабинетов руководителей, а через посещение руководителями управляемых ими объектов.

- *Не заниматься тем, чего не знаешь.*

- *Простая структура и немногочисленный штат управления.* Согласно этой культурной ценности, менеджеры больше ориентируются на уровень выполнения подчиненными своей работы, а не на наращивание своих штатов.

- *Одновременное сочетание гибкости и жесткости в организации.* Высокая организованность в компаниях достигается за счет того, что все работники понимают и верят в ценности компании. Это их жестко связывает и интегрирует. Гибкость обеспечивается посредством сведения к минимуму «руководящих» вмешательств и минимизации числа регулирующих правил и процедур. Этим поощряется новаторство и стремление брать на себя риск.

Управление в современной организации начала XXI века заключается в «уточнении» ценностей. Это задача ученых и практиков. Более того, для руководителя необходимо умение выявлять совокупность новых ценностей и оперативно их внедрять в сознание членов организации. А это не что иное, как процесс обучения и тренировки с целью помочь людям осознать стоящие перед ними задачи и поэкспериментировать с теми ценностями, на которые в другой ситуации они не обратили бы внимания.

Г. М. Абрамов*

Роль танцевального ритуала в формировании духовных ценностей человека

О танце много написано спорного, и говорят разное. Возможно, потому, что танец – категория вечного, а его магическое воздействие испытывает каждый и по-своему. Всякий танцор, погружаясь в собственную душу, пишет ее своей натурой, вертикально выражая в танце свои горизонтальные желания. Танцевать – значит жить, переживая жизнь заново.

С древних времен танец определяли, ограничивая его пространство. Некоторые выявляли его метроритмическую структуру, кто-то акцентировал физиологические качества, связанные с физическим строением телодвижения, или погружался в мистику, имея в виду тайные рычаги управления энергией тела. Выражение «танец – душа народа» появилось не случайно. Да, танец касается тайны человеческой души, не раскрывая ее, и, возможно, в этом притягательная сила его тайны. Более того, танец – измененное состояние души – парение. Любовь к танцу выражается по-разному – чаще любование его формой, преобразующей тело, мышечной фактурой телодвижения, метроритмом, отражающим определенное эмоциональное состояние, каждым элементом в отдельности, их свободным от разума объединением в композицию танца. Эта любовь и порождает в теле чувство, более эмоциональное, чем иное потрясение в бытовой жизни. Это чувство мотивирует и желание контакта с партнером, помогая открыть технологию общения с ним как с партнером по танцу, но не бытовым человеком. В танце мы не столько замечаем время и окружающее пространство,

* **Геннадий Михайлович Абрамов** – балетмейстер, режиссер, лауреат Национальной театральной премии «Золотая маска» (2000), профессор, художественный руководитель факультета современного танца, и. о. завкафедрой танцевальных дисциплин Гуманитарного университета (г. Москва).

сколько чувствуем их движение в себе через ритм. В этом смысле танец не столько «отражение» жизни, сколько «высокоответственная сводка» (Л. Гинзбург) чувственного отношения к жизни и представлений о ней. Равновесие между чувством и разумом в танце может дать только устремление к Абсолюту.

Погружаясь в глубины самых древних танцевальных ритуалов или брачных обрядов, которые происходят в кругу животных или насекомых, танцор непроизвольно соприкасается с духовной природой танца как древнейшего вида творчества. Периоды любого танца (как ритуала) – приобщение к таинству (самому себе) – преобразование в таинство (персонификация себя как танцевального образа) – постижение таинства (танцевальная игра – как самопроявление человека, свободного от ограничений обыденной жизни).

Закроем глаза... Заткнем уши... Всей системой телесных ощущений, чувственностью интуиции, резкостью реакций бросим себя в тайны ритуала, как «в шахту – без фонаря». Только доверив себя своему телу (не рациональным поступкам оценочного поведения, а интуиции и реакциям), можно войти в пространство ритуала и *устроиться на границах его с окружающим миром*. Возможно, только в этом ограниченном, но уютном пространстве, которое, не задумываясь, мы называем танцем, можно испытать необыкновенный прилив энергии, увлекающей в ликование непознаваемого.

Вероятно, и сам ритуал был создан в древнейшие времена для того, чтобы человек изучал свое тело, его неограниченные возможности, используя их для познания самого себя в окружающем мире. Эту роль тела трудно переоценить. Но, к сожалению, мы больше доверяемся рациональной голове, чем телу, в котором генетически заключена вся история человеческого существования. Не правда ли, это забавно, когда в самых критических или экстремальных ситуациях нас спасает не голова, а тело. Именно оно предупреждает нас об опасности, подсказывает нам выходы из безвыходных ситуаций, творит из нас героев, поднимая с колен. Именно эти жизненно важные проблемы человек, с древнейших времен и по сей день пытается решить, погружаясь в мир ритуала.

Пытаясь научиться танцу, мы забываем (или желаем забыть) принцип любого учения – «из того, что я хочу узнать, я ничего не знаю...». Повторяя любое танцевальное движение за педагогом или следуя впечатлению только что случившегося показа, мы уже многое знаем о том, что еще не успели сделать... В результате,

сознательно притормозив интуицию, мы применяем приемы, уже известные нам, но часто не подходящие к данному случаю. Разрыв между еще неизвестным и уже известным сокращается сам по себе, мы легко осваиваем то, что хотели бы узнать, так и не поняв, что повторяем то, что уже знали... Печально, если мы так и не узнаем, что собираем утиль...

Любая оценка – дорога к штампу. Учиться – значит освободиться от прошлого, испытывая еще не использованные ресурсы возможностей, от занятия к занятию направляя процесс обучения в погружение самого себя. Все, что мы пытаемся изучать, на самом деле мы давно знаем, но еще не открыли в себе... В этом шаге – либо путь к истине, либо пропасть, из которой никогда не выберешься.

Возможно, каждый из нас задавал себе вопрос: что же такое ритуал и в чем его магическая сила? И чем больше человек задает себе этот вопрос, тем больше он ощущает невозможность определения этого понятия. Потому что определить его можно только ощущениями, но не рассудком. В ритуал надо верить, не оценивая его достоинства или недостатки. Потому что только вера превращает нас в законного отца уверенности в себе. Может быть, поэтому так неистово человек ищет духовные ценности в религии, в земледельческих работах, за писательским столом и других профессиональных сферах нашей повседневной жизни, не замечая медитативной стороны контакта с профессией. Любой вид истинного творчества – медитативный процесс, в котором концентрированная энергия (идея) легко находит свою форму выражения (мысль). В танце это происходит настолько спонтанно и естественно, что не требует объяснения. Танцующий человек переносит себя в иную реальность из повседневной жизни. И перенес бы далеко, если бы его рассудок не останавливал на границе медитации – и повседневной среды.

Говоря о мистике ритуала, нельзя не выделить нерушимую строгость, стройность структуры ритуала. Систему любого ритуала нельзя рассматривать как банальный свод правил. Потому что эта система создавалась веками, как единственный путь многоступенчатого приближения к границам непознаваемого. Малейшее нарушение порядка ритуала или замена одной из его ступеней могут превратить восхождение в падение к низости и животному. Почему? В человеке рядом с высокой духовностью обязательно присутствует физиология и животные инстинкты, которые всегда ищут

выхода. Ритуал не только оберегает человека, но и придает ему силы противостояния. Не удивительно, что вся наша сознательная жизнь, начиная с раннего детства, построена на всевозможных ритуалах. Спокойная среда семьи воспитывает в ребенке уважение к ценностям взаимоотношений мужчины и женщины. Упорядоченная система образования в школе – тоже ритуал, который воспитывает уважительное отношение не только к знаниям, но и к мастерам, владеющим этими знаниями. Воинские ритуалы воспитывают в молодых солдатах незыблемую веру в Отечество, высокие гражданские принципы и мужество в защите всех этих ценностей.

Любая форма профессионального танцевального образования – та же семья, та же школа, та же военная дисциплина, приучающая танцора к обязательности ритуального существования не только в танцевальном зале или на сцене, но и в жизни. Выдающиеся педагоги танца советуют ученикам быть скромнее в жизни, но на сцене открывать более откровенно любые интимные качества своего «Я». Любовь к профессии, воспитанная ритуалом образования, сама собой позволит танцору отделить духовные ценности личности от физиологии животного инстинкта. К великому сожалению, многие танцоры (и балетмейстеры) забывают об этом, потому что превратили танец из ритуала в забаву.

Разбирая, в общих чертах, ритуал и, более подробно, танцевальный ритуал, хочется рассмотреть его важнейший аспект – эротизм. С древних времен танец всегда являлся ярчайшим выражением сексуальной природы человека. Достаточно вспомнить свадебные танцы насекомых и животных, наблюдения за которыми послужили основой для создания танцевальных ритуалов. Эротизм танца всегда был лакомым куском не только для раскаленных исполнителей, но и для холодных наблюдателей, которые создали массу удивительных пословиц и поговорок на эту тему. К примеру: «редкая девушка, отправляющаяся на танцы, возвращается неопипанной», «целомудрие пляшет в хрустальных башмачках», и т. п. И по настоящее время сексуальная природа танца толкает юношей и девушек на дискотеки и массовые оргии. То, что не позволено в повседневной жизни, разрешается в танцах (виды контакта и взаимоотношений). Но: профессиональная культура танца оберегала молодых людей от неблагоприятных поступков, закрепляя эталонные положения партнеров в танце, принятые в социальной среде своего времени: от позиций рук, особенно – кистей, ног – до позиций корпуса

и таза. Немудрено возмущение парламентариев некоторых стран распространением вальса в начале XIX в., а столетие спустя – появлением в кругу общественных танцев танго. Чем же вызвано возмущение? В вальсе партнеры слишком близко грудью касались друг друга, а в танго партнерша плотно прижимала свое бедро к бедру партнера. Но никакие законодательные запреты, никакие язвительные реплики не могли помешать распространению подобных танцев. На примерах общественных танцев XX в. можно проследить те социальные сдвиги, которые происходили в отношениях полов. Пары, постепенно разбивались, проявляя все большую независимость друг от друга. Как ностальгия по парным танцам, в конце 1980-х произошел взрыв ламбады, в которой партнеры телами терлись друг от друга. Но этот сексуальный взрыв в танце продолжался недолго. Партнеры окончательно расстались и поныне продолжают независимое существование в толпе, «без чувств, но от души» растворяясь в публичном одиночестве. Потерял ли общественный танец ритуальные корни, превращаясь в механические или физические игры партнеров? Вряд ли. Независимые друг от друга партнеры, не связанные узкими социальными законами бытия, постепенно возвращают танец к ритуальным истокам и новым взглядам на духовные ценности.

Искусство как фактор формирования ценностного бытия повседневности

XX век в силу множества причин социального, политического, экономического порядка обострил проблему ценностного измерения бытия человека. Это послужило основой множества экспликаций самого понятия «ценность» в самых разнообразных философских, культурологических, эстетических, этических и др. концепциях. Теоретический анализ данного понятия с логической необходимостью, которая, в свою очередь, была детерминирована причинами практического порядка, с одной стороны, способствовал углубленной разработке данного понятия, а с другой, стимулировал поиск действенных факторов, которые обуславливают актуальность ценностного измерения человеческого бытия, и в связи с этим приводил к уяснению ряда других смежных понятий, что, в свою очередь, требовало построения иерархии ценностей.

В большинстве философско-культурологических исследований, начиная с И. Канта, неокантианской школы и вплоть до современных постмодернистских течений, ценности интерпретируются в плане значимости мира предметов для человеческой жизни в самом широком значении этого слова. Вместе с тем, становилось все более очевидным, что в структуре ценностного бытия человека существуют такие сферы духовной деятельности человека, которые способны оказывать весьма существенное влияние на динамику предметно-ценностного мира в плане придания этому миру более высоких форм, параметров, ипостасей, как правило, связанных со становлением новых смысловых контекстов в процессе самоутверждения человека в мире.

Особенно велика в этом плане роль искусства, которое в силу своей эстетической природы, создавая специфический условный мир образного постижения человеком мира и себя, вплоть до XX века порождало потребность, необходимость в подлинно челове-

* *Николай Николаевич Бровко* – д-р филос. наук, профессор Киевского национального университета культуры и искусств (Украина).

ческих, гуманистических измерениях человеческой и социальной жизни. Искусство не просто апеллировало к высшим, идеальным началам в утверждении подлинно человеческих форм бытия, оно своей реальной художественно-эстетической практикой демонстрировало невозможность жизни человека и культуры вне истинно гуманистических измерений. Тем самым, искусство само в реальной действительности все больше выступало специфическим прецедентом того, как человек должен и как не должен жить. Формируя духовно-практически предметный мир человеческих отношений, искусство придавало этому миру формы всегда более совершенные, идеализируя мир повседневных отношений, более того, фактически оно постоянно демонстрировало необходимость функционирования в реальной человеческой жизни не просто ценностей, а сверхценностей, которые придают человеческому бытию смысл-ложизненное начало, без которого поиск подлинных человеческих смыслов теряет всякую перспективу.

В условиях XX–XXI вв. необходимость ценностного осмысления человеческого бытия все больше стала приобретать очертания апокалипсического характера в силу действия множества факторов деструктивного порядка. Не случайно такие выдающиеся философские умы, как Шелер, Н. Гартман, Хайдеггер и др., несмотря на неодинаковое отношение к проблеме ценностей, рассматривают ценностно-аксиологическую проблематику как насущное поле современной философской рефлексии. Причем у большинства современных авторов доминирует апелляция именно к сфере искусства, которая обладает таким духовным потенциалом, который открывает постоянно расширяющиеся горизонты создания множества возможных миров, демонстрирующих своеобразные матрицы, схемы, программы подлинно человеческой жизни. Искусство творит мир ценностей и сверхценностей и, вместе с тем, несмотря на идеализацию реального человеческого мира, утверждает их действительную реальность, истинность. Именно благодаря искусству идеальные ценности становятся реальностью, включенной в повседневную жизнь.

Онтологические формы бытия человека перенасыщены повседневными упрощенными, часто примитивными целями, за которыми иногда трудно уловить потребность в высших сверхценностных человеческих ориентациях. Но они все равно обнаруживают себя, и искусство в этом плане выполняет очень важную миссию своеобразного индикатора того, что нужно человеку.

Проблематизация отношений человека к внешнему миру в наше время стимулирует теоретические поиски решения духовно-практических задач, которые смогли бы хоть в какой-то мере гармонизировать эти отношения. Современная философия, теоретическая мысль обращается именно к искусству, которое специфически преодолевает формы деструкции, деформации мира человеческих взаимоотношений, и тем самым, с одной стороны, демонстрирует своими средствами возможные пути решения множества человеческих проблем, а с другой стороны, создает реальное поле выбора путей их решения, выступает в качестве потенциального поля человеческих предпочтений. Такими истинно человеческими предпочтениями выступают не абстрактные идеалы, псевдоценности, взятые из человеческой головы, как своеобразные фантазмы. Искусство апеллирует к подлинной человеческой жизни, с ее действительными проблемами, но при этом так их ставит и решает, что создает тем самым подлинно реальные и необходимые условия человеческого бытия, – оно творит мир культуры, которая становится априорной и императивной (Кант) необходимостью человека, без которого не может быть самого человека.

Д. И. Бахтизина*

Постижение музыки как импульс к творчеству

Человек – единственное существо на земле, которому точно известно о предельности его жизни. Каждый человек представляет собой уникальное творение духа, со смертью которого исчезает целый мир. Подобная утрата невозполнима, и осознание этого факта наполняет жизнь человека трагическими размышлениями о смысле жизни, о целесообразности столь короткого существования. Недаром центральной темой творчества многих художников становится разработка идеи соотношения жизни и смерти. Б. Пастернак справедливо считает, что «искусство всегда, не переставая, занято двумя вещами. Оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь» (4, 112). В размышлениях о жизни и смерти сталкиваются категории предельного и бесконечного, дискретного и континуального, вечного и мгновенного. Конечность человеческого существования, осознание им неизбежности смерти создает поле напряжения, в котором бурлит жизнь. Правы философы-экзистенциалисты, утверждавшие, что если бы не было смерти, то жизнь не имела бы ценности. Смерть, составляющая отрицание жизни, наполняет ее смыслом и высшей ценностью бытия.

Стремление духа сохранить себя, оставив след в бытии и тем продлив свое существование, находит проявление в творчестве. В определенном отношении творчество можно назвать синонимом самой жизни, так как в нем живет неистребимая жажда вечного обновления и стремления в будущее, которое тем самым из неопределенной абстракции превращается в возможность существования. Творчество становится, таким образом, жизненной необходимостью человека, реализующего заложенный в личности потенциал духа. Слова Б. Пастернака – «цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех» – объясняют причину того, почему для

* *Дильбар Исмаиловна Бахтизина* – канд. филос. наук, доцент Сибайского института Башкирского государственного университета (г. Сибай).

истинного художника признание общества не имеет первостепенного значения. Для него творчество является формой самовыражения и самоутверждения личности, без которой жизнь лишена смысла.

Радость творчества – это радость порыва в будущее, радость выхода вовне, расширения своего духовного присутствия, а следовательно, утверждения жизни. «Творить, – пишет Р. Роллан, – значит вырваться на волю из плена своего тела, значит ринуться в ураган жизни, значит быть Тем, кто Есть. Творить – значит убивать смерть». (5, 16). Для художника творчество – создание такого духовного памятника, который позволит ему остаться в памяти людей, а значит, продолжать жить. Сколько поэтов, начиная с Горация, обыгрывали тему «Ехегі monumentum». Вот два характерных примера, хорошо известных в литературе.

Нет, весь я не умру, душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья избежит.

А. С. Пушкин

Я словно б мертв, но миру в утешенье
Я тысячами душ живу в сердцах
Всех любящих, и значит, я не прах
И смертное меня не тронет тленье.

Микеланджело

Бесконечное разнообразие проявлений творчества свидетельствует о том, насколько многогранна жизнь человеческого духа. Суть творчества состоит в открытии человеком того, что является новым и ценным для него. В творчестве скрыто стремление открыть себя для других, выйти из внутреннего состояния во внешнее, актуализировать и опредметить, объективировать проявления своего духа. В этом смысле творчество выступает как знак духа личности. Творческое вдохновение преобразует человека, поднимает его над обыденностью, заставляя трансцендировать и открывать для себя новые миры. «Творческое вдохновение охватывает человека мгновенно и всеобъемлющим образом, – пишет А. Лукьянов, – желать и верить в него своими силами – вот та цель, ради которой мы все существуем» (3, 217).

Творчество – это активное познание бытия и определение своего места в нем. Важнейшую роль в самоопределении выполняет общение с искусством. По мнению Г. Гадамера, в произведении искусства постигается истина, «недостижимая никаким иным пу-

тем» (1, 40). Действительно, искусство является одной из форм вненаучного знания о мире. Научное знание, особенно в области изучения тайн человеческого духа, не обладает должной полнотой и универсальностью. Познание мира через искусство, где важнее догадываться, чем знать, восполняет это и дает возможность человеку обрести личностное знание, т. е. такое, которое актуализирует в духовной жизни человека именно то, что представляет для него ценность в данный момент.

Музыкальное произведение можно определить как концентрацию знания о бытии, представляющую собой объективацию духа в музыке. В музыкальном произведении запечатлено то, что когда-то для композитора было актуальным настоящим, а сегодня для слушателя и исполнителя стало актуальным прошлым, то есть таким, без которого не было бы сегодняшнего настоящего и которое устремлено в будущее.

В истинной музыке, наполненной высокой духовностью и богатым внутренним содержанием, есть то, к познанию чего стремится человек. В шедеврах музыкального искусства закодированы духовные ценности, постоянное обращение к которым позволяет человеку открывать в себе сокровища духа и испытывать вечное обновление. По отношению к ценностям произведения искусства понятие вечности означает не нечто неизменное, наоборот, нечто постоянно меняющееся и обновляющееся. С точки зрения А. Лукьянова и М. Пушкаревой, «вечно то, что никогда не может надоесть, что не потребляется до конца, а, следовательно, постоянно и непрерывно «осваивается» (3, 217).

Музыка в концентрированном виде отражает в себе такие универсалии бытия, как процессуальность, соразмерность, цикличность, системность. Важнейшая особенность музыки состоит в том, что она – искусство временное. Именно музыка способна раскрыть быстротечность и неумолимость времени, показать вечность через вспышку мгновения. В музыкальном произведении раскрывается особое время – «присущее духу», которое «совершенно отлично от эмпирического времени» (2, 83). Душа музыки – время – уникально проявляется в каждом музыкальном произведении, и переживание его способно приобщить человека к величайшей тайне бытия. Время музыкального произведения расширяется и сжимается, позволяя острее ощутить его изменчивость. А. Лосев, определивший последнее основание музыки как становление, выделил именно временную ее природу, позволяющую ей

находиться на грани бытия и небытия. Музыка дает возможность осознать «красоту и полноту мгновения как единства временного и вечного», что, по мнению А. Лукьянова, «выступает в качестве одной из причин развития самой склонности метафизически мыслить» (3, 50).

Музыка дает человеку ощущение полноты протекания жизненных процессов, создавая тем впечатление непосредственного, живого переживания течения бытия. Философичность музыки не только в том, что оно воплощает в себе универсалии бытия и вышшие ее духовные ценности, но и в том, что ее разворачивание подобно процессу самого философствования. Вслушивание и вчувствование в музыку, являющееся, по сути дела, вслушиванием в себя, – это творческий процесс самопознания в жизни человека. Слушать и понимать музыку – значит творить себя, значит жить.

Литература

1. Гадамер Г. Истина и метод Опыт философской герменевтики. М., 1988.
2. Лукьянов А. В. И. Г. Фихте. О проблеме критериев духовного «Я» // Философские науки. 2002.
3. Лукьянов А. В., Пушкарева М. А. Немецкая классическая философская религии. Уфа: РИО БашГУ, 2002.
4. Пастернак Б. Доктор Живаго. М.: Эксмо-Пресс, 2002.
5. Роллан Р. Жан – Кристоф // Роллан Р. Собр. соч.: В 9 т. М.: Правда, 1983. Т. 2.

Г. С. Сабрекова*

Шекспир в современном музыкальном театре: метаморфоза наследия в контексте культурной повседневности

Интерес к Шекспиру по-прежнему неизмерим, как неизмеримо по глубине его художественное пространство. Более четырехсот лет личность английского драматурга не перестает притягивать к себе внимание, вызывая многочисленные суждения, оценки и споры. Никогда еще театральная сцена не видела такого разнообразия сценических постановок и таких непредсказуемых художественных решений.

Актуальность Шекспира в современном российском культурном пространстве закономерна вдвойне. В многоцветной полифонии жизни шекспировский театр превращается в индикатор современной реальности, выявляющей не только сложную борьбу ценностных систем, но и духовное состояние мира.

Что же привлекает в Шекспире по сей день? Во всех трагедиях драматурга ставятся вопросы, что есть и чем должен быть человек, каковы границы его естественных прав. У Шекспира идеал самостождественной личности повторяется многократно в диаметрально противоположных вариантах: от гамлетовского «благословен, чья кровь и разум так отрадно слиты, что он не дудка в пальцах у Фортуны, на нем играющей» – до ироничного тезиса Полония: «будь верен сам себе». Этот идеал свободной раскрепощенной личности, провозглашенный когда-то гуманистами Ренессанса, в современных условиях демократизации проявляет себя как никогда остро. В современных трактовках Шекспира с интересом наблюдаешь, чем же будет человек, когда он «собою станет».

Анализируя опыт последних тенденций в музыкальном театре, особенно в современной хореографии, невольно приходишь к следующему выводу: в нынешних условиях неограниченной свободы,

* *Гульнара Салихзяновна Сабрекова* – преподаватель детской школы искусств № 1 (г. Екатеринбург).

отсутствия какой-либо цензуры (не снившейся даже Шекспиру) наши театры не очень-то склонны верить образностью Шекспира собственную гармонию (если, конечно, она есть), видеть в нем эталон красоты и «природы совершенства». В упорном нежелании постигать глубины шекспировского трагизма многие постановщики обрекают себя на вечное блуждание во тьме, как ни в чем ни бывало продолжая жить в «кафкианском» кошмаре.

Все менее сообразуясь со своей главной – гуманистической основой, музыкальный театр превращает Шекспира в диагностику современной жизни с ее раскрепощенными нравами и освободившимися инстинктами. Со всей очевидностью это наблюдается в двух последних шекспировских постановках Раду Поклитару, современного молдавского хореографа, чьи «Ромео и Джульетта» и «День рождения Отелло» сразу обрели скандальную репутацию.

«Ромео и Джульетту» Р. Поклитару поставил на Новой сцене Большого театра Москвы (2003) в соавторстве с английским режиссером Декланом Доннелланом, радикально настроенным постмодернистом. Как и в прежних доннеллановских постановках, действие перенесено в наши дни. Это рассказ о нынешней молодежи. О ее стиле жизни, жестокости. Дух балета – современно-молодежный, тинейджеровский. Новому Ромео (Денису Савину) – восемнадцать, Джульетте (Марии Александровой) – двадцать. Художник Николас Ормерод одел всю Верону в современные костюмы («деловые» темные пиджаки, брюки с галстуками и белые рубашки для мужской части балета, платья «миди» для женской).

Вполне симпатичные и вполне современные молодые люди, несколько нервные для своих лет, несколько простоватые для своих благородных фамилий, отчасти посетители общедоступных дискотек, отчасти завсегдатаи более или менее замкнутых тусовок. Вместо Джульетты с обликом мадонны – Джульетта-дикарка, бегущая сломя голову. Вместо Ромео с томиком Петрарки – диковатый, простодушный парень, несущийся во весь опор. Характер развития их отношений задан в самой сценографии, где отсутствуют декорации и лишь два перекрещенных полотнища образуют алый крест. У его подножия – толстый, белый матрац. На нем герои страстно обнимаются (скорее, откровенно сексуально), сплетаясь молодыми телами. Никакой хореографии в дуэтных сценах нет, одни не очень ловкие акробатические поддержки.

Можно констатировать, что границы образного мира, так же как и ассоциативной фантазии постановщиков, определены уже в

первой сцене – сцене на балу, в которой дамы и кавалеры так тесно прижаты друг к другу животами, что церемонный танец кажется коллективным соитием, весьма импозантным. Бал у Капулетти – дискотека с кровавым исходом. Пародийно изгибается толпа-тусовка черных видений-призраков, укладывая погибших на ложе из десятков ладошек. Удар и бег – два главных образа спектакля. Ударом (а точнее – ударами) кинжала в живот кончается история Меркуцио – Тибальда – Ромео; это, в сущности, музыкальная кульминация первого акта. А с бега начинается история Ромео и Джульетты, и этот повторяющийся бег – их главная характеристика, метафора их судьбы, образ их скоротечного счастья.

Еще более неожиданной оказалась интерпретация трагедии «Отелло» (2004), которую Р. Поклитару поставил на музыку Седьмой симфонии С. Прокофьева¹. Разворачивая поистине бесовское действо, Поклитару предоставляет возможность самим ответить на вопрос: счастлив ли Отелло? «Скрюченные, уродливые фигуры, несущиеся в бешеном сатанинском плясе, создают на сцене ощущение приближающейся катастрофы, причем хореография Поклитару словно отражает те жуткие, мрачные порывы, что негасимым пламенем жгут сердца героев. И не Отелло в центре этого огненного круговорота, а Дездемона. Она, как сатана, который «там правит бал», вызывает в душах окружающих противоестественные страсти, толкает к предательству, интригам, убийствам»². Исполнительница партии Дездемоны Марина Александрова – артистка классической школы, тем не менее она органично вошла в стилистику пластических концепций Поклитару, обогатив и «раскрасив» портрет своей героини эмоциональными красками. Такую анти-Дездемону балетный театр еще не знал. Но постановщики пытаются убедить своего зрителя, что возможно и такое...

Как будет развиваться в дальнейшем шекспировский театр, сохранит ли культура его подлинные ценности, покажет время. А пока современные трактовки Шекспира продолжают оставаться полем ожесточенной критики и открытой полемики, ведь на карту поставлена судьба гуманизма.

¹ Спектакль был представлен на Пятом фестивале современного танца «Рампа Москвы» в «Русском камерном балете «Москва».

² Сутормина Ю., Шукова С., Иноземцева Г. Счастлив ли Отелло? / Ю. Сутормина, С. Шукова, Г. Иноземцева // Балет. 2004. № 6. С. 39.

Философия как фактор формирования ценностных ориентиров личности

Проблема человека в современной философии является одной из центральных и определяющих, поскольку, прежде всего, философия связана с духовным развитием личности. Через мир философии человек может исполниться в качестве человека, найти свое место в жизни. Так как многие люди впервые знакомятся с философией в процессе обучения, то можно сказать, что по-прежнему актуальным остается вопрос о том, какова роль университетской философии в формировании ценностных ориентиров личности. Если у человека спросить, что такое справедливость, то, скорей всего, он с трудом ответит на этот вопрос, хотя в повседневной жизни он пользуется этим понятием. Именно философия приглашает к осмыслению человеческих ценностей, таких как добро, любовь, долг. Именно здесь мы сталкиваемся с обсуждением таких проблем, как проблема смысла жизни, проблема бытия человека в мире. Знакомство с философией может послужить толчком к осознанию своих собственных ценностных ориентиров. Предназначение философии в культуре состоит не только в том, чтобы понять, каков в своих глубинных основаниях человеческий мир, но и в том, чтобы показать, каким он может и должен быть.

Отсюда и некоторые особенности изучения философии – например, обращенность внимания учащегося на себя самого, отношение им всего изучаемого материала курса к себе самому, к своему личному опыту и сложившемуся строю мыслей и чувств. Важно не просто усвоить чужие, разработанные задолго до него философские построения, важно с их помощью построить вариант собственной философии, философии лично для себя, то есть сознательно промыслить, взвесить и оценить свои личные жизненные опоры, осознать, целенаправленно отрефлексировать свои личные,

* *Наталья Петровна Суханова* – канд. филос. наук, завкафедрой философии Новосибирского гуманитарного института (г. Новосибирск).

во многом стихийно сложившиеся жизненные программы, ценностные установки и наличные знания, короче – сознательно и теоретически грамотно построить свое мировоззрение. Таким образом, вместе с пониманием того, что такое философия, можно и нужно обрести по-новому самого себя, получить новое представление о себе, о своей душе, о смысле своей жизни, о своих достоинствах и слабостях, о своем сокровенном. Тем самым выполнить относительно себя самого одну из важнейших функций философии – человекотворческую функцию, осознать и реализовать свою уникальность.

Культуру разумного мышления нельзя навязать извне, помимо воли и желания человека. Нужно самому воспитать в себе умение оперировать понятиями, задавать вопросы и давать на них ответы, обосновывать и подвергать критике суждения, раскрывать взаимосвязи, отделять важное от второстепенного, выявлять и устранять противоречия, ставить проблемы... Это трудно, нужен интерес и самостимулирование. Нужна добрая воля. Как может выглядеть этот непростой путь философии?

Ответить на этот вопрос помогают представления М. К. Мамардашвили о природе философского знания. Прежде всего, он разделяет философию на два типа: реальную философию и философию учений и систем. Реальная философия народа или культуры есть совокупность самых разных актов философствования, которые совершают люди. Реально философствующий человек не обращается к философским терминам, чтобы выразить свою рефлексию. И поскольку каждый человек задумывается над конечными проблемами бытия, постольку каждый человек является философом. Философия учений и систем – это профессиональная философия, предметом которой является экспликация реальной философии. Реальная философия может быть нигде не записана, философия учений и систем отражена в книгах-источниках и книгах-учебниках. Язык профессиональной философии – это философские понятия, категории.

Подлинное существование философии всегда личностно определено, это всегда внутренний акт или пауза. В этой паузе происходит осознание сущности мира и себя в этом мире. А когда студент встречается с философией, он встречается с книгами, учебниками. Учебник не может научить философствовать, ведь философия в университете занята в первую очередь передачей традиции и языка этой традиции. Передать философскую паузу,

«...пульсацию мысли обязательным научением просто нельзя. Ставить такую задачу абсурдно» [1, с. 14]. Реальная же философия, как утверждает М. К. Мамардашвили, – это точка большого напряжения всех человеческих сил. «В этой же паузе, а не в элементах прямой непосредственной коммуникации и выражений осуществляется и соприкосновение с родственными мыслями и состояниями других, а главное – их жизнь, независимая от индивидуальных человеческих субъективностей и являющаяся великим чудом. Удивление этому чуду (в себе и в других) – начало философии (и ...любви)» [1, с. 58].

Продолжая эту мысль, можно сказать, что философия есть не просто интервал или пауза, а напряженная остановка, зазор длящегося опыта, внутреннее движение душевных сил. В случае с философской рефлексией мы имеем дело с тем, что можно назвать озарением сознания. Философия подобна вспышке, которая вдруг озаряет сознание и проясняет все, что ранее было не выражено, не понято. Философский акт – это всегда творчество, когда мы попадаем из пространства предметов в пространство жизненных смыслов. В момент озарения наше сознание освобождается от предметного мышления. Находясь в пространстве смыслов, нам удастся приподняться над миром вещей и преодолеть иллюзии жизни. Научиться философствовать означает научиться отодвигать предметный мир и пытаться погрузиться в мир смыслов.

Попадание в пространство предельных смыслов и есть подлинное философствование, через которое человек может исполниться в качестве человека. А исполниться в качестве человека – значит осознать свою уникальность, осознать себя как личность, существующую в поле ценностей и смыслов. Задача университетской философии в таком случае может быть понята следующим образом. Это не только передача определенных знаний и традиций, а попытка помочь студенту подключиться к эстафетам философствования с помощью оригинальных философских текстов [2]. Ведь как писал М. К. Мамардашвили: «Соотнесенность с изначальным жизненным смыслом у великих философов всегда существует. И даже на поверхностном уровне текста... Язык великих понятен, и человек обычный, не философ, может в отвлеченных понятиях, которые философы строят по необходимости языка, узнать их изначальный жизненный смысл. И тем самым в языке философа узнать самого себя, свои состояния, свои проблемы и свои испытания» [1, с. 59]. Университетская философия может вы-

ступать в качестве посредника между человеком, впервые обратившим взоры на философию, и подлинной философской работой Платона, Декарта, Канта и других мыслителей.

Литература

1. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1990.
2. Розова С. С. Проблема способа бытия философии в культуре // Проблема способа бытия объектов исследования в гуманитарных и естественных науках: Сборник научных статей. Новосибирск, 2001.

Влияние архетипических символов в рекламе на экзистенциальные ценности современного человека

Важным элементом культуры, определяющим облик современного мира, является реклама, которая, в той или иной мере проникнув во все сферы человеческого существования, стала неотъемлемой частью повседневного бытия, что, фактически, позволяет считать ее одной из важных ценностей повседневной жизни.

Именно в этом аспекте может быть значима практика выявления особенностей воздействия рекламы на человека, который по своей специфике оказывается экзистенциальным существом. В этом плане предполагается, что исследование рекламы в контексте ее обращенности к потенциалу сферы коллективного бессознательного, основными структурными элементами которого К. Г. Юнг считал «архетипы» или «изначальные образы», иницирующие процесс сознательной реакции и усвоения информации¹, важно для понимания рекламной коммуникации как встречи ценностей повседневности и ценностей экзистенциальных, связанных с глубинными основами человеческого бытия.

Согласно К. Г. Юнгу, архетипы (греч. *arche* – начало и *typos* – образ; первообраз, проформа) – это психические структуры коллективного бессознательного, представляющего собой вневременные схемы, в соответствии с которыми складываются образы, мысли и чувства людей, особый коллективный исторический опыт, выраженный в мифах, символических изображениях. При этом архетипы коллективного бессознательного можно представить как систему установок и типичных реакций, предопределяющих восприятие, мышление, воображение и поведение человека.

* Елена Николаевна Сюткина – аспирантка Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания: Пер. с англ. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1998. С. 9.

Реклама становится носителем вполне определенного символического содержания, реализуясь в особом роде знаков, которые не столько изображают некоторый объект, сколько несут в себе добавочный смысл: выражают общие идеи и понятия, связанные с толкованием этого объекта в «сверхобщечеловеческом» экзистенциальном аспекте.

К. Г. Юнгом был выделен ряд архетипических базисов, на которых основываются присутствующие в рекламе архетипические символы. Весьма характерно, что в современной рекламе широкое применение находят символы, связанные с архетипом матери. Юнг полагал, что символы матери обнаруживают свою связь с объектами, которые ассоциируются со стремлением человека к спасению (рай), чувством религиозности и благоговения (церковь, страна, небо, земля, леса, вода), местами или предметами, символизирующими плодородие и изобилие (вспаханное поле, сад), с такими экзистенциалами, как забота, сочувствие, мудрость, доброта, которые реализуются, в частности, в рекламном ролике лекарственного препарата «Но-шпа», в котором женщина дает дочери лекарство, заботясь о том, чтобы она чувствовала себя хорошо, или рекламу мыла «Сейфгард», где мать семейства, выбирая данную марку, «встает на защиту семьи».

Наряду с архетипом матери на экзистенциальные ценности личности оказывает влияние широко применяемый в рекламных текстах архетип ребенка, являющегося символом будущего, возрождения и обновления, надежды на процветание. Архетип ребенка встречается в рекламе детских товаров, продуктов питания, в частности различных напитков и сладостей (например, реклама соков «Фруктовый сад», герои которой – поющие дети в костюмах овощей и фруктов; реклама тортов «Причуда», персонажем которой была испачканная шоколадом милая маленькая девочка), предметов семейного потребления, в частности ряда косметических и гигиенических средств.

Особое место в символической структуре рекламных обращений занимают архетипы «Анима», реализуемого в находящемся в бессознательном мужчины унаследованном им коллективном образе женщины, и «Анимус», являющегося «осадком суммы опыта, полученного предками женщины по поводу мужчины»². Рек-

² Юнг К. Г. Очерки по аналитической психологии. Минск, 2003. С. 215–216, 217, 241.

ламные символы Анимы и Анимуса имеют разные ипостаси. Например, в качестве одного из классических воплощений Анимуса можно рассматривать ставший уже хрестоматийным образ ковбоя Мальборо, а Анима – это один из центральных архетипов в рекламе косметики и парфюмерии (Nina Ricci, L'Oreal и др.). Данные архетипы, претворенные в образной структуре рекламного сообщения, воплощают определенные представления об образах женщины и мужчины, которые «вплетаются» в структуру экзистенциальных ценностей личности.

Пожалуй, центральное место в символической структуре рекламных сообщений в собственном экзистенциальном аспекте занимает воплощающий идею целостности архетип Самости, представляющий структурирующий и упорядочивающий центр всеобщего психического начала (сознательного и бессознательного в их единстве). Архетип Самости выражается с помощью символических изображений, выделяющих особое значение круга с центром, которые могут сопровождаться фигурами квадрата, креста или иного образа четверицы или кватерности, например мандала.

В тех или иных своих модификациях архетипический символ Самости широко применяется в современной рекламе, часто используется при формировании логотипа, призванного, с одной стороны, отразить индивидуальности марки, а с другой, обеспечить ее соответствие глубинным слоям психики потребителей (логотип Pepsi, Skoda (круг), BMW (круг и крест), Lincoln (крест)). То, что Юнг называл архетипом Самости, связано с предельно лаконичной моделью человеческого бытия, основанного на всеобщем взаимодействии, некоем центре жизненной активности, «перекрестке земных путей». Таким образом, архетип Самости можно трактовать как своеобразную модель человеческого бытия, которая находит свое символическое воплощение в символах креста и круга или их сочетания.

Крест как архетипический символ Самости сопряжен в сознании людей со светом, олицетворяющим жизненную динамику, движением, став впоследствии аллегорией разума и прогресса. При этом появление этих представлений, вероятно, связано с тем периодом, когда еще человек не умел добывать огонь самостоятельно и очаг неизбежно становился точкой объединения людей. Но, прежде чем стать обладателем огня, человек познал «науку странствий», постигнув символику центра как метафору сближения, единения. Таким образом, архетип Самости в богатстве своих сим-

волических воплощений оказывает влияние на фундаментальные представления человека о бытии.

Поскольку архетипы укоренены в подсознательной сфере психики человека, их присутствие в рекламном тексте оказывает сильное эмоциональное воздействие, за счет актуализации памяти предшествующих поколений обеспечивая выход из сферы подсознательного на уровень сознания совокупности глубинных ассоциативных связей³.

Например, в структуре рекламных сообщений часто используется и такой экзистенциально-ценностный архетипический символ, как «древо жизни». Образ древа, укорененного в почве и обращенного ветвями к небу, традиционно ассоциируется с идеями справедливости, надежности, мощи и т. п. В результате перенесения на объект рекламы он становится в определенном смысле носителем экзистенциальных ценностей, оказывая влияние на осознание человеком смысла жизни, на его отношение к окружающему миру и самому себе. Образы и идеи, транслируемые рекламой, являются своеобразным архетипическим основанием, направляющим человека в противоречивом и непрерывно изменяющемся мире, встраиваясь в систему ценностных ориентаций личности.

Таким образом, осознание человеком смысла бытия не является автономным звеном психических процессов, оказываясь опосредованным влиянием архетипических символов коллективного бессознательного, которые в условиях, когда реклама стала неотъемлемой частью повседневной жизни современного общества, могут рассматриваться как один из важных факторов формирования экзистенциальных ценностей человека.

³ Ученкова В. В. Символизация в рекламном творчестве // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. № 2. 2001. С. 42.

Права человека как высшие ценности? Философский комментарий к итогам X Всемирного русского собора

1 Действующая Конституция Российской Федерации признает человека, его права и свободы высшими ценностями (См.: Статья 2.). Русская Православная Церковь на X Всемирном соборе «уточняет» этот основополагающий тезис, утверждая, что «существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека», это «вера, нравственность, святости, Отечество и др.». В итоговой Декларации собора о «правах и достоинстве человека» от 6.04.2006 это «уточнение» приобретает масштабный характер. Отечественные богословы различают такие понятия, как «ценность» человека и его «достоинство». «Ценность — это то, что дано, достоинство — это то, что приобретается». Данность ценностей мыслится, по аналогии с природным детерминизмом, естественной необходимостью. Это серьезная ошибка, ибо ценности устанавливаются самими людьми. Ценности исторически обусловлены, а потому изменчивы. Уподоблять их законам природы не только ошибочно, но и опасно, так как в этом случае возникают различные политические соблазны использовать ту или «вечную ценность» для усиления политического могущества или авторитета той или иной социальной организации или руководителя.

2. Итак, чем же отличается «ценность» от «достоинства»? «Достоинство» приобретает человек при совершении добра (что было бы уместно для понятия «репутация»). Из этого следует, что если человек не совершает «добра», он не обладает достоинством. В этом важном документе не дается четких определений «добра» и «нравственности» — тех фундаментальных понятий, ко-

* Андрей Геннадьевич Мясников — канд. филос. наук, доцент кафедры философии Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, председатель Пензенского отделения РФО (г. Пенза).

торые позволяют понять личное достоинство человека. Почему эти понятия не разъясняются? Наверное, потому, что их ясное и четкое определение позволит каждому разумному человеку самостоятельно проверять свои помыслы и поступки, т. е. позволит иметь собственные критерии оценки. Это невыгодно Церкви, ибо она теряет свое господствующее положение в сфере морального сознания.

3. В итоговом документе признается, что голос совести (суждения нравственного закона) есть у каждого человека, но он может быть «заглушен грехом». Пробудить этот голос, помогающий различать добро и зло, призвана «религиозная традиция» в лице Церкви и ее служителей. Что получается? Если человек не способен сам определить, обладает он достоинством или нет, это значит, он *не может его отстаивать* без согласия, одобрения религиозной традиции или внешнего авторитета. Так, если меня оскорбили, публично унизили, я не должен требовать наказания обидчика, пока не получу одобрения священника или авторитетного лица. Ведь обидчиком может оказаться, например, государственный чиновник, представляющий интересы государства, а государство — это большая ценность, или крупный бизнесмен, оказывающий финансовую помощь религиозным организациям. Интересы выгоды могут пойти вразрез с оскорбленным нравственным сознанием, но внешний авторитет способен дать свою трактовку случившегося и направить мышление человека по пути прощения. В подобных случаях, требуя справедливого наказания государственного чиновника или бизнесмена, я покушаюсь почти на святое. Будет ли это одобрено церковью? Ведь, как сказано в Евангелии, «Вся власть от Бога»... Конечно, это не самый приятный пример, но, к сожалению, в истории подобных случаев было немало.

В Российской демократической Конституции 1993 года **достоинство** признается высшей ценностью, которая охраняется государством (См.: Статья 21.). Оно является правом, данным с рождения и сохраняющимся посмертно как общественно значимая память о добром имени человека. Поэтому попытка исключить достоинство из разряда прав и свобод, на наш взгляд, свидетельствует о чрезмерных и необоснованных претензиях Русской Православной Церкви монополизировать сферу морального сознания граждан России, а значит, произвольно ограничить свободу личности.

4. Что понимается в документе под «свободой»? Читаем: «Мы различаем две свободы: внутреннюю свободу от зла и свободу нравственного выбора». Первая – самоценна, вторая может быть созидательной при выборе человеком добра, а может быть разрушительной при выборе зла. Остается понять, во-первых, как выбрать добро, ведь разумный человек не желает себе зла? Во-вторых, как обрести внутреннюю свободу от зла, если человек должен каждый раз делать свой собственный выбор?

Ответ на первый вопрос предполагает знание того, что есть добро (как цель наших поступков), и знание соразмерных ему средств достижения. Ибо только в соразмерности цели и средств возможен действительно моральный поступок. Когда у человека есть добрые намерения, например, помочь другому, но при этом он использует неморальные, неправовые средства (насилие, воровство и др.), то, вероятнее всего, ему не удастся достичь поставленной цели. Так же, как Инквизиция, крестовые походы, казни Дж. Бруно и отречение Льва Толстого не дали желаемых результатов для христианской церкви, а, наоборот, признаны ошибочными решениями.

Ответ на второй вопрос философу представляется невозможным. Почему? Понятие «внутренняя свобода от зла» предполагает наличие у человека непогрешимой («святой») воли, неспособной ошибаться, заблуждаться и действовать по какой-либо частной прихоти. Такого быть не может. Так, если служители Церкви объявляют российского царя Николая II – кровавого святым, то «доброта» его помыслов и поступков непременно приведет нас в «ад» на этой земле, а не в ином мире. Итак, «внутренняя свобода от зла» остается не понятной. Но если человек внутренне не свободен от зла, если не очистил свою волю от возможного греха, он не приобретет достоинства. Таков страшный приговор. Ибо, как сказано в документе, «безнравственного достоинства не бывает». Так кто же в России обладает достоинством? Выходит, что только атеисты, не признающие понятия греха и полагающиеся только на свои силы.

5. Самое интересное заключается в том, что наши священнослужители не хотят обращаться к устоявшимся в русском языке значениям слова «достоинство», к тем значениям, которые используются в основном законе Российской Федерации – Конституции. Что значит это слово? В толковом словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведова достоинство определя-

ется как ***внутренняя самооценност** личности, оценка своих моральных качеств, способностей и своего общественного значения, уважение этих качеств в самом себе*. Этот смысл указывается в большинстве комментариев к действующей Конституции РФ.

Человек сам решает, чего он достоин, какова его самооценка. Например, он может судиться с государством за то, чтобы его пенсия не была ниже прожиточного минимума, ибо это оскорбляет его достоинство как гражданина социального государства. Или он может спокойно терпеть любые социальные эксперименты, надеясь на то, что и ему, и властям воздастся по справедливости в ином мире. Достоинство – категория субъективная. Но так как оно включено в систему конституционных прав и свобод гражданина РФ, то защита этой самооценки является задачей государства.

То обстоятельство, что современное христианство также обеспокоено заботой о достоинстве россиян, – это хороший симптом постепенного выхода страны из полуфеодальных общественных отношений. Вместе с тем доклад митрополита Кирилла под названием «Права человека и нравственная ответственность» на указанном соборе вызывает серьезное беспокойство у здравомыслящей части российского общества. Митрополит пытается оспорить ключевой тезис о способности человека самостоятельно выбирать для себя благо, тем самым не признает моральной автономии человека. По сути, он снова предлагает россиянам **страх принуждения** (перед Богом или государством) в качестве основного мотива морального совершенствования человека. Хотя со времен Канта стало известно, что под действием страха формируется не истинная (свободная и разумная) религия, а «статутарная», использующая наивность и невежество своих верующих для усиления политического могущества.

В заключение хочется выразить надежду на то, что действующая Конституция РФ позволит гражданам России быть свободными и достойными людьми настолько, насколько они это сами понимают и смогут понимать в будущем.

Ценность человека в этике ненасилия

Человеческая жизнь — она как капля в круговерти мировой Истории, но так безгранично значима...

Нет сомнения в том, что от века к веку, от эпохи к эпохе значимость и ценность человеческой жизни постоянно менялись. Человек — то он «трепещущий тростник», то он подобен Богу; то он неповторимая личность, то «взаимозаменяемый винтик». К сожалению, сегодня, в эпоху информационной цивилизации, эпоху массовой культуры, «эпоху отчуждения и одиночества» в обществе безграничного потребления происходит саморазрушение личности и утрата человеческого в человеке. Человек утратил свою значимость, самоценность и ценность другого. Поэтому проблема ценности человеческой жизни стала как никогда актуальной.

Если цена жизни политического лидера столь ничтожна, что его казнь транслируют по всему миру, преподнося это как «гуманный» поступок, — то какова ценность «простого человека»!?

Сегодняшняя реальность такова, что можно смело говорить о нарастающей дегуманизации и деморализации общества. Человеческая жизнь лишилась своей непреходящей ценности, а Человек забыл свое предназначение — быть ответственным за себя и за других.

Сложившаяся ситуация заставляет искать выход из духовного кризиса, который видится в обращении к ценностям ненасилия и толерантности.

Этика ненасилия как социальная практика, как система политических принципов и действий, ставшая масштабным и массовым явлением, появилась только лишь в XX веке, но как мировоззрение, система моральных норм и принципов существовала долгие века.

Идея ненасилия — это результат огромной душевной работы, работы ума и сердца. Поэтому ненасилие — это всегда философия,

* **Юлия Николаевна Рыбьякова** — аспирантка кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры, философского факультета УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

определенное нравственное учение. Но при этом ненасилие — это конкретная этика жизни, которая определяет основные поступки и действия. Ненасилие представляет собой такой способ поведения человека, который перерос насильственный способ решения проблем. Перерос и духовно, так как в противовес насилию оно исходит из метафизической святости каждого человека, и душевно, так как требует большего мужества, чем то, которое требуется для преодоления физического страха.

Ненасилие — это, прежде всего, активное сопротивление Злу. Это созидательная сила, которая ставится в противоположность разрушающему насилию.

Ненасилие утверждает жизнь человека в качестве высшей существующей ценности, которая должна уважаться без всяких исключений. Ненасилие исходит из убеждения самоценности каждого человека как свободного существа и одновременно взаимной связанности всех людей в добре и зле. В основе ненасилия лежит концепция, согласно которой человеческая душа является аренной борьбы добра и зла. Как писал М. Л. Кинг, «даже в наихудших из нас есть частица добра, и в лучших из нас есть частица зла»¹. Считать человека бесконечно злым — значит незаслуженно клеветать на него. Считать человека бесконечно добрым — значит откровенно льстить ему. Должное ему воздается тогда, когда признается в человеке и то, и другое.

Философия ненасилия признает двойственность души человека. Но она всегда делает ставку на доброе, «божеское» начало в человеке. И человек в своей жизни должен стремиться открыть в себе это начало и усилить его, ибо только в приближении к этому доброму началу и заключается истинная жизнь человека.

Философия ненасилия рассматривает человечество как единое и неразобценное, где люди равны в своем достоинстве и праве на уважение. «Все живые существа суть одно»². Человечество — единый огромный механизм, клеточкой, элементом которого является отдельный человек. В этом организме все взаимосвязано, и события, происходящие с одним человеком или народом, прямо или косвенно отразятся на другом человеке или народе.

¹ Гусейнов А. А. Понятие насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 37.

² Девяткин С. Д. Искусство сатяграхи // Опыт ненасилия в 20 столетии. Социально-этические очерки. М.: Аслан, 1996. С. 58.

Ненасилие – это метод активного противодействия злу. Ненасилие решительно отвергает пассивность и подчинение всем формам несправедливости. Ненасилие стремится к тому, чтобы преодолеть несправедливость как в сознании людей, так и в их структурах, и к тому, чтобы принести освобождение как тем, кто страдает от нее, так и тем, кто в первую очередь несет за нее ответственность. Так что его цель заключается не в достижении победы над противником или врагом, но в преодолении несправедливости, в решении конфликтов и посредством этого создания условий для всех.

В учении о ненасилии логика морали конвертируется в логику массового социального действия. Этим и оригинальна этика ненасилия. В своей прикладной части она представляет собой метод социально-практических действий по конструктивному разрешению возникающих в обществе проблем внешнего и внутреннего свойства. Этика ненасилия задает идейную основу для применения моральных принципов к социальной практике и нравственного обеспечения усилий по преобразованию общественной жизни, продуктивному социальному взаимодействию между людьми, имеющими разные интересы и придерживающимися различных взглядов. В этом состоит ее непреходящее значение.

Таким образом, этика ненасилия исходит из уникальности человека и провозглашает человеческую жизнь в качестве высшей ценности.

А. В. Колмакова*

Категория «жизни» в биоэтике

XX век вошел в историю этики как век коренных переворотов в понимании ее предмета и методологии. Изменился взгляд на традиционные проблемы этики и способы интерпретации классических категорий, а также были сформулированы новые проблемы. Начиная с 60-х годов XX века возникает прикладная этика как совокупность различных этических дисциплин – биоэтики, экоэтики, этики бизнеса, политической этики, профессиональной этики, этики науки и многих других. Ее появление связывают с развитием новых технологий, применение которых рождает практические ситуации, требующие этического разрешения. Именно ее можно считать ведущим направлением этических исследований уже в XXI веке.

По мнению зарубежных исследователей, толчком к возникновению и развитию всей прикладной этики послужила биомедицинская этика, потому что она и стала наиболее развитой и разработанной ее частью. Четко определенных критериев для разграничения круга проблем биомедицинской этики нет. Можно отметить, что все эти исследования направлены на решение вопросов о праве человека на жизнь и праве человека на смерть.

Для решения задач, стоящих перед биоэтикой, ей необходимо находить некоторое новое понимание или оттенки смыслов уже не раз определенных категорий. (В таком понимании биоэтика – совершенно новый, может быть, самый глубинный пласт философской антропологии и этики, настолько специфичный, что, по мнению Л. В. Коноваловой, мог бы претендовать на статус особой «методологии» решения метафизических проблем человека.)

«Жизнь» – одно из центральных понятий для биомедицинской этики. Именно с этой категорией мы встречаемся каждый раз, когда пытаемся решить какую-либо биоэтическую дилемму. Категория жизни высвечивается через анализ эвтаназии и аборта с точки зрения биомедицинской этики.

* **Анна Викторовна Колмакова** – соискатель кафедры этики, эстетики теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

При исследовании проблем эвтаназии, с определенной долей условности, мы можем рассматривать «право на смерть» как особый случай «права на жизнь». Если раньше жизнь считалась высшей ценностью, то теперь вопрос ставится иначе: всякая ли жизнь предпочтительнее смерти? Современная медицина может длительное время поддерживать состояние хронической болезни. Но страдания, испытываемые в это время, кажутся многим людям бессмысленными. Живет ли человек в это время, или постепенно умирает? Смерть в таком случае – избавление от страданий или убийство?

В биоэтических дискуссиях об эвтаназии встает вопрос о том, что значит быть «живым» человеком? Такие атрибуты жизни, как здоровье, деятельность отдельных органов и функционирование мозга, не могут служить полным определением понятия жизни человека. Ибо биологическая жизнь не имеет качества жизни личности. И, в таком случае, право на смерть – это забота о достоинстве личности.

Вокруг проблемы аборта в биоэтической литературе сложились две противоположные точки зрения. По мнению одних, аборт – это интимная проблема женщины. Другие считают аборт сложнейшей этической проблемой, так как женщина сталкивается с проблемой морального выбора: жизнь или смерть будущего человека. Основной аргумент «против» аборт: зародыш является живым существом. Он имеет право на жизнь. Следовательно, аборт – это убийство и его надо запретить.

Однако существует разница между убийством человека и лишением жизни не родившегося плода. Если беременность опасна для жизни и здоровья матери, аборт будет спасением жизни матери за счет лишения жизни плода. Если есть большая вероятность того, что ребенок может появиться на свет неизлечимо больным, обреченным на страдания и смерть, будет ли аборт – лишением «жизни»? Дебаты вокруг проблемы аборта продолжаются. При их решении мы вновь сталкиваемся с понятиями «живое существо» и «жизнь человека», которые требуют нового определения.

Дискуссии по поводу проблем биомедицинской этики не утихают. Предлагаются новые решения, и вновь критикуются и оспариваются. Однако сегодня стало уже несомненным то, что их адекватное решение невозможно без этико-философского анализа.

А. Г. Кислов*

Коммуникативный аспект аргументации и современная логика

1 Покажем, что идея частичного описания возможных миров, т. е. идея модельных (или хинтиковских) множеств¹, не только значительно упрощает метатеоретическую работу, не только позволяет формулировать теорию квантификации без экзистенциальных допущений, и вообще – давать различные интерпретации кванторам, привлекая в структуру логики эффекты реального языка, не только несет некоторую философскую нагрузку, например, способствует обобщению витгенштейновской образной точки зрения на функционирование языка, но и помогает развивать классификацию и анализ различных сценариев аргументационной деятельности. Таким образом, мы поддержим встречающуюся в литературе² точку зрения, что процедуры поиска моделей – эффективный способ анализа некоторых аспектов процесса аргументации.

2. Ценность идеи модельных множеств, кроме прочего, в том, что в процессе соответствующего построения сравнительно легко продемонстрировать либо выполнимость предложения F , встроив его в такое множество, т. е. $F \in \mu$, либо невыполнимость, т. е. $F \notin \mu$, ибо все попытки построить модельное множество, содержащее F , потерпели неудачу (нарушили требование непротиворечивости модельных множеств), также можно поступить с отрицанием предложения, т. е. $\sim F$. Таким образом, относительно каждого предложения F объектного языка можно определить следующие металогические характеристики:

* **Алексей Геннадьевич Кислов** – канд. филос. наук, доцент кафедры онтологии и теории познания УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ См., например: *Хинтика Я.* Логика в философии – философия логики // *Хинтика Я.* Логико-эпистемологические исследования. М., 1980. С. 35–67.

² *Антонова О. А.* Табличный метод как модель описания процесса аргументации // *Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: Материалы VIII Общероссийской научной конференции.* 24–26 июня 2004 г. СПб., 2004. С. 147–148.

- фактуальное предложение, т. е. $F \in \mu$ и $\sim F \in \mu'$;
- общезначимое предложение, т. е. $F \in \mu$ и $\sim F \notin \mu'$;
- противоречивое предложение, т. е. $F \notin \mu$ и $\sim F \in \mu'$;
- парадоксальное предложение, т. е. $F \notin \mu$ и $\sim F \notin \mu'$.

Последний случай характерен для логических систем, не обладающих полнотой, когда, в отличие от, например, классических пропозициональной или первопорядковой логик, общезначимость предложения неконструктивно обосновывать лишь посредством невыполнимости его отрицания, таковы некоторые прикладные логические системы.

3. В коммуникативной по своей природе аргументационной деятельности определяющей является система предложений, принимаемых или отвергаемых в результате диалога. Мы вполне осознаем известные формальность и недостаточность редукции процесса аргументации в пользу принятия некоторого предложения к построению содержащего его модельного множества, но предлагаем обратить внимание и на определенные достоинства этого подхода. Так, например, существует возможность определить особого рода аргументационные пропозициональные установки, интерпретация которых существенно зависит от характера коммуникации. Если учесть, что у субъекта аргументации, выдвигающего тезис, и его оппонента может быть как конструктивная (построение модельного множества для предложения), так и косвенная, критическая позиция (демонстрация невозможности встроить предложение в модельное множество), а также, что у оппонента может отсутствовать (по разным содержательным причинам – невозможность демонстрации, сложность проблемы, его некомпетентность или иная коммуникативная пассивность) подобная деятельность в коммуникации, то осуществимы несколько сценариев процесса аргументации с активным субъектом аргументации:

№ п/п	Внешняя ³ металогическая характеристика предложения ⁴	Деятельность субъекта аргументации	Деятельность оппонента	Результат аргументационной деятельности ⁵
1	2	3	4	5
1	фактуальное	$F \in \mu$	$\sim F \in \mu$	нейтрально, что F
2		$F \in \mu$	-	неопровержимо, что F

Окончание табл. см. на след. стр.

³ Сложный и не имеющий окончательного решения вопрос о точках зрения внешнего и внутреннего субъектов рассматривается нами аналогично некоторым прагматически окрашенным семантикам для эпистемических логик. См., например: Герасимова И.А. Логический анализ рас-

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
3	общезначимое	$F \in \mu$	-	неопровержимо, что F
4		$\sim F \notin \mu$	-	противоречиво, что $\sim F$
5		$F \in \mu, \sim F \notin \mu$	-	доказано, что F
6	противоречивое	-	$\sim F \notin \mu$	неопровержимо, что $\sim F$
7		-	$F \notin \mu$	противоречиво, что F
8		-	$\sim F \in \mu, F \notin \mu$	доказано, что $\sim F$
9		-	-	не определено, что F
10	парадоксальное	$F \notin \mu$	$F \notin \mu$	парадоксально, что F
11		$\sim F \notin \mu$	-	противоречиво, что $\sim F$

4. Сделаем несколько замечаний относительно модельного представления аргументационных пропозициональных установок:

• Содержательная близость данных девяти пропозициональных установок с эпистемическими очевидна. Однако установка «аргументативно неопровержимо, что F » объединяет ситуации с логически фактуальным и общезначимым предложением, но в разных сценариях коммуникации. В случае № 2 оппонент мог возразить, представив модель для антитезиса, но не сделал этого, а в случае № 3 возможности возразить не было, результат же аргументационной деятельности (степень принятия предложения) оказался одинаковым. Сходная ситуация в случаях № 4 и № 11, коммуникативная пассивность оппонента делает аргументативно неразличимыми логически общезначимые и парадоксальные предложения.

• Представляется, что степень принятия предложения в аргументации дает нам некоторый частичный порядок. Так, например, трудно однозначно ответить, что в большей степени поддерживает принятие предложения F , демонстрация его аргументативной нейт-

суждений на основании личностных знаний // Синтаксические и семантические исследования неэкстенциональных логик. М, 1989. С. 50–66.

⁴ См., например, для сравнения идейно близкую, но существенно отличающуюся в техническом исполнении, семантическую позицию: Финн В. К. Об одном варианте логики аргументации // НТИ. Сер. 2. 1996. № 5–6. С. 3–19.

⁵ Подобрать бесспорные словесное выражение аргументационных пропозициональных установок нам не удалось, мы обошлись терминами, известными из логико-эпистемических исследований. Для большей определенности можно читать их следующим образом: «аргументативно нейтрально, что ...», «аргументативно неопровержимо, что ...» и т. д.

ральности или же соответствующей противоречивости $\sim F$ (при возможной парадоксальности самого F). Вопрос «силы» аргументационных пропозициональных установок требует своего удовлетворительного логико-семантического решения.

- Идея коммуникативно ориентированной интерпретации пропозициональных установок, на наш взгляд, может быть обобщена и на современные исследования в области неклассических логик⁶. Более того, кажется, что возможность такого обобщения, благодаря его естественности, с самого начала присутствовала в большинстве «околосодержательных» оправданий неклассических способов рассуждения. Таким образом, крайне интересно и перспективно взглянуть на феномен деуниверсализации классической логики с точки зрения именно аргументационной проблематики.

- Представленные сценарии аргументационной деятельности отображают далеко не все возможности данного подхода. С субъекта аргументации стоит снять «презумпцию активности», что значительно усложнит классификацию аргументационных пропозициональных установок. Также, кроме активного и пассивного поведения участников коммуникации, следует учитывать возможности реактивного и негативно-реактивного поведения⁷.

⁶ Эффект того, что особенности обмена информацией между системами с классической логикой могут породить неклассическую структуру, обсуждался нами в: *Кислов А. Г.* Естественная системная интерпретация одного двумерного интуиционистского исчисления // *Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса* (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. М., 2005. Т. 1. С. 512–513.

⁷ См., например: *Дружинин В. Н.* Логико-системный подход к внешнему описанию поведения // *Математическая психология: методология, теория, модели*. М., 1985.

А. А. Собанцев*

Лингвистическое значение как ценность: аксиология и лингвистика как основа для изучения современного социального полилога

В ситуации современной культурной, политической и лингвистической полиглоссии актуальным становится вопрос не только о том, какие значения придавать словам повседневного языка, но и какие смыслы вкладывать в них.

В данной статье будет представлена точка зрения на лингвистическое значение как аксиологическую ценность для возможного анализа ситуации современного дискурса в политически и культурно ориентированных диалогах.

Лингвистика, как дисциплина, имеющая собственную аксиоматику и, вероятно, общую структуру с аксиологией, предоставляет возможность для интерпретации термина «лингвистическое значение» в контексте науки о ценностях. Эта возможность строится на предположении, что лингвистическое значение имеет происхождение, аналогичное происхождению аксиологической ценности. Последняя является внутренним свойством вещи: ценность определенного вида является «внутренней», что означает просто, что вопрос, обладает ли вещь ею и в какой степени, зависит исключительно от внутренней природы рассматриваемой вещи [См.: Moore G.E. The conception of intrinsic value. *Philosophical Studies*, 1922. (перевод наш – А. С.)].

Если применить к рассмотрению данного вопроса взгляд на проблему ценности отечественного мыслителя, написавшего свою работу примерно в тот же период, что и Мур – на Западе, то возможно провести сравнение между точками зрения двух культур. «Значение и смысл есть *идеальный* аспект ценности» [Лосский Н. О., Основные свойства ценности // Он же, Бог и мировое зло / Сост. А. П. Поляков, П. В. Алексеев, А. А. Яковлев. М.:

* *Александр Александрович Собанцев* – магистрант 1-го года обучения философского факультета УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Республика, 1994. С. 286]. Здесь присутствует явная аналогия между значением и смыслом в языке. Хотя, с другой стороны, ценность, как понятие, ассоциируется с тем, что имеет определенную цену.

Оценивающая способность субъекта аксиологических отношений стала в центре внимания одного из известных испанских мыслителей XX века. Х. Ортега и Гассет говорит, что ценность это ирреальное качество, которое не составляет часть физических компонентов объекта [См.: Ortega y Gasset J. *Introducciyn a una Estimativa* // Ortega y Gasset J. *Obras completas*. Tomo VI (1941–1946) y *brindis y prylogos*. Segunda ediciyn. Revista de Occidente, Madrid, 1952. С. 328. (перевод наш – А. С.)]. Развивая эту мысль, испанский философ далее утверждает: ценности суть особый род идеальных объектов, который принадлежит реальным объектам или вещам, как качества *sui generis* (курсив автора) [См. там же, С. 330]. Они невидимы для глаза, а потому необходимо различать вещи, которые суть реальности, и ценности, которые суть виртуальности [См. там же]. Также он вводит понятие науки об оценивании: оценивание, или наука о ценностях... будет системой очевидных, неизменных истин, как и математика [См. там же. С. 331].

В рамках идеал-реализма Лосского его рассуждение строится по схеме, которая ведет к выводу о том, что «...всякая ценность или полна идеальна, или, по крайней мере, заключает в себе идеальный аспект... Если ценное бытие есть бытие реальное, то соответствующая ценность идеально-реальна...» [Лосский Н. О. Указ. соч. С. 286–287]. Лосский ведет критику аксиологического релятивизма, который имеет своей причиной неорганическое миропонимание.

Применяя этот тезис к современной ситуации лингвистического сообщества, можно сказать, что имеет место не аксиологический релятивизм, а, скорее, аксиологический буквализм речи. Он ведет к тому, что язык в современных диалогах политики, субкультур, общества в целом резко контрастирует со своим содержанием. Последнее призвано отражать ценности, то есть смыслы, которые вкладываются в обещания политических партий, лозунги общественных движений, и т. д. Для прояснения, выделения из речи общества содержания необходим анализ языка современности. Но анализ языка должен начинаться с разбора языковых единиц, то есть начального уровня смыслового контекста полилога.

Для этого необходимо рассмотреть данные понятия с точки зрения языкознания. Лингвистическая ценность есть «семиологические свойства языковых элементов (единиц), создаваемые (конструируемые) упорядоченным (системным) отношением между

означающим и означаемым» [Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов*. 3-е изд., стереотипное. М.: КомКнига, 2005. С. 510]. Необходимо отметить, что семиологические свойства служат «для различения... между отдельными единицами языка...» [Там же. С. 402]. То есть имеется в виду, что все языковые единицы, «которые... обладают определенным, закрепленным за ними значением, – согласно тому же словарю, к ним – относятся слово, словосочетание, фразеологическая единица» [Там же. С. 146], – равноценны.

В этой связи созвучными оказываются высказывания Л. Витгенштейна о том, что «все предложения равноценны» [Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат* // Он же. *Философские работы*: Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Изд-во «Гнозис», 1994. Ч. I. С. 70]. Но для того, чтобы обозначить предмет диалога, или полилога в современной ситуации культурного многоязычия, необходимо, чтобы один термин не подменял другой, точно так же, когда необходимо отличать одну ценность от другой. Это связано, – как говорит Мур, – с тем, что *невозможно* для того, что является строго одной и той же вещью, чтобы она обладала такой ценностью в одном случае, или в одном наборе обстоятельств, и *не* обладала ею в другом; и одинаково невозможно для нее, чтобы она обладала этой ценностью в одной степени в одном случае, или в одном наборе обстоятельств, и обладала ею в отличной степени в другом случае, или в другом наборе обстоятельств (курсив автора) [См. там же]. Таким образом, возможность «языковых игр», в особенности в политическом полилоге, может быть ограничена применением данного правила к речи лингвистического сообщества, которое употребляет терминологию некорректно.

Современный взгляд на проблемы языка после т. н. «лингвистического поворота» характеризуется различными подходами. Некоторые зарубежные и отечественные исследователи философии языка отмечают, что лидирующим подходом в этой области с конца XX в. является подход аналитической философии [См., напр. Грязнов А. Ф. *Аналитическая философия: становление и развитие* // *Аналитическая философия: Становление и развитие (антология)*: Пер. с англ., нем. М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-Традиция, 1998]. Это говорит о том, что необходим анализ языка современности, поскольку разбор современных интерпретаций общеизвестных понятий позволит сделать современную ситуацию политического, культурного и, прежде всего, лингвистического многоголосия более ясной для критики и решения проблем во всех этих сферах.

Раздел второй

Социально-психологические условия и механизмы реализации ценности личности в повседневности

Социально-психологические факторы реализации ценности личности в повседневности

Научное понятие «ценность» широко используется не только в аксиологии, философском учении о природе ценностей, их месте в реальности, о их структуре и связи различных ценностей между собой, но также в социальной психологии при исследовании влияния социальных факторов на формирование структуры личности. Социально-историческая обусловленность ценностей формируется социальным и культурным значением определенных явлений действительности. По существу, все многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений может выступать в качестве «предметных ценностей», т. е. объектов ценностного отношения. Способы и критерии, на основании которых производятся сами процедуры оценивания соответствующих явлений, закрепляются в общественном сознании и культуре как «субъективные ценности», выступая ориентирами деятельности человека. К ним относятся установки и оценки, императивы и запреты, цели и проекты, выраженные в форме нормативных представлений, и др. Ценностные ориентиры определяют нравственные позиции личности, политические, религиозные, эстетические предпочтения и выборы. Социальные ценности, преломляясь через призму индивидуальной жизнедеятельности, входят в психологическую структуру личности. Каждой личности присуща специфическая иерархия этих ценностей, которые выступают связующим звеном между культурой общества и духовным миром личности, между общественным и индивидуальным бытием.

Проблема ценностей в предельно широком смысле неизбежно возникает в эпохи обесценивания культурных традиций и расша-

* **Кира Степановна Романова** — канд. философ. наук, доцент, ст. научный сотрудник отдела социологии ИфиП УрО РАН (г. Екатеринбург).

тывания идеологических устоев общества. Как пишет В. Г. Федотова, весь мир сегодня находится в состоянии ценностных изменений. Индивидуализация без производства индивидуальности и личности, изменение стилей жизни, изменение надежности знания и его направленности, конфликты идентичностей, господство массовой культуры становятся более важными для Запада процессами, чем постиндустриализм и глобализация, даже если именно они стали источниками этих новых изменений. Предельное одиночество и психологическая апатия творческой личности, сворачивают все созидательные интенции во внутренний мир из-за отсутствия социальной сцены, где было бы нужно что-то, кроме товаров и изделий, товарных марок и знаков престижного потребления.

Подобные изменения в полной мере касаются и России, пережившей эпоху посткоммунистических трансформаций. Утрата человеком контроля над социальными процессами, изменения характера и структуры труда, не имеющих связи ни с прошлым, ни со структурами индустриальной эпохи, ситуация неопределенности, в которой происходит потеря норм и ценностей, неспособность человека к планированию и достижению долговременных целей, жизненных стратегий проявляются в российском обществе так же, как и на Западе.

Откуда сходство ценностных сдвигов, если процессы развития осуществлялись в разных экономических условиях? Россия не достигла уровня постиндустриальной страны, но переняла многие внешние манеры и стили жизни. Она переняла пороки западной цивилизации еще до того, как освоила ее достижения. «Факторами сходных ценностных изменений в России и на Западе является либертаризм, произведенный на Западе технологической, а в России политической революциями и глобализацией посредством распространения идей товарного мира через неолиберализм и массовую культуру, а также американская массовая культура как часть «мягкой мощи» США в условиях отсутствия собственной». [См.: Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 14–52.]

Изменение ценностей оказало воздействие на отношения людей, которые стали носить скорее суррогатный характер в сравнении с предшествующим историческим временем. В первую очередь это сказалось на институте нуклеарной семьи. Широкое распространение так называемого гражданского брака свидетельст-

вует об этом. Мало кто из молодых людей сегодня может надеяться на долговременность этих отношений, и тем более их сохранность в течение жизни, не только во времена радости, но и бед. Эти отношения стали потребительскими, утратив нравственную основу, приобрели черты безответственности и корысти.

Личностные ценности отражаются в сознании в форме ценностных ориентаций, которые включают в себя также широкий круг социальных ценностей, признаваемых личностью, но не всегда принимаемых ею в качестве собственных жизненных целей и принципов. Поэтому возможно как неадекватное отражение личностных ценностей в сознании, так и ориентация в плане сознания на ценности, которые не являются реальными ориентирами в жизнедеятельности личности. В настоящее время источником омасовления являются СМИ, телевидение, с характерными для них стандартизированными формами превращения любой проблемы, действительно заботящей людей, в товар и развлечение. К примеру, обсуждаемые и рекламируемые как образцы гламура стандарты жизни обитателей Рублевки или «поп-звезд» включают, по образцу западного общества, такие «главные» ценностные ориентации для девушек этой среды, как: найти мужчину-кошелек, увеличить размер груди или бросить все силы на борьбу с целлюлитом. Для мужчин как бы доминирующими проблемами являются увеличение размеров пениса, борьба с импотенцией и приобретение автомашины модной модели как утверждение своего мужского достоинства и имиджа. Ежедневное внедрение в сознание людей, особенно молодых, подобных ценностей умаляет их человеческое и личностное достоинство, с помощью блеска ценных (дорогостоящих) «игрушек» для взрослых дезориентируя их в понимании разницы между ценой и ценностью. Публичное вытеснило персональное, частное вытеснило публичное и социальное, превратив ценности в рыночные предметы, обозначив их цену.

Социально значимые ценности рассредоточиваются по разным слоям общества, формируя различные повседневные реальности. Повседневность – это единственная всеобщая реальность. С помощью различных социальных институтов технологий и методов создается культурное многообразие, которое является в сегодняшнем мире естественным и неизбежным. Мультикультурализм выступает не просто как констатация этого многообразия, а как политика, направленная на поддержание разделительных линий

и изгоняющая общее из многообразия, превращая личность не в индивидуальность, а индивидуалиста.

Экономика повседневной жизни основана на постоянном обмене унижениями и агрессивном отношении друг к другу членов сообщества, в условиях перманентного соперничества и конкуренции как объективного условия выживания. Она скрывает в себе технику износа духовного, обладающую даром разрушения личности. Центральной проблемой расщепившегося индивидуализированного общества становится одиночество, не как психологическая проблема, а как социальная, отражающая потерю социальных связей, социальных ценностей и норм.

Механизмы реализации ценности личности в повседневности

Общество – продукт человеческих действий, искусственное, созданное людьми явление, т. е. культурный продукт. Поэтому к изучению общества нужно подходить как к изучению культурных продуктов. Именно культурные продукты концентрируют в себе и длительно презентуют характерные черты своего времени. Значительная часть культурных продуктов – артефакты, как имеющие особую ценность, наполняют музейные хранилища, выражая тем самым отношение общества к человеческим ценностям. Для истории и археологии раскопки, например, – это такой же текст, как и текст летописи, равно как и другие материальные носители следов прошлой культуры. В самом общем виде историю всего того, чего касалась рука человека, можно сформулировать как следующий принцип или закономерность: предметы, субстанции, явления, к которым прилагает свою проектную, преобразующую мир энергию человек, проходят постепенный процесс «охудожествления», т. е. приобретения эстетических качеств. Жилище становится архитектурой, бытовые предметы – прикладным или декоративным искусством¹.

Дизайнеры и художники-прикладники (специалисты по созданию вещей) через воздействие на вещи стремятся изменить окружающее по своим представлениям, по законам гармонии, игры. Они в своих стремлениях к переменам несколько аномальны для общества, всегда пытающегося сохранить стабильную неизменность. Но духовная жизнь человека все равно стремится к презентации в материальном объекте, в нем выражается и фиксируется. Явления дизайна (как деятельности и результата этой дея-

* *Ольга Леонидовна Козловская* – ст. преподаватель кафедры графики, начертательной геометрии и дизайна Тюменского нефтегазового университета (г. Тюмень).

¹ *Воронов Н. В.* Дизайн: русская версия / Под ред. Г. В. Вершинина. М.: Тюмень, 2003. С. 13.

тельности) – есть феномены реализации духовного поиска в вещном мире².

Для каждой эпохи прослойка необычных явлений в обществе может быть выявлена и дифференцирована именно в артефактах различного уровня – несущих на себе черты эпохи и определяющих стили в искусстве. Артефакты сегодня сохраняются в музеях, являются объектами коллекционирования. Они элитны – их отличает отпечаток высокой духовности, их немного по отношению к массе вещей данной эпохи в целом. Но мы воспринимаем их более одухотворенную сущность по сравнению с общей массой предметов. Они – свидетели прошлой культуры общества, либо участники определенных обрядов, атрибуты культа, либо предметы, маркирующие особую среду обитания человека – театра, вернисажа, офиса – мирского священнодействия; либо их создатель заложил в них при создании некую философскую идею, которую предложил с целью открытия нового пути деятельности (таковы произведения искусств, материальные атрибуты духовного учения). Как пишет П. Медведев, «мировоззрения, верования, даже зыбкие идеологические настроения становятся идеологической действительностью только осуществляясь в словах, в действиях, в одежде, в манерах, в организациях людей и вещей, одним словом, в каком-либо определенном знаковом материале»³.

Художественная традиция наиболее явно выражает тенденции развития общественного мышления во времени, поэтому может служить иллюстрацией процессов, воздействующих на объекты презентации. А. Богдановым предложены 4 формы художественной традиции, имеющие самостоятельное значение в различное историческое время:

1. Народная художественная культура – содержание большой художественной формы: порядка мира, способа структурирования природных явлений и социальных отношений. Основа – мифологическое мышление, коллективное сознание, искусство определено тождественностью сознания и природы, целесообразностью взаимоотношений, функциональным состоянием материальной природы. Композиционные принципы – закономерность изображения

² Социология массовой коммуникации: Учебник для вузов / Л. Н. Федотова. СПб.: Питер, 2003. С. 243

³ *Медведев П.* Формальный метод в литературоведении; критическое введение в социологическую поэтику. С. 243.

(симметрия, стратиграфия, графическое перцептивное пространство) и формы (назначение, материал, технология изготовления, функция сакральной защиты) и их связи.

2. Конфессиональная художественная традиция – форма, состоящая из тождественных предмета и объекта познания. В различных конфессиях наполняется чертами уникального выражения: событийно-сюжетными в католичестве и фронтально-портретными в православии.

3. Светское искусство – основное содержание формы определено не порядком (космоцентризм), а объектом (антропоцентризм), состоящим из суммы целей искусства: частью малого, вмещающего большое; исследованием места, роли в системе образного знания. Основа искусства – сюжетно-образное мышление, индивидуальное сознание.

4. Авангард – идея инсталляции искусства. Форма художественного процесса – самопорождение и самопроизводство художественной формы. Средства искусства – как цель художественного процесса. Основа – социохудожественный эстетизм мышления, монизм предметной абстракции, ассоциативное художественное сознание, абсолютное совмещение цели и средств художественного мышления⁴.

С появлением тенденции к индивидуализации общества появляется особый вид преобразования мира – проектная культура, имеющая самоценность как для ее производителей, так и ее потребителей. В каждом последующем открытом пространстве культуры сохраняются и используются результаты предшествующих состояний, создавая ощущение участия в этом процессе проектирования. Проектная культура сегодня – это и реальность проектирования среды обитания, и концепция, определяющая направление проектных усилий, и система ценностей, питающих самосознание дизайнерского сообщества⁵.

Художники и дизайнеры, посвятившие свою жизнь только творению новой природы по законам высокого искусства, индивидуалисты, зачастую отгораживающиеся от общества, проповедуют свою особенность и самость своего Я. Но их затворничество кончается, как только рожденная новая вещь требует обнаружения.

⁴ Кошаев В. Б. Вопросы формирования понятий в науке о народном искусстве. Ижевск, 1998. 75 с., ил.

⁵ Воронов Н. В. Дизайн: русская версия.

В свидетели призываются сначала такие же творцы-философы, а затем и как можно большая часть общества. Праздник новой жизни может продолжаться до пресыщения, и даже раскаяния в содеянном (в зависимости от результата). Понимание же необходимости своей деятельности обществу заложено в человеке генетически, гений он или обыватель, человек – существо соборное. Эволюция всякого художника отражена в его текстах и может быть интерпретирована биографом самым разным образом. Биографами и соучастниками предлагается быть каждому, соприкасающемуся с этой культурой, поскольку артефакты составляют сегодня среду обитания всякого обывателя: искусство, реклама, одежда, оборудование, транспорт и архитектура, а также и сам стиль жизни и общения.

Разный уровень создания вещей обусловлен не только духовным уровнем создателя, но и уровнем использования предмета. В этом смысле любая вещь находит своего ценителя. Информация вступает в свои права как социальная ценность и посредник между вещью и потребителем. Фактор интереса к той или иной проблематике также становится двигателем нашего выбора, а вещь – манифестом этой проблематики⁶. На этот выбор влияет, не в последнюю очередь, дизайнер, работающий в сфере средств массовой коммуникации и рекламы. Но идеальная составляющая каждой вещи всегда требует оптимального насыщения объекта качествами добротности, экологичности, экономичности, большей или меньшей трансляционности ценностей общества. По каждому из этих качеств мы можем судить об уровне и эпохе ее создания.

Пространство обитания человека всегда социально. Оно воздействует на общество, как вообще все воздействует на все, находится во взаимосвязи, становится чем-то, будучи некоторым образом оформлено. Пространство не было бы собой, если бы не было разделенным и дифференцированным. Каждое время накладывает на пространство знаки, характерные для своего времени. На смену этнической культуре приходит национальная и массовая (постиндустриальная)⁷. Постмодернистское пространство становится симультанным. Подобное мировосприятие проявляется в избирательном искусстве начала XX века, оно основано на одно-

⁶ Федотова Л. Н. Социология массовой коммуникации: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2003.

⁷ Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М.: Высшая школа, 1978.

временном восприятии объекта с разных точек зрения. Симультанное восприятие позволяет объединить множество в одно и разъединить единое во множество. Возникает «тотальное искусство» – современная форма художественной активности, основанная на принципе ликвидации границ искусства. В этой пестрой мозаике невозможно выбрать нечто абсолютное. С сегодняшнее сознание человека пребывает в постоянном изменении, требуя постоянной смены впечатлений, обстановки, вещи принимают форму одноразовых, временных предметов⁸. Теряется ощущение надежности окружающего пространства, ибо оно в большой мере состоит из вещей, а вещи временны, причем чем дальше, тем более ограничены временем существования, часто созданы как одноразовые. Средства массовой коммуникации типизируют восприятие феноменов культуры, создавая массовые стандарты и образцы эстетических оценок⁹.

В противовес массовости в обществе образуются общности, цементируемые каким-либо интересом, ценностью, идеалом. Цивилизация становится имидж-ориентированной, разбивается на мелкие группово и личностно ориентированные субкультуры, за пределами которых для членов таких групп-племен нет почти ничего значимого. Вчерашняя жанровая определенность вещного мира инкорпорируется новыми жанрами, мимикрирует, симулируется и замешивается в «дигитальное пространство»¹⁰.

Мода – диктатор имиджа вещей, явление, отталкивающееся от обыденности, массовой одно-образности, порождена обществом в качестве гедонистического феномена, отрицает серые будни. Мода – одно из направлений деятельности дизайнера в области использования вещей, предлагает человеку более комфортные в экологическом, личностном и духовном смысле условия жизни. Если в момент своего возникновения мода была презентатором стиля, то со времени торжества постмодернизма, воздействия на общество принципа децентрации в постмодернистском искусстве на-

бирает силу постоянное воссоздание децентрированного сознания, неустойчивого «Я». В моде существует великое множество течений, из которых каждый человек может подобрать милые сердцу вещи и смешать всякие стили и направления. Новой особенностью этого явления можно назвать большую меру глобализации современной жизни, стирание региональных особенностей культуры, отторжение традиционных для региональной культуры духовных ценностей.

⁸ Воронов Н. В. Дизайн: русская версия / Под ред. Г. В. Вершинина. М.: Тюмень, 2003. С. 98.

⁹ Кошаев В. Б. Вопросы формирования понятий в науке о народном искусстве. Ижевск, 1998. 75 с., ил.

¹⁰ Оводова Н. С. (Ларионова Н. С.) Гипертекст как форма культуры. Явление «Homo digitalis» // В сб. Гуманитарий. История и общественные науки. Сборник научных трудов. Вып. 3. М.: МПГУ, 2002.

Ценности и организация индивидуального опыта

Формирование личностной структуры ценностей в процессе социализации является для человека процессом познания социального мира, при котором социальные ценности, выступающие как некоторые общественные идеалы, выработанные общественным сознанием, усваиваются индивидом в процессе социализации и образуют ценностные структуры личности, т. е. превращаются в личностные ценности (Асмолов А. Г., 1996). Личностные ценности выступают для индивида основаниями построения индивидуального образа мира, определяют главные и относительно постоянные отношения человека к другим людям и к самому себе (Андреева Г. М., 2000).

Двойственный характер системы ценностей, определяемый одновременно индивидуальным и социальным опытом, ведет к рассмотрению ценностей и как элементов когнитивной структуры личности, и как элементов ее мотивационно-потребностной сферы.

Так как в качестве интегратора когнитивной и аффективной сфер выступает, с точки зрения модели интегрированной индивидуальности Д. Уорделла и Дж. Ройса, стилевая система, то можно предположить, что способы организации индивидуального опыта (стили) оказывают влияние и на особенности формирования и функционирования ценностной системы человека. Способ протекания интеллектуальной деятельности человека, т. е. его когнитивные стили (более или менее устойчивые способы применения познавательных навыков, определяющие познание как физического, так и социального миров), с нашей точки зрения, в наибольшей степени определяют характер конструирования и интерпретации человеком самого себя и окружающего мира.

* **Евгения Викторовна Федорова** – канд. психол. наук, доцент факультета социальной психологии, зав. лабораторией психологического практикума Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Особенное место в организации индивидуального опыта играет такой когнитивный стиль, как когнитивная сложность, отражающая степень дифференцированности сознания индивида и способствующая сортировке впечатлений о действительности.

Для проверки предположения о том, что существует связь между ценностями и способами организации индивидуального опыта, нами было проведено эмпирическое исследование.

Для определения степени когнитивной сложности личности использовались две переменные: «мера дифференцированности» и «предметная эффективность». Для определения меры дифференцированности индивидуальных конструктов использовалась методика «Репертуарные решетки» Дж. Келли. Переменная «предметная эффективность», характеризующая уровень развития способности соотносить и связывать элементы опыта, фиксировалась при помощи показателя способности оперировать разнородными признаками понятий в процессе раскрытия их содержания (методика М. А. Холодной), а также показателя, характеризующего способность применять разнообразные стратегии семантизации при описании неопределенных геометрических фигур (методика Е. Ю. Артемьевой). Для выявления ценностей использовалась методика Ш. Шварца и У. Билски. Ценности в концепции Ш. Шварца и У. Билски рассматриваются как представления о целях, которые служат основными руководящими принципами в жизни человека, выступая как критерии, по которым человек строит свое отношение к миру, включая отношение к самому себе.

Всего в исследовании приняло участие 220 человек. Выборка была уравновешена по полу, возрасту и уровню образования.

В результате кластерного анализа выделились 4 группы испытуемых.

Группа «недифференцированных» (когнитивно простых) испытуемых характеризуется низкой степенью когнитивной сложности (когнитивной простотой) и низкой предметной эффективностью. Для данной группы испытуемых свойственна глобальная форма организации их опыта. Группа «компартиментализаторов» имеет высокую степень когнитивной сложности и низкую – предметной эффективности. Это испытуемые с большим числом субъективных измерений и категорий оценки собственного опыта, слабо либо вообще не связанных между собой. Группа «обобщающих» испытуемых обладает низким уровнем когнитивной сложности и высоким – предметной эффективности. Опыт этих испытуемых со-

держит иерархию разнообобщенных категорий, образующих достаточно сложноорганизованную категориальную систему, в рамках которой они легко устанавливают связи между частными конструктами на основе их обобщения. Группа «многомерных» (когнитивно сложных) испытуемых. Эта группа характеризуется когнитивной сложностью и предметной эффективностью. Эти испытуемые имеют множество разнокачественных субъективных измерений с разнообразными и вариативными связями между ними.

Ценности испытуемых внутри каждой группы были подвергнуты факторному анализу по методу главных компонент с целью выявления основных мотивационных типов, которые образуются ценностями личности и определяют направленность конкретных действий индивида и его жизнедеятельность.

В субгруппе «многомерные» основным мотивационным типом оказалась саморегуляция. Мотивационная цель – независимые мысли и действия (выбор, творчество, исследование), диктуемые потребностью индивида быть автономным и независимым. *Эта цель соответствует ценностям изменения.*

В субгруппе «компартиментализаторы» – традиция. Мотивационная цель – уважение и поддержание обычаев, принятие и признание идей, существующих в определенной культуре и религии. Традиционное поведение становится символом солидарности группы, выражением уникальности ее мира и предполагаемыми гарантом ее выживания. *Эта цель соответствует ценностям сохранения.*

В субгруппе «обобщающие» – универсализм. Мотивационная цель – понимание, признательность, терпимость и поддержание благополучия всех людей и природы, реализация мотивационной цели этого блока обеспечивает возможность удовлетворения всех универсальных потребностей. *Эта цель соответствует ценностям самопреодоления.*

В субгруппе «недифференцированные» – безопасность. Мотивационная цель – стабильность, безопасность и гармония общества, семьи и самого индивида. *Эта цель соответствует ценностям сохранения.*

Ценности традиции и безопасности выражают интересы группы, ценности саморегуляции выражают интересы отдельного индивида. Ценности универсализма выражают как интересы группы, так и интересы индивида.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Низкий уровень развития способности соотносить и связывать элементы опыта напрямую связан со стремлением к сохранению традиций, защитой стабильности и неизменности общества.

2. Высокий уровень развития способности соотносить и связывать элементы опыта связан с ценностями личности опосредованно, через степень дифференцированности сознания индивида, которая способствует сортировке впечатлений о действительности.

3. При наличии гибких связей между элементами опыта индивида высокая степень дифференцированности сознания связана со стремлением к изменению личности, а низкая степень дифференцированности сознания связана со стремлением к гармоничному существованию во внешнем мире, к равновесию между индивидуальными и групповыми интересами.

Проблема реализации ценности одаренной личности в макро- и микросреде

В современной действительности ценность одаренной личности неоспорима. Современное общество требует от человека неординарности, творчества, социальной зрелости и способности к самореализации. Эти качества являются неотъемлемыми характеристиками одаренной личности – и ребенка, и взрослого.

Но процесс реализации ценности одаренной личности не всегда осуществляется гладко. Данную проблему ярко демонстрирует тот факт, что процент одаренных детей на несколько порядков выше процента одаренных взрослых людей. С одной стороны, это может быть связано с различным подходом к оценке детской и взрослой одаренности. Когда оценивается одаренность ребенка, внимание обращается на любые ее проявления, предполагается *потенциальная* одаренность. Но критерии оценки взрослых одаренных людей гораздо жестче. Одаренным взрослым считается человек, уже *реально* достигший более высокого, по сравнению с другими, уровня в той или иной конкретной области деятельности.

Тем не менее очевидно, что помимо различий в оценке одаренности существуют и иные факторы, осложняющие процесс реализации одаренной личности и ее ценности.

Одаренная личность реализует собственную ценность в различных социальных группах. Эти группы можно разделить на две среды: макро- и микросреду (общество и семью). И та, и другая среды оказывают влияние на раскрытие, развитие и проявление одаренности личностью на различных этапах ее жизни.

* *Ксения Андреевна Курзова* – педагог дополнительного образования I категории, социальный педагог I категории, преподаватель кафедры общей и прикладной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Чаще всего именно родители первыми замечают одаренность ребенка. Зачастую это бывает сложно, так как каждый ребенок проявляет способности по-своему. Кроме того, существуют скрытые формы одаренности, которые родители попросту могут не заметить. Но одаренность требует внимания, и семья должна помочь и поддержать ребенка в начале развития его способностей и в их реализации.

Одаренный человек (как и любой другой), обращая внимание на реакции окружающих людей, оценивает себя, строит свое поведение, систему ценностей и устремлений. Исходя из этого, одаренная личность определенным образом реализует собственную ценность.

Существует несколько типов отношения семьи к одному из ее членов, обладающему одаренностью: негативное, игнорирующее и позитивное.

Негативное отношение. Семья не хочет причислять одного из своих членов к числу одаренных. Его называют «умником», строят препятствия для реализации его талантов. В таких семьях придерживаются стереотипного мнения, что быть одаренным значит быть ненормальным, не уметь найти места в жизни, быть несчастным.

Игнорирование – проявляется в отсутствии внимания к одаренности. Можно подразделить этот тип отношения на:

- Бессознательное – члены семьи не замечают проявлений талантливости в одном из них из-за невнимания друг к другу, низкой информированности о феномене одаренности и т. д.

- Осознанное – члены семьи знают, что один из них одарен, но не хотят, чтобы его таланты развивались и реализовывались, поскольку для них главное, чтобы человек был «нормальным», обычным продуктом своей среды. В таких семьях стараются вслух не обсуждать способности, таланты и успехи одаренного человека.

Игнорирующее отношение действует на одаренную личность еще более отрицательно, чем негативное. В случае негативного отношения человек знает, с чем ему бороться, он ощущает ценность того неотъемлемого «дара», которым он обладает. Когда же одаренность игнорируется, человек понимает, что он отличается от других, осознает свои отличия, но сталкивается с тем, что никто, кроме него, этого не видит. Безразличие снижает ценность одаренности для самого человека, он перестает бороться за право реализации своих способностей, одаренность либо угасает, либо

оказывает отрицательное влияние на личность (появляются неуверенность в себе, заниженная самооценка, страхи).

Позитивное отношение – это реакция принятия одаренности. Можно выделить несколько вариантов позитивного отношения семей к одаренной личности.

1. Гиперсоциализация. Члены семьи оценивают одаренность человека как нечто престижное, дающее возможность самоутверждения через выдающиеся способности своего близкого или реализации своих неосуществленных потенциальных возможностей (в наибольшей степени это касается детско-родительских отношений). Для таких членов семьи важнее всего результаты, которых добивается одаренный человек, возможность рассказать о них другим, престижность области, в которой проявляются его способности.

2. Акцентирование исключительности одаренной личности. Члены семьи воспринимают одаренного человека только через призму его одаренности, забывая о том, что он еще и человек. Если одаренность проявляется в какой-то специфической области, например музыкальной, семья стремится заполнить музыкой всю жизнь одаренной личности, что препятствует полноценному раскрытию других способностей, следовательно, осложняет реализацию ценности одаренной личности.

3. Безусловная любовь. Члены семьи ценят и любят самого человека, а не его таланты. Такое отношение способствует наиболее благоприятной реализации личности. У человека появляется ощущение безопасности, уверенности в себе, защищенности, своей значимости для близких и т. д. При этом семья всячески поддерживает одаренную личность, проявляет заинтересованность в ее начинаниях, искренне радуется достижениям и не осуждает неудачи.

Таким образом, микросреда оказывает огромное влияние на реализацию ценности одаренной личности. Но совершенно очевидно, что на человека оказывает влияние не только его ближайшее окружение, контактная группа, но и то общество, в котором он живет и развивается.

Во-первых, потребности и основные задачи общества в каждый конкретный период времени определяют то, какие именно виды одаренности будут востребованы и получают наилучшие условия для развития.

Во-вторых, отношение общества, общественное мнение, которое проявляется в виде стереотипов, предрассудков, установок,

искаженного и неточного восприятия, также оказывает колоссальное влияние на раскрытие и реализацию ценности одаренной личности. В обществе существует устойчивый стереотип, связанный с нежелательностью проявления признаков одаренности у человека. Гораздо более предпочтительной оказывается позиция человека между глупостью и умом, чем позиция преобладания ума и интеллекта. Отсюда появляются различные мифы о вреде раннего развития и попытки сделать ребенка таким, как все.

Очевидно, что одаренная личность должна крайне высоко цениться обществом, поскольку только интеллект и творчество способны обеспечить реализацию нового знания. Самой главной функцией одаренных людей в обществе является их участие в процессе порождения и реализации новых идей. Несмотря на это, в реальности мы можем наблюдать совершенно противоположную картину.

Люди с высоким интеллектом и творческими способностями далеко не всегда оказываются признанными в обществе. Часто общественное отношение к ним находится где-то между открытой враждебностью и полным безразличием. Они продуцируют нечто новое, а новое, как известно, всегда выступает отклонением от нормы, стандарта, шаблона поведения или мышления, вследствие чего воспринимается как аномалия, девиация.

Зачастую проявляется недоверчивое, вплоть до агрессивного, отношение к творчески одаренным людям (поэтам, певцам, композиторам, художникам и т. п.). Этим людям свойственно инакомыслие, а оно пугает тем, что способно нарушить общепринятые социальные нормы.

Все вышеописанные условия препятствуют полноценному раскрытию талантов одаренных людей, мешают одаренной личности выполнять свои социальные функции, тем самым осложняют процесс реализации ценности одаренной личности как в микро-, так и в макросреде.

Характерологический фактор в общей формуле жизненного успеха личности

Понятие успеха имеет ключевое значение для любого человека. В наше время общество предоставляет своим членам широкие перспективы достижения жизненного успеха, но также предъявляет и высокие требования для их реализации. За последнее десятилетие в нашей стране и за рубежом существенно возрос интерес к исследованию проблем счастья, смысла жизни и жизненного успеха (М. Аргайл, Б. С. Братусь, В. Т. Ганжин, И. А. Джидарьян, Д. А. Леонтьев, Н. Л. Карпова, А. В. Либин, А. В. Суворов, В. Э. Чудновский и др.). Не вызывает сомнений, что максимальная самореализация каждой личности, основанная на достижениях как в профессиональной, так и в личной сферах жизни, является важнейшим компонентом развития общества в целом.

Личностный успех выражается в достигнутом человеком уровне личностной зрелости, связанном с ощущением субъективного и семейного благополучия. Успех профессиональный отражается в степени творческого своеобразия конечного результата или продукта деятельности. Наконец, жизненный успех может быть достигнут как за счет одного из этих двух факторов, так и за счет наиболее оптимального сочетания личностного и профессионального компонентов.

В социально-психологическом исследовании проблемы жизненной успешности важное место занимает анализ взаимосвязи устойчивых личностных особенностей с параметрами жизненного успеха. Многими учеными подтверждено, что характерологический фактор оказывается существенным компонентом в общей формуле жизненного успеха личности. Опираясь на анализ теоретических данных, можно предположить связь конструкта жизненного успеха скорее с личностными предпосылками, чем с ситуа-

* *Татьяна Николаевна Серегина* – канд. психол. наук, доцент кафедры управления персоналом и организационной психологии КубГУ (г. Краснодар).

тивными детерминантами, имея в виду возникающие в жизни каждого из нас обстоятельства, затрудняющие достижение поставленных целей или способствующие ему.

Поскольку категория счастья и ощущения собственной успешности имеет субъективный характер, то важнейшей предпосылкой выступают индивидуально-психологические (характерологические) особенности личности. Как подтверждают многочисленные исследования, существуют определенные личностные особенности, которые способствуют субъективному ощущению жизненного успеха независимо от жизненных обстоятельств. Под успехом разные люди понимают иной раз различные вещи и достижения, при этом соглашаясь с тем, что ощущение успеха неразрывно связано с результативностью жизни, с возможностью самореализации, а значит, с высокой самооценкой и положительным «образом Я». Успех означает самоуважение, ощущение настоящего счастья и удовлетворения в жизни, подлинный успех и истинное счастье дополняют и усиливают друг друга.

На наш взгляд, представляется интересным, какие сочетания личностных особенностей характерны для «успешных» субъектов именно в студенческой среде. Нами проведено эмпирическое исследование, общая схема которого определялась целью работы, состоящей в изучении зависимости параметров жизненного успеха от личностных особенностей. Для реализации поставленных задач была разработана программа исследования, в рамках которой использовались следующие методы: 1) теоретический анализ и обобщение литературных данных; 2) для сбора эмпирических данных: 16-факторный опросник Р. Б. Кеттелла (16 PF) и опросник смысло-жизненных ориентаций Д. А. Леонтьева (СЖО); 3) для обработки данных – методы анализа и сравнения распределений, корреляционный анализ, реализованные в стандартизированном пакете программ Statistika 6.0.

Экспериментальную базу исследования составили 163 респондента (из них 87 юношей и 76 девушек). Обследовались студенты 4–5 курсов, возраст от 20 до 25 лет. При этом 57 % выборочной совокупности составили студенты технических специальностей, 43 % – гуманитарных специальностей.

Согласно полученным данным, 87,3 % респондента считают свою жизнь удачной, сложившейся, а себя успешными, а 12,7 % – нет. Данный факт интересен тем, что, несмотря на все трудности, с которыми сталкивается молодежь при выходе из учебных за-

ведений во взрослую жизнь, на нестабильную ситуацию с трудоустройством, значительное большинство студентов считают свою жизнь интересной, яркой и удачной. При этом было выявлено, что для группы студентов, удовлетворенных жизнью, характерны высокие баллы по шкалам: «цели в жизни», «эмоциональная насыщенность жизни», «локус контроля – Я» и по интегральному показателю осмысленности жизни (тест СЖО). Это свидетельствует, что для студентов, удовлетворенных жизнью, характерно четкое представление о своих жизненных целях, которые придают жизни осмысленность, направленность, перспективу. Четкие цели в жизни имеют 75 % из указанной группы обследуемых. Высокие баллы по шкале «эмоциональная насыщенность жизни» имеют 83,3 %. Большинство студентов воспринимают процесс своей жизни как интересный, насыщенный, наполненный смыслом. 64,6 % имеют представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле. 73 % имеют высокие баллы по шкале «управляемость жизни», определяющей, что удовлетворенности самореализацией студентов способствует убеждение в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

Анализ результатов, полученных по факторам осмысленности жизни, характерных для студентов, не ощущающих собственной успешности, показал, что по всем показателям шкал осмысленности жизни студенты этой группы имеют баллы намного ниже средних. Студентов, считающих свою жизнь осмысленной, 28,6 %. Низкие баллы по всем шкалам – признак неудовлетворенности самореализацией в прожитой части жизни, неудовлетворенности настоящим и отсутствие определенных перспектив, планов на будущее. А также неверие в свои силы контролировать события собственной жизни.

Группе студентов, удовлетворенных жизнью, присущи такие личностные особенности, как общительность, социальная смелость, стремление к самостоятельности и самоутверждению, уверенность в себе, разнообразие жизненных интересов. Напротив, группу студентов, испытывающих ощущение неудовлетворенности жизнью, отличают такие личностные особенности, как холодность и формальность в контактах, отсутствие сильных побуждений и желаний, социальная робость, неуверенность в себе и своих силах.

Следует отметить, что показатели осмысленности жизни (тест СЖО) на мужской и женской выборке различны. Поэтому у нас не вызывает сомнения разница в специфике субъективного отношения к жизни и осмысления своего места в ней у мужчин и женщин. А также сравнительный анализ корреляций шкал теста смысловых ориентаций с факторами 16 PF, полученных на выборке студентов различных специальностей, позволяет говорить о некоторых специфических особенностях, составляющих паттерны удовлетворенности-неудовлетворенности жизнью у студентов различных профессиональных субкультур.

Если такие качества, как умение держать себя в руках, социальная смелость, стремление к самостоятельности и самоутверждению, уверенность в себе, высокий самоконтроль, являются предпосылками субъективного ощущения жизненного успеха в обеих субкультурах. То такие личностные особенности, как практичность, «толстокожесть», некоторая черствость, склонность к логичным действиям, прямолинейность, обязательность, свойственны только студентам технических специальностей, а такие, как легкость в общении и поведении, богатство и яркость эмоциональных проявлений, подвижность, непостоянство в интересах и увлечениях, свойственны только студентам-гуманитариям.

В заключение отметим, что разные люди обладают специфическими для них представлениями, субъективными ощущениями относительно жизненного успеха и необходимых условий для его достижения. Для каждого человека существует своя личная философия успеха, и именно она выступает для него ценностью и ориентиром в повседневной жизнедеятельности.

Социально-психологическая компетентность личности как основа взаимодействия в различных ситуациях

Социально-психологический подход к пониманию личности заключается в следующем — он объясняет механизмы социализации личности; раскрывает ее социально-психологическую структуру; позволяет диагностировать данную структуру личности и влиять на нее. В последнее время активно разрабатывается акмеологический подход к изучению личности (акме — вершина в развитии взрослого человека). Наибольший вклад в разработку данного понимания личности внесли такие психологи, как А. А. Бодалев, А. А. Днеркач, Н. В. Кузьмина и др. К. К. Платонов определял личность «как носителя сознания». Формирование личности в повседневности напрямую зависит от таких важных параметров, как социальные институты, экономические и общественные, в том числе семья, детские школьные учреждения, неформальные группы, общественные организации и др. Особое место в становлении личности занимают образовательные учреждения.

Традиционно проблема взаимодействия относится к одной из центральных в психологии. По мнению К. К. Платонова, категории «отражение» и «взаимодействие» должны рассматриваться как ключевые понятия психологии. «Есть все основания считать, что эти два понятия являются достаточными предпосылками того, чтобы все остальные понятия психологии и социальной психологии могли быть выведены из них. По крайней мере, эти два понятия: «отражение» (его форма «психическое отражение» и производные понятия: «отражаемое» и «отраженное») и «взаимодействие» — необходимы и достаточны для внесения ясности в обсуждаемую проблему»¹.

* *Инна Александровна Оплетина* — аспирантка, преподаватель кафедры социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Платонов К. К. Личность как объект социальной психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 73.

Одним из важнейших навыков взаимодействия безусловно является социально-психологическая компетентность личности. Она помогает ориентироваться в любой повседневной ситуации, принимать верные решения и достигать поставленных целей. Антиподом социально-психологической компетентности является некомпетентность, неграмотность, невежество, суеверие, мистика, оторванные от жизни фантазии.

Социально-психологическая компетентность явление многомерное, его условно можно поделить на два вида: профессиональная и житейская компетентность. Житейская социально-психологическая компетентность — это результат повседневной жизни личности, ее адаптации к конкретным условиям; быть на высоте в вопросах общения заставляет жизнь. Социально-психологическая компетентность в нормальном обществе безусловно несет выгоду, потому так высоко ценятся вежливая манера обращения, улыбка, культура общения и навыки выхода из трудных ситуаций взаимодействия.

Коммуникативная компетентность личности, по мнению профессора Л. А. Петровской, — это эмпатическое свойство (сопереживание), знание о способах ориентации в различных ситуациях, свободное владение вербальными и невербальными средствами общения.

Профессиональная социально-психологическая компетентность складывается из знания научной картины мира и знаний в области общения. Социально-психологическая компетентность имеет особое значение для педагогов, психологов, врачей, сотрудников сферы услуг, социальных работников.

В последнее десятилетие в анализируемой проблематике внимание социальных психологов привлекают трудности общения в повседневных ситуациях и возможности их коррекции (О. А. Анисимов, Г. И. Марасанов и др.). Так, Анцупов А. Я. среди большого разнообразия реальных ситуаций выделяет простые и трудные ситуации². Бытийные ситуации рассматриваются как обширный класс ситуаций взаимодействия человека с окружающей его природной или техногенной средой, не связанных с его профессиональной деятельностью. Сюда же относятся и различные бытовые повседневные ситуации.

² Анцупов А. Я. Социально-психологические проблемы предупреждения и разрешения межличностных конфликтов во взаимоотношениях офицеров ГАВС. 1992. С. 28.

Коммуникативный аспект взаимоотношений предусматривает некий уровень взаимного доверия сторон. Это доверие определяет диапазон и полноту той информации, которую личность может доверить другому, и то, как она отнесется к информации, поступающей от этого другого. Данная сторона взаимоотношений несет в себе потенциал откровенности и уровень возможностей по развитию коммуникации в ходе общения или совместной деятельности. Для оптимизации образовательного процесса в вузе и совершенствования взаимодействия между его субъектами в повседневных ситуациях необходимо ориентироваться на стратегию активной межличностной коммуникации; нацеленность субъектов межличностного взаимодействия на учебно-воспитательные задачи, включающие креативные компоненты и личные интересы; постоянный контроль эмоционального состояния; определенный уровень открытости и уважительное отношение к оппоненту. В основе реализации принципов межличностного взаимодействия в сложных педагогических ситуациях вуза должны лежать такие психологические механизмы, как: согласование целей и интересов; рефлексия; стремление к взаимному доверию; эмпатия; обеспечение баланса ролей и статусов.

Е. Ю. Николаева*

Предсказуемость поведения индивида в обыденных ситуациях

Проблема самопрезентации человека в значимых для него ситуациях, выбор определенной стратегии и тактики самопрезентации, возможность прогнозирования поведения партнера по общению привлекает внимание психологов различных школ и направлений.

Результаты исследований 1968 г., проведенных У. Мишлом (W. Mishel) и Д. Питерсоном (D. Peterson) независимо друг от друга, свидетельствуют о низкой предсказуемости индивидуальных реакций в конкретных ситуациях. Однако личный опыт наблюдателя, напротив, свидетельствует, что повседневное социальное поведение может быть чрезвычайно стабильным и предсказуемым. Этот парадокс можно разрешить, утверждая, что проявляющаяся согласованность поведения не обязательно является отражением личностных черт.

Большинство знакомых людей встречаются в стандартных ситуациях, что позволяет предполагать обусловленность поведения личностными диспозициями, при этом не учитывается влияние соответствующей социальной роли. В этом случае поведение человека чаще всего подтверждает предполагаемую обусловленность и оправдывает его отнесение на счет соответствующих личностных черт.

Кроме того, важным является и поведение аудитории: ожидание определенного поведения стимулирует данное поведение. Ожидание поведения может быть связано с социальной ролью, репутацией и даже физическими характеристиками человека. Можно предположить, что чем более высок социальный статус личности, чем больше ее авторитет и значимость в конкретной ситуации, тем чаще она будет сталкиваться с определенным и достаточно предсказуемым поведением окружающих, что, в свою оче-

* **Елена Юрьевна Николаева** – ст. преподаватель кафедры социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

редь, будет стимулировать определенное поведение личности в отношении данной аудитории.

Необходимо отметить и способность человека в реальных условиях выбирать и трансформировать ситуации, в которых он оказывается. Иллюстрацией такого выбора может являться выбор профессии. Вследствие данного выбора человек оказывается вовлеченным в социальный контекст, который вынуждает его к определенному поведению. Кроме того, он начинает сам создавать вокруг себя среду, в которой данное поведение является одобряемым. Из данной среды будут удаляться стимулы, провоцирующие «неправильное» поведение. Таким образом, человек делает выбор, отражающий его личностные особенности, а затем трансформирует ситуацию так, что делает ее максимально благоприятной для проявления этих особенностей.

Еще одним важным фактором построения собственного поведения является готовность сделать свое поведение предсказуемым для других людей. Возможность эффективного взаимодействия с другим человеком зависит от способности предсказать его реакцию на свое поведение, а это гораздо проще сделать в том случае, если «помочь» ему прогнозировать поведение. Т. е. мы, делая свое поведение предсказуемым, получаем возможность предугадывать его реакцию и, таким образом, правильно прогнозировать его дальнейшее поведение. Так, например, представляя себя пунктуальным человеком, мы позволяем другому предположить наш приход строго вовремя и можем прогнозировать его готовность к нашему приходу в определенное время.

По мнению Росс и Нисбетт (Ross, Nisbett 1999), согласованности и предсказуемости поведения способствует избыточная детерминированность: избираемые роли, ситуационные факторы, ожидания, доводимые наблюдателями до сведения действующих лиц, и обязательства, взятые действующими лицами. Эта избыточная детерминированность способствует согласованности и предсказуемости поведения. Если же эта избыточная детерминированность устранена, предсказать поведение человека становится практически невозможным.

Дж. Блок (J. H. Block) обнаружил преемственность поведения на протяжении жизни индивида. Можно предположить, что речь идет о кумулятивных последствиях личностно-ситуационных взаимодействий. Характерные паттерны поведения ребенка вызвали определенные реакции со стороны окружающих, что приводило к

формированию среды, способствующей сохранению данных личностных черт и приводящей к предсказуемым последствиям для профессиональной карьеры и семейных отношений в будущем.

В противовес такому подходу представители феноменологического направления, в частности К. Роджерс, подчеркивают, что поведение человека можно понимать только в терминах его субъективного восприятия и познания действительности. Именно субъективная способность постигать действительность играет ключевую роль в определении внешнего поведения человека. Отсюда следует вывод, что люди способны сами определять свою судьбу и, в конечном итоге, ответственны за то, что они собой представляют.

Кроме того, Роджерс подчеркивал, что поведение не определено прошлыми событиями. На поведение данного момента всегда влияет актуальное восприятие и интерпретация. Таким образом, представляя себя другим, взаимодействуя с другими людьми, человек стремится сохранить состояние согласованности самовосприятия и переживания. Если же возникает несоответствие между Я-концепцией и переживанием, которое не всегда воспринимается на сознательном уровне, возникает угроза, за которой, в свою очередь, последует защитная реакция, направленная на сохранение целостности Я-структуры.

Образ города как повседневность в сознании горожан

В разные исторические эпохи, у разных цивилизаций и народов существовало понятие «город». Поэтому накоплено огромное количество работ, современных и ушедших в историю, отечественных и зарубежных исследователей, посвященных данному феномену [9].

Многогранность понятия предполагает его изучение представителями разных наук – социологии, психологии, географии, демографии, экологии и др., что обуславливает существование множества научных позиций, концепций, моделей и подходов к изучению города – столь понятного и в то же время непонятного феномена.

Урбанизация – «процесс сосредоточения населения и экономической жизни в крупных городах» [8]. Начавшись в XIX веке, в XX он принял мировые масштабы и затронул все стороны общественного развития. В конце XX века городское население составляло около 41 % населения мира. В России в конце 1970-х более 70 % населения были горожанами.

Социология города – одна из отраслей социологии, дающая широкую информацию о городе и объединяющая обширный научный материал, накопленный другими науками, изучающими данный социальный феномен. Причем социологи все «чаще... обращаются к восприятию мира повседневности, той реальности, в которой живут, трудятся, радуются и страдают живые люди с их страстями, надеждами, заботами и проблемами» [2].

Человек в городе находится в искусственной среде, в ней ежедневно протекает его жизнедеятельность, от нее он, в значительной степени, зависит. Поэтому следует обратить внимание на то, соответствует ли город человеку, приятен ли он ему, удобен ли,

* *Оксана Леонидовна Соколова* – аспирантка Гуманитарного университета (г. Сыктывкар).

так как от данных характеристик города во многом зависит повседневное психическое равновесие и здоровье человека.

В ряду негативных последствий урбанизации стоят такие, как избыток разного рода информации, повышенная возбудимость, повышенная чувствительность к стрессовым ситуациям.

Следующие социально-психологические последствия урбанизации имеют важное значение:

- во-первых, в условиях города преобладает безличностное, анонимное общение (из-за разрушения соседских связей и контактов). Такая обезличенность снижает заинтересованность горожан в общении и их взаимную ответственность;
- во-вторых, поскольку в условиях города человек не имеет достаточного количества значимых контактов, возникает все чаще проблема одиночества;
- в-третьих, в городе наблюдается большое количество массовых контактов, и человек часто устает от перенасыщения общением [10].

Межличностные контакты могут быть по-разному эмоционально окрашены, и то, как человек относится к людям, которые являются его потенциальными партнерами по общению, может влиять на формирование у него образа города.

Продолжая говорить о воздействии города на человека, необходимо отметить, что оно зависит от многих факторов: «географических условий, этнического окружения, исторических судеб» [6]. Все они уместаются в понятие среды, которое с середины прошлого века активно подвергается исследованиям как со стороны психологии, так и социологии [1].

С. И. Ожегов в «Словаре русского языка» определяет среду как: а) окружение, совокупность природных условий, в которых протекает деятельность человеческого общества, организмов; б) окружающие социально-бытовые условия, обстановку, а также совокупность людей, связанных общностью этих условий [7].

Г. М. Андреева говорит о более конкретизированном описании среды, куда включены: непосредственно природная среда; среда «второй природы» – природная среда, преобразованная людьми; «третья природа» – искусственная среда, созданная человеком; «социальная среда», представляющая собой взаимодействие предыдущих [1]. Образ же среды – это «внутренняя среда индивида, моделируемое сознанием представление о среде» [1].

«Экоповеденческая» концепция Р. Баркера акцентирует внимание на том, что существует связь между поведением и физическим окружением, то есть «месту поведения» соответствуют определенные типы поведения [1]. К. Линч в своих исследованиях исходил из того, что город рассматривается «в образах заключенного в нем смысла». В результате образ города, включающий все частные образы, создается взаимодействием его неподвижных и подвижных элементов: первые – пространственные конструкции, вторые – люди с их деятельностью и различными социальными позициями и характером: «подвижные элементы в городе, и особенно люди и их деятельность, столь же существенны, как его неподвижные материальные части» [5].

Если принимать во внимание влияние места на поведение, то более продуктивным будет изучать не горожан вообще, а образ города населения конкретной территории.

Можно говорить, что общность в социально-психологическом смысле существует, если есть «мы – чувство», ощущение членами группы себя как «целого», отделенного от других, «чувство общей идентичности» [3].

Мы исходим из представления, что на формирование территориальной общности в социально-психологическом смысле влияют следующие факторы:

- «близость» или «функциональная дистанция» – географическое соседство, которое обеспечивает общение между людьми и предполагает возникновение чувства приязни;
- общность судьбы (люди живут долгое время вместе, на одном и том же пространстве и будут продолжать жить здесь);
- жизнь в одной и той же среде (ландшафт, архитектура и т. д.), которая влияет на стиль жизни людей, их установки, ценности, поведение, особенности общения;
- институциональное выделение конкретной группы, что определяет как самоидентификацию, так и межгрупповые отношения (жители других территорий объединяют нас в группу в соответствии с административным делением).

А. Б. Курлов и Д. Г. Тухбатуллин отмечают в своем исследовании образа жизни населения, что «условия жизни в крупных городах во многом противоречат генетической приспособленности человека... Индивид борется с городской реальностью, т. к. она порождает то, что человеку биологически не свойственно... Создание благоприятной жизненной среды начинается с рациональ-

ного, продуманного осуществления архитектурно-планировочных преобразований, комплексного улучшения жилищных и культурно-бытовых условий людей» [4].

Исследование образа города как отражения городской среды, таким образом, видится актуальным для каждого конкретного города, поскольку отражает отношение горожан к своему городу, которое далеко не всегда соответствует представлениям специалистов, проектирующих те или иные городские изменения и особенности развития инфраструктуры. Исследования феномена образа города в сознании человека могут помочь при выработке решений вопросов более оптимальной организации городской среды и взаимодействия социальных общностей в повседневных практиках.

Литература

1. Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000.
2. Дыльнов Г. В., Климов В. А. К вопросу об основном понятии «социологии жизни» // Социол. исслед. 2003. № 4.
3. Майерс Д. Социальная психология: Пер. с англ. СПб.: Питер, 1997.
4. Курлов А. Б., Тухбатуллин Д. Г. Образ жизни населения как базовый критерий социального развития города: Монография. Уфа: РИО БашГУ, 2004.
5. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.
6. Матяш С. В. Человек в городе: социол. очерки. Киев: Политиздат Украины, 1990.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989.
8. Современный словарь иностранных слов. 1994. С. 632.
9. Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: Наука, 1999.
10. Черноушек Л. Психология жизненной среды. М.: Мысль, 1989.

Организационная культура компании как фактор развития ценностей личности

Современная психологическая наука и практика становятся все более востребованными в сфере эффективного управления. В последнее время проблема формирования культуры и ее влияния на трудовую сферу деятельности человека является актуальной в исследованиях зарубежных и отечественных ученых.

В России интерес к рассмотрению данной проблемы очевиден. Это связано с осознанием того влияния, которое культура оказывает на успех и эффективность деятельности организации в целом. Все большее число исследователей склоняются к тому, что программы формирования корпоративного духа и корпоративной системы ценностей позволяют минимизировать управленческое воздействие, активизировать процессы самоорганизации путем привлечения работников к управлению [9].

На сегодняшний день наиболее актуальным для отечественных исследователей является вопрос, посвященный формированию организационной/корпоративной культуры предприятия и совокупности собственных ценностей, влияющих на становление системы трудовых ценностей работника, принадлежащего к данной культуре. Корпоративная культура остается для каждого работника набором наиболее важных предположений, принимаемых остальными членами организации и получающих выражение в заявляемых организацией ценностях, задающих людям ориентиры их поведения и действий [7].

В настоящее время корпоративная культура понимается двояко:

Во-первых, как система ценностей, норм поведения, характерных для данной организации и позволяющих судить о типичном для членов данной организации подходе к решению проблем (про-

* *Наталья Николаевна Сулим* – соискатель ученой степени кандидата психол. наук Белгородского Государственного Университета, тренинг-менеджер компании «Advance Group» (г. Белгород).

является в философии управления, ценностных ориентациях, верованиях, ожиданиях, нормах поведения);

Во-вторых, как система ценностей, бездоказательно разделяемых персоналом конкретного предприятия, связанных с конечными целями его развития, которая определяет решения, поступки и всю деятельность персонала в целом [11].

Под ценностью [5] мы понимаем любой «объект», имеющий жизненно важное значение для субъекта (индивида, группы, этноса). В широком понимании в качестве ценности могут выступать не только абстрактные смыслы или ситуативные ценности, но и важные для индивида конкретные материальные блага. В более узком значении принято говорить о ценностях как о духовных идеях, заключенных в понятиях, которые имеют высокую степень обобщения.

В свою очередь, ценностные ориентации [5] являются отражением в сознании человека тех ценностей, которые признаются им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров.

Формируясь в сознании, ценности постигаются в ходе освоения культуры, приобретения жизненного опыта под воздействием сложившихся культурных условий. В человеческом сознании присутствует одновременно множество ценностей, представляющих собой иерархию, в которой ценности располагаются по нарастающей значимости. Поэтому вполне оправданно говорить о системе ценностей личности. Осваивая ценности окружающего мира, в том числе и культуры компании, человек опирается на устоявшиеся в данной культуре традиции, нормы, обычаи и постепенно формирует систему основополагающих и общепринятых ценностей, служащих ему руководством как в профессиональной деятельности, так и в жизни [2].

На наш взгляд, корпоративная культура является мощным фактором, влияющим на развитие ценностной системы индивида. Именно ценности являются ядром, определяющим корпоративную культуру в целом. При вхождении в компанию каждый сотрудник привносит в корпоративную «мозаику» ценностей что-то свое. Но в любой компании, чтобы работа была продуктивной, должна возникнуть социальная общность – разделение общегрупповых ценностей. Система ценностей, сложившаяся на предприятии и разделяемая всеми сотрудниками организации, является неким ориентиром поведения в той или иной ситуации. Поэтому основу орга-

низационной культуры составляют ценности, имеющие долговременное значение и задающие смысл деятельности членов организации [4].

Необходимо отметить, что система корпоративных ценностей формируется в соответствии с базовыми ценностями конкретной культуры, присущими большинству сотрудников. Корпоративная система ценностей обязательно включает в себя трудовые ценности, то есть те ценности, которые являются особенно важными для трудовой деятельности в компании. А также необходимым и негласным условием любой компании является провозглашение общечеловеческих ценностей, необходимых для жизни и плодотворной деятельности.

Ценностная система, одинаково разделяемая и руководством, и сотрудниками, выступает в роли основополагающего и определяющего элемента корпоративной культуры. Некоторые корпорации формируют внутреннюю культуру искусственно, но такая культура может сложиться сама собой под влиянием неформальных лидеров, а также на основании опыта и привычек, приобретенных людьми в предыдущих коллективах.

Носителями ценностей организационной культуры, в первую очередь, являются руководители предприятия, которые своим примером «прививают» культуру остальным работникам. Это происходит путем прямого воздействия на чувства и действия работника, либо путем ценностной конгруэнтности – совпадения представлений о ценностях, когда человек испытывает и выражает одинаковые эмоции, сталкиваясь с другими людьми, имеющими похожую систему ценностей. Исследования в реальных производственных условиях показывают, что если возникла конгруэнтность ценностей (исполнительности, честности и справедливости) между начальником и подчиненным, то подчиненные получают большее удовлетворение от работы [4]. Чем более удовлетворен работник, тем более он привержен своей организации. Преданные работники в большей степени склонны к проявлению творчества и инициативы, что часто имеет решающее значение для сохранения конкурентоспособности организации на рынке. Поэтому на выбор средств мотивирования огромное влияние оказывают ценностные ориентации руководителя, которые, в свою очередь, могут соответствовать или не соответствовать принятым ценностям в организации, то есть корпоративной культуре [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что культура компании оказывает большое влияние на развитие ценностной системы личности каждого члена организации. Поэтому целенаправленное ее формирование является мощным стратегическим инструментом, позволяющим объединить трудовую инициативу всех сотрудников.

Литература

1. Занковский А. Н. Организационная психология: Учеб. пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2000. 648 с.
2. Кабаченко Т. С. Психология управления: Учеб. пособие. М.: Российское педагогическое общество, 1997. 324 с.
3. Короткина Е. Д., Колобова А. А. Психологические особенности деятельности менеджера по мотивированию персонала с учетом организационной культуры // Социально-психологические исследования: Сборник научных трудов. Тверь, 2002. Вып. 2. С. 86.
4. Организационное поведение / Под ред. Г. Р. Латфуллина, О. Н. Громовой. СПб.: Питер, 2004. 432 с.
5. Психологический словарь. СПб.: Питер, 2000. 378 с.
6. Психология менеджмента: Учебник для вузов / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Питер, 2004. 639 с.
7. Стивак В. А. Корпоративная культура. СПб.: Питер, 2001. 352 с.
8. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002. 336 с.
9. Шейнис М. Ю. Рабочая книга психолога организаций. Самара: Бахрах-М, 2001. 224 с.
10. Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М.: ИП РАН; КСП+: Академический проект, 1999. 448 с.
11. Грошев И. В., Емельянов П. В., Юрьев В. М. Организационная культура. М.: Юнити-Дана, 2004. 288 с.

Социальная идентификация как механизм реализации потребительского поведения личности

В России за последние десятилетия произошли радикальные институциональные изменения, связанные с модернизацией экономической сферы. С трансформацией общества изменяется экономическое сознание и поведение человека, которому приходится адаптироваться к новым возникающим требованиям, нормам, стандартам формирующегося рынка. Кардинально преобразуется сфера потребления, формируются новые повседневные практики потребительского поведения.

Теории потребления начали разрабатываться на Западе такими мыслителями XIX–XX веков, как К. Маркс (выдвинул идею товарного фетишизма), Т. Веблен (предложил теорию показного (престижного) потребления), Г. Зиммель (выдвинул ряд ключевых идей теории моды), В. Зомбарт (предложил концепцию роскоши), М. Вебер (сформулировал концепцию статусных групп и протестантской этики).

Более конкретные исследования поведения потребителей появились позже. Потребительское поведение рассматривалось в рамках маркетинга, из которого в середине XX века выделилась самостоятельная дисциплина «поведение потребителей».

Крупными теоретиками потребления на современном этапе являются П. Бурдьё (его работа «Отличия: социальная критика суждений о вкусе» посвящена проблеме потребления), Ж. Бодрийяр (разработал концепцию «общества потребления»). Большое влияние на исследование потребления оказали работы социального психолога и социолога И. Гоффмана.

Потребление является процессом использования свойств продукта или услуги, распоряжение ими, обозначением и утвержде-

* *Наталья Викторовна Маметьева* – ст. специалист отдела по работе с персоналом ОАО «СКБ-банк» (г. Екатеринбург).

нием статусных позиций (демонстрационная функция), манипулированием знаками (символическая функция), а также овладением необходимой информацией и знаниями.

Потребителю сегодня предлагается колоссальное разнообразие видов товаров и услуг. Но при этом обновление этих видов товаров происходит во все ускоряющемся темпе, что приводит к изменению принципов действий потребителя: например, раньше среди товаров длительного пользования он выбирал самые надежные и добротные предметы, способные прослужить наиболее длительный срок (то есть предъявлял повышенные требования к физическим характеристикам товаров), а теперь этот признак добротности утратил свое значение, поскольку моральное устаревание продукта происходит намного быстрее его физического изнашивания. Помимо этого на сегодняшний день потребителю предлагаются уже не отдельные блага, а целые системы объектов потребления, которые функционально и символически между собой связаны: например, покупка машины заставляет решать проблемы страхования, хранения и охраны, обслуживания и ремонта, приобретения дополнительных аксессуаров и пр.

В итоге взаимосвязь потребительских благ и их постоянное обновление втягивают человека в так называемую «потребительскую гонку», вызываемую постоянной недостаточностью удовлетворения потребностей, когда в зоне потребительского внимания всегда оказываются объекты, более привлекательные, нежели только что приобретенные. Постепенно процесс приобретения все новых благ становится самоценным, превращается в центр человеческой деятельности: человек уже не мыслит себя без этого потребления. Функции товаров уже сводятся не только к использованию их полезных свойств, они становятся важным средством социальной дифференциации в обществе. Люди используют предметы потребления (одежда, обувь, популярная музыка, занятия определенным видом спорта и т. д.) для обозначения себя как представителя той или иной группы или, наоборот, – для подчеркивания своего пребывания вне ее. Таким образом, возникает иная, новая практика потребления, позволяющая индивиду ощущать, осознавать себя как члена определенной социальной общности. Результатом такого осознания, переживания, отождествления личности с группой является социальная идентичность.

В зарубежной психологии понятие идентичности связывают с именем Эрика Эриксона, который впервые обратился к нему в

своих работах. На сегодняшний день современными западными психологами под личностной идентичностью (иногда ее называют личной или персональной) понимается набор черт или иных индивидуальных характеристик, отличающийся определенным постоянством или, по крайней мере, преемственностью во времени и пространстве, позволяющий дифференцировать одного индивида от других людей. Другими словами, личная идентичность трактуется как набор характеристик, благодаря которым человек похож на самого себя, подобен самому себе и одновременно отличается от других.

Социальная же идентичность связывается с понятием включенности индивида в какую-либо группу, с групповым членством. В социальной идентичности выделяются два разных аспекта рассмотрения: с точки зрения инtragрппового подобия (если мы члены одной общности, у нас одна и та же социальная идентификация и мы похожи) и с точки зрения аутгрупповой или межкатегориальной дифференциации (будучи похожими между собой, мы существенно отличаемся от «них» – тех, кто принадлежит не к нашей, а к «чужой» группе).

Так, проблема самоопределения в социальном мире относительно «своих» и «чужих» групп, осознания своего сходства с другими людьми и собственной уникальности рассматривалась как зарубежными психологами (Э. Эриксон, Дж. Мид, Х. Таджфел, Дж. Тернер, Г. Бриквелл и др.), так и отечественными (С. Л. Рубинштейн, Л. И. Божович, И. С. Кон, В. А. Ядов). Важнейший социально-психологический аспект личностной идентичности – уверенность в том, что она поддерживается окружающими, – рассматривается в рамках проблемы со значимыми другими зарубежными и отечественными исследователями (У. Джеймс, Э. Дюркгейм, Ч. Кули, Х. Таджфел, Дж. Тернер, А. В. Петровский, А. А. Бодалев, И. С. Кон, А. А. Кроник и др.).

Основным механизмом социальной идентификации является сопоставление или противопоставление интересов, взглядов, ценностей, оценок, моделей поведения своей группы с теми, которые полагаются не своими, интересы которых безразличны или конфликтны для данной общности.

Процесс становления социальной личности содержит три последовательных процесса: 1) индивид самоопределяется как член некоторой социальной категории (то есть формируются представления о своем социальном и экономическом статусе, националь-

ности и пр.); 2) человек усваивает нормы, ценности и стереотипы, свойственные его социальной группе (в том числе и нормы, ценности и стереотипы потребления); 3) приписанные себе и принятые нормы, ценности и стереотипы группы становятся внутренними регуляторами социального поведения индивида. Усвоение норм, ценностей, стереотипов поведения, средств общения – освоение культуры – происходит в результате социализации личности.

Таким образом, идентифицируя себя с членами своей группы, индивид реализует те принципы потребительского поведения, которые усвоены им в процессе социализации. Поэтому, по нашему мнению необходим анализ идентификационных процессов личности при изучении изменяющихся и возникающих практик потребления.

Формирование идейных представлений в условиях эмиграции: К вопросу о повседневной жизни человека в инокультурной среде (по материалам русской диаспоры в Германии 1920-х гг.)

Одной из особенностей повседневной жизни русской эмиграции стало ее стремление к созданию собственных идеологических построений, являвшихся заметным фактором адаптации людей в инокультурных условиях. Идейный поиск начался в условиях разочарования эмигрантов своей жизнью за рубежом, а потому наибольший интерес представляют те течения, которые предполагали компромисс с произошедшими в России изменениями в целях возможного возвращения на родину. Гипотетическое возвращение требовало определенной идеологической подготовки внутри эмиграции. Люди стремились не просто вернуться в Россию, а вернуться туда, где были ликвидированы те политические и экономические неурядицы, от которых они бежали.

Первой эмигрантской организацией, выступившей за примирение противоборствующих в Гражданской войне сторон, стала группа «Мир и труд», основанная в 1919 году (еще до начала массовой эмиграции) и объединявшая русских военных, интернированных в Германии.

Группа «Мир и труд» определяла своей основной целью пропагандистскую деятельность – первоначально выпускались воззвания (из-за отсутствия средств даже рукописные), организовывались лекции, доклады, курсы для офицеров, а с апреля 1920 года при финансовой поддержке Г. А. Гольдберга удалось организовать

* *Алексей Викторович Винник* – канд. истор. наук, доцент, завкафедрой истории Древнего мира и Средних веков Тверского государственного университета (г. Тверь).

журнал «Жизнь». В данном журнале была сформулирована идея так называемого «культурного примиренчества». Культурная направленность журнала «Жизнь» связывается с характером эмигрантской общины Берлина в 1920 году. Берлин в тот период был скорее культурным центром, нежели политическим. И достижение поставленных перед группой целей мыслилось, в первую очередь, посредством борьбы с духовным кризисом русского общества, причиной которого стали Первая мировая и Гражданская войны.

Идеи «культурного примиренчества» получили развитие в сменовеховстве, занявшем в первой половине 1920-х гг. центральное место среди идеологических течений эмиграции «примиренческого» толка. При этом сменовеховство ориентировалось на более широкие социальные слои, нежели творческая интеллигенция, – в первую очередь на ту часть эмигрантской молодежи, которая не верила в возможность долгосрочного существования Русского Зарубежья и стремилась в реальную Россию.

Европейская группа сменовеховцев, возникшая первоначально на основе сформулированной Н. В. Устряловым в Китае идеологии «национал-большевизма», совершала в 1921–1922 гг. определенный дрейф в сторону все большего одобрения советской власти. Результатом этого дрейфа стало прямое сотрудничество с ней в связи с выпуском в Берлине субсидируемой из Москвы газеты «Накануне». Следует подчеркнуть, что к моменту переезда Ю. В. Ключникова и его группы в Берлин (февраль 1922 г.) репутация, сложившаяся вокруг сменовеховцев в эмигрантских кругах даже умеренных политических взглядов, была достаточно негативной. Это, безусловно, затрудняло работу по привлечению новых сторонников. Представляется, что Ю. В. Ключников, действуя под влиянием эмоциональных побуждений, излишне торопился, не разбирался в средствах достижения своих целей. Столь быстрая смена его политической позиции изначально вызывала подозрение в его ангажированности советской властью. Этим, в значительной степени, объясняется то, что при благоприятной почве для появления идеологии национал-большевизма число ее реальных последователей было небольшим и сменовеховство не было принято эмиграцией благосклонно. То, что в лагере сменовеховцев нашли «приют» немало личностей беспринципных, способствовало складывающимся представлениям о нем как о «рассаднике» предателей, провокаторов и большевистской агентуры.

Несмотря на то что идеи национал-большевизма наиболее последовательно выражались сменовеховским течением, сходные идеи проявлялись и у других эмигрантских группировок. Весьма близкой к национал-большевизму оказалась идеология евразийства.

Рассматривая национал-большевизм, необходимо упомянуть и движение младороссов. Младороссы – молодежная организация, образовавшаяся в 1923 г. в Мюнхене. Практические лозунги младороссов имеют достаточно фантастический характер. Реализация их идей возможна, по мнению авторов, при сочетании советского и монархического начал – отсюда следует лозунг: «Царь и Советы». При всей абсурдности этого проекта идея достаточно долго владела умами той части эмиграции, которая рассчитывала на восстановление монархии в какой-либо форме. Монархические круги использовали некоторые положения идеологии младороссов. Более того, лозунг «Царь и Советы» использовал и самопровозглашенный император Кирилл Первый. В 1927 г. он выступил с идеей советской монархии – сохранения всей пирамиды Советов, увенчанной «императором СССР».

Подводя итог, следует отметить, что пребывание в инокультурной среде способствовало появлению в российской диаспоре оригинальных идеологических течений, направленность которых исходила из признания культурного единства России. Возможность и способность жить за рубежом русской жизнью и в русской среде являлись важнейшими факторами адаптации эмигрантов, а сокращение данных возможностей толкало их к поиску путей возвращения на родину, вокруг которых разворачивались идейные искания первой половины 1920-х годов в российском зарубежье.

Н. В. Колбанева*

Гармоничность семейных отношений как основной фактор становления полноценной человеческой личности

Проблема изучения ценностных ориентаций личности на семью становится все более актуальной в современной психологии. Радикальные изменения экономической инфраструктуры, социально-структурная трансформация общества, развитие гражданского социума, изменения в системе общественных ценностей в России привели к изменению и расширению функций семьи как социального института. Осмысление и анализ позитивных и негативных тенденций в развитии семьи в современной России дают основание полагать, что сегодня институт семьи выступает в своем новом качестве.

Семья как социальный институт в настоящее время теряет способность к самоорганизации и саморазвитию, не может самостоятельно справиться с происходящими в ней деструктивными процессами. Проявление крайней формы деструктивности – насилия в семейных отношениях – неизбежно приводит к разрушению системных свойств семьи. В процессе развития общества и трансформации семейных отношений условия и факторы, способствующие проявлению как насилия в семье, так и гармонизации семейных отношений, подвергаются изменениям, что обуславливает необходимость в проведении комплексных научных исследований в динамике. В этой связи неизбежно встает задача поиска путей урегулирования системы семейных отношений с целью преодоления внутрисемейного насилия и их гармонизации.

Необходимость адаптации к рыночным отношениям, новым социально-экономическим условиям повлекла за собой изменение в структуре индивидуальных и семейных ценностей, встал вопрос

* **Наталья Валерьевна Колбанева** – соискатель, ст. преподаватель направления «Психология» Современной Гуманитарной Академии (г. Москва) Барнаульский филиал (г. Барнаул).

о развитии семьи как экономически- и профессионально- ориентированного социального института. Актуализировалась проблема определения взаимосвязи внутрисемейной толерантности как социального феномена с ментальностью российского общества.

Учитывая объективные основания, полагаем, что в современных социологических исследованиях должно произойти смещение фокуса научного интереса от изучения насилия в семейных отношениях как негативной тенденции трансформации социально-структурных отношений в обществе к изучению толерантности как способа гармонизации семейных отношений, представляющей позитивное направление в исследовании современных социальных процессов на уровне института семьи. Семья, семейные отношения и семейные ценности в условиях развития и стабилизации рыночной экономики в России должны стать объектом особого внимания.

Разработка социологической концепции развития института семьи как экономически- и профессионально- ориентированного социального института на основе тенденции к благополучию в семейных отношениях в обществе с рыночной экономикой должна быть вынесена в проблемное поле социологии социальной структуры, социальных институтов и процессов. Актуальность и недостаточность научной разработанности феномена толерантности как способа гармонизации семейных отношений в России обосновывает выбор объекта и предмета, цели и задач исследования, в котором семья рассматривается в широком смысле, как система межличностных и социально-структурных связей и отношений.

Цель работы – выявить природу и особенности проявления внутрисемейной толерантности как социального феномена и определить ее значение для гармонизации семейных отношений в России.

1. В настоящее время институт семьи претерпевает глубокие изменения, трансформируются и расширяются его функции, происходит смена семейных ценностей. Отмечается тенденция к усилению индивидуализации в межличностных отношениях, ориентация на эгалитарный тип семейного уклада, стремление к материальному благополучию и карьерному росту супругов.

2. Формы проявления внутрисемейной толерантности различаются в зависимости от характера и природы внутрисемейных отношений, их типа. Выявление признаков толерантности, характерных для каждого типа внутрисемейных отношений, позволяет проследить четкую взаимозависимость между степенью межличностной толерантности членов семьи и уровнем благополучия се-

мейных отношений. Согласно такому подходу при прогрессирующем снижении терпимости членов семьи в отношении друг друга наблюдается тенденция к возрастанию дисгармонии и конфликтности во взаимоотношениях. Дефицит взаимной толерантности в большинстве случаев приводит к разрушению гармоничной основы семейных отношений и, в конечном итоге, к проявлению насилия в семье в отношении близких. На основе полученных данных мы сделали заключение о том, что чем меньше проявляется толерантность между членами семьи, тем выше вероятность возникновения внутрисемейного насилия и распада семьи.

3. Степень и особенности проявления толерантности между членами семьи со временем меняются. Молодая семья на начальном этапе своих отношений находится на одной ступени толерантности, а по мере развития взаимоотношений супруги переходят на другую ее ступень. Переход этот может происходить как к конструктивной, так и к деструктивной толерантности, в результате чего семья может либо еще больше укрепиться, либо полностью разрушиться.

4. В числе основных путей и перспектив формирования института семьи как экономически- и профессионально- ориентированного института в крупном российском городе выделяются: развитие института семьи в перспективах на улучшение ее социального благополучия (улучшение социальных условий семьи, получение образования, помощь в воспитании детей, организованный досуг, достаточный уровень медицинского обслуживания для семьи); ориентация на улучшение материального благополучия семьи (способность организовать собственное дело, приносящее доход; высокооплачиваемая работа; доступность жилья); повышение коммуникативной и психологической грамотности в вопросах внутрисемейных отношений.

На наш взгляд, существует объективная необходимость в разработке социальных программ, направленных на внедрение в массовое сознание населения ценностных установок и ориентаций по сохранению полноценных благополучных отношений в семье, основанных на принципах толерантного взаимодействия. Реализация данных принципов в семье будет способствовать гармонизации семейных отношений, что, в свою очередь, обеспечит благополучие в функционировании и развитии института семьи как экономически- и профессионально-ориентированного социального института. Ориентация на гармонизацию семейных отношений, поддержание бла-

гополучия семьи служат залогом оптимизации социальной структуры общества и ведут к его стабилизации в целом.

Литература

1. *Андреева Т. В.* Психология современной семьи: Монография. СПб.: Речь, 2005.
2. *Алешина Ю. Е.* Цикл развития семьи: исследования и проблемы // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 1987. № 2.
3. *Земска М.* Семья и личность. М.: Прогресс, 2000.
4. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 1999.

А. Л. Гельд*

Социально-психологические характеристики развития семейных кризисов

В последнее время отмечается высокий интерес специалистов к проблеме оказания психологической помощи семье, находящейся в кризисном состоянии. Это, вероятно, связано с усилением деструктивных тенденций: неуклонно увеличивается число разводов, растет количество «отказных детей»; увеличивается количество подростков, страдающих алкоголизмом и наркоманией; ранние беременности; увеличение количества аборт; жестокое обращение в семьях. Поэтому психологическая помощь семье представляется крайне необходимой. Семейная психология и психотерапия – относительно молодая область науки. Интерес к ней специалистов других областей – психиатров, психотерапевтов, социальных работников, педагогов, был вызван «кризисом», который переживает «современная» семья.

Специфика современной жизни способствовала тому, что кризисная психология и кризисная психотерапия выделились в отдельное направление, стали новой областью науки и практики. Появились ключевые понятия: «кризис» и «кризисное состояние».

Психологическое и клиническое определение различаются. Так, например, психологи понимают кризис как «острое эмоциональное состояние, которое возникает при блокировке целенаправленной жизнедеятельности человека, как дискретный момент развития личности». В этот момент человек не способен преодолеть кризис способами, известными ему из прошлого опыта. В клинической теории кризиса это понятие используется для обозначения такой реакции на опасные события, которая переживается как болезненное состояние. Обычно человек может самостоятельно преодолеть кризисное состояние. В начале кризиса усиливаются тре-

* *Александра Львовна Гельд* – врач психиатр, психотерапевт, ГУЗ СОПБ № 3 (г. Екатеринбург).

вога и напряжение, а затем активизируются стратегии решения проблем. Для разрешения кризиса задействуются все психологические и физиологические ресурсы. В процессе преодоления кризиса человек может приобрести новый опыт, расширить диапазон адаптивных реакций. С другой стороны, если человек будет реагировать на кризис дезадаптивными реакциями, кризис может усугубиться, а болезненное состояние только усилится. Могут появиться новые клинические симптомы, которые вызовут новые дезадаптивные реакции. Ситуация может принять катастрофический характер и привести к тяжелым нарушениям психики.

Переживания кризисных событий возможно как на индивидуальном уровне, так и на микросистемном уровне функционирования семьи. Семья является системой, находящейся в некотором равновесии благодаря установившимся связям. Это равновесие является подвижным, изменяющимся и обновляющимся. Изменения в социальной ситуации, развитие одного или нескольких членов семьи влекут за собой изменение всей системы внутрисемейных отношений.

Семейный кризис предполагает такое состояние семейной системы, когда нарушены гомеостатические процессы, приводящие к фрустрации привычных способов функционирования семьи и невозможности справиться с новой ситуацией, используя старые модели поведения. В семейном кризисе можно предположить два варианта развития событий: деструктивное развитие, ведущее к нарушению семейных отношений, содержащее опасность для их существования, и конструктивное развитие, заключающее в себе потенциальную возможность перехода семьи на новый уровень функционирования. В последнее время кризисы рассматриваются как переходные моменты между стадиями жизненного цикла. Подобные кризисы называются нормативными. Предполагается, что они возникают при «застревании» или неадекватной адаптации прохождения какого-либо этапа жизненного цикла семьи.

В. Сатир выделяла следующие «критические точки семьи»: рождение ребенка; начало освоения ребенком человеческой речи; начало налаживания отношений ребенка с внешней средой; подростковый возраст; ребенок становится взрослым и покидает дом; создание семьи, наступление климакса в жизни женщины; уменьшение сексуальной активности мужчины; родители становятся бабушками и дедушками; умирает один из супругов. Таким образом, семья в своем развитии переживает ряд кризисов, ведущих к

дестабилизации системы. В основе нормативного кризиса семьи, обычно лежит индивидуальный нормативный кризис взрослого или ребенка.

Одновременно существуют другого рода кризисы, которые могут возникать независимо от стадий жизненного цикла семьи. Они называются ненормативными кризисами. Именно к кризисам такого рода и хочется привлечь внимание. К ненормативным кризисам можно отнести развод; измену одного или обоих супругов; агрессивное поведение одного или нескольких членов семьи; бытовое или физическое насилие. Ранее эти явления встречались реже, расцениваясь, как «ЧП», в общественном мнении они расценивались как «диссонанс». Сейчас эти явления стали почти «нормой» повседневной жизни. Большинство людей, сталкивающихся с подобными проблемами, даже не обращаются за специализированной помощью, не расценивая эти ситуации как «кризис»: настолько распространенными стали ненормативные кризисы. А ведь это, несомненно, «стрессовая ситуация», которая может повлечь за собой психотравматические последствия.

В настоящее время широкую распространенность приобретает понятие «домашнее насилие». Под этим понимается система поведения, целью которого является достижение власти и контроля в семейных отношениях. Оскорбления, запугивания, угрозы, принудительные сексуальные отношения, экономическая зависимость — это лишь часть насильственных взаимоотношений. Объектом домашнего насилия могут быть любые члены семьи. Специалисты выделяют три типа семейной жестокости: со стороны родителей по отношению к детям; со стороны одного супруга по отношению к другому; со стороны детей и внуков по отношению к престарелым родственникам.

В условиях всеобщего стресса и материальных трудностей злоупотребления в отношении детей во многих семьях стало привычным явлением. Любое насилие в семье, в том числе и использование физических наказаний, имеет особенно разрушительное воздействие взаимоотношения в семье. Жестокое обращение в семье — причина многих психологических проблем, которые сопровождают человека всю жизнь. Жестокое обращение и насилие, совершенное по отношению к ребенку, по своим последствиям относят к самым тяжелым психоэмоциональным травмам, приводящим к развитию посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР). В литературе имеются данные, что жес-

такое обращение и насилие в поведении родителей увеличивает вероятность развития детского дистресса, увеличивает уровень детской агрессивности, вероятности развития пограничного личностного расстройства, невротических и реактивных психотических расстройств.

Как чувствует себя человек во время кризиса? Тревога – главное и универсальное чувство, сопровождающее кризис. Излишняя тревога создает замешательство, негативные суждения, дезорганизует деятельность, приводит к неверному восприятию событий и оборонительному поведению. Еще одно чувство – беспомощность. Импульсивные действия во время кризиса нередко создают проблемы в будущем. Стыд, печаль, чувство гнева на себя или окружающих, противоречивость – все эти чувства отрицательно влияют на самооценку и делают человека очень уязвимым. Любые ненормативные кризисы, независимо от их результатов, существенно нарушают базовое чувство безопасности человека и могут приводить к развитию «болезненных состояний» – травматических и посттравматических расстройств. Возникают феномены отчуждения и безнадежности. Подобные состояния могут возникать в результате длинного ряда жизненных трудностей или под действием одномоментных психотравм. Однако в кризисе открываются и новые возможности. Чтобы взаимодействовать в условиях трудной, кризисной ситуации, необходимы навыки «совладающего поведения» – особого социального поведения, смысл которого – разрешить или «смягчить» требования, предъявляемые кризисной ситуацией. Подобные проблемы помогает решить семейная кризисная психотерапия.

Т. В. Павлова*

Ребенок в системе семейных ценностей

Семья традиционно рассматривается как основной институт первичной социализации индивида. Современная семья – это семья, живущая в новых социально-экономических условиях, она является одной из наиболее динамичных групп, через нее, с одной стороны, обеспечивается сохранение и преемственность гендерных стереотипов и установок на взаимоотношение полов, а с другой стороны, семья становится «инициатором» всего нового, что находит отражение в сознании супругов в виде их ценностных ориентаций, потребностей, жизненных планов, взаимоотношений между полами. Именно в семье формируются новые представления о месте и роли мужчины и женщины в современном мире, меняется половая мораль, трансформируется субкультурная дифференциация полов и поло-ролевых идентичностей.

На протяжении веков положение женщины в обществе и ее роль всегда связывались с материнством. Социальные и духовные функции материнства сохранились практически в неизменном виде со времен крито-микенской цивилизации и до наших дней. Рождение ребенка никогда не было чисто биологическим феноменом. Неизменность биологической основы материнства и социокультурных функций ставит его вне сиюминутных социальных правил, норм, требований моды. Оно вечно архаично и всегда современно.

Материнство, как понятие, используется в различных науках. Слово «материнство» («матерство») стало упоминаться в отечественных источниках с XI века. Существует несколько подходов к определению материнства. С философской точки зрения, материнство – уникальный феномен взаимодействия природно-генетических механизмов размножения и социокультурных детерминант, связанных исторически в единую изменяющуюся систему. Уникальность материнства состоит в том, что оно соединяет во едино природу и культуру.

* **Татьяна Викторовна Павлова** – аспирантка Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

В различных социологических концепциях материнство определяется как совокупность особых ролевых, поведенческих установок женщины, направленных на вынашивание, рождение, воспитание и обучение ребенка, которые особым образом эмоционально окрашены и связаны с характерной системой ценностей. В культурологии материнство рассматривается как одна из социально-культурных женских функций. Поэтому, хотя потребность быть матерью заложена в женской природе, все же общественные нормы и ценности оказывают определяющее влияние на проявление материнского отношения к детям. Желание иметь детей и быть матерью свойственно каждой здоровой женщине. Материнство – это медицинская, биологическая и социальная проблема. Ведь мать обеспечивает продолжение рода, вынашивает плод, потом вскармливает ребенка, то есть «передает жизнь» от поколения к поколению, участвует в социализации, воспитывает, учит своих детей. Проблемы социального и духовного воспитания медиками рассматриваются через призму факторов, влияющих на здоровье.

Можно рассматривать материнство как биологическое и социальное отношение матери к ребенку (детям). Биологическое отношение определяется происхождением ребенка от матери (кровным родством). Оно связано с выполнением женщиной репродуктивной функции. Материнство, будучи составной частью социального института родительства, влияет на функционирование семьи как малой социально-психологической группы. Материнство – одна из социальных женских ролей, поэтому, даже если потребность быть матерью и заложена биологически, общественные нормы и ценности оказывают определяющее влияние на его содержание и проявление у каждой конкретной женщины. Изучение сексуального и репродуктивного поведения проводилось в нашей стране большей частью в контексте демографических процессов и изменений, а также социологии медицины. Типы и мотивации репродуктивного поведения анализировались прежде всего с позиций критического анализа государственной демографической политики в стране, уровня и направлений развития социальной политики и здравоохранения, исторически сложившихся социально-культурных стереотипов полового поведения. Поскольку важнейший результат репродуктивного поведения дети, то потребность, удовлетворяемую репродуктивным поведением, можно назвать потребностью в детях. Одно из первых определений потребности

в детях дано А. И. Антоновым. По его мнению, потребность в детях является социально-психологическим свойством индивида, проявляющимся в том, что без их наличия индивид испытывает затруднения как личность.

Традиционно многие однозначно уверены в биологическом, природном характере репродуктивной культуры семьи. Действительно, репродуктивная функция предопределена биологически. Но если мы обратимся к исторической ретроспективе, да и просто задумаемся над теми явлениями, которые сегодня сопровождают репродуктивную сферу семьи, то увидим, сколь велико вмешательство человека в этот изначально биологический процесс, насколько человеку удалось сознательно изменить естественный ход репродуктивного процесса. В связи с этим является оправданным существование понятия репродуктивная культура семьи, которое связано с явлениями отцовства, материнства как с культурными феноменами, с ценностью человеческой жизни, особенно ценностью человеческой жизни у ее истоков, с отношением личности, семьи, общества в разных культурах к детям, деторождению, а также теми технологиями в репродуктивной сфере, которые практически постоянно присутствуют в культуре человека на протяжении всего его существования.

Важнейшей характеристикой репродуктивного поведения является уровень потребности в детях. Понятно, что статистически это измерить невозможно. Поэтому в демографии используются методы социологического опроса – респондентам задаются вопросы об «идеальном», «желаемом» и «ожидаемом» числе детей. Дальнейший анализ опирается на гипотезу, что: «идеальное» число детей отражает господствующую в обществе социальную норму репродуктивного поведения; «желаемое» – свидетельствует о готовности иметь определенное число детей при наличии всех необходимых условий; «ожидаемое» – говорит об оценках современной жизненной ситуации и ближайших перспективах изменения семьи. Практика многочисленных опросов подтвердила большую стабильность ответов на вопросы об «идеальном» и «желаемом» числе детей и высокую корреляцию ответов на вопрос об «ожидаемом» числе детей с текущей социально-экономической ситуацией.

В обществе постоянно происходят изменения модели материнства и детства, соответствующие изменению в самих общественных отношениях. Изменяется и отношение женщины к своей

роли матери. Многие психологические исследования свидетельствуют, что в становлении и реализации материнско-детского взаимодействия центральным и определяющим является материнское отношение; именно оно лежит в основе всего поведения матери, тем самым создавая уникальную для ребенка ситуацию развития, в которой формируются его индивидуально-типологические и личностные особенности. Считается, что «нормы материнского отношения» нет, так как содержание материнских установок различается в разных культурах и социальных группах и меняется от эпохи к эпохе. В современных условиях эти изменения настолько стремительны, что имеющийся «путь к модели» материнства, складывавшийся в общественной практике в течение десятков тысяч лет и включавший в себя способы формирования у матери наряду с осознаваемыми – не осознаваемых ни ею самой, ни обществом материнских функций, не успевает измениться соответствующим образом.

За последние годы в системе ценностей российских женщин и мужчин произошли значительные изменения. Это не могло не отразиться на поведенческих установках в сфере репродукции, отношении к материнству и отцовству. Материнство – одна из наиболее сложных и малоразработанных областей современной науки. Актуальность ее изучения продиктована противоречием между остротой демографических проблем, связанных с падением рождаемости, огромным числом распадающихся семей, увеличением числа сиротеющих детей при живых родителей, с ростом числа случаев жестокого обращения с ребенком, и неразработанностью программ социальной и психологической помощи семье и женщине.

Н. А. Доронькина*

Ценностные характеристики образа современного отца в представлении ребенка

Современные социологи, этнографы и психологи солидарны в том, что знания общества об отцовстве поразительно скудны. Броская формула М. Мид: «Отцы – это биологическая необходимость, но социальная случайность» – не просто юмористическое высказывание. На фоне относительной изученности материнства, отцовство остается «белым пятном».

Долгое время рождение и воспитание ребенка считалось исключительно женским занятием. Роль отца сводилась, как правило, к поддержке жены и ограничивалась эпизодической помощью ей в рождении и воспитании ребенка. Идеальным считался отец, способный создать материальное благополучие для своих детей. Взаимоотношения отца с младенцем ограничивались единичными контактами. В дошкольном и школьном возрасте воспитывал не столько отец, сколько его авторитет, поддерживаемый матерью. Непосредственное общение отца с ребенком сводилось к двум формам: дисциплинирующей и обучающей – передаче подростку ребенку профессиональных навыков и знаний. Однако все чаще в настоящее время поднимается вопрос о роли отца в развитии ребенка.

Традиционные роли отца и мужчины оставались неизменными на протяжении многих поколений. В настоящее время разрушаются традиционные отношения, стереотипы, изменяются исторически сложившиеся типы мужчины и женщины, отца и матери, поэтому проблема роли образа родителей в воспитании ребенка приобретает особую важность.

В настоящее время стереотип мужчины, а следовательно и отца, претерпевает серьезные изменения: идеал отца может быть

* **Н. А. Доронькина** – аспирантка факультета социальной психологии Гуманитарного Университета (г. Екатеринбург).

очень противоречивым, включать в себя полярные качества. Раньше отец был воплощением инструментальной эффективности, сейчас от мужчин ждут ласки и нежности, мягкой и активной заботы о детях, власть отцов в семье уменьшается.

Для нашей страны данная тема является особенно актуальной в силу исторических причин, особенностей влияния тоталитарного государства на мужскую роль в семье вообще и отцовство в частности. В настоящее время стереотип отца претерпевает серьезные изменения. Фактически даже стиль воспитания изменился за последние несколько поколений. Современные отцы во многом менее авторитарны, более эмпатийны и знают больше о повседневных заботах и проблемах своих детей.

Особенности отцовства, различные аспекты роли отца мало изучены, хотя данные вопросы являются актуальными и практически значимыми. Участие отца в воспитании ребенка невозможно переоценить, оно необходимо для формирования полноценной гармоничной личности, при условии четкого различения родительских ролей, оказывает положительное влияние на развитие детей.

Представление подростка об отце является наиболее информативным и значимым в изучении данной проблемы. Так как не только родитель может являться объективным источником информации о детско-родительских отношениях. Исследователям важно знать мнение ребенка.

В нашем исследовании была выдвинута гипотеза о том, что существуют значимые различия в представлении образа отца у детей из полных и неполных семей, в результате она подтвердилась. В контексте нашей работы мы разделили подростков на группы по критерию фактического присутствия или отсутствия отца. Не делая акцент на обстоятельствах отсутствия отца, мы смогли увидеть, что дети из неполных семей приписывают отцовскому образу большинство положительных характеристик, они идеализируют отцовскую фигуру. Как мальчики, так и девочки склонны приписывать ему стереотипно социально желательные качества, в отличие от детей из полной семьи, для которых образ отца все же приближен к реальному человеку. Наличие положительных характеристик отцовского образа может быть так же связано с лояльностью по отношению к нему, реальные взаимоотношения с отцом существуют, но их частота в некоторых семьях не всегда удовлетворяет запросы ребенка, дети из неполных семей, по нашим данным, в большей степени, особенно девочки, испытывают по-

требность в душевной теплоте и в своих характеристиках отцовского образа чаще всего видят его другом, близким человеком, товарищем.

Некоторая противоречивость эмоциональных характеристик у детей из неполных семей, амбивалентность транслируемых чувств по отношению к отцовской фигуре позволяет утверждать, что образ отца для этих детей эмоционально окрашен более интенсивно.

Семейная ситуация в нашем исследовании не выявила существенных различий в характеристиках отцовской роли в семье. Большинство детей отводят ему роль кормильца и добытчика, обладающего характеристиками успешности, мобильности и высоким статусом в обществе. Здесь также прослеживается идеализация, но уже в контексте мужской роли и ее качеств, формируемых современным обществом. Она отражает реальные запросы подростков, которые в этом смысле, по нашему предположению, могут ориентироваться на отца как на объект идентификации и требовать от него этого соответствия.

Безусловно, особенности подросткового возраста предполагают перенос ориентиров в отношении мужских ролей за круг семьи – подростки предпочитают общаться со сверстниками больше, чем со взрослыми родителями. Именно поэтому в этом возрасте на отношение к отцовской фигуре может влиять присутствие в близком окружении подростка объектов, способных выполнять функции отца: старшего брата, друга, более старшего возраста, других родственников. В связи с этим в дальнейшем исследовании нам представляется интересным ввести учет этих дополнительных факторов.

Результаты данного исследования позволяют сделать следующие выводы: дети из полных семей независимо от реальных отношений с отцом воспринимают отца более позитивно, чем дети из неполных семей, причем девочки воспринимают отцовскую фигуру с точки зрения близости и чувств, а мальчики с позиции статуса и власти. В стилях воспитания, с точки зрения восприятия ребенка, есть различия: дети из неполных семей в большей степени выделяют такие характеристики отношений, как вседозволенность со стороны отца, отстраненность, формальность. Дети из полных семей, особенно девочки, напротив, выделяют доверие, внимание, теплоту и открытость отношений, хотя и отмечают непоследовательность в общении. При описании личностных качеств, образ

отца из полных и неполных семей не имеет существенных различий, что свидетельствует о некоторой идеализации этой фигуры как таковой. Отцу приписываются такие качества, как активность, успешность, общительность, сила, доброта, обаяние, которые являются стереотипно социально приемлемыми. На бессознательно эмоциональном уровне дети из неполных семей более определенно соотносят себя с отцовскими характеристиками, а дети из полных семей противопоставляют себя этим качествам. Для девочек из неполных семей фигура отца является более конфликтной, что проявляется в более выраженном негативном отношении к отцовским характеристикам.

Необходимо также и более полное исследование семейной истории и мифов, а также самих особенностей ситуаций отсутствия родного отца в семье, все это безусловно тесно связано со структурой отцовского образа. Именно поэтому, на наш взгляд, и в дальнейшем интересным представляется исследование образа отца в представлении подростков из неполной семьи, но уже на уровне более четкой дифференциации самой семейной ситуации, в которой воспитывается ребенок.

И. В. Майн*

К вопросу о сложившейся ситуации противоречия между ценностями профессии и требованиями рыночных отношений (на примере специалиста фармацевтической отрасли)

Разработка концепции профессионального развития субъекта деятельности – актуальная научно-практическая задача. На изучение проблемы формирования личности профессионала оказывает существенное влияние ряд положений психологических теорий личности и деятельности (А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов, Л. И. Анцыферова, Б. П. Ананьев и др.).

Профессиональная деятельность – особый вид деятельности. Подготовка специалиста должна быть связана как с формированием личностных характеристик, так и с формированием навыков деятельности. Со временем любые технологии меняются, что не может не оказывать влияние на целевые установки, ценностные ориентации, систему конкретных знаний специалиста.

В своей деятельности специалист-фармацевт опирается, прежде всего, на этические принципы деонтологии, что порождает противоречие (кажущееся или действительное) между требованиями рыночных отношений и принципом «не навреди». Также возникает проблема изменения сути коллективной деятельности: произошло смещение акцента с производственного на конкурирующе-сотрудничающий тип взаимодействия. Существует и проблема рефлексии специалиста и оценки его труда (кто оценивает, как оценивается, что оценивается).

В настоящее время востребована практическая модель профессионального труда фармацевта/провизора. Для ее теоретической разработки взяты за основу две основные стратегии поведе-

* **Ирина Владимировна Майн** – аспирантка факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

ния: адаптивный стиль и сознательное профессиональное развитие (концепция С. Л. Рубинштейна о двух способах жизни). В этом случае модель профессионального развития выступает как метод развития конкурентоспособной личности, а модель адаптивного поведения определяет путь стагнации и невротизации специалиста.

Движущая сила профессионального развития – сравнение Я-действующего и Я-отраженного (идеальный план – у Давыдова В. В.). Результат сравнения – попытка изменить либо себя, либо внешние обстоятельства. Оценка персонала руководителем в этом случае может стать некоей дополнительной «помощью» в профессиональном развитии специалиста. Сложность оценки профессиональной деятельности специалиста фармацевтического рынка связана с профессиональной стагнацией самого «оценщика».

В силу особенности структуры профессиональной деятельности руководителя аптеки ему свойственны дополнительные ограничения (к примеру, преобладающая идентификация себя с ролью исполнителя, а не руководителя). Оценка персонала с помощью набора компетенций – современный, демократичный и наиболее объективный способ оценки для неспециалиста, где компетенция – модель поведения, дающая наилучший эффект в выполняемой деятельности. Наше исследование показало, что 43 % (30 чел.) опрошенных специалистов фармбизнеса не соотносят свой труд с теми требованиями, что предъявляет рынок.

Особенности фармрынка – это законодательные и этические ограничения; построение коммуникаций одновременно с несколькими целевыми аудиториями (врачи, фармацевты, потребители); большая степень недоверия потребителей к рекламе лекарственных средств.

В настоящее время в обществе происходит ломка традиционных стереотипов профессии врача, фармацевта, роли аптеки в жизни общества. Также существующая политика государства выступает как значимый стресс-фактор в работе фармацевта/провизора. Особенности социальной и профессиональной ответственности специалиста напрямую связаны с процессами, происходящими в обществе. Отсутствие на рынке труда достаточного количества специалистов еще один неблагоприятный фактор для повышения качества профессиональной деятельности принадлежит образовательным учреждениям.

Сформированное ценностное отношение к своему труду побуждает человека к активному личностно-профессиональному развитию. Эффективность личностно-профессионального развития зависит также и от уровня рефлексивной культуры личности: готовности и способности переосмысливать стереотипы своего опыта, готовности осуществлять инновации в свою профессиональную деятельность, деловые и межличностные отношения.

Таким образом, в общей проблематике исследований развития личности особое положение занимает личностно-профессиональное развитие. В самом же личностно-профессиональном развитии отмечена устойчивая связь как между особенностями личности, влияющими на профессиональную деятельность, так и влиянием профессиональной деятельности на развитие личности.

О. В. Мальцева*

Среднее профессиональное образование: новые ценности и повседневные практики

В сфере среднего профессионального образования до последнего времени превалировала вертикальная система организации и управления. Активизирующиеся в последние годы процессы ослабления вертикальных и существенного усиления горизонтальных связей в структурах управления, формирующиеся региональные рынки труда привели к перераспределению функций и результатов деятельности среднего профессионального образования в пользу конкретных регионов.

Процессы распада отраслевых систем среднего профессионального образования и сокращения его финансовой базы привели к необходимости расширения функционального поля учебных заведений, в том числе развития устойчивой системы связей как между собой, так и с другими образовательными, научными и производственными структурами. В связи с этим одним из составных элементов процесса регионализации среднего профессионального образования следует считать появление новых организационных структур образовательных учреждений. В этой области наблюдаются два процесса: с одной стороны, развивается диверсификация форм организации и содержания образовательного процесса, видов учебных заведений, с другой – нарастает интеграция деятельности различных учебных заведений, необходимая для решения задач регионализации, но более эффективными методами.

Диверсификация реализуется в виде многоуровневости, многоступенчатости профессиональной подготовки, вариативности и гибкости образовательных программ. Сохраняя стабильность функционирования системы образования, диверсификация способствует ее динамике: система профессионального образования ста-

новится более способной к оперативной перестройке, быстрым структурным изменениям и инновационной активности; обеспечивает благоприятные условия для сближения форм организации образовательного процесса и образовательных технологий в учебных заведениях общего, начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования. Интеграция различных сторон деятельности учебных заведений позволяет сокращать расходы, более рационально и эффективно использовать трудовые, финансовые, материальные ресурсы. Наиболее полно интеграция достигается за счет преемственности образовательных программ и их реализации на основе объединения отдельных учебных заведений – школ, ПТУ, техникумов, колледжей и вузов, в новые виды учебных, учебно-научных и учебно-производственных комплексов, имеющих, в том числе, региональный характер.

Это способствует формированию и развитию ценностных ориентаций молодежи в образовательном процессе, а во время реформирования образования и общества становится первостепенной задачей, поскольку от того, какие убеждения и ценностные ориентации будут сформированы у молодых людей, во многом зависит перспектива развития общества и государства. Повседневные практики средних профессиональных учебных заведений показывают, что они во многом сохранили опыт воспитательной деятельности. Но и она характеризуется рядом негативных явлений: неудовлетворенностью значительной части студентов уровнем профессиональной подготовки, усилением асоциального поведения в студенческой среде, потерей ценностных ориентиров.

Особенностью взаимодействия воспитательного пространства среднего профессионального учебного заведения и иных образовательных пространств является противоречие между целевыми установками субъектов образования, определяющих их функционирование. В значительной степени это противоречие обусловлено наличием серьезных дисфункций в воспитательных пространствах семьи, школы, «улицы» (микрорайона, села, города и т. п.). Разрешение этого противоречия требует применения современных повседневных адаптационных практик. Эти практики связаны с использованием ряда технологий: проблемной актуализации; когнитивно-информационной оптимизации; целевого адаптивирования, направленных на повышение ценностно-ориентационного уровня учащихся; ресурсного обеспечения; стимулирования; операционно-ин-

* **О. В. Мальцева** – аспирантка факультета социологии, педагог-психолог I категории СОМЭПК (г. Екатеринбург).

струментального обеспечения; коммуникативной оптимизации; групповой консолидации, группового сплочения; организационной оптимизации; социально-организационного нововведения.

Для студентов средних профессиональных учебных заведений образование достаточно тесно увязано с идеей получения диплома, но данный мотив не является преобладающим. Гораздо важнее для них жизненный успех. В этом отношении студенты представляют собой благоприятный объект воздействия, которое, в силу специфики их ориентации на профессию, профессиональный успех, очевидно, должно осуществляться, в первую очередь, в ходе профессионального образования и обучения. Обеспечение стабильности и устойчивости самого воспитательного пространства среднего профессионального учебного заведения предполагает применение технологий социальной регуляции: нормативной, традиционно-ритуальной, конвенциональной, компаративной, состязательной, коммуникативной, ценностной, оценочной, статусной, символической, психотерапевтической, социально-экологической, селективной, стимулирующей, принудительной, ситуационной. Оптимизация управления воспитательным пространством требует развития практики прогнозирования и проектирования воспитательного взаимодействия. Одним из способов решения данной задачи можно считать создание в средних профессиональных учебных заведениях социально-психолого-педагогических служб.

Литература

1. Аналитическая записка о среднем специальном образовании Ростовской области. Ростов н/Д.: Госкомстат, 1997. 26 с.
2. Андрюхина Л., Вишневецкий Ю. Региональный компонент образования: от унификации к разнообразию // Народное образование. 1995. № 10. С. 14–16.
3. Анисимов П. Ф. Среднее профессиональное образование в России: период реформ // Среднее профессиональное образование. 1997. № 2. С. 8–15.
4. Анисимов П. Ф. Среднее профессиональное образование: развитие профессионального образования в контексте модернизации образования // Среднее профессиональное образование. 2002. № 4. С. 2–8.

Н. Н. Петяк*

Феномен профессиональной компетентности преподавателя

Педагогическая профессия является одновременно преобразующей и управляющей. Чтобы управлять процессом развития личности, нужно быть компетентным. Анализ современных исследовательских подходов к содержанию понятия «профессиональная компетентность» преподавателя показал, что данная проблема активно изучается в настоящее время отечественными и зарубежными учеными, вкладывающими в ее трактовку различный смысл.

Е. В. Бондаревская связывает феномен профессиональной компетентности с понятием «педагогическая культура», являющимся его базовым компонентом, способствующим формированию специалиста высокой культуры, а не «ремесленника в образовании». По мнению Б. С. Гершунского, профессиональная компетентность представляет собой некий уровень, степень, качественный и результативный показатель сформированности профессиональных знаний, навыков владения предметом и умения их реализации в деятельности.

Профессиональная компетентность может быть представлена и как система, включающая в себя аспекты философского, психологического, социологического, культурологического, личностного порядка (Т. Г. Браже, Н. И. Запрудский). В американской социальной науке в модель компетентного специалиста входят также дисциплинированность, самостоятельность, коммуникативность, стремление к саморазвитию. Шведские ученые считают, что профессиональная компетентность — это интеграция интеллектуальных, моральных, социальных, эстетических, политических аспектов знаний.

Большинство ученых, как отечественных, так и зарубежных, сходятся во мнении, что профессиональная компетентность пре-

* **Наталья Николаевна Петяк** — аспирантка факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

подавателя определяется профессиональными знаниями и умениями, ценностными ориентациями в социуме, мотивами его деятельности, культурой, проявляющейся в речи, стилем общения, общей культурой, способностью к развитию своего творческого потенциала, а также владением методикой преподавания предмета, способностью понимать и взаимодействовать со студентами, уважением к ним, профессионально значимыми личными качествами. Отсутствие хотя бы одного из этих компонентов разрушает всю систему и уменьшает эффективность деятельности преподавателя.

Понятие профессиональной компетентности преподавателя выражает единство его теоретической и практической готовности в целостной структуре личности и характеризует его профессионализм (Л. И. Мищенко). Мы считаем, что профессиональная компетентность преподавателя включает в себя личностную, психологическую и коммуникативную компетентности.

Коммуникативная компетентность преподавателя – это индивидуальная характеристика его профессиональной компетентности, отражающая степень ориентированности в педагогическом общении, основанная на профессиональных коммуникативных знаниях, умениях, качествах и установках и формирующаяся в условиях специально организованного социально-педагогического взаимодействия. Это система внутренних ресурсов, совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для построения эффективного взаимодействия в определенном круге ситуаций межличностных взаимоотношений. Эта система – необходимое условие успешной реализации личности преподавателя в процессе профессиональной деятельности (Лукьянова М. И.).

Опора на системный подход и идеи психологии индивидуальности позволяют теоретически представить модель профессиональной компетентности как целостную систему, которая включает в себя структурные и функциональные компоненты. В состав структурных компонентов входят профессиональные коммуникативные знания, умения, установки и качества. Функциональную структуру представляют интеллектуальный, мотивационный, эмоциональный, волевой, предметно-практический, саморегуляционный, экзистенциальный компоненты.

Личностная компетенция является регулятором личностных достижений, поиска личностных смыслов в общении со студентами, побудителем самопознания, профессионального роста, совершенствования мастерства, смысловтворческой деятельности, раз-

вития рефлексивных способностей и формирования своего собственного дидактического стиля. Кроме этого, хочется отметить рефлексивный компонент личностной компетенции, который проявляется в умении сознательно контролировать результаты своей деятельности и уровень собственного развития, личностных достижений; сформированность таких важных для преподавателя качеств и свойств, как креативность, инициативность, нацеленность на сотрудничество, сотворчество, уверенность в себе, склонность к самоанализу, способность к импровизации, предвидению, творческому воображению, а также профессионально значимых знаний (широкая осведомленность, эрудированность), умений и навыков.

Психологическая компетентность преподавателя представляет собой совокупность разнообразных функционально-психологических и социально-психологических знаний и умений, а также определенных личностных качеств, позволяющих преподавателю эффективно осуществлять процесс обучения своему предмету с учетом индивидуально-психологических особенностей студентов. Психологическая компетентность преподавателя проявляется в создании оптимального психологического климата на занятиях; создании и поддержке положительной мотивации к обучению и личностному развитию у студентов; осуществлении косвенного внушения; готовности к импровизации и спонтанному реагированию на происходящее в группе. Хочется отметить, что применение активных форм обучения способствует формированию коммуникативной и психологической компетентности преподавателя.

А. В. Ачина*

Некоторые трудности профессионального становления начинающих психологов-диагностов в повседневной практике

В условиях современного рынка психологических услуг психологическая диагностика занимает достаточно весомое место. Наиболее востребованными являются такие области, как: индивидуальная психодиагностика, с последующим составлением психологического портрета клиента, указанием сильных сторон его личности и так называемых зон роста; психодиагностические блоки, входящие в структуру организационного консультирования и построения тренинговых программ; психологическая диагностика, направленная как на профотбор, так и на диагностику уже имеющегося кадрового состава.

Студенты, обучаясь на факультете практической психологии, изучают психодиагностику теоретически, в лучшем случае, оттачивая технику диагностических мероприятий на себе, коллегах по учебе или членах своей семьи, что не всегда эффективно, а тем более, корректно. Результаты проведения некоторых проективных методик (ТАТ, тест Роршаха, тест Сонди) [2] напрямую зависят от правильности и четкости осуществления диагностом самой процедуры тестирования, от его поведения во время исследования, а также от успешного овладения им навыками правильного ведения протокола, регистрации большого объема информации как вербального, так и невербального характера. Перечисленных умений можно достичь только с помощью неоднократного использования данных методик на практике.

Существующие образовательные программы мало внимания уделяют практике психологического консультирования по результатам психодиагностики. Психодиагностическая практика (ста-

* **А. В. Ачина** – аспирантка Южно-Российского Гуманитарного Института (г. Ростов-на-Дону).

жировка) под контролем более опытного психолога помогает освоить правильность процедуры проведения, алгоритм обсчета полученных данных, интерпретацию по результатам обследования, составление психодиагностического заключения и, конечно, стратегии дальнейшей психологической работы с данным клиентом или группой. Имеет место факт слабого развития, а кое-где и полного отсутствия института супервизии для начинающих специалистов как такового.

Ситуация неопределенности, в которой приходится работать молодому специалисту-психологу, часто перегружает его тревогой и проверяет на прочность его адаптивные способности. Это, в свою очередь, негативно сказывается на качестве проведения психодиагностики. Можем выделить ряд трудностей в практической работе начинающего психолога, возникающих, в частности, при проведении психодиагностических мероприятий.

Наиболее часто студенты-психологи, которые делают первые профессиональные шаги еще во время обучения, а также молодые специалисты – выпускники психологических факультетов вузов сталкиваются с такими трудностями в работе, как:

- трудности адекватного подбора методик для проведения диагностики какой-либо стороны психической деятельности или тестовых батарей для комплексного исследования личности;
- ограниченность времени, отведенного для психодиагностического исследования и написания заключения, либо трудности в мотивации клиента для прохождения полного психодиагностического исследования;
- трудности в интерпретации данных проведенного исследования и последующего написания психодиагностического заключения;
- трудности в построении стратегии последующей работы с клиентом и др.

Попытаемся разобраться в причинах и наметить варианты путей их преодоления.

Итак, трудности, возникающие у молодых специалистов в вопросах адекватного подбора психодиагностических методик в том или ином случае, достаточно подробно освещены в работах Синченко Т. Ю. [4]. Отметим только, что навык построения гипотез успешно тренируется [1, 3] и впоследствии может стать, наряду с другими составляющими, основой для успешного решения многих диагностических задач самого разного характера.

Далее отметим такие трудности начинающих психологов, как проведение диагностических мероприятий в ограниченные временные сроки. Зачастую такой запрос сводится к элементарному неумению планирования времени в рамках психодиагностической сессии, т. к. каждая психодиагностическая методика имеет описание примерного времени, которое отводится на одного исследуемого. В условиях проведения организационного консультирования, диагностики персонала, где чаще всего психолог ограничен во времени, необходимо иметь несколько взаимозаменяемых, альтернативных по времени вариантов психодиагностических методик, иметь возможность привлекать помощников и обязательное отдельное время для обработки результатов диагностики, которое необходимо оговаривать заранее на стадии подписания рабочего договора или альянса. Однако имеет место и ситуация, когда психолог сталкивается с работой психологических защит, трудностями мотивации. Можно мотивировать, показав положительные стороны диагностики для каждого типа клиентов: она позволит лучше узнать свои сильные стороны; эффективно построить деятельность; выявить ресурсы организма; лучше понять свои поступки; позволит сэкономить ваше время; поможет найти способ более эффективного общения, и т. д.

Трудности в интерпретации данных психодиагностического исследования возникают, когда имеет место неструктурированное, бессистемное диагностическое обследование, когда толком не понятно, что исследовал психолог и для какой цели. Возможно, молодым специалистом не был определен подход, в рамках которого производится интерпретация данных с целью постановки психологического диагноза и написания психологического заключения. Зачастую молодые специалисты используют набор методик, результаты которого представлены не только в разных шкалах, но и рассматриваются и интерпретируются на языке различных психологических концепций. Подробно вопрос анализа и интерпретации полученных данных изложен Синченко Т. Ю. [4] и Собчик Л. Н. [5], в работе которых предлагается концептуальный подход к понятию личности, а именно «теория ведущих тенденций», позволяющая сблизить подходы и сделать сравнимыми данные различных тестов на феноменологическом уровне.

Трудности построения конструктивной стратегии психологической консультативной или психокоррекционной работы из-за отсутствия опыта и недостатка навыка приводят к тому, что начи-

нающие психологи не занимаются психодиагностикой и не ведут частной практики. К психологу изначально предъявляются довольно высокие требования: эрудированность, гибкость мышления, любопытство, открытость к новым знаниям, толерантность, эмпатия. Умение справляться с ситуацией неопределенности и возникающей относительно нее тревогой также принадлежит к числу профессиональных навыков психолога [1, 3, 4]. Профессиональная зрелость психолога подразумевает принятие им ответственности за личностные потребности, признание их существования, понимание их динамики и умение контролировать их проявление в ситуации взаимодействия с клиентом.

Создание практики супервизии для начинающих работать по специальности студентов-старшекурсников и выпускников-психологов сможет, на наш взгляд, помочь в решении такого рода трудностей в становлении молодых специалистов-психологов.

Итак, в данной статье были затронуты некоторые из проблемных аспектов, наиболее часто встречающиеся в работе начинающих психологов в области психодиагностики. Влияние стилей мышления и когнитивных стилей на успешность решения диагностических задач станет предметом нашего дальнейшего исследования и будет отражено в последующих публикациях.

Литература

1. Бермант-Полякова О. В. Посттравма: диагностика и терапия. СПб.: Речь, 2006.
2. Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика личности. Киев, 1989.
3. Коттлер Дж. Совершенный психотерапевт. Работа с трудными клиентами. СПб.: Питер, 2002.
4. Синченко Т. Ю. Этапы психодиагностического обследования: Учеб. пособие. Ростов н/Д., 2001. Ч. 2.
5. Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. М., 2006.

Специфика социокультурного подхода к анализу сетевых сообществ

Развитие Интернета, сотовой связи и мобильного Интернета приводит к возникновению новых практик в общественной жизни, и из технологий, обеспечивающих передачу информации, они превращаются в структурирующие, объединяющие людей технологии. Появляющаяся инфраструктура допускает человеческие действия, которые прежде были невозможны. Использование Интернета как основы организации социального пространства и укоренение его как вида общественных практик с неизбежностью приводит к трансформациям практически во всех значимых сферах жизнедеятельности человека.

Сетевые сообщества представляют объединения людей в рамках возникающего социального пространства и могут рассматриваться как среда, в которой происходит взаимопроникновение культурного и социального. При этом принципиальным моментом является то, какие видения идей и смыслов рождаются и реализуются индивидами или группами в процессе осуществления деятельности в рамках сетевых сообществ. Понимаемые нами как специфический вид социальной общности, они имеют в своей основе важные отличия от сообщества в его прежнем понимании.

Принимая сетевые сообщества в качестве основной единицы анализа культуры нового социального пространства и рассматривая их специфику с точки зрения социокультурного подхода, целесообразно выделить три основных спектра. Во-первых, мы рассматриваем сетевое сообщество как форму организации индивидов, во-вторых, как новый тип взаимодействия и, в-третьих, как коммуникационную среду.

Анализ сетевого сообщества как формы организации индивидов предполагает разработку на ее основе типологии сетевых сообществ. Учет особенностей сетевых сообществ, где границей

* *Р. В. Кончаковский* – аспирант кафедры социологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

выступает оболочка того или иного электронного ресурса, позволяет рассматривать эти сообщества, с одной стороны, как носителей определенной субкультуры, а с другой, говорить о социокультурных характеристиках сети в целом.

Форма организации может выступать одним из значимых факторов, определяющих деятельность индивидов в рамках сетевого сообщества. Проявление этого фактора, в первую очередь, может касаться механизмов контроля и регуляции деятельности, что на современной стадии становления сетевых сообществ является поводом многочисленных дискуссий и споров. В конечном счете, именно принципы регуляции деятельности сказываются на времени существования сообщества, на поддержании интереса его членов к деятельности в рамках этого сообщества.

Специфику типа взаимодействия связывают с трансформациями в общественной жизни, он выступает как критерий организации социальных отношений, имеет решающее значение в укоренении определенных моделей социализации. В основе сетевого сообщества находится тип взаимодействия, организация которого основана на сети связей акторов, составляющих сообщество. Возникающие в сети связи не только изменяют социальную структуру и вызывают изменения во многих сферах жизни, но и выступают фактором становления новых ценностей, значимых для регуляции деятельности сообщества и общества в целом. Возможно, в настоящий момент происходит коренной «пересмотр» таких ценностей, в основе которых лежит стремление индивидов к социальному признанию на основании критериев материального богатства.

Следует подчеркнуть, что мы не считаем, что весь рассматриваемый нами процесс становления сети взаимосвязей в рамках сетевых сообществ приводит к постепенному исключению материального богатства как критерия успешности и социального признания. Но выделение новых основ для признания, реализуемого в рамках сетевых сообществ, выступает как безусловное расширение таких критериев и, как следствие этого, приводит к возникновению специфической культуры отношений.

Анализ типа взаимодействия позволяет прояснить некоторые элементы этой культуры, ее ценности, нормативности и т. д. Основное внимание при этом необходимо сосредоточить на характеристиках обмена ресурсами, степени признания индивида в обществе в зависимости от участия в обмене, оценке места «ко-

тирующихся» акторов в сетевой структуре и анализе основных групп влияния в рамках сети связей.

Третий угол зрения на сетевые сообщества как социокультурный феномен состоит в рассмотрении их особенностей с позиций теорий коммуникации. Сетевое сообщество в этом случае представляет собой коммуникационную среду, и основными объектами анализа становятся характеристики коммуникатора и реципиента, способы передачи и переработки информации, где важность имеет уже не только содержание сообщения, но и способы аргументации индивидами своего мнения.

В качестве основных отличительных особенностей выделяется сохранение содержания обсуждений в архиве, что обеспечивает возможность свободного доступа к информации, отсутствие элемента спонтанности в восприятии, не опосредованное другими содержание дискуссии и, как следствие этого, возможность формировать независимую субъективную оценку происходящего. В силу же того, что в процессе коммуникации индивиды остаются анонимными и физически не представленными, но желают участвовать в жизни сообщества, возникают проблемы доверия и влияния. Сообщества стремятся к решению возникающих проблем и вырабатывают механизмы достижения согласия, установления степени доверия, что, в конечном итоге, сказывается на культуре коммуникации, приводит к появлению определенных типов поведения и оценок деятельности, принятых в сообществе. Культура коммуникации, возникающая в сетевых сообществах, выступает, на наш взгляд, как важный составляющий элемент культуры в целом.

И. Е. Романова*

Знакомства в виртуальной коммуникативной среде как способ совладания с травматическим опытом

Сегодня, когда скорость жизни невероятно велика, информационные технологии бурно развиваются, все большее распространение приобретает общение в Интернете, оно все чаще заменяет обычные человеческие контакты. Форм пользования интернетом великое множество – поисковые информационные сайты, Интернет-магазины и биржи, форумы и чаты, игровые серверы и т. д.

Все чаще педагоги и психологи говорят о формировании Интернет-зависимости, однако серьезных исследований в этой области нет. Традиционно об Интернет-зависимости говорят применительно к молодежной группе пользователей игровых серверов. Однако вне фокуса внимания остается такой интересный феномен, как сайт знакомств в Интернете, пользователями которого являются взрослые люди. Такие сайты имеют огромное количество пользователей и с каждым днем приобретают все большую популярность. О чудесных замужествах с принцами из Интернета ходят легенды. Вместе с тем сами пользователи названного сайта жалуются на невозможность уйти с него. Они все чаще обращаются к психотерапевтам в качестве клиентов, предъявляя жалобы как на зависимость, так и на сопутствующие психологические проблемы – депрессии, эмоциональные срывы, личные проблемы. Вполне серьезные психологические проблемы – неуверенность в себе, страх отвержения, страх близости, сексуальные проблемы и т. д., скрываются и за мотивами предпочтения такой формы знакомств и контактов. В этой связи исследования в этой области нам представляются актуальными и практически значимыми.

* **Илона Евгеньевна Романова** – канд. филос. наук, доцент Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Следует сразу оговориться, что, учитывая особенности технического устройства самого сайта и масштабы охвата пользователей, возникают определенные трудности для получения достоверной, правдивой и статистически значимой информации. Поэтому ограничимся лишь постановкой проблемы и обозначением некоторых наблюдаемых тенденций.

Прежде всего, стоит сказать, что сайт знакомств, объединяющий большое количество почтовых серверов в нашей стране и за рубежом, является единым сетевым проектом, причем проектом прежде всего коммерческим. Несмотря на видимую доступность сайта для пользователей (бесплатная регистрация), выход в него является довольно дорогим удовольствием, так как поглощает огромное количество мегабайт (фотографии, реклама, постоянная необходимость обновления страницы при контактах), за которые и платит клиент. Возможно именно с коммерческими интересами владельцев связано особое техническое устройство сайта.

Войти в сайт можно, но пользоваться им и устанавливать любые контакты можно только после авторизации. Таким образом, необходима регистрация. Зарегистрировавшийся пользователь может заполнить анкету, вывесить свои фотографии и установить, уже за дополнительную плату, особые настройки. Необходимо обратить внимание на любопытный факт. Существуют специальные правила о правдивости информации, подлинности фотографий и т. д. Однако реально невозможно проверить, насколько информация, отраженная в анкетах, является подлинной. Более того, невозможно отследить количество анкет одного пользователя: практически любой человек имеет возможность зарегистрировать любое количество анкет, под разными именами, разного пола, указав разный возраст и написав в регистрационной анкете все что угодно. Контент-анализ анкет в разных регионах нашей страны показывает, что большинство мужчин (независимо от возраста), позиционируют себя как неженатых, без вредных привычек, самостоятельных, обладающих необыкновенными сексуальными возможностями, активных, при этом живущих с детьми(!). Женские анкеты более разнообразны по содержанию, однако в них больше представлены не самопрезентации, а требования к предполагаемому партнеру. Кроме того, среди фотографий, представленных на сайте, достаточное количество изображений известных и малоизвестных артистов, певцов, публичных деятелей.

Второй интересной особенностью является последовательность получения информации. Сначала открывается фотография и только потом анкета, в которой указывается цель знакомства. Таким образом, селекция контактов осуществляется по типуажу, что придает этому процессу эротический контекст, и только потом по интересам и целям знакомств.

Третьим существенным моментом, достойным внимания, является противоречивость информации, представленной в анкетах. Такая противоречивость заведомо заложена авторами проекта. При регистрации пользователь должен заполнить анкету, достаточно длинную и включающую множество разнообразных вопросов, от цели знакомства и требований к предполагаемому партнеру до предпочтений в сексе и описания физиологических особенностей. Безусловно, у пользователя есть выбор, заполнить анкету полностью или только частично, кроме того, он имеет возможность по некоторым пунктам дописать что-то, что считает нужным.

Анализ анкет показывает, что мужские анкеты можно условно разделить на четыре группы – чаще всего встречаются анкеты, где максимально представлены ответы на предложенные вопросы и нет другой информации, вторая группа – ответы на вопросы и минимальная информация в графах «о себе», «кого я хочу найти» и «что я люблю в сексе», третья группа – минимальная информация, ограничивающаяся указанием «ищу девушку», и четвертая группа – эпатажные анкеты. Нам показалось достаточно любопытным, что в большом количестве мужских анкет возрастной группы от 18 до 29 лет указывается желаемый возраст претендентки на знакомство и общение – от 30 до 50 лет, а в графе цель знакомства указывается «регулярный секс» или «секс на один два раза». Среди женщин большинство анкет содержат дополнительную информацию, вероятно, женщины относятся к поиску партнера с большей надеждой. Описанные тенденции обнаружены в анкетах пользователей разного возраста и в разных регионах (Екатеринбург, Каменск-Уральский, Москва, Ростов-на-Дону, Воронеж, Ставрополь и т. д.).

Анализ анкет и поведения пользователей на сайте (например, удаление профайла и появление новой анкеты этого же пользователя в течение нескольких дней, но уже с другим содержанием, хотя ограничений на редактирование анкет нет, отказ от встречи в реальном пространстве даже после продолжительного общения на сайте) позволил нам предположить, что для пользователей сай-

та, возможно, характерен определенный комплекс психологических проблем.

Так, общение на сайте является довольно безопасным. Собеседники не видят друг друга. При этом можно позиционировать себя любым способом, правдивость информации никто проверить не может. Это, с одной стороны, позволяет фантазировать и приписывать себе любые желательные качества, с другой стороны, можно довольно безопасно отыгрывать любые эмоции и импульсы – сексуальные, агрессивные. Контакт в любой момент можно прервать, просто отключив компьютер или не отвечая на сообщения. Можно просто не вступать в него. Можно отслеживать присутствие на сайте интересующего человека, так как фиксируется время его пребывания там, что дает иллюзию контроля. Вместе с тем, можно легко послать сообщение любому интересующему пользователю, не страшась отвержения. Даже если такое и последует, от него человек дистанцирован и оно воспринимается не слишком болезненно. Можно общаться в режиме чата, поддерживая иллюзию личностного контакта и взаимного интереса. Кроме того, выходя на сайт в любое время суток, можно обнаружить там какое-то количество присутствующих пользователей, что дает ощущение включенности в процесс общения, которое ни к чему не обязывает. Возникает чувство включенности, востребованности. Вероятно, возможность беспрепятственно и анонимно коммуницировать способна купировать тревогу, вызванную субъективным чувством одиночества.

Однако сам факт большого количества людей, включенных в процесс виртуального общения в ущерб реальному, не может не настораживать. Кроме того, известно, что зачастую, даже если пользователь в реальной жизни находит себе партнера и пытается строить реальные отношения, он не оставляет своей привычки общаться в Интернете.

Подобные наблюдения позволили нам предположить, что, возможно, наблюдаемое поведение в виртуальном пространстве является своеобразной формой копинга, и тогда за ним может стоять травматизация.

Безусловно, было интересно прояснить наши гипотезы. С этой целью в рамках Морено-фестиваля осенью 2006 года была разработана и проведена творческая мастерская «Выбери меня, или любовь в Интернете» в формате психодрамы.

Первоначальная наша гипотеза заключалась в том, что травматизация связана с опытом отвержения. Именно на страх отвержения и был акцентирован «разогрев». В психодраме приняло участие около двадцати человек. Любопытно то, что перед началом работы участники комментировали возможность знакомств в Интернете, говорили, что они бы никогда этого не делали. Тем не менее уже в процессе «разогрева» выяснилось, что почти все присутствующие на вок-шоупе такой опыт имеют и о возможности такого рода общения не имел представления только один-единственный участник группы. Можно было увидеть, что необходимость признаться в таком опыте вызывает чувство неловкости и стыда.

В качестве «разогрева» группы использовалась серия структурированных упражнений, включающих элементы социометрии и построенных по образцу Интернет-регистрации и других форм так называемых «быстрых знакомств». После чего оставшееся время было использовано для проведения виньетки и шерринга. Следует отметить, что предложенные упражнения вызвали психологическую реакцию защиты, которая проявлялась в форме либо смеха, либо раздражения. Вместе с тем группа смогла увидеть и почувствовать круг проблем, актуализируемых виртуальным общением, что подробно и обсуждалось в шерринге. Несмотря на довольно сильное сопротивление группы во время «разогрева» и выбора протагониста, желающих на роль протагониста было довольно много. При этом все претенденты на роль протагониста в качестве проблемы для работы предъявили наличие потери, утраты. Конечно, эпизоды для проработки предъявлялись разные – от расставания с девушкой, которая не дождалась друга из армии, до развода, произошедшего после суицидальной попытки жены. Так или иначе, запрос участников, а мы исследовали его через материал Интернет-знакомств, был связан с непережитой травмой потери.

Мы можем предполагать, что у большинства пользователей сайта знакомств действительно в личном опыте есть травмы потери – разводы, расставания, смерти, у молодых – разводы родителей. В норме потеря переживается в течение года и не требует специальной помощи. Но, к сожалению, по многим причинам возможно «зацикливание» на переживаниях, в результате чего формируется так называемое «патологическое горе». И тогда действительно можно рассматривать попытки общаться и искать себе пару в Интернете как способ нейтрализации тяжелых переживаний.

Принято выделять три стиля копинг-поведения: проблемно-ориентированный, эмоционально-ориентированный и избегание.

На наш взгляд, совладающее поведение с помощью Интернет-знакомств является амбивалентным. С одной стороны – это активность, направленная на изменение своей жизни, и в этом смысле это проблемно-ориентированный позитивный копинг. Кроме того, такое общение действительно купирует тревогу и позволяет откорректировать сильные эмоции. Но одновременно такое общение является ничем иным, как избеганием, – поддерживается дистанция, исключается возможность близости, сохраняется анонимность, в конце-концов, участники избегают реальных социальных контактов.

Таким образом, виртуальное общение переносит «поиск способов решить проблему» в фантазийное, иллюзорное пространство, создавая ощущение большой активности в поиске решения, но цель остается принципиально недостижимой. В этом смысле, безусловно, подобное поведение деструктивно, неизбежно приводит к зависимости (за счет сочетания сильных эмоций и иллюзорного самоподкрепления) и влечет за собой большой риск ретравматизации.

А. Д. Трахтенберг*

«В жизни настала черная-пречерная полоса»: компенсаторные функции романов Дарьи Донцовой в постсоветском обществе

Невероятная популярность произведений Дарьи Донцовой (по некоторым данным, ее тиражи составляют до трети от общего тиража всей издаваемой в современной России детективной литературы)¹ при достаточно агрессивной реакции на ее творчество представителей культурного сообщества заставляют задуматься над тем, какие социокультурные механизмы обеспечивают успех творений, которые, с точки зрения норм не только высокой русской литературы, но и соцреалистических представлений о художественном произведении, находятся вне художественного пространства.

Как известно, модель взаимоотношений читателя и писателя в классической русской литературе строилась как секуляризированная версия взаимоотношений пророка и паствы. Дарья Донцова (дочь известного советского писателя Аркадия Васильева, автора романов «Есть такая партия», «Биография века» – история партии для детей и т. п., и не слишком успешная советская журналистка) также использует в собственных интересах традиционный дискурс «писателя-пророка», позиционируя себя как творца с гуманистической миссией нести людям радость и оживлять их унылую повседневную жизнь. Она говорит о себе: «Я – народный писатель. Не в том смысле, что великий, как народный артист, и не в том смысле, что вышла из народа, а я для народа пишу. Для десятков и сотен тысяч мужчин и женщин, которые ходят по улицам, едут в

* *Анна Давидовна Трахтенберг* – канд. полит. наук, ст. научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург).

¹ См.: *Левина М.* Книжный рынок России: мифы и реальность «Отечественные записки». № 4 (25). 2005 /<http://www.strana-oz.ru/?numid=25&article=1111>

метро, имеют не очень большой денежный достаток, у которых тучи жизненных проблем. И когда я пишу, у меня в голове только одна мысль – я хочу, чтобы им всем стало немного легче»². Как видим, традиционный «народнический дискурс» вполне эффективно работает в современной российской массовой культуре, обосновывая право на существование «народного писателя» нового типа. Дарья Донцова активно использует данный дискурс в своих произведениях при описании жалкой и убогой постсоветской действительности (достаточно сослаться на ее описания больниц, школ или учреждений милиции). Однако это не мешает ей называть свои произведения «сказками», а читателей, судя по многочисленным отзывам на Интернет-форумах, расслабляться и успокаиваться при чтении ее книг.

Подобный эффект возможен потому, что Дарья Донцова, наряду с традиционным народническим дискурсом, активно использует дискурс диффузной группы. Она обращается к читателю именно с позиции [старшего] члена такой группы. Данные неофициальные сети дружеских связей неоднократно описывались в современной социологической литературе. Считается, что они складывались в советскую эпоху в противоположность официальным «коллективам» и были ориентированы не на достижение инструментальных целей, а на обеспечение аутентичной, свободной от необходимости притворяться и тем самым создающей для индивида условия безусловной поддержки и признания коммуникации³. Персонажи Донцовой связаны именно диффузными связями: в каждом ее цикле фигурирует группа людей, не являющихся родственниками, но при этом относящихся друг к другу «лучше, чем родные». Например, в цикле «Евлампия Романова (Следствие ведет дилетант)», героиня (Ефросинья – Евлампия) живет в семье подруги и однофамилицы Екатерины Романовой, помогая ей воспитывать ее приемных детей (по одной из версий; в другой версии дети являются родными) и по ходу действия обзаведясь еще и собственной приемной дочерью Лизой. В дружески-соседских отношениях с этой диффузной группой состоит еще и милиционер Владимир Костин, репрезентирующий в ней всемогущее и всезнающее государство. Подчеркнем, что присутствие представителя

² В нашей статье использовано интервью Д. Донцовой «Я видела себя в 2054 году», размещенное на сайте <http://www.dontsova.net/>

³ См.: *Kharkhordin O. Civil Society and Orthodox Christianity // Europe-Asia Studies. Vol. 50. № 6. 1998. З. 961–962.*

государства в диффузной группе у Донцовой является обязательным, так как только он в состоянии разрешить детективную загадку, обеспечить восстановление статус-кво и интеграцию преступников в социальный коллектив (именно коллектив, а не диффузную группу).

В отличие от представителя государства, главные герои всех циклов Донцовой, «сыщики-дилетанты», «любители частного сыска» – люди маргинализированные, лишившиеся советского социального статуса и не имеющие определенного постсоветского. Сама по себе маргинализация главного героя – необходимый конструктивный элемент классического детективного романа, позволяющий ему беспрепятственно путешествовать по социуму и видеть его криминальную изнанку (напомним хотя бы о Шерлоке Холмсе, ведущем жизнь типичного представителя богемы, католическом священнике в протестантской стране отце Брауне или старой деве мисс Марпл). Однако, наложившись на существование в рамках диффузной группы, маргинализация порождает новую, неформальную иерархию, в которой герой всегда занимает подчиненное положение: Даша Васильева ведет жизнь богатой женщины благодаря мужу подруги, завещавшему свое состояние приемным детям Даше, Евлампия Романова выполняет функции «матери-домохозяйки» в своей приемной семье, и т. п.

Преступники и жертвы в романах Донцовой также члены диффузной группы (дальние родственники, школьные или университетские друзья, бывшие сослуживцы и пр.), причем главной характеристикой преступника является способность манипулировать коммуникативными ресурсами, имитируя аутентичную коммуникацию. Приведем пример (взятый практически наугад): в романе «Лампа разыскивает Алладина» (№ 16 цикла «Евлампия Романова») фигурирует «родственница лучшей подруги Кати Оля Белкина», в «жизни которой настала черная-пречерная полоса – убили ее мужа, затем на нее напали и похитили новорожденного сына»⁴. Несмотря на все усилия Евлампии, найти похитителя не удастся, пока майор Костин не объясняет, что Белкина сама организовала и убийство, и похищение, спровоцированная на это, в свою очередь, «подлой подругой Натой», успешно имитировавшей дружескую заботу и любовь.

Неумение отличить аутентичную коммуникацию от манипулирующей служит источником неудач героев, занимающихся рассле-

⁴ Аннотация к: *Донцова Д. Лампа разыскивает Алладина. М., 2006.*

дованием (и создает эффект «иронии» – напомним, что произведения Донцовой издаются в серии «иронический детектив»): как правило, они принимают ложь за правду и не в состоянии понять, когда их обманывают, поскольку ориентированы не на рациональное, а на аффективное знание. Только представитель государства, наделенный рациональным знанием и, в то же время, благодаря включенности в диффузную группу способный к пониманию его аффективных аспектов, может объяснить, кто же является настоящим преступником. При этом это знание ему дано, а не является следствием поиска истины. В этом смысле можно говорить о том, что традиционная структура классического детектива у Дарьи Донцовой превращается: в мире диффузных групп частный сыщик бессилен, и только государство способно навести порядок в социуме.

Оппозиция между теплом и любовью внутри диффузной группы и опасной и полной неприятных неожиданностей жизнью за ее пределами лежит в основе композиционной структуры романов Дарьи Донцовой. При этом читатели также рассматриваются ею как члены диффузной группы. Она постоянно подчеркивает, что любит их, причем безусловно. Еще один пример, на этот раз обращение к посетителям с официального сайта Дарьи Донцовой: «Мои самые любимые читатели! Как мне жаль, что не могу увидеть ваших лиц! Давайте дружить. Я буду принимать вас в гостях на этом сайте и постараюсь ответить на все вопросы. У меня много животных, детей и куча родственников. Может, кому-нибудь понадобятся житейские или кулинарные советы? Готова поделиться опытом, надеюсь, и вы мне расскажете много интересного. Ваша Даша – Евлампия – Виола»⁵. Характерно, что она подписывается именами героинь трех основных своих циклов («Даша Васильева», «Виола Тараканова» и уже неоднократно упоминавшаяся «Евлампия Романова»).

По нашему мнению, именно использование дискурса диффузной группы, дискурса безусловного приятия и любви и создает ту «сказочную» атмосферу, которой справедливо гордится Дарья Донцова и которая делает ее романы столь привлекательными для аудитории, страдающей от дефицита аутентичной коммуникации в постсоветскую эпоху. Дарья Донцова занимается гуманизацией индивидуалистической постсоветской реальности, создавая компенсаторное пространство, в котором ее читатели могут расслабиться и вновь ощутить себя частью квазисемьи.

⁵ См.: <http://www1.dontsova.ru/>, Главная страница.

А. А. Яворский*

Ауто- и гетероагрессия как результат изменения чувства деятельности самосознания

Возрастание нравственных начал при регулировании общественных отношений в современном обществе охватывает различные области человеческой деятельности, и прежде всего ее социальную направленность, привлекает постоянное внимание исследователей к изучению индивидуальных особенностей личности, изучение и формирование, а также динамику различных функционирующих структур, в том числе сознания и самосознания. Индивидуальные особенности функциональных и структурных связей эмоциональных и когнитивных процессов, проявляющиеся в поведенческих актах, составляют триединую структуру компонентов самосознания. Между явно патологическими и непатологическими проявлениями отклонений в поведении существует отчетливое различие. По мнению зарубежных авторов (Н. Еу, Р. Bernard, Ch. Bristet, 1967), оно заключается в том, насколько в поведении представлены неосознанные, примитивные побуждения – с одной стороны, или преднамеренные и осознанные – с другой. Последние определяют способность человека к моральному или этическому контролю за своим поведением. Как известно, патологические личности не проявляют привязанности и преданности к другим людям или группам, к правилам поведения. Главной чертой характера у них является недостаточный контроль со стороны «Я» и «сверх-Я». Основанием для самоконтроля служит самосознание как особый процесс человеческой психики, направленный на регулирование личностью своего поведения и деятельности на основе самопознания и эмоционально-ценностного отношения к себе (И. И. Чеснокова, 1977).

* **Анатолий Анатольевич Яворский** – профессор кафедры психологии личности и психологического консультирования (г. Екатеринбург).

Проблема ауто- и гетероагрессивного поведения с неизбежностью выводит исследователей за традиционные рамки четко очерченной клинической картины в сферу недостаточно изученной и малодифференцированной пограничной патологии, куда включается широкий спектр деформаций личности, в том числе с социально неприемлемыми и опасными нарушениями в поведении. Особую значимость проблема нарушения в поведении приобретает в условиях военной службы. Значительное психоэмоциональное напряжение в этих условиях переходит в напряженность, которая сопровождается дезорганизацией психической деятельности, что проявляется в поведенческих отклонениях. Эти поведенческие отклонения следует рассматривать как следствие воздействия многофакторных причин на саморегуляцию поведения, обеспечиваемую самосознанием, а следовательно, и его изменением под воздействием этих причин (М. А. Беребин, 1994).

Поиск механизма гетеро- и аутоагрессивных действий, отображающего функционирование компонентов и типов самосознания, вызывает необходимость сравнительного анализа тех или иных существенных общих и специфических проявлений, свойств и характеристик у военнослужащих с непсихотическими расстройствами, совершающих аутоагрессивные и гетероагрессивные действия. Анализ полученных признаков исследованной группы проведен с учетом обстоятельств жизни и условий воспитания. В обеих группах такие признаки, как неполная семья, аномальные формы воспитания,отягощенная наследственность, имеют практически равное представительство. И только признаки нарушенного поведения в пубертатный период имеют существенные различия, которые преобладают у лиц, совершивших гетероагрессивные действия. Такое различие в поведении имеет связь с формированием самосознания, его компонентов и взаимовлиянием аффективного и когнитивного компонентов в условиях аномального эмоционального реагирования. Такое взаимодействие при отсутствии опыта и прогнозирования создает предпосылки к активизации чувства деятельности, которое и реализуется с учетом условий воспитания в неправильном поведении. В группе лиц, совершивших аутоагрессивные действия, в 100 % случаев до 14-летнего возраста была сформирована суицидальная установка, и в 67,5 % случаев эти лица совершали повторные суицидальные действия. Это указывает на ограничение функции когнитивного компонента самосознания у данной категории лиц, а посему представительство других форм

неправильного поведения в значительном числе случаев заменялось стереотипными аутоагрессивными действиями.

Анализ мотивов совершенных ауто- и гетероагрессивных действий у исследуемой группы военнослужащих позволяет выделить общие характерологические особенности данной категории военнослужащих. К ним относится, прежде всего, непереносимость командного тона и воинского режима. В то же время у военнослужащих рассматриваемой группы, совершивших аутоагрессивные действия, часто встречаются такие мотивы, как оскорбление, унижение, издевательство, которые по своему содержанию соответствуют переживаниям и клиническим проявлениям в эмоционально-волевой сфере (аффективный компонент). При этом у военнослужащих, совершивших гетероагрессивные действия, в межлично-относительно-служебных взаимоотношениях преобладали мотивы стенического типа, а именно: стремление и готовность к жесткой борьбе за лидерство, бескомпромиссность и прямолинейность в отношениях с сержантами и младшими офицерами, непереносимость любых форм унижения и ущемления прав. Кроме того, у некоторой части этих военнослужащих имели место мотивы, связанные с чувством превосходства над физически слабыми, нетерпимостью к трусливым, боязливым, алгологическими проявлениями и чувством «супермена».

Такие различия в мотивациях ауто- и гетероагрессивных действий у военнослужащих исследуемой группы отражают функцию компонентов самосознания, где функционирование аффективного компонента у тех и у других представлено патологией эмоций и волевых качеств с несущественной разницей интенсивности их проявлений. Существенные различия имеют место в функционировании когнитивного компонента, функция которого у исследуемых военнослужащих, совершивших аутоагрессивные действия, значительно ограничена в объеме. А у военнослужащих, совершивших гетероагрессивные действия, отмечается напряжение функционирования когнитивного компонента, чем и обеспечивается стеничность в поведении.

Оценка отношений личности рассматриваемой категории военнослужащих к некоторым сторонам жизни позволяет судить о сформированности чувства собственной идентичности, а также о развитости чувства эмпатии и, в целом, о возможности и способностях к социальной адаптации. Установлено стопроцентное отрицательное отношение к службе в армии в обеих группах. Это от-

ражает тот факт, что для всех них служба в армии является труднопереносимой, а следовательно, вызывающей состояние эмоционального напряжения. По таким признакам, как отношение к личной жизни, к сослуживцам, к обществу, к цели в жизни, к родителям, – имеются несущественные различия в обеих группах с явным преобладанием отрицательного и безразличного отношения у большинства исследуемых. Это указывает на отсутствие у них чувства эмпатии, долга, ответственности, а также отражает несформированность, расплывчатость собственной идентичности как типа самосознания.

Сравнительный анализ мотивов ауто- и гетероагрессивных действий и отношений личности исследуемых к некоторым сторонам жизни позволяет выделить особенности типов самосознания у военнослужащих, совершивших такие действия. Общими для обеих групп является размытость осознания собственного единства, низкая сформированность собственной идентичности, выраженный акцент при осознании того, что «Я» отлично от остального мира. Различие же наблюдается в чувстве деятельности. Так, у аутоагрессоров отмечается суженность чувства деятельности. А у лиц, совершивших гетероагрессивные действия, отмечается напряжение и искажение чувства деятельности.

Для изучения дифференцированности образа «Я», способности личности к самооценке, ее адекватности, а также степени когнитивной сложности образа «Я» проведен сравнительный анализ данных адекватности самооценки, полученных в результате применения теста личностный дифференциал (ЛД). При сопоставлении полученных данных отмечается значительно более низкое количество названных пар по тесту ЛД у совершивших аутоагрессивные действия, чем у тех, кто совершил гетероагрессивные действия. Такое положение отражает функционирование компонентов самосознания, указывая на генерализацию и напряженность когнитивного компонента у гетероагрессоров и ограниченность, суженность – у аутоагрессоров. Общим же признаком является низкая адекватность самооценки как у аутоагрессоров, так и гетероагрессоров данной группы, что отражает некритичность, заниженную или завышенную самооценку, низкую способность к рефлексии или отсутствие таковой.

В целом по группе военнослужащих, совершивших ауто- и гетероагрессивные действия, можно выделить общие и отличительные признаки. Общими признаками по внешним обстоятельствам жизни

и условиям воспитания в период социализации являются: неполная семья, аномальные формы воспитания, отягощенная наследственность (особенно алкоголизм родителей). Отличительными признаками следует указать преобладание в группе гетероагрессоров девиантно-делинквентных форм поведения в подростковом возрасте, а также наличие в 100 % случаев аддиктивного поведения (употребление алкоголя и наркотиков). Мотивация же действий (ауто- и гетероагрессивных) имеет свои особенности, которые у лиц с гетероагрессивными действиями отражают стеническую направленность с тенденцией к самоутверждению, в отличие от аутоагрессоров.

В функционировании компонентов самосознания общим по группе является устойчивое патологическое функционирование эмоционально-волевой сферы (аффективный компонент). При этом, если когнитивный компонент находится в состоянии супрессии, совершаются аутоагрессивные действия; а если в состоянии напряжения, генерализации, то – гетероагрессивные. В связи с этим типы самосознания у исследуемых военнослужащих имеют различия лишь в чувстве деятельности. Так, у лиц, совершивших аутоагрессивные действия, отмечается ретардированность, суженность чувства деятельности, а у лиц, совершивших гетероагрессивные действия, – активизация чувства деятельности. Другие типы самосознания имеют общие характеристики для обеих групп, а именно: размытость осознания собственного единства, низкая сформированность собственной идентичности, выраженный акцент при осознании того, что «Я» отлично от остального мира.

Ценностные ориентации молодежи и проблемы наркомании

В основе того или иного образа жизни лежит определенная система социально-культурных ценностей, приоритетов, предпочтений: картина мира, понимание нормы; круг общения, интересы, потребности и способы их удовлетворения; социальные стереотипы, привычки. Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношения к окружающему миру, к другим людям, к самой себе, основу мировоззрения, жизненной концепции и «философии жизни».

Структурными единицами личности, позволяющими проследить, анализировать все виды деятельности человека, объяснять смену его внутренних психологических побуждений, являются ценности, установки, нормы. Ценности и нормы составляют единую нормативную систему, которая регулирует поведение людей и социальных групп в обществе. Ценностно-нормативная система является ориентиром при выборе способа действий, проверяет и отбирает идеалы, выстраивает цели, содержит способы достижения этих целей. Ценности и нормы являются частью сознания как отдельного человека, так и общественного сознания, частью культуры. Ценности – это в большей степени социологическое понятие, которое приобретает психологический смысл в связи с анализом мотивов и поступков отдельной личности. Как утверждали У. Томас и Ф. Знанецкий, известные своей совместной работой «Польский крестьянин в Европе и Америке» (20-е годы XX века), ценности – это природный объект, который в действительности приобретает социальное значение и является или может быть объектом деятельности. Ценности являются, по мнению Ф. Знанецкого, основой бытия и создают культурный мир. Они необхо-

* *Неля Валерьевна Панова* – фельдшер-психиатр ГУЗ СО ПБ 12 (г. Волчанск).

димы для создания и поддержания социального порядка. Чаще это абстрактные идеалы, то есть представления человека об идеальных способах поведения и идеальных конечных целях. Ценности относятся, как правило, к идеям, объектам и целям, которые считаются желательными и достижение которых санкционировано обществом. Когда мы знаем, каким идеям служит человек, мы можем ответить на вопрос, ради чего он поступает тем или иным образом. Нельзя противопоставлять ценности и поведение (поведение отражает ценности и само составляет ценность). Функции ценностей разнообразны: они являются ориентиром жизни человека; они необходимы для поддержания социального порядка, выступают как механизм социального контроля; ценности воплощаются в поведении и участвуют в нормообразовании. Классификация ценностей по Г. Оллпорту: 1) теоретические; 2) социальные; 3) политические; 4) религиозные; 5) эстетические; 6) экономические. Есть конфликтующие ценности. Конфликт ценностей может быть источником развития.

Согласно М. Рокичу, индивидуальные ценности определяются культурой, обществом, его институтами и складываются в ходе их индивидуального переживания.

Начавшиеся в 1991 году в стране реформы изменили содержание жизни целого поколения. Они придали ему динамизм, новый смысл. Образ жизни – существенная характеристика не только отдельных социальных групп, поколений, но и, в частности, отдельной личности.

Воспитание детей и молодежи в современном Российском обществе реализуется в условиях экономического и политического реформирования, в силу которого изменилась социокультурная жизнь подрастающего поколения, а также функционирование общеобразовательных учреждений, СМИ, молодежных и детских общественных объединений, религиозных организаций. В то же время реформирование вызвало социальное расслоение общества, снижение жизненного уровня большинства населения и другие негативные последствия.

Эти изменения отрицательно сказались на российской молодежи. Высокий уровень социальной патологии в детской и молодежной среде является мощным дестабилизирующим фактором длительного действия, угрожает социальной безопасности. Особый аспект проблемы – наркотизация элитной части молодежи России: старшеклассников, студентов колледжей, вузов, будущих квалифицированных специалистов.

Среди студенчества наркоманией в той или иной мере охвачено 30 – 40 %, а по отдельным регионам эта цифра значительно выше. При этом процесс наркотизации молодежи идет наиболее быстрыми темпами по сравнению с другими социальными группами. Не стоит забывать, что один наркоман в год может вовлечь в свою среду от 10 до 16 человек. Сегодня потребителями наркотиков все чаще становятся достаточно социально-адаптированная и благополучная молодежь из семей с неплохим достатком и социальным статусом. К сожалению, сегодня в России наркотики становятся частью жизни молодого поколения, и их катастрофические последствия для страны и нации очевидны.

С данной проблемой должно бороться не только общество, но и каждый человек должен сам осознать большой вред наркомании и стараться бороться с ней.

Поэтому необходимо рассматривать проблему злоупотребления наркотиков в целом в социальном, культурном и историческом контексте. Проблема, которая стоит перед обществом, – помочь молодым людям, родителям, учителям найти между собой общий язык, дать общие сведения о пагубности употребления наркотических веществ, здоровом образе жизни, дать необходимые консультации родителям, детям, научить организовывать досуг.

Конец XX – начало XXI в. характеризуется формированием отношения к наркомании как к тяжелой медико-социальной проблеме, затрагивающей все слои общества, которая приводит к катастрофическим психическим, физическим изменениям личности. Под влиянием социально-психологических факторов у подростка так или иначе происходит деформация личности, формируется неадекватная система ценностей, снижается уровень притязаний, появляется опустошенность, приводящая к отверженности.

Социологи, юристы, врачи, педагоги и психологи называют широкий перечень социальных и психологических причин или факторов наркомании среди подростков.

Социальные факторы отражают экономическую, культурную, политическую, криминальную ситуацию в обществе. Социальные причины в совокупности образуют своего рода «зловещий дрожжевой раствор», в котором наркомания, как общественное явление, существует и множится. Выделяют несколько причин наркомании среди подростков, тесно связанных с социально-экономическим кризисом в нашей стране: разрушение института семьи; отсутствие у подростков жизненных перспектив; плохую органи-

зацию досуга; целенаправленное «подсаживание на иглу» подростков взрослыми наркоманами.

Психологические факторы наркомании определяют индивидуальный процесс приобщения подростка к наркотикам. Этот процесс включает последовательность поступков и выборов, которые молодой человек совершает наедине с собой или в общении с другими людьми, что в конечном итоге приводит к психической и физической зависимости от наркотика. Среди психологических причин можно назвать следующее: неправильное воспитание в семье, вовлеченность в группу сверстников, употребляющих наркотики; асоциальное поведение; дезадаптированность к учебному процессу; личностные характеристики.

По своей природе человек стремится к счастью и благополучию. Не в организме, не в сознании нет природной программы саморазрушения. Вряд ли сегодня можно изменить наркоситуацию в стране, но необходимо сформировать определенное отношение к ней. Существует немало мнений о том, что причины наркомании в доступности наркотиков, что наркомания – это болезнь и т. д. Однако такой подход снимает ответственность с самих наркоманов за то, что с ними происходит. В действительности корни наркомании – в психологическом состоянии личности. Иными словами, как таковой проблемы наркотиков не существует. Существует проблема психических и поведенческих отклонений и нарушений развития личности. Число потребителей наркотиков составляет около 4 миллионов человек. Подавляющее число наркоманов – люди не старше 30 лет. 60 % из них заражены ВИЧ инфекцией. В настоящее время наметился рост наркомании среди школьников (в 6–8 раз в последние 4 года), прежде всего в крупных городах, а также в студенческой среде. Из этих зловещих цифр вытекает очевидное: в стране начинается процесс деградации значительной части тех, кто мог бы составить новую образованную и квалифицированную элиту государства. Масштабы и темпы приобщения россиян – прежде всего подростков и молодежи – к потреблению наркотических средств сегодня по-прежнему таковы, что это серьезно угрожает национальной безопасности страны. Продолжающееся потребление наркотических средств сопровождается крайне отрицательными последствиями – полной биологической, генетической и социальной деградацией личности. Речь, по сути дела, идет о причинении вреда здоровью молодого поколения, о подрыве социальной основы будущей России. Поэтому

профилактика наркомании особенно важна в работе с подростками, когда у них формируется характер (главный стержень личности), развиваются познавательные процессы, формируются потребности и ценностные ориентации личности, мотивация поведения. И если в этот момент в структуру личности вторгается наркотик, то последствия становятся более разрушительными и необратимыми, а сам процесс разрушения протекает значительно быстрее. Т. е. совокупность социальных влияний (политики, массовой информации, культуры), а также отношение личности ко всему происходящему определяют процесс социализации. Главным критерием социализации личности выступает степень ее независимости, уверенности, самостоятельности, раскрепощенности, инициативности, незакомплексованности. Основная цель социализации личности – в удовлетворении «потребности в самореализации» (А. Маслоу).

Термином «неудачная социализация» можно было бы обозначить такой процесс социализации человека, в результате которого субъект оказывается неадаптированным к своей социальной среде. Это выражается в его неспособности продуктивно выполнять свою ведущую деятельность, удовлетворять свои основные социогенные потребности, вступать в продуктивное общение, соответствовать принятым ролевым ожиданиям в конвенциональных и межличностных отношениях с другими субъектами, переживать состояние относительного внутриличностного комфорта и благополучия без выраженных и длительных внутренних и внешних конфликтов. Таким образом, решающую роль психосоциальные факторы играют и в формировании зависимости от психоактивных веществ. Социальный кризис, вслед за экономическим пришедший в жизнь нашего государства и общества, делает задачу радикального искоренения наркомании в современных условиях мало реализуемой. Однако, учитывая уже начавшиеся поступательное развитие экономики, преодоление инфляции, в наших силах удерживать эту проблему в таких рамках, когда она не будет угрожать генофонду нации. Для этого необходимо с раннего детства сформировать у личности адекватные ценности и создать социально-психологические условия для их реализации в повседневности.

«Человек похож на раковину, которая может создать в себе любую жемчужину, либо гниющего моллюска»

С. В. Яковлев.

В. О. Лобовиков*

Психотерапия морального долга и ценность человеческой жизни с точки зрения алгебры формальной этики

В трудах психологов, психоаналитиков, врачей-психотерапевтов, психолингвистов и прочих теоретиков и практиков часто встречается рассмотрение долга как *отрицательной ценности*. Слова «долг (должное)», «обязанность (обязательность)», «нужность (необходимость)» и им подобные считаются «враждебными», деструктивными словами¹. Именно эта психологическая концепция является предметом изучения в данной работе. В качестве метода используем дискретную математическую модель – двузначную алгебру формальной этики. Для этого с помощью представленных ниже глоссариев и ценностных таблиц введем в язык алгебры формальной этики дополнительные символы, обозначающие унарные операции алгебры поступков, и точно определим их ценностно-функциональный смысл.

Глоссарий для следующей ниже таблицы № 1: Символ Да обозначает поступок, представляющий собой «долг (чего, кого) а, т. е. *должен* (кто) а». Оа – «*обязательность для* (чего, кого) а, т. е. *обязанность* (чего, кого) а, *обязанный* (кто) а». На – «*нужность, нужда (необходимость) для* (чего, кого) а, т. е. *нужность, необходимость* (чему, кому) а, *нужен, необходим* (что, кто) а». О¹а – «*обуза, бремя (тягость, тяготы) для* (чего, кого) а». Яа – «*язва, уязвление* (чего, кого) а». Уа – «*узда, обуздание* (чего, кого) а». Па – «*печаль, скорбь* (чего, кого) а». Ба – «*смерть, гибель* (чего, кого) а». Ма – «*мораль для* (чего, кого) а». За – «*закон (издание закона) для* (чего, кого) а». З¹а – «*заколдован-*

* **Владимир Олегович Лобовиков** – д-р филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИФиП УрО РАН (г. Екатеринбург).

¹ Цветков Э. А. Психология пророчества. М., 2006. С. 54, 55, 58–60, 62, 65, 67–69, 71, 72, 82, 85, 132–133; Он же. Психоактивный словарь, или Книга о тайном влиянии известных слов. М., 2001. С. 73.

ность (околдованность), заколдовывание, околдовывание (чего, кого) а». Ба – «бытие (чего, кого) а».

Глоссарий для следующей ниже таблицы № 2: На – «небытие (чего, кого) а». Ва – «насилие над (чем, кем) а». Б¹а – «болезнь (чего, кого) а». Ра – «рана, ранение (чего, кого) а». У¹а – «удар по (чему, кому) а». Ва – «вред (зло) для (чего, кого) а». Ка – «кара, наказание (чего, кого) а». Б²а – «беда, бедствие для (чего, кого) а». Н¹а – «несчастье для (чего, кого) а». Ча – «счастье для (чего, кого) а». Ч¹а – «чистота (чего, кого), чистый (что, кто) а». Га – «грех (чего, кого), грешный, греховный (что, кто) а».

Глоссарий для следующей ниже таблицы № 3: Са – «средство для (чего, кого) а». Ва – «программирование (чего, кого) а». Ра – «управление (чем, кем) а». К¹а – «контроль над (чем, кем) а». Иа – «идеология против (чего, кого) а». О²а – «ограничение (чего, кого) а». Фа – «принуждение, вынуждение (чего, кого) а». О³а – «ослабление (чего, кого) а». С¹а – «связывание, сковывание (чего, кого) а». За – «уничтожение, разрушение (чего, кого) а». Уа – «свобода от (чего, кого) а». Ла – «свобода (чего, кого) а».

Ценностно-функциональный смысл унарных операций алгебры естественного права, перечисленных в этих глоссариях, точно определяется следующими таблицами.

Таблица 1

а	Да	Оа	На	О ¹ а	Яа	Уа	Па	Ба	Ма	За	З ¹ а	Ба
х	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п	х
п	х	х	х	х	х	х	х	х	х	х	х	п

Таблица 2

а	На	Ва	Б ¹ а	Р ¹ а	У ¹ а	Ва	а	Б ² а	Н ¹ а	Ча	Ч ¹ а	Га
х	п	п	п	п	п	п	п	п	п	х	х	п
п	х	х	х	х	х	х	х	х	х	п	п	х

Таблица 3

а	Са	Ва	Ра	К ¹ а	Иа	О ² а	Фа	О ³ а	С ¹ а	За	Уа	Ла
х	х	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п	х
п	п	х	х	х	х	х	х	х	х	х	х	п

Используя сказанное выше, нетрудно обосновать следующие уравнения. Сведения, необходимые для их обоснования, в частно-

сти дефиницию отношения « $\equiv$ » и подробное описание искусственного языка алгебры формальной этики, можно найти в монографии².

- 1) Да $\equiv$ Ка: долг (чего, кого) а – кара, наказание (чего, кого) а.
- 2) Да $\equiv$ Ва: долг (чего, кого) а – вред, зло для (чего, кого) а.
- 3) Да $\equiv$ У¹а: долг (чего, кого) а – удар по (чему, кому) а.
- 4) Да $\equiv$ Ра: долг (чего, кого) а – рана, ранение (чего, кого) а.
- 5) Да $\equiv$ Б¹а: долг (чего, кого) а – болезнь (чего, кого) а.
- 6) Да $\equiv$ За: долг (чего, кого) а – уничтожение, разрушение (чего, кого) а.
- 7) Да $\equiv$ Ба $\equiv$ На: долг (чего, кого) а – смерть, гибель, небытие (чего, кого) а.
- 8) Да $\equiv$ Па: долг (чего, кого) а – скорбь, печаль (чего, кого) а.
- 9) Да $\equiv$ Н¹а: долг (чего, кого) а – несчастье для (чего, кого) а.
- 10) Да $\equiv$ Б²а: долг (чего, кого) а – бедствие для (чего, кого) а.
- 11) Ча $\equiv$ НДа: счастье (чего, кого) а – небытие долга (чего, кого) а.
- 12) Ла $\equiv$ НДа: свобода (чего, кого) а – небытие долга (чего, кого) а.
- 13) Ба $\equiv$ НДа: бытие (чего, кого) а – небытие долга (чего, кого) а³.
- 14) Да $\equiv$ Оа: долг (чего, кого) а – обязанность (чего, кого) а.
- 15) Оа $\equiv$ Да: обязанность (чего, кого) а – долг (чего, кого) а.
- 16) Ба $\equiv$ НОа: бытие (чего, кого) а – небытие обязанности (чего, кого) а⁴.
- 17) Ч¹а $\equiv$ УОа: чистота (чего, кого) а – свобода от обязанностей (чего, кого) а.
- 18) Ч¹а $\equiv$ УОа: чистый (кто) а – свободный от обязанностей а, т. е. необязанный (кто) а⁵.
- 19) Оа $\equiv$ Га: обязанный (кто) а – грешный (кто) а⁶.
- 20) Оа $\equiv$ Га: обязанность (чего, кого) а – грех (чего, кого) а.
- 21) Оа $\equiv$ Яа: обязанность (чего, кого) а – язва (чего, кого) а.
- 22) Оа $\equiv$ О¹а: обязанность (чего, кого) а – обуза для (чего, кого) а.

² Лобовиков В. О. Математическая логика естественного права и политической экономики. Екатеринбург, 2005.

³ Цветков Э. А. Психология пророчества. С. 132.

⁴ Там же. С. 133.

⁵ Там же. С. 125.

⁶ Там же. С. 69, 72.

23) $Oa=+=Ua$: обязанность (чего, кого) а – узда для (чего, кого) а.

24) $Oa=+=C^1a$: обязывание (чего, кого) а – связывание, сковывание (чего, кого) а.

25) $Oa=+=3^1a$: обязанность, обязывание (кого) а – заколдованность, заколдовывание (кого) а⁷.

26) $Na=+=Fa$: нужность (необходимость) для а – принуждение, вынуждение (кого) а.

27) $Na=+=Va$: нужность, нужда (необходимость) для а – насилие над (чем, кем) а.

28) $Ma=+=3a$: мораль для (чего, кого) а – закон для (чего, кого) а.

29) $Ma=+=Oa$: мораль для (чего, кого) а – обязанность (чего, кого) а.

30) $Ma=+=Da$: мораль для (чего, кого) а – долг (чего, кого) а.

31) $Ma=+=C^W a$: мораль для (чего, кого) а – средство программирования (чего, кого) а.

32) $Ma=+=C^R a$: мораль для (чего, кого) а – средство (для) управления (чем, кем) а.

33) $Ma=+=C^K^1 a$: мораль для (чего, кого) а – средство (для) контроля над (чем, кем) а.

34) $Ma=+=Ia$: мораль для (чего, кого) а – идеология против (чего, кого) а.

35) $Ma=+=O^2La$: мораль для (чего, кого) а – ограничение свободы (чего, кого) а.

36) $O^2La=+=NL a$: ограничение свободы (чего, кого) а – небытие свободы (чего, кого) а.

37) $Ma=+=NL a$: мораль для (чего, кого) а – небытие свободы (чего, кого) а⁸.

38) $Ma=+=Ba$: мораль для (чего, кого) а – смерть (чего, кого) а⁹.

В свете приведенных выше уравнений особенно хорошо видно, почему довольно часто отношение врачей-психотерапевтов, психоаналитиков, психологов и др. к морали, долгу, обязанностям является не просто отрицательным, а даже негативно-агрессивным. Они лечат (спасают) души пациентов от морального долга. Понятно, что это допустимо лишь в определенной ситуации, а не вообще: нередко моральный долг – положительная ценность.

⁷ Цветков Э. А. Психология пророчества. С. 58.

⁸ Цветков Э. А. Психология пророчества. С. 85; Он же. Психоактивный словарь ... С. 175–178.

⁹ Цветков Э. А. Психология пророчества. С. 82; Он же. Клиника зла (Психоанализ греха) М., 2002. С. 89; Он же. Психоактивный словарь ... С. 175–178.

В. М. Танаев*

Личность в повседневности (типологический подход)

1. Типологическая парадигма личностной психологии

Современная психология до сих пор находится в поиске своего собственного инструмента для научного анализа и обобщения. И это не удивительно, так как здесь мы имеем дело с разнородной системой, вынужденной обсуждать саму себя, тем более что традиционная научная парадигма требует унификации различий в изучающей системе.

Реакцией на эти сложности является т. н. феноменологический подход, характерный для начальных стадий научного анализа.

Тем более ценны интуитивные прозрения, хотя бы даже не имеющие строго традиционного научного обоснования. В этом случае научное знание приобретает революционным, скачкообразным путем, когда феноменологическая (описательная) стадия сразу сменяется стадией научного познания, минуя теоретическое осмысление, точнее, оставляя его «на потом».

В свое время это произошло со взглядами З. Фрейда на роль подсознания. Именно это происходит сейчас с представлениями К.-Г. Юнга (1921) о типовой структурности подсознания (учение о психологических типах).

Современный взгляд на типологическую парадигму личности базируется на моделях информационного метаболизма.

В самом кратком виде этот типологический подход можно изложить следующим образом. Человеческий мозг воспринимает окружающий мир двумя основными способами: конкретным, чувственным, сенсорным (S), опираясь в основном на данные органов чувств, и образным, интуитивным способом (N), сразу же производя мыслительные операции с данными органов чувств и создавая образ, модель, по которой оценивается входящая информация.

* **Владимир Михайлович Танаев** – преподаватель юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Так же двояко принимаются и решения: объективно – логично и рационально (Т) или с учетом невербальной, эмоциональной составляющей (F). Важна общая настроенность информационного потока: направленная на непрерывное восприятие окружающих сигналов (Р) или же на активное освоение окружающего мира (J). Различные сочетания этих способов восприятия, оценки и воздействия на окружающую действительность, окрашенные экстраверсией (Е) или интроверсией (I), образуют отдельные типологические ядра личности (В. М. Танаев, 2003).

Наибольшее значение имеют т. н. типологические ядра, т. е. сдвоенные сочетания признаков ST, SF, NT и NF, лежащие в основе структуры психотипа. Наилучшим образом описывают их собственные краткие названия: ST – жесткие (рациональные) «управленцы», SF – мягкие (эмоциональные) «управленцы», NT – «ученые» и NF – «гуманисты».

Полные сочетания базовых признаков образуют своеобразную «периодическую систему» психологических типов (16) и подтипов (32).

С позиций дополнительного уточнения типологического поведения было введено понятие типологических темпераментов, когда были вычленены сочетания SP и SJ (наряду с сохранением сочетаний NT и NF).

Распространение типологического подхода на отношения между психотипами привело к выделению т. н. «интертипных отношений» как определенного стандарта личностного взаимодействия, в т. ч. – особой формы своеобразных интертипных структур, т. н. «кольца социозаказа», в котором основную роль играют уже сами взаимоотношения, а не психотипы, в них участвующие.

Особую роль в типологии играет система базовых мотиваций: «благополучие» (сочетание признаков IS), «власть (статус)» (ES), публичное признание «уникальности» (EN) и подтверждение личностной «самодостаточности» (IN).

Завершая краткий обзор типологической парадигмы личности, можно выделить основные отличия ее от классического подхода: люди принципиально различны как в основах своего поведения, так и в индивидуальных мотивационных реакциях. При этом возможность изменения основ личностного поведения весьма ограничена.

2. «Повседневность» и ее типологическое наполнение

Проблемы изучения не только личностного, но и коллективного (группового) поведения наталкиваются на вышеописанные сложности и способствуют развитию феноменологического подхода.

Именно в рамках этого подхода было описано понятие «повседневности» (А. Шюц) и сформулированы его основные признаки.

Для понимания его глубинного содержания автор делает попытку провести параллель между классическими признаками «повседневности» и особенностями типологического темперамента SJ в процессе управленческого труда (традиционалистский стиль управления).

Регулярный (традиционалистский) стиль (SJ) управления отличает «преданность, потребность в служении и стремление к правильному поведению. Они (традиционалисты. – В. Т.) ценят стабильность, упорядоченность, сотрудничество, упорство и надежность; они серьезны и трудолюбивы. На работе они предъявляют к себе высокие требования и ожидают такого же подхода от других.

Плюсы. Традиционалисты практичны, организованны, вдумчивы, систематичны. Они придают значение нормативам, установкам, договорам, ритуалам, временным рамкам. Они отлично справляются с задачами, связанными с опекой, контролем, регулированием. Традиционалисты предпочитают иметь дело со свершившимися фактами и умеют использовать их для того, чтобы способствовать достижению целей, стоящих перед организацией. Способность поступить правильно как в новой, так и в знакомой ситуации – их гордость. Они хорошо разбираются в том, какие вопросы требуют внимания, используют для надлежащего выполнения своих функций все доступные источники. Взвзвешивая за дело, традиционалист всегда идет до конца. Традиционалисты на высоте там, где требуются солидность, положительность, надежность.

Потенциальные минусы. Традиционалисты не очень интересуются теорией, абстракциями. Будущее занимает их меньше, чем настоящее. Долгосрочное планирование не относится к числу их сильных сторон. Порой традиционалисты принимают решения чересчур поспешно. Они разделяют мир на белое и черное, не замечая полутонов. Бывает, что они оказываются не готовы быстро перестроиться, адаптироваться к ситуации. Они неохотно прибегают к новым, нетрадиционным, неопробованным подходам. Им

кажется, что решение принесет плоды, а оно между тем еще недостаточно обдуманно. Худшие качества традиционалистов – негибкость, догматизм, недостаток воображения» (П. Тайгер, Б. Бэррон-Тайгер, 2005).

Итак, мы видим, что основные признаки «повседневности» (Никитин С. А., 2004) наиболее соответствуют управленческому ядру SJ: специфическая напряженность сознания (бодрствующее, напряженное внимание к жизни, к ее самоочевидной и непреодолимой фактичности); особенное отношение к эпохе, предполагающее воздержание от всяких сомнений в существовании мира; преобладающая трудовая форма активности («трудоголики»); специфическая форма личной вовлеченности (отсутствие саморефлексии; «Я – начальник» – всегда целостное, нефрагментированное ощущение); особая форма социальности (интерсубъективно типизированный мир, освобожденный от психологического, личностного акцента); своеобразное переживание времени (время управленца – это стандартное время, понимаемое как пересечение космического времени, временных циклов природы и внутреннего времени), основной смысл которого сводится к потребности максимально эффективно заполнить его, часто в угоду эффективности его использования (SJ – тип тайм-менеджмента).

3. Типологический подход как наиболее адекватное объяснение социального феномена «повседневности»

Личностная повседневность

Вышеописанный темперамент SJ указывает на совпадение феноменологии «повседневности» и стандарта его личностного поведения (личностная повседневность).

Однако закономерно встает вопрос: а что собственно было описано А. Шюцем и его последователями? Точнее: что в этом описании общечеловеческого, а что – собственно «социологического» («этнического»)?

Несомненна общечеловеческая устойчивость моделей «повседневного» поведения, что соответствует психологической устойчивости ядерных структур личности.

Не менее бесспорна и описанная Шюцем окружающая этническая среда, своеобразно воспроизводящая поведение личностей с ядром SJ.

Этническая повседневность

Теоретическую основу описания этнической повседневности автор видит в наличии своеобразного типологического ядра этноса, которое устойчиво и лапидарно.

Более того, можно говорить о том, что это ядро первично по отношению к истории и географии этноса.

Базовая этнопсихологическая структура общества отражает психологическое ядро большинства населения и выражается в национальных народных героях, мифах, сказках, деятелей политики, литературы и искусства как носителей идеалов народного сознания и поведения. Особый индикатор – психологическая природа доминирующей религии. Психологическая структура этноса представлена также в данных **метасоциологического анализа**, когда исследуются итоги больших социологических выборов и учитывается только один ответ, самый популярный, – ответ большинства (А.Алексеев, 2006).

Исходя из этих предварительных замечаний, можно предложить следующую концепцию. Основу ритма этнического поля (Л. Н. Гумилев, 1979) составляет базовый этнический психотип (**этномонада**) или сочетание двух психотипов (**этнодиада**). Межэтническое взаимодействие строится на интертипных отношениях между базовыми психотипами.

Таким образом, ритм этнического поля – это та частота, которую **производит и поддерживает** этномонада (этнодиада), реализуя его в этническом стереотипе поведения (а не адаптируясь под него, как считал Л. Н. Гумилев).

В качестве иллюстрации этноса с ядром SJ можно привести этнодиаду германского этноса: ENFJ (Наставник) ↔ ISTJ (Инспектор), наоборот же, брутальна и эмоциональна: от Барбароссы и Гитлера (ENFJ) до апофеоза военной организации (Фридрих Великий) и жесткого бюрократичного менеджмента и пунктуальности (ISTJ).

Структурированная (групповая) повседневность

Своеобразные психологические образования, основанные на постоянно воспроизводящейся динамике интертипных отношений – от групп, основанных на достаточно жестком психологическом подавлении (силовая сенсорика) (так называемых «командах Маршала» (ESTP) и «командах Политика» (ESFP)) до «специализированных коллективов в армии («повседневность «дедовщины»», в

педагогических коллективах («повседневность «наставничества»), в бизнесе («повседневность «корпоративной культуры»), и др. – создают своеобразную интертипную повседневность, в которой акцент смещен с самой личности на ее взаимодействие с другими.

Динамическая повседневность

С другой стороны, можно говорить и о наличии своеобразной «антиповседневности» как особой психологической потребности в постоянном взрыве «рутины повседневности».

В менеджменте это выражено в SP-стиле управления менеджеров-эмпириков, для которых характерны «активность и свобода действий; повинувшись личным порывам, в работе они склонны уделять внимание тому, чего можно достичь здесь и сейчас. Они уважают героизм и мастерство, им нравится переходить от одной сложной задачи к другой.

Эмпирики ясно видят суть происходящего и оперативно используют представляющиеся возможности. Они прекрасно осознают практические проблемы, а при их решении проявляют гибкость, смелость и умение распоряжаться имеющимися ресурсами. При необходимости они не испугаются риска или импровизации.

Эмпирики нередко бывают непредсказуемы. Часто они действуют, пренебрегая тщательным предварительным обдумыванием. Они проявляют мало интереса к теоретическим, абстрактным, концептуальным вопросам и могут не увидеть важных закономерностей, взаимосвязей между событиями. Случается, что эмпирики падают духом после того, как решающая стадия миновала. Стремясь сохранить за собой свободу выбора, они не всегда следуют установленному порядку, иногда изменяют своим обязательствам и планам. Их худшие черты – безответственность, ненадежность, ребячество и импульсивность» (П. Тайгер, Б. Бэррон-Тайгер, 2005).

Именно для такого рода людей типичны своеобразные крайние выражения динамической повседневности: «психологическая усталость», «трагедия (драма) повседневности», «профессиональное выгорание», игровая зависимость и т. д.

«Конечные смысловые сферы» (У. Джеймс) – от феномена малой группы до науки, искусства и бизнеса

Своеобразным антиподом различных видов S-повседневности (повседневности конкретности, «здорового смысла») является

способ переживания действительности ряда представителей N-ядер личности (NT, NF), который был описан У. Джеймсом в противовес повседневности.

Тот своеобразный «фантазийный» отход от реальности, смещение ее пространственно-временных границ (классический пример – «реальность» сновидений); постоянно возникающее сомнение в существовании «голой» фактичности мира: разорванная, фрагментированная саморефлексия; повышенное внимание к личности «другого» (эмоциональное или рациональное); своеобразное «относительное» переживание времени – все эти признаки «конечных смысловых сфер» могут быть переживаемы как эпизодически (феномен малой группы как выход из повседневности, а «голографический конфликт» (Карнаух И.) как «якорь» повседневности), так и постоянно, образуя «своеобразные виды «человеческой деятельности» (фон Мизес, 1949) – науку и искусство как способ переживания действительности – классические (N-тип научного познания, NF (образное) – искусство) и абстрактные (NT-искусство) их виды.

Особое место занимает N-тип (поисковый) бизнеса как «наивысшей формы самоорганизации рыночной экономики», стремящейся к минимизации транзакционных издержек.

Раздел третий

Коммуникативные практики повседневности в СМИ, PR и рекламе

Коррекция социальной реальности российскими СМИ

Современный российский индустриальный город оперирует множеством механизмов, направленных на выстраивание взаимоотношений внутри социума. Одной из немаловажных функций, выполняемых данными механизмами, выступает симуляция реальности. Обозначенная задача появляется вследствие динамики социальных отношений. В условиях меняющейся повседневности индивид нуждается в видимости упорядоченной картины мира.

Роль механизма, упорядочивающего набор ощущений жителя современного индустриального города, во многом берут на себя средства массовой информации, которые не только выполняют функцию транслятора информации, но и, искажая действительность, достраивают существующую реальность, репрезентируя себя на телеэкранах, в радиоэфире и на страницах печатных изданий. Скорректированная действительность обретает самостоятельную сущность, живущую по собственным законам, оказывающую влияние на жизнь социума, на эволюцию общественных связей, на общественное мнение.

Степень искажения действительности средствами массовой информации во многом определяется типом собственности, в которой находятся массмедиа, а также ожиданиями общества и существующими социальными связями.

Социальным заказчиком материалов СМИ выступают органы власти, крупные финансово-промышленные структуры и предприятия торговли. В силу данных обстоятельств значительная часть материалов носит откровенно рекламно-заказной характер. В ряде случаев симуляция реального социума сводится к минимуму за счет низкого профессионального уровня журналистов и руководителей СМИ. В результате в эфире радио и телевидения, а также

* *Сергей Габдульсаматович Дюкин* — канд. филос. наук, доцент кафедры культурологии Пермского государственного технического университета (г. Пермь).

на страницах печатных изданий формируется образ элиты как всеобъемлющего слоя, заполняющего весь социум, а не как его части, пусть и играющей определяющую роль.

В настоящее время эта прослойка в российской провинции все еще представляет собой достаточно разнородную социальную массу, имеющую доступ к властным рычагам и финансовым ресурсам, но не до конца оформившуюся, с размытым самосознанием и несколько болезненным осознанием собственного статуса. Российская провинциальная элита во многом схожа с «новой» элитой стран Запада, представители которой проникают в высшие слои общества из среднего класса путем накопления богатств. Эти люди осознают собственную ущербность в силу недавнего изменения статуса, а потому всеми силами путем внешних проявлений демонстрируют причастность к высшему слою социума.

Одним из необходимых показателей принадлежности к высшему слою, наряду с высоким доходом и участием во властных институтах, является престиж как звено, соединяющее элиту с прочими слоями общества. Престиж выполняет функцию наделяния внутренних характеристик властвующих групп внешним содержанием, которое обеспечивает легитимность действиям и решениям элиты, позволяет ей оказывать воздействие в данном случае на городское сообщество. Для поддержания престижа служит, главным образом, реклама, которая обеспечивается при помощи СМИ. Доступ к ним осуществляется при помощи финансовых средств, административного ресурса либо через совладение, совместное управление, при помощи личных связей.

Реклама позволяет избавиться от критической установки потребителя и представить объект не нуждающимся в дополнительной презентации. Произвольное самовыражение объекта подается в виде непроизвольного. Таким образом с объекта рекламы снимаются все признаки явной презентации, и он подается телезрителю в момент реальной деятельности. Данная реальность, как правило, конструируется на основании действительного участия «героя» рекламы, кем бы он ни был — политиком или парикмахером, в каком-либо виде социальной практики.

В производстве теле- или радиоматериала большую роль играет выбор презентуемого участка реального события. Удачный выбор, способный представить объект в наиболее выгодном для него свете, зависит от точной постановки задачи самим заказчиком, а также от профессионализма производителя сюжета, репор-

тажа или фильма. Немаловажным фактором является соответствие внутренних побуждений объекта тому образу, который он желает представить публике, и его актерские способности.

На практике процесс выбора репрезентируемого участка сталкивается с множеством затруднений. Первое из них – непонимание заказчиком, то есть представителем элиты либо намеревающимся попасть в этот социальный слой, задачи, которую преследует реклама. Данная ситуация складывается, во многом, в силу слабого осознания российской провинциальной элитой своего единства и своей общности. Следствием этого является непонимание стратегии развития собственного бизнеса либо политической деятельности. Главной задачей, которую преследуют заказчики теле- и радиоматериалов, становится известность сама по себе в чистом виде. Содержательная сторона известности трактуется крайне односторонне. Во многих случаях объект презентации при моделировании нехарактерной для него ситуации способен изменить обстановку, но не может изменить свой передний личный план. Неспособность к изменению переднего личного плана выказывает в данном случае непонимание значительной частью элиты отношений, существующих в социуме, и ожиданий, присущих широким слоям российского населения в отношении элиты.

Другая сторона той же проблемы заключается в формировании презентационного материала специалистами. Часто журналисты не обладают теоретическими знаниями и вынуждены приобретать необходимые навыки лишь в процессе опыта работы, руководствуясь интуицией. Также рядовые журналисты СМИ российской периферии не в состоянии до конца осознать себя частью команды, обслуживающей элиту из искренних побуждений, поскольку по уровню жизни они занимают место в низших слоях общества. В виду данного фактора, сложно ожидать от производителей презентационных материалов высокого мастерства при устранении личных недостатков объекта презентации и творческой изобретательности при конструировании информационных поводов и контекста презентации. С другой стороны, это не означает, что сотрудники радио и телевидения исключены из лагеря, обслуживающего местную элиту, и не осознают своего места по одну сторону баррикад с правящими слоями населения. В результате взаимодействия двух вышеобозначенных факторов, а именно непонимания цели презентации объектом рекламы и недостаточного профессионализма производителей материалов, на телеэкране и в радио-

эфире формируется образ малокомпетентного индивида с неприятными внешними признаками и манерами, с определенной периодичностью воспроизводящего однотипные действия, находящиеся за пределами его истинных интересов. Как правило, в теле- и радиоматериалах просматривается отчужденность объекта презентации от деятельности, которая должна выступать неотъемлемой частью его личности с целью формирования позитивного облика.

Социальная реальность, формируемая российскими СМИ с целью создания единой картины мира, не способна в полной мере диссимилировать действительные отношения, существующие в социуме, ввиду своей очевидной тенденциозности. Преобладание в печати и в эфире определенного социального слоя стало возможным в результате недостаточной компетентности сотрудников СМИ, а также чрезмерных запросов со стороны элиты, пытающейся экстенсивным путем упрочить свое место в обществе.

Ю. В. Архипова*

Об особенностях российского репутационного менеджмента

Отродно осознавать, что в современной России репутация организации постепенно становится важнейшим экономическим фактором и все больше осознается как существенное конкурентное преимущество. По словам специалистов, «наступило время нового подхода к получению суперприбылей – так называемой стратегии лидерства по стоимости репутации»¹. Это было связано с тем, что наша страна осуществила переход к информационному обществу, что привело к стремительному развитию рынка информационных услуг. Именно на этом рынке такая эфемерная вещь, как репутация, получила свою настоящую цену. Но произошло это не сразу.

Долгое время среди наших бизнесменов существовало расхожее мнение, что главным показателем успеха в делах являются высокие прибыли компании. Такое положение вещей нормально на этапе становления, когда очевидно только настоящее, а будущее призрачно и непонятно. Когда нужно делать деньги здесь и сейчас, а заботу о репутации оставить до лучших времен. Поэтому востребованность репутационного менеджмента пришла в Россию несколько позже востребованности обычного пиара. Ситуация изменилась в одночасье, когда бизнес-элита ельцинской эпохи попыталась выйти на западный фондовый рынок. Бизнесмены очень удивились, когда поняли, что плохая репутация обесценивает их материальные активы в несколько раз. Америка и Европа требовали прозрачного и «правильного» бизнеса, и к этим требованиям наши олигархи оказались не готовы.

* **Юлия Владимировна Архипова** – доцент кафедры «Связи с общественностью» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Олейник И. В., Лапинов А. Б. «Плюс/минус» репутация: Российский опыт репутационного менеджмента. М., 2003. С. 12.

Случившийся в августе 1998 года дефолт также способствовал прозрению и изменению ситуации. На смену эпохе максимизации прибыли пришла эпоха заботы о нематериальных активах крупных компаний и холдингов. Как показала жизнь, заработать большие деньги – это еще не главное. Нужно еще доказать общественности (в основном, западной), что деньги заработаны честно и что какая-то часть прибыли используется на социальное благоустройство.

Первым обладателем положительной репутации в глазах западной общественности стал Михаил Ходорковский. Американский журнал *Forbes*, к оценкам которого прислушиваются все мировые рейтинговые агентства, признал главу «ЮКОСа» самым богатым человеком России. Это означало, что Ходорковскому удалось за достаточно короткий срок сформировать хорошую репутацию своей компании в глазах западных экспертов. Разразившийся позднее скандал, вызванный финансовой нечистоплотностью «ЮКОСа», показал, что положительная репутация – это вещь серьезная и долгосрочная. И только в случае подлинности она может стать своего рода страховым полисом в ситуации кризиса.

Но к тому времени, когда произошло падение «ЮКОСа», сознание отечественных бизнесменов уже претерпело существенные изменения. Большинство из них стало задумываться о значении своей репутации для бизнеса и искать все новые подтверждения правильности своего выбора. Благо, их как в России, так и за рубежом было достаточно.

В конце 90-х активно обсуждалась уже ставшая хрестоматийной история с «Кока-колы» и «Пепси ко». Одно из зарубежных представительств концерна «Кока-колы» отказалось финансировать фонд борьбы со СПИДом, мотивируя это тем, что компании нужны только перспективные клиенты. Скандала, может быть, и не последовало бы, если бы об этом инциденте не прознала компания «Пепси ко», которая, во-первых, сразу же внесла солидный взнос в фонд, а во-вторых, раструбила о неподобающем поведении конкурентов в газетах. Можно себе представить, каков был информационный взрыв, если даже в российских СМИ можно было встретить фразы типа «Нам не нужны умирающие клиенты», якобы принадлежавшие менеджерам «Кока-колы». Эта история существенно повлияла на объемы продаж обеих компаний – понятно, в какую сторону².

² См.: Санаев А. Русский PR в бизнесе и политике // <http://evartist.narod.ru/text12/69.htm>

Сегодняшний бизнесмен гораздо больше дорожит своей репутацией и как огня боится негативного упоминания в СМИ собственного имени, а ради удовольствия видеть свою фотографию на страницах ведущего издания готов потратить немало денег. Потому что он знает, что фотография эта имеет вполне ощутимый эффект – ведь деловые партнеры и конкуренты заметят его лицо и наверняка будут уважать больше.

Однако при столь трепетном отношении к репутации, как таковой, механизм управления ею для многих так и остается загадкой. Поэтому то и дело имеют место досадные мелочи. Например, в самолете стюардесса ласковым голосом предлагает нам откинуть спинку кресла, чтобы устроиться поудобнее, а конструкция сиденья не позволяет этого сделать. Или: при покупке машины мы рассчитываем на гарантийные услуги и качественное техническое обслуживание, а оказывается, что приходится выстаивать длинную очередь в ущерб рабочему времени, так как в выходные дни сервис не работает. Поинтересовавшись у официантки в модном ресторане, что из себя представляет их фирменное блюдо, мы можем услышать в ответ: «Там все написано». Может быть, нам даже укажут соответствующее место в меню, а может, и нет.

Некоторые могут возразить: «А какое это имеет отношение к репутации? В последнем случае это вообще недоработка менеджера по персоналу». Но ведь картина складывается из мелочей, а в вопросах репутации мелочей вообще не бывает. Можно вкладывать значительные средства в оборудование, в технологии, иметь отличный бизнес-план и серьезные перспективы развития, можно даже обладать успешным имиджем, но не иметь положительной деловой репутации. И дело здесь не в том, что не хватает знаний и опыта в данной сфере, а в том, что не хватает обыкновенной культуры, утверждающей приоритеты вечных человеческих ценностей. Репутация – это явление духовной сферы человеческой деятельности; она предполагает ответственность, заботу, честность, порядочность, то есть бизнес с человеческим лицом. А именно этой человечности пока так не хватает облику отечественного бизнеса.

Е. Б. Войцехович*

Корпоративная культура: трансформация культурного пространства постиндустриальной организации

Процессы политической, экономической и культурной интеграции в современном мире обуславливают причины научного и практического интереса к феномену корпоративной культуры.

Изначально установим, что термин «корпоративный» возник от латинского «corporatio» – объединение, сообщество. В данной работе понятие «корпоративный» рассматривается в смысле «объединяющий», «связующий», а «сообщество» – в качестве формы организации трудовых общностей.

Организация – форма устойчивого объединения людей, преследующих некие групповые цели и удовлетворяющих связанные с их коллективным существованием интересы и потребности.

Любая относительно стабильная группа людей, в нашем случае – организация, в процессе взаимодействия создает свою культуру.

Понятие «культура» в данном контексте выступает как качественное состояние социальных явлений (духовных и материальных), система присущих организованному сообществу образов, мыслей, представлений, ценностей, знаний, умений, навыков, образцов поведения, организации труда. Следовательно, феномен корпоративной культуры реален и имеет большое значение для общества в целом, организации, группы, отдельно взятого индивида.

Исследователи всего мира еще с 30-х годов XX века изучают вопрос, связанный с построением теории организации. Повышение интереса к корпоративной культуре возникает в связи с переходом от индустриальной цивилизации к постиндустриальной (информа-

* **Евгения Брониславовна Войцехович** – аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин, специальность теория и история культуры.

ционной), которая основывается на ином, чем прежде, понимании человека и его роли в системе общественного разделения труда. Данная теория о соотношении организационной и корпоративной культуры представлена Э. А. Капитоновым и Ф. Э. Капитоновым. По мнению исследователей, организационная культура выступила отправной точкой последующих трансформаций культурного пространства нового качества постиндустриальной цивилизации. Подобной точки зрения придерживается и автор данной работы и предлагает обратиться к истории развития научной мысли в данном направлении.

В 1936 г. М. Шериф формулирует понятие социальных норм. В 1939 г. Левин выдвигает идею о климате в организации, а в 1951-м – идею о групповой атмосфере. В 1953 г. появляется идея Картрайта о групповом мышлении. В 1958 г. К. Арджирис употребил термин «климат» вместе с термином «неформальная культура». В 60-х годах исследователи активно используют термины «культура» и «климат в организации», в 70-х мысль о том, что организации имеют свои «культуры», высказывается и поддерживается исследователями; под влиянием идей Ф. Котлера, Д. Макгрегора организация стала рассматриваться как система, состоящая из подсистем, взаимодействие которых определяет жизне-способность системы. В начале 80-х годов происходит поворот к постиндустриальному обществу, постэкономической организации и гибким системам управления, обусловившим появление соответствующей им корпоративной культуры. Происходит утверждение человека как ведущего фактора (профессионала), определяется новая парадигма бизнеса, ориентированного на потребности, интересы, ответные реакции общественности, как внутренней, так и внешней. Ряд исследователей, таких как Т. Петерс, Р. Ватерман, Т. Дил, А. Кеннеди, Э. Шейн, Дж. Коттер и Дж. Хескетт, придерживается мнения, что корпоративная культура является объединяющей силой внутри организации и имеет свое материальное выражение, а руководство организации может идентифицировать ее и управлять ею.

Согласно Юнгу, все исследователи сходятся в одном: культура – это объединяющее понятие, отражающее, с одной стороны, социальное единство и сплоченность организации, а с другой – эффективность ее деятельности. По Шейну, корпоративная культура – модель поведенческих норм и основных понятий, изобретенных, обнаруженных или созданных данной социальной группой по мере

решения проблем внешней адаптации и внутренней организации, которые зарекомендовали себя как единственно правильный способ восприятия, представлений и отношений.

Основываясь на определении культуры, сформулированы Т. Н. Персиковой, сделаем вывод, что корпоративная культура выступает способом духовно-практического освоения действительности в процессе адаптации организации к среде на устойчивой ценностно-нормативной, знаково-символической основе и регуляции социальных взаимодействий, ориентирует людей на определенный алгоритм поведения посредством влияния образов мыслей и образцов поведения, разделяемых сообществом организации.

Организаций без корпоративной культуры, по-видимому, не существует, и если она не формируется сознательно, то возникает стихийная, а значит, неуправляемая корпоративная культура. Другими словами, каждая организация в процессе адаптации к социуму и рынку вырабатывает собственную философию общих принципов бытия, развития, познания, деятельности. Так, у одних организаций корпоративная философия зафиксирована документально в виде основных, идеальных принципов, является направляющим и регулирующим фактором, а у других она присутствует на неосознанном уровне и сводится к рефлексии – стандартной реакции на разнообразные стимулы окружающей среды, не всегда являющейся эффективной, а зачастую и неуправляемой.

Специалист по менеджменту П. Друкер отметил: исторический успех нации на 80 % зависит не от природных ресурсов, не от экономического базиса, не от технологий, даже не от таланта народа, а от эффективности управления. А. Файоль назвал укрепление и поддержание корпоративного духа одним из базовых принципов управления предприятием.

Исследования подтверждают, что корпоративная культура, как часть управления, существенно влияет на эффективность организации. Процветающие корпорации, имеющие свои цели и ясно выраженные принципы, целенаправленно формируют корпоративную культуру. Появились количественные и эмпирические свидетельства связи между культурой компании и ее производственными показателями, статусом в общественно-социальной сфере, местом, занимаемым в профессиональном сообществе и репутацией. Опрос сотрудников различных коммерческих банков, торговых и консалтинговых фирм показал, что высшее руководство этих организаций видит в корпоративном духе источник благосостояния

организации. Сами же сотрудники, понимая цели и задачи организации, разделяя ее ценности, нормы и традиции, испытывают чувство сопричастности общему делу, чувство «общей судьбы».

В заключение автору данной работы представляется важным упомянуть о теории Л. Смирсича, в основе которой лежит следующее утверждение: культура и есть организация.

С. Е. Корчемкин*

PR–рынок: некоторые параметры измерений

Бизнес-PR является сегодня наиболее активно развивающимся направлением Паблик Рилейшнз. Несмотря на не-прозрачность, закрытость информации о «стоимости» PR-бизнеса, стоимости отдельного агентства или PR-структуры, доля бизнес-PR, по мнению экспертов, неуклонно увеличивается, что уже дает возможность говорить о серьезной индустрии. Большинство экспертов однозначно указывает на сокращение доли политического PR за счет увеличения программ в области бизнес-консультирования. Сегодня, когда бизнес становится более цивилизованным и идет рост конкурентной борьбы, лидером становится тот, кто нацелен на передовые коммуникационные технологии. По мнению отдельных специалистов, в бизнесе возрастает необходимость оптимизации отношений между организацией и ее окружением, как объективного фактора становления и развития бизнеса, где на первый план выдвигается коммуникационная политика. Одной из ее важнейших характеристик является комплексность, то есть коммуникация может быть эффективна тогда, когда реклама, маркетинг, PR, значимые события или акции, информация в прессе скоординированы, базируются на единых подходах и исследованиях, стилистически едины, и таким образом усиливают друг друга в стратегическом и комплексном коммуникационном продвижении.

В последние годы у многих руководителей все чаще появляется стремление к комплексности, под которой понимается следующее: на смену освоенным, рутинным задачам пресс-релейшнз, организации специальных событий, имидж-сопровождения первых лиц приходят комплексные программы репутационного менеджмента, стратегического бренд-менеджмента, комплексного консалтинга. PR-агентства становятся стратегическими партнерами крупнейших

* **Станислав Евгеньевич Корчемкин** – канд. филос. наук, доцент, зав. кафедрой «Связи с общественностью» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

рыночных субъектов. Меняется характер взаимодействия между ними. От разовых контактов и заказов дальновидные клиенты переходят к практике формирования долгосрочного заказа. Все заметнее работают законы «равного брака»: крупные клиенты с крупными PR-бюджетами выбирают себе агентство из носителей авторитетных брендов. В наши дни, стремясь, чтобы выбранная коммуникационная стратегия оправдала себя с экономической точки зрения, необходимо учитывать опыт использования новых инструментов маркетинга, таких, как, например, управление стоимостью бренда и маркетинговые стратегии. Итак, вполне можно уже говорить об интегрированных маркетинговых коммуникациях (ИМК), все элементы которых налицо. Налицо также растущее соответствие между активным развитием общественных связей в стране и готовностью к этому базисных субъектов – бизнесменов, руководителей государственных органов, политиков и т. д.

Перспективы в бизнес-PR могут быть связаны не только с развитием производства, но и с интересами политиков по продвижению своих бизнес-проектов. В частности, руководители субъектов РФ начинают заниматься развитием локальных экономик, формировать программы по имиджу регионов, и в этой части политический PR постепенно будет трансформироваться в сферу бизнес-консультирования.

В то же время большинство PR-специалистов в качестве ключевой задачи видят поддержание репутации предприятия путем создания благоприятной информационной среды. В отличие от руководителей корпораций, которые в большей степени связывают эффекты PR с экономической составляющей – продвижением бренда, товара или услуги, PR-специалисты стремятся связать их с оптимизацией условий деятельности организаций в целом. К основным эффектам они относят: рейтинги, конкурентоспособность на рынке, активность инвесторов, степень их доверительного отношения к корпорации, низкую текучесть персонала и высокую степень его лояльности. При этом сохраняется проблема конвертации нематериальных активов фирмы в материальные.

Так в общих чертах выглядит российский PR-рынок в преддверии нового политико-экономического цикла. И каким будет новый период, зависит, в том числе, и от PR-профессионалов.

Г. А. Задорина*

GLAMOURные ценности

С 2004 года в России издается журнал GLAMOUR – возможно, наиболее динамично развивающийся гляцевый проект для девушек нашей страны. Успех GLAMOUR (тираж – более 700 тысяч экземпляров) предопределен грамотной маркетинговой политикой, продвижением и, безусловно, содержанием. Главное, появление этого журнала спровоцировало ряд тенденций на рынке глянца.

Во-первых, дрейф в сторону более молодой и менее обеспеченной аудитории. Основная аудитория журнала – молодые городские женщины. Продвинутые и образованные, самостоятельные, стремящиеся к стандартам западной жизни, именно они стали основными читательницами этого журнала. Именно они выбирают «стиль жизни, которому легко соответствовать». Действительно, не в каждом городе-миллионнике России есть босоножки из последней коллекции Jimmi Choo. Зато везде есть Oasis, Mexx, Benetton, Ecco и другие, более доступные марки. GLAMOUR пропагандирует «моду и красоту, доступные всем», то есть из ближайшего парфюмерного супермаркета, косметологической аптеки или с садового участка бабушки.

Именно молодые выбирают «секс, любовь и отношения без назиданий». Умным и образованным нужна «интеллигентная ирония без банальностей». Это вторая тенденция – искренность и возвращение от витринно-карамельного глянца к реальности российской жизни за пределами Садового кольца. К той, что все же далека от итальянских подиумов и голливудских звезд. GLAMOUR описывает «жизнь знаменитостей без преувеличений». Звезды не слишком плохие и не слишком хорошие – они обычные люди с простыми ценностями. «Звезды Голливуда потому и звезды, что *ответственно* относятся к тому, что они делают!» – заявляет Кейт Уинслет в декабрьском номере 2006 года.

* *Галина Александровна Задорина* – ст. преподаватель факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

В-третьих, GLAMOUR регулярно поднимает «провокационные темы без погони за сенсацией». Например, пишет о раке груди, обращаясь к личному опыту известных людей (см. интервью с Шерил Кроу «Анализ Кроу»).

В-четвертых, GLAMOUR выдвинул на авансцену принципиально иных героинь. Это отдельная заслуга редакции журнала. Новых, настоящих, сделавших себя самостоятельно, без помощи продюсеров и спонсоров, девушек. Счастливых по-другому, радующихся другим событиям, проживающим собственную, а не чужую, жизнь. Таких, как жительница Найроби, мать двоих детей Анна Тржебиньская, вышедшая замуж за молодого туземца; как Анжелина да Силва Ферейра – модель из Бразилии, бывшая проституткой; как Екатерина Щербаченко, бывшая учительница музыки, ставшая солисткой Большого театра. Эти женщины имеют «серьезный взгляд на мир без пессимизма» и не сидят на месте, двигаясь навстречу своей судьбе и большому успеху.

GLAMOUR первым вышел на улицы Большого города и увидел обычных девушек, одетых современно, стильно и недорого – смотрите рубрику «Уличная мода».

GLAMOUR ежемесячно проводит «Свидание вслепую», устраивая романтические вечера для официанток и менеджеров, студентов и молодых бизнесменов, музыкантов и аспиранток.

Эти реальные девушки: студентки, менеджеры, служащие, молодые мамы и многие другие, становятся персонажами «гламурной» жизни наряду с многочисленными российскими и зарубежными звездами. В этом эмоциональном миксте общих девичьих успехов и неудач, страхов и надежд – запас прочности этого издания и львиная доля популярности среди аудитории. В действительности GLAMOUR нравится и живущим в потребительском стиле особам, и рок-н-рольным оторвам.

Еще одной ценностью журнала является стремление к практичности и прагматичности, так необходимое современным жительницам крупных городов. GLAMOUR пишет о футболе и автомобилях так, чтобы было интересно даже тем, кто в этом не разбирается. Футбол и автомобили – для общего развития и для бесед с окружающими в период пикового интереса к этим темам. GLAMOUR учит экономить деньги и жить, наслаждаясь тем, что у тебя есть: нет Piaget, зато есть Swatch! GLAMOUR разыгрывает десятки призов от модных брендов, путевки на модные курорты. Ты хочешь, и ты можешь, провозглашает журнал.

Этот «журнал на все случаи жизни» формирует самостоятельных читательниц, рассуждающих на интернет-форуме GLAMOUR следующим образом: «Если в журнале вижу супердорогую шмотку, то для меня это не повод для расстройства, а хорошая идея для заимствования». Или: «Действительно, приходится просто смотреть, черпать идею и пытаться сообразить что-то похожее. Не понимаю только, почему вас это расстраивает... Мне всегда кажется, напротив, что никто лучше нас не знает, как именно мы хотим отразить ту или иную тенденцию, приспособивая ее к себе. И если я, например, хочу на это лето шифоновое платье цвета загара с завышенной талией, круглым вырезом, рукавами «фонарик» и поясом из атласной ленты, то я едва ли найду даже в самом сверхдорогом бутике стопроцентно то, что мне нужно. А платить бешеные деньги за сам факт обладания вещью с этикеткой, на которой красуется имя очередного «итальянского гомосексуалиста», на мой взгляд, странно...»²

А в журнале лучшим письмом месяца может стать такое откровение: «Очень помогла статья о Софи Кинселле, авторе «Шопоголиков». Я очень люблю читать, особенно классику, и столько раз начинала писать сама. Но мешала неуверенность – мое ли это? И вдруг читаю о Софи, а она говорит именно о тех вещах, которые меня волнуют, о которых мне негде было узнать. Теперь я решила: всё, буду действовать!» Возможно, эти читательские мнения – лучшие доказательства того, что выбранная маркетинговая стратегия «демократичного» журнала для реально существующих девушек, не важно в какой точке мира – в Милане или в Мытищах – они находятся и о чем думают, работает. Следовательно, журнал формирует новые ценности и предлагает новые образцы для заимствования лучшего, но не для слепого подражания.

² www.glamour.ru

Реклама как механизм социальной идентификации в сфере повседневности

Повседневность зачастую оценивается индивидами как некая реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира. Причем это такая реальность, внутри которой всегда есть место и для других людей, то есть некая intersubъективная реальность.

В то же время каждый человек четко определяет границы повседневной реальности с множеством других, благодаря свойству повседневности присутствовать постоянно, быть неким фактом существования человека.

Основной принцип повседневности определяется ее коммуникативным свойством связывать представления индивида о самом себе, об окружающем его мире, его ближайшем окружении.

В рамках феномена повседневности нам удобно рассматривать процесс социального взаимодействия между людьми, так как он включает в себя процессы не только собственно взаимодействия, но и такой процесс, как идентификация.

Коммуникацию же мы рассматриваем с точки зрения исключительно символической сферы, внутри которой происходит распознавание направленности Другого на Меня, символизацию обмена, о-значивание любого проявления моего отношения к Другому.

Таким образом, через коммуникацию человек выстраивает свою систему идентификации, создавая и транслируя символы, а также реконструируя множество их смыслов.

Процесс идентификации субъекта строится на его стремлении следовать определенным «правилам поведения» внутри выбранной группы.

* **Наталья Владимировна Моисеева** – аспирантка кафедры социально-культурного сервиса, туризма и рекламы Гуманитарного университета, преподаватель Уральского государственного колледжа им. И. И. Ползунова (г. Екатеринбург).

Характерные приметы повседневной жизни человека определяются не только кругом материальных предметов и ценностей, но и текстами, произведенными людьми, также выступающими в роли символических ориентиров повседневности.

На сегодняшний день важнейшим источником производства символических текстов являются СМИ, а также реклама.

Рекламные тексты упрощают процесс идентификации индивидов в современном обществе: они транслируют стереотипные модели, в основном как раз в сфере повседневной жизни человека.

Кто из современных потребителей медийных текстов не знает, как должна выглядеть Добропорядочная Домохозяйка, Муж-Добытчик, как должны вести себя Зять или Теща (Свекровь), что должно быть на уме у Гламурной Красотки или Ловеласа?

Изучение феномена повседневности предполагает выделение неких типических структур, присутствующих в прецедентных текстах современности, причем именно рекламные тексты дают богатый материал для подобного изучения («Будущее зависит от тебя», «Пиво с мужским характером», «Где наслаждение – там Я», «Для тех, кто достоин награды» и пр.).

Коммуникативная модель повседневности, реализуемая посредством рекламных текстов, состоит из множества вариантов, предлагаемых человеку: можно выбрать, кем он хочет стать, с какой группой индивидов он будет себя идентифицировать.

Общение коммуникантов и соответственно те коммуникативные модели, в которых оно выражается, может рассматриваться прежде всего как способ символизации общей социальной деятельности. В структуре такой деятельности особое значение традиционных, клишированных форм коммуникации состоит, очевидно, в том, что они выступают в функции символического регулятора социальных связей и связываемых с ними поведенческих тактик. Будучи стереотипно воспроизводимыми, формы рекламной коммуникации выступают в качестве элементарного средства трансляции уже так или иначе предопределенного коллективного опыта.

Таким образом, реклама представляет собой некую культурную коммуникацию, внутри которой происходит символический обмен, без которого коммуникация не смогла бы существовать.

Кроме того, реклама представляет собой весьма эффективный механизм формирования социальной идентичности.

Наиболее же благодатную почву для реализации этого процесса предоставляет повседневность, формирующая определенные стереотипы потребления.

В настоящее время на разных уровнях анализа (от маркетингового до социально-культурного аспекта) предлагается рассматривать потребность человека не собственно в товаре или услуге, а именно в стремлении «купить» чувство, эмоцию, идентичность.

С этой точки зрения рекламу можно рассматривать как искусственный механизм стимулирования человеческих потребностей, позволяющий индивиду идентифицировать себя по характеру потребления.

Реклама порождает стимулы к действию, предлагает те или иные формы активности, то есть позволяет проследить внутреннюю микродинамику событий, организуемых личностью в рамках установившейся или проблемной жизненной ситуации, а также проследить пути перехода от ситуаций одного типа к ситуациям другого.

В сфере повседневности идентификация индивида происходит благодаря выделению его «я», определению того, как «я» субъекта представлено в различных ситуациях социального взаимодействия.

Механизм идентификации, который несет в себе реклама, достаточно четко позволяет определить культурно обозначенный объект (личность, группу), определяемый стереотипными наборами атрибутов: поведенческих, предметных, символических.

Отсюда – условное поведение (ожидаемое или навязываемое), – групповое или индивидуальное.

В сфере повседневности, как правило, в качестве стереотипных атрибутов выступают материальные предметы, причем здесь мы можем наблюдать некий двойственный процесс: с одной стороны, обладание тем или иным предметом, обладающим высокой стоимостью, автоматически относит его владельца в группу людей с высоким материальным достатком, а значит, и с высоким социальным статусом; с другой стороны, от человека высокого социального статуса ожидается обладание материальными предметами, имеющими высокую стоимость.

В рекламе процесс идентификации индивида с подобными группами искусственно поддерживается благодаря графическому исполнению: потребители ежедневно встречаются с показом успешных, красивых, счастливых людей, которые стали такими, благодаря обладанию предметами материального мира – дорогими автомобилями, сверхмощными процессорами, последними моде-

лями сотовых телефонов и пр. А обладание предметами материального мира стало для них «пропуском» в мир людей, где их принимают как своих, где высокий социальный статус является показателем успешности и дает им возможность обладать не только предметами вещественными, но и собственно людьми (роскошными женщинами, сексуальными мужчинами).

Таким образом, целесообразно говорить о рекламных механизмах как регуляторе процесса социальной идентификации в сфере повседневности.

Проблема коммуникативных неудач в рекламном дискурсе (межкультурный аспект)

Работы на темы межкультурного общения носят по преимуществу теоретический характер. Но, изучая их под определенным углом зрения, можно обнаружить явный прагматический аспект¹.

В ситуации «экспорта» рекламы ее создатели чаще всего используют две стратегии:

- адаптацию рекламы к иной культурной среде, через замену элементов, составляющих исходное рекламное сообщение в соответствии с традициями и ценностями культуры адресата («Lux», «Tang», «General Motors», «Volkswagen»);
- простой перевод рекламного сообщения на язык целевой аудитории, реализуя тем самым принцип «одна картинка, один звук, одна система сбыта для всего мира» («Levi's», «Kodak», «Benetton», «Coca-cola»).

Первый вариант чреват излишними тратами времени и денег на тестирование рекламы на предмет соответствия способов реализации маркетинговой стратегии национально-культурной специфике, второй – очень часто приводит к коммуникативным неудачам.

Они могут быть вызваны как недостаточным знанием собственно кода (языка), так и возможными «внекодowymi неудачами». Опираясь на имеющиеся подходы к классификации коммуникационных неудач, выделим наиболее часто встречающиеся в практике межкультурной рекламной коммуникации:

* *Лариса Петровна Пискунова* – канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры философского ф-та, доцент кафедры мировой экономики экономического факультета УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. Теоретические выводы данного исследования являются актуальными для практики международной рекламной коммуникации.

1. Неудачи могут быть широкими (не достигнута практическая цель) и узкими (не достигнута не только практическая цель, но и коммуникативная). Потребитель не только не стал совершать покупок под воздействием рекламы, но элементарно не понял ее смысла.

2. Неудачи, вызванные недостаточным владением создателями рекламного обращения языком его потребителей; неудачи, вызванные национальными различиями создателей и потребителей рекламы; «дискурсивные» неудачи (Д. Гудков). Именно этот тип ошибок является, на наш взгляд, наиболее часто встречающимся как в адаптированной, так и в просто скалькированной с одного языка на другой, рекламе. По мнению Д. Гудкова, дискурсивные ошибки вызваны не незнанием системы языка, а неверным использованием этой системы, не владением системой культурных норм и ценностей.

Обозначим наиболее часто встречающиеся аспекты дискурсивных неудач:

- этикетные ошибки – незнание правил речевого этикета и различных аспектов социально-ролевых ситуаций;
- ошибки, связанные с незнанием или неверным использованием стереотипов поведения;
- ошибки, вызванные не владением ментальными стереотипами иного сознания;
- энциклопедические ошибки, вызванные незнанием ментальной базы, общей для всех социализированных в данной культуре потребителей данной рекламной продукции;
- идеологические ошибки, вызванные различием мировоззрений коммуникантов.

Таким образом, необходимо отметить огромный эвристический потенциал теоретических исследований в сфере межкультурной коммуникации и применимость его к практике рекламной коммуникации.

Реклама в социокультурных практиках повседневности

Повседневность – одно из пространственно-временных измерений развертывания истории, форма протекания человеческой жизни, средство поддержания стабильности функционирования человеческого общества.

Повседневное – это поле самоочевидного, не подвергающегося сомнению опыта, нечто привычное, близкое, упорядоченное. А. Шюц выделяет следующие конституирующие элементы повседневности как особые формы реальности: 1) трудовую деятельность; 2) специфическую уверенность в существовании мира; 3) напряженное отношение к жизни; 4) особое переживание времени; 5) специфику личностной определенности действующего индивида; 6) особую форму социальности.

Повседневность определяется канонами, совокупностью правил человеческого поведения, символически подчеркивается запретами и разрешениями, устанавливающими границу между нормой и патологией человеческого существования. В системе социокультурных практик вырабатываются и функционируют сложные стандарты жизнедеятельности. Они охватывают сферу повседневной жизни человека и выражаются в особых символических формах: обрядах и ритуалах, художественных стилях и религиозных представлениях, стереотипах сознания и поведения и т. д.

Повседневное поведение человека формируется на основе ценностно-нормативных систем, выступая «ключом» к прочтению социального смысла эпохи. Ценности – это существующие в сознании каждого человека ориентиры, с которыми индивиды и социальные группы соотносят свои действия. Ценности являются частью жизненного мира или мира повседневности, в котором люди выступают, с одной стороны, в качестве создателей социаль-

* *Алина Константиновна Симонова* – аспирантка ф-та социальной психологии Гуманитарного университета, директор рекламно-информационного агентства «Приорити-групп» (г. Екатеринбург).

ной реальности, а с другой стороны, сдерживаются ранее образовавшимися социальными и культурными структурами, созданными их предками. Таким образом, ценностная система является как бы символической записью повседневных практик человека.

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что ценности – это желательное, предпочтительное для данного социального субъекта (индивида, социальной группы, общества) состояние социальных связей; принципов и практики социальных взаимоотношений; критерий оценки реальных явлений. Они определяют смысл повседневной деятельности и тем самым регулируют социальные взаимодействия; внутренне побуждают к деятельности. Иными словами, ценность и формирует идеалы, и ориентирует человека в окружающем мире, и побуждает к действиям. В жизни современного человека ценности выполняют роль своеобразных «центров управления» его повседневным поведением.

XX век характеризовался беспрецедентными изменениями в повседневной культуре. Наиболее радикальные и глубокие трансформации культурной жизни были связаны с появлением таких феноменов, как реклама, СМК, новый дизайн, массовое потребление и т. д., которые постепенно укоренились в повседневных практиках людей.

Реклама – один из видов повседневной культуры. Она способствует расширению ценностей, норм и основных тем, которые имеют тенденцию «воплощения в повседневной жизни». Приглашение посредством призрачного мира рекламы к мгновенному потребительскому счастью призвано принудить людей забыть про тяжелые условия существования. Хороший способ заставить, посредством приоритета удовлетворения, принять суровые условия существования, обусловленные реальностью, притом что воображаемое «защищено от неблагоприятных воздействий цивилизации».

Современная реклама – это целенаправленное побуждение потребителей к пересмотру их собственной системы ценностей. Специалисты предлагают различать в методах переубеждения три главных типа стратегии, какими пользуется реклама: 1) апелляцию к разуму потенциального клиента, предлагающую ему информативную рекламу; 2) использование определенных автоматических механизмов мышления с целью не столько рационально переубедить, сколько взволновать при помощи механической рекламы; 3) воздействие на подсознание потребителя посредством суггестивной рекламы.

Сегодня все три типа используются в рекламе одновременно, но предпочтение отдается суггестивной стратегии, которая в значительной мере нацелена на определенные группы клиентов и использует одновременно несколько средств воздействия. В зависимости от типа стратегии меняется и характер культурного влияния рекламного текста. В чисто информационной рекламе, которой в наше время почти не существует, нет апелляции к стилю жизни, внешним ценностям в отношении продукта, который рекламируется. При механической рекламе во внимание принимается тот факт, что некоторые мотивации экономического поведения не являются рациональными и, как результат, на них можно влиять с помощью психологической обработки. Но только с применением суггестивной стратегии и самых последних открытий в области психологии потребления и психоанализа культурное влияние рекламы становится решающим.

В этом случае мотивация приобретения товара формируется на уровне эмоций и подсознания: реклама связывает подсознательные ожидания потенциальных потребителей с характеристиками товара, который нужно продать. Приобретая предлагаемую ему вещь, потребитель покупает и определенный образ самого себя и выбирает, благодаря подключению воображения, определенный стиль жизни.

Что принуждает нас желать? Желание возникает в нас тогда, когда перед нами находится не какая-нибудь отчужденная от нас вещь, а такая, которая уже содержит нас в себе, потому что мы были включены в нее с момента ее создания с помощью тысячи способов; когда мы сами являемся только приложениями к вещам, посредством которых самовыражаемся.

Таким образом, реклама – это не просто техника коммерции, которая с помощью своих механических либо суггестивных стимулов стремится сделать необходимым для конкретных индивидуумов приобретение определенных товаров или услуг. Это – продукт социокультурного порядка, часть современного фольклора, одна из граней той «мозаичной культуры», которая составляет интерьер представлений современного человека, движущий и создающий элемент «массовой культуры».

Между обществом и рекламой существуют диалектические и сложные связи: содержание рекламы можно анализировать и как частичное отражение общества, которое ее создает, и как источник возможного влияния на стереотипы и образы, которые цир-

кулируют среди людей. Поскольку ценности, которые предлагает реклама, являются большей частью ценностями массовой культуры, то в этой сфере можно ожидать неких стереотипных моделей поведения, уже принятых большей частью общества и, как результат этого, являющихся конформистскими. Реклама находится в тесной связи с обществом, которое ее создает, и оказывает на него культурное влияние, в то время как общество определяет культурные рамки для средств передачи рекламы. Являясь отражением той культурной среды, в которой она существует, реклама, благодаря своему суггестивному воздействию, может стать динамичным пособником ее эволюции.

Неся в себе определенный конформизм, рекламные сообщения предлагают индивидуумам и нечто новое. Динамика отношений рекламы и общества обусловлена несовпадением двух образов – того, который предлагает индивидуумам реклама, и того, который сложился у них самих. Если образ, проецируемый рекламой, содержит определенные элементы, которые не соответствуют образу, сложившемуся у индивидуумов, то он подвергается трансформации. Когда же рекламный образ целиком соответствует системе ценностей массовой аудитории, то он закрепляется на уровне стандартов, стереотипов поведения, ритуализированных практик в системе повседневной жизнедеятельности людей.

Эффективность использования коммуникативных систем в создании PR и рекламы

Говоря о коммуникации в узком смысле слова, прежде всего имеют в виду, что в ходе совместной деятельности люди обмениваются между собой различными представлениями, идеями, интересами, настроениями, чувствами, установками и пр. Все это можно рассматривать как информацию, и тогда сам процесс коммуникации может быть понят как процесс обмена информацией. Суть коммуникационного процесса – не просто взаимное информирование, но и совместное постижение предмета. Реклама является одним из важнейших элементов внешних коммуникаций фирмы. Сегодня коммуникативный процесс в PR и рекламе принято рассматривать как интерактивный диалог между компаниями и их потребителями, осуществляемый на стадиях подготовки к покупке, самой покупки, потребления товара и дальнейшего распоряжения им. Каждая компания должна найти ответ не только на вопрос: «Как нам охватить свою целевую аудиторию?», но и на вопрос: «Как покупатель может связаться с нашей компанией?»

Коммуникационные системы можно подразделить на два вида – внешние и внутренние. Внешние коммуникации – это системы общения фирмы (организации) с рынком как с совокупностью реальных и потенциальных покупателей. Внутренние – система общения всех работников организации между собой без соблюдения иерархии и использование нетрадиционных каналов коммуникации (связь с журналистами печатных СМИ).

Рекламу следует отнести к системам внешних коммуникаций, и основная ее роль в них заключается в информировании рынка о предлагаемых фирмой товарах (услугах). К внутренним коммуникационным практикам можно отнести PR.

PR-специалисты используют свыше тридцати методов превращения событий «внутреннего» уровня PR в публичности («внеш-

* Елена Александровна Щербань – студентка Современной Гуманитарной академии (Барнаулский филиал) (г. Барнаул).

ний» уровень PR). Ослабив деятельность в сфере PR, можно потерять до 70 % клиентов. Цель PR – показать, какие высокопрофессиональные работники сотрудничают в фирме, как дорог для них престиж своего труда, насколько качественный товар они создают и как заботятся о потребителе. Демонстрируются размах предприятия, доходов, дружелюбность, устремленность в будущее, использование новых технологий, т. е. формируется положительный имидж фирмы, производимых ею товаров и услуг, создается и поддерживается ее репутация.

Первоочередная задача в PR и рекламе состоит в том, чтобы определить, какую информацию необходимо донести, кому и как часто.

Можно выделить ключевые факторы эффективных коммуникаций в PR и рекламе. Отправители должны определить целевую аудиторию для своих обращений и ожидаемый отклик на них. Сообщения должны кодироваться таким образом, чтобы целевая аудитория могла их расшифровать. Отправители должны использовать эффективные медиасредства (средства доставки рекламы), охватывающие целевую аудиторию, и создать каналы обратной связи для отслеживания ее отклика. При направлении обращения и выборе медиасредств, отправителю необходимо учитывать степень восприимчивости целевой аудитории. Высокообразованные люди и/или интеллектуалы считаются менее подверженными воздействию коммуникации в рекламе, однако неоспоримые доказательства данного тезиса отсутствуют. Индивиды, воспринимающие внешние призывы как руководство к действию, обладающие слабо выраженным индивидуальным мировоззрением, не уверенные в себе, вероятно являются более восприимчивыми к рекламным обращениям.

Выделяются несколько общих факторов эффективности коммуникаций:

- Чем большим влиянием обладает источник коммуникаций, тем выше вероятность положительного отклика получателя.
- В тех случаях, когда обращение соответствует мнениям, убеждениям и предпочтениям получателя, эффективность коммуникаций существенно возрастает.
- В тех случаях, когда коммуникации не затрагивают систему базовых ценностей реципиента, а относится к малознакомым, находящимся на периферии внимания индивида областям, действенность обращения может достигнуть максимума.
- Коммуникации будут более успешными, если источник обращения рассматривается аудиторией как профессиональный, объек-

тивный, высокостатусный, если известны его цели или ориентации, особенно в том случае, когда он обладает властью и легко идентифицируется.

- Вне зависимости от характера коммуникаций, необходимо учитывать социальный контекст, особенности группы или референтной группы, влияющие на восприятия обращения целевой аудитории.

При разработке эффективных коммуникаций следует учитывать аспекты не только вербальной коммуникации, но и невербальной. Специалисты считают, что самым неудачным жестом является позиция, когда выступающий держит руки на уровне промежности наружной стороной ладоней к слушателям. В то же время не следует держать руки за спиной, скрещивать руки или ноги, вообще принимать неудобные позы, демонстрируя уязвимость, неустойчивость собственной позиции. Плечи должны быть расправлены, спина выпрямлена, взгляд направлен параллельно полу. Рекомендуются в процессе устного выступления найти благодарного слушателя и по нему сверять ход выступления.

Подводя итоги, нужно отметить, что от успешного использования повседневных коммуникаций в рекламе и PR зависит 70 % успеха компании. Современный мир зависит от рекламы. Без нее производители и торговцы были бы не способны продавать, покупатели не узнавали и не помнили бы о товарах или услугах, а современная промышленность пришла бы к краху. Чтобы предприятие приносило прибыль, реклама должна быть *интенсивной* и *постоянной*. Массовое производство требует массового потребления, а оно в свою очередь нуждается в рекламе, поставляемой средствами массовой информации и ориентированной на широкий потребительский рынок.

Современная реклама в вербальном отношении весьма хитроумна. Обычный прием – неожиданное употребление слов. Это вынуждает читателя остановиться и вникнуть в смысл прочитанного. Коммуникационные системы позволяют сделать информационное воздействие на покупателей более целенаправленным, что может обеспечить высокую эффективность средств, вкладываемых в создание коммуникаций.

Литература

1. Музыкант В. Л. Реклама и PR-технологии. М.: Эскимо, 2005.
2. Пономарев А. М. Рекламная деятельность. СПб.: Питер, 2006.
3. Френк Д. Реклама. М.: Вильямс, 2006.

И. В. Янков*

Повествовательные практики: методологические основания и прагматический интерес специалистов по рекламе и PR

Практическая деятельность жесткого прагматика и философские искания зачастую рассматриваются обывательным сознанием как противоположные полюса. Однако ограниченность этого подхода многократно опровергалась, так как каждое поколение и каждый человек персонально должны проживать и разрешать подобные противопоставления.

В современной ситуации одним из полей, в котором разворачиваются эти противопоставления, являются повествовательные практики. Рассмотрим частный пример – сферу PR и рекламы. Специалисты этих областей ориентируются на строго прагматический интерес, однако в современных условиях формирования этих профессий, профессиональных качеств специалистов, их умений и навыков, их методологическая вооруженность требует серьезного качественного основания. В противном случае, эти профессии останутся полем манипулятивных приемов, с неоднозначной репутацией и неопределенным социальным статусом.

Работа с повествованиями является одним из ведущих методологических трендов научного знания настоящего времени. На философском уровне осмысление нарративности (повествовательности) человеческого существования было актуализировано несколько десятилетий назад (П. Рикер «Время и повествование»), тогда же начались продолжающиеся до сих пор методологические дебаты о нарративной природе научного знания, в первую очередь исторического, гуманитарного. Сегодня эти споры и разработки становятся основанием для рефлексии относительно своего про-

* **Игорь Викторович Янков** – канд. филос. наук, доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

фессионального статуса и специфики прикладной работы специалистов по рекламе и PR, маркетологов и экономистов.

Все пространство современных коммуникативных технологий и практик предполагает работу с мифом. Мифология – это нарратив, подчиняющийся жестким повествовательным матрицам, активно исследуемых начиная с «Морфологии волшебной сказки» В. Проппа. Современный маркетолог в условиях общества потребления, «общества мечты» работает с мифологическими повествованиями, задающими смысл тому или иному продукту или ситуации. Содержание бренда определяется нематериальными активами, которые являются мифологическими повествованиями, передающими и утверждающими силу бренда, его ауру, способность собирать и очаровывать людей. Такие специалисты по маркетингу, как Лоуренс Винсент, подчеркивают, что грамотный маркетинг – это работа с повествованиями. Точнее эту идею можно выразить так: в современных условиях маркетинг обнаруживает еще одно измерение своего существования – повествовательность. Быть маркетологом – значит работать с историями, легендами и мифами. Классические маркетинговые методы дополняются и расширяются за счет раскрытия их повествовательной природы. Составление брендовой библии, анализ сюжетности мифологии продукта становятся одним из элементов практической работы маркетолога.

Работа с коллективами, персоналом, проблемными и кризисными ситуациями также оказывается пространством сопряжения различных историй. В психологии все более расширяется сфера применения нарративного метода, когда терапевтический эффект достигается через способность перестроить или переконфигурировать доминирующие личностные истории, придать им новое содержание. В управленческой практике подобные методы только начинают развиваться, пока они оказываются скорее экзотическим продуктом, еще одной яркой методической метафорой. Однако их методологические возможности не сводятся к экзотичности и новизне. Это работа с фундаментальными сферами и полем множества возможностей. Такие понятия, как сюжет, фабула, интрига, персонаж, маска, автор и герой, потенциально становятся серьезным методическим инструментарием. Однако дело не ограничивается простым переносом и адаптацией литературоведческих и лингвистических понятий в прикладную сферу. Серьезной проблемой является работа по адаптации их к практической деятель-

ности, в зависимости от типа нарратива и его эволюции, обоснованной специальными механизмами трансформации жанров. Движение от мифа к роману, к интертекстуальному роману и структурно подвижной эссеистике отражает не только эволюцию литературы и не только общие тенденции изменения типа социальности и переход к постиндустриальному обществу. Оно также отражает тенденции трансформации управления коллективами, впечатлениями, брендами и т. п.

Анализ жанровой тематики повествований управляющими нашей жизнью и их эволюция представляются одной из перспективных тем как общеметодологических исследований, так и их прагматического преломления.

Информационное сопровождение выставки: роль PR-инструментов

Участие в выставках является одной из самых распространенных форм продвиженческого комплекса мероприятий. Выставочная деятельность выполняет многоцелевую нагрузку. Вместе с тем, как представляется, одной из наиболее важных функций выставки в этом многоцелевом комплексе, является коммуникативная функция. Выставка предоставляет возможность компании заявить о себе широкому кругу целевых аудиторий, начиная от потребителей, заканчивая научно-исследовательскими институтами, СМИ, партнерами, политическими учреждениями. В данном коммуникативном аспекте поддержания имиджа предприятия наиболее эффективны PR-инструменты.

Возможны два варианта информационного сопровождения выставки, которые на практике всегда дополняют друг друга. Первое направление – это самостоятельная работа PR-службы предприятия, второе – это использование ресурсов организаторов выставки. Каждому из этих направлений работы соответствуют свои PR-инструменты.

Подготовка к информационному сопровождению участия компании в выставке начинается с разработки Программы, содержащей поэтапное планирование деятельности, определение задач и инструментов PR-сопровождения. Задачи информационного сопровождения выставки определяются и конкретизируются применительно к специфике предприятия, продвигаемого продукта (или услуги) и исходя из поставленных маркетинговых задач. Порядок подготовки к выставке включает в себя несколько этапов:

1) изучение рынка СМИ в регионе (стране) проведения выставки и составление медиакарты, в которой отражены информационные спонсоры выставки (как правило, специализированные тематические издания), местные СМИ, возможно федеральные СМИ;

* Анна Валентиновна Балан – канд. полит. наук, кафедра менеджмента Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

2) формирование предваряющего паблисити в регионе проведения выставки. Данную работу уместно начинать за месяц-полтора (в зависимости от масштаба выставки). На этом этапе решается задача: привлечь внимание СМИ к деятельности предприятия, используя рассылку анонсовых пресс-релизов, приглашений для СМИ посетить стенд предприятия, освещение продвигаемой продукции в местных СМИ;

3) переговорный этап, на котором осуществляется непосредственное взаимодействие со СМИ с целью прийти к договоренностям о размещении информации в интересующих изданиях, назначении встреч на стенде для возможных интервью и комментариев.

Работа выставки, так же как и подведение итогов участия компании, должна быть отражена в информационных сообщениях компании. Количество информповодов для подобных сообщений зависит от насыщенности выставки различными мероприятиями, степени вовлеченности компании в эти мероприятия. Таким образом, возможны следующие формы информационной поддержки выставочной деятельности компании, нацеленные на привлечение внимания посетителей выставки:

- **организация «специальных событий»**, как то: пресс-конференции, брифинги с участием высшего руководства компании, презентации, инициированные переговоры, конкурсы, лотереи и т. д.;

- **издание корпоративной газеты**, а также подготовка «раздаток» (в форме пресс-релиза, факт-листа) для распространения на стенде компании;

- **текущее паблисити**: информационные сообщения в СМИ, пресс-анонсы, пресс-релизы, ленты новостей, иное;

- **спонсорство** выставки (рекламная поддержка).

Помимо указанных направлений информационного сопровождения выставки, связанных с самостоятельной активностью PR-службы компании, существуют различные варианты включения в информационную работу оргкомитета выставки, в частности:

- использование возможности задействовать в качестве ньюсмейкеров на пресс-конференции выставки представителя высшего руководства компании, что требует безусловных предварительных договоренностей с оргкомитетом;

- получение аккредитации на посещение специальных мероприятия для журналистов. Используя этот вариант, PR-служба получает возможность задать вопрос, связанный с деятельностью предприятия и (или) общеотраслевыми проблемами (возможность

включить предприятие в общую повестку дня); фиксировать информацию от VIP-персон, что, в свою очередь, может в значительной степени обогатить собственные информационные сообщения;

- включение информационных материалов предприятия (имиджевый каталог, корпоративная газета, презентационный буклет, пресс-релиз) в общую «раздатку»;

- участие в разработке специализированного издания по итогам выставки (если таковое запланировано).

Рассматривая вариант включения в информационную работу оргкомитета, сотрудники PR-службы должны понимать формат материала, в котором заинтересованы СМИ и пресс-служба оргкомитета (если таковая имеется). Подготовленные информационные материалы компании – участника выставки должны содержать аналитику по актуальной проблеме в отрасли или регионе; обсуждение уникальных разработок в отрасли; экспертное интервью ведущих специалистов компании.

В данном случае существует обоюдная заинтересованность оргкомитета и участника выставки в диалоге и информационном обмене, которую компания-участник должна использовать в собственных интересах. Пресс-центр выставки нуждается в оперативной и интересной информации о событиях, происходящих на выставке. Поэтому задача PR-службы – предоставить такую «живую информацию» организаторам выставки, содержащую мнение и оценку руководства об участии в выставке, результаты работы на выставке, обзор произошедших событий (переговоров, встреч). Представители компании могут использовать пресс-центр выставки для получения информации о VIP-персонах – гостях выставки, о присутствующих на выставке журналистах, запросить мониторинг и итоговый клиппинг по итогам выставки. Использование этих инструментов обеспечит более качественное информационное сопровождение выставки.

Перечисленные выше PR-инструменты информационной работы на выставке более эффективно решают задачи выставочной деятельности компании, способствуя:

- 1) укреплению публичности компании;
- 2) поддержанию существующих деловых отношений;
- 3) увеличению воздействия на потребителей.

Раздел четвертый

Образы жизни и образы мира в регионально-цивилизационной динамике

Образ жизни в контексте модернизации: методологические подходы

Социальная реальность есть следствие структурирования социальных отношений во времени и пространстве в процессе постоянной интеракции предшествующей структуры и индивидуальной воли. Собственно, вечное противоречие между социальными структурами (экономическими, социальными, политическими, институциональными, культурными, ментальными и т. д.) и субъектами истории, наделенными волей и свободой выбора, между структурной детерминантностью и человеческими возможностями выходить за рамки установленных прошлым ограничений является фундаментальным вопросом современного обществознания (в западной социологии данное противоречие репрезентируется в виде дихотомии *структура и воля* или *структура и деятельность* – structure and agency). Суть проблемы, иначе говоря, сводится к объяснению того, как социальные субъекты («акторы»), сформировавшиеся в социальных структурах прошлого, приобретают способность выстраивать новые формы социальной организации и социальных отношений. Несмотря на то что в ходе исторического процесса человек оказывается в своеобразной «тюрьме» структур, его роль в истории невозможно свести к значению «винтика», слепого исполнителя требований, предъявляемых силами, которые стоят над ним и от него не зависят. Человек обладает немалыми возможностями эксплуатации непоследовательностей, несвязностей давящих на него структур, он может выбирать контексты, его окружающие, и таким образом постоянно формировать и перестраивать свое окружение¹. Особенно актуализируется человеческая возможность выбора в периоды больших исторических

* **Игорь Васильевич Побережников** – канд. истор. наук, преподаватель факультета регионоведов-переводчиков Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ См.: New Perspectives on Historical Writing. Ed. by P. Burke. Cambridge, 1993. P. 233–248.

трансформаций, к числу которых относится процесс модернизации. Именно в такие эпохи человек действительно превращается в «точку бифуркации»; контуры будущего общества, траектории развития в подобные периоды оказываются в существенной зависимости от воли и выбора самого человека.

Модернизация понимается нами как всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к индустриальному, современному обществу, который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность субпроцессов: рационализации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, бюрократизации, профессионализации, демократизации, секуляризации, мобилизации и роста политического участия (партиципации), распространения грамотности и средств массовой информации, строительства нации и т. д.

При этом в процессе модернизации социальные структуры формируются, «становятся» и поэтому выглядят аморфными, постоянно меняющимися до такой степени, что их основы очень трудно проследить. Именно люди создают новые структуры, подвергают общество реструктуризации; социальный порядок формируется как коллективный результат индивидуальных выборов и действий – реструктуризация общества в подобной ситуации может рассматриваться как взаимодействие старых коллективных достижений и новых выборов и действий, осуществляемых индивидуальными членами общества.

В связи с этим мы полагаем, что модернизацию нельзя сводить лишь к серии реформ, преобразований, проводимых «сверху». История модернизации должна быть рассмотрена также и как арена социальных взаимодействий, делание ее «снизу» людьми, потребности и мотивации которых также подвергаются изменениям, адаптируются к запросам времени и, параллельно этому, оказывают существенное воздействие на рисунок будущего общества. Процесс перехода от традиционного к индустриальному обществу можно представить как сложную систему интеракций между различными субъектами, в том числе социальными, политическими, территориальными, как сложную череду внутренних и внешних импульсов и реакций на них – положительных, отрицательных или нейтральных. Модернизация – это продолжительный континуум, в рамках которого осуществляется взаимодействие между прошлым, настоящим и будущим, между традицией и новацией, трансформирующее как ту, так и другую. При этом «осовременивание»

одной из сфер общественного организма может осуществляться за счет других. Элементы модернизации и традиции могут принимать самые причудливые конфигурации в контексте конкретного общества, в том числе в моделях образа жизни.

Ранней («классической») школе модернизации было присуще несколько упрощенное понимание перехода от традиционного к индустриальному обществу. Целью модернизации объявлялось приближение к характеристикам экономически развитых стран Западной Европы и США. Сущность модернизации сводилась к имитации и переносу западных моделей, товаров и технологий в менее развитые страны. Соответственно, модернизация рассматривалась как процесс гомогенизации общества, генератор тенденций и импульсов конвергенции. В русле подобных представлений «модернизация» человека интерпретировалась как усвоение носителем традиционных ценностей «западных» черт и стилей жизни (А. Инкелесс, С. М. Липсет).

Впоследствии модернизационная парадигма была в значительной степени пересмотрена и усовершенствована. Модернизационная перспектива – пример теории, которая развивалась в постоянном взаимодействии с реальными процессами развития, вносящими коррективы в ее содержание. Пересматривались как методология исследования, так и теоретические основы данного научного направления, что в конце концов способствовало превращению первоначально достаточно односторонней и абстрактной теоретической модели, не игравшей существенной роли в эмпирических исследованиях, в многомерную и эластичную по отношению к исторической конкретике. К числу наиболее важных особенностей эволюции школы модернизации можно отнести: 1) пересмотр роли и места традиционного социокультурного и институционального контекста модернизации, придание ему большего значения в сравнении с ранними концептуальными схемами; 2) рост внимания к конфликтам в процессе модернизации и влиянию на данный процесс внешних (по отношению к изучаемой стране) факторов; 3) инкорпорацию в теоретическую модель фактора исторической случайности; 4) признание циклической природы процесса модернизации; 5) акцент на тяжелый, мучительный, болезненный характер модернизационных преобразований; 6) признание мультилинейности развития и модернизации; 7) отказ от трактовки модернизации как непрерывного и бесконечного процесса; признание обусловленности модернизации «внешними» и «внутренними» ограничителями

(как пишет С. Дьюб, «человеческие представления могут менять и меняют результаты и ход модернизации и развития»²). Соответственно изменились и представления о характере трансформации образа жизни, который в новых исследованиях рассматривается скорее не как поле битвы между традиционным и современным, а как арена сложного и плодотворного взаимодействия между тем и другим.

Человеческий фактор, играющий в процессе модернизации существенную роль, раскрывается, в частности, в динамике образа жизни; в исторических особенностях эволюции мотиваций и моделей адаптации к переменам. В связи с этим образ жизни и его взаимодействие с процессами преобразований также должны стать предметом анализа. При этом необходимо выявить, насколько требованиям обновления соответствовали традиционные модели жизни, каким образом осуществлялось (через какие каналы, в каких формах и масштабах) взаимодействие образа жизни и трансформационных импульсов, каковы факторы динамики образа жизни в условиях модернизации, каковы последствия эволюции образа жизни и человеческих мотиваций для направления и контуров модернизации.

Рассмотрение процессов модернизации через призму интересов и установок социальных акторов дает возможность по-новому взглянуть на социальную реальность и знание, которое не выводится из изучения модернизации в иных перспективах. Действительно, в процессе модернизации структуры – экономические, социальные и т. д. – не ждут замены. Они находятся в процессе формирования, трансформации. Новый социальный порядок строится как результирующая множества выборов и действий конкретных членов общества. В связи с этим методологически корректно перенести исследовательский фокус с социальных структур на изучение индивидуума (индивидуального актора). Предлагаемый подход сводится, таким образом, к акцентированию внимания на повседневной жизни людей, к выявлению основных путей и стратегий, которые они используют.

Для исследования трансформации образа жизни в контексте модернизаций нам представляется плодотворным использование

² Grancelli B. (ed.). *Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*. Berlin; N.Y., 1995; Dube S.C. *Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigms*. Tokyo, L., 1988. P. 5; So A.Y. *Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories*. Newbury Park, 1990.

теоретико-методологической схемы «жизненный мир» (Lifeworld), разработанной в феноменологической социологии А. Шюцем и дополненной в рамках теории коммуникативного действия Ю. Хабермасом. «Жизненный мир» состоит из будничных действий, институтов и социально принятых условностей, которые конституируются и реконструируются в обыденном поведении людей. Фактически это «социокультурный мир», имеющий социально детерминированный (посредством межчеловеческих взаимодействий) характер. Но в сознании самих индивидов он выступает как объективный, независимо от них существующий мир. «Жизненный мир» организован в идеально-типических структурах, посредством которых человек воспринимает и интерпретирует рутинные события, людей и собственные впечатления.

Эвристичность данной схемы повышается за счет подключения внешних по отношению к «жизненному миру» структур: экономики и государства. Действительно, люди не могут рассматриваться как абсолютно свободные в своих действиях; они ограничены экстермальными структурными силами. Между «жизненным миром» и экстермальными структурами располагается серия институциональных сфер («место работы», «школа», «сфера досуга», «средства общения»), которые могут рассматриваться как арены социальной деятельности, борьбы за влияние и перераспределение ролей³.

Использование предлагаемой теоретико-методологической схемы позволяет на эмпирическом материале проверить ряд гипотез, сформулированных при изучении взаимодействия образа жизни и модернизации в странах так называемой «атлантической» цивилизации (Западная Европа, Северная Америка):

- тезис о рационализации образа жизни в условиях модернизации посредством структурной дифференциации;
- тезис о навязывании сферы образа жизни со стороны экстернатальных систем (экономика, государство) собственных принципов и стратегий;
- тезис о сопротивлении со стороны образа жизни навязываемым ему процессам коммерциализации и бюрократизации и т. д.

³ См.: Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004; Schutz A., Luckmann T. The Structures of the Life-World. L., 1974; Fornas J. Cultural Theory and Late Modernity. L., 1995; Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003; Он же. Политические работы. М., 2005; Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск, 2000.

О. Г. Бекшенев*, Н. М. Севальнева**

Основные направления географического изучения образа жизни

В последнее время практически во всех социальных науках наблюдается возрастание интереса к проблемам образа жизни. Этот интерес обусловлен как многообразием вопросов и явлений, входящих в понятие «образ жизни», так и возможностями, которые предоставляет данная категория при анализе различных сторон общественной жизни. При реализации частнонаучных подходов к изучению образа жизни дифференцируются представления о предмете исследования, уровнях конкретизации субъекта образа жизни, методах исследования.

Образ жизни можно рассматривать как совокупность типичных видов жизнедеятельности человеческих общностей. Образ жизни всегда рассматривают в единстве с условиями жизни. Понятие «образ жизни» позволяет комплексно рассматривать основные сферы жизнедеятельности людей: их труд, быт, общественную активность, политические пристрастия, культуру, отношение к своему и чужому здоровью, мотивы того или иного демографического поведения. Образ жизни той или иной группы населения позволяет выявить устойчивые черты, признаки жизни и деятельности людей, обусловленные их социально-классовой принадлежностью, родом занятий, региональными, культурными или возрастными особенностями.

Формирование образа жизни может быть результатом распространения определенного индивидуального или группового стиля поведения и общения. Этот стиль потом закрепляется традициями, обычаями и социальными институтами. Со временем образцы поведения и формы общения становятся традиционным образом жизни той или иной общественной группы, общества в целом.

* **Олег Георгиевич Бекшенев** – канд. географ. наук, доцент кафедры регионоведения Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

** **Надежда Михайловна Севальнева** – канд. географ. наук, доцент кафедры экономики природопользования УрГЭУ (г. Екатеринбург).

В изучении образа жизни можно выделить несколько подходов. В одном из них образ жизни рассматривается наиболее широко, охватывает различные факторы и обстоятельства, связанные с жизнью людей: условия жизнедеятельности, общественные отношения, формы удовлетворения потребностей, мировоззрения и т. д. Другой подход характеризуется конкретизацией объекта и предмета образа жизни и создает возможность для эмпирического исследования путем выделения в качестве системообразующей одной из сторон жизнедеятельности.

Условия жизнедеятельности представляют собой сложную систему, каждый компонент которой играет различную роль в конкретных исторических и территориальных образованиях. Все условия жизнедеятельности можно разделить на три группы:

- совокупность социально-экономических и материально-технических условий (характер способа производства, определяемый ими общественный строй, политическая организация общества, уровень жизни, отраслевая структура народного хозяйства, емкость мест приложения труда, их доступность, развитие элементов социальной инфраструктуры и т. д.);
- совокупность естественно-географических и этнических условий (территория, климат, ландшафт, традиционная хозяйственная деятельность и т. д.);
- совокупность факторов, связанная с субъективными характеристиками носителей образа жизни (потребности, интересы, ценностные ориентации, пол, возраст, культура, национальность, вероисповедание и т. д.).

В реальном образе жизни, несомненно, присутствуют все перечисленные условия жизнедеятельности, но лишь некоторые из них участвуют в построении типологии образа жизни.

К сожалению, территориальный аспект образа жизни во многих исследованиях или не рассматривается, или рассматривается поверхностно. Изучение же территориальной специфики образа жизни, выявление территориальных особенностей субъекта и условий жизнедеятельности отвечает не только задачам научного познания, но и является выражением важнейшего социального заказа, связанного с потребностями территориального планирования и управления.

В географических исследованиях можно выделить четыре самостоятельных направления изучения образа жизни. Специфика

каждого из них связана с анализом отдельных структур образа жизни: условий жизни, вида деятельности, субъекта, сознания.

Географический анализ условий жизни людей направлен на оценку природных условий, социально-бытовых условий, качества среды обитания. Рост объема и изменение характера воздействия антропогенно измененной среды на человека привел к актуализации проблем взаимоотношения населения и окружающей среды.

Географические проблемы населения как субъекта жизнедеятельности связаны с региональными особенностями демографической обстановки, социальной и профессиональной структуры населения, характера миграционных процессов. Социально-географическое исследование субъекта образа жизни предполагает сравнение его характеристик по территории «от места к месту».

Существующая региональная дифференциация населения по ценностным ориентациям, пониманию смысла жизни, отношению к природе, поведению в быту является также объектом географического изучения. Но эмпирические географические исследования духовной культуры ставят серьезный вопрос об операционном выражении данного явления. Конкретизация предмета духовной культуры предполагает использование категорий, относящихся к сознанию (потребности, установки, ориентации и т. д.). Не менее сложным представляется изучение географических аспектов деятельности и поведения населения.

Выявление региональных различий в образе жизни является необходимым, но недостаточным признаком для доказательства собственно географического характера проблемы. В той или иной мере проблемы региональности решаются и в ряде других социальных и экономических наук. Географические исследования могут определить те аспекты жизнедеятельности населения, которые в наибольшей степени определяются географическими факторами, имеющими пространственно-временную детерминацию.

Д. В. Суворов*

Общечеловеческие ценности в современном мире как реальность

Я похвалой польщен?
Нет, гнев меня берет.
Как грустно
Знать себя
Уж слишком хорошо!
Исикава Такубоку

Что есть общечеловеческие ценности и существуют ли они в реальности? Или же они есть чисто виртуальный феномен, который в реальности невозможно «потрогать»? Вопрос этот, активно и даже подчас чрезмерно эмоционально дискутируемый на страницах современных публикаций (и в научной литературе, и в публицистике) – отнюдь не праздный, ибо за ним стоит не только чисто познавательный интерес, но и современные политические и социокультурные реалии. Наш быстро меняющийся и разрываемый «единством и борьбой противоположностей» мир остро стоит перед проблемой некоего духовно интегрирующего начала, которое позволило бы эффективно противостоять духовной энтропии и дезинтеграции, провоцирующей практически все современные конфликты. Как видим, проблема сия – не академического характера, и ее рассмотрение и решение имеет выраженный прогностический аспект.

Очень показательно, что в публикациях, предлагающих различные варианты разрешения данной проблемы, налицо идейно-политическая поляризация. Авторы, тяготеющие к либеральной парадигме, обычно отвечают на вопрос о существовании общечеловеческих ценностей утвердительно; противоположная позиция заявляется (и даже агрессивно внедряется) со стороны авторов, исповедующих те или иные формы нелиберальной или экстремистской идеологии.

* Дмитрий Владимирович Суворов – канд. культурологии, ст. преподаватель Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

ремистской идеологии. Так что картина для нашего Отечества знакомая: идеология снова вторгается в процесс познания и делает все, чтобы исказить картину познаваемого... Поэтому, для того чтобы уяснить суть проблемы, необходимо (елико возможно) максимально отрешиться от идеологической составляющей и подойти к интересующей нас проблематике в ракурсе чистой гносеологии.

Начать надо с того, что хорошо известно социологам: культура (по концепции Уорда Гуденау) состоит из четырех основных элементов – понятий (концептов), отношений, ценностей и правил (норм)¹. И по отношению к инокультурной информации обычно описывают два взаимоисключающих метода: *этноцентризм* (позитивное оценивание только своей культурной реальности) и *этнокультурный релятивизм* (по констатации Уильяма Грэма Самнера и Рут Бенедикт, «каждая культура может быть понята лишь в собственном контексте и рассматривать ее надо как единое целое»²). Строго говоря, в последнем положении фактически сформулирован основной закон герменевтики: *смысл есть контекст*. Безусловно, так оно и есть, но... в контексте рассматриваемой сегодня нами проблемы получается, что именно *общечеловеческих* (в прямом этимологическом смысле) ценностей не только нет, но как бы и *быть не должно*: о каких универсальных аксиологических феноменах может идти речь, если *все* без исключения культуры самодостаточны (а это есть факт), и при этом каждая из них в основных своих составляющих (тех, о которых писал Уорд Гуденау) сплошь и рядом противоречит другой! Именно этот момент традиционно педалируется антилиберальными авторами: как можно, к примеру, обвинять тот или иной репрессивный режим в «нарушении прав человека», если (по мнению ориентированных таким образом авторов) в данной культуре уважения оных прав как бы и не имеется и это есть для данной культуры имманентно присущая особенность...

Таковы гримасы не критического (или же просто недобросовестного) подхода к общеизвестным реалиям культурологии. И тут встает вопрос: а нельзя ли найти некий «третий подход», который не повторял бы прямолинейные иллюзии этноцентризма и в то же время не был бы механической реализацией установок этнокультурного релятивизма (как вы уже могли убедиться, платформа

¹ Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1998. С. 48–50.

² Там же. С. 47.

последнего фактически уничтожает в нашем сознании и познании единое культурное пространство)? Иначе говоря, есть ли в мировой культуре некое объективное поле взаимодействия, вокруг которого разные (действительно разные!) конкретные культуры могли бы находить точки взаимосоприкосновения?.. Смею заверить: такое поле существует. Для понимания этого необходимо вспомнить известную концепцию К. Ясперса об «осевом времени».

Напомним самое общеизвестное. В своей книге «Смысл и назначение истории» немецкий философ-экзистенциалист сформулировал теорию, согласно которой в промежутке примерно между 800 и 200 гг. до н. э. в истории и культуре человечества произошла своего рода «духовная революция». Согласно К. Ясперсу, «в это время происходило много необычного... Тогда произошел самый резкий поворот в истории... шло такое формирование человеческого бытия, которое (независимо от определенного религиозного сознания) могло стать настолько убедительной эмпирической основой для Запада, для Азии, для всех людей вообще, что тем самым для всех народов были... найдены общие рамки понимания их исторической значимости. ...В Китае жили тогда Конфуций и Лао-Цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-Цзы, Чжуан-Цзы, Ле-Цзы и множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда (а также Махавира Джина, Канада, Капила, Патанджали³ и другие «гуру». – Д. С.); в Индии – как и в Китае – были рассмотрены все возможности философского постижения действительности вплоть до скептицизма, софистики, материализма и нигилизма. В Иране пророк Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом, в Палестине выступали пророки – Илия, Исайя, Иеремия и Второисайя (и все остальные, упомянутые в Библии. – Д. С.); в Греции – это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков (т. е. Эсхила, Эврипида и Софокла. – Д. С.), Фукидида и Архимеда (и элеатов, и Анаксагора, и Пифагора, и Аристотеля, и эллинистической философии)... Новое, возникшее в эту эпоху... сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы... В эту эпоху были заложены основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей... Появился человек такого типа, какой сохранился

³ Патанджали, в частности – создатель йоги, Махавира Вардхамана Джина – основоположник религии джайнизма.

и по сей день... Во всех направлениях совершался переход к универсальности. «Мифологической эпохе»... пришел конец... Началась борьба *логоса* (рационально проверенного опыта) против мифа, затем борьба за *трансцендентного Бога* и... против *ложных образов Бога*... Все эти изменения в человеческом сознании можно назвать *одухотворением*... Впервые появились философы... В особое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью. Человечество... в целом совершило скачок. ...Все это... возникло почти одновременно в течение нескольких веков в Китае, Индии и на Западе *независимо друг от друга*»⁴.

С такой точки зрения проблематика общечеловеческой культуры получает новое, неожиданное освещение. По мысли К. Ясперса (а также о. А. Меня), все вышеупомянутые «учителя человечества» учили – в общих чертах, конечно – о *схожем*: Ясперс говорил, что «подлинный человек... стремится к освобождению и спасению и действительно способен обрести его уже в этом мире в порыве вознесения к идее, в несокрушимом спокойствии души, в медитации, в понимании того, что он сам и весь мир есть *атман*, в состоянии *нирваны*, в единении с *дао* или в *покорности воле Божьей*» (все курсивы мои – Д. С.)⁵. Таким образом, мы можем воспринимать «осевое время» (в плане идеи) как грандиозный переворот в жизни всего человечества, подготовивший появление *единой общечеловеческой культуры* (в общих чертах, разумеется).

Подведем некоторый первоначальный итог. Если принять концепцию К. Ясперса (хотя бы в плане некоей сверхидеи), надо признать самое основное ядро-концепт: то, что мы называем «общечеловеческими ценностями», есть аксиологический фундамент именно макрокультуры «осевого времени». Суть в том, что К. Ясперс и о. А. Мень правы в самом главном: при всех своих «вариациях» основная ценностная и этическая платформа всех разработок «осевой революции» является идентичной.

Убедительнее всего этот момент рассматриваем на религиозном материале – что особо показательно, поскольку именно религии (вопреки самому этимологическому смыслу слова «*religare*» – связывать) на сегодняшний день успешнее всего *разъединяют* человечество... Достаточно вспомнить о феномене т. н. «авра-

⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 32–33.

⁵ Там же. С. 34.

амистических религий» – «вышедших из *одного* зерна (вера Авраама и Моисея, отсюда и термин), имеющих общий нравственный кодекс (Декалог), общую священную книгу (Ветхий Завет, или Тора – по-еврейски, или просто «Книга» – у мусульман; последние даже имеют специфическое понятие «люди Книги» – как обозначение принадлежности *ко всем трем* братским религиям), общий круг сакральных персонажей (ветхозаветные герои, естественно почитаемые иудаизмом, практически *все* канонизированы христианством и почитаются в исламе в качестве пророков)⁶, наконец, даже общий текст многих молитв (Псалтырь). Разумеется, дальнейшая эволюция развела авраамистические религии в разные стороны; каждая пошла своим путем, создала собственную культурную традицию, оставила собственный, только ей присущий священный текст (Евангелие, Талмуд и Коран), наконец – к сожалению – все описанные религии умудрились перессориться друг с другом (се ля ви!) и даже создать традиции противостояния (в том числе насильственного). И все же: можно утверждать, что и на уровне глубинного подсознания, и на уровне интеллектуальной связи между авраамистическими религиями никогда не прерывались. Прецедентов этому множество: Св. Кирилл и Мефодий называли арабов и евреев в числе народов, «хорошо по-своему славящих Бога», один из римских пап писал арабскому халифу Омару на рубеже VII–VIII вв.: «Мы верим в одного Бога, но по разному»; в средневековых (католических!) университетах не считали зазорным учиться у арабских и еврейских профессоров и т. д. – вплоть до идей суфийских мыслителей ислама об единстве всех путей к Богу как равноценных (эти идеи станут в XIX–XX вв. основой мощного духовного движения)⁷. Все сие было возможным исключительно по причине генетической связи между «религиями Книги», которую оказалось невозможно ни забыть, ни разорвать, ни игнорировать»⁸.

Но это касается не только авраамистических религий. О. А. Мень, говоря о генезисе христианства (а в нашем контексте

⁶ Каждая религия видоизменяет их имена в соответствии с фонетикой своего языка. Еврейский Элиягу – Св. Илья; Авраам, Иосиф, Давид и Соломон Торы – Ибрагим, Юсуф, Дауд и Сулейман Корана, и т. д.

⁷ Между прочим, Лев Толстой в своем безусловном еретичестве исходил именно из такой идейной посылки.

⁸ *Суворов Д.* История и культура России: мифы и реальность. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. Т. 1. С. 30–31.

– и ислама⁹), написал удивительные (для ортодоксов, разумеется) строки: «Авторы Упанишад, Будда, Махавира, Лао-цзы, Конфуций, Заратустра и греческие философы – вот те, кто духовно сформировал мир, в который пришел Иисус Назарянин»¹⁰. Т. е. философ (между прочим – православный иерей!) недвусмысленно определяет общность фундаментальных философских и мировоззренческих установок *разных* религиозных систем человечества; убедительным доказательством истинности данной концепции является книга профессора университета в Беркли (Калифорния) Р. Уолша «Основания духовности», построенная как своеобразный «синопсис» из сакральных книг различных религий и конфессий. (Впрочем, сделать данный вывод любой может и самостоятельно – достаточно перечитать Декалог Моисея и сравнить его с буддийским «восьмеричным путем».) Этой проблеме посвящено, к слову, все вступление к «Розе мира» Даниила Андреева...

И здесь мы подходим к сердцевине проблемы. Еще раз слово о. А. Мень: в уже цитированной книге «Сын человеческий» мыслитель, говоря о «полосе религиозных революций» (так философ определил суть «осевого времени»), сделал следующую констатацию: «Старое мировоззрение, ставившее в центр ритуал, заклинание, *магию* (выделено мной – Д. С.), начало колебаться»¹¹. На наш взгляд, здесь – центр всей рассматриваемой проблематики (кстати, о. А. Мень в своей восьмитомной «Истории религии» именно этот момент делает краеугольным камнем всей своей концепции и всего своего авторского понимания религиозной истории). Дело в том, что все фундаментальные выводы теории этнокультурного релятивизма (например, в общеизвестных исследованиях М. Мид, Ф. Боаса, А. Радклифф-Брауна, Б. Малиновского) были сделаны на основе анализа культур, находившихся принципиально на «доосевом», «локалистском» (по выражению А. Ахиезера) уровне. А в таких культурах, как известно, огромную (если не кардинальную) роль играет именно *магическое* начало. Ведь, если (по данным Маргарет Мид) среди папуасов Новой Британии и меланезийцев Тробриандских островов бытовал варварский (с нашей

⁹ Д. Лихачев точно констатировал: ислам по своей сути есть вариация на тему раннего дособорного христианства.

¹⁰ *Мень А. о.* Сын человеческий. Foyer Oriental Chretien, 206 Av. de la Couronne 1050 Bruxelles – Belgique. С. 24.

¹¹ Там же. С. 24.

точки зрения) обычай... высасывания через трубочку мозгов собственного умирающего отца, или же в Японии до эпохи Мэйдзи почтительные дети *обязаны* были отнести престарелых родителей в долину смерти¹², — за этим *обязательно* стояли некие магические действия и ритуалы (составляющие, к слову, едва ли не стопроцентное содержание современной «Церкви Сатаны»). Именно магия (на чем опять-таки заостряют внимание в своих трудах и Э. Тайлор, и Д. Фрэзер, и о. А. Мень) ответственна за всепронизывающую систему «табу», составляющую основу поведенческих комплексов «примитивного» человека (и совершенно реально тормозящую их развитее!). «Осевые» же религии и идеологии (о чем опять-таки недвусмысленно информировал о. А. Мень) магическому мировоззрению противостоят совершенно определенно.

Итак, вот она, водораздельная линия культуры — между магической «доосевой» и духовно рафинированной «осевой» макрокультурами. Если «доосевые» культуры, действительно, в массе своей резко локализованы даже между собой и аксиологически плохо коррелируют с более развитыми сообществами¹³, то «осевые» культуры — при всей их вариативности — в основных «триггерных» точках своих фундаментальных составляющих (тех, о которых писал Уорд Гуденау) способны находить общий язык. Это, на наш взгляд, и есть та пресловутая «общечеловеческая аксиология», о которую сломано столько копий. Более того: такой взгляд на вещи, как представляется, несводим к примитивному этноцентризму (безусловно, отжившему) и не противоречит концепции культурного релятивизма — поскольку не отрицает за каждой конкретной культурой ни своеобразия, ни (самое главное) *самоценности*. Просто при предложенной постановке вопроса реально возможно — при всем уважении к архаическим культурам — не терять представления о современном понимании этико-ценностного начала (и при

¹² Об этом все — в фильме С. Имамуры «Легенда о Нарайяме».

¹³ Общеизвестно, что многие поведенческие конфликты европейцев с «туземцами» (например, с австралийскими аборигенами или индейцами Амазонии) — в том числе вызывавшие истребительные войны — были вызваны совершенно нелепыми (на европейский взгляд) причинами, коренящимися в неправильной перекодировке действий и сигналов, невинных для европейцев, но могущих для туземцев нести какую-то магическую нагрузку (так, европеец мог быть убит за то, что... поглядел на часы: несомненно, этот зловерный чужак замыслил что-то недоброе!).

этом не сводить последнее к узко локализованным образцам, включать в картину восприятия все необходимые вариативные нюансы).

В высшей степени показательно, что все тоталитарные и репрессивные режимы XX века (в первую очередь режимы фашистского типа¹⁴) осмыслили и позиционировали себя как принципиально «доосевые», как возврат к модернизированному неоязычеству — со вполне узнаваемым ренессансом магического начала. Применительно к Третьему рейху (с его фантазмами типа обществ «Туле» и «Аненербе» или наукообразных концепций Г. Горбигера) этот момент многократно описан; что же касается СССР, то западная философия — устами П. Тиллиха, Р. Нибура, Г. Маркузе, А. Глюксмана, М. Хоркхаймера, Р. Гароди, К. Поппера и многих других — четко квалифицировала *магические* (говоря словами Г. Маркузе) и неоязыческие основы советской культурной модели¹⁵. Вполне закономерно, что в рамках таких цивилизационных феноменов происходит резкий и (главное) сознательный разрыв с аксиологией «осевых» культур (опять-таки и советский, и нацистский, и полпотовский примеры демонстрируют этот разрыв с предельной прямолинейностью); также вполне закономерно, что именно из недр подобных идеологий (или — как в случае с постсоветской Россией — обломков таких идеологий) вырастают реликты «доосевого» отношения к «осевой» культурной платформе — подобного той или иной форме отрицания «общечеловеческих ценностей» (оборачивающегося в политической практике вульгарной апологией тиранических практик).

И последнее. Возникает вопрос: как происходит взаимодействие «доосевых» и «осевых» культур («доосевых» не в смысле неоязыческого тоталитаризма, а в исконном значении — «примитивных» цивилизаций) и возможно ли между ними взаимопонима-

¹⁴ Н. Бердяев почитал таковым и советский режим. По мнению Бердяева, сталинский режим «перерождается в своеобразный русский фашизм. Ему присущи все особенности фашизма: тоталитарное государство, государственный капитализм, национализм, вождизм, и, как базис — милитаризованная молодежь» (Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма М.: Наука, 1990. С. 120). Почти дословно сей вердикт повторен у О. Мандельштама.

¹⁵ Кстати, и широко известная «лысенковщина» в этом отношении ничем не отличается от псевдонаучных бредней Г. Горбигера.

ние – хотя бы частичное – такого же типа, как между культурами «осевого» типа? Представляется, что – при всем вышеописанном драматизме возникающих здесь культурных конфликтов – вердикт может быть вынесен достаточно оптимистический, и вот почему.

Во-первых, согласно Дж. Мердоку, существуют так называемые *культурные универсалии* – общие элементы и черты, свойственные всем культурам. По Мердоку, можно выделить более 60 таких универсалий (спорт, украшение тела, совместный труд, танцы, образование, похоронные ритуалы, гостеприимство, запрет инцеста, юмор, обычай дарить подарки, сексуальные правила и ограничения, изготовление орудий труда, наличие языка и религиозных обрядов и т. д.¹⁶). Все эти универсалии в межкультурном контакте играют роль «общего кода», посредством которого в процессе диалога культур возникает возможность выхода на более глубокие пласты (и, как результат, – диалог на аксиологическом уровне¹⁷).

Во-вторых, согласно теории меметики Д. Дэннета – Ст. Пинкера, существует «эпидемическая теория» культурных контактов: мельчайшие элементы культуры («мемы») свободно и хаотично «перелетают» из одной культуры в другую, где частично отторгаются, частично приживаются, а частично «мутируют». В последних двух случаях происходит приживание и «размножение» чужеродных мемов в инокультурном «теле». Эти процессы по сути своей есть не что иное, как беспорядочный культурный контакт – с тем же результатом, что и в предыдущем случае, и также приводящий к сближению культур (сперва на поверхностном, затем и на глубинном уровне¹⁸).

Наконец, в-третьих, в рамках школы американской культурной антропологии сформировался так называемый «метод аккультурации» (разработан Дж. Гершковичем, Дж. Мелвиллом и О. Оттенбергом). Согласно данному методу, аккультурация есть процесс контакта культур, в результате которого изменяются и самые культурные парадигмы; культурные и цивилизационные различия между этническими общностями при вступлении в непрерывный и непо-

средственный контакт постепенно выравниваются¹⁹. Опять-таки уровни выравнивания здесь крайне неоднородны, и первоначально все происходит на уровне «культурных универсалий» Дж. Мердока: выход на аксиологический аспект происходит медленно и, можно сказать, болезненно (роль противодействия играет «коллективное бессознательное», а также сопротивление традиционалистского начала), но, тем не менее, сам процесс совершенно реален. Важно, что вышеупомянутые исследователи из США сделали свои выводы на конкретном материале полевых исследований – следовательно, данный метод является не умозрительным, а экспериментально проверенным.

Всё сказанное не означает, что все вышеперечисленные контакты и межкультурные сближения могут проходить легко (вся современная история человечества демонстрирует обратное!). И все же этот ресурс расширения воздействия «осевого» культурного начала существует и действует; и данный момент может восприниматься как основание для историко-культурного оптимизма.

¹⁶ См.: Селзер Н. Социология. С. 45–46.

¹⁷ Стоит вспомнить, что именно К. Ясперс был автором так называемого «диалогового» подхода в культурологии.

¹⁸ Блестящие примеры тому дают нам Московское царство Романовых между Смутным временем и реформами Петра, а также Советский Союз эпохи «застоя» и «перестройки».

¹⁹ См.: История и культурология / Под ред. Н. В. Шишовой. М.: Логос, 1999. С. 16.

Этнопсихологические модели мира (типологический подход)

Человеческая популяция: общее и различное

Вид *Homo sapiens*, являясь венцом развития биосферы и создателем социосферы, сохранил свои корни в биосфере, которые, все больше отдаляясь от условий этноценоза, тем не менее сохраняют свою этнопсихологическую природу. Более того, социальный характер *Homo sapiens* подчеркивается феноменом «этнического Маугли», когда маленький ребенок другой расы (народности) усваивает этнопсихологию своего окружения.

Понимая этнос как «феномен биосферы, или целостность дискретного типа, работающую на геобиохимической энергии живого вещества, в согласии с принципом второго начала термодинамики, что подтверждается диахронической хронологией исторических событий» (Гумилев Л. Н.), мы сразу задаем себе вопрос: какие психологические механизмы поддерживают эту системную целостность?

Наихудшим ответом здесь является парадигма классической психологии, основанная на принципиальном равенстве психики людей и на возможности ее широкого и глубокого изменения. Устойчивость психического самосознания и ярость межэтнических столкновений прямо противоречат этому подходу. Но и классическая парадигма этнопсихологии, утверждающая, что этнопсихологическое ядро формируется историей и географией, опять же отражает традиционные психологические взгляды на структуру личности представителей этносов.

* *Владимир Михайлович Танаев* – преподаватель юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

«Повседневность» этнопсихологического ядра и его природа: классический и типологический подходы

«Повседневность» как термин социальной феноменологии А. Шюца и его последователей имеет ряд специфических признаков, которые могут описывать как социальную, так и этническую жизнь индивидов.

Специфическая напряженность самосознания этноса, которое является реальностью *par excellence*, самоочевидной и непреодолимой фактичностью; особенное ощущение эпохи, предполагающее воздержание от всяких сомнений в существовании мира и своего этноса в нем; этническое ощущение преобладающей трудовой деятельности как основной формы активности; отсутствие этнической саморефлексии, «Я-этнос» – всегда целостное, нефрагментированное самоощущение; этнический стандарт времени, понимаемый как пересечение космического времени, временных циклов природы и внутреннего времени, – все эти признаки «повседневности» (Никитин С. А.) присущи и этносу как основной первичной форме социума.

В поисках ответа на вопрос о психологической структуре этноса автор предлагает обратиться к типологической парадигме структуры личности, основанной на работах К.-Г. Юнга (1921). В самом кратком виде, этот типологический подход можно изложить следующим образом. Человеческий мозг воспринимает окружающий мир двумя основными способами: конкретным, чувственным, сенсорным (S), опираясь в основном на данные органов чувств; и образным, интуитивным способом (N), сразу же производя мыслительные операции с данными органов чувств и создавая образ, модель, по которой оценивается входящая информация. Также двояко принимаются и решения: объективно – логично и рационально (Т) или с учетом невербальной, эмоциональной составляющей (F). Важна общая настроенность информационного потока: направленная на непрерывное восприятие окружающих сигналов (Р) или же на активное освоение окружающего мира (J). Различные сочетания этих способов восприятия, оценки и воздействия на окружающую действительность, окрашенные экстраверсией (Е) или интроверсией (I), образуют отдельные типологические ядра личности (Танаев В. М.).

Феноменологическая картина этнопсихологии совершенно бесспорно говорит о типологичности этнического поведения, о своеобразной интертипности межэтнического взаимодействия.

Этнопсихологическая типология: этномонады и этнодиады

Все это говорит о наличии своеобразного типологического ядра этноса, которое устойчиво и лапидарно. Более того, можно утверждать, что это ядро первично по отношению к истории и географии этноса.

Базовая этнопсихологическая структура общества отражает психологическое ядро большинства населения и выражается в образах народных героев, мифах, сказках, личностях деятелей политики, литературы и искусства как носителей идеалов народного сознания и поведения. Особый индикатор – психологическая природа доминирующей религии. Психологическая структура этноса представлена также в данных **метасоциологического анализа**, когда исследуются итоги больших социологических выборов и учитывается только один ответ, самый популярный, – ответ большинства (Алексеев А.).

Исходя из этих предварительных замечаний, можно предложить следующую концепцию. Основу ритма этнического поля (Гумилев Л. Н.) составляет базовый этнический психотип (**этномонада**) или сочетание двух психотипов (**этнодиада**). Межэтническое взаимодействие строится на интертипных отношениях между базовыми психотипами.

Таким образом, ритм этнического поля – это та частота, которую **производит** и **поддерживает** этномонада (этнодиада), реализуя его в этническом стереотипе поведения (а не адаптируясь к нему, как считал Л. Н. Гумилев). В качестве иллюстрации можно взять **этнодиаду** российского суперэтноса: ESTP (Маршал: Г. К. Жуков, И. В. Сталин – типичные представители этого психотипа) ↔ INFP (Лирик, Романтик: С. Есенин, Н. Рубцов) с гармоничным «дуальным» взаимодействием.

Этническая и цивилизационная мозаика

Процессы глобализации способствуют более четкому выделению т. н. цивилизационных «ядер», вокруг которых происходит кристаллизация цивилизационных моделей мира. Особую роль играют в этом мировые религии, которые представляют собой квинт-эссенцию психологической картины мира.

Европейская цивилизация дает наиболее пеструю картину, ядром которой являются сочетания ST (конкретность и рациональ-

ность) и SF (конкретность и эмоциональность). Религиозный спектр отражает неоднородность европейского этноса – от абстрактных высот протестантизма (ядро NT) через северную (ST) и южную (SF) модель католицизма и православия (NF – Болгария).

Американский мир (Pax Americana) организован вокруг «ядра» NT (абстрактность и рациональность – научное «ядро»), направлен в будущее и религиозно объединен на основе протестантизма (NT), производя новые «рациональные» виды религии (сайентология и т. п.).

Русский мир, как уже было сказано выше, объединяется вокруг ядра NF (абстрактность и эмоциональность – психологическое «ядро»), наиболее полно отражаясь в православии (NF).

Мусульманская цивилизация (ядро SF: конкретность и эмоциональность) наиболее полно представлена в исламе (SF) и вполне отвечает вызову «атомизации» личности в современной цивилизации, поддерживая равенство и, главное, единство (концепция «умы») людей.

Выходящая на мировую арену **китайская** (ядро ST) цивилизация со своеобразной религиозной практикой конфуцианства дополняет многообразие активных участников геополитических процессов.

Рассмотрение своеобразной этнопсихологической мозаики Европы и Японии позволяет увидеть на практике реализацию концепции типологического наполнения этнопсихологии. Классическая **английская этнодиада** ISTP (Мастер) ↔ ENFP (Советчик) дает уникальное сочетание в рамках одного социума дендизма, Шерлока Холмса, Лоуренса Аравийского, футбола и бокса (ISTP) и великолепного английского театра (с любимым автором – А.П.Чеховым – ENFP) и кино, тонкого психологизма (У. Джеймс) и любимой фигуры доктора Ватсона (ENFP).

Германская этнодиада ENFJ (Наставник) ↔ ISTJ (Инспектор), наоборот, брутальна и эмоциональна: от Барбароссы и Гитлера (ENFJ) до апофеоза военной организации (Фридрих Великий) и жесткого бюрократического менеджмента и пунктуальности (ISTJ).

Легкая **французская этнодиада** ENTP (Искатель) ↔ ISFP (Посредник) в своих идеальных проявлениях отвечает как за своеобразное понимание демократической вольницы и свободомыслия (от Вольтера до Бордрийера), так и за классический француз-

ский шик (как в кухне, так и в моде) и не менее известную французскую скупость (ISFP).

Своеобразие **японской этнодиады**: ISTP (Мастер) ↔ ISFJ (Хранитель) заключается в ее интровертированном характере и в асимметричности («заказные отношения»), выражающейся в приоритете мужского агрессивного начала (ISTP – боевые искусства, Самурайская техника) над женским (ISFJ – этика «сохранения лица», концепция «экономного производства», «пожизненный найм», эмоциональная основа самурайской преданности).

В заключение можно сказать, что отчетливое понимание сути этнопсихологической структуры отдельных этносов, национальностей и цивилизаций поможет специалистам-регионоведам в их теоретической и практической деятельности.

И. Е. Левченко*

«Внеповседневность»: погребальные практики

Осознание окружающими ухода человека из жизни представляет собой сложный процесс. С древнейших времен все действия членов социума по отношению к умершему направлены: а) на продление «земного» существования (мемориальный аспект); б) на избавление от угрозы заражения (санитарно-гигиенический аспект); в) на обеспечение посмертного («загробного») существования; г) на осуществление перехода в иное измерение¹. Прощание с ушедшими выражается в погребальных практиках – деятельности, совершаемой в процессе подготовки и захоронения умершего, включая кремацию и ингумацию. Погребальный обряд является преимущественно линейным процессом, состоящим из ряда последовательно осуществляемых акций-этапов: 1) подготовки погребения (определение состава участников и распределения их ролей в похоронах, места захоронения и создания погребального сооружения, подготовка тела умершего к погребению, одежда, ложе покойного и средства доставки тела к месту захоронения); 2) транспортировки умершего (вынос тела, шествие); 3) захоронения (помещение умершего в могилу и ее закрытие, при необходимости установка знака, отмечающего место погребения)².

Социологическое изучение феномена смерти базируется на постулате о неразрывной взаимосвязи мира живых и мира мертвых, выдвинутом еще О. Контом. По справедливому утверждению

* **Илья Евгеньевич Левченко** – канд. филос. наук, доцент кафедры теории и истории социологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ См.: *Смирнов Ю. А.* Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М., 1997. С. 4; *Иванова С. В.* Погребальная обрядность: дискурсивно-мировоззренческий аспект // Структурно-семиотические исследования в археологии: В 2 т. Донецк, 2002. Т. 1. С. 45–54.

² *Мельник В. И.* Погребальный обычай и погребальный памятник // Российская археология. 1993. № 1. С. 94–97.

У. Уорнера, «когда член сообщества умирает, его социальная личность не исчезает сразу. Время его физической жизни истекло, но его социальное существование продолжается. Социальная личность существует до тех пор, пока память о ней ощущается живущими членами группы»³. Активно используя методики естественных и социально-гуманитарных дисциплин, исследователи уделяют пристальное внимание теоретико-прикладным разработкам, связанным с постижением сущности и специфики погребального обряда, его структурообразующими элементами и социокультурной характеристикой его участников.

Анализ разнообразного историко-археологического, этнографического, религиоведческого и культурологического материала позволяет выделить следующие основные виды погребений: ямные (уступные, ступенчатые, шахтные, катакомбные, колодезные и др.), насыпные (курганные, пирамидные, башенные и др.) и нишные (срубные, скальные, дольменные, купольные, мавзолейные и др.)⁴. Безусловно, на церемонию прощания влиял статус усопшего и специфика культуры общества. Вместе с тем историки обоснованно предостерегают против излишней «социологизации» археологического материала. Погребальный обряд, по определению, не может полностью отразиться в своем результате – погребении, а тем более – в погребальном памятнике, поврежденном процессом естественного разрушения; изучение же погребального памятника далеко не равнозначно изучению погребальной обрядности. Данные погребальной обрядности можно привлекать для реконструкции социальной структуры древних обществ, но не абсолютизируя их, и в качестве одного из источников после соответствующей обработки, анализа и верификации.

Усложнение структуры социума и развитие культуры привело к возникновению детализированных погребальных процедур, повышению роли профессионалов похоронного дела. Зарубежные ученые полагают⁵, что отношение к смерти в архаическую эпоху

³ Уорнер У. Живые и мертвые. М.: СПб., 2000. С. 337.

⁴ Аръес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992; Георгиев П. Классификация и характер на гробничные постройки и съоружения в Преслав / Преслав. 4 сборник / Отв. ред. И. Божилов. София, 1993. С. 79–106; Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования. М., 2002; Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений: Сб. статей. М., 1999; и др.

⁵ См.: Семин К. А. Археология и социология смерти: древнегреческие погребальные обряды (Анализ исследований 80-х годов) // <http://www.archeo.ru>

менялось в сторону более тревожного и индивидуального ее восприятия – по контрасту с более древним ее пониманием как неизбежной участи, части жизненного цикла мира и общины. Вообще для греческой ментальности (точнее – для мифологического сознания в целом) характерна связь женского начала с беспорядком, опасностью и осквернением. Плакальщицы своими действиями как бы обнимают смерть; этим подчеркивается выражение хаоса и нечистоты. В сущности, этот обряд не длится во времени – сам факт смерти вводит в маргинальное состояние. Все участники траурных церемоний меняют свой статус: живые выступают в роли плакальщиков, умерший из члена общества становится телом, душа отделяется от тела.

Социальная стратификация античного общества хорошо прослеживается на примере традиций прощания у римлян⁶. В богатых домах тело в течение семи дней выставляли для прощания, а на восьмой – совершалась похоронная церемония. По решению сената похороны знатного человека нередко устраивали за счет казны. Глашатаи до полудня оповещали народ о церемонии (после таких похорон обычно проводили игры гладиаторов). Когда публика собиралась, распорядители устраивали торжественную процессию, похожую на триумфальную. На похороны граждан среднего достатка народ не приглашался, потому что после них не устраивалось ни игр, ни обедов. У бедняков труп омывали теплой водой и, одетый, клали на носилки в прикрепленный к ним гроб, затем ночью носильщики при свете фонарей и факелов, сохранившихся и впоследствии, при дневных похоронах – в качестве символа «загробной тьмы» подземного царства, – относили его на отведенное для бедных кладбище и там зарывали в землю или сжигали. Чтобы небогатым людям было легче нести похоронные издержки, существовали общества или братства, которые для устройства похорон выплачивали семье умершего необходимую сумму.

Еврейская традиция рассматривает проводы усопших как одну из важнейших заповедей, плоды исполнения которой человек вку-

⁶ Вейс Г. История цивилизации: архитектура, оружие, одежда, утварь: Иллюстрированная энциклопедия: В 3 т. Классическая древность (до IV в.). М., 1998. Т. 1. С. 592–593; Велишский Ф. История цивилизации: Быт и нравы древних греков и римлян. М., 2000. С. 653–657; Гиро П. Быт и нравы древних римлян. Смоленск, 2001. С. 176–183; Санчурский Н. В. Римские древности: Учеб. пособие. М., 1995. С. 131–133.

шает как в этом мире, так и в грядущем⁷. Запрещено кремировать усопшего. Обряд, от смерти до закрывания гроба, для мужчин выполняют мужчины, для женщин – женщины, входящие в добровольную организацию Хевра Кадиша («Священное общество»).

В христианстве под погребением разумеются молитвословия, совершаемые с самого момента разлучения души с телом, обрядовые приготовления тела, отпевание в храме, предание земле и последующие действия и поминовения. Историческое христианское обоснование погребения усопших дано в образе погребения Иисуса Христа.

Чаще всего в Западной Европе в эпоху Средневековья покойников в гробу или без гроба при отпевании, выставлении для прощания и перенесении в могилу обычно покрывали более или менее богато вышитыми погребальными покрывалами. Их фон был черного цвета, шитье – большей частью золотое и серебряное. Начиная с конца XII в., на покрывалах часто вышивали герб умершего и большой широкий крест белого цвета. Приблизительно с того же времени роскошь при погребении знатных граждан, в основном в Италии, стала возрастать до такой степени, что против нее многократно, хотя и безрезультатно издавались строгие предписания. В Болонье существовал обычай выставлять гроб на помост посреди улицы, вокруг него располагались скамьи, обитые черным сукном, на которых сидели все родственники умершего для принятия изъятий соболезнования. Процессия трогалась с места только с прибытием духовенства⁸.

Суть православного погребения заключается в воззрении церкви на тело как на освященный благодатью храм души, на жизнь настоящую – как на время приготовления к жизни будущей, и на смерть – как на сон, по пробуждении от которого настанет жизнь вечная. Современный чин погребения христиан в православной церкви, представляя во многом дополнение и распространение чина древнего, сохраняет главные черты чина погребения, первоначально

⁷ Иудейские похороны // <http://ritual.su/texts/traditions/iuda.html>; Пилкингтон С. М. Иудаизм / Пер. с англ. М., 1998. С. 155–159; Фишбеин М. Религиозные традиции иудаизма // Религиозные традиции мира: В 2 т. / Пер. с англ. М., 1996. Т. 1. С. 538–539.

⁸ Вейс Г. История цивилизации: архитектура, вооружение, одежда, утварь: Иллюстрированная энциклопедия в 3 т. Новое время (XIV–XIX вв.). М., 1998. Т. 3. С. 325.

существовавшего в церкви⁹. Последований погребения в православии имеется несколько: мирян, младенцев, монахов, священников и особый чин на Святую Пасху. По чину священническому погребаются только архиереи и иереи; монахи, иеромонахи и архимандриты – по чину монашескому; диаконы и миряне – по чину «мирских человек»; младенцы (до 7 лет) – по чину младенческому.

По смерти тело умершего мирянина оmyвается, тело монаха лишь отирается водою, а тело священника отирается губкою, пропитанной елеем. Затем умершего одевают в чистые одежды, сообразные его званию или служению. На умершего мирянина большей частью надевается саван; архиерею и священнику на грудь кладется Евангелие и в руки дается крест, диакону – кадило, мирянину – икона; при положении в гроб последний окропляется святой водою¹⁰.

Переход от традиционного к индустриальному и постиндустриальному обществу в определенной степени модифицировал погребальные практики, оставив неизменными их фундаментальные черты. Секуляризация духовной жизни советского социума привела к отказу от этноконфессиональных ритуалов прощания с усопшими; вместе с тем среди широких масс населения наблюдалось следование архаичным обычаям (например, применение амулетов, оберегов и т. д.).

В «обновленной» России государственные похороны пока еще не проводились: прежняя и нынешняя элита «живее всех живых». Менее масштабные траурные мероприятия стали регулярными: жителям двух столиц и регионов довольно часто приходится прощаться с солдатами и милиционерами, погибшими в чеченской войне, жертвами террористических акций, природных и техногенных катастроф.

⁹ Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей: В 2 ч. М., 1993. Ч. 2. С. 1288–1358.

¹⁰ Барсов Н. И. Погребение христианское // Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. / Под ред. С. С. Аверинцева. М., 1995. Т. 2. С. 356.

Речеповеденческая модель «примирение» в русской коммуникативной практике

Предметом нашего рассмотрения является речевое поведение коммуникантов в конфликтогенной ситуации, сущность которой заключается в ее коммуникативной амбивалентности: основным ее признаком является наличие различных возможностей разрешения ситуации риска и одинаковая вероятность достижения позитивного и негативного коммуникативного результата – от открытого конфронтационного речевого столкновения (собственно конфликта) до полной гармонизации дискурса. Для коммуникантов эта амбивалентность воплощается в ситуации выбора: еще существует возможность избежать открытого конфликта, но разногласия уже существуют и отражаются в речевых действиях партнеров по общению. Потенциально конфликтные ситуации не всегда переходят в конфликт. В зависимости от стратегического замысла говорящий может использовать гармонизирующие или дисгармонизирующие тактики, разрешая конфликтогенную ситуацию в ключе толерантного или интолерантного общения.

Мы предлагаем условно выделить в потенциально конфликтной ситуации несколько этапов (фаз, стадий) с опорой на собственно языковые и коммуникативные показатели: 1) *предконфликтная фаза* (речевое взаимодействие развивается в гармоничном русле, характеризуется кооперативной стратегией обоих участников и неконфликтными типами коммуникативной координации их речевого поведения, не имеет языковых и речевых показателей конфликта); 2) *фиксация разногласий* (вербализуется коммуникативный повод и возникают очаги эмоциональной напряженности и столкновение оценок предмета речи. Эта фаза обычно вербально маркирована. Происходит распределение коммуникативно-ситуативных ролей

* **Ирина Николаевна Борисова** – доктор филол. наук, профессор, завкафедрой русского и иностранных языков Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

конфликтанта и респонсора); 3) *переломный момент* (момент принятия решения, выбор стратегии дальнейшего коммуникативного поведения одной из сторон. От него зависит способ разрешения ситуации риска. Эта фаза практически всегда имеет речеповеденческие маркеры в диалоге – вербальные или паралингвистические. Коммуникативно-прагматический маркер – смена стратегии одним из коммуникантов); 4) *разрешение* потенциально конфликтной ситуации в сферу негативного или позитивного коммуникативного результата зависит от реализованного участниками сценария коммуникативного взаимодействия.

Нестандартность потенциально конфликтной ситуации, наличие ситуации выбора лишает общение автоматизма. В отличие от собственно конфликта, потенциально конфликтная ситуация не всегда характеризуется пиком конфронтации: он может быть сглажен, а иногда его можно избежать, разрешая напряженность в позитивном ключе.

Рассмотрим варианты речевого поведения коммуникативных партнеров в ситуациях гармонизации общения, реализующих речеповеденческую модель «Примирение». Как показывает анализ имеющихся записей разговорных диалогов, модель «Примирение» манифестируется в трех вариантах сценариев. Назовем их условно *прощение, компромисс, сдерживание*.

Сценарий «Прощение»

Речевая партия конфликтанта	Речевая партия респонсора	Коммуникативный результат
Смена стратегии: стратегия обвинения > стратегия прощения деликта (принятие уступки)	Стратегия признания деликта (серия уступок)	Гармонизация общения

Для сценария «Прощение» характерно, что инициатором уступки является респонсор, а в речевом поведении конфликтанта происходит смена стратегии «обвинение/прощение деликта».

Сценарий «Компромисс»

Речевая партия респонсора	Речевая партия конфликтанта	Коммуникативный результат
Смена стратегии: стратегия обвинения > стратегия избегания конфликта (иницирующее или встречное предложение уступки)	Смена стратегии: стратегия отрицания деликта > стратегия избегания конфликта (иницирующее встречное) предложение уступки)	Гармонизация общения

Гармонизация общения в сценарии «Компромисс» достигается за счет серии взаимных уступок обеих сторон; при этом для успешной реализации модели не существенно, кто является инициа-

тором компромисса и уступает первым. Рациональные стратегии коммуникантов способствуют формированию линии кооперативного поведения и получению позитивного коммуникативного и психологического результата.

Сценарий «Сдерживание»

Речевая партия конфликтанта	Речевая партия респонсора	Коммуникативный результат
Смена стратегии: стратегия провокации конфликта > стратегия примирения (отказ от претензий)	Стратегия рационального сдерживания	Гармонизация общения

Основным речевым поступком, запускающим процесс гармонизации в этой модели, можно считать отказ конфликтанта от претензий. Функцию уступки наиболее эффективно выполняют тактики признания вины, извинения, обещания, призыва к примирению. Функцию сдерживания – тактики демонстрации уверенности и спокойствия, рационального реагирования и последовательного избегания негативных эмоциональных и оценочных реакций на адресата и ситуацию.

Отметим характерное для модели сдерживающего взаимодействия бинарно-циклическое строение дискурса. До переломного момента он формируется повторяющимися циклами, состоящими из пар речевых поступков провоцирующих дисгармонизирующих тактик конфликтанта и гармонизирующих реактивных тактик респонсора: [тактика-деструкция + тактика-сдерживание].

Итак, мы рассмотрели один вариант коммуникативного разрешения конфликтогенной ситуации, характеризующийся гармонизацией общения и позитивным коммуникативным результатом, – «Примирение», который может реализоваться в сценариях «Прощение», «Компромисс» и «Сдерживание».

Обобщим наши выводы в форме таблицы.

Речеповеденческие сценарии гармонизации общения

Сценарий	Стратегия конфликтанта	Стратегия респонсора	Инициатор примирения	Результат
Прощение	Смена стратегии: стратегия обвинения > стратегия прощения деликта (принятие уступки)	Стратегия признания деликта (серия уступок)	Респонсор	Коммуникативная и психологическая гармонизация
Компромисс	Смена стратегии: стратегия обвинения > стратегия избегания конфликта (инициирующее или встречное предложение уступки)	Смена стратегии: стратегия отрицания деликта > стратегия избегания конфликта (инициирующее встречное предложение уступки)	Не существенно	
СдерживаниеЕ	Смена стратегии: стратегия провокации конфликта > стратегия примирения (отказ от претензий)	Стратегия рационального сдерживания	Конфликтант	

Описанные сценарии, безусловно, не исчерпывают всех реальных возможностей выхода из потенциально конфликтной ситуации путем примирения. Можно констатировать наличие сценария «Взаимное признание деликта», или «Солидарная ответственность» (А. – *Это моя вина*// Б. – *Нет, это я виноват(а)*//), который можно интерпретировать как один из вариантов сценария «Компромисс» (взаимные этикетные уступки).

Таким образом, можно утверждать, что способ разрешения потенциально конфликтной ситуации зависит не столько от стратегии поведения одного коммуниканта, сколько от *способов взаимной координации* речевых стратегий, постоянно воспроизводимых в сценариях коммуникативного взаимодействия (паттернах взаимно скоординированного коммуникативного поведения).

В докладе положения тезисов иллюстрируются примерами из живой разговорной речи.

Элитарная преступность в свете социологической теории

В числе наиболее серьезных вызовов безопасности социума и человека в настоящее время фигурирует преступность, темпы роста которой ежегодно увеличиваются во всем мире. По оценке ученых-международников МГИМО, начиная с 1980-х гг. ее статистика демонстрирует ежегодный рост на 5 %. Рост преступности, между тем, не обнаруживает прямой связи со степенью социального неблагополучия того или иного общества, являющегося следствием растущей поляризации богатства и бедности в современном глобализованном мире. Наибольшее число преступлений совершается в одной из самых богатых стран мира – США (до 35 млн в год)¹. Столь же очевиден и тот факт, что другие группы стран – например, с высоким средним уровнем жизни населения, но с более выраженными традициями законопослушания и социальной ответственности; бедные, но живущие во власти традиций общинно-патриархальной солидарности – по-прежнему демонстрируют в современных условиях более низкий уровень преступности.

Наша гипотеза заключается в том, что преступность вообще и ее наиболее социально опасные, деморализующие общество формы возникают вследствие специфической конфигурации социальных факторов. Воздействие глобальной «демократической волны» 1980–1990-х гг., сопровождавшейся стремительной «либерализацией» обществ, не обладающих зрелыми материальными и нравственными предпосылками для адекватного усвоения либеральных ценностей, приводит к разрушению единого поля нравственных ориентиров, росту релятивизма в понимании моральных норм, ре-

* *Светлана Феликсовна Идрисова* – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исправительного права и криминологии Ижевского филиала Нижегородской академии МВД РФ (г. Ижевск).

¹ Современные международные отношения / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2001. С. 201.

дукции всей системы социальных регуляторов до огрубленно-прямолинейных «рыночных» мотиваций, равнозначных вседозволенности. Наименее устойчивыми к воздействию этого фактора становятся общества, где традиционно в системе социальных регуляторов приоритет отдавался индивидуализму в его наиболее агрессивнo-эгоистических формах (США) или где при резких сменах социально-экономической и политической модели жизнеустройства регуляторы социальной ответственности были поспешно отброшены как атрибуты примитивного, принудительного коллективизма и на поверхность вышли эгоцентрические мотивации индивидуального поведения, характерные для аномического состояния общества (Россия). При этом резко возрастают масштабы международной преступности, чему способствуют в условиях глобализации мировой экономики и политики упрощенный режим международных связей, прозрачность межгосударственных границ, формирование глобальных финансовых систем и мировых рынков сбыта, развитие современных компьютерных и информационных технологий, рост транснациональных миграционных потоков².

К влиянию мировоззренческого и морального кризиса современной цивилизации в условиях России добавляется воздействие сильнейших внутренних факторов роста преступности, связанное с динамикой социетальной трансформации российского общества за последние 15 лет и разрушением единого поля нравственных ориентиров. Общество, вышедшее из искусственно поддерживавшегося эгалитарного консенсуса, в короткие сроки пришло к состоянию, когда все сферы общественного управления стали рассматриваться, по аналогии с предпринимательством, как средства извлечения индивидуального дохода. Фактическая «приватизация» всех сфер жизнедеятельности общества стала почвой для расцвета должностной преступности, прежде всего различных форм коррупции, причем на самых высоких этажах общественной «пирамиды». Представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, что нравственно, а что – безнравственно, справедливо или несправедливо, предельно фрагментировались и редуцировались до прямых мотивов «рыночного» поведения, где «все дозволено». Данная

² *Бабаев М. М.* Международная преступность // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. проф., д. т. н. И. И. Мазур; проф., д. филос. н. А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Нью-Йорк, 2006. С. 518.

ситуация полностью подпадает под раскрытое в свое время в трудах Эмиля Дюркгейма и Роберта К. Мертоня понятие аномии, характерными признаками которой являются резкий скачок ненормативного, делинквентного поведения, господство эгоцентризма и обвальное распространение преступности.

Аномию и Дюркгейм, и Мертон характеризовали как всеобщее по характеру проявлений, «сквозное» – т. е. отмечаемое на всех уровнях социальной иерархии – состояние общества, находящегося в ситуации духовного кризиса, упадка моральных регуляторов общественного поведения. Последующие попытки инструментального уточнения и психологической интерпретации этого понятия, как правило, смещали фокус внимания к нисходящей социально-психологической динамике, проявляющейся в социальной депривации (абсолютной и относительной), настроениях фатализма, отчаяния, безысходности и т. п., – в связи с чем социально типичные проявления аномии связывались, прежде всего, с обездоленностью социальных низов. Такая постановка вопроса представляется ограниченной, поскольку она игнорирует те множественные социальные проекции феномена аномии, которые были отмечены в свое время классиками социологии. Так, Дюркгейм указал как на источник аномии не только на дегуманизацию условий труда рабочих в индустриальном производстве, но и на те проявления социальной патологии, которые затрагивают, главным образом, класс имущих и коренятся в самом духе коммерции с типичными для нее рисками, неудачами, превратностями, взрывами желаний и страстей, духовным опустошением, неопределенностью целей и ценностей (кризисы перепроизводства, разорения, банкротства и т. п.)³. Мертон, рассматривавший аномию в контексте рассогласования между терминальными и инструментальными ценностями (конкретно – между нормативно закрепленными в обществе культурными целями и институционально запрещенными способами их достижения), еще более определенно указал на т. н. «инновационную» форму приспособления к ней индивида, отождествляя ее с социально типичными чертами образа жизни высших страт общества. Как он подчеркивал, чрезмерно сильно акцентированная в американской культуре цель успеха при недоразвитости регулятивных норм ее достижения неизбежно порождает стремление представителей высших страт общества обращаться к самым «эф-

³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 379.

фективным», с их точки зрения, но рискованным и зачастую аморальным и незаконным способом умножения богатства и власти⁴. Мошенничества, коррупция, насилие, нечестная конкуренция, должностные преступления – все это, по Мертону, суть формы преступлений, наиболее типичные для представителей американской экономической и политической элиты и в значительной степени ставшие рутиной жизни.

Мертоном фактически был намечен подход к социальной «стратификации» преступности и выделению тех ее социально типичных видов, которые характерны для высших страт общества и могут быть обозначены условно как *элитарная преступность*. Если интенсификации преступности среди социальных низов в сильнейшей степени способствует фактор относительной депривации, то к процветанию в обществе элитарной преступности располагает целый ряд благоприятствующих ей условий: гипертрофированный культ успеха, затмевающий вопрос о средствах его достижения; расплывчатость моральных оценок со стороны общественного мнения, затрудняющая проведение четкой грани между «ловкостью», предприимчивостью и преступлением; корпоративная «круговая порука» среди власть имущих; референтный для остального общества, респектабельный стиль жизни высших страт; сравнительно легкие – благодаря деньгам и влиянию – способы ухода от наказания. Все это делает элитарную преступность в социологическом отношении качественно особым явлением, нуждающимся в углубленном изучении.

Необходимо учесть также, что к разряду элитарной преступности могут быть отнесены преступления, требующие для своего воплощения значительных *технологических и организационных ресурсов*, правом и возможностями распоряжения которыми обладает лишь ограниченная часть населения, за которой стоят властные полномочия или крупные финансовые источники. Элитарная преступность может быть квалифицирована и по этому важному признаку. Обратной стороной этих возможностей является высокая вероятность складывания в обществе своего рода «инфракультуры» преступности – неписаных норм поведения и способов решения проблем, которые – в силу частоты своих проявлений, массовости и весьма нечастой наказуемости – фактически подменяют

⁴ См.: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 256–267.

собой законы. Этот эффект «узаконения» девиантности через факторы внутригрупповой поддержки достаточно убедительно раскрыт в анализе девиантного поведения американским социологом Толкоттом Парсонсом⁵.

Необходимо видеть и особую общественную опасность элитарной преступности, учитывая, что в любой системе социальной иерархии высшие страты, или элита, оказывают мощное референтное воздействие на другие слои и группы общества. Если элита не подает пример ответственного отношения к общепринятым и обязательным для всех ценностям, то тем самым она подрывает лояльность этим ценностям также со стороны средних и нижних слоев. Например, т.н. «беловоротничковая» преступность, характерная для представителей среднего класса, имеет одной из причин попытки последних на уровне своих – гораздо более скромных – возможностей копировать (иногда в жалко-карикатурном виде) типичное отношение высших страт общества к своим социальным обязательствам.

⁵ См.: Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 400–401.

И. А. Вертипрахова*

Речевой жанр как средство организации коммуникации в социокультурном пространстве

Как правило, мы связываем с понятием жанра прежде всего художественную литературу, но слово «жанр» можно транспортировать и в другие сферы из исходной – сферы художественной литературы. Жанр – понятие общефилологическое, то есть относящееся ко всем видам словесности, в том числе и к оформлению высказывания. Таким образом, данное понятие выносится за рамки художественной литературы в сферу коммуникации.

Впервые категория «речевой жанр» была введена в научный оборот в статье М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров», опубликованной в 1979 году (Бахтин М. М. 1979: Эстетика словесного творчества). Статья М. М. Бахтина заложила основы современного представления о речевых жанрах.

М. М. Бахтин определяет речевые жанры как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний в различных сферах использования языка» и указывает на богатство и разнообразие речевых жанров (Там же, 237). Дело в том, что в каждой сфере деятельности используется целый репертуар речевых жанров, который развивается и растет по мере развития и усложнения данной сферы. К речевым жанрам мы относим и «короткие реплики бытового диалога, и бытовой рассказ, и письмо (во всех его разнообразных формах), и короткую стандартную военную команду, и развернутый детализированный приказ, и довольно пестрый репертуар деловых документов, и разнообразный мир публицистических выступлений; сюда же мы относим и многообразные формы научных выступлений, и все литера-

* **Ирина Анатольевна Вертипрахова** – преподаватель факультета регионоведов-переводчиков Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

турные жанры (от поговорки до многотомного романа)» (Там же, 237–238).

Бахтинская трактовка речевых жанров предполагает двойное понимание термина: речевой жанр – типовая разновидность текстов (рассказ, письмо, роман) и речевой жанр – ситуативно-типовое высказывание (реплика бытового диалога, военная команда, вопрос). На основании вышесказанного можно выделить литературные жанры и речевые жанры. Последние, в свою очередь, делятся на риторические и жанры бытового общения. Риторические жанры реализуются в рамках торжественного, ритуального, внепрактического поведения: государственного, культового, обрядового (светская беседа, флирт, тост, анекдот и т. п.). Этим жанрам люди обучаются специально, владение ими демонстрирует достаточно высокий уровень языковой компетентности. Характеризуя речевые навыки, необходимые для владения этими жанрами, уместно говорить не только о риторической грамотности, но и об эстетике словесного творчества, поэтике речевого выражения. Жанры бытового общения используются в обычном, ежедневном, бытовом общении, которое самими членами коллектива воспринимается как «естественное» (семейная беседа, разговор по душам, болтовня, ссора и т. п.). Эти жанры отражают неосознанные речевые реакции на повторяющиеся коммуникативные ситуации. Это речевая стихия, в которой языковая личность не творит, а существует. Этим жанрам бытового общения языковая личность не обучается; они бессознательно впитываются представителем конкретного этноса подобно фактам родного языка.

М. М. Бахтин подчеркивает, что речевая воля говорящего осуществляется в выборе определенного речевого жанра. Этот выбор определяется спецификой данной сферы речевого общения, тематическими соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, составом участников и т. п. Далее речевой замысел говорящего применяется и приспосабливается к избранному жанру, складывается и развивается в определенной жанровой форме. Понятие «речевой жанр», по М. М. Бахтину, – это реплика, целое высказывание в диалоге (даже когда имеется в виду роман, повесть и т. д.). Ученый рассматривает речевые жанры в аспекте речевого общения – как факт социального взаимодействия людей, как соотношение и взаимодействие смыслов и позиций. Диалогичность у М. М. Бахтина является определяющим признаком речевого жанра как единицы речевого общения и деятельности людей. Можно утверждать,

что М. М. Бахтин первый высказал гипотезу о глобальности феномена жанровой организации речевого взаимодействия. Он также наглядно показал, что речевые жанры есть результат ряда экстралингвистических факторов, иначе говоря – что проблема речевых жанров входит в общую проблематику вариативности речи и детерминации речевого поведения.

Исследования М. М. Бахтина показали, что речевые жанры являются одним из типов организации коммуникации, типом упорядочения дискурса, «инструментами», при помощи которых человек осуществляет ориентацию в окружающем мире, а точнее, такую часть взаимодействия с миром, как общение с другими людьми. Важностью социальной функции жанровой организации речи объясняется все возрастающее внимание к речевым жанрам со стороны исследователей – социологов, культурологов, лингвистов, специалистов по переводу.

Вот несколько определений речевых жанров, предлагаемых разными исследователями данного явления:

М. М. Бахтин: «Речевые жанры – это относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний в различных сферах использования языка» (Бахтин М. М. 1979: Эстетика словесного творчества, 237);

К. Ф. Седов: «Речевой жанр – это вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия» (Седов К. Ф. 1999: Становление дискурсивного мышления языковой личности, 115);

С. Гайда: «Речевой жанр – это горизонт ожидания для слушающих и модель построения для говорящих» (Гайда С. 1986: Проблемы жанра, 24);

К. А. Долинин: «Речевой жанр – это установленный в данном социуме тип речевого поведения, задаваемый речевой ролью и регулируемый жанровыми предписаниями и / или взаимными ожиданиями партнеров по общению» (Долинин К. А. 1998: Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина, 39–40).

Содержание определений наглядно демонстрирует признание учеными актуальности исследования речевых жанров прежде всего как социологической проблемы. Из этого следует, что социопрагматическое направление исследования речевых жанров является наиболее актуальным.

Социопрагматическое изучение речевых жанров исходит из диалогической природы речевых жанров и опирается на целостную диалогическую, культурологическую философию М. М. Бахтина. Язык здесь рассматривается в диалогическом контексте коммуникативной ситуации, а также – более широко – в контексте национально-речевой, социальной, духовной культуры. В социопрагматической концепции речевого жанра уделяется большое внимание всем аспектам взаимодействия адресата и адресанта, всем передаваемым и принимаемым коммуникативным смыслам.

Главной особенностью социопрагматического изучения речевых жанров является ориентация на диалогическое взаимодействие, помещенное в социально-культурные условия конкретной ситуации.

Так, в предлагаемой Т. В. Шмелевой «модели речевого жанра» важными компонентами являются концепция автора (адресанта) и концепция адресата (Шмелева Т. В. 1995: Речевой жанр: опыт общелингвистического осмысления, 61–62).

Концепция автора предполагает такие характеристики автора по отношению к адресату, как свой / чужой, старший / равный / подчиненный, авторитетный / неавторитетный, имеющий / не имеющий полномочия, более / менее осведомленный, заинтересованный / незаинтересованный и др. Запрет, разрешение, приказ предполагают определенные полномочия автора. При расхождении концепции автора со свойствами реального автора жанр «объявляется недействительным» (Там же, 61–62) и может вызвать реплики адресата типа: «Кто ты такой, чтобы мне запрещать / разрешать / приказывать!», «Не вам мне советовать», «Не вам меня учить».

Концепция адресата предполагает аналогичные признаки: свой / чужой, имеющий / не имеющий возможности / полномочий, авторитетный / неавторитетный, располагающий / не располагающий информацией, иерархически страший / равный / подчиненный. Так, совет обращают к равному и / или подчиненному и / или менее осведомленному: например, врач – пациенту, учитель – родителю, ветеран – молодому специалисту. Просьба предполагает определенные возможности адресата, иначе он отвечает: «Ничем помочь не могу», «Медицина бессильна» и т. п. Приказ предполагает подчиненность адресата, и при отсутствии таковой адресат выражает свое возмущение в восклицаниях типа: «Как он смеет мне приказывать!»

Представители социопрагматического направления предлагают поделить речевые жанры на *информативные*, т. е. жанры, в

которых говорящий главным образом передает новую для слушателя информацию: различные разновидности рассказа, просьбу, вопрос и т. д., и *фатические*, где суть общения не столько в передаче информации, сколько в выражении разнообразных нюансов взаимоотношений между участниками коммуникации: комплимент, колкость, флирт, ссора, анекдот, тост и т. п. Информативные и фатические жанры предоставляют говорящему различный набор коммуникативных стратегий (Седов К. Ф. 1999: Становление дискурсивного мышления языковой личности, 120; Дементьев В. В. 1999: Фатические речевые жанры, 37–55).

Жанр является не только общелингвистической и лингвистической категорией, но и выступает как социокультурная ценность.

Повседневное общение представляет собой систему текущих, меняющихся во времени и в пространстве форм речевого поведения, которые способны мгновенно реагировать на любое изменение в структуре социального взаимодействия внутри того или иного этноса. Явления бытового социума, которые исчезают из жизни, заставляют отмирать или видоизменяться речевые жанры, отражающие эти типические социально-коммуникативные ситуации прошлого. Сейчас, например, на периферию жанрового пространства уходит когда-то весьма актуальный жанр общения на общей кухне; зато формируются новые жанры, связанные с новыми социально-типическими ситуациями, например жанр «разборки» при автомобильной аварии. Также существуют жанры, исчезнувшие ранее, но возродившиеся в новых условиях коммуникации, например жанр презентации.

Существует и национальная специфика речевых жанров. Речевой жанр влияет на национальное культурное поведение.

Культурные нормы способов взаимодействия, свойственные данному обществу, могут быть представлены в виде «культурно обусловленных сценариев» (Вежбицка А. 1997: Язык. Культура. Познание, 393). В культурно обусловленных сценариях выражаются такие негласные правила, которые говорят нам, как быть личностью среди других личностей, т. е. как думать, как чувствовать, как хотеть (и как действовать согласно своему желанию), как добывать или передавать знания и, что важнее всего, как говорить с другими людьми. Правила подобного рода обычно являются для данной культуры специфическими, однако они сопоставимы и доступны пониманию в контекстах разных культур. «Сценарий того, как хотеть» наглядно иллюстрирует данную идею (Там же, 397).

Англо-американская культура поощряет своих носителей говорить о том, чего ты хочешь сам и давать другим людям право выбора. Это может быть представлено следующим образом:

*каждый может говорить другим людям что-то вроде: «я хочу этого, я не хочу этого»;
так говорить хорошо;
хорошо говорить другим людям что-то вроде: «я хочу знать, чего ты хочешь».*

Японская культура, наоборот, настаивает на почти диаметрально противоположных сценариях (Mizutani Osamu, Mizutani Nobuko, 1987: How to be polite in Japanese; Wierzbicka 1991: Japanese key words and core cultural values, 333–385):

я не могу говорить другим людям что-то вроде: «я хочу этого, я не хочу этого».

Не поощряются в японской культуре и вопросы к другим людям о том, чего они хотят. Вам, скорее, приходится угадывать потребности других и стараться удовлетворять их, не заставляя других людей говорить что бы то ни было:

*я не могу сказать другим людям что-то вроде:
«я хочу знать, что ты хочешь хорошо знать, чего другие люди хотят (и думают, и чувствуют), когда они ничего не говорят».*

Речевые жанры имеют не только межкультурные, но и внутрикультурные различия. Общими для всей национальной культуры являются жанры элитарные, литературные, просторечные, народные. Они выступают как коммуникативная норма в обществе соответствующей речевой культуры. На уровне литературной и элитарной речевой культуры необходимо обучение владению речевыми жанрами. От уровня речевой культуры зависит и разнообразие используемых человеком речевых жанров в одной и той же сходной ситуации. При этом чем выше уровень речевой культуры, тем богаче набор речевых жанров, тем мотивированнее выбор наиболее эффективного в каждом отдельном случае жанра, что и обеспечивает коммуникативную компетентность человека.

Жанровое оформление речи помогает коммуникантам ориентироваться в сложной картине социально-коммуникативных взаимодействий: оно поддерживает социальную ориентацию коммуникантов, без которой успешность их действий едва ли была бы возможной. Ориентация в целях и формах общения, в распределении социальных и коммуникативных ролей, предлагаемых жанрово организованной речью, дает возможность предвидеть ход коммуникации, правильно ее планировать, адекватно реагировать на коммуникативные действия партнеров и в итоге достигать намеченных целей.

Исторические аспекты формирования образа полового равенства в японском обществе и особенности восприятия заимствованного слова «гендер»

В последние десятилетия японское общество впервые остро столкнулось с проблемами гендерного неравенства. В традиционной японской культуре женщине отводилась крайне скромная роль: ее основными функциями были воспитание детей, поддержка мужа и помощь свекрови. Особенно это относится к периоду господства этики самурайского сословия. В эти времена женщины обладали наименьшими правами и были во всем подвластны мужчинам-самураям.

Со времени реставрации императорской власти – революции Мэйдзи – Япония начинает активно заимствовать передовые достижения Запада (и в первую очередь, у США) в науке, технике и т. д. для того, чтобы снизить степень социально-экономического отставания и не стать колониально зависимой страной, какой к тому времени практически стал Цинский Китай. Однако в сфере семейных отношений и в повышении социального статуса женщины особого прогресса не наблюдалось. Был только выработан принцип «*ре:сай кэмбо*» («хорошая жена, мудрая мать»). Импульсом для принятия мер по выравниванию социального статуса женского и мужского населения стало нестабильное экономическое положение страны в начале 90-х годов прошлого столетия.

После экономической рецессии и последовавшей за ней стагнации большинства хозяйственных отраслей число женщин, работающих на заводах, фирмах и т. д., резко возросло. Все больше женщин стали занимать посты управляющих, участвовать в политической жизни страны. Вместе с этими процессами, в японском

* **Антон Валерьевич Мирча** – аспирант очной аспирантуры, специальности «Социальная философия» Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск).

языке появляется термин «гендер». В японском обществе начинает формироваться образ гендерного равенства. Следует сказать, что первоначально термин «гендер» использовался по большей части только в научных кругах. Однако несколько позже им стали пользоваться и в повседневной речи. Наиболее часто данный термин встречается в сфере производственно-трудовых отношений, так как именно здесь острее дискутируются проблемы гендерного неравенства. Гендерное неравенство выражено, прежде всего, в более низком уровне дохода у женщин (к примеру, в 2003 г. он составлял лишь 64,9 % от дохода мужчин), меньших возможностях карьерного роста, сексуальных домогательствах и т. п.

Рассмотрим, как воспринималось слово «гендер» с точки зрения лингвистических особенностей японского языка.

Прежде всего следует обратить внимание на саму структуру лексического аппарата японского языка – он состоит из трех больших пластов: японского слоя лексики *ваго*, китайского слоя лексики *канго* и слоя лексики, представляющей заимствования из других языков, – *гайрайго*. Таким образом, все слова, пришедшие в японскую культуру из иностранных языков (причем преимущественно из английского), обозначаются как «слова, пришедшие извне». Это хорошо соотносится с японской системой мировосприятия «свое» (*ути*) и «чужое» (*сото*). Таким образом, пришедшее в Японию слово «гендер» также немедленно включается в понятие «чужое, не наше, западное».

Одной из причин заимствования именно этого слова можно считать то, что в самом японском языке не было его прямого синонима, при помощи которого можно было бы отразить неравные взаимоотношения в обществе между мужчиной и женщиной. Японское слово «*сэйбецу*» (различие полов) подходит, но на самом деле это далеко не так, поскольку оно выражает в основном биологическое различие полов (к примеру, мужчина – сильный, женщина – слабая). Таким образом, заимствованное слово вносит определенно новый оттенок в обозначение отношений полов, подчеркивая их социальное содержание.

Языковые заимствования в области социальных отношений мужчины и женщины не ограничиваются одним словом «гендер». К примеру, появились слова «дженда: фри:» (гендерное равенство), «*секухара*» (сексуальное домогательство). Часто употребляемым словом *секухара* стало еще и потому, что в средствах массовой информации стали часто освещаться все новые случаи сексуаль-

ных домогательств (в таких известных газетах, как «Асахи-симбун», «Хоккайдо-симбун» и др.). Таким образом, в последние 10–15 лет то, что раньше не было заметно и скрывалось, стало достоянием общественности.

Таким образом, можно констатировать, что в условиях экономической и политической нестабильности страны начала 1990-х гг. в японском обществе формируется образ гендерного неравенства. С этого времени женщины впервые начинают активно участвовать в общественно-политической жизни общества. Появляется и закрепляется новая лексика, которая в свою очередь способствует выявлению проблем гендерного характера.

А. С. Рябов*

Бессознательная нация: россияне в поисках идентичности

Новое тысячелетие начинается под знаком мировой глобализации, впервые в истории охватывающей все человечество. Наиболее развитые в экономическом, политическом и военном отношении страны все более активно навязывают всему остальному миру свою систему ценностей, стереотипы мышления и мировоззренческие константы. Исследователи либерального толка, наподобие Фрэнсиса Фукуямы¹, склонны видеть в этом окончательную победу западного образа жизни, базирующегося на принципах индивидуализма и экономического детерминизма. Со своей стороны, консерваторы-«цивилизационисты», например Сэмюэл Хантингтон², предсказывают, что безудержная экспансия западных ценностей неизбежно вызовет ответную реакцию во всем мире, расколеть человечество на несколько цивилизационных «блоков», в той или иной степени отвергающих политическую, экономическую и культурную гегемонию Запада.

Подобные дискуссии становятся все более популярными и в России – на родине цивилизационного подхода к мировой истории. Ведь именно учения Николая Данилевского и Константина Леонтьева³ на десятилетия предварили знаменитый «Закат Европы» Освальда Шпенглера. Свой вклад в учения о мировых цивилизациях внесли и другие известнейшие российские ученые – Николай Бердяев⁴, евразийцы Лев Карсавин, Николай Трубецкой, Петр Савицкий⁵, неоевразийцы Лев Гумилев, Александр Дугин, Александр

* **Андрей Сергеевич Рябов** – магистр политологии, аспирант Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

¹ См.: *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2004.

² См.: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2006.

³ См.: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа // Классика геополитики. XIX век. М., 2003; *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство. М., 2005.

⁴ См.: *Бердяев Н. А.* Русская идея. Судьба России: Сб. М., 1997.

⁵ См.: *Мир России – Евразия.* Антология. М., 1995.

Панарин⁶ и многие другие. Все они понимали и понимают Россию как отдельную цивилизацию, сопоставимую с другими цивилизациями мира.

Однако ни разу со времен Петровских преобразований ни власть, ни общество в России не исповедовали идею ее цивилизационной уникальности. Материальные и духовные идеалы общественного устройства российские правители последних 300 лет заимствовали из западной политической мысли либо в виде попыток копировать конкретные институты, либо в форме реализации разработанных на Западе идеологических доктрин (марксизм, либерализм). Проекты, основанные на идее цивилизационной уникальности страны, как, например, славянофильский или евразийский, никогда не получали необходимой для своей реализации поддержки общества и власти.

Стоит отметить еще одну любопытную историческую закономерность: во всех случаях радикального изменения направления развития страны менялись не только политические институты и господствующая идеология – трансформации подвергались фундаментальные для любой нации мировоззренческие ценности, определяющие образ и роль страны в мировой истории, восприятие современной реальности, а также духовные и материальные приоритеты дальнейшего развития. Во время всех подобных мировоззренческих революций консервативный потенциал российского общества оказывался недостаточным для того, чтобы сохранить разрушаемую новой властью систему ценностей. Феодальная демократия Древней Руси не устояла перед самодержавием Руси Московской, московская патриархальность капитулировала перед абсолютизмом Петра I, крестьянская община с многовековой историей относительно легко была уничтожена большевиками, и, наконец, советский строй, просуществовавший более 70 лет, в течение считанных месяцев был демонтирован пришедшими к власти либералами.

Создается впечатление, что уровень самосознания российской нации во всех случаях был настолько низок, что общество не выработало единого ценностного консенсуса, не сформировало устойчивого национального мировоззрения, не породило приемлемого

⁶ См.: Гумилев Л. Н. От Руси до России. М., 2003; Дугин А. Г. Абсолютная Родина. М., 1999; Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.

для большинства населения образа жизни. Данные социологических исследований свидетельствуют о том, что российское общество как единое целое и по сей день не имеет устойчивых идеалов и ценностей. Согласно опросу, проведенному ВЦИОМ 10–11 июня 2006 г. среди 1600 россиян, лишь 45 % респондентов считают, что отечественной политической культуре свойственны консерватизм и традиции, уходящие корнями в прошлое, и чуть меньше опрошенных (40 %) высказалось за то, что российской политической культуре присущи стремление к новизне, отсутствие устоявшихся норм и традиций. Почти пополам разделились мнения и относительно того, какие традиции политической культуры России более влиятельны – авторитарные (44 %) или демократические (37 %). Показательно и то, что 68 % опрошенных назвали характерной чертой политической культуры страны нежелание населения участвовать в политической жизни, а 52 % – всеобщее недоверие к идеалам и принципам⁷.

Данные другого социологического опроса ВЦИОМ свидетельствуют о том, что россияне не имеют четкого представления о том, кого считать своими соотечественниками за рубежом. Самая большая часть опрошенных (40 %) считает таковыми оказавшихся там русских, треть (33 %) – всех граждан бывшего СССР, чуть больше одной пятой (22 %) – всех тех, кто говорит на русском языке и идентифицирует себя с русской культурой, независимо от национальности и места проживания⁸.

Отсутствие единой системы ценностей и четкого понятия «соотечественник» показывает, что самосознание россиян по-прежнему неразвито. Радикальные изменения образа жизни россиян и господствующей системы ценностей, происходившие на всем протяжении отечественной истории, не позволили сформироваться российской нации, в отличие, скажем, от наций западного мира. Трехсотлетняя монголо-татарская оккупация, петровская вестернизация, коммунистический эксперимент, радикальные либеральные реформы последнего десятилетия XX века – все эти исторические катаклизмы грубо перерывали развитие страны, заново формировали самосознание россиян, их образ жизни и восприятие окружа-

⁷ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 477 // <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/2794.html>

⁸ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 499. <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/2917.html>

ющего мира. Серьезным фактором, препятствующим формированию российской нации, в настоящее время является искусственное разделение ее на этнические сегменты, осуществленное большевиками и усиленное во время «парада суверенитетов» 1990-х годов.

Тормозит образование нации и явное нежелание правящей элиты сформулировать национальную идею, способную сплотить народы России во имя решения глобальных мировоззренческих задач. Вместо этого власть предлагает малопонятные рядовым россиянам тезисы о «суверенной демократии», удвоении ВВП, превращении страны в энергетическую сверхдержаву. «И не нужно специально искать национальную идею. Она сама уже вызревает в нашем обществе», – заявил в начале своего правления Президент России В. В. Путин⁹. Судя по всему, власть до сих пор ждет этого «вызревания», однако, как уже не раз бывало в российской истории, процесс этот легко может быть перечеркнут очередными политическими потрясениями. А потрясения эти легко могут произойти в стране, нация которой не имеет собственной системы ценностей и устойчивого самосознания. Именно поэтому выработка национальной идеи должна стать главной духовной задачей власти и общества современной России.

⁹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 8 июля 2000 г.

О. В. Зылева*

Проблема интеграции иммигрантов в российское общество

После распада СССР Российская Федерация столкнулась с огромным притоком иммигрантов, особенно из бывших советских республик. Некогда единое экономическое и политическое пространство оказалось существенно дифференцированным, прежде всего в социально-экономическом отношении. На фоне резкого снижения уровня жизни населения, свертывания производства и роста безработицы во многих странах СНГ Россия отличалась относительной социально-экономической стабильностью и более емким рынком труда, что и сформировало ее привлекательный иммиграционный имидж.

Рост иммиграции оказал и продолжает оказывать неоднозначное воздействие на российское общество. С одной стороны, иммиграция помогает определенным образом решать демографические и социально-экономические проблемы страны, с другой – сама порождает серьезные социальные проблемы.

Неизбежность и необходимость иммиграции в России принято объяснять влиянием демографического фактора, абсолютным снижением численности населения страны. При этом за последние несколько благополучных лет иммигранты стали совершенно незаменимы в ряде отраслей экономики российских мегаполисов. Во многом благодаря активной иммиграции в некоторые регионы России, здесь в настоящее время сформировались значительные общины выходцев из различных стран ближнего и дальнего зарубежья. Многие иммигранты достаточно активны в экономическом отношении и занимают определенные «ниши» на рынках труда. Например, армяне в России сосредоточены преимущественно в сфере услуг и торговли; азербайджанцы заняли нишу между крупными оптовиками и мелкорозничной торговлей, обеспечивая торговлю овощами и фруктами на рынках российских городов; гру-

* **Ольга Викторовна Зылева** – аспирантка кафедры социологии, преподаватель английского языка кафедры русского и иностранных языков Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

зинские иммигранты заняты мелким бизнесом и рыночной торговлей – продают фрукты, изготавливают сыры кавказского типа, пекут хачапури. Зачастую успешность адаптации иммигрантов на региональных рынках труда связана с поддержкой и помощью, которую оказывают вновь прибывшим людям неформальные объединения, основанные на родственных и этнических связях.

Одна из важных проблем, влияющих на процесс интеграции иммигрантов в российское общество, – это взаимоотношения коренного населения и иммигрантов. Объективно российское общество в указанном контексте выглядит благополучнее обществ большинства западноевропейских стран. Иммигранты в России часто ближе в культурном отношении к коренному населению, чем, например, иммигранты во Франции и Великобритании. У нас много общего с «нашими» иммигрантами: мы выросли в одной стране, получили советское образование, у нас примерно одинаковый уровень религиозности и, что немаловажно, один цвет кожи.

Советский Союз стремился стереть границы между входящими в него территориями и народами или, по крайней мере, сократить разрыв между ними. А советская атеистическая пропаганда способствовала нивелировке конфессиональных различий. В итоге оказалось, что азербайджанец из Баку в культурном отношении может быть ближе к русскому, чем к своему соплеменнику из фундаменталистского Ирана.

К тому же всем постсоветским государствам в наследство от СССР досталось население с высоким по мировым меркам уровнем образования. Многие из тех, кто торгует на московских рынках, имеют университетские дипломы. Это обстоятельство тоже способствует уменьшению барьера между иммигрантами и коренным населением России.

Но самое главное, на наш взгляд, отличие между российскими и европейскими иммигрантами заключается в мотивации. Если во Францию, Великобританию и другие европейские страны едут чаще всего ради социальных пособий, то в Россию едут зарабатывать. Российская иммиграция – это тот случай, когда рынок если не все, то многое ставит на свои места. Необходимость заработка заставляет иммигрантов интегрироваться в принимающее их общество, не забывать и совершенствовать свое знание русского языка, устанавливать контакты с коренным населением. Прожить без работы и в изоляции от остального общества иммигранты не могут, в противном случае они будут просто вытеснены из России.

Еще один путь интеграции в российское общество – межэтнические браки, которые, кстати, были не редкостью в советское вре-

мя. Сегодня это может быть использовано как способ легализоваться – получить необходимые документы, дающие иммигранту право жить и работать в России.

Стоит отметить, что сегрегации препятствует и то, что, попадая в крупный город, иммигранты быстро принимают существующие в нем установки общественного сознания. При всей важности этнической связи категории социального престижа играют для иммигрантов куда большую роль. Например, при выборе квартиры мигранты исходят не из желания быть рядом с сородичами, а из желания жить в более престижном месте. Исследования показывают, что у тех иммигрантов, кому удастся хорошо зарабатывать, как правило, ослабевают связи с их этнической группой.

В то же время не следует думать, что процесс интеграции иммигрантов в российское общество проходит безболезненно. Этот процесс сопровождается появлением целого ряда проблем. Среди них:

- ксенофобские настроения среди значительной части коренного населения России, опасющегося за свое доминирующее положение в обществе и экономические позиции на российском рынке;
- деятельность неофашистских организаций (например, скинхедов), провоцирующих межнациональные конфликты, в том числе с иммигрантами;
- отсутствие ясно выраженной иммиграционной политики государства;
- не всегда корректное поведение самих иммигрантов в бытовой сфере, и т. д.

По нашему мнению, особое внимание сегодня следует уделить вопросу изучения *социокультурных потребностей и целей* российских иммигрантов. Действительно, и с научной, и с практической точек зрения необходимо более ясно представлять, в чем нуждаются и чего хотят люди, приезжающие в Россию на постоянное место жительства. Понимание этого может в значительной степени способствовать процессу интеграции иммигрантов, а также выработке правильной государственной иммиграционной политики.

Пока же общины иммигрантов находятся на разных этапах интеграции в российское общество. Само по себе существование этих этнических общин является «лакмусовой бумажкой» интеграционного процесса. Результативность последнего можно определить, выделив два его полюса – от практически этнической изоляции (китайская диаспора) до практически полной ассимиляции (украинцы).

С. С. Беляков*

Историческая миссия хорватского народа в представлениях хорватских националистов межвоенного периода

Мессианство не только является характерной чертой многих националистических идеологий, но и нередко становится составной частью национального самосознания. Представление о выдающейся роли собственного народа в мировой истории способствует развитию национального самосознания, укрепляет веру в превосходство собственной нации, а следовательно, играет важную роль в формировании особой – националистической – картины мира.

Центральная идея хорватского мессианства заключалась в том, что Хорватия является бастионом европейской цивилизации, охраняющим ее от «Востока». Действительно, на протяжении XVI–XVIII вв. хорватский народ противостоял османскому натиску. Слава героев – защитников хорватских крепостей Сигет (1566) и Сисак (1591–1593) прогремела на всю католическую Европу. Во всех войнах империи Габсбургов с турками хорваты верно служили делу защиты христианской Европы. Хорватско-сербское население Военной границы, особого военно-административного образования в рамках империи Габсбургов, на протяжении трех веков охраняло рубежи империи от турецких вторжений. Подвиги героя Сигета, Николы Зринского, и других хорватских воинов стали частью национальной мифологии. Уже в XIX в. на основе легенд о героях войн с турками стали создаваться литературные произведения¹.

С 1918 г. хорватские земли оказались в составе югославского государства. Ведущее место в военной и политической элите нового

* *Сергей Станиславович Беляков* – канд. истор. наук, ст. преподаватель кафедры регионоведения Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ *Фрейдзон В. И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу: Подъем освободительного движения в 1859–1873 гг. История, идеология, политические партии. М., 1970. С. 53–67.

государства заняли сербы, что не могло не вызвать недовольства хорватских националистов. В новых условиях старые мифы были перетолкованы на новый лад. Место турок заняли сербы.

Особое место в развитии идеи хорватского мессианства занимают идеи хорватского историка Милана Шуффлая. В 1920-х гг. Шуффлай публиковал в загребских газетах (главным образом, в правашском «Хрватском праве») небольшие эссе, посвященные проблемам хорватской истории, хорватской идентичности, взаимоотношениям хорватов с их соседями и т. д. В 1928 г. эти эссе были собраны в книгу, изданную в Загребе небольшим тиражом². Именно Шуффлай сформулировал идею служения Западу и противостояния сербскому «византийскому Востоку» как важнейшую составляющую хорватского национализма: «Хорватский национализм есть нечто совершенно отличное от национализма какого-либо не пограничного народа... До тех пор пока существует древняя пропасть между Востоком и Западом... между Азией и Европой... хорватский национализм будет... крепостной стеной западной цивилизации... хорватский национализм означает не только любовь к родной земле, к хорватским домам, стоящим на ней, он означает не локальный патриотизм, но верную службу всему белому Западу»³. Служение Западу в качестве щита не только и не столько от натиска турок-мусульман, сколько от проникновения православия, по мнению Шуффлая, было миссией хорватов еще в Средние века⁴.

Значение книги Шуффлая оказалось колоссальным. По существу, он дополнил идеологию хорватского этнического национализма, созданную во второй половине XIX в. идеологами хорватской Партии права А. Старчевичем и Э. Кватерником. Касаясь положения хорватов в югославском государстве, хорватский историк подчеркивал, что «западным хорватам-католикам нечего делать на православных Балканах. Это сейчас вотчина сербов». В югославском государстве хорватскому народу грозит «балканизация», которая для него «хуже смерти»⁵.

В глазах идеологов усталости, хорватского радикального националистического движения, основанного в 1929 г. хорватскими

² *Sufflay M.* Hrvatska u svijetlu svjetske historije i politike. Dvanaest eseja. Zagreb, 1928.

³ *Ibid.* S. 40–41.

⁴ См.: *Sufflay M.* Op. cit. S. 33–36, 52–55.

⁵ *Ibid.* S. 28, 29.

политэмигрантами, Хорватия предстала в роли защитника Европы от «варварства», бастиона против «византизма», ассоциировавшегося, главным образом, с сербами. Дрина, река, отделяющая Боснию от Сербии, для усташей обозначала границу Запада и Востока. Идеологи усташства не уставали подчеркивать принадлежность Хорватии к европейской цивилизации, к европейскому культурному миру. Лидер усташей, Анте Павелич, в «Хорватском вопросе» писал: «Уже более тысячи лет назад хорватский народ выбрал западную культуру и цивилизацию. Столетиями на границе Запада и Востока он приносит великие жертвы, успешно обороняя эту культуру от византийских и турецких вторжений не только ради собственных интересов, но и ради интересов всей Европы»⁶.

Хорватская националистическая пропаганда на рубеже 1920-х – 1930-х гг. проповедовала идею принадлежности Хорватии к Европе и доказывала заслуги хорватского народа перед европейской цивилизацией, обращаясь при этом как к мировой общественности (попытка интернационализировать хорватский вопрос), так и собственно к хорватам. В 1929 г. в статье, опубликованной в одном из хорватских эмигрантских изданий, выходившем в Нью-Йорке, говорилось: «С 925 г., со времени коронации первого хорватского короля Томислава, [Хорватия] была образцово устроенным европейским государством <...> В долгой борьбе против турок, которые подошли к самому сердцу Европы, хорваты получили заслуженное название «*Antemurale christianitas*»... Хорватская хозяйственная и культурная жизнь развивалась параллельно с соседними народами западной цивилизации... Своим созидательным трудом и организаторским духом хорватский народ поставил себя в ряд народов западноевропейской цивилизации, к которой он принадлежит и по своему географическому положению»⁷. В листовке, распространявшейся в Лике в 1937 г., проникновение «византийства» и «балканщины» в хорватские земли связывалось с созданием югославского государства. Там же говорилось о «цинизме и византизме кровавого Белграда»⁸. В другой листовке этого же времени, рас-

⁶ *Pavelić A.* Hrvatsko pitanje // *Doktor Pavelić i rjesio Hrvatsko pitanje*. Zagreb, 1942. S. 15–16.

⁷ *Uzpostava hrvatske države, trajni mir na Balkanu* // *Ustasa: Dokumenti o ustaskom pokretu* / Priredio P. Pozar. S. 27, 28.

⁸ *Arhiv Vojno-историјског института (АВИИ). Фонд бивше Југославске војске*. Кут. 95. Фасц. 10. Бр. 45. Л. 4–5.

пространявшейся в Загребе, но посвященной убийству югославской жандармерией восьми хорватских националистов в городке Сень (в той же Лике), говорилось: «...убили их по-византийски подло... и по-балкански кроваво». Сербская власть объявлялась в листовке «оккупационной», а сопротивление с ней хорватских националистов означало «борьбу культуры и варварства, морали и преступности, Европы и Балкан»⁹.

Известный хорватский писатель Миле Будак, касаясь исторической миссии хорватского народа, также писал не столько о турках, сколько о сербах и о «византизме». По его словам, о хорватский «пограничный столб» разбился натиск восточной церкви, что сыграло судьбоносную роль в истории Европы, поскольку было остановлено проникновение Византии в Европу¹⁰. Дрину Будак называл «фатальной рекой», границей между Востоком и Западом, Европой и Азией¹¹.

Таким образом, в межвоенный период мессианская идея заняла видное место в идейном корпусе хорватского национализма. В соответствии с нею хорватский народ являлся бастионом Европы, ее щитом от «восточного варварства», представленного сербами и югославским государством.

⁹ АВИИ. Фонд бивше Југославске војске. Кут. 95. Фасц. 10. Бр. 22. Л. 2.

¹⁰ *Budak M.* Hrvatski narod u borbi za samostalnu i nezavisnu hrvatsku državu. 1933. S. 183–184.

¹¹ *Ibid.* S. 30, 185.

Роль имперского прошлого в формировании британской идентичности

Национальная идентичность представляет собой сложное и многомерное явление. И на сегодняшний день не существует единых критериев ее определения. Тем не менее, в общих чертах национальную идентичность можно охарактеризовать как чувство принадлежности к определенной нации, как ощущение ее уникальности, сознание того, что она отлична от других наций. Дискутабельность феномена национальной идентичности характерна для многих постиндустриальных обществ. Сегодня многие страны переживают внутренний кризис – кризис национальной идентичности. Не является исключением и Великобритания. В настоящий момент проблема идентичности доминирует в контексте политики мультикультурализма и мультилингвизма британских властей.

В Великобритании, имперское прошлое которой все еще во многом определяет формирование общественного сознания, крах империи чрезвычайно обострил социокультурные и политические противоречия. Обеспокоенные будущим своих стран, националисты ищут способ благополучно выйти из этого кризиса. Они стремятся детерминировать национальную идентичность своих сограждан, найти ее истоки, зафиксировать структуру, проследить формирование, способствовать ее стереотипизации в обществе и осуществлять мониторинг ее дальнейшего развития. Таким образом, перефразируя известное высказывание Э.Геллнера, можно отметить, что современный национализм через поиск и определение национальной идентичности реанимирует нации.

Само слово «Британия», возможно, происходит от кельтского «brith» – «пестрый, разный», что во многом предопределило судьбу

* *Лада Сергеевна Слободяник* – помощник ректора Гуманитарного университета по международным связям (г. Екатеринбург).

этой страны, ставшей колыбелью не одной нации, а целых четырех¹. Когда-то Англия, Шотландия, Уэльс и Ирландия были независимыми друг от друга государствами или полугосударственными образованиями. И, соответственно, жители каждой из этих территорий обладали своей особой идентичностью. Но природная предприимчивость англичан и специфика географического положения Англии предопределили как ее судьбу, так и судьбу трех других стран. Все они постепенно были интегрированы в состав Соединенного Королевства (вследствие заключения соответствующих уний: с Уэльсом – в 1536 г., с Шотландией – в 1707-м, с Ирландией – в 1801-м), внесли свою лепту в создание этого многонационального государства, дали толчок к появлению новой идентичности – британской, необходимой для усиления жизнеспособности нового государства. Процесс подобной интеграции можно назвать «внутренней колонизацией», которая оказалась важнейшим шагом на пути формирования как британской идентичности, так и Британской империи. Таким образом, можно сказать, что процесс формирования британской идентичности шел параллельно складыванию Британской империи.

Один из важных факторов, который стабилизировал формирование британской идентичности, состоял в наличии общего – для всех британцев – врага. Таким врагом, начиная с конца XVII в., вновь (после Столетней войны 1337–1453 гг.) оказалась Франция и возглавляемая ею коалиция. На протяжении периода с 1689-го по 1815 г. Англия и Франция находились в состоянии постоянной войны, что было проявлением не только противоборства протестантов и католиков, но и многолетней борьбы Англии и Франции за влияние в колониях. Именно эта борьба с Францией сыграла решающую роль как в интенсификации процесса «внутренней колонизации», в «выковывании» британской нации, которая, по словам Линды Колли, была «изобретенной нацией, наложенной сверху на более старые расстановки сил и лояльности»², так и в амплификации «внешней экспансии». После Семилетней войны 1756–1763 гг. французы были изгнаны британцами из большей части французских колоний: из Канады, Индии, Западной Африки и Вест-Индии. Уже ранее Бри-

¹ *Липкин М. А.* Двадцатый век по Гринвичу: британцы в поисках постимперской идентичности // <http://www.nationalism.ru/lipkin/2003/05.html> [Accessed Oct. 14, 2005]

² *Colley L.* Britons. Forging the Nation, 1707–1837. L., 1992. P. 5.

тания была богатой и быстрорастущей страной. Теперь она обрела статус мировой державы! И хотя война американских колоний за независимость 1775–1783 гг. нанесла ощутимый удар по имперскому престижу Британии и по британской идентичности, все же она оказала на жителей Британии все тот же спланированный эффект. После этой войны «внутренняя империя» окончательно окрепла – усилились связи, созданные внутренним колониализмом, произошла концептуализация идеи единства, выразившейся в осознании коллективной идентичности. Таким образом, можно сказать, что процесс образования Британской империи привел к появлению центростремительной тенденции, толкая регионы Шотландии, Уэльса и Ирландии на сближение с центром. Это характерно практически для всех многонациональных государств³. «Внешняя» империя стала тем «цементом», который скрепил и усилил страну. Имперская окраска британской идентичности оказалась настолько яркой и привлекательной, что, стремясь полноценно разделить ее, многие представители кельтских районов страны, казалось, забыли о своей национальной принадлежности.

Эта тенденция продолжала нарастать и в последующий период – в правление королевы Виктории (1837–1901), именуемое британским «золотым веком». Именно на это время приходится расцвет Британской империи. Для «второй» Британской империи была характерна большая диверсификация в территориальном и этническом плане, чем для «первой», которая существовала до утраты американских колоний. В результате торговой экспансии и завоеваний Британия завладела значительными территориями. Британская империя была самой огромной в мире, она занимала четверть всей земной поверхности и включала четверть населения земли. Недаром говорили, что над Британской империей никогда не заходит солнце. Британия была величайшей мировой державой, и это не могло не сказаться на характере идентичности британцев, которая все больше сдвигалась в сторону национализма. Именно тогда британцы приобрели непоколебимую уверенность в собственном превосходстве над другими народами, свойственную им и сейчас.

³ Schwarz, B. Britain, America and Europe // British Cultural Studies: Geography, Nationality and Identity. Ed. by D. Morley, K. Robins. N.Y.: Oxford University Press, 2005. P. 162.

Рост империи сказался и на внешней политике Британии, превратившись в известный курс на самоизоляцию. Британская торговля и британская культура стремились не к европейским, а к более далеким горизонтам. Это не могло в свою очередь не сказаться на сигнификативной функции понятия Britishness. Расширение империи сопровождалось не только ростом гордости, самонадеянности и национализма, но и проблемами этического порядка. Новая империя включала в себя множество народов и рас. Необходимо было определить свою роль по отношению к ним. С одной стороны, британцы видели в колониях источник обогащения, а, с другой, это не соответствовало их приверженности принципам христианства. Тогда началась пропаганда так называемой идеи цивилизаторской миссии⁴. Оказалось, что Британской империи отводится весьма важная роль в развитии мировой цивилизации – так сказать, миссия облагораживания, окультуривания своих колоний. Поэтому Британия даже гордилась тем, что состоит из различных рас. Это ведь не предполагало расового равенства. Британцы верили, что призваны повелевать «низшими племенами»⁵. При этом британские политики всех партий быстро увидели в империи средство сплочения народов, входящих в состав Британии. Империя давала чувство глобальной миссии, позволяла сглаживать классовые и национальные противоречия в метрополии, давала чувство уверенности в будущем. Вместе с островным положением Британии, империя подчеркивала особое положение «островной нации» как сообщества людей с такими глобальными связями, каких не было ни у одного другого государства⁶.

Таким образом, к концу XIX в. британская идентичность являлась самым общим знаменателем всех других идентичностей и была открыта всякому, кто разделял приверженность британской короне. Казалось, империя полностью «поглотила» жителей Британских островов. Конечно, небольшой слой интеллигенции как

⁴ Kumar, K. The Making of English National Identity // http://www.newglobalhistory.org/docs/Kumar_EnglishNationalIdentity.pdf [Accessed Sept. 18, 2004]

⁵ Макарова Е. А. Национальная мысль и национальное сознание в Англии // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. М., 2005. С. 120.

⁶ Липкин М. А. Англия или Британия? Дискуссия о национальной идентичности // Россия и Британия. Вып. 3. В мире английской истории. М.: Наука, 2002. С. 132–137.

Англии, так и других составных частей Британии пытался возродить интерес к подлинно национальным культурам, однако Первая и Вторая мировые войны помешали этому процессу. Но после наступления мира вновь обнажились внутренние и внешние противоречия имперского компонента британской идентичности. Британская империя терпела крах, а с нею и британская идентичность теряла свою прежнюю силу. Утрата ведущих позиций в мире и перспектива разрушения традиционных политических институтов государства порождали в душах британцев сомнения относительно будущего страны. В этот же период произошел всплеск националистических движений на «Кельтской окраине» и увеличился приток иммигрантов, чуждых англичанам как в человеческом, так и в культурно-религиозном плане. Встал вопрос: что же делать дальше? И хотя процесс деколонизации уже невозможно было повернуть вспять, его еще можно было замаскировать. И тогда утрата видимости величия Британии была в значительной степени компенсирована созданием Британского Содружества и переориентацией на политику мультикультурализма. Эти меры и по сей день поддерживают иллюзорную идею «имперского» превосходства британцев над другими нациями – превосходства мягкого, снисходительного, лишённого расистских коннотаций, но все же – превосходства.

Таким образом, можно сказать, что для эволюции Британской империи, Содружества и британской идентичности была и продолжает быть характерной однонаправленность векторов развития. Формирование коллективной идентичности определяло развитие империи, и, наоборот, процесс строительства империи интенсифицировал центростремительные тенденции внутри Британии, способствуя тем самым укреплению позиций британской идентичности.

А. Х. Тикуев*

Образ императорского Китая в царской России

Процесс формирования образа Китая в России в XVII – первой половине XIX в. неразрывно связан с процессом накопления знаний о Китае в России в этот период; он испытал на себе влияние таких факторов, как определенная историческая обстановка, характер межгосударственных отношений, тенденции развития общества, его интересы и устремления, восприятие новых знаний различными кругами общества. В результате, в силу неоднородности и многоплановости процесса, в России складывался многоликий, многоплановый, неоднозначный и даже противоречивый образ Китая.

В истории формирования образа Китая в России в XVII – первой половине XIX в. прослеживается следующая периодизация:

- первый этап формирования образа относится к периоду XVII – первой четверти XVIII в. Его можно назвать периодом первоначального (донаучного) накопления знаний о Китае в России;
- второй этап охватывает большую часть XVIII – начало XIX в. В это время происходит формирование искаженных представлений о китайской действительности на основе первоначальных сведений и в результате западноевропейского влияния;
- третий этап относится к первой половине XIX в. Это период перехода от искаженных представлений к более реальным на основе систематизированных, научных сведений.

Первоначальное накопление знаний о Китае в России (первый этап) происходило в ходе установления межгосударственных контактов, представлявших собой своеобразный диалог двух различных культур в условиях языкового барьера и противоположных воззрений обеих сторон на мироустройство и на то, как должны строиться двусторонние контакты между государствами.

* **Аслан Хамзатович Тикуев** – аспирант Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск).

Стремление Русского государства к установлению торговых отношений с Китаем влияло на характер первоначальных сведений, добываемых русскими посольствами. Перед служилыми и торговыми людьми ставились прагматичные задачи: разведать пути, узнать, чем богата и насколько богата страна, узнать, какими товарами выгоднее торговать с ней. И потому представляемые сведения являли собой информацию о быте, об уровне материального богатства. На основе получаемой информации о материальном богатстве, территории и населении, о необычных для русского человека быте, традициях, непонятной системе церемониала, в России в XVII – первой четверти XVIII в. складывался образ Китая как непонятного, загадочного государства.

В XVIII в. (второй этап) эти представления подкрепились знакомством с китайским искусством и предметами роскоши в результате развития торговых связей с Китаем, а также пришедших из Западной Европы веяний под названием «шинуазери», представлявших собой стилизацию под аутентичное китайское искусство. Сформировавшиеся в результате представления о Китае были далеки от реальной китайской действительности.

Во второй половине XVIII столетия, вследствие влияния французских просветительских идей, привнесенных посредством распространения французской литературы, представления о Китае в России стали постепенно складываться в некий образ богатого государства с разумно устроенной жизнью и счастливым населением. Этот образ основывался на искаженных представлениях о китайской действительности, пропагандировавшихся миссионерами-иезуитами; в России, как и в западноевропейских странах, он использовался в идеологической борьбе против самодержавия и угнетения народа.

Но, несмотря на преобладание искаженных представлений о китайской действительности, в это время уже начинается подлинно научное изучение Китая, связанное с деятельностью Российской Духовной миссии в Пекине.

В первой половине XIX в. (третий этап) в России складывается собственная китаеведческая наука, основанная на деятельности Российской Духовной миссии в Пекине. Труды деятелей миссии послужили надежной опорой для рассеивания искаженных представлений о китайской действительности и перехода к новым знаниям, соответствовавшим реальности.

Новые знания по-разному были восприняты различными кругами российского общества. Одни мыслители оценивали Китай с точки зрения его экономической, промышленной, военной отсталости; другие сосредоточивали внимание на высоком уровне развития культуры, искусства, философии Китая. Этим частично объясняется сосуществование в то время в российском обществе двух противоположных представлений о китайской действительности – как о высокоразвитом государстве и как об оплоте отсталости и консерватизма.

Формирование образа Китая в России в XVII – первой половине XIX в. представляет собой долгий путь от первых впечатлений о Китае (на основе отрывочных, поверхностных сведений) через искажение этих представлений (под влиянием западноевропейского течения «шинуазери» и чуть позже идей Просвещения, руководствовавшегося неприятием самодержавно-монархического режима и использовавшего образ «идеального» Китая в идеологической борьбе) к формированию представлений, соответствовавших действительности (на основе трудов деятелей Российской Духовной миссии).

Рост благосостояния населения Китая как фактор трансформации традиционного образа жизни

Китай в последние 30 лет демонстрирует всему миру уникальные темпы роста и качественные преобразования национальной экономики. Весь мир говорит о «китайском чуде» как уникальном примере экономического развития и модернизации государства. Одной из задач модернизации Китая стало повышение уровня жизни до критериев развитых стран. Последовательно, вслед за улучшением макроэкономических показателей страны, стал расти и уровень жизни населения. Произошла модернизация как бытового окружения китайцев, так и общественного социально-культурного пространства.

Экономические реформы в Китае привели к росту потребительского спроса населения. Уровень потребления повысился с 184 юаней в 1978 г. до 3650 юаней в 2001-м¹. Рост благосостояния населения Китая привел к увеличению потребительского спроса населения. Антрополог из Калифорнийского университета Яньсань Янь указывает, что «с начала 1990-х гг. потребление стало в китайском обществе новой культурной идеологией, незаметно подменяя и марксистскую идеологию, и традиционные китайские ценности»². Один из западных теоретиков-глобалистов П. Бергер считает, напротив, что «большая часть массовой культуры носит поверхностный характер... не оказывает серьезного влияния на взгляды, систему ценностей и поведение населения»³.

* **Надежда Александровна Сафронова** – ассистент кафедры международных отношений и регионоведения, аспирантка Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск).

¹ Социальные последствия рыночных преобразований в КНР. 1978–2002 гг. М., 2004. С. 211.

² Многоликая глобализация / Под ред. П. Л. Бергера, С. П. Хантингтона. Пер. с англ. М., 2004. С. 36.

³ Там же. С. 14.

Взаимосвязь изменения уровня жизни и процессов трансформации и модернизации в обществе сегодня очень актуальна. Однако целью данной работы является рассмотрение роста благосостояния как одного из возможных факторов изменения традиционного образа жизни китайцев через динамику отдельных аспектов благосостояния.

По рекомендациям ООН, благосостояние представляет собой систему нескольких элементов, как то: здоровье, в т. ч. демографические условия, пища, одежда, фонды потребления и накопления; условия труда, занятость, организация труда; образование, в т. ч. грамотность; жилище; социальное обеспечение; человеческие свободы⁴.

Увеличение благосостояния населения провозглашено одной из целей китайских реформ⁵. Тезис «от каждого по способностям, каждому по труду» практически стал реализовываться на китайских предприятиях. В документах и обращениях правительственных органов прямо указывается на необходимость повышения благосостояния населения, основой дохода признается заработная плата. «Мы (Министерство труда и кадров. – Авт.) считаем, что призыв к рабочим и служащим более упорно трудиться и прилагать усилия для... увеличения доходов, умножать материальные блага общества, зарабатывать деньги... может получить одобрение со стороны большинства рабочих и служащих»⁶.

Основой благосостояния являются доходы населения. За двадцатилетний период произошел рост уровня доходов как в среднем по стране – 15,33 юаня в месяц (1978 г.) и 260,74 юаня в 1999 г., так и в городе – 33,75 юаня (1978 г.) и 562,5 юаня в 1999 г., а также в деревне – 11,5 юаня (1978 г.) и 159,8 юаней в 1999 г. В 2002 г. эти

⁴ Всеобщая декларация о ликвидации голода и недоедания, принятая 16 ноября 1974 года Всемирной продовольственной конференцией / ООН. – Электронный ресурс. [Режим доступа] – <http://www.un.org/russian/document/declarat/social.htm>

⁵ Речь Цзянь Цзяминя на торжественном собрании по случаю 80-й годовщины со дня создания КПК // Жэньминь Жибао. 02.07.2001. Электронный ресурс. [Режим доступа] – http://russian.people.com.cn/200107/02/rus20010702_47733.html

⁶ Доклад Министерства труда и кадров об урегулировании заработной платы на предприятиях и реформе системы заработной платы в 1983 г. // Экономическая реформа в КНР. Преобразования в городе. 1979–1984 гг.: Документы. М., 1994. С. 272.

показатели увеличились до 206 юаней на селе и 641 юаня в городе ежемесячно⁷. Из приведенных данных видно, что доходы горожан растут быстрее, чем сельских жителей.

По данным ГСУ КНР, большая часть расходов семьи в начале 2000-х гг. идет на образование детей – 33,5 % и на питание – 27,4 %; большие доли составляют расходы на жилье – 15,2 %, медицинское обслуживание – 11,1 %; относительно невелики траты на покупку автомобиля – 1,6 %, самообразование – 1,5 %, покупку компьютера – 4,5 %⁸. Появление отдельной статьи «компьютер» в расходах китайских семей и отражение этого в статистике свидетельствует о высоком спросе на этот технический предмет.

Одним из аспектов благосостояния стало увеличение потребления предметов длительного пользования в китайских семьях. В 1978 г. один телевизор приходился примерно на 333 чел., в том числе в городах – на 78 чел. Количество радиоприемников составляло 7,8 шт. на 100 жителей Китая. Уже в 1981 г. можно отметить рост этих показателей. Количество телевизоров возросло до 1 телевизионного прибора на 62,5 чел., а в городах один телевизор приходился на 17,9 чел. Соответственно увеличилось и количество радиоприемников: до 14,9 на 100 чел.⁹. Таким образом, только за три года рост количества телевизоров и радиоприемников, находящихся у населения, составил, соответственно, 533,3 % и 430,8 %.

К 2002 г. в. КНР насчитывалось 120 млн салонов мобильной связи, т. е. по одному на каждые 10 человек. А обеспеченность населения крупных городов компьютерами достигла примерно 70 %¹⁰. Соответственно, с увеличением числа компьютеров росло и число пользователей Интернета. Уже в 1997 г. количество пользователей Интернета в Китае составляло 1,17 млн чел.¹¹, а к концу 2006-го. – 132 млн. чел.¹² Такой рост свидетельствует о проникновении большого количества иностранной информации в повседневную жизнь китайцев.

⁷ Китай. Цифры и факты. 2002. Пекин. С. 167.

⁸ Чжунго тунцзи чжайяо-2002. (Китайский статистический ежегодник) / ГСУ КНР. Пекин, 2002. С. 34.

⁹ Экономика КНР: Статистические данные. 1949–1981 гг. М., 1984. С. 148–149.

¹⁰ Социальные последствия рыночных преобразований в КНР... С. 211.

¹¹ Интернет в Китае // Мир Интернет. № 3. 30.03.1999.

¹² По данным Всекитайского рабочего совещания по вопросам информатики. 28.12.2006.

Увеличение накоплений денежных средств у населения привело к активизации туристических поездок. В 2004 г. китайцы совершили по своей стране 1,1 млрд турпоездов (примерно по 1 поездке на каждого жителя КНР старше 7 лет). Официальные турпоездки за пределы Поднебесной стали организовываться лишь в 1997 г. Если в 2002 г. за границей побывали 16,6 млн граждан КНР (включая служебные командировки и поездки по коммерческим делам), то в 2005-го – почти 29 млн человек, из них около 13 млн – в частном порядке¹³.

Таким образом, увеличение благосостояния китайского населения в совокупности с другими факторами (ростом предложения потребительских товаров, увеличением и разветвлением транспортной сети и т. д.) обеспечило:

- увеличение пространственной мобильности населения как внутри населенного пункта и страны (за счет увеличения личных автомобилей), так и за пределами китайского государства через развитие международного туризма;
- рост восприятия мировой информации через средства современной связи – телевизоры, компьютеры и Интернет;
- рост потребления товаров и услуг, предоставляемых иностранными компаниями. Такое стало возможным во многом из-за увеличения реальной покупательной способности населения, так как иностранные товары в среднем стоят в Китае в 2–3 раза дороже китайских аналогов¹⁴.
- приход всемирно известных транснациональных корпораций (Макдоналдс, Кока-Кола и т.д.) на китайский потребительский рынок.

Все перечисленные факторы можно назвать косвенными причинами изменения традиционного китайского общества, но их роль в трансформации традиционного образа жизни несомненна.

¹³ Эдуардов С. Китайцы прорубают ворота в мир // Утро. Информационный портал. Электронный ресурс. [Режим доступа] – <http://www.utro.ru/articles/2005/11/30/499813.shtml>

¹⁴ Экономика Китая вступает в XXI век. М., 2004. С. 56.

«Самодержавие народа»: тезисы contra

Тотальное господство демократического дискурса приучило нас к мысли, что единственным источником власти может быть народ, что только апелляция к его воле способна решить ключевые политические проблемы. С 200-летним промежутком, но с одинаковой формулы начинаются конституции США и России: «We the People of the United States...» и «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...». Чем больше народ становился самодержавным властителем, чем больше формальность процедур его политического участия противоречила глубине и пафосу политико-философских заявлений, тем очевиднее становилась тупиковость апологетики этого тренда. Итогом в начале XXI века мы имеем общественно-политическую конструкцию, лишенную главного действующего лица, суверенитет без явного суверена, глобальное блуждание в поисках наиболее справедливого устройства совместной жизни.

В 2006 г. заместитель главы Администрации президента РФ Владислав Сурков вбросил в публичное пространство концепт «суверенной демократии», утверждая в одной из своих статей его синонимичность с «самодержавием народа» (6). Красивая, на первый взгляд, формулировка таит в себе насыщенную критикой и неприятием философскую предысторию. Можно проследить в классике политической мысли, от Античности до Новейшего времени, что народ почти всегда воспринимался негативно, если претендовал на статус субъекта политического действия.

Утверждение народа как единственно возможного суверена восходит к «Евангелию Жан Жака» – трактату «Об Общественном договоре», в котором Руссо непринужденно и изящно доказывал, что только выражение коллективом общей воли есть проявление суверенности; суверенно все то, что утверждено общей волею. Данная позиция была лишена каких-либо духовных и трансцендентных оснований, как и большинство концепций эпохи Просве-

щения, что неоднократно вызывало справедливую критику и неприятие.

О верховенстве и суверенности народа как политическом факте, наверное, впервые официально было заявлено в Конституции Франции 24 июня 1793 г.: «7. Суверенный народ есть совокупность всех французских граждан. 8. Народ непосредственно избирает представителей. 9. Он поручает выборщикам избрание органов управления, общественных третейских посредников, судей, уголовных и гражданских. 10. Народ обсуждает и постановляет законы» (8). Руссоистский подход восторжествовал, но ненадолго. И здесь очень показательна концепция Жозефа де Местра, который утверждал, что «одно из самых великих преступлений, которое могло бы свершиться, это, несомненно, посягательство на суверенитет», и это преступление обретает черты национального, ибо творилось от имени Нации (4; 23–24). Философом отрицается сам факт символической передачи суверенитета посредством казни от короля народу. Более того, де Местр вообще постулирует невозможность осуществления народом суверенитета: сувереном при республиканской форме правления остается горстка людей, размещающихся в столице, а «народ остается совершенно отстраненным от правления», «он является более зависимым, чем при монархии» (4; 63).

В России на рубеже XVIII–XIX вв. утвердился один из переводов французского «souveraineté» как «самовластие, самодержавие» (3). Спустя столетие понятие «самодержавие народа» с одинаковой неприязнью критиковалось представителями различных политических лагерей. Так, Николай Бердяев в работе «Духовные основы русской революции» категорично утверждает, что «народная воля, как всякая эмпирическая человеческая воля, не может быть обоготворена», и «самодержавие народа должно быть ограничено высшими принципами, верховными ценностями». В противном случае отдельная личность нравственно имеет полное право не подчиняться народной воле, ибо исходит из принципов более высокого порядка (1). В «Философии неравенства» Н. Бердяев, размышляя над историей демократии, констатирует: «В народном суверенитете погибает народ, он тонет в механическом количестве и не находит выражения для своего органического духа, целостного и неделимого. Он находит себе выражение лишь иррационально. В народном суверенитете погибает и человек. Ибо самодержавие народа не ограничивает себя неотъемлемыми правами человека и не гарантирует неприкосновенность этих прав. Самодержавной

* *Дмитрий Евгеньевич Москвин* – ассистент кафедры теории и истории политической науки УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

демократии должны быть противопоставлены и дух народа, и права человека, ибо уготовляет она самую страшную из тираний» (2).

Бывший народоволец, ставший монархистом, Лев Тихомиров в своем письме государю императору Александру III отмечал: «Нетрудно было видеть, что Самодержавие народа, о котором я когда-то мечтал, есть в действительности совершенная ложь и может служить лишь средством для тех, кто более искушен в одурачивании толпы». Корни этого явления Тихомиров видит во все той же Французской революции, «пресловутые идеи» которой он призывает подвергнуть строгому пересмотру (7).

Не обошел своим вниманием исследуемое понятие и Василий Жуковский: «Всеобщее отвержение всякой власти называется теперь свободой, движением вперед, торжеством человечества, освобождением разума». Жуковский сравнивает сторонников таких взглядов с толпой зверей, вырвавшихся на волю, и задает риторический вопрос: «И что бы произвела эта свобода, это движение вперед, это ниспровержение всякой власти, это неограниченное самодержавие народа?» По словам Жуковского, самодержавие растет и созревает, вместе с ростом России, очищается и все ближе «подходит к своему божественному смыслу». Оно приведет народ «вернее всех бумажных конституций <...> без всех потрясений, медлительным путем <...> к той цели, к которой все земные народы стремятся, — к свободе» (5).

Сегодня ситуация может характеризоваться как еще более удручающая: «триумф» экономизма заменил гражданина потребителем. Накопительство и обмен вещей, ориентация на личный успех и приобретение символического капитала (публичного статуса, элитных товаров и пр.) делают человека заложником чужой воли, объектом бесконечного манипулирования. Это, в свою очередь, не позволяет народу быть субъектом, творцом собственной истории, т. е. подлинным сувереном. «Молчаливое большинство» все более внутренне атомизируется, все более приближается к апокалипсической картине импловивной, сосредоточенной перед экраном телевизора/компьютерным монитором массе.

Народ — это великий никто; в эпоху существования общества как матрицы общежития, где важны выполняемые индивидами и группами социальные роли, совокупность людей может быть «гражданами», «населением», «электоратом», «зрителями» и пр., т. е. выполнять конкретную функцию; в данной ситуации «народ» — это лишнее всякого смысла обобщение, «пустышка», правда очень удобная для политического манипулирования.

Самодержавие народа — это грандиозный миф, который лишает нас подлинной политической жизни. Сегодня только тот, кто не вписывает себя в порядок вещей и обстоятельств, а создает их сам, т. е. превращается в творца собственной истории, есть подлинный суверен.

Может ли народ или масса быть таким сувереном? Может ли им быть электорат? Могут ли им быть честные налогоплательщики, стремящиеся откупиться от государства, но прикупить при этом новую стиральную машину или эксклюзивную марку телефона? Очевидно, что нет. Великая проблема современности — отсутствие суверена в условиях необходимости суверенитета!

Литература

1. Бердяев Н. Духовные основы русской революции // Библиотека Якова Кротова — http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1918_283.html (12.01.2007.)
2. Бердяев Н. Философия неравенства. Письмо восьмое «О демократии» // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи» <http://www.vehi.net/berdyaev/ne-raven/08.html> (12.01.2007.)
3. Вильк Е. А. К интерпретации пушкинской оды «Вольность»: «Самовластительный злодей» и самовластный народ // // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука, 2004. Т. XVI/XVII. С. 102–125. <http://next.feb-web.ru/feb/pushkin/serial/isg/isg-102-.htm> (12.01.2007.)
4. Местр, Жозеф Мари де. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЭН, 1997.
5. Цит. по: Рейфман П. Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. — <http://lepo.it.da.ut.ee/~pavel/russk/005nikt.htm> (12.01.2007.)
6. Сурков В. Ю. Национализация будущего. Параграфы про суверенную демократию // «Эксперт» 2006, № 43 — http://expert.ru/printissues/expert/2006/43/nacionalizaciya_buduschego/ (12.01.2007)
7. Тихомиров Л. А. Биографический указатель на сайте «Хронос» — <http://www.hrono.ru/biograf/tihomirla.html> (12.01.2007.)
8. Французская конституция 1793 г. // Исторические источники на русском языке в Интернете (Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова) — <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1793.htm> (05.01.2007.)

О. С. Борисова*

История. Легитимность и революция

Революция как явление, или объект, в пространстве истории неоднократно изменяет себе, скрывается, меняет «цвета». Неопределенность значения понятия революции для России проявляется Великой французской революцией, с которой начинается отсчет в шкале исчисления истории.

Получив рождение на французской почве, революция получает прописку в поле политики. На этом поле власти принадлежит право силы (насилия), а революционер выступает узурпатором этого права, или же «героем», оспаривающим это право от имени народа. И, по сути, речь идет о принадлежности к легитимности, о возможности называться легитимной властью.

Неоднозначность легитимности, допущение возможности ее перекодировки в нелегитимность соседствует с ее принципиальной анонимностью в пространстве современности. Ведь правом легитимности обладает, скорее, безличный субъект: государство, власть, чиновник, армия и проч. И именно на эту анонимность опирается само определение легитимности как признания некой власти. Причем путь признания власти на данном этапе идет через выборы, то есть общенародное соглашение, своеобразный договор народа с самим собой. Нелегитимность же в этом случае представляет собой нарушение кем-то этого договора, его расторжение в одностороннем порядке или же двустороннем, когда к революционерам применяются те же нелегитимные меры, которые используют они сами.

Сутью договора о признании власти на самом деле является общенародное соглашение о признании права использования насилия и вместе с ним принятие его обоснованности. Своеобразное самоограничение, отказ от личного применения силы в пользу его безличного применения. Этому противостоит нелегитимное насилие как возврат персонифицированной силы, чем, по сути, и является акт террора, сопутствующий революции, который непременно персонален и конкретен.

* *Оксана Сергеевна Борисова* – аспирантка кафедры философии БелГУ (г. Белгород).

Второй стороной легитимности является ее коммуникативный характер, то есть то самое признание обоснованности применения безличной силы. В этом аспекте революция как проявление «бунта одиночек», не признающих «коллективного договора», т.е. оспаривающих легитимность, теряет свою самостоятельность. Террористический акт, как и любой другой акт насилия (в том числе и символического), будучи источником события, в рамках глобальных информационных полей порождает ситуацию «рынка интерпретаций», соперничество значений и оценок, а также возможность манипуляций и фальсификаций.

Соперничество интерпретаций порождает неоднозначное восприятие факта насилия, то есть ревизию изначального договора о правомерности насилия в режиме on-line. Более того, в обсуждение включаются ранее не участвовавшие группы, группы с иными культурными традициями и иными интересами. Создается ситуация ускользающей легитимности, окружающей революцию.

История – это всегда речь власти, институционализированная и узаконенная. Только обладающий правом легитимности имеет право на голос и историю. Террорист, как оппонент законной власти, лишен права голоса и права на историю. Лишь ускользание легитимности и ее изменчивая природа, дающая шанс террористу стать властью (законной), реализует историю терроризма. Но лишь на миг. Такая история, раздираемая внутренним противоречием, не может существовать долго. Легитимизирующая функция истории, ее вечное стремление описать прошлое раз и навсегда сопротивляется изначально присущей терроризму противоположности легитимности, как таковой, космос истории с трудом может вместить хаос терроризма. История антигероев становится историей героев-революционеров. Потенции бунта вытравливаются самой же революцией.

Между тем совершенно очевидно, что «героический» этап в истории революция уже прошел. Характерный для революции персонифицированный «герой-революционер» уступает место революционеру виртуальному.

Означает ли это, что «голоса» авторов революции не слышны за речью власти, которая обладает монопольным правом не только на интерпретацию, но и на саму возможность быть услышанной, говорить и тем самым презентовать себя, быть? Скорее всего, да. Лозунг «кто был никем, тот станет всем» отныне нереален.

Механизм передачи власти в современной России: проблемы и перспективы

В 2008 году в России произойдет смена власти, появится новый президент. В преддверии этого события в СМИ активно обсуждаются персоны возможных преемников действующего президента, а также варианты передачи президентских полномочий. Последнее, на наш взгляд, представляет не только практически-политический, но и научный интерес. Причина кроется в том, что, по общему признанию, в России до сих пор не сформировался четкий и ясный механизм передачи высшей политической власти.

На первый взгляд это может показаться странным: в соответствии с Конституцией предусмотрены демократические выборы главы государства; процедура подготовки и проведения выборов прописана в Федеральном законе «О выборах Президента Российской Федерации». Однако российская политическая реальность такова, что все релевантные юридические нормы выглядят совершенно абстрактными и рамочными и допускают самое широкое их толкование, в то время как механизм передачи президентской власти нигде детально не прописан. В результате высшая власть в России может передаваться как абсолютно демократическим путем (общенародное голосование за кандидатов в президенты, свободно выдвинутых избирательными объединениями, блоками и инициативными группами избирателей)¹, так и с использованием т. н. «административного ресурса» для навязывания обществу нового главы государства.

* *Александр Сергеевич Ваторопин* – д-р социол. наук, доцент, завкафедрой политологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ См.: Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации». Официальное издание. М., 1995. С. 23–24.

Пока не очень значительный политический опыт современной России свидетельствует о том, что в стране появилась тенденция к формированию, по сути, недемократического механизма передачи президентской власти, напоминающего вариант т. н. «президентской монархии», когда действующий президент передает власть назначенному им преемнику.

Правда, при этом следует оговориться, что общество в целом (и элиту, и большинство рядовых избирателей) фактически устраивает этот вариант. Причины этого достаточно очевидны:

- 1) правящему классу, так же как и рядовым гражданам, нужна стабильность и предсказуемость;
- 2) политический менталитет россиян, политическая традиция вполне допускают складывающийся механизм передачи власти;
- 3) существующая политическая и экономическая ситуация в стране не требуют радикальных преобразований политической системы.

Однако в перспективе такой механизм передачи высшей политической власти может дать серьезные сбои. Во-первых, пришедший на смену лидер может оказаться в силу субъективных и объективных причин значительно менее популярным, чем его предшественник, и его рекомендации по поводу очередного преемника не будут иметь достаточного «веса» в обществе. Во-вторых, в будущем не исключено появление сильного и популярного лидера оппозиции, что может поставить под вопрос легитимность «официального» кандидата в президенты. Кроме того, могут появиться и другие факторы, подрывающие основы рассматриваемого механизма передачи власти в России (например, формирование нескольких крупных и влиятельных политических партий, которые будут стремиться выдвинуть своих кандидатов на высший пост в стране).

Таким образом, можно сделать вывод, что складывающийся механизм передачи президентской власти в Российской Федерации, с одной стороны, выглядит ненадежным в долгосрочной перспективе, с другой – недостаточно соответствует демократическим устоям, провозглашенным в Конституции страны. Отсюда – потребность в создании такого долговременного механизма, который, не нарушая демократических принципов, отвечал бы российскому политическому менталитету, российским политическим традициям.

В современной международной политической практике можно выделить два основных варианта *формально* демократической ротации президентской власти, при которых она, соответственно, передается:

1) победителю в реальной конкурентной борьбе, в которой участвуют кандидаты от политических партий, прошедшие первичный отбор через процедуру т. н. *primaries* в рамках этих партий (США, Франция и др.);

2) назначенному преемнику (часто – сыну или другому родственнику); такой вариант получил название «президентская монархия» (Сирия, Азербайджан и др.).²

Последний вариант мы уже обсуждали. Что касается первого, то он возможен только тогда, когда в стране сложилась устойчивая партийная система, есть сильные партии, пользующиеся заметной поддержкой избирателей. В России пока этого нет (хотя следует заметить, что президент и его окружение пытаются организовать партийное строительство, но до сих пор без особого успеха). Поэтому данный вариант в нашей стране выглядит малоэффективным, искусственным.

Анализ политологической и социологической литературы показывает, что есть и другие – теоретические – модели передачи президентской власти в демократическом обществе. М. Вебер предложил, например, концепцию «плебисцитарного лидера»³ [см.: 2, с. 143–147]. Суть ее в том, что население в ходе плебисцита выбирает харизматического лидера, который выявляется в ходе парламентской борьбы различных фракций, представляющих ведущие политические партии страны. Фактически, речь идет о некоем смешанном режиме власти – авторитарно-демократическом. Возможно, что для современной России это наиболее подходящий режим. Однако в реальной политической жизни развитых стран веберовская модель власти воплощения до сих пор не получила. К тому же нет гарантии, что парламентская борьба неизбежно выявит харизматического лидера, который будет пользоваться безусловной поддержкой народа.

Итак, ни один из рассмотренных механизмов передачи высшей власти не выглядит вполне адекватным для современной России.

² Бекиров С. Будущее – за «президентской монархией» // <http://www.newsweek.ru/around/print.shtml?2005/01/24/75>

³ См. об этом: Масловский М. Политическая социология бюрократии. М., 1997. С. 143–147.

Видимо, поиски такого механизма еще долго будут продолжаться. При этом возможны самые различные варианты, и один из них мы тоже хотели бы предложить.

На наш взгляд, искомый механизм должен обеспечивать решение двух основных задач, соответственно гарантируя сохранение:

- демократического выбора высшего должностного лица государства;
- преемственности власти и стабильности общественно-политической жизни.

Решение указанных задач можно осуществить, по нашему мнению, следующим образом:

1. Действующий президент должен иметь *юридическое* право выдвигать в качестве своего преемника устраивающую его кандидатуру.

2. Таким же правом должно пользоваться Федеральное Собрание.

3. Следует сохранить и прописанную в законе «О выборах президента РФ» процедуру выдвижения кандидатов в президенты от избирательных объединений, блоков и т. д.

Скорее всего, приоритет в данном случае будет у кандидатов, выдвинутых президентом и парламентом. Между ними возможна конкуренция, если обе стороны не договорятся о выдвижении единого кандидата. В любом случае у парламента будет *принципиальная* возможность ограничить волонтаристские действия президента при выдвижении кандидатуры его преемника.

Тенденции развития политических партий в современной Великобритании

Партийная система Великобритании во многих отношениях может служить примером развитой системы политического участия. Эта страна опередила другие страны Европы уже в том, что здесь впервые произошла промышленная революция, которая создала предпосылки для дальнейшего индустриального развития страны. Помимо этого, именно в Великобритании начали складываться первые партийные группировки. Великобритания – первая из стран Западной Европы, история партийно-политической системы которой ведет отсчет с XVII в. Благодаря постепенному усилению на политической арене роли политических партий, происходило формирование двухпартийной системы, усиление роли парламента и Палаты общин в частности. Усиление роли партий стало одной из причин изменения формы правления в государстве: абсолютную монархию сменила парламентская монархия. Помимо основных партий – консервативной и лейбористской – на политической арене страны функционируют еще и малые партии, роль которых за последние 30 лет значительно возросла. Они постепенно увеличивают свой электорат, забирая голоса у ведущих партий, и выступают главными критиками их политики. Таким образом, мы можем наблюдать процесс эволюции партийной системы от малочисленных группировок тори и виггов, которые ставили перед собой краткосрочные цели, до формирования довольно широкого спектра политических партий, каждая из которых имеет свою идеологию. Причем идеология крупных партий со временем становится все более неопределенной: невозможно четко разграничить, за что выступают консерваторы, а за что – лейбористы. В то же время лозунги малых партий, краткие и содержательные, привлекают всеобщее внимание.

* *Олеся Анатольевна Куликова* – студентка 5-го курса факультета регионоведов-переводчиков Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Хотелось бы отметить несколько аспектов, которые в настоящее время вызывают особый интерес при изучении партийной системы Великобритании. Во-первых, это положение женщин в партиях. Во-вторых, отношение избирателей к партийным лидерам и к работе партий в целом. Основным источником информации по этим вопросам для нас послужил официальный сайт организации МОРИ (MORI), которая проводит различные социальные исследования, опросы общественного мнения и публикует результаты на своем сайте.

Говоря об участии женщин в работе партий, следует отметить, что здесь лидерами выступают лейбористы. В Вестминстере на данный момент членами парламента являются 97 женщин (27 % от общего числа лейбористов, представленных в парламенте). В шотландском парламенте работают 27 женщин (54 %), а в Уэльсе – 19 (68 %). Что касается консерваторов и либерал-демократов, то здесь число женщин-парламентариев колеблется от 2 до 10, что в процентном соотношении составляет от 12 до 18 %. Исключением являются либерал-демократы в Уэльсе, где мужчины и женщины поделили места поровну. Женщины высказывают очень противоречивые мнения о работе партий, в особенности у лейбористов. Дело в том, что для улучшения демографической ситуации в стране лейбористы основной акцент в социальной политике делают на материнстве и детстве. Это, в свою очередь, вызывает недовольство у одиноких женщин, которые заняты карьерой и не хотят рожать детей. Оказывается, таких в Великобритании немало. Эти женщины возмущены тем, что деньги от налогов, которые они платят, идут на реализацию «бесполезных» для них программ. Они недовольны политикой лейбористов, обвиняя их в том, что для них женщина – это синоним слова «мать», хотя есть немало женщин, которые реализовали себя не в семье, а на работе. Существует и прямо противоположное мнение. Женщины благодарят лейбористов и считают, что другие партии еще не скоро достигнут того уровня понимания женских проблем, какое характерно для правящей ныне партии. Однако все участницы форума сходятся во мнении, что партиям следует привлекать к работе больше женщин. В настоящее время самую юную женщину-парламентария зовут Мэл Уиттер. Ей 24 года. Она работает с лейбористами Уэльса. Мэл считает, что чем раньше начинаешь заниматься политикой, тем больше шансов сделать успешную политическую карьеру. Сама она начала с того, что организовала студенческий совет, который сотрудничал с Лейбористской партией Уэльса.

Очень интересно проанализировать деятельность британских партий в ракурсе их влияния на массы, а именно с точки зрения обычных британцев, которые голосуют за эти партии. Что же простые люди думают о своих избранниках? Насколько близки политические партии к народу? На сайте британского статистического агентства МОРИ нами обнаружены результаты социологического опроса от 13 октября 2006 г. В опросе участвовали 973 человека в возрасте от 15 лет. Населению были заданы следующие вопросы:

1. Какие из представленных организаций, по вашему мнению, наиболее удовлетворяют потребностям населения в этой стране?

В результате политические партии оказались на 3-м месте (26 %) после правительства (50 %) и общественных служб, вроде Национальной службы здравоохранения (30 %).

2. Вы верите, что политические партии играют позитивную роль в условиях демократии, негативную роль, или от них ничего не зависит?

Около 45 % опрошенных считают, что партии играют позитивную роль в государстве. В то же время около 36 % уверены, что партии – это марионетки, и они никаким образом не влияют на политику. И только 6 % утверждают, что партии вредны для демократии.

3. Далее оппонентов просили высказать свое согласие или несогласие со следующими утверждениями:

- Политические партии в Британии открытые и честные.

Свое согласие с этим утверждением высказали только 6 % опрошенных; 37 % высказались резко против.

- Политические партии в Британии – это «рупор» общественного мнения.

Склонны были согласиться с этим утверждением 34 % оппонентов, в то время как 11 % выступили резко против.

- Политические партии в Британии мешают развитию демократии.

7 % респондентов выразили горячее согласие с этим заявлением, а 24 % склонны были не согласиться с этим утверждением.

- Британии лучше вообще отказаться от политических партий и отдать предпочтение независимым политикам.

Максимальное число опрошенных с этим утверждением абсолютно не согласны (24 %), а 8 % высказались «за».

4. Что нужно сделать политическим партиям, чтобы Вы стали ее членом?

Наиболее представительными здесь стали три ответа. 54 % считают, что партиям следует вовлекать как можно больше людей в местные отделения и позволять этим людям участвовать в процессе принятия решений на местном уровне. Далее, 48 % утверждают, что партиям следует больше прислушиваться к общественному мнению. 26 % выступают за то, чтобы партии вели образовательную работу на местах и объясняли людям, как их организация работает и какие цели она преследует.

Таким образом, подводя общий итог, следует отметить следующие интересные факты. Большая часть опрошенных считает, что партии им необходимы, так как они являются связующим звеном между властными структурами и населением. Главная проблема на данном этапе связана с тем, что партии слишком далеки от народа. Им необходимо активизировать работу на местах, открывать новые местные отделения.

Что же касается межпартийных отношений, то здесь доминирует элемент состязательности. Партии соревнуются друг с другом не только в период предвыборной кампании, но и в повседневной жизни – иногда весьма оригинально. Например, ежегодно в Вестминстере устраиваются собачьи соревнования, которые называются Westminster Dog of the Year. Главными их участниками являются питомцы парламентариев. Собака представляет на соревнованиях ту партию, к которой принадлежит ее владелец. Последние соревнования проходили в октябре 2006 г. И вот уже второй год подряд Собакой года становится 8-летний лабрадор Джордж Джонсон (лейборист). Диана Джонсон гордится своим питомцем и, шутя, говорит, что Джордж будет с достоинством представлять тот округ, от которого он выступал. Этот забавный пример показателен тем, что партийная жизнь очень разнообразна и ее нужно рассматривать в разных ракурсах, чтобы увидеть полную картину ее влияния на общество.

Политические партии в жизни объединенной Германии

В континентальной Европе всегда господствовало представление о консенсусной демократии. Репрезентация всего спектра общественных интересов предпочитается выражению однозначной позиции большинства. Введение пропорциональной системы выборов отвечает этому требованию. В этом случае принятие решений происходит путем поиска необходимого компромисса между отдельными группами общества.

Европейские партии выполняют различные задачи, начиная с формирования общественного мнения и заканчивая представлением интересов общественности. Именно поэтому они хорошо организованны и охватывают широкие слои населения. Руководство их деятельностью осуществляется сверху вниз. Традиционный континентально-европейский партийный ландшафт представляет собой многопартийную систему, куда входят партии с четко организованной структурой и достаточно большим количеством членов и сторонников. Избирательное право ФРГ переняло некоторые черты англосаксонской традиции. Введение элементов мажоритарной системы выборов в традиционную европейскую избирательную систему привело к консолидации германской партийной системы.

Широкий спектр деятельности партий, охватывающий формирование политического волеизъявления, привлечение к участию в политической жизни, поддержку новой политической элиты и влияние на политическое развитие в парламенте и правительстве, привел к стабильной и дееспособной демократии в ФРГ. В то же время партии так сильно доминируют в общественной жизни, что все чаще и громче раздаются критические голоса. К примеру, подвергается критике тот факт, что партии, которые в федеральных землях представляют земельные правительства, благодаря своему участию в работе общественных советов теле- и радиове-

* *Мария Игоревна Колегова* – студентка 5-го курса факультета регионоведов-переводчиков Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

щения, имеют чрезмерное влияние на формирование общественного мнения. В перекрестном огне критики оказалась и строгая партийная дисциплина. Бытует мнение, что депутаты не являются хозяевами своего волеизъявления, а превратились в инструмент для правильного голосования в соответствии с линией партии.

Партийный ландшафт в Германии отражает традиционные европейские разногласия и новые социальные очаги напряженности. Традиционные конфликты – отношение к церкви, конфликты интересов работодателей и наемных работников – в свое время сыграли определенную роль при создании немецких партий. В 1980-х гг. возник новый раскол: в политическом пространстве столкнулись интересы экономики (бизнеса) и защитников окружающей среды. Объединение Германии также серьезно изменило структуру партийного спектра, так как население разделилось в поле конфликта интересов между старыми и новыми федеральными землями.

Представление интересов защитников окружающей среды и новых федеральных земель привело к изменению существующей двухблочной партийной системы между ХДС/ХСС и СДПГ. Двухблочная система превратилась в многопартийную, состоящую из пяти партий. Представителем социал-демократического лагеря является Социал-демократическая партия Германии (СДПГ). Официально СДПГ все еще представляет интересы лиц наемного труда, но сделала шаг навстречу церкви. Партийный альянс «Союз-90/Зеленые» борется за интересы защитников окружающей среды и позиционирует себя в левой части партийного спектра. Христианско-демократический союз, который активно действует во всех федеральных землях, кроме Баварии (здесь место ХДС занимает Христианско-социальный союз), традиционно представляет интересы избирателей обоих христианских вероисповеданий (протестантов и католиков), а также класса собственников (работодателей). Свободная демократическая партия (СвДП) ориентируется на защиту интересов либеральной экономики. При рассмотрении общественно значимых вопросов она нередко придерживается левых взглядов. Эта двойственная позиция – между левым и правым флангами – позволяла СвДП не раз играть определяющую роль в формировании правительства.

Восточные немцы видят защитника своих интересов в лице основанной сразу после объединения Партии демократического социализма (ПДС), которая является правопреемницей бывшей правящей партии ГДР – Социалистической единой партии Герма-

нии (СЕПГ). В германском партийном спектре она позиционирует себя как леворадикальная. Под давлением избирателей она всячески подчеркивает дистанцию между собой и СЕПГ. ПДС в последнее время завоевывает все больше сторонников. Одни объясняют это тем, что это типичная партия протеста и избиратели отдают ей свои голоса, чтобы подчеркнуть свое несогласие с политикой других партий. Другие считают, что внезапное усиление левых – это тревожный знак, указывающий на то, что дела Германии идут настолько плохо, что такое положение дел возродило политическую реакцию, напоминающую о днях Веймарской Республики.

Сегодня большинство европейских правительств, сформированных из представителей право- или левоцентристских партий, пришло к выводу о том, что экономики их государств не смогут достичь конкурентоспособности на мировом рынке до тех пор, пока не сократят общественные и трудовые затраты. Именно это открыло большие возможности для левых партий. В Германии политика левоцентристской коалиции – СДПГ и Зеленых – также сдвинулась вправо, что выразилось в повышении стоимости медицинских услуг, сокращении выплат безработным и платном образовании. Все это не могло не отразиться на результатах выборов. А ведь именно Германия была первой страной, которая ввела понятие социального государства, а вместе с тем и государственные пенсионные пособия, выплаты нетрудоспособным людям и медицинскую страховку. Сегодня немцы ничего так не боятся, как экономической и политической нестабильности. Именно этим можно объяснить то, что люди стали больше поддерживать левые партии, ведь именно они обещают сохранение той стабильности, которую так боятся потерять жители Германии.

Вопреки расчетам на то, что с закатом социализма из политического ландшафта исчезнут радикальные партии левого толка, ПДС доказывает свою «живучесть». Представляя интересы немцев Восточной Германии, она уверенно вписалась в партийное пространство, смогла на федеральном уровне войти в парламент, а на локальном уровне добивается все большего успеха.

Усиление левых партийных предпочтений – это одна из тенденций на политической арене ФРГ, второй является рост недоверия к консервативным партиям. Рейтинг Христианско-демократического союза (ХДС) во главе с канцлером Германии Ангелой Меркель и Христианско-социалистического союза (ХСС) упал в

сентябре 2006 г. на 3 % (до 33 %), о чем свидетельствуют результаты опроса общественного мнения. Это самый низкий рейтинг ХДС и ХСС с момента воссоединения Восточной и Западной Германии в 1990 г. Популярность правящей коалиции падает из-за неспособности провести в жизнь обещанные реформы. Правительство ХДС/ХСС/СДПГ обещало решить колоссальные проблемы: снизить безработицу, государственный долг и дефицит бюджета, который превышает установленную Евросоюзом норму. Не вызывает одобрения населения и повышение налогового бремени. Все шире распространяется мнение, что «большая коалиция» ничего не сделала из того, что обещала. Люди не видят результатов и перестают доверять власти. Снижение рейтинга Меркель и ее коалиции объясняется также неспособностью правительства предпринять новые реформы в области здравоохранения, в которых Германия давно нуждается. Еще одной причиной падающей популярности консерваторов, по мнению многих специалистов, является тот факт, что у них нет четкой позиции по экономическим вопросам. Так, например, правящая коалиция не может прийти к единому мнению в вопросах финансирования медицинских услуг. Для христианских партий предпочтительнее введение единого взноса для всех, социал-демократам более приемлемым кажется пропорциональное повышение такого взноса, привязанное к доходам страхуемого лица. В результате медицинские услуги дорожают при росте спроса на них. Усугубляет ситуацию и демография: при отрицательном приросте населения пожилые люди в ФРГ составляют почти четверть населения страны.

Массовая безработица, снижение жизненного уровня вызывают естественное недовольство. Оно ищет адресата, и виновным нередко оказывается чужак. «Иностранцы отнимают наши рабочие места», – говорят многие в Германии. Старые, казалось бы ушедшие в прошлое, предрассудки и стереотипы снова оживают. На этом играют правые радикалы. Например, в ландтаг Саксонии (земельный парламент) прошли неонацисты. Специалисты подчеркивают, что часто вместе с экономическими неурядицами всегда происходит ухудшение общественной атмосферы. Однако, по их мнению, Германия не свернет с избранного после освобождения от фашизма пути: демократические ценности уже вошли в плоть и кровь послевоенных поколений немцев.

Т. Е. Комаровская*

К проблеме социологического анализа имиджа региона

Практическое использование словосочетания «имидж региона» значительно опережает его теоретическую разработку. Такое положение объясняется, с одной стороны, тем, что отечественная социология имиджа – так же как и регионалистика – находится в настоящее время на стадии становления; их центральные категории «имидж» и «регион» не имеют устоявшихся общепризнанных определений. С другой стороны, необходимость создания эффективного регионального имиджа как активного инструмента внутренних преобразований и внешнего продвижения территории диктуется потребностями ее экономического, политического, социального развития.

Социология имиджа как новая область научного знания возникает в России на заре XXI века и сегодня представлена несколькими направлениями. Первым по времени возникновения и наиболее разработанным является направление социологии персонального имиджа (конкретно, имиджа личности – политического деятеля, руководителя, лидера), что связано с разработками отечественных психологов, политологов, философов, культурологов и других специалистов в области проблематики лидерства. Политические реформы в стране создали возможность изучения имиджа различных партий и общественных движений, что способствовало формированию социологии имиджа общественных структур (ячейки общества, этносы). Становление рыночной экономики предъявляет свои требования к изучению факторов и механизмов формирования имиджа организации, управления им, что содействует развитию социологии корпоративного имиджа (предприятий, фондов, банков). Кроме того, исследуются закономерности функционирования имиджей различных сфер общества (наука, культура, искусство, ли-

тература), а также идеальных структур (бренд, торговая марка, религиозные атрибуты).

Наиболее свободным исследовательским полем сегодня, на наш взгляд, является социология имиджа территорий – точнее, ее региональная часть. Если теоретические и прикладные работы по изучению имиджа отдельных стран и городов (чаще – столиц, мегаполисов) можно найти как в зарубежной, так и в отечественной литературе, то выражение «имидж региона» встречается преимущественно в работах политологов или маркетингов, что само по себе представляет лишь односторонний срез данного феномена. PR-специалисты способны дать более полную картину жизни региона, но таких разработок на уровне региона обнаружить не удалось.

Политики, экономисты, философы выделяют различные факторы, позволяющие представить регион как целостную систему связей. Однако важнейшим организующим началом любой из этих систем (экономической, политической и пр.) являются люди. Представляется, что социологический подход, где человек «... рассматривается как родовой и многогранный homo, одновременно и нераздельно экономический, политический, религиозный, этический, художественный... отличающийся взаимодействием всех этих аспектов... которые находятся под влиянием всего социокультурного пространства и, в свою очередь, влияющими на него» и где сами социокультурные явления рассматриваются «в своих родовых видах, типах и разнообразных взаимосвязях»¹ для исследования данной проблемы представляется наиболее продуктивным.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что социологический анализ имиджа российского региона актуален:

- для территории – как средство продвижения вовне ее собственных интересов;
- для страны – как средство создания ее непротиворечивого, целостного имиджа и, как результат, ее позитивного восприятия международной и внутренней общественностью;
- для теории имиджологии территорий, а также социологии имиджа – как заполнение пробела в этих областях знаний.

В исследовании имиджа региона наиболее интересными, с нашей точки зрения, являются следующие задачи:

* **Татьяна Евгеньевна Комаровская** – аспирантка кафедры социологии Гуманитарного университета, руководитель отдела почтовой доставки ООО БГД «Станция Вольных Почт» (г. Екатеринбург).

¹ См.: *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

1. Анализ специфики социологического подхода к понятию «имидж».

2. Выявление структуры, функций и типов регионального имиджа.

3. Выяснение роли и степени влияния имиджа региона на формирование регионального самосознания.

4. Исследование управленческих усилий, прилагаемых органами власти для создания и продвижения позитивного регионального имиджа среди местного населения.

5. Изучение управленческой «обратной связи», т. е. влияния на действия власти образа региона, существующего в сознании регионального сообщества.

6. Выявление соотношения (степени совпадения) имиджа региона, проектируемого руководством и реально существующего в сознании регионального сообщества.

7. Анализ влияния имиджевых характеристик региона на взаимодействие его руководства и населения.

8. Создание модели эффективного регионального имиджа и системы его продвижения во внутренней и внешней среде.

Е. Л. Горбунова*

Политические субкультуры регионов Италии

Интерес к изучению феноменов политической культуры возник во второй половине XX века. Сначала объектами исследований в основном являлись политические институты и способы их воздействия на общественное мнение. Затем ученых заинтересовали образцы поведения, нормы, ценности, свойственные представителям разных политических культур. Сейчас многие ученые считают, что политическая культура представляет собой часть общей культуры. Из этого следует, что политическая культура отражает историю, мифологию, традиции, нормы поведения, символику социальной общности – носителя определенной культуры.

В свою очередь, политическая культура по тем же самым причинам может быть очень многообразной в своих проявлениях. Политическая культура нации – это составная часть общей культуры отдельной страны. В то же время практически каждая национальная политическая культура (как и культура вообще) характеризуется внутренней неоднородностью и представляет собой совокупность различных субкультурных образований, исходно испытывавших воздействие как факторов социальной дифференциации, так и региональных особенностей. В большинстве современных либеральных государств – при довольно заметной тенденции к социальному консенсусу в сфере политической культуры – весьма значимыми остаются региональные и этнические различия, с которыми в основном и связано формирование региональных политических субкультур.

Представители различных региональных субкультур по-разному относятся к власти в целом, государству, партиям, другим общественным институтам, в разной степени и в разных формах принимают участие в политической жизни. Одним из самых ярких примеров сосуществования политических субкультур в рамках од-

* *Екатерина Леонидовна Горбунова* – аспирантка кафедры теории и истории культуры Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

ной национальной политической культуры являются регионы Италии. Формирование своеобразных политических субкультур Италии было обусловлено, прежде всего, особенностями исторического развития ее отдельных частей.

В Средние века в государствах итальянского Юга (Меццоджорно) сложились монархические режимы. Феодалные привилегии и личная зависимость крестьян были гораздо сильнее, чем на Севере. Авторитарные режимы в целом неблагоприятно влияли на социальное и политическое развитие Юга. Степень гражданского участия в политической жизни здесь была гораздо ниже, чем на Севере страны. Вплоть до 1990-х годов политическое участие в этом регионе принимало форму не сознательного выбора граждан, а ориентации на систему патрон-клиентских отношений. Эта система отношений, как правило, не отражает отношения избирателей к конкретной политической силе, декларируемым ею ценностям, выдвигаемой ею программе и путям ее реализации. При такой системе выигрывает та сила, которая имеет ресурсы на осуществление одноразовых акций, на политический подкуп, который представляет собой обмен «теплых» местечек и должностей, контрактов, субсидий и даже пенсий на политическую поддержку. В результате вокруг распределения государственных фондов формируются политические клиентелы, а функции мобилизации голосов избирателей в пользу той или иной партии остаются в основном в руках местных нотаблей. Для граждан, таким образом, здесь важны не перспективные экономические программы, а личные экономические и политические выгоды краткосрочного характера. Такая культура взаимоотношений социальных верхов и низов накладывает сильнейший отпечаток на функционирование политических и общественных институтов в данном регионе¹.

Большое значение в формировании политической культуры имеют и другие формы взаимоотношений между гражданами, принадлежащими к разным социальным группам. Социальная среда, в которой у людей много возможностей для взаимодействия, – это благодатная почва для возникновения общих ценностей и общих социальных норм, основанных на доверии. Нормы социального доверия и социальной кооперации в регионах Италии складывались под влиянием традиционных моделей социального общения. Мо-

¹ Wilson, Frank L. *European Politics Today: The Democratic Experience*. 2nd edition. Englewood Cliffs (New Jersey): Prentice-Hall, 1994. P. 281.

дель землевладения на Юге, где существовали крупные земельные наделы, обрабатываемые большими патриархальными семьями, не способствовали развитию кооперации между людьми, принадлежащими к разным семейным общинам. В отношениях между большими общинами господствовали подозрительность и недоверие. Подобные отношения делали невозможными любые совместные действия по достижению общих целей. В этом феномене в полной мере проявилась закономерность, отмеченная американскими социологами У. Томасом и Ф. Знанецким на примере взаимодействия самодостаточных, изолированных общин с окружающей социальной средой².

Север Италии прошел несколько иной исторический путь. В этом регионе феодальная зависимость была слабее, чем на Юге. Здесь люди считались скорее гражданами, а не подданными и активно включались в политическую жизнь. Республиканский коммунизм был основан на «горизонтальном» сотрудничестве граждан; здесь рано утвердилась традиция коллективного решения проблем. Городская культура больше способствовала долгосрочному планированию и сотрудничеству, чем изолированная сельская глубинка. Здесь значение общественной репутации было заметно выше, чем на Юге.

Сегодня жители Севера проявляют наибольшую в Италии гражданскую активность в политической и социальной сферах. В этом регионе чаще ходят на референдумы и на выборы, больше читают газеты, смотрят передачи о политике и интересуются мировыми событиями. Политический выбор жителей Севера гораздо чаще ориентирован на перспективу и отражает объективные потребности населения. Политические институты Севера пользуются большим доверием и эффективнее выполняют свои политические функции.

Можно выделить следующие причины сосуществования столь различных политических субкультур в современной Италии: это – разные траектории исторического развития, разные традиции общинной самоорганизации, разные типы и модели общественных отношений, разная степень эффективности общественных институтов.

² См.: Томас У., Знанецкий Ф. Понятие социальной дезорганизации // Контексты современности–II: Хрестоматия. 2-е изд., доп. и перераб. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2001. С. 134–135.

Политические субкультуры никогда не существуют обособленно. Они развиваются в рамках одной культуры и неизбежно взаимодействуют. Их взаимодействие может носить разный характер. В случае с итальянскими регионами речь идет о конфликтном взаимодействии. Этот конфликт проявляется на нескольких уровнях.

На политическом уровне этот конфликт можно проследить на примере программ регионалистских политических партий и движений. Ведущая региональная партия Севера Италии – Лига Севера (бывшая Ломбардская лига) – в первый период своего существования выдвигала партикуляристскую идею о принадлежности жителей Севера к особой «ломбардской нации», якобы восходящей к кельтскому наследию и тем отличной от южан. При этом ломбардцам приписывались всевозможные достоинства, а южане наделялись всевозможными пороками. В 1996 г. речь зашла даже об отделении северных областей и образовании независимого государства Падания. В целом же Лига Севера выступает за существенную и широкую автономию для Севера Италии, за ограничение притока южан и «цветных» иммигрантов в экономически процветающие северные области³. Еще один ярчайший пример – это знаменитые «миланские» расследования. Здесь инициаторами «крестового похода» против мафии выступили представители правосудия из северных областей.

Второй уровень проявления конфликта между субкультурами – социальный. Он проявляется в неприязненном отношении между жителями северных и южных областей. Можно говорить о том, что социальный конфликт отражается в политическом, а политический конфликт, в свою очередь, может усугубить социальный.

³ Northern League (Italy) // http://en.wikipedia.org/wiki/Lega_Nord

К. И. Зубков*

Синкретизм формирующихся региональных культур в условиях Севера: к постановке проблемы

Традиционно, культурная ситуация в регионах Севера описывается как перманентный – то затухающий, то обостряющийся – конфликт между двумя достаточно монолитными культурами, разделенными не только своими отчетливыми этническими атрибутами, но и колоссальной исторической дистанцией: автохтонной культурой малочисленного коренного населения Севера и «южной» индустриальной культурой более многочисленного пришлового населения. Уже в силу одного только факта связи последней с высшими достижениями современной цивилизации и господствующими формами производства предполагается, что ее потенциал доминирования – в силу технологической оснащенности – колоссально превосходит все те преимущества, которые способна бросить на чашу весов природосообразная, экологически сбалансированная и функционально адаптированная к жизни в суровых условиях Севера культура коренного населения. Уязвимое положение этой культуры перед натиском современного индустриализма, как правило, служило основанием для специальных мер государственной поддержки всего комплекса хозяйственной и социально-культурной жизнедеятельности коренного населения Севера, хотя, как показывают последние данные, размеры и эффективность такой поддержки в условиях рыночной трансформации российского общества заметно упали. В среде коренного населения Севера заметно снижается потенциал внутренней интеграции, которая обеспечивает устойчивое воспроизводство этнической группы в ее основных физических и культурных параметрах¹. Эти процессы

* **Зубков Константин Иванович** – канд. истор. наук, доцент, зав. кафедрой регионоведения Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ См.: *Донской Ф. С.* Интеграционные процессы в жизни северян: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 96–97.

носят многоплановый характер, выражаясь, с одной стороны, в деградации страхующих жизнеспособность этносов систем социальной (медицинской, бытовой, культурной, торговой и др.) инфраструктуры при видимой свободе выбора форм жизнедеятельности, с другой – в усилении процессов культурной и физической ассимиляции.

Следует, однако, иметь в виду, что многие из этих негативных процессов (обвальный спад непрофильных производств, демографический кризис, рост социальных девиаций, деградация культуры и т. п.) носили общесистемный характер и не были сфокусированы избирательно на коренном населении северных территорий: они в не меньшей степени затронули в 1990-х гг. и социально-культурные основы жизнедеятельности некоренного населения Севера. Более того, в некоторых отношениях эта численно доминирующая на современном Севере культура оказывается в не менее драматичной ситуации, чем аборигенные культуры. Необходимо учитывать, что развитие этой культуры в северных районах нового освоения не могло опираться на сколько-нибудь мощные исторические накопления, в то время как повышенная роль миграционной активности в формировании городского населения Севера зачастую предопределяла отсутствие у складывающихся здесь территориальных коллективов общей культурно-исторической памяти, а следовательно, и отчетливой культурной самоидентификации. Например, по данным Т. Н. Успенской, в Ханты-Мансийском автономном округе лишь 14,8 % взрослого населения являются местными уроженцами, 41,7 %, однажды прибыв в округ, осели здесь на постоянное жительство, еще 32 % меняли место жительства 2–3 раза, 7,1 % – 3–4 раза, 3,6 % – 5–6 раз². По критериям этничности, как важнейшего определителя культуры, сформированная на Севере «культура большинства» отличается явно выраженной конгломератностью. По переписи 1989 г., 66,3 % населения Ханты-Мансийского автономного округа составляли русские, приехавшие из различных местностей страны, 11,6 % – украинцы, 7 % – татары, 2,4 % – башкиры, 2,2 % – белорусы, 1,1 % – чуваша, 1,0 % – азербайджанцы³. Понятно, что обеспечить культурную интеграцию столь

² Успенская Т. Н. Миграционная биография занятого населения Ханты-Мансийского автономного округа // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 114.

³ Западно-Сибирский экономический район // Федерализм. 1999. № 3. С. 228–229.

разнородного в этническом и субэтническом плане, недостаточно стабильного населения весьма затруднительно. По крайней мере, этот процесс требует очень длительного времени. Единственным культурным знаменателем, который на кратковременной основе мог объединять и реально объединял пришлое население Севера на уровне повседневного бытия, являлся в этих условиях обезличенный стандарт современной индустриальной цивилизации. Его доминирование в существенной степени предопределялось прагматической узостью той сугубо производственной миссии, которая вызвала значительный приток населения на Север.

В последнее время, по мере стабилизации населения в регионах Севера, роста его социального благосостояния и бытовой укорененности, в его среде закономерно возникает потребность как в более полном удовлетворении своих культурных потребностей, так и в обретении собственной региональной идентичности. Взаимосвязь этих процессов совершенно очевидна: наличие культурной самоидентификации в сильнейшей степени способствует формированию устойчивых региональных сообществ на Севере, их духовному самоутверждению и стремлению заполнить тот культурный «вакуум», который обусловлен отрывом от своей исходной социально-культурной среды и почти полным отсутствием на новом месте сформированных традиций региональной культуры.

В какой форме происходит на Севере этот процесс генезиса самобытной региональной культуры проживающего здесь большинства населения, состоящего из недавних мигрантов и их потомков? Очевидно, что в силу исходной разнородности состава этого населения общая региональная культура Севера может формироваться, прежде всего, на базе того, что реально его объединяет, а именно – на основе территориально-географической самоидентификации, отождествления своей самобытной культурной сущности с Севером как особым природно-географическим комплексом. В этом контексте аборигенные культуры Севера – в силу присущей им высокой степени природосообразности, генетической принадлежности северному природно-географическому комплексу – воспринимаются не только как этнические спецификации, но и как общезначимый составной компонент северного ландшафта, его важнейшая социальная проекция. В этом смысле они становятся – по крайней мере, в ряде своих существенных элементов – достоянием всего регионального сообщества, общезначимым символом региональной идентичности. Особенно наглядно это проявля-

ется в досуговой сфере, в быту (например, в кулинарных вкусах), визуальной и художественной культуре. Анализ материалов региональной периодической печати, в частности изданий, выходящих в нефтедобывающих городах Ханты-Мансийского автономного округа (где коренное население, кстати, представлено совершенно незначительно), показывает, что важнейшие мероприятия, пропагандирующие самобытную культуру аборигенов Югры, становятся общезначимыми культурными событиями для всех горожан без различия национальностей и вероисповеданий, индикаторами формирующейся региональной идентичности. Такова по характеру традиционно проводимая при поддержке городских администраций округа декада финно-угорских народов, в программу которой входят театрализованные представления, игры, обрядовые песни и танцы коренного населения, выставки предметов материальной культуры. Подобные мероприятия обычно собирают очень значительную аудиторию, способствуют привлечению горожан разных национальностей в ряды энтузиастов сохранения аборигенных культур⁴. Фольклор и ремесла коренных народов Югры – хантов и манси – становятся важными компонентами преподавания краеведения в общеобразовательных школах региона и культурно-просветительной работы местных библиотек⁵. Примечательно также, что в художественной культуре, прежде всего в ее досуговых вариантах (праздники), наблюдаются тенденции к синкретическому соединению элементов аборигенных культур с культурой русскоязычного большинства населения региона⁶.

Таким образом, в силу своей автохтонности, исходной принадлежности территориальным основам образа жизни на Севере, аборигенные культуры становятся общезначимым компонентом формирующейся здесь региональной культурной идентичности. Последняя, хотя и формируется на трансэтнической, подчеркнута территориальной основе, не может быть абсолютно безнациональной, сведенной только к обедненным вариантам современного индустриального образа жизни, а потому почти неизбежно принимает явные черты культурного синкретизма.

⁴ Ибрагимов И. Сохранить и приумножить // Звезда Лангепаса. 2004. 3 ноября. С. 1.

⁵ См.: Звезда Лангепаса. 2004. 17 ноября; 27 ноября.

⁶ См.: Сакал М. «Ялап Тал мощь», или Новогодняя сказка // Звезда Лангепаса. 2004. 31 декабря. С. 3.

А. А. Королев*

Советский мусульманин (по материалам поволжья)

Вера возникает из особого опыта жизни человека – религиозного – и служит опорой жизни верующего. Мусульмане, действительно, с рождения впитывают этот религиозный опыт как способ существования, как образ жизни. Несмотря на широко-масштабную антирелигиозную практику, проводившуюся под лозунгами «социалистический интернационализм», «советский народ» и т. п., что приводило к размыванию национального самосознания, вера в Аллаха в СССР сохранилась у значительной части советских мусульман, хотя в основном ушла в сферу семьи и быта. Требования мусульманской религии в основном исполнялись в форме соблюдения национальных традиций и обычаев. Ислам является весьма широкой по охвату системой социального регулирования, практически все стороны жизни мусульманина считаются религиозно значимыми.

Основной состав советских верующих-мусульман Поволжья – мужчины и женщины пожилого и преклонного возраста от 55 лет и старше. Именно верующие мусульмане мужского пола преклонного возраста являлись главными «проводниками» веры Аллаха. Верующий с. Татарский Шелдаис, Пензенской области, 80-летний И. Уразгильдяев подчеркивал: «Если мы, старики, не требовали бы от своих младших членов семьи, не настаивали бы на соблюдении религиозных обрядов, последние бы не выполнялись»¹. В сельской местности молодые люди, как беспартийные, так и комсомольцы и коммунисты, под влиянием авторитета старших родственников и односельчан участвовали в молениях и старались исполнять установленные обряды.

Исполнение обрядов мусульманами в Поволжском регионе, как и в целом по стране, было очень массовым. Наиболее распространенными религиозными обрядами у пензенских мусульман яв-

* **А. А. Королев** – канд. истор. наук, доцент ПГУАС.

¹ ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 103.

лялись отпевание (джаназа), религиозное бракосочетание (никях), наречение имени (исим), обрезание (сунет). Совершение обрядов верующими Пензенской области проводилось полулегально. Практически среди всего татарского населения совершался обряд обрезания мальчиков, который выполняли нелегальные резак. Если в Казахстане и Средней Азии, по сообщениям представителей власти, данный ритуал тщательно скрывался, то в Поволжье всё проходило празднично, с привлечением обширной родни. При этом отмечались даже смертельные случаи².

Часто в дни религиозных празднований и по пятницам верующие не выходили на работу. Так, на «Курбан-байрам» в 1940–1950-х гг. в селах Пензенской области «прогуливали» не только колхозники, но и руководство, наряды не выдавались и т. д. В лучшем случае, рабочий день длился до 13–14 ч. Даже в начале 1960-х гг. отмечалось, что во многих татарских селах области фактическим выходным днем признавалась пятница и часть населения по пятницам и в дни религиозных праздников не выходила на работу в колхозах и совхозах. Со второй половины 1960-х гг. случаи «широкомасштабного» уклонения населения от выхода на работу по религиозным мотивам все-таки прекратились. Однако и в середине 1970-х гг. в дни «Уразы» закрывались под различными предлогами, например ремонта, столовые, пищеблоки на полевых станах, не работали клубы и библиотеки, сокращалось количество детских завтраков, которые заказывались в школах учениками, особенно в старших классах³.

Женщины-татарки по религиозным убеждениям уклонялись от посещения клубов, кино, собраний, участия в художественной самодеятельности и т. д. По мнению уполномоченного Совета по Пензенской области, «феодално-байские» обычаи в отношении женщин были очень сильны: «Родители запрещали своим дочерям не только ходить в клуб, участвовать в ... самодеятельности и выполнять общественные поручения, но даже не разрешают выходить одной вечером ... на улицу, ходить к соседям и своим подругам. Родители разрешают только сходить на девичьи деревенские посиделки, однако и в этом случае девушку ... обязательно сопровождают ее мать или кто-то из ее взрослых родственников»⁴.

² ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 29. Л. 229.

³ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 570; Д. 5. Л. 130; Ф. 148. Оп. 1. Д. 4714. Л. 19.

⁴ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 253.

Даже в середине 1960-х гг. в сельской местности Поволжья отмечались случаи, «когда замуж родители выдают свою дочь за молодого человека, которого она и в глаза не видела, и не была до этого знакома...»⁵. Как правило, девушки по окончании школы бывали из комсомола.

Особой проблемой сельского татарского населения, особенно женского, было здравоохранение. Многие женщины-татарки в силу религиозных предрассудков не посещали медпунктов, не обращались к врачам: считали это неприличным, предпочитая бабушек-знахарок.

Согласно мусульманским религиозным нормам, употребление алкогольных напитков и наркотиков объявляется хамром (запрещенное). И, действительно, в информационных сводках милиции случаи нарушения общественного порядка или совершения преступлений татарин в состоянии опьянения встречались крайне редко. Татарское население, как правило, отличалось высоким достатком. Это во многом обусловлено тем, что одной из ценностей ислама, охраняемой шариатом, является собственность, которая считается священной и неприкосновенной. Согласно мусульманской доктрине, каждый мусульманин должен зарабатывать себе на жизнь и обеспечивать свою семью.

Семья, продолжение потомства трактовались как фундаментальные ценности ислама. Татарские семьи в сельской местности Поволжья были многодетны – по 8–12 детей⁶. Как следствие, татарское население в Поволжье, в отличие от других национальных общностей, стабильно увеличивалось на протяжении всего исследуемого периода. Среди татар рождаемость была в 1,4 раза выше, чем среди русских⁷. Мусульманские семьи очень устойчивы. Так, уровень разводов в Татарстане в среднем в 1,5–2 раза ниже, чем в среднем в Российской Федерации, на Украине, в Прибалтике. «В наибольшей степени традиционные установки на недопустимость разводов присущи представителям старшего поколения. Фактором, скрепляющим семейно-брачные отношения, является и тесная родственная связь»⁸.

⁵ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 412.

⁶ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 46. Л. 281.

⁷ Татары. М., 2001. С. 507; Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи 1979 г. М., 1984. С. 288–321.

⁸ Татары. С. 339.

Несмотря на предписания ислама и в отличие от других мусульманских народов СССР, ранние браки не были характерны для мусульман Поволжского региона⁹. Татары Поволжья однозначно выступали за моногамный брак в соответствии с советским законодательством.

Ислам выполнял регулятивно-поведенческую функцию, что верующее население понимало по-своему, примитивно, и выступало за активное приобщение молодежи к вере. Сами мусульмане-верующие говорили: «... мы все ходим в мечеть, и наши дети будут ходить в мечеть. Мы без религии не можем. Она помогает людям, приучает их к дисциплине и порядку. Вот ... начнется «рамазан», и все мужчины бросят курить и пить водку. Разве это плохо?»¹⁰ В семье с рождения исподволь или активно внедрялось в сознание молодежи, что исламская религия является носителем общечеловеческих норм нравственности, гуманизма, личной морали – и, напротив, отрицание Аллаха ведет к аморальному поведению и безнравственности.

⁹ Зорин Н. В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981. С. 37–38; Козлов В. И. Динамика численности населения. М., 1969. С. 122.

¹⁰ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 409.

А. В. Морозов*

Образ жизни казанских безработных в 1920-х гг.

В отечественной истории вплоть до 1990-х гг. практически не уделялось внимания систематическому изучению повседневной жизни людей. Усилия ученых концентрировались на выявлении закономерностей исторического процесса, узловых проблем общественного развития. Однако интерес к повседневности обуславливает выделение такого уровня ее анализа, на котором можно было бы увидеть не столько конечные результаты деятельности людей, сколько процессы жизнедеятельности в конкретных условиях существования. Такого рода требованиям более всего отвечает понятие «образ жизни».

Изучение образа жизни безработных является сложной задачей в связи с отсутствием необходимого массива источников и специальных исследований, посвященных хотя бы отдельным составляющим их образа жизни. Безработные практически не оставили писем, дневников, воспоминаний, т. е. источников личного происхождения. Кроме того, значительная часть документов, отложившихся в архивах, в свое время была уничтожена как не представляющая интереса. Поэтому какие-либо серьезные выводы об образе жизни безработных мы можем делать лишь на основании современных исследований и отрывочных сведений, имеющих в нашем распоряжении.

В рамках данного текста мы попытаемся решить две задачи: во-первых, проанализировать понятие «образ жизни»; во-вторых, выявить специфические характеристики, определявшие образ жизни казанских безработных в 1920-х гг.

Современными исследователями отмечается, что определение понятия «образ жизни» подразумевает выявление личностной специфики жизненного пути людей в социальной реальности. Оно обозначает организованную совокупность процессов и явлений жиз-

* **Андрей Викторович Морозов** – канд. истор. наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии (г. Казань).

недеятельности людей в обществе. Способы организации этих процессов и явлений определяются социальными условиями их реализации и личностными характеристиками представителей различных групп. Данное понятие отражает повседневность людей и служит для выявления соотношения установившихся и изменчивых, типичных и индивидуальных характеристик жизнедеятельности различных социальных групп людей. Содержание образа жизни определяется тем, как живут люди, чем они заняты, какие виды деятельности и отношения друг с другом заполняют их жизнь. Форма образа жизни определяется способом организации людьми содержания своей жизнедеятельности, т. е. организации процессов деятельности, поведения, взаимодействия в различных сферах. Понятием «образ жизни» можно охарактеризовать самые разные стороны жизни индивида, социальной группы, общества в целом. Исторический опыт показывает, что образ жизни формируется классовым положением или социальной принадлежностью: именно они определяют основной объем и состав материальных и духовных благ, которыми располагает каждый член класса; они же задают и определенную структуру потребностей, относительное психологическое значение и удельный вес каждой из них.

Изучение образа жизни безработных, по нашему мнению, целесообразно начинать с анализа их психологического состояния. Согласно классической модели психологии безработного, в процессе потери работы выделяются четыре стадии: (1) состояние неопределенности и шока (момент увольнения); (2) наступление субъективного облегчения и приспособления к ситуации; (3) утяжеление состояния (после шести месяцев безработицы); (4) беспомощность, примирение со сложившимися обстоятельствами, прекращение попыток изменить положение (от шести месяцев до полутора лет).

По мере увеличения продолжительности безработицы утрачиваются профессиональные навыки, снижается квалификация. Постепенно формируется готовность отказаться от своей профессии и занять рабочее место с более низким уровнем квалификации. Безработица превращается в хроническое явление – в т. н. «невроз безработицы», проявляющийся в апатии, делающей этих людей неспособными принять даже протягиваемую им руку помощи.

Это психологическое состояние диктует безработным соответствующий образ жизни и систему ценностей. Им свойственны замкнутость и сознательный изоляционизм, они полагают, что от них нельзя ничего требовать, да и сами они ничего не требуют от

себя. Им кажется, что судьба безработного освобождает их от ответственности перед другими так же, как и от ответственности перед самими собой, освобождает от ответственности перед жизнью. Все неудачи в жизни сваливаются на судьбу, приобретающую черты фатальности и неизбежности. Одновременно с этим происходит падение социального статуса безработных. Отсутствие постоянного заработка приводит к тому, что ухудшаются их жилищные условия, они часто меняют места проживания, приближаясь к социальному дну. Безработные, как правило, живут в перенаселенных и криминогенных частях города, в т. н. «слободах», «трущобах», в дискомфортных жилищах. В семьях безработных обычно наблюдается хроническое недоедание или малокалорийное питание. Со временем у них исчезают качества, необходимые для правильного восприятия окружающей действительности. Угол их зрения смещается в сторону негативных оценок реальности, пессимизма и отчаяния. Часто они не могут построить нормальные взаимоотношения в семье: повышенные тона при разговоре, взаимные упреки, ругань и оскорбления (матерщина и сквернословие) становятся обычным делом. В их семьях мало книг (а иногда их нет вообще), нет библиотеки, которая помогала бы сохранить или расширить кругозор.

Необходимо отметить, что первоначально безработица не вызывала особой тревоги в кругах советского и партийного аппарата и рассматривалась в ряду неизбежных, но легко устранимых издержек перестройки хозяйственного механизма с капиталистических рельсов на социалистические. Предполагалось, что с развитием производства промышленность легко вберет в себя излишки рабочей силы. Однако темпы роста безработицы обогнали даже самые пессимистические прогнозы. Основную часть безработных в первой половине 1920-х гг. составляли рабочие и служащие, а также крестьяне, выгнанные голодом в города.

Повседневная жизнь безработного начиналась с регистрации на бирже труда. Вот как описал один из безработных посещение им биржи труда в Казани: «Безработные стекаются к бирже труда с 7 часов утра. Каждому хочется получить отметку на билете раньше, чтобы день использовать для какого-нибудь дела. К 9 часам утра народу у биржи труда скопляется несколько сот человек, но биржу не открывают. Проходит около часа, прежде чем это случается, и вся эта масса безработных, ломая двери, врывается в помещение биржи». В другой заметке с символическим назва-

нием «Мысли безработного» писалось об апатии безработных, приходивших каждое утро на биржу труда с одной только мыслью: «Может быть, сегодня попаду на работу». Каждый, являющийся в первый раз на регистрацию, думал: «Сегодня зарегистрируюсь, а завтра место получу». Но проходит день – надежды падают. Придет безработный домой, а здесь жена, дети, старая мать или отец задают вопрос: «Ну что?» Беззвучно, машинально раздается ответ: «Ничего». <...> Голову долбит беспокойный вопрос: «Как жить?»

Найти работу было трудно, так как предложение труда в десятки раз превышало спрос на него. Пособия получало ограниченное число безработных, а их размеры были очень низки. Причины этого заключались в недостаточном поступлении страховых взносов и в законодательном ограничении круга лиц, имеющих право на получение пособия. Зарегистрированные безработные имели право на пользование бесплатной медицинской помощью по билетам безработных. С весны 1922 г. безработные должны были платить квартплату в 50 %-ном размере. Освобождались от квартплаты лишь безработные, зарегистрированные на бирже труда. Питание безработных было скудным (ржаной хлеб и его суррогаты, картофель, крупы), подобный рацион зачастую приводил к голодной смерти. Положение не спасала и выдача пайков, производившихся отдельными производственными союзами. По данным казанских медиков, за 1918–1921 гг. «недостаток средств к существованию» как непосредственная причина лежал в основе 1/3 всего числа самоубийств.

В нелегальной листовке, появившейся в Казани в 1928 г., был сделан следующий вывод о положении безработных: «Товарищи безработные! Рабочие и служащие! Так жить дальше нельзя. Нас задавит бесправие и его детище – голод, если мы будем молчать. Рабочий класс вымирает от голода и самоубийств. Втуне пропали его революционные жертвы».

В. Н. Земцов*

«Черная книга Кармартена»: пророчества мирддина

«Черная книга Кармартена», собрание 40 произведений валлийской литературы, которые могли быть созданы в различное время – от V–VI вв. до 1-й половины XIII в., – является предметом национальной гордости Уэльса. Факсимильное и дипломатическое (текстуально точное) издания этой книги, осуществленные Дж. Гвенногрином Эвансом в конце XIX – начале XX в., в период начавшегося валлийского возрождения, были расценены в Уэльсе как события национального значения. К настоящему времени исследователи полагают, что книга была составлена (или скопирована) в начале 2-й половины XIII в. неизвестным августинским или цистерцианским монахом, который возвращался к работе над рукописью по крайней мере трижды в течение многих лет своей жизни. Название манускрипта происходит от цвета его переплета и места предполагаемого составления¹.

Создание «Черной книги Кармартена» относится ко времени жестокой борьбы валлийцев против все более усиливавшегося дав-

* **Владимир Николаевич Земцов** – завкафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, доктор истор. наук, доцент, профессор Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Существует множество изданий «Черной книги Кармартена» и еще более обширная исследовательская литература, ей посвященная. Мы воспользовались качественной цветной фотокопией оригинала, выложенной на веб-сайте Национальной библиотеки Уэльса (<http://www.llgc.org.uk/drych/drych.s005.htm>), английскими переводами текстов в издании У. Ф. Скена (The Four Ancient Books of Wales / Ed. by W. F. Skene. Edinburgh, 1868. Vols. 1–2), изданием М. Пеннар с фрагментами текста из дипломатического издания Гвенногрина Эванса (The Black book of Carmarthen / Introd. and transl. by M. Pennar. Lampeter, 1989) и текстами двух опубликованных лекций крупнейших исследователей книги А. О. Х. Джармэна и Т. Джонса (Jarman A. O. H. Llyer du Caerfyrddin. The Black book of Carmarthen // Proceedings of British Academy. 1985. No. 71. P. 333–355; Jones T. The Black book of Carmarthen. «Stanzas of the Graves» // Ibid. 1967. No. 53. P. 97–137).

ления англо-норманнов на их исконные земли (решающее поражение валлийских князей произойдет в 1282 г.). Но эта борьба имела своим следствием и рост национального самосознания валлийцев, проявившийся в том числе в расцвете валлийской литературы в период так называемого «гогинвейрда»². Среди «гогинвейрда» особенно выделяются «Бейрда и Тивисогион» (Beirdd y Tywysogion), то есть «поэты принцев», так сказать придворные барды князей независимого Уэльса. До середины XIII в. Бейрда и Тивисогион неизменно демонстрировали глубокую связь с наследием «ранних поэтов». Отсюда проистекало поистине трепетное отношение составителя «Черной книги Кармартена» к произведениям своих предшественников, ощущение органической связи с глубинами бриттского прошлого и четко выраженный героический национальный мотив. Эти древние, и не очень древние, мотивы составитель книги воспринял в глубоко современном для него контексте зарождающегося валлийского национального самосознания, вдохновляемого ожесточенной борьбой природных князей Уэльса против англо-норманнских захватчиков. В этом отношении особенно обращают на себя внимание четыре пророческие по своему характеру поэмы, которые ассоциируются с легендарным Мирддином (благодаря Гальфриду Монмутскому, «Мирддин» с 30-х гг. XII в. начал превращаться в «Мерлина») – «Диалог Мирддина и Талиесина», «Березы», «Яблони» и «Причитания». Как известно, легенда о Мирддине была вариантом распространенного в кельтской литературе мотива о «диком человеке», оказавшемся оторванным от человеческого общества, ставшем полубезумным и, в силу этого, приобретшем дар пророчества.

Современные медиевисты, обращающиеся к миру средневековых пророчеств, утверждают, что «„пользователи“ искали в этих текстах не столько тайны грядущего, сколько оправдания уже произошедшего или объяснения настоящего», убеждая читателей в том, что те или иные события были заранее запланированы Всевышним³. Но в случае с «Черной книгой Кармартена» мы сталкиваемся с иной версией пророчеств. Там говорится о возвращении

² Gogynfeirdd следует переводить как «поэты не столь ранние», в отличие от Cynfeirdd, т. е. «ранних поэтов».

³ Калмыкова Е. «Пророчество Джона Бридлингтонского», или Предсказание настоящего // Казус. Уникальное и индивидуальное в истории. 2005. М., 2006. С. 83–84.

национальных освободителей – Кадваладара и Кинана (не очень ясных фигур бриттских вождей VII в.). В «Яблонях» Мирддин утверждает, что Кадваладар возвратится на свой законный трон, а

«Киннан встретит его, и они пойдут вперед против саксов,
Валлийцы победят, их принц великолепен,
Все обретут свои права, слава бриттов возрадуется,
Зазвучат трубы ликования, зазвучит песнь мира и света».

Далее в «Причитаниях»:

«И я предсказываю две истины,
Восторжествующих от неба до земли:
Приход Кинана и Кадваладара, и то,
Что повсюду все валлийцы будут
Восхвалять их совместный приход».

Оба пассажа заканчиваются утверждением о том, что праведная власть будет установлена, нынешние хозяева-грабители будут уничтожены, после несчастья засияет радость, и никто не будет обделен щедростью освободителей⁴.

Джарман попытался сопоставить пророчества «Черной книги» с предсказаниями, относящимися к более раннему времени (скорее всего, к X в.) из «Пророчеств Британии», помещенных в так называемой «Книге Талиесина». Он пришел к убедительному выводу, что многие строки из «Черной книги» по своему тону глубоко пессимистичны, полны ссылок на предательства и клятвопреступления; в них упоминаются опустошенные земли и страдания, жадность управляющих и епископов, которые защищают врагов, женщины, лишённые скромности, и мужчины без доблести, а также говорится, что времена, когда бардам покровительствовали, прошли. Безусловно, эта смена настроений отразила сильную усталость, которая накопилась в валлийцах в течение многовековой непрерывающейся борьбы за свои земли и за свое право на существование. Обращает на себя внимание и то, что большинство пророчеств «Черной книги» «сочинены сказочно простым языком» (Джарман), который контрастирует с архаической и ученой манерой панегириков XII–XIII вв. – эпохи «гогинвейрда». Поэтому Джарман высказал мнение о том, что некоторые из строк «Черной книги» были сочинены для поддержания морального духа сражавшихся людей.

⁴ Не следует чрезмерно идеализировать умиротворенную просветленность предсказаний. Там есть и строки о том, что валлийские князья «будут молотить англичан, играя в футбол их головами».

Но значит ли все это, что восстановление валлийского правления над Британией вследствие прихода Кинана и Кадваладара могло в годы составления «Черной книги» восприниматься как реально осуществимое? В этом плане, вероятно, прав проф. Гланмор Уильямс, который в свое время утверждал, что средневековые валлийцы ожидали от предсказаний не точного исполнения того, о чем в них говорилось, но своего рода гарантий того, что они сохраняют свою идентичность как народ, имеющий право находиться под управлением своих собственных князей и не быть «расой завоеванных и ненадежных варваров».

Наконец, есть еще одна характерная черта в пророчествах «Черной книги»: некое самобичевание. Мирддин, предсказывая приход освободителей, не устает обвинять себя в неких преступлениях (скорее всего, в убийстве сына своей сестры). Этот мотив очень точно отразил факт постоянной междоусобной борьбы между самими валлийцами на протяжении веков, что привело к их ослаблению перед лицом врага. Достаточно хотя бы бегло посмотреть известную «Хронику принцев», составленную валлийскими монахами в одном из цистерцианских монастырей: жестокость и ужасы родовых распрей просто поражают. Поэтому не случайно, что и в валлийской литературе сложилась прочная традиция (отраженная, например, в битве легендарного Артура с Мордредом при Камлане) уделять этому внимание не меньшее, чем борьбе с иноплемennыми врагами.

«Мы есть “народ горя”, – воскликнула М. Пеннар в своих комментариях к «Черной книге Кармартена», – и поэмы Мирддина есть изображение этого горя и предсказание нашего будущего, хорошего или плохого». Реформы, происходящие сейчас в Великобритании в рамках процесса деволюции, создание и деятельность Национальной ассамблеи Уэльса открыли новую страницу в истории валлийского народа, прошлое которого, однако, остается с ним, продолжая пророчествовать о его будущем.

И. А. Зубкова*

Роль образования в развитии межобщинного диалога в Северной Ирландии

В обстановке роста регионализма и продолжающегося процесса политической деволюции в Великобритании, правительство этой страны проводит в отношении территорий своей «Кельтской окраины» взвешенную политику компромиссов, осуществляя постепенный переход к новой структуре регионального управления. При этом наиболее уравновешенной в плане регионалистских притязаний и одновременно самой сложной с точки зрения внутренней конфликтности территорией для британского правительства остается самая отдаленная и беспокойная часть страны – Северная Ирландия (Ольстер), которую еще, в соответствии с неофициальной традицией, в Соединенном Королевстве часто называют «Провинцией» (Province). К истории Северной Ирландии (как и всей истории англо-ирландских отношений) в наименьшей степени приложима концепция добровольной и сравнительно мирной «интеграции» неанглийских территорий в состав Соединенного Королевства. Завоевание Ирландии английскими землевладельцами началось еще в XII в., а к концу XVI в. эта страна фактически превратилась в английскую колонию, которую приходилось периодически удерживать в повиновении с помощью военной силы. Символ «самостоятельности» Ирландии – собиравшийся в Дублине парламент – фактически являлся органом представительства не католического большинства населения Ирландии, а английских завоевателей и поселенцев. Вслед за неудачным национально-освободительным восстанием ирландцев в 1798 г., эта страна была формально объединена с Англией, Уэльсом и Шотландией, окончательно составившими таким образом Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии. Во время Первой мировой войны

* Зубкова Ирина Александровна – канд. педагог. наук, доцент кафедры теории и методики обучения истории УрГПУ (г. Екатеринбург).

именно в Ирландии английская стратегия политической интеграции потерпела первое свое поражение: в 1921 г. на большей части острова образовалась независимая Ирландская Республика¹.

С тех пор оставшаяся в составе Соединенного Королевства Северная Ирландия (Ольстер) являет собой пример конфликтного сосуществования трех политических и культурно-религиозных традиций, на взаимоотношения которых наложила тяжелую печать длительная история английского господства. Этнокультурный облик Северной Ирландии составили: потесненное английскими переселенцами ирландское меньшинство, исповедующее католическую религию и придерживающееся своего гэльского культурного наследия; сформировавшийся в процессе длительного исторического синтеза англо-ирландский компонент населения, в религиозном отношении принадлежащий англиканской церкви Северной Ирландии, но с точки зрения идентичности считающий себя скорее «ирландцами», чем англичанами; и, наконец, динамичная, сплоченная группа протестантов англо-шотландского происхождения («юнионисты»), которые, собственно, до сих пор являются опорой сохраняющегося английского господства в Ольстере. В этой сложной этнокультурной амальгаме противоречия между двумя крайними по своим политическим установкам и религиозной нетерпимости группами – ирландскими католиками-«националистами» и сохраняющими верность Лондону англо-шотландскими протестантами-«юнионистами» – стали катализатором затяжного и трагического межобщинного конфликта, с которым британские власти не могут справиться по сей день. Нахождение политического компромисса в виде Соглашения Страстной Пятницы 1998 г. и возобновление работы североирландского парламента, Стормонта, представляют собой лишь часть – причем, вероятно, не самую определяющую – более широкой проблемы развития нормального межобщинного диалога в Северной Ирландии.

Реальностью Ольстера остается не только политическая и экономическая дискриминация ирландского меньшинства, но и глубокая культурная сегрегация по религиозному признаку, которой в одинаковой степени придерживаются обе конфликтующие стороны. Сегрегация достаточно сильно проявляет себя, прежде всего, в сфере школьного образования, которую многие наблюдатели считают решающим полем борьбы за умиротворение Северной Ир-

¹ Birch, A. H. Nationalism and National Integration. L., 1989. P. 77.

ландии. Фактически, конфликтные взаимоотношения общин постоянно воспроизводятся в силу того, что дети из католических и протестантских семей воспитываются вне какой-либо реальной возможности лучше узнать друг друга в процессе общего обучения. Английская исследовательница Джиллиан Пил отмечает, что в Северной Ирландии раздельное обучение в школах формирует у детей «сепаратный взгляд не только на религию, но и на историю, политику и более широкие культурные вопросы, затрагивающие национальную идентичность»².

С конца 1980-х гг. британское правительство проводит в Северной Ирландии политику внедрения «интегрированного» школьного образования, стимулируя ее выдачей специальных денежных грантов на обучение. Задача создания «интегрированной» средней школы была специально поставлена и перед Департаментом Образования Северной Ирландии. Принятый в 1989 г. Акт о Реформе Образования в Северной Ирландии рассматривает совместное школьное образование католиков и протестантов как важное средство развития «межобщинного взаимопонимания». В связи с этим была разработана Национальная Образовательная Программа (National Curriculum) для Северной Ирландии, в которой первостепенное внимание уделялось концепции школьного исторического образования. В ней был сделан упор на необходимость более глубокого изучения и лучшего понимания учениками всех школ различных историко-культурных традиций, сложившихся на территории Ольстера. Однако к середине 1990-х гг. лишь около 1 % средних школ Северной Ирландии были «интегрированными», хотя их число медленно, но постоянно увеличивается. Вопреки широко распространенным представлениям о непримиримости позиций протестантских «ультра» в вопросах совместного обучения, сегрегацию в области школьного образования в значительной, если не решающей степени питает консервативная позиция римско-католических иерархов, которые в обязательном порядке требуют, чтобы дети из католических семей посещали только католические школы, укомплектованные исключительно преподавателями-католиками. Первоначально такая изоляционистская позиция католиков отвечала и интересам протестантской общины, которая в результате оставляла в своих руках полный контроль за государственными школами и содержанием их учебных программ³.

² Peele G. Governing the UK. Third Edition. Oxford; Cambridge, 1995. P. 405–406.

³ Ibid. P. 406.

На исключительную важность этого содержания для развития начал межобщинной толерантности в Северной Ирландии указывает тот факт, что современные политические притязания конфликтующих общин в значительной степени базируются на спорах об историческом приоритете их «автохтонных» прав на Ольстер. В противовес ирландской националистической традиции, которая рассматривает составляющие Ольстер шесть северо-восточных графств как неотъемлемую часть Ирландской Республики, «юнионистским» историком Йэном Адамсоном была выдвинута концепция, согласно которой коренными обитателями северо-востока Ирландии должны считаться не кельтские предки ирландцев – гэлы, а совершенно самобытный древний народ круитни (Cruithny)⁴, которых гэлы вытеснили в Шотландию, на противоположный берег Ирландского моря. После того как, став английским королем, Вильгельм Оранский в конце XVII в. санкционировал поселения англо-шотландских протестантов в Северной Ирландии (т. н. «Ольстерскую Плантацию»), потомки «круитни», согласно этой концепции, всего лишь по праву вернули себе землю своих предков⁵. Эта концепция по вполне понятным причинам нашла широкую поддержку в среде протестантов-юнионистов, превратившись едва ли не в символ их права на «самозащиту» от католиков-ирландцев. Понятно, что в обстановке сохраняющейся религиозно-культурной сегрегации школьного дела подобные концепции получают дополнительную питательную почву и блокируют развитие позитивного межобщинного диалога.

Раздел пятый

Ценность образования в повседневных практиках

⁴ Кельтское название народа пиктов, этническое происхождение которых до сих пор остается неизвестным. Пикты составили один из компонентов (наряду со скоттами-гэлами) в этногенезе шотландцев.

⁵ См.: Delamaide D. New Superregions of Europe. N.Y. 1994. P. 123–124.

Образовательные потребности педагогов дошкольного образования

Дошкольное образование – важный институт социализации ребенка, эффективность которой во многом зависит от профессионализма и мастерства педагогического коллектива. Весной 2006 года в Центре развития ребенка (детский сад № 587 г. Екатеринбург) было проведено исследование, основной целью которого был анализ образовательных потребностей педагогов и специалистов дошкольного образовательного учреждения (ДОУ).

Результаты исследования показали, что каждый третий педагог стремится к самообразованию, а каждый четвертый планирует повышение квалификации на специализированных курсах, организуемых Институтом регионального развития образования, Уральским государственным педагогическим университетом.

Содержательное наполнение образовательных потребностей педагогов представлено в таблице 1.

Таблица 1

Образовательные потребности педагогов

Потребности	%
Психология дошкольного возраста	50
Образование и воспитание детей определенной возрастной группы	31,25
Общие проблемы воспитания и образования ребенка	25
Инновационные технологии в образовании и воспитании дошкольника	25
Проблемы методического обеспечения образовательного процесса	18,75
Вопросы управления в системе дошкольного образования	12,5

Табличные данные показывают, что наиболее востребованным со стороны педагогов выступает такое направление, как психология дошкольного возраста. Знание особенностей развития данной возрастной группы является необходимым условием успешной

* **Наталья Леонидовна Антонова** – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

** **Татьяна Владимировна Кузьменко** – руководитель Центра развития ребенка – детский сад № 587 Чкаловского района (г. Екатеринбург).

социализации ребенка, его комплексного гармоничного развития. Психологическая наука, развиваясь, предлагает новые технологии, ознакомление с которыми становится необходимым для педагогов и специалистов ДОУ. В таких условиях повышается роль педагога-психолога ДОУ, в орбиту профессиональной деятельности которого попадают не только дети-дошкольники, но и педагогический коллектив.

Особого внимания заслуживает мотивационная структура образовательной деятельности педагогов (табл. 2).

Таблица 2

Мотивация образовательной деятельности педагогов

Мотивы	%
Стремление к самореализации	68,75
Стремление качественно выполнять работу	56,25
Стремление повысить оклад	31,25
Упрочение своего положения на случай сокращения	12,50
Надежды на широкие возможности при переходе на другую работу	6,25

Результаты исследования демонстрируют, что ведущую роль в образовательной деятельности педагогов занимают самореализационные мотивы, инструментальные мотивы отодвигаются на второй план. Наверное, вполне уместно выдвинуть тезис о том, что в системе образования, а именно дошкольного, работают творческие, интересные люди, которым нравится работа с детьми и которые стремятся к самореализации в профессии. На уровне ДОУ важным представляется создание таких условий для педагога, которые позволят ему чувствовать себя комфортно и уютно, реализуя свой творческий потенциал и креатив.

Вместе с тем образование в структуре ценностей педагогического сообщества занимает средние позиции (табл. 3).

Таблица 3

Ценности педагогов

Ценности	%
Семья	95
Здоровье	84
Дети	78
Материальный достаток	51
Образование	49
Карьера	8
Отдых, развлечения	3

Поскольку все опрошенные нами педагоги – женщины, то для этой общности характерны традиционные семейные ценности (семья, дети), именно они занимают лидирующие позиции в структуре ценностей. Такие ценности, как материальный достаток и образование, получили практически равное число выборов.

В целом, образовательные потребности педагогов Центра развития ребенка касаются профессиональной деятельности и направлены на профессиональную самореализацию и самоутверждение. Результаты исследования позволили на базе Центра развития ребенка сформировать информационно-методическую службу, которая, ориентируясь на образовательные потребности педагогов и специалистов, призвана создать условия для их дальнейшего профессионального совершенствования.

С. В. Архипова*

Идея преемственности в повседневных образовательных практиках

Образование становится повседневной практикой все большего количества людей. С одной стороны, это обусловлено переходом к информационному обществу, в котором знания и информация являются основными факторами развития общества. С другой стороны, в образовательной деятельности заинтересованы не только педагоги, специалисты в сфере образования, управленцы, но и широкие слои населения – вследствие массовости образования и популярности меритократической модели общества. На сегодняшний день образование – это один из основных ресурсов восходящей мобильности. Для того чтобы занимать достойные позиции в обществе, быстро адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим условиям, быть конкурентоспособным на рынке труда, принимать активное участие в жизни общества, необходимо постоянно совершенствовать знания и умения. Образование современного человека приобретает характер непрерывного.

Принцип непрерывности процесса образования заключается, прежде всего, в обеспечении взаимосвязи и взаимодействия различных уровней и видов образования. От того, насколько преемственными будут уровни и виды образования, будет зависеть сам процесс непрерывности и его качества.

Именно преемственность, понимаемая как взаимодействие, взаимная связь, непротиворечивая деятельность и взаимная обусловленность образовательных уровней, способствует сохранению единства, непрерывности и качественного изменения образования. Каждая образовательная подсистема должна не только выполнять свои внутренние, строго ограниченные функции, но и работать на последующие, то есть обладать механизмом продвижения своего ученика на последующие образовательные уровни и создавать потребность в дальнейшем образовании. На любом уровне должны

* *Светлана Владимировна Архипова* – аспирантка, преподаватель кафедры социологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

происходить передача ценностей, норм, образцов поведения, формирование определенных установок, которые в дальнейшем позволят личности успешно проходить последующие стадии социализации и интегрироваться в социальную систему общества.

Образование современного россиянина дискретно. Уровни российского образования (дошкольное, школьное, начальное профессиональное, среднее профессиональное, высшее) существуют автономно, между ними нет преемственности. Это ставит учащихся в ситуацию, когда обучение на каждом образовательном уровне они вынуждены начинать как бы «с нуля». Речь, конечно, не идет о содержании, хотя, зачастую, знаний, умений и навыков, полученных в рамках одной подсистемы, не всегда хватает для перехода на последующую. Когда, к примеру, выпускники техникумов, колледжей, получившие первичные знания по профессии, находятся в вузе в положении вчерашних школьников, ничего не знающих и не умеющих, т. е. вынуждены повторно получать одну и ту же информацию.

На любом образовательном уровне предполагается наличие определенных, специфических отношений, стратегий поведения, организации обучения, характера образовательной деятельности. У учащегося, не подготовленного к новым условиям на предыдущем уровне, затягивается период адаптации. Фактически каждый раз человек вынужден кардинально менять свой образ жизни (некоторые ученики бывают не в состоянии приспособиться к изменившимся условиям и вынуждены отказываться от обучения на том или ином образовательном уровне). Это негативно сказывается на качестве обучения и мешает нормальному ходу социализации личности, следовательно, в дальнейшем учащийся не будет готов к выполнению своих социальных функций или его деятельность будет малоэффективной. Например, почти каждый поступивший в вуз испытывает адаптационные трудности. Причины, затрудняющие обучение в вузе, следующие: 1) иная, в отличие от школьной, организация обучения: учебный процесс в средней школе построен таким образом, что заставляет ученика работать поурочно-регулярно. Переступив порог вуза, вчерашний школьник попадает в совершенно иную обстановку: преобладание лекционных занятий, возможность «отсидеться» на семинарах формирует у первокурсников мнение о мнимой легкости обучения в вузе и ошибочную уверенность в возможности все наверстать и освоить непосредственно перед сессией; 2) неумение правильно распределять свое учебное

время для самостоятельной работы и, как следствие, недостаток времени для подготовки домашних заданий, в результате чего студенты приходят на занятия неподготовленными; 3) несформированность таких черт личности, как самостоятельность, ответственность, инициативность, способность контролировать и оценивать себя; 4) отсутствие навыков самостоятельной жизни в отрыве от родителей; 5) необходимость самостоятельной регуляции своего поведения. Следовательно, вчерашний школьник тратит значительное количество времени и сил на то, чтобы научиться жить и выживать в новых условиях, вместо того, чтобы действительно учиться и становиться высококлассным специалистом.

Таким образом, для того чтобы современное образование действительно было непрерывным и качественным, каждый образовательный уровень должен обладать механизмом взаимодействия с другими уровнями, который позволил бы учащимся без дополнительных трудностей двигаться по образовательной лестнице.

Ценностный аспект образовательных программ в сфере бизнеса

Для современной России актуальной является проблема взаимодействия образования и бизнеса. Это связано с тем, что в рыночных условиях образование – основа духовного, культурного, социального, профессионального, экономического развития личности, общества, государства. Сегодня в странах с быстрорастущей экономикой происходят колоссальные изменения условий ведения бизнеса. Россия вступила в заключительную стадию интеграции в мировое сообщество. Ей остро необходимы хорошо подготовленные кадры для активной работы в условиях бурно развивающихся рыночных отношений.

При анализе взаимодействия системы образования и бизнеса важным является вопрос ценности образования для различных слоев бизнес-сообщества (собственников предприятий, наемных управляющих, исполнителей). Априори можно предположить, что чем выше уровень образования, тем больше возможностей для успешного ведения бизнеса. Человек с широким кругозором, много знающий, умеющий анализировать, наверняка сумеет лучше своего менее образованного конкурента сориентироваться в быстро меняющихся условиях, выбрать правильное решение, применить в своем деле последние достижения науки и техники (хотя интуиция в бизнесе, так же как в любом другом деле, играет большую роль). Вопрос заключается, по-видимому, в том, какую цену готов заплатить за повышение своего образовательного уровня человек (причем не только в денежном выражении, но и в затратах времени, труда и т. д.) и что он надеется получить после обучения по той или иной образовательной программе.

Социологические исследования показывают, что представители бизнеса понимают ценность образования в достижении успеха. Так, оказывается, что состоятельные люди, в основном это

* *Богданова Надежда Викторовна* – аспирантка кафедры социологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

представители бизнеса, значительно образованнее, чем население в целом; среди состоятельных лишь незначительное число респондентов не стремилось получить хорошее образование; уровень образовательной активности состоятельных респондентов был значительно выше, чем малоимущих (примерно в 6 раз) [1].

Какие же формы образования существуют сегодня для представителей бизнеса? Прежде всего, это новый вид образования, призванный обслуживать прямо и непосредственно потребности и интересы бизнеса и получивший название бизнес-образования.

Одной из его разновидностей является школа МВА, которая дает высший уровень экономического образования. Обычно это предполагает классическое университетское образование, соответствующее западным стандартам знаний и навыков в области финансов, маркетинга и менеджмента. Но по программам МВА учатся не только ради знаний. К числу главных побудительных мотивов относится также расширение круга деловых связей. Согласно статистике от 40 до 60 % аудитории российских МВА-программ состоят из генеральных директоров компаний и их замов, знакомство с которыми может оказаться полезным.

Часто люди стремятся пройти подготовку в бизнес-школе не из-за желания повысить свою квалификацию или профессионализм, а по формальным признакам. Ведь чтобы поступить на работу в приличную компанию, даже не только в транснациональную корпорацию, часто надо иметь диплом МВА. К сожалению, крупные отечественные фирмы берут на вооружение этот пример, рассматривая престижное образование больше как страховку от полной неграмотности, чем гарантию качества.

Следует заметить, что сегодня необходимы новые подходы к процессу бизнес-образования. Человек должен развиваться все-сторонне, а сам процесс обучения должен быть интерактивным. Люди приходят в бизнес-школы не только за знаниями, но и за навыками, ценностями, установками, которые возникают именно из интерактивного общения. Но даже и навыки не столь важны. Более важны ценности и моральные качества. Постепенно в России появляются этические нормы ведения предпринимательской деятельности, российские бизнесмены становятся все более схожими с европейскими.

Одна из актуальных проблем в развитии бизнес-образования состоит в том, чтобы установить взаимовыгодные отношения вузов с реальным сектором бизнеса региона в целях координации совместной деятельности работодателей с бизнес-школами в под-

готовке конкурентоспособных специалистов. Глобализация экономики привела к тому, что задачей бизнес-образования стала подготовка не просто менеджеров, а специалистов, способных эффективно управлять в любой точке земного шара.

Однако сегодня бизнес-образование скорее разделяет вуз и бизнес. В качестве одной из моделей взаимодействия образования и бизнеса имеет смысл рассматривать усиление связей между высшим образованием и бизнес-образованием, а возможно, и их объединение в каких-то сферах деятельности и обслуживания бизнеса. Должна осуществиться перестройка бизнес-образования в сторону повышения практической отдачи [2].

Сейчас зарождается такое направление бизнес-образования, как молодежное бизнес-образование. Основные задачи такого обучения – профориентация и получение практических навыков работы в бизнесе. А заниматься этим – значит готовить ценные кадры для бизнес-сообщества. Сегодня в школах и вузах не готовят людей к занятиям бизнесом. Классическое российское образование больше теоретическое, чем практическое. Системы профобразования, как и профориентации молодежи, у нас сегодня не существует.

Молодежное бизнес-образование заключается в том, что можно попробовать свои силы в разных отраслях бизнеса как в качестве управляющего, так и в роли наемного работника. Результат такого обучения – это, во-первых, понимание того, в какой сфере индивиду хотелось бы работать и есть ли у него вообще желание заниматься бизнесом. А во-вторых, речь идет о приобретении навыков общения, формировании умения вести переговоры и комфортно выходить из конфликтных ситуаций, о выработке у слушателя навыков самопрезентации, то есть умения заинтересовать аудиторию собой и своей идеей.

На рынке бизнес-образования доказали свою жизнеспособность тренинги и семинары. Они интегрируют практический жизненный опыт, а также знания, умения, навыки, полученные при изучении различных дисциплин (экономическая теория, экономика предприятий (организаций), право, теория бухгалтерского учета, статистика, информационные технологии, основы бизнеса, психологии и др.), закрепляют полученные знания и навыки путем их применения и отработки в специально моделируемой среде тренинга. В общем виде концепция бизнес-тренинга предполагает: 1 – создание атмосферы (среды тренинга), приближенной к реальным условиям бизнеса, конкуренции и партнерства; 2 – проекти-

рование и создание виртуальных предприятий; 3 – создание виртуального рынка для организации сбыта продукции и услуг, поиск партнеров и поставщиков; 4 – создание рекламных продуктов в различных формах (сайты, буклеты, объявления, презентации товаров, работ и услуг); 5 – приобретение навыков делового общения, создание имиджа, оформление офисов, начальные навыки ведения переговоров, представление о технологии и процедурах заключения договоров; 6 – получение практических навыков работы при создании виртуальных предприятий (работа с документами); 7 – приобретение практического опыта командной работы, межличностного общения и принятия управленческих решений.

Корпоративная образовательная программа – еще один вид образовательных программ в сфере бизнеса. Их ценность определяется следующими положениями. В первую очередь, корпоративные программы разрабатываются и реализуются исходя из стратегических задач организации. Во-вторых, такая программа как напрямую, так и опосредованно может решать задачи командообразования в коллективе, согласования множественных интересов, повышения качества взаимодействия подразделений компании. В-третьих, для разработки этих программ требуется проведение диагностики нынешнего состояния организации, а ее результаты всегда ценны и полезны для дальнейшего ведения бизнеса.

Таким образом, российское образование доказало, что оно в состоянии предложить ценные для бизнеса виды образовательных программ. Хочется надеяться в будущем на более тесную кооперацию бизнеса и образования, налаживание диалога между школами бизнеса и потребителями их продукта, на поиск взаимопонимания, в результате чего образовательные программы приблизятся к требованиям практики, а представители бизнеса глубже поймут возможности и ценность образования.

Литература

1. Ключаев Г. А., Кофанова Е. Н. О динамике образовательного поведения состоятельных и малоимущих россиян // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 116–122.
2. Зборовский Г. Е. Высшее образование и бизнес: проблемы взаимодействия // Болонский процесс: развитие менеджмента и маркетинга. Материалы III Международной научно-практической конференции, 12–13 декабря 2006 г.: В 2 ч. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2006. Ч. 1. С. 148–151.

Ценности музыкальной культуры современной российской молодежи

Интегральный характер категории «музыкальная культура» требует применения к его исследованию системного подхода. В самых общих чертах музыкально-культурный мир общества как системы может быть представлен тремя основными компонентами: социальные функции музыкального искусства, музыкальная культура общества и музыкальная жизнь общества. В этой системе социальные функции искусства, в том числе и музыкального, выступают в качестве системообразующего фактора, культура общества выражает его художественный мир в статике, а музыкальная жизнь – в динамике [1].

На основании вышеизложенного социология культуры призвана изучать многообразные связи и зависимости между культурой и различными сторонами общественной жизни, между искусством и его аудиторией; исследовать происхождение и функционирование художественных ценностей и норм.

Потребности личности, социальных групп, общностей всегда связаны с развитием культуры. В то же время очевидно, что стремление к культуре проявляется в форме потребностей. Все это позволило ученым, в том числе и социологам, оперировать понятиями «материальные» и «культурные потребности», которые, в свою очередь, могут быть классифицированы по разным основаниям.

Большинство населения в той или иной степени приобщено к ценностям культуры. Массовые опросы в конце 80-х годов свидетельствовали, что лишь у 10 % населения не привит вкус к постоянному чтению книг, газет, журналов [2]. И хотя кино и телевидение занимают у них достаточно значительное место в досуге, этот факт еще не говорит о глубине и развитости культурных потребностей как таковых. При таком подходе к исследованию культу-

* *Ольга Васильевна Брагина* – аспирантка кафедры социологии Гуманитарного университета, зам. директора по воспитательной работе Уральского музыкального колледжа (г. Екатеринбург).

ры фиксируются формы приобщения к ней, но их интенсивность и качество не раскрываются.

Как указывает К. З. Акопян, для современного общества характерно масштабное омассовление сферы музыки, и этот процесс обладает многими специфическими особенностями, характерными для экспансии, осуществляемой в XX в. массовой культурой по отношению ко всем видам искусства «и любым областям совокупной деятельности социализированного индивида» [3]. Музыка заявляет о себе практически во всех сферах жизни современного общества, что говорит о возрастании ее общественной роли. По сути, происходящие качественные изменения привели к формированию ранее не существовавшего социокультурного образования – «омузыкаленного» социума. Обретение музыкой нового социального статуса, возрастание социального значения присущей ей компенсаторной функции, выполнение важной роли в явлении омассовления требуют углубленных исследований и осмысления.

Исследованию музыкального восприятия до сих пор не уделяется должного внимания. А ведь уже давно доказано, что даже отдельные музыкальные созвучия могут вызывать физиологические отклики в человеческом организме. На этом фундаменте надстраиваются уровни психического, художественного, эстетического, содержательного освоения музыки. Причем музыка, относимая к высокому, классическому искусству, требует гораздо большего удаления от физиологического уровня восприятия. При контакте с серьезной музыкой человек выходит на интеллектуальный уровень восприятия, в котором задействованы все – и чувственные, и эмоциональные, и интеллектуальные – способности индивида.

На современном этапе в российском обществе наблюдается кризис во многих сферах социальной жизни. В частности, в образовании накопилось достаточное количество проблем, требующих всестороннего анализа и кардинального пересмотра педагогических приемов, методов и подходов. Это коснулось и музыкального образования. В эпоху социалистического общества семья зачастую не могла дать необходимого уровня культуры, и школа брала на себя функцию воспитателя гармонично развитой личности подрастающего поколения. Это касалось, в частности, и привития определенных музыкальных вкусов. В настоящее время ни семья, ни школа не влияют на становление взглядов и вкусов подрастающего поколения в такой степени, в какой влияют СМИ и окружающая среда.

Широко распространенная в 80-е годы в российских общеобразовательных школах программа музыкального образования Д. Б. Кабалевского имела, на первый взгляд, благую цель – воспитать массового культурного слушателя прежде всего серьезной музыки. Вероятно, эта программа хорошо «работала» у самого автора. В обычных школах он проводил уроки, которые транслировались по телевидению на всю страну. Но как только эту программу утвердили министерские чиновники как обязательную и преподаванием по программе Кабалевского занялись все учителя музыки российских школ (подавляющее число которых лишь вскользь и наспех познакомились с этой программой), обнаружился неожиданный эффект – вместо вдумчивого, рассуждающего и понимающего слушателя мы получили нечто противоположное: все меньше и меньше подростков и молодежи посещают филармонические концерты, оперные и балетные спектакли. Налицо духовное обнищание общества, и в частности молодежи.

Исследования потребностей молодежи в сфере музыкальной культуры имеют несистематический характер, к тому же в этой области не существует адекватной методологической базы. Представляется необходимым разработать методологию социологического анализа музыкальных потребностей и предпочтений молодежи.

Литература

1. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи. Екатеринбург, 2006.
2. Динамика ценностей населения реформируемой России. М., 1996.
3. Массовая культура. М., 2004.

В. Н. Варламенков*

О кратосоциообразовательном поле исследований

Власть (греч. *cratos*), общество (лат. *societas*), образование (русское слово) всегда являлись системообразующими сегментами гуманитарного пространства человечества. Они определяли вектор развития любой страны, являясь фундаментом военных, экономических, культурных, цивилизационных побед. В процессе закономерных изменений власть, общество, образование с разной степенью эффективности постоянно взаимодействовали, демонстрируя широкий разброс уровней сближения, сплоченности, партнерства и сотрудничества.

Власть как центральное организационное и регулятивно-контрольное начало политики, общество как организованная система социальных ролей, которые стандартизируют поведение индивидов независимо от личных качеств, образование как система формирования, становления и развития человека всегда служили объектами изучения гуманитарных дисциплин.

Исследователи не придавали значения регулярной устойчивости социального взаимодействия этих явлений. Контактируя между собой, власть, общество, образование формировали специфические нормы, регулирующие функциональные взаимовлияния, налаживали системы механизмов упорядочивания взаимообмена и таким образом создавали ценностно-значимые для социума образцы жизнеустройства.

Кратосоциообразовательная область вышла из-под опеки родительских дисциплин – политологии, социологии, педагогики. Динамика развития знаний на стыке наук требует создавать новые основания для понимания процессов в обществах, происходивших в прошлом, по-новому измерять уровни взаимодействия основных явлений современной гуманитарной жизни.

* **Виктор Николаевич Варламенков** – преподаватель Самарского техникума легкой промышленности (г. Самара).

Характеристика любой отрасли научных знаний начинается с определения объекта и предмета. Объектом кратосоциообразовательных знаний является состояние и основные тенденции теории и практики взаимодействия власти, общества, образования в различных регионах страны, мира. Предметом кратосоциообразовательных знаний является взаимосвязь государственного управления, общественного воздействия и сферы образования.

Сопоставительное изучение кратосоциообразовательного межрегионального опыта позволяет объяснить:

- почему были востребованы определенные организации систем образования в контексте заданной исторической эволюции;
- каковы границы формирования объективного и субъективного начал властных структур, «задававших» тенденции развития образования;
- каково влияние социальных, экономических, религиозных, философских факторов, национальных предубеждений на реализацию образовательной политики в регионе;
- каков позитивный и негативный итог форм и способов кратосоциообразовательного взаимодействия и интегрирования отечественных и зарубежных педагогических культур.

Методология кратосоциообразовательных знаний должна разрабатываться преимущественно в ходе содержательных исследований. Ее первостепенная задача — выявление и анализ важнейших закономерностей и тенденций взаимодействия власти, общества, образования при строгом учете их специфического преломления на региональном уровне. Национальным своеобразием объясняется, в частности, преимущественное внимание к тем или иным проблемам.

В идеале кратосоциообразовательные исследования должны способствовать синтезу тех системообразующих знаний, которые сближают культуры народов, выявляя отличие и своеобразие, создавая позитивную мотивацию на сотрудничество.

До сих пор разработка этой исключительно сложной проблематики не находилась в поле зрения ни отечественных, ни зарубежных ученых, но такая позиция могла бы служить мобилизующим фактором при проведении глубоких научных исследований.

Определяя главные задачи кратосоциообразовательных исследований, ученый стремится глубже понять свою национальную образовательную систему, стратегию и на основе тщательно собранных данных и анализе проблем, стоящих перед национальным

правительством, обществом, предложить то или иное направление действий и оценить полезность заимствований в прошлом для определения позиций для будущего развития.

Обеспечивая свое влияние, власть создавала условия поиска таких систем обучения, образовательных стандартов, которые были бы адекватны вызовам времени. Кратосоциообразовательный опыт исследования — это поиск взаимной полезности и конкурентоспособности триады гражданского общества. Говоря о молодой научной дисциплине, которая является синтезом наук истории, социологии, политологии, педагогики, философии, новое научное пространство делает границы между ними гибкими, подвижными, а базовые понятия, часто пересекающиеся, вступая в соединение с вновь образующимися, создают «свои» эталоны, образцы, определяя новые параметры исследований.

Звенья взаимодействия кратосоциообразовательной системы

1. Наиболее чувствительные сущности сближения элементов.
2. Взаимообусловленность, взаимосоотнесенность, взаимное соподчинение уровней бытия.

Задачи бизнес-образования в России

Сегодня образование активно осуществляет экспансию в те разнообразные сферы жизни, которые ранее были ему неподвластны, стараясь учить всех и всему самыми различными способами и средствами. Обучение новым специальностям, разнообразие видов образовательных услуг, осуществляемых в огромном временном диапазоне (от одного дня до нескольких лет), – это показатель адаптивности образования к современным условиям и его конкурентоспособности как развивающегося социального института.

Развитие бизнеса в России в начале XXI века становится все более тесно связанным с образованием, работающим на удовлетворение его потребностей. На текущий момент в российской экономике подавляющее число рабочих мест не требует наличия высшего профессионального образования в его традиционном понимании как фундаментального и комплексного, но при этом требуется иная культура труда, иное представление об ответственности. Выходящий на рынок труда специалист должен быть готов выполнять отдельные (разные) технологические операции, уметь контролировать их качество и руководить предприятием в быстро изменяющейся агрессивной среде бизнеса.

Отсюда и пожелания многих работодателей о сокращении сроков подготовки студентов в вузах, о выработке общих навыков работы в определенной области и о формировании способности быстро осваивать профессиональные квалификации.

В России формирование нового рынка образования, реагирующего на изменение требований повседневной жизни, началось сравнительно недавно, но, тем не менее, можно говорить о новых услугах, влияющих на рынок: корпоративные университеты, бизнес-образование и система тренингов.

* **Галина Вячеславовна Вельтищева** – бизнес-тренер Урало-Сибирского института бизнеса (г. Екатеринбург).

Систематизируя нынешнюю российскую практику в сфере бизнес-образования, целесообразно выделить четыре действующих модели.

Модель I. Высшее образование

Цель: Развитие личности, вывод на профессиональный уровень специалиста в конкретной области менеджмента.

Назначение: Позволяет занять достойное место на рынке труда в сфере бизнеса и менеджмента.

Документы: Диплом специалиста (5 лет) с присвоением первой квалификации по классификатору специальностей (специалист-практик, работник штабного подразделения). Диплом магистра управления (6 лет) с присвоением академической степени (научный работник, преподаватель, аналитик).

Контингент: Лица с аттестатом о среднем образовании (первое высшее) или с дипломом бакалавра (магистратура).

Содержание обучения: Определяется государственными стандартами.

Модель II. Профессиональная переподготовка

Цель: Введение в профессию менеджера.

Назначение: Дает возможность профессионально сориентироваться в том, что слушатель, как правило, делает на практике, заняв какую-либо управленческую должность в низовом или среднем звене. Но по своему содержанию она скорее раскрепощает человека, расширяет его кругозор и дает основы знаний, но никак не претендует на высокий уровень профессионализма.

Документ: Диплом о профессиональной переподготовке (свыше 500 час.), т. е. дополнительное образование без присвоения квалификации.

Контингент: Лица с профессиональным (высшим и средним специальным) образованием и опытом практической работы.

Содержание обучения: По согласованию с заказчиком.

Модель III. Повышение квалификации

Цель: Формирование более квалифицированного руководителя.

Назначение:

1. Тематическое обучение по вопросам конкретного производства в рамках тематических и проблемных семинаров (от 72 до 100 час.), по месту основной работы.

2. Углубленное изучение актуальных проблем науки, техники, технологии, социально-экономических проблем по профилю профессиональной деятельности в образовательном учреждении повышения квалификации (свыше 100 час.).

3. Краткосрочное (до 72 час.) изучение конкретных вопросов, актуальных проблем, методик профессионального характера на семинарах и рабочих сессиях.

Документ:

1. Удостоверение о повышении квалификации (государственное).
2. Свидетельство о повышении квалификации (государственное).
3. Сертификат об участии в программе (негосударственный).

Контингент: Руководители и специалисты, желающие повысить квалификацию.

Содержание обучения: По усмотрению образовательного учреждения или заказчика.

Охватывает великое множество краткосрочных программ и семинаров по самым различным аспектам бизнеса и менеджмента. Распространено повсеместно и предусматривает действительно активное обновление знаний действующих руководителей, приобретение ими новых навыков, ознакомление с новшествами в области управления организациями и т. п.

Модель IV. Мастер делового администрирования

Цель: Подготовка профессионального менеджера.

Назначение: Ускорение карьерного роста, содействие успеху в предпринимательстве, начало карьеры менеджера для специалистов.

Документ: Диплом о дополнительном (к высшему) образовании (с 1 июня 2000 г.) с присвоением дополнительной квалификации «Мастер делового администрирования» (МВА), т. е. менеджера-генералиста, руководителя среднего и высшего звена.

Контингент: Лица с дипломом о высшем образовании (по любой специальности) и, как правило, опытом практической работы не менее 2 лет.

Содержание обучения: Государственные требования к профессиональной переподготовке с присвоением квалификации.

Направлена на подготовку профессиональных менеджеров и составляет, вообще говоря, наиболее значимую часть сферы бизнес-образования. Ценность этого образования, призванного поднять менеджера-практика до уровня профессионала, состоит в том,

что оно является весьма сильным стимулом для начала (после карьеры специалиста), а еще чаще, для развития карьеры в одной из наиболее престижных и высокооплачиваемых профессий менеджера среднего, а затем и высшего звена или же для создания серьезных предпосылок к успеху в предпринимательстве.

И в заключение. Такие дисциплины, как маркетинг, общий менеджмент, лидерство, ориентированы на еще более высокий уровень развития способности действовать в сложных, неопределенных ситуациях. Тем более это относится к управлению стоимостью компании, антикризисному менеджменту, управлению нововведениями и т. п. Отсюда следует вывод, что научная компонента по обучению менеджменту далеко не всегда является доминирующей и практически во всех случаях уравновешена практической направленностью высокого уровня, а реальному менеджменту только по книгам научиться нельзя. Учебный процесс должен обязательно предусматривать обучение на опыте, от других людей, посредством изменений, через осмысление, приобретение навыков не только в данной, но и в смежных и даже иных областях, что делает бизнес-образование весьма специфическим не только по содержанию, но и по своим методам. Если опустить один из этих аспектов, выпускники бизнес-школ не будут востребованы на рынке, а образование не будет выполнять свои функции, которые на него возложены в социуме.

В современных условиях необходимо постоянно повышать уровень профессиональных знаний и навыков с помощью обучения и развития персонала. Российский бизнес развивается сегодня очень динамично, и потребность предприятий в обучении постоянно растет.

Образование как фактор успешной адаптации индивида в социуме

Образование в любой своей форме универсально в том смысле, что его содержание обусловлено не только видом деятельности, к которому осуществляется подготовка специалистов, но оно также исходит из потребностей универсального развития человеческой культуры. Профессиональное образование не только готовит человека к соответствующей деятельности, но и направляет его на целостное освоение культуры. Модель профессионального образования, как отмечают социологи, должна содержать по крайней мере два блока: универсальные и специальные компоненты образования. 1) Универсальное образование строится из потребностей, а также исходит из состояния культуры общества. Так, гуманитарное образование формирует у человека культуру общения с другими людьми, расширяет его кругозор и дает знания по психологии межличностных отношений. Специальное, или узко профессиональное образование, формирует профессионала, способного выполнять трудовые функции.

Образование выполняет и функцию адаптации человека как к социальной, так и к природной среде. Механизм адаптации развивается на всем жизненном пути индивида, он дает возможность соотносить его особенности с возрастными факторами, социальными изменениями. Соответственно, в содержании образования могут быть заложены средства адаптации человека к фазам жизнедеятельности и свойственным им занятиям, к различным факторам жизненных ситуаций. В результате полученного образования у человека должны быть сформированы интегративные представления о природе, социуме и человеке, а также рациональные методы научного мышления и общая культура. Этому способствует интеграция гуманитарной и профессиональной подготовки. Преподавание таких дисциплин, как история, философия, социология,

* *Любовь Михайловна Дормидонтова* – канд. социол. наук, заслуженный работник СПО РФ, преподаватель РГСУ (филиал) (г. Уфа).

политология, экономика и др., помогает молодому человеку составить целостное представление о мире, лучше понять общественные проблемы.

Следует признать, что в современном обществе одним из решающих инструментов адаптации является образование как социальная система и социальный институт, способствующий вхождению человека в социум. Поэтому образование можно рассматривать как социальное качество общества через выделение его социальных функций. Социальная функция включает в себя подготовку индивида к профессионально-трудовой деятельности, формирование творческой активности и стремление личности к непрерывному образованию, получению разнообразных знаний, активной производственной деятельности. Тем самым создаются предпосылки для формирования мировоззренческих позиций человека.

Началом исследования образования как объекта социологической науки можно считать работу Э. Дюркгейма «Социология образования». Для России началом развития социологии образования можно считать работы П. Сорокина, посвященные социальным функциям образования и высшей школы, связь образования с социальной стратификацией. В современной социологической науке чаще всего образование исследуется как социальный институт, социальная система, социальная деятельность, реже – как условие, как функциональная система, формирующая адаптивные качества личности человека.

В ходе получения профессионального образования формируется опыт, который в последующей жизнедеятельности используется индивидом в социальной адаптации. Именно поэтому профессиональное обучение необходимо рассматривать как процесс накопления индивидом адаптивных качеств. В современных условиях образование становится одним из мощных рычагов регулирования процесса социальной адаптации человека, социальной группы. Но эффективное воздействие на этот процесс невозможно без изучения факторов, условий, механизмов социальной адаптации индивида как представителя определенной социальной группы. Особую актуальность приобретает разработка методов изучения процесса социальной адаптации молодежи на современном этапе, когда существенным образом изменяются требования, предъявляемые к молодому специалисту, причем не только к его квалификации, но и к знаниям, качествам, способствующим его успешной адаптации в новых условиях.

Необходимо подчеркнуть, что образование, наряду со знаниями, умениями, профессиональными навыками, формирует ценностные представления личности, способствующие ее социальной адаптации. Следует оговориться, что содержание ценностей для каждого человека достаточно индивидуально, необходимо учитывать специфичные социальные условия среды, географические, региональные, национальные, религиозные и другие особенности. Но даже при наличии специфических факторов и условий именно образование способно формировать общечеловеческие ценности.

Нами определено, что профессиональное образование можно рассматривать как процесс выработки адаптационных свойств личности к вступлению в новую социальную среду. Но в то же время необходимо уяснить, что все адаптационные навыки невозможно полностью передать с помощью обучения. Естественно, адаптационные навыки усваиваются в результате приобретения знаний и умений, которые передаются людьми старшего поколения, обладающими более богатым социальным опытом, но в то же время каждая социальная группа, поколение, индивид имеют свои специфические адаптационные качества. Например, для одного поколения – это выживаемость в условиях войн, революций, политических репрессий. Для другого поколения или социальной группы – это умение адаптироваться в условиях экономических кризисов и политической нестабильности. Вследствие этого и само образование не может оставаться без изменения. Трансформируется не только система образования, его доступность, вариантность, подвержена изменению сама ценность образования, его специфика – как условие, как возможность приобрести знания и умения, востребованные в обществе, а значит, и способствующие более успешной адаптации в профессиональной среде. Образование как таковое в современных условиях становится чем-то большим, нежели сумма приобретенных знаний и навыков. Оно превращается в систему, призванную формировать адаптивные качества человека, направленные не столько на выживание и на формирование приспособительных функций, сколько прежде всего на развитие.

М. В. Заичко*

Роль иностранного языка в повседневных практиках

В современных условиях возникает острая необходимость изучения иностранных языков, знание которых может служить мощным двигателем развития нашей страны и фактором повышения ее конкурентоспособности в мировом пространстве.

В последние годы стало престижным умение общаться с зарубежными гостями на их родном языке. Более того, будучи за границей, наши современные специалисты, знающие язык конкретной страны, меняют имидж России, еще недавно закрытой для широкого бизнес-сотрудничества. Сейчас появилась возможность работать, жить, учиться практически в любой точке мира. Владение иностранным языком, хотя бы английским, является необходимым условием карьерного роста, не менее важным, чем диплом престижного высшего учебного заведения. Без знания иностранного языка практически невозможно в совершенстве овладеть компьютером, прочесть специальную литературу.

Задача высшей школы состоит в том, чтобы дать возможность развития, осознания себя как личности всем обучаемым, идущим по пути самоактуализации. Ожидаемым продуктом деятельности является сформированность социокультурной личности специалиста.

Влияние учебной деятельности по изучению иностранных языков на развитие личности свидетельствует о наличии взаимного влияния процессов овладения иностранным языком и развития определенных качеств личности.

Обучение иностранным языкам обогащает ценностно-ориентированное мировосприятие студентов, развивает интеллектуальную, эмоциональную и деятельную сферу личности. Тематика текстов должна отображать интерес студентов, содержать как гу-

* *Маргарита Васильевна Заичко* – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Тюменского государственного нефтегазового университета (г. Тюмень).

манитарную, так и профессиональную информацию, знакомить студентов с краеведческими и экологическими проблемами, активизировать знания студентов по истории и культуре, развивать их творческий потенциал. Система упражнений, направленных на развитие коммуникативных умений, должна вызывать эмоциональный отклик, стремление к анализу, оценке нравственной сущности поступков и действий людей.

Изучая иностранный язык, студенты лучше понимают особенности родного языка, глубже осознают способы выражения личности на родном языке. Современные студенты понимают, что без иностранного языка они будут отлучены от мировой культуры, а они хотят знать, о чем говорят, поют их сверстники, что они хотят в этой жизни. Поэтому мотивационный аспект изучения иностранного языка сейчас невероятно высок. Студенты, обучающиеся ныне, пытаются во время учебы овладеть навыками разговорной речи, делового общения. Получаемые в процессе обучения знания расширяют общий кругозор, позволяют лучше оценить сущность и значимость своей деятельности, а также приобрести большую компетентность в профессиональной деятельности.

Л. Б. Захарова*

Нравственные основы педагогической деятельности в вузе

Поведение педагога выступает как стимулятор поведения слушателей. Важно избрать те модели поведения, которые не разъединяют, а объединяют всех субъектов общения (социальная психология выделяет интерактивный, коммуникативный и перцептивный элементы общения). Критерии выбора моделей поведения в совокупности образуют тот модуль требований, использование которого предопределяет стратегию общения.

Утверждению личного имиджа в общении способствует соблюдение ряда нормативных поведенческих правил.

1. Благоговение перед личностью. У П. А. Вяземского есть высказывание о том, что «о некоторых сердцах можно сказать, что они непромокаемы, а потому слезы ближних не пробивают их, скользят по ним». Сдержанное отношение к людским страданиям – не лучшее личностное качество для общения.

2. Нравственная объяснимость поступков. Формально-бюрократическое отношение не имеет никакого оправдания. Высшей планкой в жизни надо считать нравственные ценности.

3. Терпимость к человеческим недостаткам. Это очень актуально в условиях столь явного социального, материального, нравственного, интеллектуального расслоения общества.

4. Жесткий самоконтроль. Великий русский писатель, мыслитель, педагог, гуманист Л. Н. Толстой говорил, что «жизнь без нравственного усилия – это сон». Этому способствует определенная мера «нравственного закаливания». П. Ф. Каптерев определял его так: «нравственное закаливание также есть плюс по отношению к духовному воспитанию. Под нравственным закаливанием нужно понимать не закаливание в тесном нравственном смысле, только в области нравственных чувствований, но зака-

* Людмила Борисовна Захарова – канд. истор. наук, ст. преподаватель ГОУ ВПО Самарский филиал Саратовского юридического института МВД России (г. Самара).

ливание в широком смысле душевной деятельности вообще. Под ним нужно разуметь развитие значительной душевной энергии и стойкости при самых неблагоприятных обстоятельствах, способность отказаться от разных, более или менее значительных удовольствий для достижения поставленной цели». По мнению П. Ф. Каптерева, система нравственного закаливания складывается из двух сторон: страдательной и деятельной. Воспитание воли, сопротивляемость неприятностям — область душевного закаливания. Физическая и душевная энергия, способность работать долго и напряженно при полном сосредоточении внимания — это свойства высокообразованной воли. Благородство целей и достоинство методов способствуют утверждению личной репутации преподавателя.

5. Тактика общения. Это искусство выбора вариантов и маневров его претворения в жизнь. Важно уметь произвести впечатление аргументацией — риторикой и лексикой, а также мимикой, артикуляцией речи и пр. Тактическая гибкость имеет чрезвычайную важность, поэтому среди правил общения главным является принцип соответствия речевой ситуации.

6. Постулаты общения. Исходным будет необходимость обладать несколькими вариантами поведения в однотипной ситуации и уметь ими оперативно пользоваться. В жизни неизбежны противостояния точек зрения, но они не должны перерасти в личную неприязнь. Уметь ладить с людьми — и наука, и искусство. Не допустить конфликт легче, чем его погасить. Наилучший путь избежания конфликтов — научиться видеть человека в другом.

7. Механизмы взаимоприятия. Это комфорт общения, духовная совместимость. Привыкание, эмоциональная расположенность, симпатии, вера в конкретного человека, уважение — основные механизмы людского взаимоприятия. Существует эффект эмоциональной идентификации или психологического заражения (эмоциональное состояние сопереживания и единый дух реагирования). Однако этот механизм может быть опасен тем, что человек в состоянии психического заражения теряет свою индивидуальность, интеллектуальную самостоятельность, легко поддаваясь управлению. Все это надо иметь в виду, обращаясь к этому механизму взаимодействия людей.

Итак, все названное имеет непосредственное отношение к личному имиджу. Не научившись общаться, нельзя прочно удерживать интерес к себе и вызывать симпатию.

Краткая характеристика психологических и нравственных принципов процесса обучения, образования позволяет в обобщенном виде сказать, что мера этического определяется мерой внимания к другому человеку, мерой сопряжения интересов личного «Я» и интересов «другого», мерой уважения себя как человека, мерой свободы выбора человека, проявляющего свое субъективное, не предначертанное извне и свыше отношение к другому.

Учебный процесс в юридическом вузе требует и от педагога, и от слушателя, курсанта взаимного внимания, уважения, вежливости, деликатности при общении. Специфика профессии юриста гораздо чаще, чем какая-либо иная профессия, проявляет сходство с педагогической деятельностью. Ведь к личности будущего юриста предъявляется ряд самых серьезных требований, в том числе и как к педагогу, например: умение работать с людьми, коммуникабельность, тактичность, наблюдательность, организаторские способности, высокая требовательность к себе как основа такой требовательности к другим.

Таким образом, обучая студентов, воспитывая новые поколения граждан России, прививая высокие служебные, профессиональные качества, педагоги должны, прежде всего, заботиться о моральном воспитании, нравственной культуре слушателей как залоге добросовестной службы на благо общества и государства.

Е. Н. Зольникова*

Ценность иностранного языка в воспитании личности

Изменения, произошедшие в российском обществе за последние пятнадцать лет, значительно повысили требования, предъявляемые к работникам всех сфер общественной жизни. В настоящее время, наряду с высоким профессионализмом, во главу угла ставятся такие черты личности, как инициативность, предприимчивость, рационализм, динамичность, способность быстрой реакции на актуальную ситуацию, здоровый оптимизм, коммуникабельность. Все эти характеристики свойств личности не могут существовать без развитых коммуникативных способностей. Умение вести себя с людьми в соответствии с принятыми в обществе нормами является одним из важнейших факторов, определяющих возможность достижения успеха в бизнесе, служебной или предпринимательской деятельности. Успех того или иного человека в его финансовых делах, в технической сфере или инженерном деле зависит процентов на пятнадцать от его профессиональных знаний и процентов на восемьдесят пять – от его умения общаться с людьми. Высокий уровень развитости коммуникативных способностей работника обеспечивает реальный психологический контакт с коллегами, начальниками и подчиненными.

Коммуникативное обучение предполагает организацию процесса обучения как модели процесса общения. Уроки иностранного языка становятся уроками обучения общению через общение. Поэтому сегодня иностранный язык как никакая другая дисциплина может способствовать повышению культуры общения членов нашего общества. Иностранный язык, так же как и родной, тесно связан со всеми сферами жизнедеятельности общества: экономикой, политикой, искусством и т. д., он является средством не только межличностного, но и межнационального, межгосударст-

венного, международного общения, с его помощью происходит понимание того, что познать на родном языке адекватно и своевременно нельзя. То есть иностранный язык способствует расширению не только филологического, но и общего кругозора учащихся. При изучении иностранного языка студенты овладевают новыми средствами общения для непосредственного доступа к ценностям мировой культуры, в особенности к культурным ценностям страны изучаемого языка: ее истории, географии, науке, литературе, искусству. То есть предмет «иностранный язык» несет в себе иноязычную культуру, под которой нужно понимать ту часть духовного богатства, которую способен дать человеку процесс коммуникативного обучения иностранному языку в учебном, познавательном, развивающем и воспитательном аспектах.

Воспитательный аспект есть один из самых важнейших компонентов в обучении иностранному языку. Воспитание личности предполагает:

- развитие психики личности в целом (мышление, память, чувства, воображение);
- формирование мировоззрения (система взглядов и убеждений);
- формирование черт характера (настойчивость, трудолюбие, целеустремленность, любознательность, настойчивость, активность);
- усвоение общепринятых норм поведения (вежливость, выдержанность, дисциплина, такт);
- развитие эстетических взглядов;
- развитие различных склонностей и способностей, нужных нашему обществу;
- развитие потребностей в дальнейшем самообразовании.

Все эти задачи, в принципе, решаются дисциплиной «иностранный язык». При обучении иностранному языку возникают безграничные воспитательные возможности, если иностранный язык используется как средство для приобщения студентов к духовной культуре других народов и познания действительности путем иноязычного общения, как способ самопознания и самовыражения личности в процессе общения.

Таким образом, иностранный язык представляет огромное количество средств, с помощью которых мы сумеем создать не только образованного человека, но и сможем воспитать личность, обладающую высокой системой общечеловеческих ценностей, новым мышлением и реалистичным взглядом на современный мир.

* **Елена Николаевна Зольникова** – ассистент кафедры иностранных языков Тюменского государственного нефтегазового университета (г. Тюмень).

Ценности образования в повседневных практиках

Прежде чем говорить о ценностях образования, рассматриваемых с государственной, общественной и личностной точек зрения, необходимо дать его определение и попытаться выяснить, какое место оно занимает в обществе, в частности российском.

Существует множество дефиниций этого понятия исходя из правовых, философских, педагогических позиций. Современная педагогическая наука рассматривает категорию образования как своеобразную систему, элементами которой являются ценность, система, процесс, результат. Результат образования многоструктурен и включает в себя такие понятия, как грамотность, образованность, профессиональная компетенция, менталитет. Как бы ни разнились все дефиниции в подборе слов и терминов при раскрытии сущности образования, все они так или иначе связаны со становлением личности человека, с передачей и освоением социального и культурного опыта, культурных ценностей. Природа человека непосредственным образом включена в образовательный процесс, и его индивидуальные особенности влияют на его образовательную деятельность. Отсюда можно сделать вывод, что образование должно быть направлено, прежде всего, на выявление, развертывание, возможность проявления сущности человека в мире, а не на ее формирование, в чем и проявляется личностная ценность образования.

Государственная и общественная ценности образования заключаются в подчинении последнего рациональной деятельности, полезной для социума, что постепенно сформировало подход к образованию как ориентированному на определенный вид деятельности и превращение знаний в средство решения конкретных задач.

* **Константин Николаевич Зыков** — доцент кафедры графика начертательная геометрия и дизайн Тюменского государственного нефтегазового университета (г. Тюмень).

Образование в современном обществе рассматривается как некий технологический процесс, в котором личность подгоняется под определенный шаблон, подменяя вышеуказанный процесс выявления и развертывания сущности человека формированием в нем параметров, задаваемых извне.

В сфере образования нет ясности относительно его организации, целей, перспектив. Декларируется цель образования, связанная с развитием качеств личности, способной конструировать окружающее пространство, управлять им, а не просто выживать, но при этом вузы руководствуются другой целью: подготовкой специалистов. По-прежнему потребительский запрос на определенный стандарт качеств в человеке порождает тенденцию к «формовке» человека, оставляя за личностью пассивную роль и закрепляя за образованием узкопрагматический подход: получение диплома, профессии, доступ к возможностям, которые они предоставляют. Иными словами, образование — это средство достижения определенного социального статуса. Поэтому представление о высшем образовании как одной из важнейших социальных ценностей стало в России общепринятым.

В этой связи интересны результаты опроса студентов 1 курса, проведенного в Томском политехническом университете. На вопрос: «С чем у вас в первую очередь ассоциируется образование?» были получены следующие ответы (рейтинг приводится в порядке убывания значимости фактора):

- 1) ученье — свет, а неученье — тьма;
- 2) приобретение знаний, возможность познания чего-то нового;
- 3) получение высшего образования;
- 4) диплом;
- 5) средство достижения поставленной цели;
- 6) дорога в будущее;
- 7) перемены к лучшему в моей жизни;

Далее следуют высказывания о повышении жизненного опыта, способе познания мира, общении с интересными людьми, возможности реализовать свои способности, о взрослении, личной эволюции, духовном росте, и т. д.

Как видно, отдав дань «правильным ответам» и «пококетничав» в двух первых пунктах, студенты деловито и довольно откровенно расставили приоритеты высшего образования в последующих позициях. Демонстрируя прагматический подход к вузовскому образованию, студенты не забыли и о социальных амби-

циях. По результатам этого же опроса, 92,5 % респондентов считают образование престижным, хотя престиж ценен не сам по себе, а как возможность успеха в жизни. Таким образом, ценность образования у современного студента преимущественно связывается с внешней мотивацией (хорошее материальное положение и повышенный социальный статус), а не с высоким качеством подготовки и развитием личности, что свидетельствует об отсутствии понимания ими взаимосвязи между качеством их образования и качеством жизни. Отсюда – средний уровень запросов к качеству преподавания, к качеству знаний и профессиональной подготовке.

Такое отношение к образованию и сегодня остается распространенным, подавляя мотивацию к учебе, ограничивая желание самим определить долю ответственности за будущую карьеру и профессиональную конкурентоспособность, а отсюда и такое явление, как низкое качество знаний, умений и навыков будущих специалистов.

Положение усугубляется и все более нарастающей тенденцией коммерциализации вузов, которая, имея свои положительные стороны, все же не лучшим образом сказывается на качестве подготовки специалистов. Она широко открыла двери для далеко не самых умных, талантливых и высокомотивированных представителей молодого поколения. Высшее образование стало для многих не только желанным, но и легкодоступным. Не прилагая особых усилий к усвоению знаний, молодые люди посредством денег родителей в одночасье становятся учащимися вузов, а затем, не напрягаясь, столь же легко становятся и обладателями заветных дипломов, открывающих самые радужные перспективы будущего. Остается только догадываться, кто через несколько лет, сменив опытных, мудрых, взращенных крепкой советской системой образования руководителей, станет у руля власти и займет ключевые позиции в экономической и социальной сфере нашей страны.

К счастью, в образовательной сфере возникли и набирают силу другие тенденции. Особенности современного образовательного пространства формируются под влиянием процессов, связанных с интенсификацией информационных возможностей. В современном мире человек окружен огромным количеством фактов, сведений, доступных ему. Быстрое освоение им новых медиатехнологий позволяет получать информацию в интерактивном режиме, реализовывать свои творческие идеи в мире виртуальной ре-

альности. Появляется новый идеал работника, который, во-первых, владеет собственными «производственными средствами» (интеллектом, опытом, навыками, умениями и т. д.), являющимися результатом индивидуальных действий человека, особенностями его внутреннего мира; во-вторых, имеет способность к восприятию новой информации, решению сложных проблем, основываясь не на полученных знаниях, а на собственном инновационном потенциале; в-третьих, способен к коммуникативной деятельности, осуществляемой совместно с другими. Именно к этому идеалу и должно стремиться современное образование. Отсюда задача: важным качеством образовательного процесса должна стать спонтанность и гибкость как способность к импровизации, постоянному поиску новых возможностей формирования условий для проявления интеллектуальной и социальной инициативы участниками образовательного процесса.

Сейчас наступает момент всерьез реформировать вузовскую систему по пути движения страны к демократии и рыночной экономике, изменения социально-профессиональной структуры социума, общего подъема квалифицированного и цивилизованного уровня граждан, возможности формирования новых элит. Сочетание лучших элементов западной системы высшей школы с традиционной сильной российской системой образования, а не выхолащивание рационального в бездумное, повсеместное и полномасштабное внедрение западного образца вузовской подготовки (чему мы являемся свидетелями в настоящее время) – вот путь, которым должна идти система высшего образования в России.

Профилизация как ценностный аспект модернизации образования

В разные годы ценностные ориентиры развития образования касались и эстетической, и экономической его составляющих, и интеграции основного и дополнительного образования, физической культуры, спорта, здоровьесбережения, проектной культуры, информатизации и т. п. Но в целом для любого развивающегося образовательного учреждения (ОУ) доминантным было создание организационно-педагогических условий для развития каждого учащегося. Прежде всего, это касалось создания условий обеспечения его полноценного здоровья: соматического, психического, социального и духовного благополучия в контексте формирования культуры (т. е. и мышления, поведения). А это намного шире, чем объявлено в концепции модернизации.

Для примера остановимся подробнее только на одном из аспектов модернизации – профилизации, которая оказывает наибольшее влияние на развитие структуры и содержания деятельности всей системы непрерывного образования.

В настоящее время в рамках эксперимента профильного обучения в Пермском крае предлагается несколько вариантов профилизации: открытие профильных классов как необходимого атрибута образовательной системы в большинстве ОУ, открытие профильных классов в отдельных ОУ по кустовому принципу обслуживания ОУ, создание специализированных ОУ, ориентированных исключительно на профильную подготовку и т. п.

В этой схеме упущены другие варианты профилизации. Например, варианты интегрирования содержания и технологий работы внутри каждого ОУ, варианты довузовского образования с системой начального и среднего профессионального образования и др., которые могут быть альтернативными подходами, более

* *Геннадий Владимирович Клименков* – канд. техн. наук, доцент, зав. сектором инновационной политики и развития Пермского филиала Института экономики УрО РАН (г. Пермь).

природосообразными и эффективными, так как на протяжении долгого времени уже применяется отдельными ОУ в контексте непрерывного образования.

Одной из неучтенных моделей профилизации может служить модель ОУ, где педагогическим коллективом в качестве наиболее удачного и универсального инструмента для повседневной работы избрана проектная деятельность в рамках формирования технологической культуры. Каждый из работников разрабатывает и реализует свой проект в рамках проекта проектов – концепции и программы развития ОУ, организации всего учебно-воспитательного процесса. Метод проектов в контексте культурно-ценностного проектирования инновационной деятельности позволяет органично, природосообразно учитывать «зоны актуального и ближайшего развития» каждого участника образовательного процесса, обеспечить синхронизацию этого развития. Проектная деятельность позволяет выйти и на высший уровень учебной деятельности – разработку и реализацию проектов самими учащимися (традиционными должны стать школьные научно-практические конференции, где основными докладчиками должны быть сами учащиеся).

Область знаний, предметы, направления экспериментальной работы ОУ в этом контексте рассматриваются как способ организации, как учебный процесс с освоением практикоориентированных знаний, выработкой умений, навыков и элементов деятельности-поведения (компетенций и компетентностей), достаточных для настоящей и прогнозируемой социальной и профессиональной адаптации. Причем социально-экономическим компетентностям, ключевым аспектам «полноценного здоровья» (соматического, психического, социального, социально-экономического и духовного благополучия) должна отводиться ведущая роль.

Углубленное изучение предметов образовательной области предполагает как увеличение спектра учебных модулей и «глубины» их изучения, так и наличие качественно отличного образовательного замысла – формирования у школьников основ проектной культуры, которая и составляет основу для любых вариантов профилизации. При этом в ОУ в контексте концепции когнитивной психологии формируются как общеучебные, общепрофессиональные знания, умения, навыки и варианты деятельности (компетенции и компетентности), так и специальные, которые позволяют осмысленно входить в систему профориентационной работы, допрофессионального и профессионального образования, последующей социальной и профессиональной адаптации.

Что касается профильного обучения в целом, то оно должно рассматриваться в контексте развития системы непрерывного образования, в частности, как вариант допрофессионального образования и профессионального образования как довузовского. Рассмотрение проблем довузовского образования следует производить в связке с последующей профессиональной подготовкой, социальной и профессиональной адаптацией выпускника системы образования. В этой связи следует выделять как чисто управленческие задачи, направленные на совершенствование структуры системы образования, так и методические – по совершенствованию содержания и технологий. Эти вопросы становятся особенно актуальными в связи с продолжающимися разговорами о 12-летнем образовании.

Наибольшего внимания на настоящий момент заслуживает совершенствование связи между школьным, дополнительным и профессиональным образованием, что определяется существующими проблемами: отсутствием официального социального заказа в контексте социально-экономического развития муниципальных образований, распадом ранее традиционной системы профессиональной ориентации, приостановкой совершенствования системы НПО–СПО–вуз по пути развития профессиональных лицеев, недостаточными интеграционными процессами школьного и начального профессионального образования, незавершенностью системных работ по определению роли вечерних сменных школ, центров образования взрослых, увеличением числа выпускников специальных (коррекционных) учреждений образования, подростков с «девиантным» поведением, сложностью с организацией практик учащихся и их последующим трудоустройством и т. п.

Считаем целесообразным рассматривать и систему довузовского образования в аспекте непрерывного образования. В рамках этого подхода возможно построение вариативных траекторий развития довузовского образования: школа–лицей–вуз, гимназия–вуз, школа–НПО–СПО–вуз и т. п. Очень важно ничего не растерять позитивного из уже наработанного.

Интерес представляет возможность повышения качества общеобразовательной подготовки в системе НПО–СПО за счет объединения усилий с общеобразовательными учреждениями, построение учебных планов в системе профессионального образования с возможностью перехода учащегося внутри одного образовательного учреждения НПО и СПО, смены ОУ без понижения

курса при возобновлении обучения в другом ОУ, построение системы профессионального образования в европейских вариантах («vocational» и «сэндвич») подготовки, развитие системы обучения через «Центры образования взрослых».

Наш опыт показывает: попытка поиска новых ценностных ориентиров в такой «хрупкой» и в то же время стабильной-инерционной системе, какой является образование, чаще всего связывается с отказом от положительных, наработанных годами социально-педагогических ценностных практик. Это дестабилизирует деятельностное пространство инновациями, не связанными между собой системообразующими компонентами. Хотя, по сути своей, таким компонентом был и остается человек. Но, к сожалению, чаще всего именно его потребность в стабильности и мотивационной инерционности ценностных установок и ориентиров в модернизационных парадигмах учитывается меньше всего.

Система образования как область сохранения «ценности безопасности»

Наступивший и продолжающий быстрыми темпами идти вперед XXI век, к сожалению, не принес нам долгожданного улучшения условий безопасного проживания, работы, путешествий. Демографическая ситуация в странах постсоветского пространства остается катастрофической. Ежегодно в быту и на рабочих местах погибают десятки тысяч людей, попадая в различные опасные ситуации. Подобные ситуации возникают по разным причинам, но чаще всего при этом на повестку дня выходит так называемый «человеческий фактор». Человек, попадая под воздействие факторов различного характера, не в состоянии защитить себя и окружающих от их негативного влияния. Чаще всего это происходит из-за простого незнания основ безопасного поведения, безопасных методов работы, халатного отношения или негативного психофизиологического состояния на момент возникновения опасной ситуации. Этот пробел в знаниях у человека как представителя культурного сообщества должна ликвидировать система образования.

Еще со школьной скамьи, а то и раньше, мы начинаем постигать основные постулаты науки безопасности. Но, к сожалению, продвигаясь все выше по ступенькам образования, мы все меньше обращаем внимание на дисциплины, связанные с вопросами безопасности.

На первый план выходят более «научные», с точки зрения функционеров образования, дисциплины: математика, физика, химия и т. д. Удельный вес дисциплин, раскрывающих понятие «безопасность» для различных условий жизнедеятельности человека, в структуре образовательных программ становится с каждым годом меньше и меньше. Появляются новые, наверное очень необ-

* *Алексей Сергеевич Кожемякин* — ст. преподаватель кафедры безопасности жизнедеятельности Государственного технологического университета (Украина г. Черкассы).

ходимые, дисциплины, а курсы, освещающие вопросы безопасности, постепенно отодвигаются на второй, а то и на третий план. Такая тенденция особенно усилилась после подписания Украиной документов по «Болонскому процессу», поскольку во многих европейских учебных заведениях такие дисциплины либо отсутствуют, либо не являются обязательными для изучения.

Не касаясь сейчас проблем общего среднего образования, обратим внимание на дисциплины, которые входят в программы высшего образования. В последнее время наблюдается постепенное, мягкое вытеснение на задворки учебного процесса дисциплин по безопасности. В структуре системы высшего образования Украины, в отличие от российского, таких дисциплин три: «Безопасность жизнедеятельности», «Охрана труда» и «Гражданская оборона». Однако, следуя давней традиции повсеместного подсматривания и копирования друг у друга различных идей и проектов, в украинских вузах стала наблюдаться тенденция слияния этих предметов в один с естественным сокращением учебной нагрузки. Однако принципиально все-таки проблема состоит не в этом. Проблема — в качестве дисциплин, которое зависит от ряда факторов: качества образовательных стандартов и программ, квалификации профессорско-преподавательского состава, уровня учебно-методических материалов и др. Рассматривая разработанные отраслевые стандарты высшего образования Украины по вопросам безопасности, убеждаемся в том, что «воз и ныне там». Мы никак не можем отделаться от старых стереотипов и понять, что на повестку дня вышли абсолютно новые виды опасностей природного, техногенного и социального характера, которых не существовало 20–30 лет назад или которые были не так ярко выражены.

Система образования должна поддерживать и развивать основные ценности общества, социума, важнейшими из которых являются жизнь и здоровье человека. Особенно это актуально в условиях роста преступности, сокращения продолжительности жизни, роста потребления наркотиков, что способствует постепенному снижению ценности жизни и здоровья.

Реально перераспределить и переосмыслить эти ценности возможно на уровне разработки национальной идеи, национального проекта. Все это активно происходит в России — существующие ныне национальные проекты в области образования и медицины способствуют, прежде всего, улучшению демографической ситуации в стране. К сожалению, на Украине подобные проекты нахо-

дятся в зачаточном состоянии. Из-за постоянно изменяющейся политической конъюнктуры, борьбы за власть времени и средств на поднятие уровня жизни населения не остается. Все это уже привело к тому, что в некоторых районах страны количество умирающих людей в два раза превышает количество рождающихся.

Конечно, понятно, что современная жизнь в странах постсоветского пространства характеризуется острым конфликтом ценностей, ценностным вакуумом, когда старые ценности утратили свое значение, а новые еще не сформировались, особенно под влиянием различных западных тенденций. Однако, однозначная ориентация на западные образцы основных областях человеческой жизнедеятельности: духовной, интеллектуальной и социальной, приводит к полной потере национального характера этих жизненных сфер, ментальных основ ценностных установок.

Именно поэтому на систему образования возлагается задача сохранения и поддержания на высоком уровне основной ценности общества – «ценности безопасности»: безопасности личности, семьи, трудового коллектива и государства в целом, формируя гармоничную личность, ориентированную на безопасность человека, который знает опасности этого мира и умеет использовать свои знания для сохранения жизни и здоровья на долгие годы.

Е. Б. Кононова*

Ценностные ориентации студенчества на нетрадиционные формы семейно-брачных отношений

Современное российское общество развивается в направлении демократизации и гуманизации, что отражается на всех сферах его функционирования. Это развитие предполагает, прежде всего, трансформацию ценностных ориентаций.

Трактовка понятия «ценностные ориентации» многосмысловая, это емкое и важное для жизни понятие. Воспользуемся определением, приведенным в Большой российской энциклопедии: *ценностные ориентации* – избирательное отношение человека к ценностям, система его установок, убеждений, предпочтений, выраженных в поведении.

На наш взгляд, актуальным представляется изучение ценностных ориентаций студенчества в связи с тем, что именно оно наиболее подвержено происходящим в обществе социальным изменениям.

Анализируя ценностные ориентации современной учащейся молодежи по широкому кругу проблем, связанных с современной Россией, исследователи отмечают ряд факторов, влияющих на ценности наиболее существенно:

1. Получив первичную социализацию в семье и школе, молодежь получает вторичную социализацию в условиях *изменяющейся* России.
2. Мощным и доминирующим средством формирования ценностных ориентаций являются СМИ.
3. Немаловажный фактор вторичной социализации – господствующие сегодня в российском обществе ментальные ценности

* **Евгения Борисовна Кононова** – методист кафедры рекламы факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

и социальные представления, существенно влияющие на сознание учащейся молодежи.

4. Социализация современной молодежи осуществляется не только в условиях морального кризиса общества, но и на фоне угрожающе низкого достатка, что отражается на всех сторонах жизни, в том числе и системе ценностей.

Все эти факторы влияют, естественно, и на отношение студентов к семье и браку, определенным образом формируя эти отношения.

Семья, являющаяся одним из важнейших социальных институтов, конечно же, не может оставаться неподверженной изменениям, происходящим в обществе. Принято считать, что на современном этапе семья находится в состоянии кризиса. В своей сущности этот кризис означает, что семья утрачивает в значительной степени свои традиционные функции (репродуктивную, воспитательную, хозяйственно-экономическую, функцию социализации, гедонистическую и т. д.). Однако, как показывают исследования, кризис семьи не связан с отрицанием ее ценности. В современном обществе идет формирование новых ценностных ориентаций в отношении форм, стилей и образцов семейно-брачного поведения.

За последние десятилетия возникло несколько альтернатив семейной жизни. Выделим основные нетрадиционные формы семейно-брачных отношений:

- неполная семья;
- незарегистрированное сожительство;
- сознательно бездетный брак;
- однополый брак;
- групповой брак.

Рассмотрим более подробно две формы: незарегистрированное сожительство, как одну из наиболее распространенных на сегодняшний день нетрадиционных форм семейно-брачных отношений, и однополые браки, как форму, вызывающую наибольшее количество споров и разногласий в обществе.

Незарегистрированному сожительству в современной литературе уделяется очень много внимания. Это явление широко распространено на Западе и в России. Став нормой, оно рассматривается как «пробный» брак пары, собирающейся вступить в законный брак. Социологические исследования показывают, что незарегистрированные союзы пользуются в студенческой среде определенной популярностью, хотя отношение к ним неоднозначное.

В качестве плюсов таких отношений, обуславливающих их привлекательность, респонденты отмечают следующие:

- В таком браке происходит апробация сил и совместимости.
- В таком браке меньше взаимных претензий.
- Подобный брак дает право разойтись без лишних проблем.

Однако эта форма взаимоотношений полов имеет ряд минусов, которые тоже необходимо учитывать:

- «Пробный брак» никак не влияет на успешность последующего брака.
- «Пробный брак» не дает никаких гарантий на будущее.
- Подобный брак никак не регулируется законодательством.
- Совместимость (сексуальная, эмоциональная, психологическая) не проверяется, а создается в этом браке усилиями обоих партнеров.

В целом, внебрачный союз – это факт реальной жизни, с которым следует считаться и который необходимо продолжать изучать, в том числе и в рассматриваемом нами контексте.

Нетрадиционной формой семейно-брачных отношений, вызывающей интерес и еще более неоднозначную оценку, являются однополые браки. Именно браки, так как однополые семьи существуют достаточно давно. Состояние же современного общества характеризуется стремлением к узакониванию подобных взаимоотношений.

Равные права в сфере брака для однополых и гетеросексуальных пар сегодня признаются все большим числом стран-членов ЕС и другими государствами мира. Регистрация однополых браков официально разрешена в нескольких странах Европы: Нидерландах (с 2001 г.), Бельгии (с 2003 г.), Испании (с июля 2005 г.), а также в Канаде (с июля 2005 г.) и американском штате Массачусетс (с 2004 г.). В России тоже предпринимаются попытки легализации однополых браков, и неудивительно будет, если через несколько лет и наша страна примет закон о регистрации однополых браков. «Россия вряд ли будет в первых рядах стран, которые разрешат однополые браки, но, несомненно, придет к этому», – заявил «Эху Москвы» член комитета Госдумы по гражданскому, арбитражному и процессуальному законодательству Петр Шелищ.

Однако, несмотря на то что данная проблема обсуждается довольно активно, нельзя сказать, что интересующий нас аспект, связанный с рассмотрением отношения студенчества к этой нетрадиционной форме семьи и брака, нашел широкое отражение в

социологической литературе. Рассмотренные нами результаты релевантных исследований не содержат какой-либо подробной и полной информации, отражающей отношение молодежи к однополым бракам. Отсюда и потребность в изучении этой проблемы.

В заключение хочется отметить, что в целом нетрадиционные формы семейно-брачных отношений имеют заметный положительный отклик в студенческой среде. В качестве примера мы можем привести результаты опроса студентов во время проведения молодежной конференции в Нижнем Тагиле, где 44 % опрошенных поддержали нетрадиционные семейные союзы.

Е. В. Кушнова*

Качество образования в повседневных практиках: социологический подход

Образование неразрывно связано с жизнедеятельностью личности на всех этапах ее становления и развития. На одних этапах образовательная деятельность является ведущей деятельностью вообще, на других – играет подчиненную роль, на третьих – роль «стимулятора», когда с помощью образования ставятся и достигаются новые жизненные цели, на четвертых – «компенсатора», в тех случаях, когда испытывается острое недовольство существующим образом жизни.

Образование обеспечивает основные направления деятельности, поскольку в каждом из них человек представлен как целостная личность. Понятие «целостности личности» (человек-деятель, человек-творец), в противовес понятию «человек-роль» («функционер»), принципиально важно для определения роли образования, которое при известных условиях может способствовать закреплению определенных социальных функций, препятствующих полноценному участию личности во всех сферах общественной жизни.

Образование рассматривается как система целенаправленного воздействия в своих повседневных практиках на подрастающее поколение с целью его адаптации к потребностям общества.

В России, как и в других странах мира, в последнее время уделяется много внимания вопросам повышения качества образования. В 2001 году была принята Концепция модернизации российского образования, которая определяет вектор развития образования на ближайшее десятилетие. Согласно этому документу, «Главная задача российской образовательной политики – обеспечение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества, государства».

** Елена Владимировна Кушнова – зав. учебным отделом НОУ СПО Уральского экономического колледжа (г. Екатеринбург).*

С позиции социологического подхода качество образования – это нормативное требование общества к образованию как одной из его важнейших подсистем, заключающееся в необходимости соответствовать критериям эффективной деятельности, т. е. оптимальному выполнению своих социальных функций.

Качество образования, с одной стороны, служит способом социальной регуляции процессов взаимодействия образования как социального института с другими социальными институтами общества, с другой – выступает как способ социальной регуляции образовательной сферы, как выработанный в обществе механизм упорядочения функционирования всех элементов системы образования. Он включает в себя нормативные, ценностные, организационные, управленческие характеристики в их тесной взаимосвязи.

Качество образования как механизм социальной регуляции всей образовательной сферы реализуется, в первую очередь, через нормативные характеристики – систему правовых, институциональных норм, а также норм повседневной жизнедеятельности личности.

Параметры качества образования «диктует» и рынок труда как потребитель кадров. Он задает те качественные квалификационные характеристики, которые входят составной частью в государственные образовательные стандарты, являющиеся отражением определенной нормы качества.

Ценностные характеристики качества образования необходимо рассматривать через взаимодействие системы ценностей основных субъектов образовательного процесса.

Организационные характеристики качества образования представляют собой уровень соответствия системы образования общественным потребностям. К работе учебных заведений различных организационно-правовых форм, типов и видов предъявляются очень высокие двусторонние требования, связанные с обеспечением качества образования. С одной стороны, они исходят от учащихся, студентов и их родителей, с другой стороны, это возрастающие требования государственных инспекций в период лицензирования, аттестации и аккредитации.

Управленческие характеристики качества образования рассматриваются как уровень соответствия организационных структур, управленческого персонала, управленческих технологий и ресурсов, систем оценки качества целям образования и нормативным характеристикам его качества.

Проблема качества образования не имеет окончательного решения. На каждом этапе развития образования, которое определяется тенденциями социально-экономического развития страны, появляются новые условия, возможности и потребности. Изменяются критерии качества образования, обостряется проблема управления им и снова возникает необходимость исследовать и решать эту проблему.

Качество образования находится в постоянной динамике. Нет предела его повышению. Поэтому сегодня очень важно в повседневных практиках прогнозировать возможное изменение качества, исследовать причины и характер этого изменения.

Переход к рыночным отношениям приводит к конкуренции образовательных учреждений, и это ставит проблему повышения качества образования, что стимулирует внедрение новаций в учебный процесс. Социальная функция инноваций заключается, прежде всего, в необходимости преодоления противоречия между темпами общественного и индивидуального развития. Традиционные методы обучения перестают отвечать потребностям обучающихся, а также требованиям, которые предъявляются к выпускникам различных образовательных учреждений со стороны общества. Сегодня формируется социальный заказ на выпускников, способных самоопределяться в ситуации неопределенности, обладающих необходимыми коммуникативными качествами, «антиконфликтологической» компетентностью, рефлексивностью мышления и ощущающих потребность в непрерывном образовании.

Ценность образования в повседневных практиках заключается в том, что образование обеспечивает такие знания человеку, которые позволяют ему быть социально адаптированным.

Социологические исследования образования могут помочь вскрыть потенциал социальной системы, показать возможные пути трансформации в условиях перехода общества к новому способу функционирования. Социология образования способна это сделать, рассматривая образование не как изолированный социальный институт, а в качестве элемента общественных связей и отношений, обладающего своей спецификой, собственными механизмами воспроизводства и функционирования, присущими только ему противоречиями и проблемами.

Школьная среда и творческая реализация учащихся

Благодаря стремительным изменениям в современном мире ключевое место в системе общественной жизни приобретает творчество как высшая форма активности личности, направленная на преобразование не только внешнего, но и внутреннего мира, на саморазвитие и самореализацию. Современное общество нуждается в личностях творческих и активных. Каждому человеку необходимо научиться жить в постоянно изменяющемся мире, адекватно реагировать на эти изменения, уметь предъявить миру свою уникальность и индивидуальность. Это напрямую связано с необходимостью формирования творческого потенциала личности, способности к преобразовательной, конструктивной деятельности, выработке соответствующего подхода к жизни.

Актуальность проблемы творчества в наши дни определяется особенностью современного этапа, когда человек постоянно оказывается в состоянии внешних и внутренних кризисов, выход из которых может дать только самостоятельное решение, творческое преобразование мира и себя самого.

Традиционная система школьного образования не только не направлена на развитие личности учащегося, его творческих способностей, раскрытие индивидуальности каждого, но зачастую препятствует этому, «блокирует» проявление творческой активности. В результате этого творческие стремления школьников угасают, могут направляться в антисоциальное русло и приводить к школьной, а впоследствии – социальной дезадаптации.

Налицо противоречия между потребностями общества в творческих, талантливых людях и традиционной системой обучения и воспитания, которая не только не развивает, но зачастую и подавляет творческие стремления – через систему формальных требований, стремление к «усреднению» и т. д. К сожалению, на се-

* *Екатерина Александровна Левина* – аспирантка факультета социологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

годняшний день лишь немногие общеобразовательные учреждения могут «похвастаться» наличием специализированных программ, направленных на поддержание учащихся, на развитие их творческого потенциала.

Проблема творчества настолько широка и объемна, что может рассматриваться с различных точек зрения. Поскольку творчество – это, в значительной мере, индивидуальный процесс, то рассматривается он, в первую очередь, с точки зрения психологии. Попытка выявить наследственные детерминанты креативности была предпринята в работах исследователей, принадлежащих к отечественной школе дифференцированной психофизиологии. Однако результаты их исследований не являются строгими, поскольку не позволяют развести действия наследственности и социокультурной среды: при выраженных способностях родителей с большей вероятностью создаются благоприятные, а иногда и уникальные условия для развития тех же способностей у детей. Также и психогенетические исследования в области творческих способностей выявляют довольно невысокие показатели наследуемости характеристик, относящихся к творчеству. Таким образом, можно предположить, что социокультурная среда оказывает гораздо более существенное влияние на формирование творческих способностей, нежели генотип. Становится очевидным, что творческий потенциал как феномен нельзя рассматривать вне социокультурной среды, в которой он формируется и развивается.

Конечно же, одним из важнейших факторов формирования и развития творческого потенциала является семья как социальный институт, характеризующийся определенными социальными нормами, санкциями, образцами поведения, уровнем образования ее членов, их социальным статусом, культурными традициями, внутренними взаимоотношениями. Немаловажными являются и социально-демографические показатели. Так, некоторые исследования показывают снижение творческих способностей с возрастом в то время, когда растут жизненные и интеллектуальные способности.

Нельзя упускать и такой важный фактор, как общеобразовательные учреждения. Для успешного развития личности необходимо создание насыщенной, эмоционально богатой образовательной среды, в которой есть место творческой активности и инициативе, осуществляется грамотная поддержка со стороны квалифицированных педагогов и поощряется творческая созидательная

деятельность. Особенно значимым в рамках социокультурной среды является личностный компонент, который, применительно к школе, может соотноситься с личностью педагогов. Эти люди должны отличаться высоким профессионализмом, компетентностью и духовно-нравственным потенциалом.

Таким образом, выявляется необходимость в создании и внедрении программ, направленных на обеспечение условий развития личности учащихся через творческую созидательную деятельность; воспитание детей на основе развития их интересов и творческих способностей через создание культурно-информационного пространства. Общеобразовательные учреждения должны стремиться предоставить своим выпускникам универсальное образование, позволяющее адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим условиям, интегрироваться в систему мировой и национальной культуры, формировать личности с развитым интеллектом, навыками исследовательского труда, высоким уровнем культуры, готовых к сознательному жизненному выбору. Имеет смысл основывать процесс обучения на применении методов, форм и приемов, способствующих развитию самостоятельности мышления, инициативности и творчества.

А. Н. Лушников*

Виртуальные кредиты как экономический барьер «утечки мозгов»

Мы постоянно слышим про то, что Россия – богатая страна. Эту мысль, как заклинание, постоянно повторяют и транслируют всевозможные СМИ. Смотрите, сколько у нас нефти, газа, леса, алмазов! У нас так много земли, у нас так много природных ресурсов... Однако в связи с этим возникает ряд вопросов: если мы богаты, то почему же мы так плохо живем? Почему мы «латаем старые носки, сидя на мешках с золотом»? Почему нам ни на что не хватает денег? Это что, наша исключительно «российская сиволапость» или вечное проклятие? Чтобы ответить на эти вопросы, посмотрим, а как же обстоят дела в других странах, также богатых природными ресурсами.

Вот Нигерия, нищая страна, с крайне невысоким уровнем жизни и при этом прекрасно обеспеченная природными ресурсами. Бразилия: обладает огромным запасом полезных ископаемых, и... огромным внешним долгом. А вот арабские нефтяные гиганты. Вроде бы у них всё в порядке, живут очень хорошо. Но вот беда, они ничего не умеют делать, кроме как обменивать нефть на готовую промышленную продукцию. Экономика этих стран принципиально мало чем отличается от натурального хозяйства. Какая высокотехнологическая продукция производится в Саудовской Аравии или ОАЭ? Никакая, а это тревожный симптом. Такое богатство построено на песке, как в прямом, так и в переносном смысле этого слова.

А вот Западная Европа, Япония, Южная Корея, не обладая столь мощными запасами минеральных и прочих ресурсов, тем не менее, значительно обгоняют по уровню жизни и развития экономики абсолютное большинство стран, «богатых нефтью, лесом и газом».

* *Антон Николаевич Лушников* – студент ф-та компьютерных технологий Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Можно и дальше перечислять, но и приведенных примеров достаточно, чтобы понять важную вещь: быть богатым, и быть богатым природными ресурсами – это далеко не одно и то же. И, как видим, «российская сиволапость» здесь ни при чем, точно такие же проблемы и у других народов. В современном мире богат и развит вовсе не тот, у кого много леса, а тот, кто сумел создать наукоемкую экономику. Высокая квалификация и наука – вот важнейшие предпосылки для динамичного развития и процветания в современном мире.

Мы должны думать не о том, как увеличить добычу нефти, а о том, как подготовить новое поколение конкурентоспособных российских ученых, инженеров, конструкторов, высококвалифицированных рабочих и т. д. Без этого нечего и мечтать о выходе из кризиса переходного периода.

Разумеется, в основе создания экономики нового типа лежит проведение адекватной государственной политики в области образования. Прежде всего, здесь возникает острый вопрос: «Должно быть высшее образование платным или бесплатным?»

Аргументы сторонников бесплатного образования хорошо известны. Высшее образование должны получать достойнейшие и талантливейшие, а не только те, кому посчастливилось родиться в богатой семье. Совершенно очевидно, что введение платного образования отсекает от знаний значительную часть общества и тем самым консервирует и даже усугубляет отсталость нашей страны. Логично? Да. Обоснованно? Конечно.

Так что же, высшее образование должно быть бесплатным? Давайте, сначала дадим слово сторонникам платного образования.

Во-первых, что бесплатно досталось, то и не ценится, – утверждают они. Во-вторых, получившие образование бесплатно, а на самом деле за счет всего общества, нередко уезжают работать за границу, не возвращая обществу свой долг. Подобная практика «утечки мозгов» наносит нашей стране колоссальный вред.

В связи с этим возникает вопрос: а нельзя ли как-то совместить два подхода? На первый взгляд, это невозможно. Нельзя же образование сделать и платным и бесплатным одновременно! Но ведь, строго говоря, бесплатного образования вообще не существует. На самом-то деле, оно всегда платное. Разница между «платным» и «бесплатным» образованием – в способе оплаты: либо платит все общество через отчисления в бюджет, либо человек, желающий получить высшее образование, платит в индивидуальном порядке.

И вот, просматривая страницы Интернета, я наткнулся на интересную статью, в которой говорилось следующее: «...между тем, работающий механизм финансирования образования это специальные кредиты – например, такие, которые организует и предоставляет частная американская SLMA (Student Loan Marketing Association). Как явствует из названия, она не только сама дает деньги, но и привлекает их со стороны, как бы продавая студенческие долги...»

А не получится ли так, что студенты, которые учатся на деньги, взятые в долг, и понимают, что через несколько лет после получения диплома их придется вернуть, не станут числиться в бесплатных вузах, занимаясь «разгоном» процессоров и прочими «благородными утехами»?

С учетом этого, имеет смысл рассмотреть видоизмененную модель оплаты. Ее суть в следующем. Пусть обучение в некотором вузе стоит, например, 100 виртуальных единиц за семестр. Виртуальная единица – это не деньги, их нельзя потратить, купить что-либо, дать в долг или положить в банк. Это что-то вроде баллов. Поступивший в вуз человек получает от государства виртуальный кредит на образование размером как раз 100 виртуальных единиц.

По прошествии семестра, как обычно, проводятся экзамены, и, если они сданы успешно, студент вновь получает на следующий семестр 100 виртуальных единиц. Если же студент отчислен за неуспеваемость, то он должен вернуть обществу долг, за то, что общество оплачивало его обучение. Долг студента равен 100 виртуальным единицам, которые по заранее установленному стабильному курсу переводятся в деньги, и долг уже исчисляется в рублях.

Продолжающий учиться студент по желанию может оплачивать «долг» после каждого семестра, а может и накопить «долги», выплачивая их после окончания вуза.

Почему предлагается использовать виртуальные единицы? Ответ прост: чтобы сузить поле для финансовых махинаций с образовательными кредитами, чтобы не увеличивать инфляцию (виртуальные единицы – это не деньги, поэтому их эмиссия не приведет к повышению инфляции) и т. д. Таким образом, студент из бедной семьи сможет получить отличное образование, а после, устроившись на работу, начнет выплачивать кредит. При этом переехать работать за границу можно будет только лишь после уплаты долга.

Какое высшее образование нужно России?

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) решил выяснить мнение граждан о том, какое же высшее образование нужно сегодня России. В ходе опроса выяснилось, что среди наименее адаптированных групп населения популярно мнение о бесплатном университетском образовании и идеи обязательного послевузовского распределения на работу. Более обеспеченные слои выступают за сосуществование бесплатного и платного высшего образования, ограниченного госзаказа на специалистов и самостоятельного поиска работы выпускниками.

Нужно ли сокращать вузы?

В последнее время в СМИ неоднократно поднимался вопрос о возможном сокращении количества вузов. Опрос показал, что мнения россиян о наиболее вероятных последствиях такого сокращения разделились. Респонденты склонны отмечать, прежде всего, негативные последствия такого решения: рост стоимости высшего образования (43 %), рост безработицы среди молодежи (19 %) и нехватку специалистов в отдельных отраслях экономики (15 %). Вероятные позитивные результаты – повышение качества подготовки специалистов (17 %), сбалансированность спроса и предложения специалистов на рынке труда (16 %) – отмечаются существенно реже.

Кому нужны выпускники?

В ходе исследования также было выявлено мнение россиян о возможном восстановлении государственного заказа на подготовку специалистов, в соответствии с которым выпускники госвузов, обучавшиеся бесплатно, обязаны отработать определенное время по распределению.

Опрос показал, что большинство респондентов вполне лояльно относятся к этой идее. 44 % опрошенных считают, что вообще все высшее образование должно быть построено, как и прежде, на базе государственного планирования и заказа. Еще 38 % – это сторонники смешанной системы, при которой есть и госзаказ на специалистов, и возможность получать образование, какое человеку хочется, а затем самому искать себе работу. И лишь 10 % полагают, что госзаказа быть не должно.

Сторонниками государственного плана и заказа на подготовку специалистов чаще оказываются менее адаптированные социальные группы опрошенных – женщины, пожилые люди, респонденты

с начальным образованием, с низкими доходами, жители сел. «Адаптанты» – мужчины, молодежь, респонденты с высшим образованием, хорошо материально обеспеченные опрошенные, а также москвичи и петербуржцы – чаще отдают предпочтение смешанной системе (и госзаказ, и выбор вуза, а затем поиск места работы по собственному усмотрению и на свой страх и риск).

Платные или бесплатные вузы?

За последние 11 лет мнения россиян по вопросу о том, каким должно быть высшее образование, существенно изменились.

Если в 1993 и 1995 гг. около половины респондентов (51 и 47 % соответственно) полагали, что высшее образование должно быть «смешанным» – и платным, и бесплатным, то в 2003 и 2004 гг. более половины опрошенных (55 и 58 %) отметили, что оно должно быть в основном бесплатным.

Сторонниками в основном бесплатного высшего образования обычно выступают слабо социально адаптированные россияне – женщины, пожилые люди, опрошенные с начальным образованием, с низкими доходами, жители сел. И наоборот, «адаптанты» – мужчины, молодежь, респонденты с высшим образованием, опрошенные из высокодоходных групп, а также москвичи и петербуржцы чаще отдают предпочтение смешанной системе высшего образования, где сосуществовали бы платные и бесплатные образовательные услуги.

Зачем нам высшее образование?

Среди причин, побуждающих людей получать высшее образование, респонденты чаще всего называют те, что связаны с вопросами профессионального роста, поскольку, в их представлениях, наличие высшего образования открывает новые возможности для того, чтобы трудоустроиться на хорошую работу (48 %), сделать карьеру (28 %), стать хорошим профессионалом в своей области (26 %). Для части россиян важно оказаться в культурной, образованной среде (8 %); выйти за рамки своего окружения, повысив свой социальный статус (9 %). 10 % полагают, что получить высшее образование нужно, прежде всего, для того, чтобы не служить в армии. Есть и группа россиян (15 %), для кого важны «знания ради знания», ради расширения кругозора, а не из каких-либо прагматических соображений.

Во всех группах респондентов признается, что высшее образование необходимо, прежде всего, чтобы найти хорошую работу. Мужчины, как правило, более заинтересованы в карьерном росте, женщины – в том, чтобы стать хорошим профессионалом. Молодежь чаще других групп ориентирована на карьеру. Чем моложе респонденты, тем чаще они увязывают получение высшего образования с возможностью избежать службы в армии.

Респонденты с высшим образованием, а также с более высокими материальными доходами настроены более прагматично и чаще связывают стремление получить его с интересами трудоустройства, карьеры и профессионализма. Чем ниже уровень образования респондентов, тем чаще они полагают, что люди устремляются в вузы просто потому, что «так принято», и в этом смысле их мотивация к получению хорошего образования заметно слабее.

М. Ф. Мажаева*, Л. А. Мясникова**

Маргинал как продукт высшего образования в современной России

Человек повседневный. Чем обусловлено его ежедневное существование и активность (или пассивность)?

Рассмотрим человека повседневности в мегаполисе или просто крупном городе с населением выше 500–600 тыс. чел. Его главная потребность – не просто выжить (как того требуется аборигену в дикой Саванне), а добиться определенных результатов жизнедеятельности, равняясь на своих сородичей.

Его жизнедеятельность обусловлена определенным комфортом и набором социальных, экономических и других институтов, которые ему это обеспечивают. Так, человек повседневности в мегаполисе остро не осознает ценности наличия рядом с домом булочной или предлагаемыми вакансиями в газете так, как осознавал бы это человек повседневности из глухой деревни Крайнего Севера. В связи с тем, что человек повседневности мегаполиса привык к определенному комфорту в городе, у него может сложиться определенный набор ценностей:

- 1) знание и карьера;
- 2) богатство и слава;
- 3) красота и сексуальность (здоровье);
- 4) безопасность.

На второй план уходят ценности семьи, деторождения, веры, любви, справедливости, свободы.

К. Хорни¹ выделила «великие неврозы нашего времени», среди которых невроз власти, который проявляет себя в погоне за вла-

* **М. Ф. Мажаева** – аспирантка Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

** **Людмила Анатольевна Мясникова** – д-р филос. наук, профессор, завкафедрой социально-культурного сервиса и туризма, проректор по научной работе Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ К. Хорни – одна из создателей и лидеров неофрейдизма в своей работе «Невротическая личность нашего времени» (1937) выделила 4 фор-

стью, престижем, обладанием. Ценностью повседневности являются богатство и власть, и если двадцать лет назад эти формы современных неврозов были антиценностями (на примере ценностей советского человека), то сегодня человечество громко называет их ценностями. Причем финальными, наравне с человеческой жизнью, счастьем и добром. Инструментами к достижению этой ценности является достаток, уважение в обществе, построение карьеры и высшее образование.

Сегодня молодые люди активно стремятся получить высшее образование, хотя в СССР это было доступно единицам и такого массового стремления к получению высшего образования, а тем более нескольких дипломов, не было. Среднестатистический советский выпускник школы ставил перед собой следующие цели, основываясь на определенных ценностях и идеалах: окончить училище или техникум, получить профессию, завести семью – ячейку общества, работать на благо государства и заниматься общественной деятельностью.

Человек повседневный в двадцать первом веке ставит своей целью получение высшего образования, не соотнося свои желания с умственными способностями, потенциалом и воспитанием. Это как одна из обязательных галочек в его жизнедеятельности. Доказательством тому является статистика, которая говорит о том, что современный выпускник вуза в большинстве своем работает не по своей специальности, в отличие от такого же выпускника предыдущего поколения.

Более того, в обществе существует скрытый конфликт престижа, который свойственен молодым специалистам. Это внутренний невроз, своеобразная аутоагрессия тех выпускников вузов, которые считают, что обладатели диплома престижного университета имеют привилегию получать вакантные места на рынке труда менеджеров среднего, а то и высшего звена. На практике число выпускников в десятки раз превышает число свободных желаемых рабочих мест.

Таким образом, этот внутренний конфликт престижа рано или поздно приведет к массовизации высшего образования, когда прак-

мы современных неврозов, такие, как: 1) невроз навязчивости (поиск любви и одобрения любой ценой); 2) невроз власти (см. выше); 3) невроз покорности (автоматический конформизм); 4) невроз изоляции (бегство от общества).

тически все выпускники школ будут задаваться целью получить высшее образование не ради расширения своего кругозора и обладания знаниями, а только лишь ради получения высокой должности. Это и есть невроз власти, о котором говорит К. Хорни. Такая погоня за престижем и обладанием может привести к резкому уменьшению рабочих рук среднетехнических специальностей и в целом отразиться на культуре, экономике страны, а также массовой психике народа.

Каким же образом происходит такая метаморфоза ценностей целой страны?

Одна из главных черт переходного режима экономики в России – это констатация массовизации высшего образования. Причины и факторы этого явления объясняются следующим образом:

- 1) увеличение количества населения (демографический взрыв, пришедший на период увеличения рождаемости в 1983–1984 гг.);
- 2) разрушение прежней структуры образования в связи с деструктизацией военно-промышленного сектора;
- 3) изменение ценностей (актуализация ценностей богатства и власти, престижа и прибыли).

У современного человека появляется меркантильная потребность работы «на себя». Труд как ценность остался лишь в заголовках советских газет, а в ускоряющемся ритме жизни на пьедестал повседневных ценностей выходят заработная плата, прибыль, карьера и слава. Россияне уже в детском возрасте мечтают о том, чтобы работать меньше, а зарабатывать больше, даже если профессия человеку не интересна, а труд не приносит удовольствия.

Ценность профессий связана с производственным спадом, так как на его место встает более актуальная для развития потребительской экономики сфера услуг и торговля. Объяснением этому является мировой опыт накопления первичного капитала в стране после перестройки, а быстрее всего результата можно достичь за счет развития торговли.

Именно по этим причинам в начале 90-х годов престиж высшего образования упал практически до нуля, диплом не давал привилегий для кандидатов на вакантные места.

Сегодняшние обладатели дипломов являются по своему социальному статусу маргиналами, которые приобретают невротические последствия неудовлетворенности от получения высшего образования. Общество рано или поздно дает знать им об этом, проявляя эту данность в упадке общего уровня культуры молодой страны и уровне безработицы.

Но необходимо отметить также и двойственность ситуации. Несомненно, у высшего образования есть свои плюсы. Это проявляется в приспособлении института образования к проблемам современного общества. Прежде всего здесь нужно отметить появление новых специальностей в сфере сервиса, туризма, рекламы, связей с общественностью, менеджмента и маркетинга, а также мировой экономики и международных отношений. С другой стороны, наблюдается резкий упадок уровня и качества высшего образования, так как далеко не самые талантливые абитуриенты проходят легкий вступительный отбор при поступлении в университет. У современных студентов нет культа учебы при стремлении получить «корочку». А у современных бизнесменов становится все больше возможностей открывать частные высшие учебные заведения. Таким образом, двойственность ситуации можно ограничить двумя выводами:

1) с одной стороны, огромное количество выпускников не работает по специальности, так как ценностью являлся диплом, а не специальность и, тем более, не расширение кругозора и приобретение кладези знаний;

2) с другой стороны, можно сказать, что сейчас время маргиналов в позитивном смысле. Это означает, что общество живет в период постоянного устаревания информации и знаний, чему способствует научно-технический прогресс. А если так быстро устаревает информация, нужно ли приобретать фундаментальные знания, или лучше обновлять их?

А. И. Матвеева*

Перспективы развития гуманистической функции гуманитарного образования в современных российских вузах

Гуманитарное образование в начале XXI века определяет вектор глобального общественного развития и цивилизационные качества национального и глобального социума. Конечно, современные глобальные тенденции экономического развития, сам научно-технологический характер экономического роста, интеллектуализация основных факторов производства XXI в. требуют коренного повышения уровня и качества образования. Возрастание роли высшего образования во всех областях человеческой сферы деятельности и жизни требует дальнейшего развития высшей школы, улучшения качества подготовки специалистов. Каждое поступающее в высшее учебное заведение поколение студентов становится тем социальным субъектом, которому предназначено осуществить исторические перемены в развитии человечества. Именно этот факт обосновывает необходимость существенного повышения эффективности функционирования сложившейся в России системы высшего образования. Необходимо отметить, что отношение студентов к знаниям вырабатывалось в 1990-е годы в условиях возрождения нецивилизованных рыночных форм экономики и фактически прерванного перехода к всеобщему среднему образованию. Коммерциализация образования, с одной стороны, позволила системе высшего образования более оперативно реагировать на запросы рыночной экономики в квалифицированных специалистах, полнее удовлетворять потребности молодежи, а с другой стороны, снизила доступность культуры, профессиональных знаний для большинства молодых людей (особенно из малоимущих слоев населения), желающих стать квалифицированными специалистами. Значительное сокращение расходов на

* **Алла Ивановна Матвеева** – канд. социол. наук, ст. преподаватель кафедры социологии РГППУ Институт социологии (г. Екатеринбург).

образование привело к нашему отставанию от развитых стран мира в сроках подготовки кадров. В период внедрения рыночных отношений не только упал престиж знаний (которые далеко не всегда способны гарантировать получение соответствующей работы), но и значительно уменьшилась нравственная результативность процесса высшего образования. Это во многом связано с отсутствием целеполагающих приоритетов развития личности, что обусловлено неопределенностью ценностных ориентаций всего общества, неразработанностью программы преобразования России на ближнюю и дальнюю перспективу.

В условиях возникшего идейного вакуума, снижения ценности человеческой жизни, размывания исторической памяти, разобщения людей в сознании значительной части студентов утвердилось понимание того, что в современной действительности трудно преуспеть, если придерживаться нравственных норм. Ослабление государственного регулирования взаимоотношений высшего профессионального образования и профессиональной деятельности привело к рассогласованию спроса и предложения человеческих ресурсов по их объему, структуре и качеству, деградации кадрового потенциала страны, снижению престижа компетентности и интеллигентности. Необходимо в рамках перспективы развития гуманистической функции высшего образования рассматривать процесс получения знаний как самоцель и благо само по себе, что способствует формированию морально оправданных ценностных ориентаций личности, учитывает ее интересы и потребности, помогает молодому человеку глубже осознать собственные статусные позиции, социальную роль и возможности реализации себя и своих способностей в профессиональной деятельности. Высшему образованию необходимо перестроиться, и из преобладающего «индустриально-технического» стать «супериндустриально-гуманитарным». «Для того чтобы создать супериндустриальное образование, – отмечал Олвин Тоффлер еще три десятилетия назад, – мы должны сначала сгенерировать последовательные, альтернативные образы будущего – сделать предположения о видах работ, профессиях и должностях, которые могут понадобиться через двадцать или пятьдесят лет; предположения о видах семейных форм и человеческих взаимоотношений, которые будут преобладать; о видах этнических и моральных проблемах, которые возникнут; видах технологии, которая будет окружать нас, и организационных структурах, в которые мы должны будем влиться. Толь-

ко делая такие предположения, определенные, обдуманые, систематизированные, и постоянно корректируя их, мы сможем установить природу познавательных и эмоциональных умений, которые потребуются людям завтрашнего дня, чтобы перенести ускользящий толчок».

В российской школе, отправившей в архив классические достижения советской практической педагогики, после временного спада в начале 1990-х годов стала набирать силу тенденция повышения интереса студентов высших учебных заведений к приобретению гуманитарных знаний. В связи с этим следует подчеркнуть важность дальнейшего поиска оптимальных, интенсивных методов повышения качества знаний, необходимость разработки концепции и практической реализации целостной системы непрерывного образования (понимаемого как гармоничное единство обучения и воспитания) молодежи. На наш взгляд, это требование вытекает из самой сути социального и культурного развития мирового сообщества; особенно оно важно в связи с переходом общества на переломе тысячелетий от промышленного способа производства общественной жизни к научно-технологическому. Многие специалисты и ученые отмечают, что главным фактором глобальной конкуренции становится дальнейшая интеллектуализация труда, которая обеспечивается не только владением студентами современными информационными технологиями, но требует и от них разносторонней базы гуманитарных знаний.

¹ Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997. С. 328–329.

Цели и ценности образования

Перестройка социально-экономических отношений в нашей стране привела к реформированию системы образования. Средствами массовой информации и педагогической общественностью поднимается вопрос о необходимости перестройки в работе образовательных учреждений. При этом основное внимание уделяется важнейшим аспектам, связанным со структурными изменениями, поиском нового содержания образования.

Образование очень тесно связано с культурой того общества, в котором оно функционирует, в явной или неявной форме представляя эти ценности. В настоящее время наше общество не самоопределено в целом: строительство коммунизма с повестки дня снято, а новой стратегии развития общества нет. Поэтому и образовательные ценности не выстроены. А из ценностей вытекают цели, из целей – задачи. Дело ли государства или государственных реформаторов определять ценности и цели образования? Такие прецеденты бывали, и они имеют свое название: тоталитаризм.

Было бы слишком просто (и жутко), если бы цели и ценности образования вновь начали спускаться сверху в органы образования, затем в систему образования и, наконец, в головы учащихся. Цели должны быть не навязаны извне, а приняты в себя системой образования. Последняя уже пришла к заключению, что индивидуальность учащихся есть главная ценность, реальная основа, живая сила психологического развития.

Система образования становится, наконец, главным субъектом ценностей, целей и путей их достижения, она перестает быть субъектом воздействий и манипуляций со стороны государства. Поэтому сегодня, как никогда, важно и нужно внимание государства к образованию.

* *Инесса Александровна Медведева* – ассистент кафедры иностранных языков № 1 Тюменского государственного нефтегазового университета (г. Тюмень).

Поиск новых целей и ценностей – это и есть духовная работа нашего образования. Не надо опасаться того, что инновации в образовании приведут к хаосу. Растущее разнообразие в образовании – это необходимое условие его устойчивости и стабильности. В нем всегда соревнуются консервативные и динамические составляющие и свойства. Чувство гражданственности свойственно системе образования больше, чем любым другим институтам государства. Образованию свойственно влечение к таким ценностям, как свобода, добро, знание, понимание, искусство, человеческая мысль...

Образование России, культура России – это ее достояние и неотъемлемая часть. Пока они живы, будет жива и Россия.

Ориентация российской молодежи на достижение высокого образовательного статуса является приоритетной. Подавляющее число студентов полагают получение высшего образования престижным и необходимым. Для них образование – залог будущей успешной жизни.

В России существует большая потребность в образованных людях. Сколько образованных людей и какого уровня нужно современному обществу? Каковы его потребности в квалифицированных специалистах? Как формируются элиты? От чего зависит уровень образования? Как от уровня образования зависят успех, карьера, благополучие? На эти банальные вопросы существуют разнообразные и порой противоречивые ответы. Видимо, это естественно, так как уровень и направленность образования зависят от множества факторов: культурных традиций страны, семейных и религиозных традиций различных групп населения, военной, экономической и финансовой политики государства, и так далее.

Начнем с начала. Относительно потребностей современного развитого общества в образованных людях мнения не расходятся. При том, что провозглашается необходимость поголовного, качественного образования, потребность в высокообразованных гражданах не превышает 10–11 % от общего числа населения. Таков процент производителей и высококвалифицированных специалистов в сфере обслуживания, обеспечивающих благосостояние страны. Остальным предоставляется возможность заниматься посильным неквалифицированным трудом, в основном в сфере обслуживания. Естественно, что уровни жизни работающей элиты и «остальных» могут значительно отличаться в пользу первых.

Необходимо обеспечить максимальную занятость самого проблемного слоя населения – молодежи. Этой банальной истине сотни лет, и в последние десятилетия к воплощению мечты об обязательном среднем, а то и высшем образовании подошли многие страны.

Но нужно ли большое количество широко образованных людей? Вот иная точка зрения на современное общество: современному развитому обществу нужны только хорошие исполнители. Творческие, думающие люди, конечно, тоже требуются, но буквально единицы. Поэтому вся система образования должна быть нацелена на отбор хороших исполнителей, а учить думать молодых людей совершенно не нужно: в современном обществе это только повредит их будущей профессиональной деятельности, какой бы она ни была. Что же касается творческих личностей, то о них особенно беспокоиться не следует: тот, кто действительно талантлив, так или иначе все равно пробьется.

Да, в России существует большая потребность в творческих людях, способных принимать неординарные решения, причем в различных областях. Я полагаю, что наиболее простой индикатор успешности школьного образования – поступление выпускника школы в вуз. И явная ценность – чтобы он стал порядочным человеком, чтобы он умел выстраивать свою жизнь, чтобы он мог самоопределиваться и найти себя в этом мире.

М. М. Писарева*

Концепция социальной идентичности В. Ядова – Е. Даниловой

В последние годы внимание отечественных социологов все чаще обращается к теме идентичности. Теоретическим вдохновителем и инициатором появления этой тематики в отечественной социологии можно назвать В. А. Ядова, объединившего вокруг себя группу академических исследователей. В рамках Центра исследований социальных трансформаций В. Ядов и его коллеги предприняли системную попытку адаптировать теоретические идеи и концепты социальной идентичности к российским реалиям и сконструировать социальную теорию, объясняющую происходящее в стране.

Условной точкой отсчета разворачивания этого теоретического проекта можно считать публикацию в 1994 году статьи В. А. Ядова «Социальная идентификация в кризисном обществе» [4]. Для исследования ситуации социального кризиса в отечественном социуме он предложил использовать концепт идентичности. Идентификацией предложено было считать специфичный процесс, инициирующий у индивида актуализацию ситуативных и кросситуативных установок (диспозиций). Главной составляющей процедур идентификации было создание социальных идентичностей. Они определяли комплекс диспозиций, вовлеченных в социальное конструирование внешнего мира. Идентичность была представлена динамичным явлением, имеющим шкалу интенсивности, полярность и содержательную структуру, которая также подвержена изменениям.

В качестве градаций шкалы интенсивности идентификации избраны понятия «позитивная идентичность» (когда респонденты всегда или часто могут артикулировать определенную идентичность) и «негативная идентичность» (когда отождествление с той или иной группой осуществляется редко или никогда).

* *Мария Михайловна Писарева* – аспирантка кафедры культурологии ПГТУ (г. Пермь).

Эти понятия актуализируют интенсивность субъективного ощущения единства с какой-либо группой. Стоит упомянуть, что другие авторы иначе видят шкалу интенсивности и полярности идентификации. Примером может служить трактовка этих же характеристик В. А. Ачкасовым: «Позитивная идентичность – это, прежде всего, осознанная общность с позитивно значимыми другими (с «мы») без жесткого противопоставления «мы» – «они» [1, с. 52]. Негативная же идентичность – это консолидация общности «мы» на основе тотальной оппозиции негативно значимым другим («они»). Иными словами, позитивность или негативность идентичности в данном случае зависит от конструктивности или агрессивности намерений объединяющихся лиц.

Для научного обсуждения В. А. Ядов предложил ряд своих выводов о природе и характеристиках социальной идентичности. Доминирующую роль в формировании идентичности выполняли контактные группы. Типы идентичности, наборы социальных идентификаций могут определяться как объективными, социально-экономическими признаками (имущественная дифференциация, социальный и профессиональный статус и т. д.), так и субъективными – размежеванием по образу мыслей, жизненным убеждениям. Ослабление идентификации со всеми группами и общностями в течение некоторого времени приводит В. Ядова к выводу, что «либо мы наблюдаем перестройку прежних и формирование новых идентичностей, либо усилились самодостаточность, интернальность личности» [4, с. 46].

Предлагаемая В. А. Ядовым научная концепция идентичности получила развитие во многих работах его коллег и учеников. Остановимся на труде Е. Н. Даниловой. В статье «Изменения в социальных идентификациях россиян» [2] она описывает изменение набора идентификаций россиян на протяжении шести лет (1992–1998) с использованием той же методологии и эмпирического материала, что и у В. А. Ядова. Статья имеет не только эмпирическую, но и методическую направленность, описывает группы и общности, с которыми идентифицируют себя россияне.

В итоге Е. Даниловой представлена таблица, описывающая корреляцию динамики идентификаций с событиями в стране в целом и соответствующими социальными последствиями. Таким образом, идентификации выступают как социально сконструированные индивидом группы характеристик, текущие, постоянно пересматриваемые и перестраиваемые при столкновении с изменениями в жизненном мире.

В совместной работе «Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ» [3] В. Ядов и Е. Данилова предлагают обобщение теоретического и эмпирического материала и тезисное представление разрабатываемой концепции социальной идентичности. Основой построения устойчивых идентификаций у индивида признается узкий круг близких ему людей. Идентификации, связанные с большими социальными общностями, фиксируются как нестабильные и малозначимые. Подчеркивается, что нестабильность идентичностей при этом не является кризисным явлением, а признается нормой современных обществ, и для ее изучения авторами предлагается базовый термин «контекстуально-лабильная идентификация как социальная норма» [3, с. 63]. Признаком успешной адаптации к динамичному миру эпохи постмодернизма выступает умение индивида манипулировать максимально широким и разнообразным набором идентичностей.

Именно эти процессы, по мнению В. Ядова и Е. Даниловой, позволяют признать российское общество схожим с западным по своим социальным качествам. Подобный вывод открывает границы дальнейшему диалогу с западными коллегами на языке актуальных социологических теорий о природе кризисных явлений в постсоветском обществе.

Публикации

1. Ачкасов В. А. Этническая идентичность в условиях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. №1. С. 45–56;
2. Данилова Е. Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4.
3. Данилова Е. Н., Ядов В. А. Нестабильная социальная идентичность как норма социальных обществ // Социологические исследования. 2004. № 10.
4. Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1.

Дистанционное образование как фактор социокультурных изменений

Развитие информационных и коммуникационных технологий является одним из аспектов процесса глобализации и открывает новые перспективы в решении экономических, политических и социокультурных проблем. Современная социокультурная ситуация изменила многие формы коммуникаций, заменив непосредственное общение на опосредованное, и образование уже не может игнорировать эти процессы, как это было с технологиями предыдущего поколения. Внедрение Интернет-технологий, созданных для нужд бизнеса и сферы развлечений, также изменило стратегию образования. В результате дистанционное образование активно заявляет себя как новая форма образования во всем мире, проявляя такие свои достоинства, как открытость, непрерывность, экономичность, доступность и гибкость. При этом информация, являющаяся в информационном обществе основным производственным ресурсом, выступает в качестве основного компонента обучения и самообразования личности.

Важными аспектами глобальных сетевых коммуникаций являются взаимодействие и общение между отдельными людьми, целыми нациями и культурами. Дистанционное образование как особый вид доступа к образовательным и информационным ресурсам по своей сути интернационально и ведет к усилению международной интеграции, облегчает решение важнейшей социокультурной задачи – создания единого глобального образовательного пространства. Его создание в условиях глобального рынка товаров, услуг и рабочей силы, глобальных финансов и возрастающей миграции огромных масс людей является не только насущным, но и необходимым. Интернет, как средство интеграции информационных потоков, идеально соответствует требованиям организации единого глобального образовательного пространства. Система вы-

* Елена Павловна Пьянзина – ст. преподаватель кафедры информационных технологий Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

сшего дистанционного образования является симбиозом национальной и международной учебной культуры и, как любая реально развивающаяся система, всегда стремится к совершенству и повышению эффективности. Следовательно, старается использовать нужные ей зарубежные образовательные технологии и формы организации получения знаний. На этом этапе не только государство, но и отдельные граждане заинтересованы в формировании у личности способностей для адаптации к жизни за пределами своей страны, что в большой степени обеспечивается дистанционным образованием.

Современная социокультурная ситуация в России имеет отрицательные стороны, такие, как нестабильность экономической сферы, региональные конфликты, недостаточное государственное финансирование сферы образования и культуры, низкий уровень жизни значительной части населения. Но эти минусы частично уравниваются положительными моментами, которые дают надежду на изменения к лучшему в социокультурной реальности: внедрение современных информационных и коммуникационных технологий, связанное с этим свободное распространение информации, расширение возможностей для частных инициатив, культурных и образовательных контактов. Для системы российского высшего образования информатизация выступает источником обновления интеллектуального и кадрового потенциала, положительных изменений в нормативной сфере и в мотивациях и коммуникациях участников образовательного процесса. Одновременно дистанционное образование становится основой для социального равновесия. В России, как и в других странах, существует социальное разделение по уровню финансового благополучия и возможности доступа к образовательным ресурсам. Образование в своей новой форме становится не просто средством передачи традиционных ценностей и моделей уже существующих социальных структур, а проводником социальных изменений, продвигая новые знания, новые ценности и новые пути улучшения условий человеческой жизни во всех социальных слоях.

Стремительные перемены во всех сферах человеческой деятельности приводят к тому, что из-за быстрого морального старения, возрастания темпов обновления профессий и увеличения объемов информационных потоков большинство специалистов сталкивается с необходимостью постоянного обновления своей квалификации. Современные высокотехнологические произ-

водства предъявляют повышенные требования к профессиональной компетентности своих работников, которые должны в совершенстве владеть современными информационными технологиями и активно использовать их в своей работе. Однажды приобретенная специальность не является гарантией успешной профессиональной деятельности в течение всей жизни. Только лишь базового высшего образования недостаточно для выполнения своих профессиональных функций в динамично изменяющемся современном обществе. Возникает необходимость получать образование в течение всей жизни. Эта тенденция полностью поддерживается средствами и технологиями дистанционного образования. Многие российские вузы активизировали работу по внедрению дистанционных технологий в традиционную модель учебного процесса. Рынок дистанционных образовательных услуг в области повышения квалификации достаточно богат. Разнообразные центры и институты дистанционного образования, виртуальные университеты и межвузовские объединения предлагают программы дистанционного обучения в сфере экономики, права, бухгалтерского учета, логистики, маркетинга, менеджмента, различных видов бизнеса (гостиничного, курортного и др.).

Но даже самые совершенные интерактивные коммуникации и методики дистанционного образования не позволят достичь успеха без сознательного интереса социально зрелой личности, без ответственного отношения ее к получению высшего образования. В содержательной составляющей информатизации образования, с одной стороны, можно выделить информационную культуру, то есть способность информационно культурного человека определять свои потребности в информации, искать ее, оценивать и эффективно использовать. С другой стороны, необходимо выделить информационную рефлексию, то есть способность оценивать полученную информацию, опираясь на накопленный опыт. Оба эти умения необходимы для решения проблемы информационного кризиса, охватившего все области социокультурной реальности. Современный человек должен иметь и развивать в себе такие личностные качества, умения и навыки, которые направлены на успешность виртуального усвоения знаний. Для этого нужны самостоятельность в стремлении к знаниям, готовность заменить традиционную учебную аудиторию на виртуальную, согласие принять изменившиеся отношения между преподавателем и обучаемым.

Система дистанционного образования дает возможность приобрести дополнительные знания всем желающим независимо от национальных, расовых, половых, социальных и других признаков, которые зачастую становятся поводом для дискриминации в некоторых странах при получении образования в традиционной форме. Важнейшим социокультурным фактором внедрения Интернет-обучения является снятие проблем информационного неравенства, различий качества образования в центре и регионах.

«В эру индустрии мы идем в школу. В эру информации школа может сама прийти к нам». Этот девиз отражает специфику дистанционного образования. При этом в качестве главной цели выступает обеспечение доступности образования, в первую очередь высшего, для возможно большего числа желающих. Феномен доместикации образования рассматривается как часть общего процесса создания рабочих мест на дому и является одной из социокультурных инноваций в эпоху информатизации и глобализации. Нельзя не сказать о гуманистической составляющей дистанционного образования. Практически каждый вуз предлагает своим виртуальным студентам доступ к электронным библиотекам, в которых могут размещаться книги, существующие в единичных экземплярах и недоступные в реальной библиотеке. А возможность посетить виртуальные музеи, хранилища социальной памяти, национальных и международных культурных ценностей является одним из важнейших факторов социокультурных изменений, обеспеченных новыми информационными технологиями.

Человеку XXI века необходимо уметь не только ориентироваться в информационном потоке, но и использовать информацию для генерации новых знаний. На это откликаются новые формы образования, которым свойственно умение быстро реагировать на изменения в социуме, возможность перестраивать свои функции в связи с необходимостью для общества через привлечение инновационных стратегий, целенаправленность в создании среды равных информационных возможностей для людей из разных социальных и возрастных групп.

Дискурс образования как субординация идентичности

Дискурс образования формируется в повседневных практиках как *дискурс субординирующий и идентифицирующий*.

Данное положение, возможно, покажется теоретически спорным, но, тем не менее, оно может иметь практическое применение.

Во-первых, процесс образования всегда нацелен на возвращение социально адекватного сознания, которое осуществляется путем субординации, то есть властного воздействия. Через дискурс образования субъект педагогической направленности превращается в соучастника субординирующего процесса, имеющего целью сформировать знание об идентичности. Точкой отсчета для расширения кругозора обучаемого индивида служит предельная фиксация на личности, тематическое самосознание. До того момента как образовательный дискурс вступил в силу и начал воздействовать, субъект образования еще не считается сформированным.

Во-вторых, в процессе образования субъект не только видится как объект программного воздействия, но и наделяется индивидуальными чертами особой идентичности. Пока обучение не начато, обучаемый не существует в строгом смысле как субъект (активное начало, носитель идентифицирующих признаков), он — всего лишь объект воздействия, у которого только предстоит сформировать личностные характеристики.

До вступления в процесс социального взаимодействия, на стадии интуитивного желания быть кем-то, сознание индивида, как и телесность, является бесформенной массой, вызывающей к тому, чтобы ее оформили, то есть субординировали. В процессе реализации образовательных технологий идет властное воздействие на сознание обучаемого индивида. Как результат, возникает субъект

* Алена Вадимовна Севастеенко — канд. филос. наук, зав. учебно-методическим сектором Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

идентификации. В конечном счете, индивид сам провоцирует проявление в его отношении властных функций. Двойственность процедуры субъекции, согласно которой человек-масса стремится к отождествлению с человеком-лидером как воплощением коллективной телесности и самоцентрированности, приводит к образованию замкнутого круга, в котором «Я» одновременно отрицает и принимает субординацию. Скрываясь, таким образом, под сердечным пристрастием, субординирование как функция создает связи, которые объединяют индивидуума с самим собой посредством отождествления с идеалом субъекции. Другими словами, самоотождествленность субъекта оказывается эффектом его субординации.

Акцент, сделанный на отношении власти, через подчинение внедряющейся в образовательный процесс, в свою очередь, требует идентификации, для которой мы выбираем форму гендерной репрезентации. Дело в том, что в образовании власть не является безликой в смысле идентичности. Феномен власти, присутствующий в любой образовательной программе, основан на дискурсивном требовании *представления*. Знание должно быть обличенным, но оно нуждается в форме, которая каждый раз представлена специфически, показывается «всегда окольным путем», используя игру отношений, то есть перформанс.

Схема рассуждений на заданную тему может быть выстроена в следующем порядке: во-первых, перед нами стоит проблема власти в образовании которая является проблемой телесности в преподавании; с ней связаны вопросы об эротизме образовательного процесса и возможном с его учетом гендерном проектировании; во-вторых, возникает проблема психики власти и перформативной субъекции, разрешение которой также не может обойтись без апелляции к теории соблазна, компенсации и сублимации; в-третьих, что вполне логично, ставить вопрос о власти невозможно без обращения к проблеме амбивалентной идентификации и связанной с ней программе субординирования; и, наконец, в-четвертых, исследование реализации дискурса власти в сфере образования невозможно без рассуждений об инстанции голоса и дискурса Другого как формах субъективации, доступных в образовательном процессе через введение феномена харизмы как личного достижения того или иного преподавателя.

Следует подчеркнуть, что для нас всякое образование в принципе возможно лишь потому, что в пределе оно позволяет вклю-

ченным в его процесс индивидам достичь желаемой идентификации. Отсюда понятно, почему критический анализ субъекции подразумевает следующие важные для нас характеристики: 1) описание того способа, которым регуляторная власть удерживает субъекты в субординации, производя и эксплуатируя их потребность в продолжении себя, видимости (идентификации) и месте (субъективации); 2) признание того, что субъект, произведенный как длящийся, видимый и занимающий место, тем не менее терзаем неразрешимым остатком, меланхолией, что отмечает пределы субъективации; 3) описание субъекта как повторяющегося, что демонстрировало бы, как свобода действия вполне может реализовываться в противостоянии социальным запросам, ее породившим.

Субъект как понятие, и на это стоит обратить внимание, в рамках гендерных исследований не равноценен понятию личности и индивидуума. Как критическая категория, субъект, вместо того чтобы прямо отождествляться с индивидуумом, должен обозначать категорию лингвистическую, т. е. пониматься как место для переменной, как структура в своем непрерывном формировании. Становясь субъектом, индивид включается во властный дискурс, сообразуется со свойственными ему от рождения сексуальными отличиями. Данное обстоятельство является условием личной самоцентрации и самоидентификации. Социальная оформленность и самоидентичность, таким образом, обретается индивидуумом только в процессе субъекции, и в то же время, индивид не становится субъектом, не будучи сначала подчиненным или прошедшим «субъективацию».

Сказанное позволяет расценивать гендерное образование как социальную практику, нацеленную на то, чтобы встреча индивида, жаждущего идентификации, и идеальной формы идентичности, распределяющей сексуальные различия, что составляет, на наш взгляд, существо субъекции, успешно состоялась. Другими словами, гендерное образование в целом может рассматриваться как двоякий процесс: а) как система образования, в которую гендерная проблематика вписана в качестве отдельного предмета; б) как система образования, через которую реально осуществляется гендерное формирование. Одной из наиболее продуктивных практик, нацеленных на то, чтобы разрешить возникающий в результате этого самовыражения конфликт «социального» и «индивидуального», стимулировав успешность гендерной идентификации, является практика соблазнения.

Соблазняя субординируемого им студента, преподаватель совершает кражу идентичности, которая способствует его собственной субординации. Эта кража, одновременно отнимающая у обучаемого человека его самость и образующая ту идеальную идентичность, которой он всем сердцем желает, вынуждает индивида снова и снова обращаться к педагогу, каждый раз заново отдавая свою телесность на откуп властной субординации. Желание быть украденным, таким образом, может в некотором роде рассматриваться как стремление идентифицироваться. Что же касается его реализации, то она структурно связана с процедурой дисидентификации. Дисидентификация – это утверждение формализованного характера образования гендера, или, выражаясь словами Умберто Эко, констатация исчезновения его структуры в процессе субординации, доведение до состояния отсутствия в ней сексуальных различий. Субъект оформляется, самоцентрируется и идентифицируется в ситуации, где он сначала отделен, разрознен, обезличен и дисидентифицирован. Отсутствие или нехватка идентификации, в свою очередь, вызывают желание ее компенсировать. Чтобы это желание могло сконцентрироваться, как уже отмечалось, ему необходим идеал субъектности, на который оно могло бы ориентироваться. Стать носителем такого идеала может в пределе каждый субъект, способный подчинять чужие и, соответственно, свои желания, их субординируя.

Система гендерного образования, учитывающая это противоречие, структурирует властный дискурс, базируясь на двуличии его субординации. Сводя дискурс власти к речи Другого, который может быть расценен как пространство бессознательного, мы тем самым встраиваем гендерную идентификацию в логику субъекции. Субъект отзывается на голос закона, потому что он пассионарен. Другими словами, прежде чем оклик был услышан и в дело вступили последствия такого оборота для инаугурации социального субъекта, у индивида имелось страстное желание, чтобы его окликнули, он хотел быть обученным, а значит, приобщенным к существующим нормам социального поведения.

Творчество как цель и ценность образования

Сегодня все чаще, когда речь идет о целях образования, говорят о развитии творческих способностей и творческой индивидуальности. С этим трудно спорить. Но приглядимся поближе к тому, что скрывается за подобными заявлениями. В качестве примера используем выдержки из «Концепции развития образовательного учреждения инновационного типа», разработанной кандидатом педагогических наук Т. В. Орловой.

«Мы считаем, что обучить творчеству можно в школе, – утверждает разработчик концепции, – если:

- учитель... знает психолого-педагогические особенности личности школьников и с их учетом подбирает, разрабатывает творческие задания...;
- учащиеся имеют твердые знания и умения по овладению учебными приемами на сравнение, анализ, классификацию, легко комбинируют эти учебные приемы, легко перенося их в новую учебную ситуацию;
- новые знания ученик может свободно получать путем конструирования учебных приемов на основе старых знаний...;
- ученик обучен прогностическим умениям и имеет знания о них, т. е. может самостоятельно разработать гипотезу, определить совокупность путей совершенствования, выделить более значимые среди них¹.

Как видим, в данном случае обучение творчеству, предполагающее развитие творческих способностей учащихся, подменяется обучением технологии интеллектуальной деятельности.

* **Мария Владимировна Семенова** – ст. преподаватель кафедры дизайна прически и одежды (РГППУ) (г. Екатеринбург).

¹ Орлова Т. В. Концепция развития образовательного учреждения инновационного типа / Завуч. Научно-практический журнал. № 3. 1999. С. 82–83.

В концепции Т. В. Орловой «индивидуальность личности» (терминология автора) определена «ядром», включающим: личностные качества, развивающиеся способности, темперамент и ведущие возрастные особенности поведения и деятельности². При этом Т. В. Орлова утверждает, что в младшем школьном возрасте «в структуре индивидуальности общее развитие занимает главное место», в подростковом возрасте «начинает укрепляться связь обучения и воспитания», что «придает личности большую индивидуальную окраску». Индивидуальность же старшеклассников «выражается в жизненной позиции», которая складывается под влиянием «нравственного отношения к миру и к себе». Но что из всего сказанного относится к творческой составляющей – остается не понятным. Не случайно в качестве оптимальных для развития способностей личности разработчиком концепции называются условия, на сегодняшний день признающиеся в качестве базовых даже в коррекционных образовательных системах: предоставление свободы в выборе того, что вызывает интерес у ребенка; многоуровневое обучение; непрерывное повышение уровня самостоятельности; предоставление возможности для достижения ситуации успеха³.

Приведенный пример – весьма типичен. Именно эта типичность служит лишним доказательством того, что обучение творчеству не может определяться как цель образования. Ведь основу образования составляет обучение, ядром которого является познание. Но познание – всегда нечто вторичное: «знание о знании»⁴. Творчество же – «элемент самой жизни, то плодотворный для ее целостности, то вредящий ей»⁵. «Вопрос о примате творчества над познанием, – пишет А. Белый, – ... решался чисто практически во всех древних мистериях; посвящаемый в мистирию Египта должен был творчески себя пересоздать, чтобы иметь право приступить к занятиям астрономией, математикой, магией и пр.»⁶.

А. Белый приводит цитату из «Писем о живописи» химика Вильгельма Освальда как пример лучшего понимания того, чего

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 88.

⁴ Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 20.

⁵ Зиммель Г. Истина и личность / Лики культуры: Альманах. Т. 1. М., 1995. С. 188.

⁶ Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 23–24.

требует от художника творчество: «Художник должен безостановочно заставлять свой глаз и свое сознание отвыкать от привычки, с практической целью перерабатывать и видоизменять зрительные ощущения; он должен так воспитать себя, чтобы видеть только формы и краски, безотносительно к тому, что они представляют в действительности»⁷. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, которую Кант определил как ситуацию, где «деятельность предшествующих направлена не на то, чтобы сделать тех, кто следует за ними, просто подражателями, но чтобы своими действиями указать им, что они должны искать принципы в самих себе и идти собственным, подчас лучшим путем»⁸. Это ситуация опыта, обретаемого лишь усилием, совершаемым над собой лично тобой. Вот почему А. Белый и культуру определяет как «деятельность сохранения и роста жизненных сил личности», утверждая, что начало культуры «коренится в росте индивидуальности», а связующим началом, объединяющим все формы культуры, является «творческая деятельность отдельных личностей», причем эта деятельность «берется как цель, т. е. не поддается нормированию»⁹.

Все, что представляет собой цель в самом себе, — суть ценность. Так, творчество — не цель, но ценность, т. е. нечто первичное по отношению к образованию. Поэтому представляется более корректным определение цели образования как сопряжения обучения и творчества. При этом обучение выполняет вторичную (но отнюдь не менее значимую) задачу технического и технологического обеспечения. На долю же творчества выпадает задача жизнеосуществления индивидуальности, в той сфере, в том материале, которые совпадают с индивидуальными задатками. Познание, а следовательно и образование, ориентировано на овладение внешним объектом, даже если таким объектом является творческая деятельность. Творчество же ориентировано на овладение самим собой, своими собственными задатками и способностями. Последнее требует перестройки сложившегося под влиянием того же образования способа видеть, слышать, знать, а в конечном счете и творить.

Творчество в смысле деятельности, т. е. со своей внешней стороны, не есть нечто постоянное, внеисторическое. Со своей

внешней, деятельностной стороны оно определяется социальными и культурными парадигмами. Нет творческой деятельности вообще, есть определенная форма творчества, соотношенная с той или иной традицией или создающая новые формы. Технологии творчества меняются, потому вопрос о том, какой именно форме технологии (а только об этом, но не о самом творчестве может вестись речь) школа собирается обучать своих воспитанников, не является вопросом праздным. Ведь может случиться так, что школа научит тому, что не будет востребовано. К сожалению, именно так сегодня чаще всего и происходит, особенно когда речь идет о системе дополнительного образования. Сколько ребят, окончивших музыкальные школы, не подходят к инструментам? А сколько из тех, кто обучался изобразительному искусству, никогда больше не придут в музей, не станут посетителями выставок или участниками биенале?

Это не праздные вопросы, если иметь в виду, что творчество — форма созидания культуры, а творческий потенциал личности — основа человеческого капитала общества. Так что творчество, несмотря на свои романтические корни, остается важной проблемой гуманитарных наук и высшей ценностью культуры.

⁷ Там же. С. 24.

⁸ Кант И. Критика способности суждения. М., 1994. С. 154–155.

⁹ Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 20.

Проблема формирования психологической компетентности будущего управленца

Характерные для российского общества стремительные экономические изменения оказывают существенное влияние на внутриорганизационные процессы, обострение конкуренции в различных областях, повышение уровня неопределенности и риска в деловой сфере. Осуществление эффективного управления предъявляет повышенные требования к профессиональной компетентности и профессионализму субъектов управления, особенно тех их характеристик, которые связаны с управлением «человеческой составляющей». Очевидным стало действие противоречия между требованиями к психологической подготовке управленцев и недостаточным ее уровнем.

Овладение психологическими знаниями у будущих управленцев происходит, главным образом, стихийно, на основе индивидуального опыта взаимодействия с другими людьми, без специального обучения. Сформированные таким образом понятия лежат в основе житейского психологического мышления, которое ориентировано на упрощение психологической реальности и является конкретно-практическим.

Поскольку личность человека формируется в течение длительного времени, установившиеся личностные структуры в условиях учебного процесса практически не поддаются изменению. Коррекция должна быть направлена в первую очередь на когнитивный компонент психологической компетентности, на такие его составляющие, как психологическое мышление, психологические знания, представления о содержании профессиональных ситуаций и способах их решения. Именно они легче всего поддаются обу-

* *Тарасова Людмила Владимировна* – аспирантка факультета социальной психологии, преподаватель Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

чающему воздействию. Важное место в психологической подготовке будущих управленцев должна занимать задача формирования практических умений и навыков межличностного взаимодействия.

Анализ литературы по проблеме психологической подготовки будущих специалистов и реальная практика обучения в вузах показывают, что существующую традиционную систему психологической подготовки отличают формализм, академизм, оторванность от жизни, а также ограниченность во временном и в содержательном плане, что является причиной низкого уровня психологической компетентности соответствующих специалистов. Поэтому для решения задач формирования психологической компетентности необходимо использовать как традиционные методы обучения, связанные с передачей психологических знаний, так и активные социально-психологические методы, направленные на формирование различных видов познавательной деятельности и форм мышления, практических умений и навыков межличностного взаимодействия.

Психологическая компетентность складывается из психологических знаний, психологического мышления и практических умений и навыков. Поэтому основными задачами формирования психологической компетентности управленца является расширение психологических знаний, представлений о содержании ситуаций их профессиональной деятельности, репертуара способов психологического воздействия, а также совершенствование профессионально важных качеств: психологического мышления, предполагающего умение анализировать и эффективно разрешать проблемные ситуации, умения проектировать оптимальные способы управленческого воздействия.

Для решения этих задач можно использовать традиционные методы обучения, включающие в себя лекции по психологии личности, управленческой психологии, по проблемам психологического воздействия, а также методы, основанные на анализе проблемных ситуаций. Основными принципами являются моделирование, диалогичность, гуманистические отношения.

В процессе разрешения моделируемых проблемных ситуаций делового и межличностного общения происходит осознание целей профессиональной деятельности, способов действия в них, а также выработка умений и навыков психологического воздействия. При этом актуализируется психологическое мышление, совершенст-

вуется умение находить оптимальные с точки зрения достижения цели способы воздействия в соответствии с психологическими условиями рассматриваемых ситуаций, что способствует формированию профессионально важных качеств будущего управленца.

Обучение умению анализировать проблемные ситуации должно способствовать также совершенствованию умственных действий, лежащих в основе процесса постановки психологических задач, планирования, выделения значимых условий и выбора наиболее оптимальных способов достижения целей. В процессе становления соответствующих действий происходит осознание необходимости использования различных способов достижения цели в зависимости от психологических условий рассматриваемых ситуаций.

Для того чтобы данные мыслительные операции способствовали формированию у обучаемых умений и навыков анализа проблемных ситуаций, в которых построение адекватных способов воздействия происходит на автоматическом уровне, необходим длительный тренинг. Отработка этих умственных действий и операций в процессе психологического тренинга должна быть направлена на совершенствование умений и навыков оценки всех субъективных и объективных условий проблемных ситуаций, разработки оптимальных способов действия, а также прогноза ожидаемых реакций партнеров.

Это формирование должно происходить на основе специальной обучающей программы по решению проблемных ситуаций, которая приводит к активизации мышления обучаемых. Использование проблемного обучения приобретает принципиальное значение тогда, когда в процессе обучения употребляется система проблемных ситуаций, предлагаемых в определенной последовательности, значение которой состоит в том, что именно она способна обеспечить развитие в процессе обучения.

И. В. Тесленко*

Современные требования к профессиональному образованию

Переход России на рыночные отношения поставил перед всей образовательной системой новые цели, достижение которых возможно посредством глубоких преобразований, предстающих перед нами в виде двух взаимосвязанных процессов: совершенствования существующей образовательной системы и формирования новых концептуальных подходов и условий ее развития в дальнейшем. Исходя из этого, современная система профессионального образования должна способствовать развитию и становлению личности человека как профессионала в течение всей жизни.

Какие же качества сегодня становятся наиболее актуальными, востребованными и личностью, и обществом, и работодателем, и системой в целом?

В эпоху глобализации и информатизации среди характеристик современного специалиста особое место занимают системное мышление, экологическая, правовая, информационная, коммуникативная культура, способность к осознанному анализу своей деятельности, самостоятельным действиям в условиях неопределенности, приобретение новых знаний, творческая активность и ответственность за выполняемую работу. Сегодня истинный профессионал должен решать не только узкопрофессиональные задачи, уметь правильно планировать и оценивать социальные последствия своей деятельности, он должен наследовать и передавать далее накопленный интеллектуальный опыт.

Поэтому основной педагогической задачей для всех этапов образования становится поиск и реализация оптимальных путей развития личности, способной к самоактуализации в процессе интеллектуально-активной социальной, трудовой жизни. И здесь особую значимость приобретает развитие духовности через гумани-

** Ирина Владимировна Тесленко* – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и СТУ УГТУ-УПИ (г. Екатеринбург).

таризацию образования, которая предполагает «очеловечивание» процесса обучения, когда студент/человек ставится в центр процесса обучения. В ситуации культурного кризиса именно гуманитаризация образования предполагает наполнение учебного процесса смыслами нравственной ответственности и гражданской активности; именно гуманитаризация образования влияет на изменение ценностно-смысловых и деятельностно-волевых структур сознания.

В этой связи необходимо выделить основные направления процесса гуманитаризации. Во-первых, студенты одновременно с получением учебных знаний и навыков должны приобретать информацию, необходимую для каждого культурного человека, – это минимум знаний об истории развития человеческого общества в целом и своей страны, о литературе, искусстве, религии, о нравственно-эстетических ценностях; во-вторых, процесс гуманитаризации позволяет уделять максимум внимания развитию личности, учит правильному восприятию других людей, делает ее более человеческой, даёт студенту возможность «открыть» себя другим и других для себя.

Безусловно, гуманитаризация образования предполагает увеличение объема гуманитарных дисциплин (в зарубежной практике – до 40 % при подготовке инженерных кадров). С одной стороны, гуманитаризация образования – это средство формирования у студентов и будущих специалистов общечеловеческой культуры, с другой – важный инструмент широкой демократизации и повышения эффективности учебно-воспитательного процесса.

Кроме этого, гуманитаризация должна охватить полностью социокультурное пространство жизни студентов, включающее в себя и внеаудиторную деятельность, и внутреннюю атмосферу студенческих коллективов (быт, досуг, творческую деятельность).

В качестве средств реализации задач гуманитаризации образования сегодня могут выступать такие тенденции, как:

- управление социокультурным пространством, включающим учебный и внеучебный процессы; дифференциация образования в соответствии с запросами общества и личными способностями;
- диалоговые технологии, позволяющие усваивать знания, развивая познавательные процессы, коммуникативные способности, формируя этические позиции, главной из которых является толерантность;

• создание не только образовательного, но и непременно – воспитательного пространства как открытой системы, ориентированной на формирование у личности рефлексивного, творческого, нравственного отношения к собственной жизни в соотношении с жизнью других людей через разработку и реализацию программ воспитательного цикла: художественных, эстетических, просветительских, экологических, правовых и др.;

• вхождение в мировое культурно-образовательное пространство;

• сопряжение конвергенции и интеграции образовательных технологий с установкой на максимизацию использования самобытности социума, культуры, образовательных традиций;

• утверждение допустимости только ненасильственного управления и ненасильственных средств воздействия, гуманных методов и приемов обучения и воспитания;

• формирование у будущих специалистов потребностей осуществлять свою профессиональную деятельность в интересах человека;

• практическая реализация принципов демократизации студенческой жизни через развитие студенческого самоуправления.

Отрадно отметить, что именно о данных направлениях реформирования современного профессионального образования говорят студенты учебных заведений как среднего профессионального, так и высшего профессионального образования¹.

В процессе социализации молодежь усвоила основной принцип рыночных отношений: «главное – образование, инициатива, предприимчивость и поиск нового; только это позволит обрести материальную независимость». Молодежь ищет, приобретая при этом, возможно, не только положительный опыт.

Достижение успеха в жизни молодежь связывает не только с объективными факторами, но и с личностными характеристиками, на первый план среди которых выходят юмор и жизнелюбие; интерес к жизни и готовность к восприятию нового; энергичность, предприимчивость и деловые способности. Идеальный человек видится как высокообразованный, широкоэрудированный, воспитанный, тактичный, порядочный и добрый человек, легкий в

¹ На основе результатов социологических исследований студентов ВПО (1998–2006 гг.) и студентов СПО г. Екатеринбурга (2003–2005 гг.), проведенных кафедрой социологии и социальных технологий управления УГТУ-УПИ.

общении, который живет, преодолевая себя, постоянно самосовершенствуется, занят на любимой работе и трудится творчески, благодаря чему имеет все необходимое для интересной жизни.

В понимании студентов закрепляется дух рыночной экономики, отличительной чертой которого является предприимчивость, подкрепленная хорошим образованием; существенно меньшую роль начинают играть связи с нужными людьми. Реализация творческих способностей связывается с образованностью, профессионализмом, работой по душе и с получением материальных благ, открытием своего дела, становлением бизнеса. По мнению студентов, успех в профессиональной деятельности зависит от уровня полученного образования и от приложения собственных усилий и стараний.

Н. Б. Тейтельман*

Потребности в образовании студентов негосударственных вузов: социологический анализ

В условиях изменения ситуации в образовательной сфере в последние десятилетия, важной практической задачей становится исследование образовательных потребностей студентов высшей школы. Собственно, потребности именно этой социальной общности являются показателем путей дальнейшего развития образования, а вместе с ним социально-экономической и социокультурной сфер общества, позволяют делать долгосрочный прогноз на будущее.

Негосударственное образование находится в настоящее время в противоречивой ситуации. Это подтверждают особенности его правового поля, неоднозначные высказывания в СМИ ряда крупных чиновников от образования, образ негосударственного образования, сложившийся в общественном мнении. Вместе с тем оно реализует ряд специфичных функций, ориентированных на дифференцированные нужды потребителей, с одной стороны, и на динамику рынка – с другой. Оптимально ли функционирует высшее негосударственное образование как подсистема образования? На этот вопрос можно ответить, изучив особенности формирования и удовлетворения образовательных потребностей студентов, динамику их изменения.

И еще один аспект данной проблемы – негосударственное образование в малом городе. Каково его функциональное предназначение, кто является потребителем его образовательных услуг, как оценивается их качество, созданы ли условия для полноценного удовлетворения потребностей субъектов, включенный в образовательный процесс? В данной ситуации становятся актуальными конкретно-социологические исследования образовательных по-

* **Николай Борисович Тейтельман** – директор представительства Гуманитарного университета в г. Сухой Лог. (г. Сухой Лог).

требностей студентов, обучающихся в филиалах и представительствах негосударственных вузов в малых городах.

Анализ образовательных потребностей студентов вузов осуществлен нами в рамках конкретно-социологического исследования, проведенного в представительствах негосударственных и государственных высших образовательных учреждений в малых городах Свердловской области (Сухой Лог, Асбест)¹.

Целью исследования было: выявить структурные и функциональные характеристики образовательных потребностей студентов негосударственных вузов, определяющие особенности их (индивидуальной и групповой) образовательной деятельности; проанализировать систему факторов, обуславливающих развитие и реализацию потребностей студентов в образовании.

Потребность в образовании студентов негосударственных вузов связана с шестью типами мотивов образовательной деятельности (ранжированных по значимости): профессионального становления и роста; личностной самореализации и самоутверждения; материального благополучия и роста материального благосостояния; социально-профессиональной стабильности и статусного продвижения; социальной адаптации и социокультурного становления; субкультурного нормативного самоопределения.

Образовательные потребности студентов негосударственных вузов (их филиалов и представительств) в малых городах в большей степени обусловлены материально-прагматическими мотивами, чем потребности студентов государственных вузов (их филиалов и представительств), находящихся в этих же городах. Для студентов негосударственных вузов фактор материального благополучия является более выраженным, тогда как все остальные различия незначительны. С нашей точки зрения, в этой ситуации заложено противоречие. С одной стороны, материальные факторы рыночного

¹ Исследование было выполнено в начале 2004 г., осуществлялось в рамках количественной стратегии с использованием формализованных методов опроса. Объектом исследования были студенты заочной формы обучения 2–4-х курсов всех факультетов представительств Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), Уральского государственного технического университета (УГТУ-УПИ), Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ). Обследованию подверглись 510 студентов в рамках 50 %-ной квотной выборки, критериями которой были: тип вуза, курс обучения, факультет.

характера, казалось бы, стимулируют потребность студентов в получении образования, с другой – они (как показывают все предыдущие наши исследования) далеко не оптимально, а, скорее, даже негативно влияют на успешность образовательной деятельности студента.

Проведенный нами анализ уровневых характеристик потребности в образовании свидетельствует о том, что студенты негосударственных вузов демонстрируют средний уровень сформированности (развитости) потребности в образовании, что подтверждается процедурами измерения посредством показателей таких основных характеристик учебной деятельности, как ее активность, творческий характер, успешность, гедонистические параметры, степень стремления студентов к самореализации в учебе, потребность в непрерывном образовании и готовность к нему, развитие навыков самообразования.

Данные исследования показали, что студентов негосударственного вуза в малом городе отличает высокий уровень притязаний в отношении профессионального образования; для них характерна интенсивность и широта социальных ожиданий, связанных с получением профессионального образования и перспективами кардинальных изменений в профессионально-трудовой сфере, области статусных позиций, системе социокультурных взаимодействий.

В связи с получением профессионального образования студенты в первую очередь предвидят индивидуально-личностные и социокультурные изменения, связанные с обретением новых качеств, умений, навыков (умение ориентироваться в информационном пространстве, формирование социально-адаптивных качеств, становление интеллектуальной культуры, что позволит им полнее реализовать себя). Далее, не менее серьезные изменения они прогнозируют в статусной сфере, где они предвидят обретение новых позиций и ролей, в первую очередь в профессиональной области, а также изменение личностного статуса среди близких, знакомых и друзей. Студенты связывают свои прогнозы и с профессиональной сферой, ожидая изменения вида профессиональной деятельности, характера труда, его интенсивности, активности, эффективности. Большая часть из них считает, что полученное профессиональное образование кардинально изменит весь их образ жизни, жизненные позиции, систему жизненных ценностей.

Осуществленный нами анализ факторов образовательной среды показал, что она благоприятна для формирования и реализации

потребности студентов негосударственных вузов в образовании, о чем свидетельствуют позитивные изменения в отношении студентов к учебной деятельности и достаточно высокий уровень их удовлетворенности различными сторонами образовательного процесса

Говоря о дисфункциях образовательных потребностей студентов негосударственного вуза малого города, с нашей точки зрения, необходимо выделить следующие: отсутствие соотнесения собственной потребности в виде профессионального образования с потребностями региона в специалистах и возможностями реализовать себя на местном рынке труда; противоречие между образовательными потребностями личности и образовательными услугами системы высшего профессионального образования; противоречие между образовательными потребностями и образовательными возможностями населения; смещение мотивационной структуры образовательной деятельности в сторону явно выраженных прагматических ориентаций (материально-экономических, статусных и др.), которые практически не влияют на успешность образовательной деятельности; определенная пассивность в требованиях к условиям реализации образовательных потребностей: к качеству содержания, процесса и результата образования.

Изучение потребностей студентов в образовании сквозь призму социологического подхода является важной научно-практической задачей, имеющей серьезные перспективы дальнейшего исследования. В научном плане перед исследователями стоит задача изучить регулятивную роль образовательных потребностей на индивидуально-личностном, групповом и социальном уровнях: исследовать взаимосвязь между социальными факторами и формирующейся образовательной потребностью, между потребностью в образовании и условиями ее реализации.

С. Ю. Третьякова*

Роль психологического сопровождения в социализации дошкольника

С самого раннего возраста ребенок включается через общение в систему взаимосвязей с другими людьми. Общение является сложным и многогранным процессом. В нем осуществляется коммуникативное взаимодействие, происходит обмен информацией с помощью основных средств общения – речи, жестов, мимики, пантомимики. Общение предполагает понимание людьми друг друга. Но маленькие дети эгоцентричны. Они считают, что другие думают, чувствуют, видят ситуацию так же, как они, поэтому им трудно войти в положение другого человека, поставить себя на его место. Именно недостаточное взаимопонимание между людьми чаще всего является причиной конфликтов. Этим объясняются и столь частые ссоры, споры и даже драки между детьми.

Еще сложнее не просто понять другого человека, представить себе его переживания, но и эмоционально откликнуться на них. Тем более это сложно для маленького ребенка. Постепенно, на основе опыта общения, у детей развивается социальная восприимчивость, то есть способность учитывать чувства и желания других людей, причины их поступков, а ведь только в этом случае между людьми могут устанавливаться особые отношения, выражающиеся во взаимной симпатии, дружбе, любви.

Характер общения во многом зависит от социальной позиции человека, его социальной роли. Даже в дошкольном возрасте у ребенка уже много ролей: он – сын или дочь, воспитанник детского сада, чей-то друг. Недаром маленький ребенок дома ведет себя иначе, чем в детском саду, а с приятелями общается не так, как с незнакомыми взрослыми.

Каждая социальная роль имеет собственные правила, которые могут меняться и различны для каждой субкультуры, зависят от

* **Светлана Юрьевна Третьякова** – педагог-психолог первой категории Центра развития ребенка – детский сад № 587 (г. Екатеринбург).

принятых в данном обществе системы ценностей, норм, традиций. Но если взрослый человек свободно и осознанно принимает ту или иную роль, понимает возможные последствия своих действий и осознает ответственность за результаты своего поведения, то ребенку только предстоит этому научиться.

Осознание самого себя приходит к человеку через отношение к нему других людей. Недаром дети сначала называют себя так, как это делают другие (не местоимением «Я», а по имени). То есть осознание себя происходит позднее, чем осознание других. «Я» – это человек, осознающий самого себя и других людей. Выделение собственного «Я», становление самосознания у ребенка фактически начинается с реакции на других людей, их улыбку, жесты.

Только человек обладает уникальной способностью соблюдать дистанцию в отношениях с окружающими, оценивать собственные поступки, руководствуясь в своем поведении нравственными ценностями социальной и общественной жизни. Маленькие дети не обладают развитым пониманием добра и зла. Для них оценка поступка определяется его последствиями: одобрением или наказанием. Они могут следовать только четко установленным правилам, чаще всего не понимая их сути. Поэтому им трудно приспособлять эти правила даже к незначительно меняющимся обстоятельствам. Постепенно внешняя регуляция начинает играть все меньшую роль. На ее место приходит собственная внутренняя оценка поступка. При этом дети учитывают обстоятельства, в рамках которых совершается действие, а справедливость поступка, его нравственный статус определяют уже не его последствия, а намерения, лежащие в его основе.

Осознание своей индивидуальности, отличия от других сопровождается пониманием того, что другой человек – тоже индивидуальность, и если у тебя есть собственные вкусы, интересы, желания, стремления, то точно так же они есть и у других. Поэтому ребенка необходимо учить социально-адекватным формам самовыражения и самовыражения. Проявление заботы, внимания, помощь другому связаны с развитием мотивационного компонента социальной компетентности.

Выбор адекватных ситуации способов общения, этически ценных образцов поведения связан с развитием у детей социальных навыков. Их формирование зависит от глубины осознания ребенком взаимозависимости людей и их необходимости друг другу; от умения выражать понятным и социально приемлемым способом свои

желания, мнения, чувства; от понимания возможности их несовпадения с желаниями, мнениями, чувствами других.

Необходимость работы психологов в дошкольных образовательных учреждениях (ДОУ) по социально-эмоциональному развитию детей дошкольного возраста актуальна в силу особенностей воспитанников. На сегодняшний день существует противоречие: достаточно высокие требования к познавательному развитию не восполняются в полной мере развитием дошкольника в социальной сфере, в становлении базовых свойств его личности: самооценки и образа «Я», эмоционально-потребностной сферы, нравственных ценностей и установок, а также социально-психологических особенностей в системе отношений с другими людьми.

Развитие социальной компетентности, овладение различными средствами общения, осознание социальных ролей, а также своей индивидуальности каждым дошкольником возможно в ходе системы занятий по психологическому сопровождению, организованной психологом в ДОУ. Эта деятельность интегрирована с другими направлениями работы педагогов и направлена на осуществление основных целей и задач ДОУ. Мы полагаем, что социально-эмоциональное развитие детей – это не только формирование конкретных знаний, умений, навыков, а в целом привитие психологической грамотности, что является основой психологической культуры, нравственных общечеловеческих ценностей. Ее развитие позволяет повысить удовлетворенность дошкольников личностным общением со взрослыми, преодолеть тревожность, неуверенность в себе, неустойчивость самооценки, сложности в личностном развитии, в протекании процессов социализации и индивидуализации.

*Е. М. Удовиченко**

Ценность образования и некоторые его проблемы в современной практике бытия

Качественное преобразование бытия в России за последние 15 лет затронуло в той или иной степени все его сферы. Изменение экономической и политической составляющих, которые являются основаниями социального бытия, оказало существенное влияние на ценностные ориентации, на всю культуру, в том числе и на образование.

Бытие никогда не бывает однозначно. Оно всегда многопланово, противоречиво, разнонаправлено, оно представляет из себя, как правило, единство рационального и иррационального. Если рассматривать сферу социального бытия, то, в конечном счете, явно или неявно оно всегда направлено на человека, ибо осуществляется им самим. И с этой глобальной точки зрения, как ни парадоксально, может быть, это звучит, любое социальное бытие в определенном отношении гуманистично. Но, как мы отметили выше, этот процесс так же противоречив, как и все бытие в целом. Свобода, которую человек завоевывает в процессе социального бытия, способствует усилению гуманизма, увеличению его степени, ибо именно в свободе человек более всего реализуется как «цель сама по себе» (И. Кант), что выражает высшую степень гуманизма. Но одновременно это осуществление влечет за собой и усиление индивидуалистического начала, обособление своих интересов, планов и собственных потребностей от всех остальных. Умение сочетать их на основе нравственных, цивилизованных, юридически закрепленных норм и правил – основная задача по-настоящему гуманистического общества. А альтернативы усилению гуманизма в XXI веке у человека просто нет. И совершенно очевидно, что именно на культуру и образование, как главную составляющую компоненту культуры, ложится эта задача.

* *Евгения Михайловна Удовиченко* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии МГТУ (г. Магнитогорск).

Но что понимать под образованием? В глубинном и глобальном смысле этого понятия образование – это процесс приобретения любого социального опыта, который у человека продолжается всю его жизнь. Этимологически термин «образование» происходит от слова «образ». Образовываться означает учиться составлять образы мира, бытия, человека, общества, самого себя и учиться понимать эти образы и оперировать ими. Но это в глубинном, философском смысле. Первоначальное, так называемое базовое образование в общем и целом и призвано решать эту задачу. Но когда речь идет о специализированном или высшем образовании, то традиционно его как бы «зауживают» и под ним часто понимают овладение какой-либо профессией, специальностью, определенными навыками в той или иной сфере деятельности. Правда, подсудно, на интуитивном уровне все-таки мыслится и первое значение, отсюда и глобальное противоречие такого типа образования, выраженное в вопросе: чему и как учить? Это противоречие в образовании так или иначе всегда имело место, но существенно обострилось в связи с социальными изменениями, с усложнением социального бытия в современной России и в мире в целом. Перед российским образованием (речь идет о высшем образовании) были поставлены иные, чем прежде, задачи: потребовалось определенное реформирование его системы. Но перестройка образования, осуществляемая властными структурами, вызывает множество сомнений и большую критику со стороны непосредственных участников этой системы. Вопрос: почему такая реакция? Только ли определенный консерватизм и инерционность опыта здесь причина? Полагаем, что не только. Есть существенные моменты для беспокойства. Например, не просматривается четкой стратегии образования, не определены его философские основания, а также его конкретные целевые установки. Действительно, кого необходимо готовить – широко мыслящего, творчески и жизненно самодостаточного человека, способного к инновациям и гражданской позиции, или узкого специалиста, исполнителя, знающего хорошо свой участок работы, но за рамками которого он мало компетентен? Если подходить с точки зрения прагматизма, то российская экономика нуждается именно в узко компетентных и четко действующих исполнителях, и здесь, очевидно, системе образования следует ориентироваться, действительно, на зарубежный опыт и «подгонять» наши дипломы под общеевропейский стандарт. Если же исходить из глобальной, философской, культурно-идеологиче-

ской установки, то следует обратить внимание на потребность универсализации знания, на его мировоззренческие и культурно-философские основания, на необходимость прививать желание к постоянному пополнению знаний и учить самому образовательному процессу, т. е. умению и желанию учиться всю свою жизнь. В идеале результат образования должен предполагать и первое, и второе: на выходе – хорошо подготовленный, компетентный специалист по конкретному роду деятельности и одновременно творчески, глубоко и широко развитая личность с активной гражданской позицией. Но как этого можно будет добиться, если в нашем образовании утвердятся, например, система накопительных зачетных баллов, которые можно получать в разное время и в разных учебных заведениях, в результате которых человек получит диплом? Здесь сколько угодно может быть подтасовок, и вряд ли такая форма даст системное образование или, например, уменьшит коррупцию в системе образования. Говорить о подлинно гуманизованном обществе, о возрастании гуманизма возможно только в том случае, если человек выйдет в своем развитии на субсоциальный, субнравственный уровень, что невозможно без подлинной культуры, интеллигентности, широты мышления. Именно разностороннее, универсальное, поликультурное образование лучше всего может решить эту задачу.

Вторая крупная проблема: наше государство не прочь бы иметь хорошую современную систему образования, но при этом существенно урезает ее финансовое обеспечение (даже учитывая рамки национального проекта), переводя его на плечи тех, кто хотел бы получить приличное образование. Хорошее образование все более становится платным – это факт. Для подавляющей массы, прямо скажем, не очень обеспеченного населения России с этой точки зрения оно вряд ли может быть доступным. В таком ракурсе, осуществление гуманистической задачи ЮНЕСКО «Образование для всех» для России становится довольно трудным, а в гуманистическом отношении просто невозможным.

Изменилось и стало противоречивым понимание ценности образования; у самих обучающихся оно до предела формализуется. Эта формализация выражается в нежелании и неспособности брать получаемые знания, в поверхностности усвоения материала, в отсутствии стремления к глубокому анализу, проявления склонности к «механистичности» мышления: творческий анализ материала для большинства представляет большую трудность. Если у сту-

дента есть средства, то появляется тенденция просто «купить» оценки, лишь бы не прикладывать умственных усилий. Это провоцирует коррупцию. Все более важным становятся не знания, а документ об образовании. Кроме того, при современной структуре бытия в России вовсе необязательно, чтобы успешность того или иного человека была напрямую связана с его знаниями, его компетентностью, масштабом его личности, – практика тому доказательство. Молодые это быстро улавливают, поэтому не желают тратить время, силы и нервы, чтобы денно и ночно «грызть гранит науки». Диплом («бумажка») – да, не помешает, а остальное – как получится. Поэтому с формальной стороны – как получение документа – ценность образования, особенно высшего, несомненно возросла, но не стоит, наверное, тут особенно обольщаться.

Так чему и как учить? Вернее всего, очевидно, исходить из стратегической задачи: полагать, что в итоге образование (каким бы оно ни было) все-таки даст положительный результат – повысит общую культуру, повлияет «на наш ум и наши нравы» (М. Монтень) и таким образом внесет свою лепту в повышение качества жизни, в гуманистическую составляющую бытия. Все-таки истинная образованность, без которой гуманизация практически невозможна, это умение находить и видеть частное в общем контексте, наличие гибкого мышления, толерантность и коммуникабельность; это дополнительно к природным данным приобретенная и постоянно приобретаемая способность развития человека по пути творчества и самосовершенствования во всей полноте бытия. Именно такая образованность является высшей духовной ценностью и опорой жизни как отдельного индивида, так и общества в целом.

«Образовательные тупики» и вузовское образовательное пространство

Глобализация образовательного пространства актуализирует проблему обобщения социальных рисков, присущих собственно системе образования как специфическому социальному институту. К ним можно отнести общеизвестные риски: кадровую катастрофу, сокращение финансовых и материально-технических ресурсов системы. Сюда можно было бы включить и снижение качества образования, если бы понятие «качество образования» имело общепризнанные и однозначные характеристики.

Инновацией в перечне рисков должно стать, с нашей точки зрения, понятие «образовательные тупики». Считаем, что «образовательный тупик» – это, с одной стороны, социально-экономический феномен, характеризующий заранее predetermined неэффективность любой – и традиционной, и так называемой «рыночной» – систем образования. Здесь к «образовательным тупикам» следует отнести, прежде всего, усложнение контингента обучающихся (дети группы риска, эмигранты, безнадзорные, беспризорные, дети с девиантным и делинквентным поведением и т. д.). Неэффективность же образования следует рассматривать как низкую результативность образовательного процесса на уровне когнитивного и, прежде всего, креативного развития обучаемых.

Кроме этого, неэффективность образования характеризуется и социально-психологическим компонентом: низкий уровень развития общеучебных навыков и умений, снижение мотивации учащихся к самообразованию и саморазвитию непосредственно сказываются в дальнейшем на качестве трудовых ресурсов, их мотивированности, например, на повышение квалификации. Т. е., «образовательным тупиком» становится неспособность совокупного человеческого потенциала к инновациям и восприятию новейших технологических достижений, сформированная в результате не-

* Татьяна Владимировна Филипповская – канд. педагог. наук, доцент Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

эффективной социальной политики и, как следствие, педагогической практики.

С другой стороны, «образовательный тупик» – это характерный признак «провала государства», не умеющего предвидеть социальные последствия принимаемых экономических решений. Здесь к «образовательным тупикам» следует отнести снижение доступности образования, его инвестиционную непривлекательность для одних субъектов экономики и инвестиционную несостоятельность – для других.

Есть и объективные условия определения социально-экономического тупика как «образовательного тупика». Институт образования – специфический социальный институт «вынужденный» принимать на себя ответственность за проблемы функционирования других социальных институтов: семьи, здравоохранения, социального обеспечения. А отсюда и система образования как социально-экономическая система, с одной стороны, всегда высокоэффективна, так как вынужденно «принимает все, что в нее поступает», с заданным другими институтами качеством, а с другой стороны, малоэффективна, так как приносит все менее ощутимый экономический эффект по совокупности экстерналий.

Указанные характеристики понятия «образовательные тупики» касаются макро- и мезоуровней общества как системы. Особый интерес представляет попытка анализа характеристик «образовательных тупиков» на микроуровне – уровне образовательных учреждений.

Согласно нашим наблюдениям, здесь можно конкретизировать два наименее исследованных, но весьма значимых аспекта «образовательных тупиков», особенно в сфере высшего образования.

Первый аспект связан с отсутствием общедоступной, понятной и «прозрачной» методологии мониторинга эффективности образовательной деятельности вуза. Например, процедура тестирования как компонент самооценки и аккредитации вузов. Даже поверхностный анализ инструментария тестирования позволяет констатировать: отсутствует не только методологическая преемственность с подобными материалами, используемыми в странах – участниках Болонского процесса, но и собственная «прозрачная» методология. Каждый учебный предмет оснащен сегодня как минимум двумя-тремя сотнями учебников, авторы которых по-своему интерпретируют и понятия, и категории, и значимость той или иной учебной информации. Поэтому содержание практически лю-

бого теста вызывает недоумение: может ли обобщенная благодаря ему информация свидетельствовать о знании респондентом предмета? И так ли важно столь пристальное внимание к второстепенным или, как говорят экономисты и юристы, «ничтожным» моментам в ущерб базовым дефинициям? Общеизвестно, что тест не дает представлений о креативных аспектах развития личности обучаемого. Но, коль скоро без теста нельзя обойтись, следует с нашей точки зрения, на уровне страны конкретизировать понятийный и категориальный аппарат в рамках каждого предмета, создав общедоступный (как в библиотеках вузов, так и в электронных источниках) единый словарь-справочник. Подобных изданий должно быть несколько – в зависимости от будущей специальности студентов.

Отсутствует и общедоступная информация для преподавателей. Это касается, прежде всего, артикуляции принципов формирования выборки из учебных курсов содержания тестовых материалов. Малоизвестны и принципы оценки качества образования, используемые в процессе международной аккредитации.

Второй аспект касается анализа претензий со стороны студентов к качеству организации учебного процесса в вузе. Обобщенные нами данные показывают: последнее является широко-масштабным и становящимся системой социально-педагогическим тупиком. Особую значимость этот тупик обретает в условиях, когда отсутствует действенный контроль за соблюдением прав студентов. Авторские наблюдения показывают, что становится необходимым присутствие некоей особой административной структуры, которая реально бы исполняла функции оперативного надзорного органа. Действующие руководящие образовательные структуры реагируют только на письменные обращения. Разрушающаяся и трансформирующаяся корпоративная культура оказывается не способной корректировать возникающие аномальные для цивилизованного образовательного менеджмента ситуации.

Приведем примеры только по двум государственным вузам, в которых на семинарских занятиях, связанных с освоением нормативно-правовых документов, студентам, обучающимся как на условиях бюджета, так и внебюджета, было предложено подготовить претензии по качеству предоставляемых образовательных услуг.

Вот небольшая часть перечня наших обобщений.

Отсутствует действенный контроль за соблюдением мер пожарной безопасности, за санитарным состоянием аудиторного фон-

да, в котором мебель не соответствует нормам эргономики, а уровень освещения опасен для здоровья, устарели мониторы в учебных аудиториях, кругом запыленность и загрязненность, отсутствуют вытяжки, не действуют краны и сливы в помещениях для лабораторных работ по химии.

Расписание занятий составляется произвольно – в зависимости от желаний вузовской администрации. Студенты приводили примеры психологического насилия, безнаказанных оскорблений, принудительного заключения договоров на оказание дополнительных платных образовательных услуг, и т. д.

Можно продолжить фактологическое обоснование актуальности отмеченного нами аспекта «образовательного тупика». Если руководитель дипломного проекта и заведующий выпускающей кафедрой безнаказанно могут требовать, чтобы студент-заочник, исполняющий обязанности заместителя главного бухгалтера частного предприятия, писал диплом о теневой заработной плате на своем предприятии и защищал его в условиях «открытой» защиты, то «образовательный тупик», прежде всего, связан с отсутствием должного образовательного менеджмента. К сожалению, далеко не во всех государственных вузах оценивается, насколько это опасно. В условиях глобализации образовательного пространства наш «внутренний» риск легко может перерасти в риск международный. Однако до настоящего времени отсутствует система объективной оценки качества образовательного менеджмента в ракурсе представленных нами «образовательных тупиков».

Т. Ф. Шитова*

Повседневные образовательные практики в вузах как социологическая проблема

Мировая социологическая мысль все более приходит к выводу, что в современных условиях шанс стать процветающей страной получает то государство, которое обеспечивает максимальный простор для реализации творческого потенциала человека. Поэтому необходимо выявлять таланты и способности молодого поколения как можно раньше и развивать их. Решению именно этой задачи должны быть подчинены повседневные образовательные практики.

Единая система обучения, которая долгое время существовала в нашей стране, не учитывала разнообразия личностных ориентаций, подавляла индивидуальность, не в должной степени стимулировала таланты личности, ее уникальные способности. В результате в проигрыше оказывалась и сама личность, которой не предоставлялась возможность развивать по-настоящему свои способности, и общество, которое могло бы достичь больших успехов.

Первые негосударственные вузы, появившиеся в начале 90-х годов, возникли как адекватное отражение изменяющихся социально-экономических условий в стране. С одной стороны, их возникновение – реакция на потребность рынка в специалистах экономических, юридических, гуманитарных профессий. С другой стороны, их появление было связано с необходимостью построения системы образования, предполагающей возврат к самой личности, ибо не она существует для общества, а общество – для нее.

* **Татьяна Федоровна Шитова** – аспирантка кафедры социологии, ст. преподаватель кафедры экономики Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Исследования, проведенные социологами в конце XX¹ – начале XXI² века, свидетельствуют о том, что именно негосударственным вузам в большей мере был свойственен подход, позволяющий раскрыть личностный потенциал каждого студента.

Негосударственное образование, являющееся сегментом образовательного пространства со специфической формой организации образовательного процесса, должно вместе с государственным образованием решать единую задачу – заниматься подготовкой высококвалифицированных специалистов. Существование государственной и негосударственной систем образования позволит детям и их родителям выбрать ту систему, которая им подходит больше.

Общеизвестно, что хорошее образование является одним из важнейших каналов усиления социальной мобильности в обществе и служит своеобразным социальным лифтом, поднимающим людей снизу в более высокие страты общества. Поэтому огромную роль играет качество образования.

Сегодня условием выживания как государственного, так и негосударственного образования является качественное обучение. В последние годы все более усиливается конкуренция на рынке образовательных услуг. Поэтому вузы, понимая необходимость наращивания научного потенциала для повышения качества обучения, формируют собственный высококвалифицированный штат преподавателей, а также стремятся привлекать известных российских и зарубежных ученых. Преподаватели вузов активно участвуют в работе научно-практических конференций, проходят стажировки в других вузах и за рубежом.

Все это, несомненно, способствует повышению качества оказываемых услуг. Применение инновационных подходов в обучении и более полная реализация личностного потенциала каждого студента в дальнейшем позитивно сказываются на успешности трудоустройства и профессиональном росте молодых специалистов.

Исследователи отмечают, что образование является эффективным только тогда, когда в его основе лежат опирающиеся на

¹ **Заборова Е. Н.** Студенты об институте негосударственного высшего образования // Соц. исслед. 1999. № 11. С. 97–99.

² **Закс Л., Зборовский Г., Кошечева И., Шуклина Е.** Негосударственное образование в оценках студентов // Высшее образование в России. 2002. № 6. С. 95–105.

науку представления о путях формирования и развития человека и механизмах усвоения им культуры. Поэтому задача воспитания из студента не просто профессионально подготовленного специалиста, но и культурного человека с высокими духовными интересами всегда относилась к числу приоритетных в системе высшего образования.

Молодых людей, получающих высшее образование, необходимо учить видеть сложность и многогранность нравственной природы человека, учить воспринимать и разрешать множество моральных проблем. Повседневные образовательные практики студентов важно направлять на понимание того, что порядочность, честность – не громкие слова и не пустые понятия, а ориентиры в жизни.

Повышению общекультурного уровня студентов должны способствовать не только гуманитарные дисциплины, такие, как культурология, социология, эстетика и др., но и развитая потребность к самосовершенствованию, которая будет непрерывно стимулировать личность к постоянному творческому обновлению и развитию на протяжении всей жизни.

Необходимо, чтобы система образования служила интересам каждого человека, учитывая при этом его интеллектуальные способности. Поэтому традиционное образование должно быть трансформировано в такой социальный институт, который был бы способен предоставлять человеку разнообразные образовательные услуги, позволяющие учиться непрерывно. Ценности образования должны занять видное место в структуре повседневных жизненных практик.

Для решения этих задач в последнее десятилетие, наряду с традиционными формами обучения, активно используется дистанционное образование, значение которого с каждым годом растет. Дистанционное образование дает возможность создания эффективных систем обучения, реализующих принцип большей доступности образования. Новый вид образования позволяет людям, которые по каким-то причинам не имеют возможности воспользоваться услугами очного обучения, получить качественное образование.

Одним из основных инструментов решения проблемы качества образования становится всеобщая компьютеризация образования и внедрение соответствующих информационных технологий. Применение современных информационных технологий в

дистанционном обучении позволяет создать открытое образовательное пространство, в котором учащийся является не объектом, а субъектом образования, самостоятельно формирующим и контролирующим свою образовательную траекторию.

Традиционная система образования в результате возникновения и широкого распространения новых информационных технологий приобрела мощного конкурента в виде самообразования. Более того, прогнозируется, что «объективные тенденции актуализации самообразования будут все увереннее пробивать себе дорогу. Необходимость уметь добывать материал заставит индивида апеллировать все больше к различным формам самообразования, нежели к взаимодействию с образовательным учреждением и его педагогами»³.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что повседневные образовательные практики должны способствовать развитию человеческих ресурсов, создавать механизм отбора личностей в соответствии с их способностями и талантами. Образование призвано развивать способности индивидов и используется как средство социальной селекции, причем такой, которая базируется в большей мере на личных достижениях его субъектов.

В высших учебных заведениях необходимо создавать условия, стимулирующие развитие талантов личности и ее уникальных способностей. В настоящее время это осознается многими преподавателями как государственных, так и негосударственных вузов.

³ Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Образование как ресурс информационного общества // Соц. исслед. 2005. № 2. С. 111.

*Е. П. Шихова**

Дети в семье – иметь или не иметь: социологический анализ

В последние десятилетия многие осознают всю важность проблем, связанных с семьей, подтверждают это и многочисленные исследования. Следует подчеркнуть, что исследователей, занимающихся семьей, в большей степени интересуют супружеские отношения и в меньшей степени – планирование детей. Семья – это сложная социальная система, и не менее интересен ее репродуктивный аспект.

Проблема репродуктивного здоровья нации чрезвычайно актуальна, и это связано не только с перспективой развития человечества в целом, но и с рядом других причин и факторов. На протяжении всей истории человечества репродуктивная функция у людей приспосабливается к изменяющимся условиям их жизни за счет регулирующего влияния физиологических механизмов и социальных условий. Статистические данные выявили увеличение бездетности с 1900 года, и рост этого явления продолжается до настоящего времени. Социологи пишут о новой эре – «новом режиме рождаемости», и предсказывают, что низкая рождаемость сохранится.

В современной семье небольшое количество детей, особенно у горожан. Нормой становятся семьи с одним–двумя детьми. Сложная демографическая ситуация, возникшая в России, заставила власти обратить внимание на вопросы рождения, на условия жизни в российской семье. С высоких трибун зазвучали слова «рождаемость, материнство, перинатальные центры, детство». В массовом сознании распространена идея безусловного инстинкта материнства. Редко кто говорит об инстинкте отцовства. А между тем материнство и отцовство – функции, не природой данные, а формируемые обществом. И раз меняются потребности общества, меняются функции и распределения ролей в семье.

* *Елена Павловна Шихова* – аспирантка кафедры социологии гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

Современная семья в своих формах достаточно многообразна. Семейные отношения в наше время претерпевают колоссальные изменения и имеют ряд психологических особенностей, характерных только для них. Среди альтернативных форм брачно-семейных отношений широкое распространение получает сознательно бездетный брак. Это чревато перспективой бездетности в силу возрастных особенностей репродуктивной функции и ухудшением демографической ситуации в стране в целом. Ведь это «репродуктивный резерв» общества. Нужно сказать, что планирование семьи, сознательное, уважительное отношение к зарождающейся жизни помогут заранее устранить или свести к минимуму многие факторы, оказывающие неблагоприятное воздействие как на будущего ребенка, так и на взаимоотношения в семье и на общество в целом.

Проведено исследование социальных и психологических факторов бездетности и сопоставление уровня тревожности и удовлетворенности браком в следующих категориях семей: 1-я группа – бездетные семьи, 2-я группа – семьи, имеющие детей, 3-я группа – семьи, сознательно отказывающиеся от рождения детей. Изучались 45 супружеских пар, по 15 пар в каждой группе, выборка была гомогенизирована по следующим признакам: по возрасту, по полу, по семейному положению. Первая и вторая группы были разбиты на подгруппы в соответствии с возрастными градациями. Третья группа испытуемых не была разбита на возрастные подгруппы, исследовались молодые пары не старше 30 лет.

В соответствии с целью исследования была сформирована следующая тестовая батарея: тест Спилбергера на проявление тревожности (как состояния); тест Тейлора на проявление личностной тревоги; тест на удовлетворенность браком; клиническое интервью.

Было выявлено (см. табл.), что существуют выраженные различия у мужчин и женщин из разных категорий семей по уровню тревожности и удовлетворенности брачными отношениями. Однако значимых различий между супружескими парами разных категорий не выявлено. Отмечается тенденция, что в инфертильных парах уровень тревожности выше, чем в семейных парах, имеющих детей, или парах, сознательно бездетных. Удовлетворенность браком в инфертильных семьях выше, чем в парах, имеющих детей, но ниже чем, у сознательно бездетных. Мы предполагаем, что это обусловлено невозможностью «реализовать себя в детях» и

подтвердить свою идентичность через рождение детей. На удовлетворенность браком, возможно, влияет высокий уровень идентификации супругов.

**Средние показатели тревожности
и удовлетворенности браком всех испытуемых (баллы)**

Возраст женщ./муж. (годы)	Уровень личностной тревожности по тесту Спилбергера			Уровень реактивной тревожности по тесту Тейлора			Уровень удовлетворенности		
	1 гр.	2 гр.	3 гр.	1 гр.	2 гр.	3 гр.	1 гр.	2 гр.	3 гр.
25\30	46	39	37	28	21	17	27	34	40
31\36	45	43		23	19		33	34	
37\42	50	44		27	19		33	34	

В результате математической обработки данных мы установили, что имеются неслучайные различия по уровню исследуемого признака у мужчин и женщин из разных категорий семей.

Выявлена тенденция к повышению с возрастом уровня личностной тревожности у всех исследуемых женщин. У инфертильных женщин уровень тревожности увеличивается до значительных показателей. Это можно объяснить угасанием физических сил и привлекательности и нежеланием женщин мириться с физическим старением, а у инфертильных женщин это может усугубляться нереализованным чувством генеративности.

Статистически доказано, что мужчины в бездетных семьях имеют высокий уровень тревожности, по сравнению с другими, и более удовлетворены брачными отношениями по сравнению с мужчинами из семей, где есть дети. Возможно, в этих парах мужчины могут испытывать больше ответственности и меньше внимания со стороны своих жен. В сознательно бездетном браке мужчины менее всего тревожны и более всего удовлетворены семейными отношениями. Возможно, все это связано с возрастом и достаточно свободным образом жизни. Эти мужчины не обременены заботой и ответственностью за детей. Для них характерны стремление к гедонизму и индивидуализм. Можно предположить, что эти союзы переживают в данный момент романтические периоды своей супружеской жизни, и совместное времяпровождение чаще всего проходит в досуговом режиме, что само по себе исключает тревожность.

Многие молодые люди хорошо понимают, что дети это «экономически невыгодно», а нестабильность экономики в стране, процессы урбанизации, безработица, неопределенность в будущем не способствуют рождению детей. Кроме того, на современном этапе возрастают требования общества к качеству работника и личности в целом, а наличие детей может затормозить карьерный и профессиональный рост. Мы можем предположить, что в этих супружеских парах еще не сформировалась психологическая готовность к рождению детей. Готовность эта предполагает совместную потребность в детях и ответственность за будущего ребенка.

Опираясь на полученные результаты, можно отметить, что желание молодых людей иметь детей в семье имеет социально-психологическую природу. И подходить к коррекции этого феномена нужно интегративно, а не с позиций какой-то одной науки – медицины, психологии, социологии, философии или образования, и именно это, на наш взгляд, будет иметь правильную направленность, поэтому необходима организация социально-психологических приемов на базе консультативно-диагностических поликлиник, центров различного уровня.

Создание в семье здорового микроклимата – задача актуальная и посильная для многих. К этому нужно стремиться и учиться этому. И у молодых людей есть это желание, и это подтверждается исследованиями: 32 % опрошенных хотели бы получить психологическую, социальную консультацию. Это желание выражает стремление супругов к оптимизации семейных отношений и семейной культуры в целом.

Ход проделанной работы показал, что на микроклимат семьи могут влиять многие факторы; уровень культуры, ценностные ориентации и т. д. Интересно было бы рассмотреть оптимизацию социально-культурной атмосферы семьи и выявить факторы, влияющие на общую удовлетворенность, все это может стать предметом дальнейших исследований.

Научное издание

**Человеческая жизнь: ценности
повседневности в социокультурных
программах и практиках**

**Материалы X международной научно-практической
конференции Гуманитарного университета
(г. Екатеринбург)**

5–7 апреля 2007 года

Том первый

Редакторы:

Е. В. Головина, А. В. Гоштейн, С. В. Фельдман

Компьютерная верстка:

Т. В. Архипова, В. В. Курьянович

Подписано в печать 12.03.2007. Формат 60х90/16.
Бумага для множит. аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 39,07. Тираж 250 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19
Лицензия № 0329 от 13.10.2000

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «ИРА УТК»
г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42.